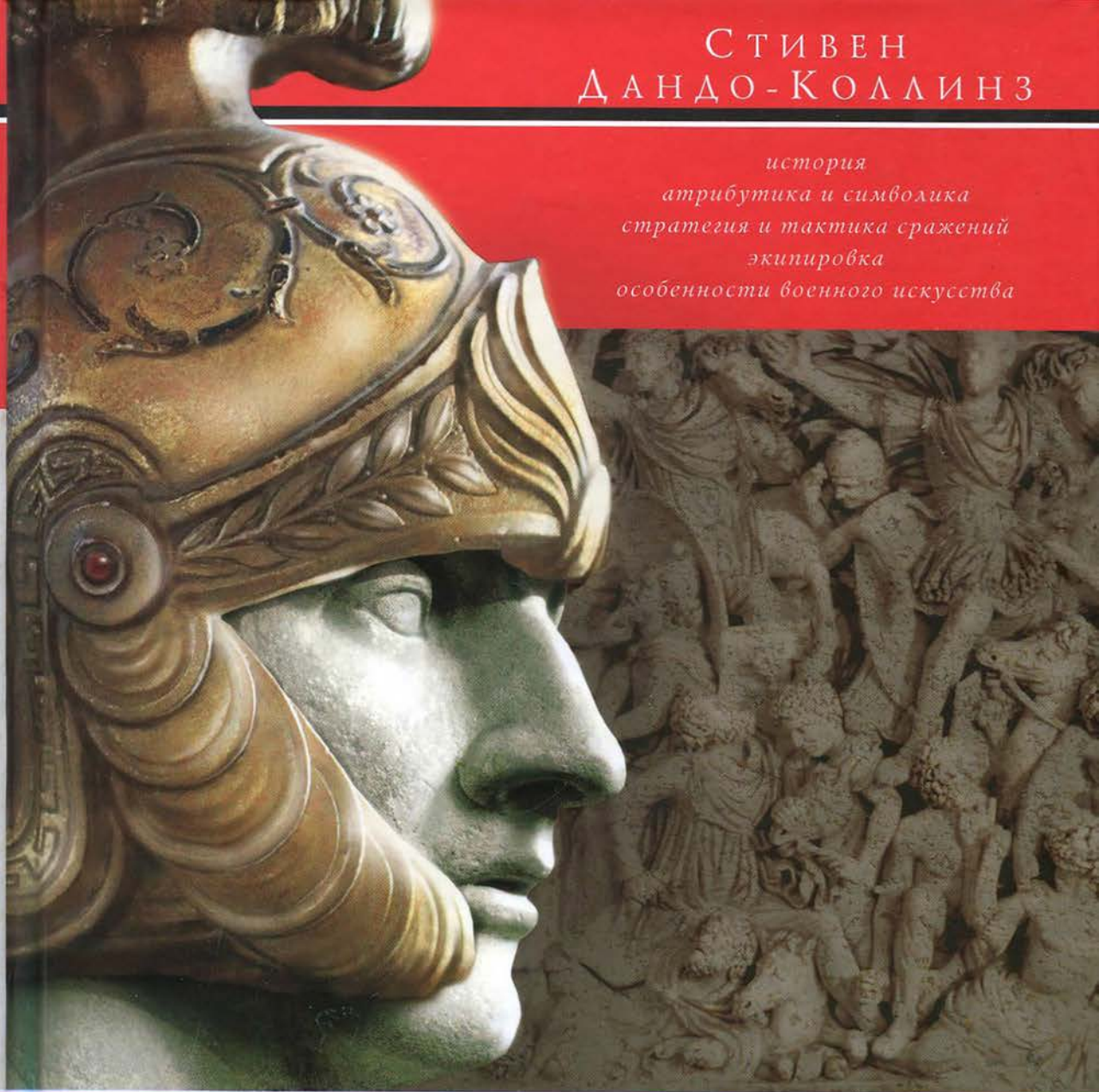

СТИВЕН
ДАНДО-КОЛЛИНЗ

СТИВЕН
ДАНДО-КОЛЛИНЗ

ЛЕГИОНЫ
РИМА

*история
атрибутика и символика
стратегия и тактика сражений
экипировка
особенности военного искусства*

ЛЕГИОНЫ
РИМА

Stephen Dando-Collins

LEGIONS
OF ROME

THE DEFINITIVE HISTORY OF EVERY
IMPERIAL ROMAN LEGION

Стивен Дандо-Коллинз

ЛЕГИОНЫ РИМА

ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ ВСЕХ ЛЕГИОНОВ
РИМСКИЙ ИМПЕРИИ

история

атрибутика и символика

стратегия и тактика сражений

экипировка

особенности военного искусства

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
GERZA SCAN

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32
Д17

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

First published in the UK by Quercus Publishing Plc

Оформление художника Е.Ю. Шурановой

Д17 Дандо-Коллинз Стивен
Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи / Пер. с англ. Н.Ю. Живловой. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. — 639 с.

ISBN 978-5-227-06185-0

Новый труд известного австралийского писателя Дандо-Коллинза, автора многих книг по истории Античности, посвящен имперским легионам Рима. Автор собрал и систематизировал сведения обо всех легионах Рима начиная с момента создания каждого из них, проследил их боевой путь, отмечая успехи и поражения в битвах. Дандо-Коллинз детально изучил условия отбора и методы военной подготовки легионеров, описал их вооружение, экипировку, воинские отличия и награды, систему заработной платы, особенности дисциплины и наказаний. Проанализировав структуру легионов, стратегию и тактику ведения боя, особое внимание автор уделит сражениям и завоеваниям Римской империи, а также представил портреты великих императоров и полководцев.

Книга, являющаяся уникальным и полным справочником по истории римских легионов, включает более 150 карт, фотографий, диаграмм и планов сражений.

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

Legions of Rome
Copyright © Stephen Dando-Collins 2010
© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015
© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

ISBN 978-5-227-06185-0

*Луизе, которая воюет на моей стороне,
и Ричарду, который всегда сражается за доброе дело*

ВВЕДЕНИЕ

Римский легион императорской эпохи был торжеством организованности. Его базовая структура была настолько эффективна, что армии продолжают ее использовать и до сего дня: армейские команды, взводы, роты и дивизии — это древние контубернии, центурии, когорты и легионы. Императорский легион, созданный Августом, был чем-то вроде гигантского детского конструктора, где каждый компонент — от тяжелой пехоты до кавалерии, от артиллерии до вспомогательной легкой пехоты — можно было легко присоединить к другому, чтобы получить прочную, самодостаточную военную машину.

Эффективность организационной структуры, подготовка и тактика легионов внушали почти тотальный страх: они получили всеобщее признание, и многие заклятые враги Рима использовали их против самих римлян. Люди, которые некогда служили в римской армии и решили поднять восстание против Рима, не только организовывали свои собственные

войска по римскому образцу: их близкое знакомство с тем, как функционировал легион, позволяло использовать тактику, которая была по немногим слабым местам. Именно поэтому Арминию удалось уничтожить Вара и три его легиона в Тевтобургском лесу в Германии, Такфаринат смог годами терроризировать Северную Африку, а Цивилис отнял у Рима Рейн и семь легионов и угрожал вывести всю Галлию из-под римского контроля.

Структура легионов, первоначально однородная, в результате массовых призывов в отдельных областях провинций становилась все больше и больше этнически разнообразной: люди с противоположных концов Римской империи приносили с собой в свои легионы самые разные обычаи, диалекты и религиозные обряды, и это совсем не мешало работоспособности боевой единицы в целом. Отчасти это можно отнести на счет того, что, как и современные боевые подразделения, легионы веками обладали сильным чувством «кор-

поративного» единства: командиры рассказывали о том, как отличались в бою ветераны, чтобы воодушевить своих воинов к еще большим подвигам.

Замечательно, что, хотя все императорские легионы происходили от общих корней, использовали одинаковую тренировку и экипировку, их фактическая боеспособность была разной. На одни легионы всегда можно было положиться, а другие не оправдывали возложенных на них надежд. Бывали и такие, кто, однажды потерпев неудачу, позднее покрывали себя славой, одерживая громкие победы. А иные не могли подтвердить делом свою былую славу. Например, те самые легионы, что были уничтожены вместе со своим командиром Варом в Тевтобургском лесу, Веллей, офицер, который служил с ними на Рейне, считал одними из лучших и храбрейших в Риме. Однако продуманная тактика нападавших и плохое руководство со стороны командира привело к полному разгрому.

Вопрос командования снова и снова возникал в истории легионов. Так, например, XII Молниеносный легион, которым плохо командовали, во время первой малоудачной попытки подавить восстание иудеев в I веке н. э. опозорил себя, позволив мятежникам захватить своего орла. Век

спустя тот же самый легион вернул себе репутацию, когда мужественно стоял во время бури, спасая своего командира Марка Аврелия от окружавших римлян германских орд. Точно так же XIV легион, Сдвоенный Марсов Победоносный, находясь в подавляющем меньшинстве, завоевал славу, подавив мятежников Бодикки в Британии.

Первый и первая половина II века н. э. стали золотым веком легионов: огромные армии числом до 100 тысяч легионеров с примерно таким же числом вспомогательных войск сметали перед собой все, и легионер мог надеяться уйти на пенсию, разбогатев от завоеванной добычи. Со смертью императора Траяна в 117 году н. э. ситуация изменилась. Римские войска, растянутые вдоль плохо охранявшихся границ, были вынуждены непрерывно обороняться. Вскоре империю стали постоянно раздирать внутренние противоречия. Зачастую контроль центра терялся, потом империя его возвращала и снова теряла.

В ходе этого падало качество подготовки как самих людей, так и подразделений в целом, поскольку военачальники все больше и больше принимали на службу иностранных наемников и перенимали чуждые римлянам методы, создавали новые и новые боевые единицы и меняли организацион-

ные структуры легионов. Вместе с этими изменениями пришли постоянные поражения, которые влекли за собой новые перемены, еще больше ослаблявшие армию. Лишь иногда случайное появление великого полководца останавливало обвал упадка и даже давало надежду на возвращение славных дней, но всегда лишь пока был жив командир.

Длительным существованием Римская империя полностью обязана своим легионам. Когда легионы были сильны, был силен Рим. И наоборот, распад поздней империи целиком и полностью был вызван распадом легионов как эффективных боевых единиц. В конце IV века так называемая *Notitia Dignitatum* («Роспись чинов») перечисляет сотни легионов и вспомогательных единиц того времени, однако боевые единицы были маленькими: многие из них были всего лишь пограничными отрядами, а некоторые, вероятно, вообще существовали только на бумаге. Даже самые элитные отряды, которые тогда были на службе Рима, бледнели по сравнению с легионерами Августа. Обращение Вегетия к императору Валентиниану непосредственно перед созданием *Notitia Dignitatum* с призывом вернуть старую структуру, вооружение и подготовку пропало втуне.

Когда в 398 году последний великий полководец Рима, Сти-

лихон, сын вандальского кавалерийского командира, собрал в Северной Италии экспедиционный корпус, чтобы отбить Африку у мятежного наместника Гильдона, положение легионов отражало положение империи. Войско Стилихона было организовано в Медиолане (Милан), который тогда заменил Рим в качестве имперской столицы Запада, и отплыло из Пизы в Тоскании, а не от одной из старых имперских баз флота в Мизене или Равенне. Армия состояла из легионов, в числе которых были Иовии, Геркулии и III Августов легион, и множество вспомогательных единиц — хотя различие между легионерами и вспомогательными войсками стерлось с 212 года, когда декрет Коммода сделал всех жителей империи римскими гражданами.

Однако в семи подразделениях этого экспедиционного корпуса насчитывалось не более 5 тысяч воинов; большинство из них — галльские ветераны. Некогда гордые легионы Рима съезжились до отрядов числом около тысячи человек — меньше одной пятой численности легиона при Августе. Подготовка, экипировка и тактика также претерпели разительные изменения со времен Августа. Теперь легионеры использовали легкие доспехи и оружие. Незадолго до этого целые подразделения от-

брасывали свою броню и шлемы, заявляя, что они-де слишком тяжелые, и сражались без защиты; последствия, как и следовало ожидать, были фатальными.

Войска Стилихона отвоевали Африку, хотя ему даже не пришлось доставать мечи из ножен — один лишь вид их стройных рядов заставил войска мятежника Гильдона обратиться в бегство. Однако три года спустя все было по-другому, когда визиготы Алариха вторглись в Италию. Легионы Стилихона, которые вывели из Британии и с Рейна, чтобы спасти Италию, могли под вдохновенным руководством командира сражаться в кровавых битвах и отважно вести осады, изгоняя визиготов из Италии. Однако едва Стилихон умер, как те же самые легионы были уничтожены Аларихом, который в 410 году н. э.

осуществил свой честолюбивый замысел и захватил Рим.

Перед вами — полная история имперских легионов Рима. От армии, сформированной Августом — через раннюю фазу головокружительной экспансии империи с ее завоеваниями, мятежами и саморазрушительными гражданскими войнами, — до долгого и мучительного упадка, когда в попытках сохранить завоевания прошлого римляне иногда ограничивали напор варваров, но в конце концов неминуемо ему уступили.

Несмотря на свой бесславный конец, до сего дня и тысячи лет спустя после своего создания легионы остаются наиболее выдающимся примером того, как тщательная организация, строгая дисциплина и вдохновляющее руководство могут сделать из кучки людей команду победителей.

Стивен Дандо-Коллинз

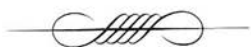
Март 2010 г.

Ч А С Т Ь

Л Ю Д И

*В каждой стране есть
отважные люди и трусы,
но точно так же известно,
что некоторые народы
более воинственны,
чем другие.*

ВЕГЕЦИЙ

О военном деле, IV в. н. э.

В течение веков миллионы людей служили в армии императорского Рима — полмиллиона только в ходе правления Августа. История легионов — коллективная история отдельных людей, а не просто история знаменитых римских полководцев. Это были такие люди, как Тит Флавий Вирилис, все еще служивший центурионом в возрасте 70 лет. И Тит Калидий, декурион кавалерии, которому так не хватало солдатской жизни, что, уйдя в отставку, он вернулся в армию в более низком ранге помощника центуриона. И Нованций из современного Лестера, сражавшийся в британских вспомогательных войсках: он заработал себе отставку на тринадцать лет раньше срока за доблестную службу во время завоевания Дакии во II веке. Любое исследование легионов должно начинаться с людей, с того, как они были организованы, какая у них была экипировка и в каких условиях они служили.

I

КАК ВСЕ НАЧАЛОСЬ

Легионы Помпея, Цезаря, Августа, Веспасиана, Траяна и Марка Аврелия ведут свое начало от Римской республики V века до н. э. Первоначально римских легионов было всего четыре — легионы с I по III (номер IV легиона писался как III, а не IV). Каждый из двух консулов командовал двумя из этих легионов, получив приказ «Пусть позаботятся, дабы не получило государство какого-либо ущерба, оба консула вместе или каждый в отдельности» (*Vege.* III).

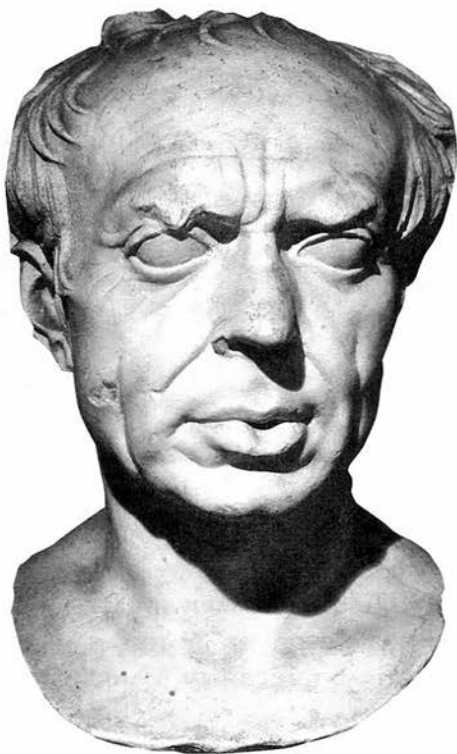
Все легионеры были римскими гражданами, владевшими собственностью; их призывали весной каждого года в армии двух консулов. Слово «легион» (по-латыни *legio*) и значит «набор, призыв». Служба обычно заканчивалась праздником Октябрьского коня 19 октября, который служил концом сезона войны.

Мужчин «призывного возраста» (от 16 до 46 лет) выбирали в каждый легион голосованием; самым престижным считался I легион. Армию Рима поддерживали легионы союзных италийских племен. Легионеров ранней республики назначали в одно из четырех подразделений внутри легиона на основе возраста и имущественного ценза. Самых молодых людей определяли к *велитам*, следующих по возрасту — в *гастаты*; мужчин в расцвете силы — в *принципы*, а самых возрастных — в *триари*. У каждой группы была своя роль и своя экипировка. Ко временам Юлия Цезаря призванный в армию солдат пехоты республики должен был служить в легионах на срок до шестнадцати лет и в случае крайней необходимости этот срок мог быть продлен до двадцати лет.

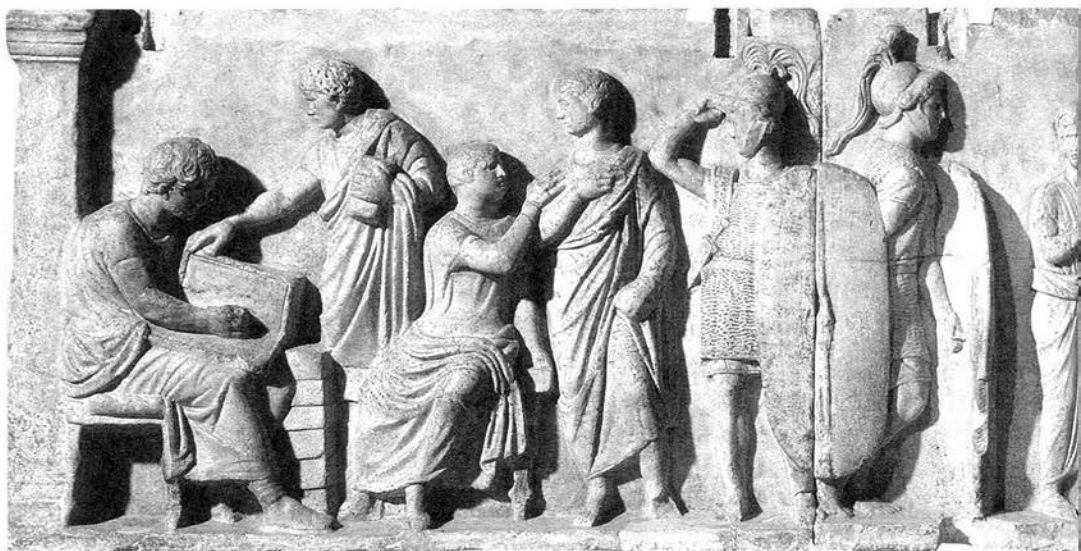
Первоначально республиканский легион состоял из 4200 человек. Во время большой опасности это число можно было довести до 5 тысяч (*Poly. VI, 21*). К 218 году до н. э., когда шла война между Римом и Карфагеном, консульские легионы состояли из 5200 человек пехоты и 300 кавалеристов, что приближалось к составу имперского легиона. Со 104 года до н. э. армия Римской республики пережила значительную перестройку, осуществленную консулами Публием Рутилием Руфом и Гаем Марием. Рутилий ввел в армии строевую подготовку и преобразовал процесс назначения старших офицеров. Марий упростил требования для зачисления в армию, так что теперь служить должны были не только те, кто владел собственностью. Если человек не являлся на армейскую службу, то призывника объявляли дезертиром: это преступление каралось смертной казнью.

Легионеру платили за день службы — в течение многих лет эта плата составляла 10 ассов в день. Он также имел право на доход с любого оружия, экипировки или одежды, которые он снял с мертвого врага, а также право на долю добычи, которую приобрел его легион. Если легион брал город штурмом, то легионеры получали доход от всего, что в нем было, — людей и всего остального: добычу продавали торговцам, которые следовали за легионами. Однако если город сдавался, то командир римской армии мог решить пощадить его. Следовательно, легионеры не были заинтересованы в том, чтобы поощрять осажденные города сдаваться.

Марий сосредоточился на том, чтобы сделать легионы независимыми подвижными соединениями тяжелой пехоты. Силам союзников

Республиканский консул Гай Марий преобразовал легионы в I в. до н. э. После того как он снял большую часть багажа с обозных повозок и нагрузил им легионеров, их прозвали «мулы Мария»

Республиканские легионеры. С алтаря Домиция Агенобарба

отводилась вспомогательная роль. Чтобы увеличить мобильность, Марий сбросил большую часть личной экипировки воинов с огромных обозов, которые до этого шли за легионами, и возложил ее на плечи солдатам; тем самым величина обоза была значительно сокращена. Легионеры той эпохи, которые несли на шестах вещи весом до 100 футов (45 килограммов), получили прозвище «мулы Мария».

До того времени основной тактической единицей легиона была манипула из 160–200 человек, но под влиянием Мария новой единицей стала когорта из 600 воинов, так что в легионе I века до н. э. было десять когорт — всего 6 тысяч человек.

Полвека спустя Юлий Цезарь переформировал легионы в соответствии с собственным вкусом и динамичным стилем. Из двадцати восьми легионов новой постоянной армии Августа в 30 году до н. э. некоторые были основаны Цезарем, а другие обучены им.

Камея с изображением Августа в начале его царствования

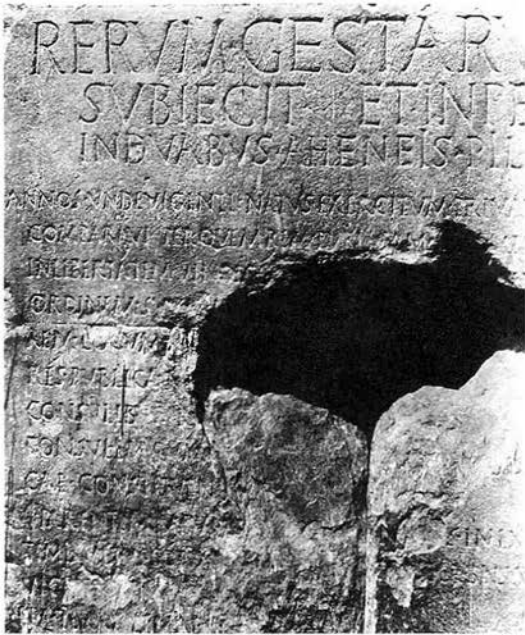

Гражданская война между мятежником Цезарем и силами республиканского сената, которыми руководил их командир Помпей Великий, создала неутолимую потребность в военной силе. В битве при Фарсале в 48 году до н. э. Цезарь руководил частями из девяти легионов; Помпей — двенадцати. В битве при Филиппах в 42 году до н. э., спустя два года после убийства Цезаря, когда Марк Антоний, Марк Лепид и Октавиан одолели так называемых «освободителей» — Брута и Кассия, принимали участие более сорока легионов.

II ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА АВГУСТА

Император Август (так стали называть Октавиана с 27 года до н. э.), окончательно победив Антония и Клеопатру в 30 году до н. э., полностью преобразовал римскую армию.

В профессиональной армии Августа легионер воевал «на полной ставке»; иногда это был доброволец, но чаще — призывник, который подписывался изначально на шестнадцать, позднее — на двадцать лет. К концу своего сорокатрехлетнего царствования Август смог похвастаться: «Тысяч римских граждан, приведенных к присяге мне, было почти пятьсот. Из них я вывел в колонии или оставил в их муниципиях, когда они отслужили, тысяч значительно более трехсот, и всех их наделил землями или деньгами наградил за военную службу» (*Res Gest.* I, 3). Эту выплату

«Деяния» (Res Gestae) — рассказ самого Августа о своих достижениях, записанный на бронзовых таблицах в храме Рима и Августа (современная Анкара, Турция)

при выходе на пенсию Август привел к определенному стандарту: 12 тысяч сестерциев для легионеров и 20 тысяч для воинов преторианской гвардии. После завершения военной службы имперский легионер мог быть снова призван в случае необходимости в ополчение легионеров в отставке — эвокатов.

После смерти Антония под командованием Августа оказалось примерно шестьдесят легионов. Многие из них вскоре были распущены. «Остальные, — писал Дион Кассий, — самим Августом и последующими императорами объединены с другими армиями, почему и получили обозначение двойных» (*Dio. LV, 23*). Таким образом, Август создал постоянную армию из 150 тысяч легионеров в двадцати восьми легионах, которых поддерживало 180 тысяч

вспомогательных войск — пехотинцев и кавалерии, расквартированных по всей империи. Он также создал морской флот с двумя основными боевыми флотами, укомплектованными моряками, и несколько флотилий поменьше. Кроме того, Август использовал в Риме специализированные войска — элитную преторианскую гвардию, городскую стражу, вигилов или ночную стражу и императорских телохранителей — германскую гвардию.

В 6 году н. э. Август учредил в Риме военную казну, первоначально используя для этого свои собственные средства, которые были даны от его имени и от имени Тиберия, который в конце концов стал его наследником. Для управления военной казной он назначил трех бывших преторов, прикомандировав к каждому двух секретарей. Постоянный недостаток в средствах в военной казне покрывался налогом на смерть, которым облагались все наследства, за исключением тех случаев, когда наследоприематель был ближайшим родственником усопшего или мог доказать, что является бедняком.

III ПРИЕМ НА СЛУЖБУ И УВОЛЬНЕНИЕ В ЗАПАС

В легионах императорского Рима служили и добровольцы — «преимущественно бедняки и бродяги» (*Tac. A. IV, 4*). Однако большинство легионеров были призваны на военную службу. Критерии отбора, установленные Августом, требовали мужчин в полном расцвете сил. В легионе использовались навыки, которыми обладал призывник «на гражданке»: кузнецы служили оружейниками, портные и башмачники делали и чинили униформу и обувь для легионеров. Неквалифицированных рекрутов направляли на разные задания, например в разведку или в артиллерию. Однако, когда приходило время битвы, все занимали место в боевых рядах.

Раб, который пытался вступить в легион, мог ожидать, что если это вскроется, то его казнят (как произошло в случае, по поводу которого Плиний Младший, когда он был правителем провинции Вифиния—Понт, обратился к императору Траяну). И наоборот, во время начала царствования Августа было вполне обычным делом, когда свободные люди изображали из себя рабов, чтобы их не забрали в легионы или в преторианскую гвардию, в то время как *конквизиторы*, или офицеры, занимавшиеся вербовкой, периодически обходили призывные округа. Это стало такой проблемой, что приемный сын Августа Тиберий был вынужден провести расследование по баракам для рабов по всей Италии: их владельцы брали взятки от свободных людей и прятали их в бараках в то время, когда конквизиторы пытались пополнить ряды призывников (*Suet. III, 8*).

Когда Тиберий стал императором, проблема заполнения пустых мест в рядах легионов стала еще более сложной. Веллей Патеркул, который служил при Тиберии, льстиво, но при этом достаточно красноречиво рассказывает о призыве легионов примерно в 30 году н. э.: «При каком спокойствии людей он осуществил набор войска, предмет постоянного и чрезвычайного страха, без смятения среди избранных!» (*Velle. II, CXXX*). Тиберий, который следовал политике Августа — не набирать легионеров в Италии к югу от реки По, — значительно расширил набор в провинциях.

Легионерам не разрешалось жениться. Браки рекрутов, которые были женаты во время призыва, аннулировались, и им приходилось ждать, пока не заканчивался период призыва на военную службу, что-

бы жениться официально. На самом деле при лагерях всегда было много «военно-полевых жен» и многие состояли в неофициальном браке. Император Септимий Север отменил этот закон о браке, так что с 197 года легионеры, находившиеся на военной службе, уже могли жениться.

В течение многих десятилетий у каждого имперского легиона был свой собственный, отведенный для него призывной округ. Например, III Галльский в течение многих лет набирался в Сирии (несмотря на свое название), в то время как оба VII легиона набирались в Восточной Испании. Ко второй половине I века ради удобства призывные округа стали перемещаться, например, XX легион, который до этого времени набирался в Северной Италии, начал все больше и больше пополняться солдатами с Востока.

Когда легион набирался первоначально, воины призывались во множестве, и это означало, что легионеры, которые выжили после боевых ранений и болезней, позднее выходили на пенсию все вместе. В результате, как заметил шотландский историк доктор Росс Коуэн, «Риму приходилось пополнять значительную часть войск в легионе за один прием» (Cow. RL 58–69). Когда приходило время отпуска и нового набора, всех рекрутов набирали в одно и то же время. Хотя официально минимальным возрастом считалось 17 лет, средний возраст рекрутов был примерно 20.

Некоторые старые служаки оставались в легионе и после того, как приходил срок их пенсии, и их часто повышали в должности до опциона или центуриона. Есть многочисленные надгробные камни воинов, служивших намного дольше, чем двадцатилетний срок призыва. Основываясь на данных таких надгробных надписей, многие историки считают, что во второй половине I века все призывы легионеров везде были продлены с двадцати до двадцати пяти лет, хотя точных данных на этот счет нет.

Легионы редко получали солдат, чтобы пополнить свои поредевшие ряды, когда текущий призыв приближался к концу своих двадцати лет. По свидетельству Тацита, легионы получали замену только дважды — в 54 и в 61 годах н. э.; в обоих случаях обстоятельства были чрезвычайными. Поэтому нередко легионы сражались, когда число людей в них было намного ниже оптимального (Cow. RL 58–69).

К 218 году массовые увольнения в запас практически ушли в прошлое. Тяжкие потери, которые понесли легионы во время войн Марка Аврелия, Септимия Севера и Каракаллы, означали, что легионы

приходилось снова и снова пополнять, или они должны были перестать быть эффективными боевыми единицами. Недолго правивший император Макрин (217–218 н. э.) намеренно затягивал набор легионов, поскольку «надеялся, что новобранцы, прибывавшие в армию небольшими группами, не станут затевать мятеж» (*Dio. LXXIX, 30*).

В 216 году до н. э. две предыдущие клятвы верности объединили в одну — *ius iurandum*, которую брали у новобранцев легиона их трибуны. Начиная с царствования Августа — первоначально 1 января, затем — 3 января воины каждого легиона ежегодно обновляли клятву верности на массовых собраниях: «Так вот воины клянутся, что они будут делать старательно все, что прикажет император, никогда не покинут военной службы, не откажутся от смерти во имя Римского государства» (*Vege. II*).

Вступая в легион, легионер освобождался от налогов и больше не подлежал действию гражданского права. Раз он оказался в армии, его жизнь теперь подчинялась военным законам, которые во многих отношениях были суровее гражданских.

Легионеры служили писарями, оружейниками, портными и т. п., а также воевали в рядах армии. Уже давно известно, что в легионах были и свои военные врачи. На этой сцене с Колонны Траяна медики, которые помогают как легионерам, так и бойцам вспомогательных войск во время сражения в Дакии, сами являются бойцами вспомогательных частей

IV ОСОБЫЕ ОБЯЗАННОСТИ

Штаб-квартира легиона включала в себя адъютанта, клерков и дежурных, которые состояли в легионе. Последние (их называли *бенефициариями*) были освобождены от обычных обязанностей легионеров: зачастую это были пожилые люди, которые отслужили полный срок, но остались в армии.

V

ДИСЦИПЛИНА И НАКАЗАНИЯ

От солдата он требует столько же повиновения и дисциплины, сколько храбрости и геройства.

Юлий Цезарь.
Записки о галльской войне. VII, 52

Строгая дисциплина, безоговорочное послушание и суровая боевая подготовка сделали римских легионеров устрашающими воинами. Римская военная подготовка должна была не только научить мужчин пользоваться оружием: она была специально нацелена на то, чтобы легионеры стали физически и умственно прочными боевыми машинами, которые без тени сомнения повиновались командам.

В качестве одного из признаков своего ранга каждый центурион нес с собой стебель лозы — предшественницу офицерской тросточки в ряде современных армий. Центурионы могли как хотели пользоваться своими палками, чтобы безжалостно избивать любого легионера за мелкие промахи. Один центурион, по имени Луцилий, которого убили в 14 году н. э. во время мятежа в Паннонии, имел привычку зверски ломать свою палку об спину легионера и потом кричать: «Давай другую!» — эта фраза стала его прозвищем (*Тас. А. I, 23*).

За более серьезные проступки легионер, которого признал виновным военно-полевой суд, состоявший из трибунов легиона, мог быть приговорен к смерти. Полибий описывает преступления, за которые в 150 году до н. э. можно было получить смертный приговор: кража вещей в лагере, лжесвидетельство, гомосексуальные прегрешения, совершенные взрослыми мужчинами, а также и меньшие проступки, если преступник уже наказывался за них раньше три раза. Позднее смертную казнь назначали также за сон на дежурстве. Казнь также ждала тех, кто сделал ложный доклад своему командиру о собственной храбрости на поле битвы, чтобы получить отличие; тех, кто дезертировал со своего поста в войсках прикрытия, и тех, кто от страха бросил свое оружие на поле брани (*Ролу. VI, 37*).

Если целые боевые подразделения были замечены в дезертирстве или трусости, они могли быть приговорены к децимации — буквально к уменьшению на одну десятую. Виновные легионеры должны были тянуть жребий. Казнили каждого десятого, в то время как другие девять должны были совершить казнь. При децимации смертные при-

говоры приводились в исполнение с помощью дубинок или мечей или поркой — в зависимости от прихоти командира. Тех, кто остался жив в боевой единице, подвергшейся децимации, могли посадить на ячменный хлеб и воду и заставить спать вне стен лагеря, где не было никакой защиты от атак врага. Хотя как Юлий Цезарь, так и Марк Антоний подвергали свои легионы децимации, в императорскую эпоху такая форма наказания применялась редко.

Полководец I века Корбулон приказал вытащить одного солдата из траншеи, которую тот копал, и казнить на месте за то, что он при исполнении обязанностей не носил меча. После этого центурионы Корбулона напомнили своим людям, что они должны быть вооружены постоянно, так что один шутник легионер явился копать траншеи голым: из одежды у него был только кинжал на поясе. Корбулон чувством юмора не отличался и приказал вывести из окопа и казнить и этого солдата (*Тас. XI, 18*).

VI

ЗАРПЛАТА ЛЕГИОНЕРА

Юлий Цезарь удвоил базовую зарплату легионера с 450 до 900 сестерциев в год; именно такого и мог ожидать рекрут при Августе. Домициан в 89 году поднял плату до 1200 сестерциев (*Dio. LXVII, 3*). До этого римским воинам платили по 300 сестерциев три раза в год; Домициан увеличил эти выплаты до 400 сестерциев за раз (*Dio. LXVII, 3*).

Ежегодная зарплата легионера была сущей мелочью по сравнению со 100 тысячами сестерциев, которые получал *примитил* — самый старший центурион в легионе, и 400 тысячами, составлявшими плату легата, командовавшего легионом. Из платы легионера делались вычеты для покрытия определенных расходов, в том числе и вклады в погребальный фонд для каждого. В свою очередь, легионер получал дополнительно небольшие дотации на такие вещи, как гвозди для башмаков и соль.

Другим источником дохода легионера были донативы — бонус, обычно выплачивавшийся легионам каждым новым императором при вступлении на престол: обычной суммой было 300 сестерциев на каждого. Легионеры обычно получали и другой бонус, поменьше, на каждую последующую годовщину вступления императора на престол. Кроме того, императоры нередко оставляли многие тысячи сестерциев

каждому из своих легионеров в своем завещании. Доходы от военной добычи также могли быть довольно существенными. После того как Тит завершил в 70 году н. э. осаду Иерусалима, в Сирии поступило на рынок столько разграбленного золота иудеев, что цена на золото в провинции в одну ночь упала вдвое.

Легионер мог разместить свои сбережения в банк, который имелся на постоянной зимней базе легиона; банкиром в военном подразделении обычно выступал знаменосец. В 89 году н. э. Домициан ограничил сумму денег, которую каждый легионер мог держать в своем легионном банке, тысячей сестерциев — после того, как мятежный правитель использовал вклады из банков своих легионов для неудачного мятежа против императора (*Suet.* XII, 7).

Солдату, который храбро сражался, могли увеличить зарплату на 50 процентов или удвоить ее на всю остальную карьеру; соответственно, он получал титул *сесквиплицуария* или *дупликария*. Людей, которых наградили таким образом, в докладах военных подразделений о своей комплектации, которые подавали в штаб-квартиры округа, вносили в списки отдельно от прочих рядовых, непосредственно вслед за опционами и центурионами. Воины, обладавшие статусом дупликария, гордо упоминали об этом на своих надгробных камнях.

Чтобы завоевать популярность у легионеров, император Каракалла (211—217 н. э.), «великий любитель расточать деньги на воинов», повысил плату легионера и ввел для легионеров разные освобождения от службы (*Dio.* LXXVIII, 9). Сам Дион Кассий, который в то время был сенатором, жаловался, что плата добавила 280 миллионов сестерциев к расходам на содержание легионов (*Dio.* LXXIX, 36). В 218 году наследник Каракаллы Макрин объявил, что прибавка к жалованью коснется только служащих легионеров и что новым рекрутам с этого времени будут платить так же, как платили во время царствования отца Каракаллы — Септимия Севера. Это лишь ускорило свержение Макрина в том же году (*Dio.* LXXIX, 36).

VII
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОКУПАТЕЛЬНАЯ
СПОСОБНОСТЬ ЗАРПЛАТЫ ЛЕГИОНЕРА
(I—II ВЕКА Н. Э.)

ПРЕДМЕТ	СУММА (в сестерциях (HS))	ИСТОЧНИК
Ежегодное жалованье легионера (с царствования Домициана)	1200	Светоний («Жизнеописание двенадцати цезарей»)
Выплата легионеру при выходе на пенсию	12 000	Дион Кассий («История»)
Ежегодное жалованье центуриона	20 000	Dudley (RaiB)
Ежегодное жалованье, главный центурион ¹	100 000	Dudley (RaiB)
Ежегодное жалованье, прокуратор	60 000—100 000	Radice ¹
Ежегодное жалованье, старший проконсул, перфект Египта и старший легат	400 000	Radice
Выплата солдату преторианской гвардии при выходе на пенсию	20 000	Дион Кассий («История»)

¹ Бетти Рейдис (Betty Radice), издатель и переводчик, в примечаниях к книге *The Letters of the Younger Pliny* (Penguin Books, 1963).

ПРЕДМЕТ	СУММА (в сестерциях (HS))	ИСТОЧНИК
Стоимость небольшой фермы	100 000	Плиний Младший («Письма»)
Стоимость приобретения большого имения в Италии	3 000 000	Плиний Младший («Письма»)
Допустимая плата адвокату защиты в серьезном судебном деле	10 000	Плиний Младший («Письма»)
Стоимость пира, устроенного императором Вителлием (69 н. э.)	400 000	Светоний («Жизнеописания двенадцати цезарей»)
Приблизительная оценка состояния писателя и сенатора Плиния Младшего	15–20 000 000	Плиний Младший («Письма»)
Приблизительная оценка состояния Сенеки — главного секретаря Нерона (60 н. э.)	300 000 000	Тацит («Анналы»)
Размер состояния (личные средства), необходимого для причисления к сословию всадников	400 000	Дион Кассий («История»)
Государственная цена на зерно за четверть бушеля ¹	3	Тацит («Анналы»)
Ежедневная денежная подачка клиентам (sportula)	6 ¹ / ₄	Ювенал («Сатиры»)
Стоимость входа в общественные бани	¹ / ₁₆	Ювенал («Сатиры»)
Стоимость последней книги писателя Марциала	20	Марциал («Эпиграммы»)

¹ Б у ш е л ь = 9,08 л. (Примеч. пер.)

VIII ВОИНСКИЕ ОТЛИЧИЯ И НАГРАДЫ

Легионеры, которые отличились в бою, могли ждать не только денежных наград. На собрании, следовавшем за победоносным сражением, полководец обычно вызывал солдат вперед. О каждом человеке в каждом подразделении велись подробные записи: опцион, второй по

старшинству офицер в каждой центурии, старательно фиксировал повышения по службе, переводы, благодарности, выговоры и наказания. Полководец мог прочесть предыдущие благодарности легионера вслух, затем похвалить воина за его последний подвиг, повесить его и нередко — дать ему круглую сумму в награду наличными или перевести на двойное жалованье; а затем легионеру вручали знаки отличия под аплодисменты солдат его легиона. Об этих знаках рассказал нам Полибий, и они продолжали вручаться на протяжении сотен лет (*Poly. VI, 39*).

На этом памятнике римскому солдату по имени Воконий в Мериде (Испания) — военной колонии, основанной Августом, — показаны воинские знаки отличия легионера — пара торквесов и амулы

КОПЬЕ: за ранение, нанесенное врагу в схватке или в других боевых действиях, когда не было необходимо вступать в поединок и, таким образом, подвергать себя опасности. Буквально оно называлось «древнее неукрашенное копье»; это был серебряный, позднее — золотой значок. Эта награда не вручалась, если ранение было нанесено в ходе подготовленного заранее сражения, поскольку в таком случае солдат подвергал себя опасности по приказу командира. В одной из сцен на Колонне Траяна изображен император Траян, вручающий легионеру копье.

СЕРЕБРЯНАЯ ЧАША: за убийство и снятие трофеев с врага в сражении или других боевых действиях, когда не было необходимо вступать в поединок. За то же самое кавалерист получал знак отличия, который можно было закрепить на упряжи.

СЕРЕБРЯНОЕ ЗНАМЯ: за отвагу в сражении. Впервые начало вручаться в I веке н. э.

ТОРКВЕС И АМУЛЫ: за отвагу в сражении. Золотое ожерелье и наручные браслеты. Зачастую их носили центурионы и кавалеристы.

ЗОЛОТОЙ ВЕНЕЦ: за выдающуюся отвагу в сражении.

СТЕННОЙ ВЕНЕЦ: им награждался первый римский воин, который взшел на стену вражеского города во время атаки. Делался из золота и имел зубцы в виде башенок.

МОРСКОЙ ВЕНЕЦ: за выдающуюся отвагу в морском сражении. Золотая корона, украшенная носами кораблей.

ВЕНЕЦ ОТВАГИ: им награждался первый римский воин, которому удалось пересечь ограду вражеского лагеря во время атаки.

ГРАЖДАНСКИЙ ВЕНЕЦ: им награждался первый воин, который взшел на вражескую стену. Гражданский венец делали из дубовых листьев; им также награждали за спасение жизни собрата-воина в сражении или за укрытие его от опасности. Человек, чью жизнь спасли, должен был преподнести своему спасителю золотой венец и почитать его, как отца, до конца своих дней. Гражданский венец считался высшей военной наградой Рима, и тот, кто им обладал, почитался римлянами и занимал почетное место на гражданских парадах. Юлию Цезарю вручили гражданский венец, когда он еще в молодости служил трибуном, за атаку на Митилену, столицу греческого острова Лесбос.

Благодарности могли получить и целые подразделения; их выставляли напоказ на боевых знаменах.

IX

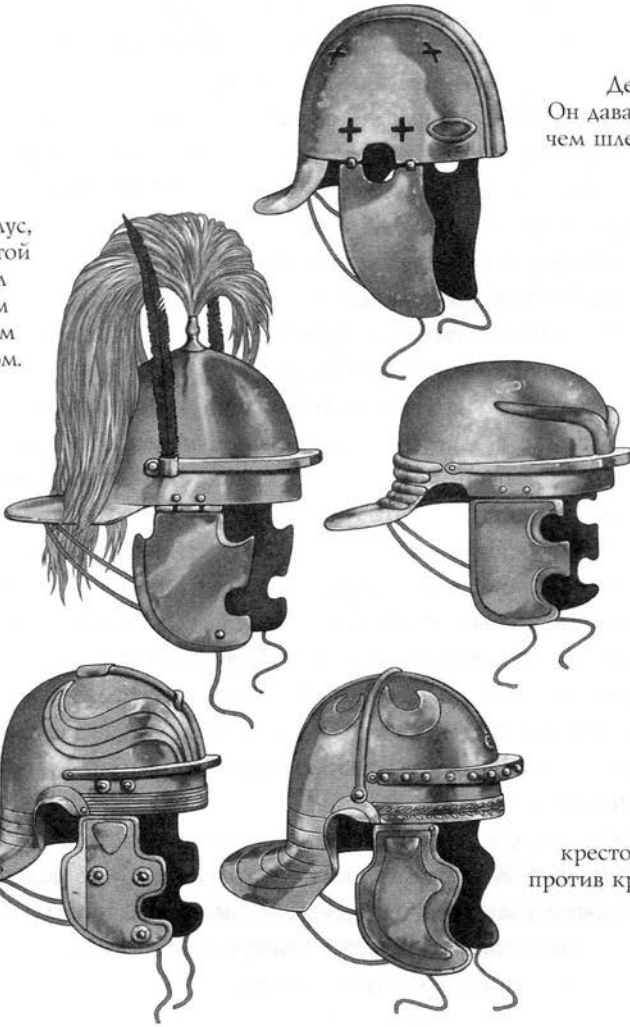
УНИФОРМА И ЭКИПИРОВКА ЛЕГИОНЕРА

В ранние дни республики каждый легионер должен был сам заботиться о своей униформе, экипировке и личном оружии и заменять их, когда они снашивались, портились или терялись. После реформ консула Мария государство начало предоставлять рекрутам форму, оружие и экипировку.

Туника и личная экипировка легионера практически не изменялись столетиями. К эпохе Августа легионер носил шерстяную тунику, сделанную из двух кусков ткани, сшитых вместе с отверстиями для головы и рук, и с короткими рукавами. Спереди она едва доходила до колен, сзади была чуть длиннее. Военная туника была длиннее той, что носили гражданские лица. При холодной погоде было вполне обычно надевать две туники — одну на другую. Иногда носили и больше двух: в зимние месяцы Август надевал до четырех туник (*Suet.* II, 82).

До наших дней не дошло ни одного образца туники легионера, и поэтому ее цвет остается предметом горячих споров. Многие историки считают, что она была красного «ягодного» цвета и что это было принято для легионов и отрядов телохранителей. Некоторые авторы возражают и говорят, что туники легионеров были белыми. Витрувий,

Шлем в стиле кулус, показанный на этой иллюстрации, был снабжен съемным парадным гребнем с конским хвостом. Такие шлемы использовались до 100 г. н. э.

Дешевый шлем IV в. Он давал меньше защиты, чем шлемы прежних эпох

Имперско-галльский шлем, обычный с 15 г. до н. э. до середины I в.

Шлемы такого типа использовались со второй половины I в.

Шлем начала II в., снабженный крестообразной защитой против кривых мечей даков

Шлемы легионеров

главный архитектор Рима в первые десятилетия империи, писал, что из всех естественных цветов, используемых для окраски ткани и для живописи, красный и желтый легче и дешевле всего добыть (*Vitr.* VII, 1–2).

Римский полководец II века Арриан говорил, что туники, которые носили кавалеристы во время упражнений, в основном были цвета красной ягоды или же, в некоторых случаях, оранжево-коричневые (цвет, производный от красного). Он также описывает разноцветные

туники кавалеристов для упражнений (*Arr.* ТН. 34). Однако Арриан не упоминает о туниках белого или естественного цвета. Красными были и знамена легионов, и значки и плащи легатов.

Тацит, рассказывая о входе Вителлия в Рим в июле 69 года н. э., заметил, что перед знаменами Вителлия «шагали в процессии, все в белом, префекты лагерей, трибуны и первые центурионы первых десяти манипул» (*Tac.* Н. II, 89). Это были свободные церемониальные платья, которые офицеры носили, когда принимали участие в религиозных процессиях. То, что Тацит особо отмечает, что одежда была белой, говорит о том, что он отделял эти одеяния от туник, которые носили воины и которые белыми не были.

Цвет, который с наименьшей вероятностью могли носить легионеры и вспомогательные войска, — это синий. Этот цвет (что вполне естественно) римляне связывали с морем. Сын Помпея Великого, Секст Помпей, считал, что он особенно связан с Нептуном, богом моря, и с 40-х до 30-х годов до н. э., будучи адмиралом римского флота в Западном Средиземноморье, он носил синий плащ, дабы почтить Нептуна. После того как Секст взбунтовался и был побежден флотом Марка Агриппы, Октавиан даровал Агриппе право использовать синий флаг. Кроме тех, кто служил в XXX Ульпиевом легионе, чьи эмблемы были связаны с морем, если кто-то из римских военных в имперскую эпоху носил синее, то это, скорее всего, были моряки и/или солдаты морской пехоты.

Какая бы ни была погода и вне зависимости от того факта, что вспомогательные войска в римской армии — как пехота, так и кавалерия — носили штаны, римские легионеры начали носить штаны, которые веками считались чужеземной одеждой, лишь во II веке. Некоторые ученые считают, что легионеры не носили под туниками ничего, а другие полагают, что они носили нечто вроде набедренной повязки, которая была принята среди гражданских.

На тунику легионер мог надеть *subarmalis* — куртку без рукавов с подбивкой, а на нее панцирь — своего рода бронежилет. Из-за этих доспехов на теле легионеров считали «тяжелой пехотой». Первоначально доспехи легионера выглядели как кожаный жилет без рукавов, на который нашивали небольшие железные кольчужные колечки. Легионеры и большинство бойцов вспомогательных войск продолжали носить кольчужный доспех многие века; в те времена, в отличие от сегодняшнего дня, военная техника не была подвержена постоянной «гонке вооружений».

В самом начале I века на службу начали поступать доспехи новой формы — *lorica segmentata*. Она делалась из литых металлических деталей, которые скреплялись бронзовыми шарнирами и соединялись друг с другом полосками кожи, покрывая торс и плечи воина. Такой легионный доспех, состоявший из отдельных сегментов, был предшественником доспехов, которые носили конные рыцари Средних веков. К 75 году н. э. упрощенный вариант такого сегментированного доспеха для пехоты уже широко использовался. Сегодня его называют «ньюстедским типом», поскольку в новое время образец такого изделия был найден в Ньюстед (Шотландия); он продолжал использоваться в последующие 400 лет.

На голове легионер носил конический шлем из бронзы или железа. Были различные вариации развивавшегося тогда дизайна в виде «жокейской шапочки»: большинство из них обладали общими чертами: металлические нащечники на петлях, которые завязывались под подбородком, как шлем пожарного, и небольшой гребень над бровями спереди.

Шлемы легионеров I и II веков, обнаруженные археологами в наше время, иногда имели внутри следы войлока, что заставляет предполагать, что внутри у них была подкладка. В IV веке римский офицер Аммиан Марцеллин писал о шапке, «которую один из нас носил под шлемом». Эта шапочка, видимо, делалась из войлока, поскольку Аммиан описывает, как он и еще двое бывших с ним рядовых использовали шапочку «наподобие губки», чтобы набрать воды из колодца и утолить жажду в Месопотамской пустыне (*Amm.* XIX, 8, 8). К концу IV в. легионеры носили под шлемом «шапки, которые назывались паннонскими и были сшиты из шкур»: как говорит Вегеций, «этот обычай сохранялся для того, чтобы создавалась привычка всегда что-нибудь носить на голове»: это, видимо, свидетельствует о том, что шапочки под шлемами уже долгое время были в широком употреблении (*Vege.* I).

После того как один легион был уничтожен в 86 году н. э. смертельно действующим кривым двуручным мечом даков (*falx*), прорубавшим насквозь шлемы несчастных римских воинов, на шлемы легионеров добавили усиливающие прочность крестообразные накладки на макушке, которые давали лучшую защиту. Владельцы шлемов нередко подписывали свои инициалы изнутри или на нащечнике. В шлеме легионера, обнаруженном в Колчестере в Британии, внутри вытеснены три набора инициалов: видимо, шлем переходил от одного владельца к другому (*W & D.* 4, п. 56). В Сирии в 54 году н. э. легионеры легио-

нов VI Железного и X легиона Пролива так распустились, что продавали свои шлемы, еще находясь на службе (*Tac. A. XIII, 35*).

В республиканское время тяжеловооруженные римские войска — гастаты — носили орлиные перья на шлемах, чтобы казаться своим врагам выше. К эпохе Юлия Цезаря вместо них на верхушках шлемов легионеров стали носить гребни из конских волос. Такие гребни носили в сражении вплоть до начала I века; потом их использовали только на парадах. Цвет гребня — вопрос спорный. Некоторые археологические находки заставляют предполагать, что они были покрашены в желтый цвет. Арриан, правитель Каппадокии в царствование Адриана, описывал желтые гребни на шлемах тысяч римских кавалеристов под его командованием (*Arr. TH. 34*). Перья у республиканских гастатов иногда были пурпурными, иногда — черными, из чего, возможно, возникли пурпурные или черные гребни шлемов легионеров (*Poly. VI, 23*).

Шлем был единственным предметом вооружения легионера, который он мог снимать, копая траншеи и строя укрепления. На марше шлемы носили подвешенными на шее. Кроме того, легионер носил на шее шарф, завязанный на шее, первоначально для того, чтобы доспехи не натирали шею. Шарфы вошли в моду, и вспомогательные соединения тоже стали его носить. Вполне возможно, что различные соединения носили шарфы разного цвета. На ногах легионер носил мощные, сколоченные толстыми сапожными гвоздями кожаные сандалии, которые назывались калигулами; они оставляли свободным большой палец. На талии легионер носил *singulum* — своего рода передник из металлических полосок от четырех до шести, который к IV веку уже вышел из употребления.

X ОРУЖИЕ ЛЕГИОНЕРА

Самым главным оружием легионера имперской эпохи было копье — *пилум*. Таких копий у воина было два или три; одно покороче — 5 футов (152 сантиметра) в длину, другое подлиннее — 7 футов (213 сантиметров). Сначала их бросали; обычно в рабочей части копья утяжеляли, и со времен Мария делалось так, чтобы они стибались, как только ударят, чтобы враг не смог бросить их обратно. «Редки стали у нас такого рода копья, — говорил Вегеций в конце IV века, — варвары же пехотинцы, вооруженные щитами, пользуются преимущественно...

копьями» (*Vege. I*). Ко временам Вегеция римские войска стали использовать более легкое копье с меньшей проникающей силой.

У легионера был и короткий меч — *гладиус* с лезвием длиной 20 дюймов (50 сантиметров), длинным, обоюдоострым и с острым концом для эффективного укола. Предпочиталась испанская сталь, и поэтому гладиус зачастую называли «испанским мечом». Меч держали в ножнах, которые легионер носил на правом боку — в противоположность офицерам, которые носили их на левом.

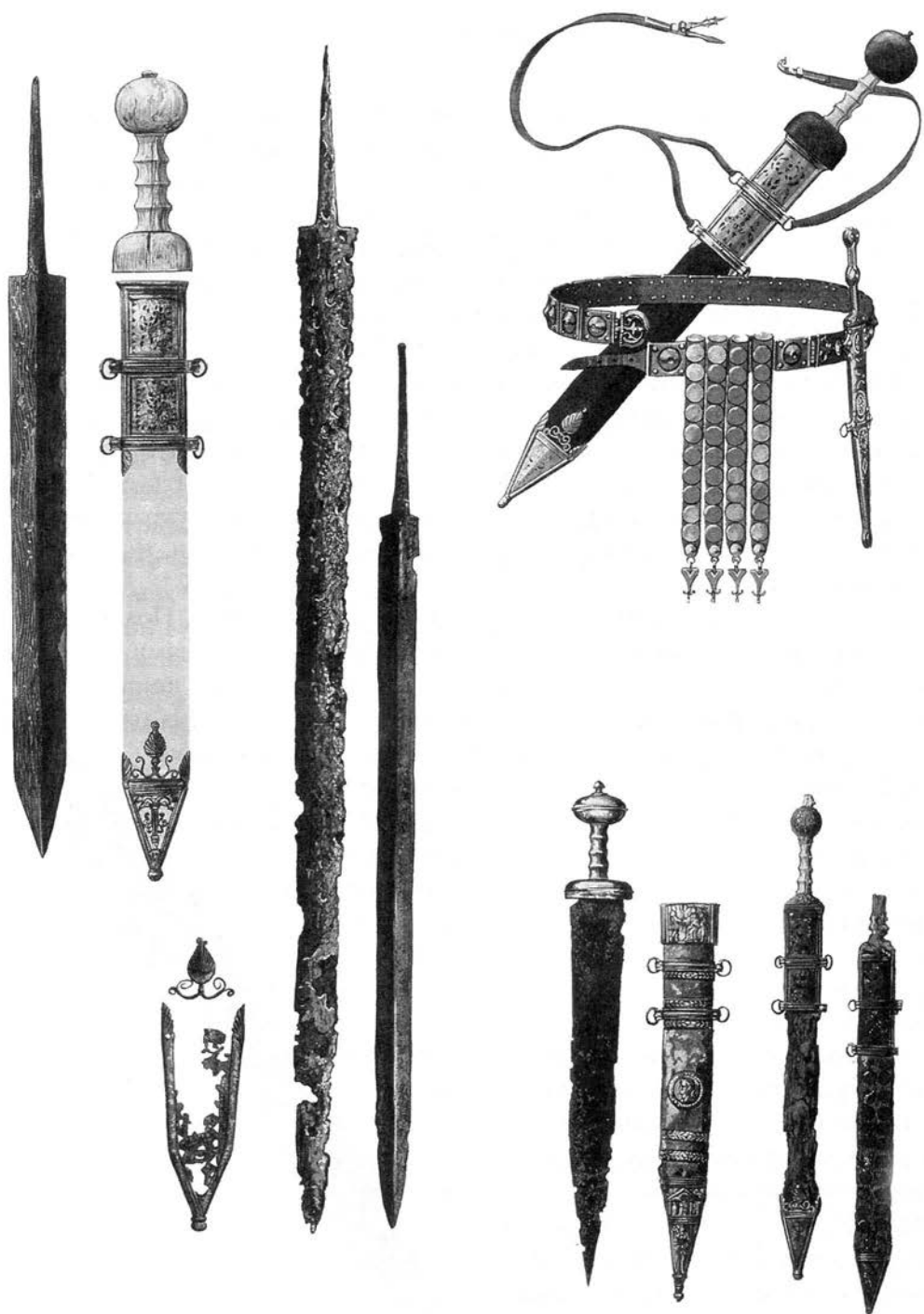
К IV веку более длинный меч, похожий на *спату*, которую носила вспомогательная кавалерия еще со времен Августа, заменил гладиус. Легионер также был снабжен более коротким кинжалом — *пугионом*; его носили в ножнах на левом бедре и продолжали носить еще в V веке. Ножны для меча и кинжала нередко были обильно украшены серебром, золотом, янтарем и керамическими накладками, и даже драгоценными камнями.

Щит легионера — *scutum* — был изогнутым и длинным. Полибий описывает щит легионера как выпуклый, с прямыми сторонами, длиной 4 фута (121 сантиметр) и 2 1/2 фута (75 сантиметров) в ширину. Толщина у края составляла ширину ладони. Щит делался из двух слоев древесины, соединенных с помощью клея из бычьей шкуры. Внешняя поверхность была покрыта холстом и затем — гладкой телячьей кожей, которую также плотно приклеивали. Углы щита обрамлялись железными полосками в качестве защиты от ударов меча, а также от износа. Центр щита фиксировался железной или бронзовой шишкой, к которой на противоположной стороне крепилась ручка. Шишка (умбон) отражала удары мечей, копий и камней (*Poly. VI, 23*).

На кожаной поверхности щита изображали эмблему легиона, к которому принадлежал его владелец. Вегеций, писавший в конце IV века, говорил, что «у различных когорт на щитах были нарисованы различные знаки» (*Vege. II*). Хотя Вегеций и говорил в прошедшем времени, многие примеры заставляют предполагать, что каждая когорты преторианской гвардии использовала различные эмблемы-молнии на своих щитах. Щит всег-

Этот золотой меч и ножны, видимо, с гордостью носил какой-то имперский офицер

Вверху справа: римский меч — гладиус с перевязью и поясом; время — середина — конец I в. н. э.
Справа внизу: гладиус начала I в. н. э. из Райнгоэнхайма и ножны из Рейна; гладиус, найденный в Помпеях, и еще один (ныне в музее Майнца). Слева: другие мечи, найденные в Рейне

да носили в сражении на левой руке; кожаный ремень, перекинутый через предплечье, принимал на себя основную часть веса. Во время похода щит защищало от дождя и ветра кожаное покрытие; он висел у легионера на левом плече. К III веку щиты легионеров стали овальными и гораздо менее выпуклыми.

XI БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА ЛЕГИОНЕРА

Иудейский полководец и историк I века Иосиф Флавий называл тренировку римских легионеров бескровными сражениями и сражения — кровавыми тренировками. «Каждый день солдату приходится действовать со всем рвением, как на войне, — писал Иосиф, — поэтому они с такой легкостью выигрывают битвы» (*Jos. JW. 3, 5, 1*).

Офицером, который занимался тренировкой легионера, был *опцион*; его задачей было обеспечить, чтобы его люди тренировались и упражнялись. Тренировка римского солдата с мечом предполагала долгие часы упражнений у деревянных столбов. Легионера учили колоть, а не рубить, используя острие своего меча. «...При колющем ударе, — говорил Вегеций, — достаточно вонзить меч на два дюйма, чтобы рана оказалась смертельной...» (*Vege. I*).

Легионер также учился маршировать в боевом порядке и участвовать в различных пехотных маневрах. В обычном боевом порядке воины образовывали ряды из восьми человек в глубину и десять в ширину с пробелом в 3 фута (1 метр) между легионерами; в начальной стадии сражения легионер сначала бросал свои копья, а затем доставал меч. Отступая, вспомогательные войска могли проходить через прощелки в рядах, пока, по команде, легионеры не смыкали ряды. В сомкнутом порядке легионер, прижатый к своему ближайшему собрату, мог соединить свой щит со щитом соседа для большей защиты. Его центурия могла рвануться в атаку или постепенно продвигаться вперед на марше.

В боевом порядке центурион данной центурии был первым слева в первом ряду. *Тессерарий* центурии был последним слева в заднем ряду, в то время как *опцион* стоял крайним справа в заднем ряду; его задачей было оттуда обеспечивать порядок в центурии и предотвращать дезертирство. Основные боевые формации включали в себя прямую линию, кривую линию и полумесяц. Для защиты от кавалерии исполь-

зовали клин или, стоя на месте, строились в пустой квадрат или частичный пустой квадрат, в котором люди с трех сторон стояли лицом наружу, в то время как подразделение с плотно сомкнутыми рядами продолжало перестраиваться вперед. *Orbis*, или «кольцо», было построением, к которому прибегали в последнюю очередь, когда римляне окружали со всех сторон.

Помимо маршей в походном порядке, начиная со времен консула Мария, легионеров также тренировали в беге на значительные дистанции в полном походном обмундировании. Кроме того, легионеров учили техникам нападения и защиты, а также собираться вокруг знамени своего подразделения или любого подразделения в случае крайней необходимости. Знаменитая *testudo*, или «черепаха», подразумевала смыкание щитов над головами легионеров и по бокам, что давало защиту от ливня копий, стрел, камней и т. п. Черепаха, «большой частью квадратная, но иногда круглая или разносторонняя», использовалась в первую очередь, когда легионеры пытались подрыть стены вражеской крепости или взять штурмом ворота (*Arr.* ТН. 11). Известны и двойные «черепахи», когда одна группа людей вставала на поднятые щиты легионеров, выстроившихся под ними, и, в свою очередь, поднимала свои щиты над головами.

ХII ПАЕК И ПИТАНИЕ ЛЕГИОНЕРА

Дион Кассий писал о питании легионеров: «Им требуется хлеб из теста, вино и масло» (*Dio.* LXII, 5). Легионерам предоставляли паек из зерна, которое они должны были молоть в муку, используя жернов, полагавшийся каждому отряду. Воины сами пекли себе хлебы; обычно они были круглыми, и их разрезали на восемь ломтей — по одному для каждого члена отряда. Легионеры сбрызгивали свой хлеб оливковым маслом. Кроме того, они ели мясо, но оно считалось дополнением к хлебному рациону. Римляне не знали ни кофе, ни помидоров, ни бананов, точно так же, как и сахара; единственным подсластителем был мед.

Количество зерна, предоставлявшегося армии, зависело от доступного запаса и от щедрости командиров. Во времена Полибия это была половина бушеля на легионера в месяц, и стоимость хлеба вычиталась из солдатского жалованья. В имперские времена зерновой рацион легионера стал бесплатным. Большая часть обычных людей в Риме в то

время также получала бесплатный хлеб от правительства, хотя булочки, кондитеры и другие люди, которые вели коммерческую торговлю, должны были за него платить.

Как и представители высшего класса, римские солдаты ели пальцами. Они использовали свои кинжалы, чтобы резать хлеб и мясо. Все классы общества не знали вилок. Римляне пили вино за едой, но при этом его разбавляли водой; редки свидетельства того, чтобы легионеры в лагере были пьяны. Завтраком римлянина была нередко лишь чашка воды. Обед — *grandium* представлял собой холодную закуску в полдень или кусок хлеба в конце дневного перехода. Для легионеров основная еда за день была вечером.

К концу I века, когда легионы были на постоянной основе расквартированы в зимних лагерях, рационы приобретались у местных купцов, которые сами добывали продукты и вино из дальних концов империи. Некоторые из этих продуктов могли быть экзотическими, и как легионеры, так и представители вспомогательных войск хорошо питались. Фрагменты рукописных этикеток на амфорах были найдены на фрагментах керамики, открытых в форте, где размещалась кавалерия алы Августа в Карлайле (римский Лугуваллий) в Британии. В одном из кувшинов были сладкие плоды пальмы дум из Египта. На другой написано: «Тунец из старого Танжера, продукты, качество, превосходное, высшего качества». Тунец (*cordula*) ловился у Геркулесовых столпов (Гибралтарский пролив); его перерабатывали в Тингатитане (современный Танжер), рубили и укладывали в собственном соку в амфоры для перевозки. В результате получалась рыбная паста, которая считалась большим деликатесом; на базе в Карлайле ее, видимо, ели одни офицеры (*Tom. DRA*).

Амфоры с провизией маркировались: указывался возраст продукции в годах, объем контейнера и название фирмы, которая его произвела. На этикетке из Колчестера была названа фирма Прокула и Урбика. Другая этикетка той же самой фирмы была найдена в руинах Помпеи в Италии (*Tom. DRA*).

XIII

УВОЛЬНИТЕЛЬНАЯ И ПЛАТА ЗА НЕЕ

В I веке и, видимо, на протяжении большей части императорского периода, когда легион отправлялся на зимние квартиры, каждый год один легионер из четырех мог взять отпуск. Задача зафиксировать де-

тали отпуска приходилась на долю клерка, состоявшего при каждом подразделении: «В таких же списках отмечается, кто когда получил отпуск и на сколько дней» (*Vege. II*). Чтобы получить пропуск на увольнение, солдаты, числившиеся в каждом легионе, должны были заплатить своему центуриону плату за увольнительную, которую центурионы забирали себе.

До 69 года н. э. центурионы могли устанавливать любую сумму платы по своему произволу, и это стало для легионеров источником множества жалоб. Тацит писал: «Солдаты требовали (у нового императора Отона) отменить плату за предоставление отпусков, по традиции взимавшуюся центурионами и превратившуюся для рядовых в ежегодную подать. Никкак не меньше четвертой части солдат каждой манипулы, уплатив центуриону определенную сумму денег, постоянно уходили с его разрешения в город или слонялись без дела по лагерю». Офицеры, как говорит Тацит, не обращали никакого внимания на эти выплаты, и чем больше денег было у солдата, тем больше его центурион мог потребовать у него, чтобы он смог отправиться в отпуск (*Тас. Н. I, 46*).

Отон не хотел вызвать недовольство центурионов, отменив плату за отпуск — выгодный источник дохода, но в то же самое время он хотел обеспечить лояльность профессиональных военных. Поэтому он обещал в будущем выплачивать центурионам плату за отпуск от имени всех легионеров из своего кошелька (*Тас. Н. I, 46*). Через несколько месяцев Отон погиб, но его наследник на троне, Вителлий, сдержал обещание, данное рядовым солдатам: «Из своей казны выплатил центурионам деньги, которые они получали за предоставление отпусков рядовым» (*Тас. Н. I, 58*). Тацит считал, что это «мера бесспорно правильная», и «лучшие из принцепсов» ее «превратили постепенно в постоянный обычай» (*Тас. Н. I, 46*).

Легионеры в увольнительной часто отправлялись довольно далеко, и в случае необходимости их не так легко было позвать обратно (*Тас. А. XV, 10*). Судя по всему, когда легионеры уходили в отпуск, их шлемы, щиты, копья и доспехи оставались на базе; тем не менее они, как правило, продолжали носить военные сандалии и путешествовали, вооруженные мечами на поясе, куда бы они ни шли, даже в городах, где гражданским было запрещено ходить с оружием. Петроний Арбитр в своем «Сатириконе», написанном при Нероне, заставляет рассказчика затянуть пояс для меча во время своего пребывания в одном прибрежном городке в Греции. Когда герой ночью гулял по улицам города, незаконно нося на себе меч, его останавливают.

«Стой! Кто идет?» — спрашивает стражник. Видя на бедре героя меч, стражник решает, что это легионер в отпуске, и интересуется: «Скажи-ка, служивый, которого ты легиона, чьей центурии?» Затем стражник обращает внимание на то, что «легионер» одет в белые туфли по греческой моде. «Вот оно что, — говорит, — ваши части, выходит, в туфельки обуты». В ответ рассказчик у Петрония выдумает и центуриона, и легион. Но «я и лицом, и оробелостью выдал свою ложь», — продолжает герой, и стражник «приказывает мне снять оружие от беды подальше» (*Petr.* 82).

Легионные горнисты не были вооружены; они носили шапки из шкур животных

XIV МУЗЫКАНТЫ В ЛЕГИОНЕ

Чтобы передавать приказы в лагере, на марше и в бою, ко всем легионам были прикомандированы невооруженные музыканты, которые играли на *lituus* — трубе, сделанной из дерева, покрытого кожей, а также на *cornu* и *buccina* (это были рога в виде буквы С). Легионные музыканты носили кожаные куртки на туниках и шапки из медвежьей шкуры на своих шлемах. Нет данных о том, что на марше они играли музыку. Их задачей было исключительно подавать сигналы.

XV
ЗНАМЕНОСЕЦ, ТЕССЕРАРИЙ И ОПЦИОН

В каждом легионе, манипуле и центурии имелось знамя, за которым маршировали люди, и было великой честью стать официальным носителем священного знамени. Самой большой честью из всех было стать *аквилифером* — человеком, который нес золотой штандарт легиона с орлом (*aquila*). По рангу знаменосец стоял выше остальных легионеров и обладал большим влиянием среди рядовых солдат; иногда полководцы звали его на военные советы. Кроме того, знаменосцы занимались легионным банком.

Знаменосцы легиона и преторианской гвардии часто изображались на колонне Траяна (начало II в.)

В каждой центурии был свой *тессерарий*; его задачей было распространять *тессеры* — восковые таблички, на которых записывали ежедневный пароль часовым в лагере и воинам всех рангов перед сражением.

В пехоте *опцион* был заменителем центуриона в центурии. В кавалерии это был заместитель декуриона. Опцион соответствовал современному старшине и отвечал за документы легиона и тренировку;

в битве его обязанностью было следить за порядком в центурии: ряд сигналов трубы был адресован именно для этой цели непосредственно опциону. Опцион был наследником центуриона, и если возникала новая вакансия центуриона, то на это место обычно назначали опциона.

XVI
ДЕКУРИОН

Хотя титул декуриона буквально (и изначально) был связан с командованием десятью воинами, *декурион* был младшим офицером, подчиненным центуриону, который командовал отрядом кавалерии

как в легионах, так и во вспомогательных конных отрядах, которыми, в свою очередь, командовал старейший декурион эскадрона. Как правило, декурионы вспомогательной кавалерии раньше служили легионерами, а потом их переводили в алы.

Декурион II века Тит Калидий вступил в легионы в возрасте 24 лет и продвинулся по карьерной лестнице, став декурионом в эскадроне кавалерии XV Аполлонова легиона. Потом его перевели в качестве старшего декуриона в I Альпийскую когорту — вспомогательный конный отряд, который базировался в Карнунте вместе с XV Аполлоновым легионом в царствование Домициана. Когда Калидий закончил свою службу в I Альпийской когорте, он снова вступил в отряд, который продолжал базироваться в Карнунте после того, как XV Аполлонов легион перевели в 113 году на Восток для Парфянской войны Траяна. Калидий вернулся в I Альпийскую когорту в более низком ранге — опциона лошадей. Он скончался в возрасте 58 лет, прослужив в римской армии тридцать четыре года, и был погребен в Карнунте (*Hold. DRA*).

XVII ЦЕНТУРИОН

Центурион был ключевым офицером среднего ранга римской армии. Юлий Цезарь считал центурионов стеновым хребтом своей армии и знал многих своих центурионов по именам. Кроме нескольких центурионов в ранге всадника в царствование Августа, имперский центурион был, как и легионер, призван в армию и повышен из рядовых. Один из центурионов в ранге всадника был Кливий Приск, уроженец Карецины в Италии, закончивший свою военную карьеру как центурион первого ранга. Его сын, Гельвидий Приск, родившийся около 20 года н. э., стал квестором, командиром легиона и претором.

Первоначально центурион командовал центурией из сотни человек. Центурионы командовали центуриями, манипулами и когортами в легионе; номинально каждый легион был укомплектован пятьюдесятью девятью центурионами, распределенными по нескольким рангам. Наградой Юлия Цезаря одному из центурионов, который сумел угодить императору, стало повышение на восемь рангов. Как друзья, так и враги могли узнать центуриона по поперечному гребню на шлеме, металлическим наголенникам на голених и по тому, что, как и все римские офицеры, центурион носил меч на левом боку — в отличие

Надгробие центуриона I в. Марка Фавония

от легионеров, которые носили меч справа.

Центурионы первого ранга, или *primi ordines* первой когорты легиона, были старшими в легионе. Продвижение по службе приходило со временем и опытом, однако многие центурионы никогда не так никогда и не достигали первого ранга. Один из центурионов первого ранга в каждом легионе имел титул *primus pilus* — буквально «первое копьё». Примипил был главным центурионом легиона; это было крайне престижное и хорошо оплачивавшееся место, за которое всегда была огромная конкуренция среди центурионов. Примипилы облагали огромным опытом и всегда пользовались большим уважением, но и несли значительную ответственность, поскольку нередко они командовали значительными военными подразделениями.

Повышение в различные ранги центурионов включало в себя переводы из одного легиона в другой. Как правило, один центурион служил в ходе своей карьеры за сорок шесть лет в двенадцати разных легионах по всей империи. Кроме того, центурионов откомандировывали от легионов, чтобы они служили областными офицерами там, где не базировался легион; их могли послать в другие

легионы и вспомогательные войска как офицеров, занимающихся военной подготовкой. В 83 году н. э. после того, как центурион и несколько легионеров были посланы для того, чтобы натренировать но-

вую когорту, состоящую из вспомогательных войск германцев-узипиев в Британии, германцы восстали, убили своих инструкторов, похитили корабли и отплыли в Европу. Потом бунтовщики были задержаны.

Рабам не позволяли становиться легионерами, не говоря уже о центурионах. В 93 году н. э. отслуживший свой срок центурион Клавдий Пакат жил в отставке, когда в нем узнали раба, бежавшего много лет назад. Из-за его отличной воинской службы император Домициан оставил ему жизнь, но при этом вернул прежнему хозяину, и он должен был провести остаток дней как раб.

Уйдя в отставку, центурионы могли быть наняты в качестве ликторов — телохранителей римских магистратов. Это был хорошо оплачиваемый и престижный пост; ликторы обновлялись ежегодно. Они должны были идти впереди магистратов, расчищать им путь и нести одну из их церемониальных фасций — розог и топоров, символизировавших ранг магистрата.

За плечами многих центурионов была длительная карьера. Тит Флавий Вирилий, центурион в IX Испанском легионе, прослужил сорок пять лет и умер в Ламбаесе в Африке в начале II века, будучи прикомандирован к III Августову легиону; ему было 70 лет (ILS. 2653).

XVIII ПРЕФЕКТ ЛАГЕРЯ

Третьим по рангу командиров в каждом легионе в ранней империи был *praefectus castrorum*, или лагерный префект. Бывший примипил зрелого возраста, префект был квартирмейстером легиона и командовал основными подразделениями легиона. Иногда — в армии Вара в битве в Тевтобургском лесу в 9 году н. э. и в случае со II легионом Августа в Британии в 60 году н. э. — префекты командовали целыми легионами.

К концу IV века должность префекта была упразднена и заменена младшим трибуном.

XIX ТРИБУНЫ

Молодой человек из сословия всадников, как пишет Дион Кассий, мог служить «военным трибуном в надежде войти в состав сената» (*Dio. LXVII, 11*). В республиканской римской армии шесть трибунов легиона

командовали войсками в битве: каждый по очереди командовал легионом, другие пять командовали двумя когортами каждый. Но со временем это оказалось не лучшим решением, и в преображенной римской армии Августа командная структура радикальным образом изменилась.

В каждом имперском легионе все еще было по шесть трибунов: один трибун-латиклавий («с широкой полосой»), или военный трибун, пять трибунов-ангустиклавиев («с узкой полосой») — эти названия имеют в виду ширину пурпурных полос на их тогах, а может быть, и на туниках. Но и роли трибунов также изменились.

С 23 года до н. э. каждый зажиточный всадник должен был служить в качестве *tribunus angusticlavus*, буквально — «трибуна с узкой полосой». Согласно Сенеке, главному секретарю Нерона, трибуны-ангустиклавиции были «готовы через военную службу войти в сенат» (*Sen. XLVII*). Ангустиклавий был младшим офицером, который проходил шестимесячный период обучения, *semestri tribunata*, во время ежегодного сезона военных кампаний с марта по октябрь. Когда им исполнялось восемнадцать, трибуны-ангустиклавиции могли поступать в *semestri tribunata* и — при условии, что их состояние достигало нужной суммы в 400 тысяч сестерциев «чистыми», — могли считаться членами сословия всадников.

Например, Гнею Агриколе, который отправился в 60 году в Британию в качестве такого трибуна, было девятнадцать. Большинство трибунов с узкими полосами служили в штабе легата — командира легиона. Однако некоторые трибуны, как Агрикола, поступали в штаб наместника провинции, где у них было больше возможностей отличиться. Назначение трибуном-ангустиклавицем при заметном легате, чьи рекомендации могли способствовать дальнейшему карьерному росту, отнюдь не могло быть делом случайности. Есть примеры, когда сенаторы писали своим друзьям — командирам легионов и правителям провинций, рекомендуя своих родственников или сыновей своих друзей для назначения в трибуны-ангустиклавиции (*Birl. DRA*).

Легаты зачастую брали собственных сыновей с собой в провинции, чтобы они служили у них в штабе; видимо, они предоставляли списки молодых людей, которых им хотелось бы видеть при себе, или чтобы заполнить вакансии в провинции, на одобрение императору.

Легион, в котором римлянин служил свою *semestri tribunata*, никогда не упоминался на памятниках или в биографиях, когда впоследствии фиксировались карьеры выдающихся людей. В конце концов, это была только «стажировка». Сознательные трибуны, которые старались

произвести впечатление на своих поручителей и заручиться рекомендациями, вызывались исполнить какое-нибудь особое задание. Тесть историка Тацита Агрикола не тратил время зря в штабе правителя Британии, как «знатные юноши» — трибуны-ангустиклавии, которые превращают «военную службу в непрерывный разгул». По словам Тацита, Агрикола не «проводил время в праздности, используя свое трибунское звание, чтобы предаваться утехам, и уклоняясь от дела под предлогом неопытности». Вместо этого он «старался как можно лучше узнать провинцию, добиться, чтобы его знали в войсках, учиться у сведущих, следовать во всем самым лучшим; ни на что он не напрашивался из похвалы, ни от чего не отказывался из страха» (*Tac. Agr. 5*). Это заставляет предполагать, что многие трибуны-ангустиклавии, еще не вышедшие из подросткового возраста, тратили свои назначения в *semestri tribunata* на всяческие развлечения, пускаясь в тот самый «непрерывный разгул», которого избегал Агрикола.

У таких трибунов не было реальной власти. Когда легионы Вара были уничтожены в битве в Тевтобургском лесу в 9 году н. э., самыми старшими офицерами в подразделениях были лагерные префекты (*Velle. II, CXX*). Во всех трех легионах, участвовавших в сражении, служили младшие трибуны, и после пленения эти юноши были заживо сожжены германцами (*Tac. A. I, 61*). Если не считать службы в штабе, трибуны-ангустиклавии могли заседать в военных трибуналах и разделяли наблюдательные командные поручения в лагере, но в сражении они командовать не могли.

Шестым трибуном в каждом имперском легионе был *tribunus laticlavus*, трибун с широкой полосой. В официальных римских документах именно он назвался военным трибуном, чтобы отличать этот пост от плебейского трибуна; трибун с широкой полосой был вторым по старшинству командиром в легионе. Старшие трибуны носили богато украшенные шлемы, литые доспехи и белый плащ. Они были вооружены мечами, которые носили на левом бедре.

Трибуны-латиклавии часто руководили своими подразделениями. Некоторые легионы, такие как те, что стояли в Египте (и некоторое время те, что были в Иудее), постоянно были под командованием старших трибунов. Так происходило потому, что правителями этих провинций были префекты, и, поскольку командирам легионов в соответствующих провинциях приходилось принимать команды от губернаторов, они не могли быть более высокого ранга, чем эти последние. Есть множество примеров того, что легионы в других местах на марше и в битве были под командованием своих трибунов-латиклавиюв.

Редкое изображение трибуна на рельефе II в. Такой литой панцирь носили только офицеры всаднического и сенаторского ранга: у центурионов доспехи были такие же, как у обычных солдат. Если бы этот офицер был легатом, он был бы опоясан военной перевязью, которую завязывали бантом спереди: это был знак ранга командующего легионом и армией

Чтобы получить повышение до трибуна-латиклавия, офицер-всадник должен был прослужить первые две ступени на трехступенчатой карьерной лестнице, которая была формализована императором Клавдием (41—54 н. э.): сначала в качестве префекта вспомогательной пехоты, затем в более престижном ранге префекта вспомогательной кавалерии, затем — как трибун-латиклавий (*Suet.* V, 25). Трибун-латиклавий еще не был сенатором, однако его назначение в трибунат делало его кандидатом на повышение до санаторского ранга, если то было угодно императору. Латиклавии обычно служили в легионе от трех до пяти лет: прохождение через весь трехступенчатый процесс продвижения по карьерной лестнице нередко занимало девять или десять лет, хотя выдающийся сенаторский кандидат мог быть назначен в сенат и в возрасте 25 лет.

Клавдий понял, что при наличии на тот момент постоянного количества легионов (двадцать семь) у него будет только двадцать семь должностей военного трибуна, которые можно было заполнить каждые три года или около того, что ограничивало ежегодное число вакансий. Поскольку на дороге в военные трибуны образовалась «пробка», Клавдий ввел ежегодное назначение дополнительных военных трибунов, чтобы провести

более значительное количество подходящих для этого молодых людей в сенат (*Suet.* V, 25). Такие дополнительные трибуны не служили в легионе: им давали другие поручения. В 68—69 годах н. э. в эту категорию попал и Агрикола, который прослужил свой военный трибунат в Италии, набирая рекрутов. К 71 году он стал командиром легиона.

Иногда трибуны-латиклавии в ранней империи из вторых по старшинству офицеров в легионе превращались в командующих вспомогательными кавалерийскими единицами, что, видимо, было шагом назад. У таких командиров, очевидно, было специальное назначение на поле боя, например у Гая Миниция, который перевелся из VI Победоносного легиона в командиры первого крыла личных конных телохранителей императора (сингуляриев) в 70 году н. э. во время восстания Цивилиса (см. с. 378).

Повышение до командира легиона отнюдь не было автоматическим и не всегда было быстрым. Будущий император Адриан, когда он строил свою военную карьеру между 95 и 105 годами н. э., провел десять лет в качестве префекта и трибуна, командуя различными вспомогательными войсками, и затем был повышен до второго офицера легиона — V Македонского перед тем, как получил командование I легионом Минервы.

Около 85 года н. э. Плиний Младший служил трибуном с III Галльским легионом в Рафане на Евфрате в Южной Сирии, где, по распоряжению правителя провинции, он провел проверку счетов кавалерийских и пехотных когорт, прикомандированных к его легиону (во многих случаях он обнаружил «множество случаев ужасной жадности и намеренной неточности») (*Pliny.* VII, 31).

Ко второй половине II века военные трибуны все чаще и чаще назначались командующими вспомогательными единицами, видимо из-за растущего числа дополнительных назначений трибунов. Например, будущий император Пертинакс служил кавалерийским трибуном на пути к тому, чтобы стать успешным полководцем (*Dio.* LXXIV, 3).

XX

ПРЕФЕКТ

Отслужив в качестве младшего трибуна, молодой офицер из сословия всадников получал ранг префекта, и его назначали командовать вспомогательной когортой — или пехотного подразделения, или кавалерийского крыла. Он все еще имел ранг префекта, однако префект

кавалерийской единицы был рангом выше, чем префект пехоты. Многообещающего кандидата можно было в конечном счете назначить трибуном-латиклавием.

XXI КВЕСТОР

У каждого консула и каждого наместника провинции был прикомандированный к его штабу квестор; Марк Антоний первоначально служил квестором Юлия Цезаря в ходе Галльской войны. Квестор был бывшим трибуном-латиклавием. В провинциях задачи квестора включали в себя набор рекрутов в провинции. После завершения срока службы в должности квестора он автоматически попадал в сенат.

Квестор — младший магистрат — имел право на одну связку фасций и одного ликтора. Фасции символизировали власть магистрата над жизнью и смертью. Ее символом было навершие топора, которое выглядывало из связки вязовых или березовых прутьев, перевязанных красной лентой. Березовые прутья употреблялись, чтобы сечь приговоренного, топор использовали затем, чтобы обезглавить его.

В 1919 году фашистская партия Италии сделала своим символом древнеримские фасции — из этого названия и происходит слово «фашист». Итальянские фашисты Бенито Муссолини приняли и другие римские императорские символы, такие как орлы и военные знамена, надеясь, что и им перепадет немного древней славы Рима. Название «фашист», орел и знамена были затем переняты у них гитлеровской национал-социалистической партией (нацистами) в Германии.

XXII ЛЕГАТ

В ходе военных реформ Августа командиром легиона стал *legatus legionis*, или легат легиона. Это был член сенаторского сословия; как правило, ему должно было быть больше тридцати. Старейшим известным легатом легиона был 62-летний Манлий Валент, командир I Итальянского легиона в 68—69 годах; его назначение было результатом того, что к нему благоволил император Гальба.

Август определил максимальный срок службы легата легиона в два года. При позднейших императорах она продлилась до назначения в

среднем на четыре года. Тиберий был печально известен тем, что оставлял людей на служебном посту надолго, как только находил для них место, и при нем служили дольше, чем обычно.

Легата можно было узнать по богато украшенному шлему и доспехам, расшитому алому плащу — *paludamentum* и красному кушаку — *cincticulus*, который обвязывали бантом вокруг его талии. Он имел право на пять фасций и пять ликторов.

Легат (легат легиона)
Командир имперского легиона

Командиром легиона становился сенатор, которому было чуть больше тридцати; он служил в этой должности три-четыре года

К 268 году император Галлиен объявил, что сенаторы больше не имеют права командовать легионами, и к концу III века всеми легионами командовали префекты-всадники, которые тогда находились в более высоком ранге, чем трибуны (*Атт.* V, 53).

XXIII ПРЕТОР

Претор был римским магистратом высокого ранга. С середины I века н. э. бывшим преторам все чаще и чаще давали командовать легионами. По рангу они были выше, чем легаты легиона, и имели право на шесть фасций и ликторов. Как Веспасиан, так и его брат Сабин имели ранг преторов, когда командовали легионами во время вторжения в Британию в 43 году.

После 268 года по приказу Галлиена преторы уже не командовали войсками.

Титул пропретора получали наместники имперских провинций Рима — в противоположность проконсулу, такой титул получали «невооруженные» сенаторские провинции, чьи наместники назначались сенатом.

XXIV ЗНАКИ ОТЛИЧИЯ СТАРШИХ ОФИЦЕРОВ

Армия раннего императорского Рима

РАНГ	ФАСЦИИ И ЛИКТОРЫ	ИНСИГНИИ
Военные трибуны	0	Белый плащ
Квестор	1	Белый плащ
Легат легиона	5	Красный плащ, кушак и знамя
Претор	6	То же, что у легата
Консул / бывший консул	12	Пурпурный плащ и знамя
Император	12–24 ¹	Разные

¹ Большинство императоров использовали 12, хотя у Домициана было 24, как у диктаторов во времена республики.

XXV
СТАРШИЕ ОФИЦЕРЫ ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

Команду дают префекты, дуксы и комиты

В ходе царствования Диоклетиана и его соправителей в 285—305 годах н. э. первоначальные провинции Рима были разделены больше чем на сотню маленьких провинций, каждая со своим собственным наместником и военным командиром. Между 312 и 337 годами Константин Великий провел реорганизацию еще дальше.

Когда префекты командовали легионами, старшие трибуны продолжали быть вторыми по старшинству офицерами в легионе по прямому назначению императора. «Второй трибун» заменил старый ранг срочнотружущаго префекта лагеря в качестве третьего по старшинству в легионе, и он получал почетное назначение после долгой службы (Vege. II).

Трибуны-ангустиклави были заменены в качестве младших офицеров *candidatae militares* — военными кандидатами. При Константине этот корпус для подготовки офицеров включал в себя две когорты, прикомандированные к телохранителям императора. Носившие белые туники и плащи *candidatores*, как их называли, все были молодыми людьми, выбранными за высокий рост и приятную внешность. Служба кандидатов готовила молодых офицеров для повышения на должность трибунов и командующих подразделениями. Во многих случаях в IV веке военные кандидаты отправлялись в битву с императорами, служа в качестве независимых военных подразделений внутри императорской охраны.

Фасции — связка деревянных прутьев вокруг топора — означали власть римского магистрата

Стилихон, имевший ранг комита, командовал как пехотными, так и кавалерийскими армиями Рима на рубеже IV—V вв.

Наместник провинции в IV веке был лицом гражданским. Отдельные военные командиры провинций имели ранг дуксов, или «вождей» (позднее «дюк», герцог). Начальником дукса был региональный командующий, чей авторитет мог распространяться на несколько провинций или в некоторых случаях весь Восток или Запад империи; он имел титул комита (comes буквально значит «спутник») императора (позднее count, граф). Комиты также отвечали за определенные области в гражданской администрации. Военные комиты командовали также телохранителями императора. В конце IV века всегда было два военных комита и тридцать дуксов, в то время как на Востоке — четыре военных комита и двенадцать дуксов.

Как дукс, так и комит, когда были в военной форме, отличались золотым поясом (cincticulus) — генеральским кушаком, в отличие от алого пояса старого легата легиона. Дукс и комит получали больше жалованья, а также отдельные выплаты, которые позволяли каждому держать 190 личных слуг и 158 личных коней. Вместо двух префектов претория Константин ввел посты

магистра пехоты и магистра конницы в качестве высших военных командующих империи. Пост префекта претория сохранился, но он имел гражданскую, административную роль; множество префектов были размещены по империи, служба своего рода финансовыми ауди-

торами, отвечавшими непосредственно перед императором (*Gibb.* XVII).

Многие римские командующие IV и V веков были иностранного происхождения: среди них комиты Сильван и Луттон, оба франки; германец Магненций, Урзицин (возможно, германец-алеманн) и Стилихон, один из родителей которого был вандалом. Отец комита Брагациона, магистра конницы при Констанции II, был франком. Маллобауд — трибун *armaturae*, тяжеловооруженного подразделения римских конных телохранителей императора в IV веке, был франком по рождению, а затем стал королем франков. Виктор, магистр конницы при императоре Валенте, был сарматом.

XXVI

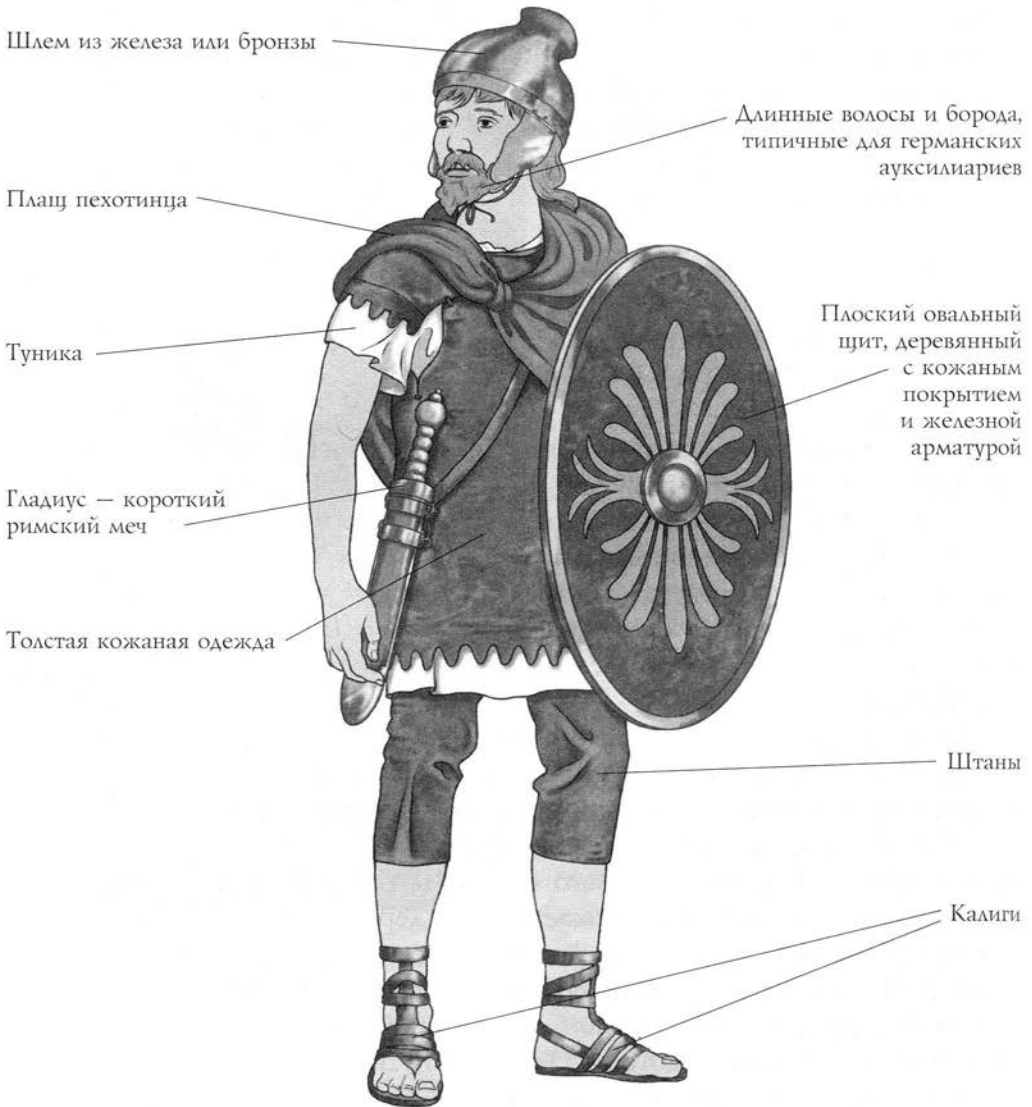
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ВОЙСКА
(АУКСИЛИАРИИ)

Солдат вспомогательного подразделения (*ауксилиарий*) был иностранцем, который изначально не имел римского гражданства. Большинство провинций и несколько союзных государств давали людей для пополнения рядов вспомогательных отрядов римской армии. Некоторые вспомогательные отряды жили и сражались рядом с определенными легионами; другие действовали независимо. В 60 году н. э., например, восемь когорт батавской легкой пехоты были связаны с XIV Сдвоенным легионом.

По меньшей мере два крыла вспомогательной кавалерии также должны были быть прикомандированы к каждому легиону, так что легион вместе с поддерживающими его союзниками обычно выходил на поле боя в составе около 5200 легионеров и такого же числа вспомогательных войск, то есть всего около 10 тысяч бойцов. В I веке считалось, что легион всегда сражается с поддерживающими его вспомогательными войсками: так, Тацит, говоря о том, как Домиций Корбулон в 54 году н. э. получил на Востоке подкрепления, говорит о том, что из Германии прибыл «легион с приданной ему вспомогательной конницей и такой же пехотой» (*Тас. А. XIII, 35*).

Независимые вспомогательные отряды являлись единственными вооруженными силами в так называемых «невооруженных» провинциях — Мавретании в Северной Африке, например: много лет гарнизоном там были только вспомогательные войска.

Хотя нередко они были вооружены почти так же, как легионеры, солдаты вспомогательных подразделений носили штаны, легкие кольчуги, и их называли «легкой пехотой». Специализированные отряды, такие как лучники и пращники, метавшие камни и свинцовые снаряды

Вспомогательные войска
Солдат легкой пехоты
Начало II в. (с колонны Траяна)

ды, всегда были вспомогательными. Из Сирии приходили лучшие лучники, в то время как Крит и испанские Балеарские острова славились пращниками. В каждом легионе был небольшой дополнительный кавалерийский отряд из 128 человек в качестве разведчиков и гонцов, но вспомогательные войска составляли все независимые конные подразделения в германской армии. Особенно ценились всадники-германцы, прежде всего батавы.

Вспомогательным войскам платили всего треть от зарплаты легионера — 300 сестерциев в год до царствования Коммода, когда она возросла до 400 сестерциев (*Starr. V, I*). Кроме того, солдаты вспомогательных войск и служили дольше — двадцать пять лет, в отличие от шестнадцати у легионеров, а потом — двадцати (легионеры служили еще как эвокаты) лет. Будучи однажды отправленными в отставку, вспомогательные войска не могли вернуться на службу. Они не получали при отставке премии, но и вспомогательные войска, и моряки получали премию при зачислении на службу, *viaticum* в 300 сестерциев, когда вступали в армию (*Starr. V, I*).

От Британии до Швейцарии и от Балкан до Северной Африки племена варваров должны были давать рекрутов для своих особых национальных подразделений, хотя были иногда и исключения. Тиберий приказал, чтобы новые рекруты для отряда фракийских всадников приходили из-за пределов Фракии — и это весьма огорчило уже служивших тогда гордых фракийских всадников.

Копии каждого отдельного патента на гражданство, выданные вышедшим на пенсию солдатам вспомогательных войск, хранились в комплексе Капитолийского холма в Риме, в храме Верности (*Fides*). Вспомогательные солдаты высоко ценили свидетельство о гражданстве; некоторые изображали себя на надгробных камнях со свидетельством в руках. В 212 году н. э. Коммод распространил римское гражданство на всех жителей империи, и римское гражданство перестало быть стимулом для поступления в отряды вспомогательных войск.

Типичным солдатом, прослужившим двадцать пять лет и получившим гражданство, был Гемелл из Паннонии: в 97 году, при Нерве он поступил в армию и получил гражданство 17 июля 122 года при Адриане. Точно так же, как легионера можно было переводить между легионами с повышением, так же и воины вспомогательных войск переводились из одного подразделения в другое. Когда Гемелл получил свою почетную отставку, он был декурионом I Паннонской когорты. В ходе своей карьеры он прошел путь от VII когорты до I, служа в разных

отрядах — с Балкан, Франции, Греции, Голландии, Испании, Швейцарии и Греции, в том числе некоторое время и в VII Фракийской когорте в Британии.

Даже получив гражданство, воины вспомогательных подразделений зачастую поступали на службу снова. Луций Вителлий Танцин, кавалерист из алы Веттония, родившийся в Каурии в Испании, вступил в армию в 20 лет, прослужил свой 25-летний срок в Британии, получил гражданство и затем подписался еще на один срок. Годом спустя, в возрасте 46 лет он умер: в храме Аквы Сулис в Бате он, возможно, искал исцеления от того, чем болел, — воды священного источника имели легендарную целебную силу.

В ходе большей части императорского периода вспомогательными подразделениями командовали префекты, всегда члены сословия всадников: зачастую это были молодые знатные римляне. Но в некоторых случаях вспомогательными отрядами командовали знатные люди из их собственного племени. Таким «этническим» префектам редко позволяли идти на повышение выше ранга префекта.

БРИТТСКИЙ СОЛДАТ ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ УХОДИТ В ПОЧЕТНУЮ ОТСТАВКУ

Награда за отважную службу Риму

10 августа 110 года н. э. Новантик — пехотинец, родившийся и выросший в городе Раты (современный Лестер в Англии), стоял в сражении римской армии в лагере Дарнитетис в недавно завоеванной Дакии. Новантик был бриттом кельтского происхождения. Он и около тысячи молодых кельтов присоединились к римской армии весной 98 года; они были набраны в армию недавно вступившим на престол императором Траяном в новый вспомогательный отряд легкой пехоты, получивший почетное, императорское имя: I Ульпиева когорта бриттов (Cohors I Brittonum Ulpia).

Три года спустя I когорта Бриттов стала одним из множества подразделений сотысячной римской армии, которая вторглась в Дакию. Новантик и его товарищи-бритты сражались так свирепо и отважно в ожесточенных битвах в горах и ущельях Дакии, что через четыре года после того, как страна была завоевана, император даровал всем остав-

шимся в живых воинам этого отряда почетную отставку — за тринадцать лет до того, как должен был закончиться 25-летний срок службы.

На собрании Новантик встал перед офицером-командиром и ему передали несколько бронзовых листков как раз такого размера, чтобы поместились в руке. Это было свидетельство об отставке для бритта — его копия должна была пойти в Рим, чтобы быть выставленной напоказ вместе с тысячами других. С отставкой Новантик получил в награду римское гражданство. Став гражданином, он имел право принять многочастное римское имя. Новантик выбрал имя в честь императора, которому верно служил все эти двенадцать лет.

«Воину-пехотинцу Марку Ульпию Новантику, сыну Адкобровата из Рат, — прочел командир, — за преданную и верную службу в дакийских походах до завершения срока военной службы» (Сертификат об отставке Марка Ульпия Новантика, Британский музей).

Теперь Марк Ульпий Новантик мог вернуться домой, в Британию, чтобы насладиться плодами своей военной службы и завести семью. Почти 2 тысячи лет спустя его бронзовый сертификат об отставке был выкопан из британской земли и рассказал о том, как Новантик служил частью римской военной машины.

Этот диплом дает Дернаю Дердипилию почетную отставку из флота императора Веспасиана, римское гражданство для него самого и его потомков, а также право вступать в законный брак. Это также один из очень немногих дипломов, где сохранились первоначальный шнурок и проволоки, которыми он скреплен. (Перевод: «Флотский диплом, данный императором Веспасианом ветерану-моряку Дернаю Дердипилию из Фракии после 26 лет службы в Равеннском флоте под командованием Секста Луцилия Баса»)

XXVII

РИМСКИЕ ИМЕНА У СОЛДАТ
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ВОЙСК И МОРЯКОВ

До 212 года, когда Коммод даровал всем жителям империи римское гражданство, воины вспомогательных отрядов, морские пехотинцы и моряки во флоте не были римскими гражданами. Неграждане (их называли «перегринами») традиционно использовали только одно имя — например, Гениал. Латинское многочастное имя, такое как Гай Юлий Гениал, было уделом тех, кто получил римское гражданство. Соответственно, изучавшие римскую историю — еще со знаменитого римского ученого XIX века Теодора Моммзена — считали, что любой, у кого есть многочастное имя, является римским гражданином. Но, как замечает профессор Честер Старр и другие ученые, неграждане, служившие в римских войсках, нередко использовали латинские имена, и, следовательно, легальный статус римского солдата или моряка не всегда можно установить по его имени (*Starr. V, I*).

Среди других примеров Старр (цитируя трех других известных ученых) приводил случай с Исидором и Неоном, двумя египетскими рекрутами — не римскими гражданами, состоявшими в I преторианской когорте лузитанов: поступив на службу, они немедленно изменили свои имена на «Юлия Марциала» и «Луция Юлия Аполлинария». Александрийский рекрут Октавий Валент в том же подразделении тоже не мог обладать латинскими правами, несмотря на латинское имя (*Starr. V, I*).

Клавдий попытался устранить эту практику, запретив перегринам принимать римские фамилии. Однако при более поздних императорах эта практика возобновилась, и, как замечает Старр, солдаты вспомогательных войск могли брать латинские имена, «когда хотели» (*Starr. V, I*). До царствования Нерона ауксилиарии, набранные в германскую гвардию (телохранители императора), принимали греческие или латинские имена или, вступая в отряд, прицепляли латинские имена к своим родным (*Speid. 4*). В царствование Нерона многочисленные воины, служившие в германской гвардии, носили трехчастные имена, включавшие их родное имя плюс «Тиберий Клавдий» (*Speid. 4*). Это было в честь предшественника Нерона — Клавдия, в царствование которого эти люди должны были вступить в отряд.

В царствование Траяна воины вспомогательных отрядов из личных конных телохранителей императора (сингуляриев) обычно добавляли к своим именам «Марк Ульпий» сразу после вступления в отряд. Это всегда выделяло их как людей, служивших императору. Точно так же при Андриане, когда рекруты поступали в то же подразделение, многие принимали имя императора — Публий Элий (*Speid.* 4).

Ко II веку практика использования негражданами многочисленных латинских имен стала не только обычной, но и стала общепринятой даже в высших слоях общества, как очевидно из письма 106 года н. э. Плиния Младшего императору Траяну; там он писал: «Далее, я прошу даровать полное римское гражданство Луцию Сатрию Абасканту, Публию Цезию Фосфору и Панхарии Сотериде» (*Plin.* X, 11).

Латинские имена широко использовались людьми, служившими во вспомогательных отрядах во II веке, несмотря на то что им еще надо было получить римское гражданство. Это очевидно из доклада из I когорты лузитанов в Египте, датированного 117 годом до н. э. Этот доклад подробно рассказывает о приеме новых рекрутов из провинции Азия и их распределении по различным центуриям внутри вспомогательной когорты. Имена знаменосцев в этих вспомогательных центуриях все двойные или тройные (*Tom. DRA*).

Немногие дошедшие до нас полностью зафиксированные карьеры центурионов и декурионов, которые служили во вспомогательных отрядах, показывают, что они были римскими гражданами и начали служить легионерами перед тем, как получить повышение и быть переведенными во вспомогательные отряды. Тем не менее отчет о рационе кавалерийской алы, размещенной в Лугувалии в Британии (конец I или начало II века), называет для большей части декурионов, командовавших шестнадцатью отрядами кавалерии в форте, по одному имени. Но все эти имена — прозвища, например Агилий (Быстрый, Ловкий), Доцилий (Послушный), Гентилий (Родич), Мансуэт (Добросердечный), Марциал (Воинственный), Пекулиарий (Особо близкий друг) и Содемний (Торжественный).

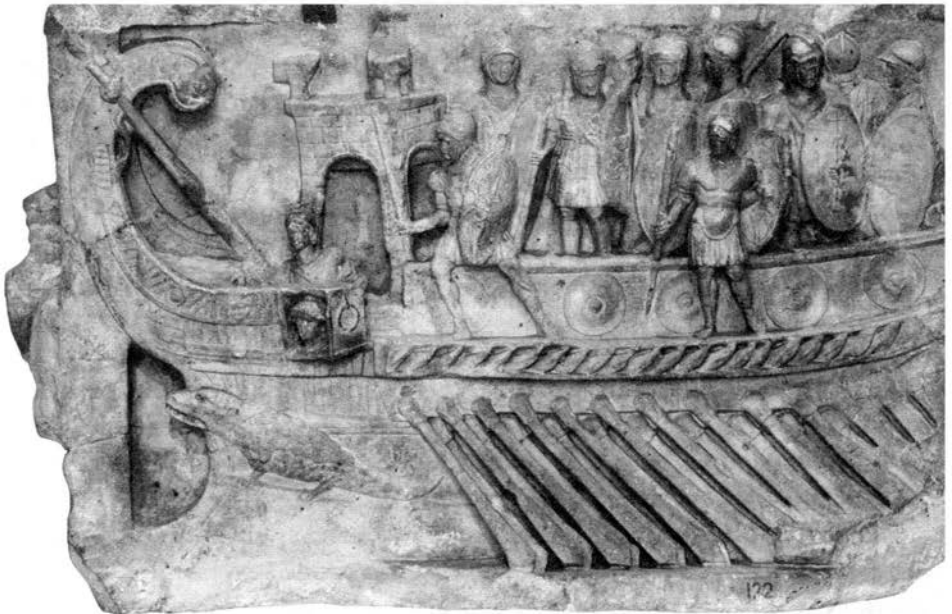
Как пример перегринна, принявшего многочисленное латинское имя, только вступив в римский флот, можно привести египетского моряка II века Апиона, который написал домой своей семье в Египет, что был целым и невредимым на базу флота в Мизен на западном побережье Италии и присоединился к команде боевого корабля «Афиноника». И как бы между прочим он завершает письмо словами: «А теперь меня зовут Антоний Максим» (*Starr.* V, 1).

XXVIII
NUMERI

Со II века н. э. соединения из иностранцев под названием *numeri* (буквально: «числа») служили в римской армии в качестве пограничников; в них поступали северные соседи римлян, в том числе сарматы и германцы. *Numeri* было общим названием подразделения нестандартного размера и устройства. Сведений о них практически нет. Больше двадцати таких подразделений служили в одной Британии (*Hold. RAB. Inidices*).

XXIX
МОРСКИЕ ПЕХОТИНЦЫ И МОРЯКИ

Морские пехотинцы служили в двух основных военных флотах Рима, в Мизене близ Неаполя и в Равенне у северо-восточного берега на Адриатике, а также в меньших флотах по всей империи. Когорты

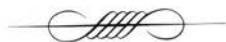

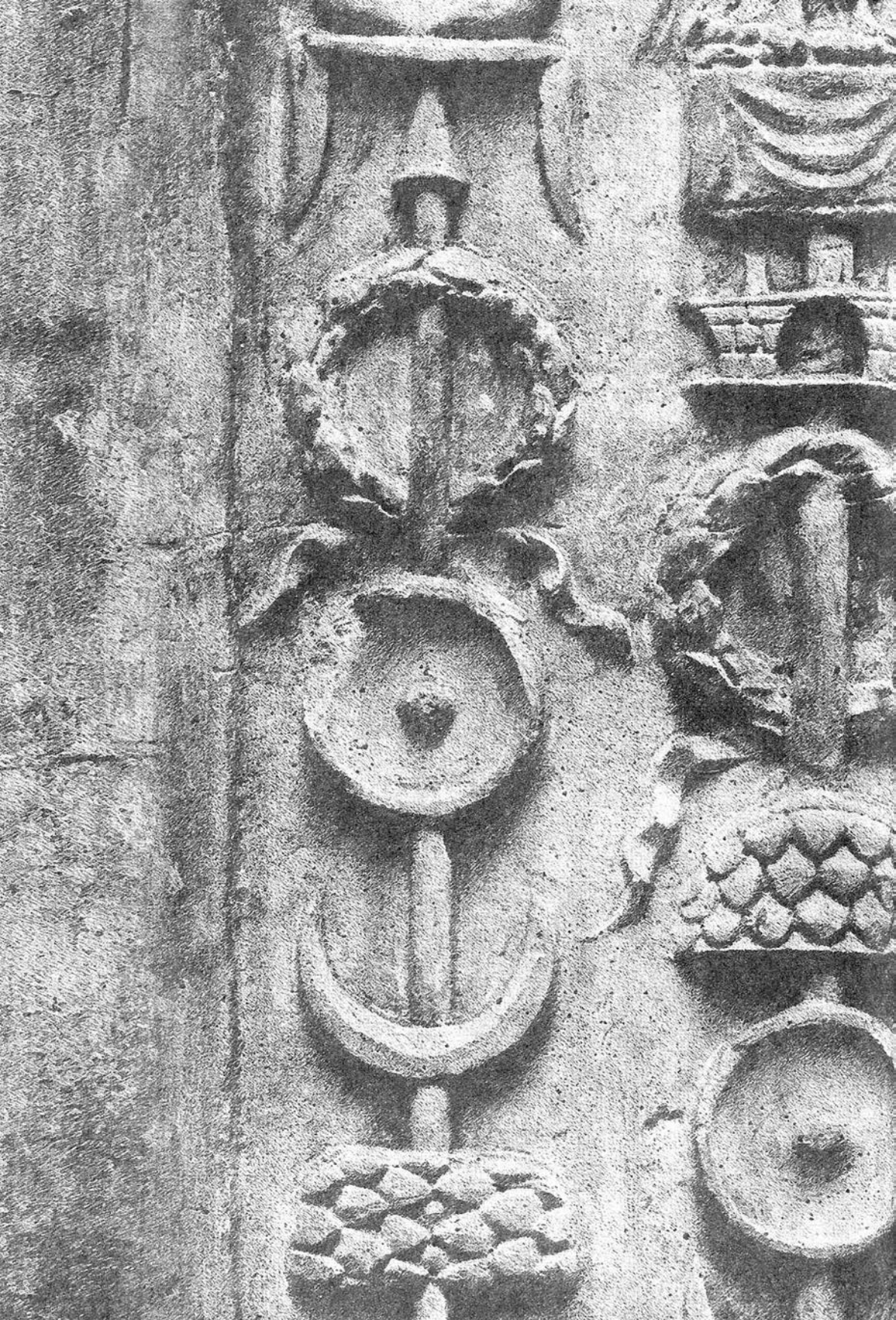
Римские офицеры и морские пехотинцы готовятся штурмовать корабль врага. Гребцы (их не видно, они сидят под палубой) были получавшими жалование матросами, а не рабами, и их также тренировали с тем, чтобы они могли вступить в рукопашную на борту

морских пехотинцев также работали пожарными в основных портах, таких как Остия и Мизен.

Они всегда были негражданами, а нередко — бывшими рабами, и поэтому морские пехотинцы и моряки всегда считались ниже как легионеров, так и ауксилиариев. Морской пехотинец — *miles classicus* — получал меньше, чем легионер, и служил дольше — двадцать шесть лет. Моряки, работавшие на веслах и парусах военных кораблей Рима, служили на тех же условиях, что и морские пехотинцы; их также учили обращаться с оружием, чтобы они могли отбивать противника, шедшего на abordаж, и сами идти на abordаж вражеских кораблей. Как морские пехотинцы, так и моряки были организованы в центурии под командованием центурионов на своих кораблях. Либурна — самая маленькая римская военная галера — обычно была снабжена командой из 160 моряков и 40 морских пехотинцев.

Морских пехотинцев учили обращаться с катапультами, которые стреляли горящими снарядами с кораблей. Кроме того, они принимали участие в рукопашной — метали дротики в проходившие мимо вражеские корабли, нередко с высоких деревянных башен, построенных на палубе. И они образовывали abordажные отряды для захвата вражеских кораблей.

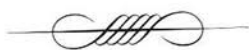

Ч А С Т Ь

ЛЕГИОН

*Я думаю, что римские легионы
были так организованы
не только по человеческому
усмотрению, но и установлены
по Божественному
провидению.*

ВЕГЕЦИЙ

О военном деле, IV в. н. э.

Римский легион был чем-то гораздо большим, чем просто группа вооруженных людей. Каждый был отдельным учреждением со своим лицом и историей — иногда славной, иногда позорной. Первоначальных легионов империи было не так уж много — на момент кончины первого императора Августа всего двадцать пять, а веком спустя при Трояне — тридцать. Многие из них просуществовали 400 лет. Хотя к тому времени, когда над Римом нависла гибель, многие из его некогда внушавших страх и почтение легионов исчезли или превратились в обычные отряды пограничников. Некоторые легионы всегда были надежными, некоторые преодолели унижительные поражения и завоевали славу, а другие были обречены на серое прозябание. Вот легионы, которые сделали Рим великой державой.

I

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕГИОНА

«Римская же доблесть всегда и преимущественно проявляла свою силу в регулярных легионах», — писал Вегеций (*Vege.* II). Он писал в конце IV века, когда военная организация, введенная Августом более чем 400 годами ранее, настолько деградировала со временем, что легионы в дни Вегеция стали бледным подражанием оригиналам императорской эпохи.

С 30 года до н. э. Август взял республиканский легион, в котором было 6 тысяч человек с его десятью когортами по 600 человек, и превратил его в подразделение с девятью когортами из 480 человек, и так называемая «удвоенная» I когорта из 800 человек была занята защитой командира легиона и его штандарта — орла. К этому август добавил легионную кавалерию — эскадрон из 128 человек; в результате (по крайней мере, на бумаге) легион состоял из 5248 человек, в том числе 59 центурионов плюс 3 старших офицера, легат, трибун-латиклавий и префект лагеря. К этому добавлялись еще 5 младших офицеров — трибунов-ангустиклавиев.

Когорты с II по X делились на три манипулы по 160 человек каждая, причем каждая манипула состояла из двух центурий по 80 человек каждая (в противоположность центурии из 100 воинов в республиканском легионе). I когорта состояла из пяти манипул или десяти центурий.

Самым маленьким подразделением имперского легиона был контуберний или взвод из восьми человек. Эти восемь человек жили в

одной палатке, вместе готовили еду, вместе ели, сражались и умирали вместе. В 1963 году генерал-лейтенант сэра Брайен Хоррокс, прославленный командир британского корпуса во время Второй мировой войны, заметил, что в средней группе из десяти бойцов двое — лидеры, семь идут за ними, а один вообще не хочет здесь находиться (*Horr. SSW*). Наверное, такое обобщение подходит и к легионерам в одном контубернии.

Тацит говорит о существовавшем в его время «солдатском обычае, согласно которому каждый воин сам избирает следующего»: это значит, что легионеров поощряли к тому, чтобы выбирать себе товарища из своего взвода, который будет стоять в битве за его спиной и, если произойдет самое худшее, похоронит друга и обеспечит исполнение его завещания (*Tac. H. I, 18*).

Легион Римской империи: структура подразделения

II ФОРМУЛА НУМЕРАЦИИ ЛЕГИОНОВ ЛОРЕНСА КЕППИ

Откуда взялись легионы с V по X?

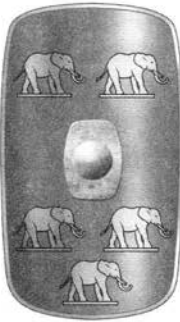
Из Ливия мы знаем, что во II веке до н. э. у Рима были легионы с номерами V, VII и VIII, которые стояли в Испании. Мы находим там V и VIII в 185 году до н. э. и V и VII — в 181 году до н. э. Немного ранее XI, XII и XIII легионы воевали в Цизальпинской Галлии (*Livy. XXXIX, 30, 12*).

Современный исследователь истории легионов доктор Лоренс Кеппи предположил, что после ряда легионов с номерами от I до IV, которые были зарезервированы за консулами, римский сенат по традиции присваивал легионам по империи номера с запада на восток, причем легионы с номерами с V по X находились в Испании, XI, XII и XIII — в Цизальпинской Галлии, а легионы с дальнейшими номерами посылали на Восток: например, XVIII легион был размещен в Киликии (*Кепп. МРА. 2*). Много дополнительных данных подтверждают такую схему.

На основе формулы Кеппи весьма вероятно, что, когда Юлий Цезарь занял пост наместника Бетики или Дальней Испании в 61 году до н. э., V, VII и VIII легионы все еще базировались в двух тогдашних испанских провинциях Рима наряду с VI и IX. Плутарх говорит, что в Бетике уже находились два легиона той весной, когда Цезарь прибыл в столицу провинции — Кордубу, и немедленно набрал в провинции новый легион (*Plut. Caesar*). Следуя формуле Кеппи, очевидно, что новое подразделение должно быть последним из набранных X легионов. Цезарь мог набрать XI и XII только два года спустя в Цизальпинской Галлии.

Сам Цезарь в 58 году до н. э. писал, что служил в Галлии с «четырьмя старыми легионами» — как показали дальнейшие события, это были VII, VIII, IX и X легионы (*Caes. GW. I, 24*). Вполне возможно, что он попросил сенат дать ему те три легиона, что служили под его командованием в Бетике двумя годами ранее, плюс еще один из легионов, стоявших в Испании. Цезарь говорит, что сенат вскоре довел количество испанских легионов до шести (*Caes. CW. I, 85*). Формула Кеппи заставляет полагать, что V и VI легионы оставались в Испании, в то время как VII, VIII, IX и X присоединились к Цезарю для его галльских походов.

Позднейшие события показывают, что сенат послал II, III и IV легионы на Иберийский полуостров, чтобы заменить четыре легиона, посланные к Цезарю наряду с еще одним безымянным италийским легионом (возможно, Марсовым), оставив I легион в Италии. Мы знаем, что II легион определенно был одним из тех легионов, которые сенат послал в Испанию на замену (*Alex. W. I, 53*). Эти шесть легионов в Испании находились под общим контролем Помпея Великого, который в то время управлял Испанией из Рима и к 52 году до н. э. Помпей одолжил свой VI легион Цезарю для использования в Галлии. К 50 году до н. э. Помпей отозвал VI легион в Испанию (см. с. 152).

V Жаворонков

V Македонский

VI Железный

VI Победоносный

VII Клавдиев

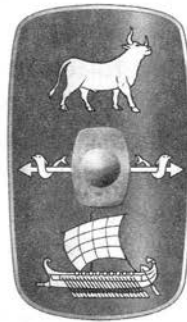
VII Сдвоенный

VIII Августов

IX Испанский

X Пролива

X Сдвоенный

Есть и дополнительные аргументы в пользу формулы Кеппи. Цезарь говорит там, что летом 49 года до н. э. после того, как он принял сдачу пяти республиканских легионов Помпея в Ближней Испании, он послал некоторые из своих войск на юг Франции, чтобы они считали себя вышедшими в отставку, как только дойдут до реки Вар. Цезарь

писал, что треть солдат сдавшихся войск, «имеющих жительство в Испании или чем-либо там владеющих», были немедленно освобождены от службы и отпущены домой (*Caes. CW. I, 86*). Если люди из V и VI легионов действительно находились среди тех войск, которые сдались (как это и предполагает теория Кеппи), то они стояли в Испании годами и, возможно, там же были и набраны.

После сдачи двух республиканских легионов, остававшихся в Бетике в 49 году до н. э., Цезарь оставил Квинта Кассия Лонгина там командовать. На следующий год Кассий «набирает новый легион, пятый» в Кордобе (*Alex. W. IV, 50*). Почему Кассий решил дать своему новому легиону именно номер 5? Раньше, в начале 49 года до н. э., перед сдачей республиканских сил в Испании, наместник Помпея в Бетике, Варрон, также набрал в провинции новый легион, но он так и не дал ему номер; он был известен (и продолжал быть известен) даже после того, как перешел к Цезарю, как Местный или Домашний легион.

Тогда, когда набирался Домашний легион, ни один из номеров «сенаторской серии», которые обычно давали легионам, размещенным в Испании (согласно формуле Кеппи), не был свободен — легионы с номерами от V до X были даны уже служившим легионам. К следующему году республиканский V легион уже не существовал, сдавшись Цезарю в Восточной Испании. Таким образом, Кассий был волен использовать один из номеров сдавшихся легионов. Поскольку V легион раньше набирался в Бетике и поскольку V был первым номером из одобренной сенатом испанской серии, то Кассий и смог его использовать, создав новый V легион.

Представляется, что последовательность номеров, идентифицированная Кеппи, была сохранена и в императорскую эпоху, поскольку в 68 году н. э., когда Гальба, наместник Ближней Испании, набрал в своей провинции новый легион, чтобы поддержать его претензии на трон Нерона, то он назвал его VII легионом, хотя VII легион, Клавдиев, уже существовал. Ни древние, ни современные авторы не приводят никакой разумной причины, почему он выбрал именно VII номер. По формуле Кеппи было вполне логично дать VII номер легиону, набранному в Ближней Испании, эта провинция традиционно имела дело с VII легионом, и, возможно, в 68 году н. э. она продолжала быть местом набора уже существовавшего VII Клавдиева легиона.

Есть и более интересная связующая нить, которая также подтверждает предположение Кеппи о том, что легионы с V по X традиционно

размещались в Испании в конце республиканской эпохи, — эмблема быка. Уже с XIX века историки считают, что каждому легиону, набранному Цезарем, эмблемой служил бык. Это неверно. Сам Цезарь никогда не использовал быка в качестве своей эмблемы, и использовали его лишь немногие связанные с ним легионы.

Только III, а также V, VI, VII, VIII, IX и X легионы использовали эмблему быка, и все они в республиканскую эпоху размещались в Испании. В то время как V легион Жаворонков взял в качестве эмблемы слона Цезаря после битвы при Тапсе в 46 году до н. э. — за победу над слонами царя Ююбы, — имперский V легион, Македонский, все-таки использовал быка. Вполне возможно, что V легион Жаворонков считал своим символом быка еще до битвы при Тапсе. И наоборот, мы не знаем ни одного легиона с номером выше X, который когда-либо использовал быка в качестве своей эмблемы. А Цезарь набрал много легионов с номерами выше X.

И наконец, есть еще один интересный факт, который может служить дополнительным «кирпичом» в основание теории Кеппи. После того как в 19 году н. э. закончилась Кантабрийская война и значительное число легионов, участвовавших в этом конфликте, были выведены из Испании для службы в других провинциях, единственными легионами, постоянно размещенными в Испании в следующие 300 лет императорской эпохи, остались IV, VI, VII и, наконец, X. Ни один легион с номером выше X там никогда не размещался. Конечно, это может быть чистым совпадением, но если так, то это совершенно фантастическое совпадение. Гораздо более вероятно, что испанская политика с номерами с V по X, выявленная Кеппи, продолжала сознательно использоваться еще сотни лет при римских императорах.

III ЛАГЕРЬ ЛЕГИОНА

Август требовал, чтобы каждый легион строил для себя постоянные зимние лагеря в тех провинциях, где базировался; на один лагерь могло приходиться максимум два легиона. Легионы традиционно уходили в лагерь, когда военный сезон официально заканчивался 19 октября церемонией в римском храме Марса. Первоначально строившиеся из дерева, зимние лагеря стали постоянными базами, соорудившимися

Постоянный лагерь, построенный X Сдвоенным легионом в бывшей столице батавов Новиомеге (сегодня Неймеген) после мятежа Цивилиса

из камня. Лагерь, раскинувшийся на много акров, включали в себя бараки для воинов, комплекс

штаб-квартиры, бани, амбары и госпиталь. В типичном постоянном лагере (например, II Августова легиона в Эксетере) каждое барачное здание могло вмещать центурию из восьмидесяти человек с отделением для каждого из взводов в центурии, комнату для центуриона и помощника центуриона и большую столовую и кладовую для хранения и экипировки.

На марше легионы строили укрепленный походный лагерь в конце каждого дня: они маршировали утром и копали и строили во второй половине дня. Хотя эти ночные лагеря были только временными, они должны были представлять собой «как бы настоящий укрепленный город» (*Vege.* II). Постройка лагеря осуществлялась легионерами, которые так же умело обращались с мотыгой и лопатой, сооружая лагерь и осадные сооружения, как и с дротиком и мечом. «Домиций Корбулон говорил, что врага надо побеждать топором (то есть военными сооружениями)», — писал соратник Корбулона, полководец I века н. э. Фронтин (*Front.* IV, VII, 2).

Когда легион шел дальше, он разбивал лагерь в самом буквальном смысле этого слова — легионеры ломали все, что не могли унести с собой. В качестве части своей экипировки каждый легионер нес с собой два кола, который он брал с собой, когда легион отправлялся в

путь, и ставил их на следующем месте для лагеря; этими кольями был утыкан верх палисада, окружавшего лагерь.

Полибий писал, что римляне разбивают лагерь, «всегда и везде неизменно соблюдая одни и те же правила» (*Poly.* VI, 26). Иосиф описывал, как во время кампании в Иудее во главе колонны Веспасиана вместе с отрядом строителей дорог шли десять человек из каждой центурии легиона авангарда, чьей работой было размещать место для каждого нового походного лагеря по принятым правилам.

Обычно для лагеря выбирали место на вершине холма. Сровняв место, начинали планировать лагерь. Начинали от претория — штаб-квартиры полководца, закладываясь по точным пропорциям. Его место обозначалось белым флагом. Схема-сетка из рядов «улиц» и палаток проводилась от нее; пурпурные флажки и копья обозначали места, где должны были стоять палатки офицеров, а также когорт и манипул. Когда чуть позже на место прибывала армия, войска всегда входили через главные ворота, и точно знали, куда ставить палатки и как устраивать остальной лагерь.

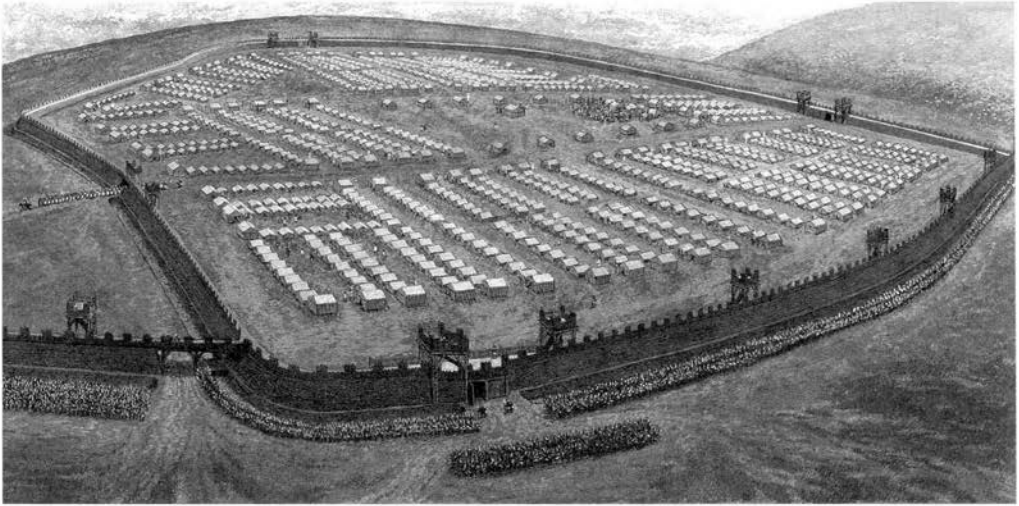
Перед тем как ставить или втыкать свои собственные палатки, отдельная команда солдат ставила палатки легата и трибунов. У всех офицеров была собственная палатка. Легионеры спали в палатках на восемь человек; первоначально их делали из сшитых кусков кожи с прямыми сторонами и крышами-фронтами. К II веку стали нормой палатки из парусины. Перед палатками трибунов было место для собраний с трибуналом, или своего рода парадной трибуной; ее строили из торфа.

Стены походного лагеря были высотой 10–12 футов (от 3 до 4 метров); их делали из торфяных кирпичей; ров на дальней стороне, из которого брали землю для стен, был глубиной 12 футов (4 метра) и шириной 3 фута (1 метр), однако у разных командиров он мог быть разным. Расчищенное пространство шириной 200 футов (60 метров) оставляли между линией палаток и стенами лагеря, чтобы горящие стрелы или зажигательные бомбы не попали в палатки снаружи. Добычу, скот и пленников держали на этом открытом пространстве.

Как только деревянные ворота и башни занимали свое место, вдоль стен ставили легионные ка-

Мотыга, серп и полевой нож — эти орудия были с собой у всех римских легионеров

Хотя походные лагеря и были временными, они выглядели как постоянные. Этот лагерь у Алезии в 54 г. до н. э. должен был быть недолговременным лагерем на протяжении осады Цезарем мятежной столицы галлов

тапульты. В лагере было четверо ворот, по одному в каждой стене; они должны были быть достаточно широкими, чтобы в них бок о бок

прошло десять человек. Главный вход, именовавшийся Декуманскими воротами, был обращен прочь от врага. На противоположной стороне лагеря преторианские ворота близ претория были обращены лицом к врагу. Ни один человек, будь то полководец или царь, не мог ездить в лагере верхом, и, очевидно, это считалось плохой приметой. Когда двое юношей (возможно, младших трибунов) проехали верхом через лагерь как раз перед смертью цезаря Друза в 9 году до н. э., это посчитали дурным предзнаменованием (*Dio. LV, 1*).

В то время как часть легиона занималась постройкой лагеря, когорта охраны стояла на страже, а другие команды находились вне лагеря, добывая дрова, воду и пищу вместе с воинами вспомогательных подразделений. Как только постройка была закончена и подразделения возвращались назад, легионеров собирали по манипулам, затем раздавалась команда «вольно» — они расходились когорта за когортой под своим квартирам, дисциплинированно сохраняя тишину.

В каждой манипуле бросали жребий, распределяя обязанности часовых; время распределяли на четыре стражи каждая по три часа во время двенадцати римских ночных часов; время подсчитывали, пользуясь водяными часами. Восемь часовых — четверо спереди, четверо сзади — стояли у палатки дежурного трибуна, меняясь с каждой новой

стражей. Трех часовых ставили также и у претория и двоих — у лагеря любого другого командующего, присутствовавшего в лагере. Каждый манипул и каждый кавалерийский эскадрон ставил охрану в своих собственных квартирах; по десять часовых стояли у каждых ворот лагеря; другие охраняли стену и сторожевые башни (*Poly. VI, 35—37*). В течение дня у лагеря ставили сторожевой пикет.

Работа патрулирования лагерных стражей ночью приходилась на долю кавалеристов. Старший декурион легионного кавалерийского подразделения посылал четырех воинов патрулировать часовых во время четырех ночных страж, одного на каждую, чтобы убедиться, что все стражи присутствуют и не спят (*Poly. VI, 35—37*). Эта система часовых и патрулирующих, описанная Полибием во II веке до н. э., продолжала использоваться и 550 лет спустя (*Vege. III*).

IV

ПАРОЛИ И МУЗЫКАЛЬНЫЕ СИГНАЛЫ

На закате каждого дня старший офицер в лагере давал новый пароль, и любой, кто подходил к лагерю ночью, должен был сказать пароль. Трибун охраны должен был передать новый пароль каждому тессерарию для передачи охранным постам на следующие двадцать четыре часа. Пароли применялись и в Риме, где их давал император или, в его отсутствие, консул. Нерон однажды выбрал пароль «Лучшая из матерей». Клавдий часто давал цитаты из Гомера.

Повседневная жизнь легионера определялась сигналами труб. «Все стражи начинаются по знаку горниста; когда же кончаются часы караула, трубят в рог», — говорил Вегеций (*Vege. III*). Легионеры вставали и ложились в постель по звуку трубы. Когда в лагере первый раз играли «готовиться к походу», легионеры собирали палатки и палатки офицеров, затем собирали вещи и становились рядом. При втором звуке «готовиться к походу» грузили обоз. Когда сигнал звучал в третий раз, первые манипулы в маршевом порядке выходили из лагерных ворот (*Jos. JW. 3, 5, 4*).

Существовал длинный список сигналов, которые легионеры должны были узнавать и на которые на поле боя они должны были быстро реагировать. Согласно Арриану, среди боевых сигналов были следующие: «вперед марш», «к копыю повернись», «к щиту повернись», «кругом направо», «развернись», «перестроиться», «в прямое положе-

ние вернись», «глубину удвоить», «отставить», «копья вверх», «копья вниз», «помощник центуриона — выровнять центурию», «помощник центуриона — держать интервалы» (Arr. ТН. 31–32).

V НА МАРШЕ

На марше легионеры шли в «маршевом порядке»: у каждого легионера на шее висел шлем, щит покрывал левую руку, а на правом плече лежал шест с багажом. С шеста свисал скатанный шерстяной плащ, скатка, паек, мотыга, серп, нож для резания торфа, плетеная корзинка для перетаскивания земли, обеденная миска с ручкой и ведро для воды, которое также могло служить котелком, гребень для шлема и личные вещи, такие как воинские награды. Дротики и колья для палисада лагеря были привязаны к шесту. Более тяжелые предметы, такие как палатки и жертва, везли на грузовых мулах, которые были при каждом взводе.

Порядок марша зачастую определялся жребием, который бросали между подразделениями. Иосиф описывает порядок марша армии Веспасиана. Вспомогательная легкая пехота и лучники шли первыми — они осуществляли разведку. Потом шел правый легион армии в сопровождении тяжелой кавалерии. Дальше шли разведчики и большая группа легионеров, которые должны были заниматься строительством дорог и сравнением земли для следующего лагеря. За ними были повозки с личным багажом командира и старших офицеров и большой эскорт кавалерии (Jos. JW. 3, 6, 2).

Дальше шел сам Веспасиан с лучшими воинами его вспомогательной кавалерии и лично отобранными легионерами плюс копьеносцы-ауксилиарии из телохранителей полководца. За ними следовали войска легионной кавалерии, затем — основной обоз, на котором была артиллерия и осадное оборудование. Потом ехали другие полководцы, префекты лагеря и трибуны с телохранителями, за ними следовали знамена легиона, окружавшие орла, перед людьми из самого легиона; они шли по шесть в ряд центуриями со своими центурионами. Затем был следующий, легион и следующий... За ними шли те, кто не принимал участия в сражениях с остальным обозом, грузовыми мулами и другими животными. Самыми последними были союзники и арьергард легионеров и вспомогательной кавалерии.

На марше легионы покрывали от 18 до 20 миль (29—32 километра) в день. Больше 30 миль (48 километров) в день, чего смогла достичь армия Вителлия в Италии в ходе войны за императорский трон в 69 году н. э. считалось достойным похвалы. Скорость колонны диктовалась скоростью обоза.

VI ОБОЗ И ГРАЖДАНСКИЕ ЛИЦА

Римляне называли обоз с багажом *impedimentum* — отсюда английское слово *impediment*, «помеха». И если им не управлять как следует, то обоз действительно мог помешать в походе. Мудрому полководцу следовало беречься, чтобы не потерять багаж. Марк Антоний на марше в Армению и Мидию в 36 году до н. э. потерял терпение из-за еле-еле тащившегося обоза и бросил его, чтобы тот шел своим ходом, поторопившись с легионами вперед. Парфяне и мидийцы окружили его позади Антония, уничтожили защитников обоза, захватили его, лишив Антония большей части провианта и амуниции.

У каждого взвода в легионе был свой грузовой мул; то есть для полного легиона нужно было 650 мулов. О мулах заботились гражданские конюхи. В обозе легиона могли быть сотни телег, которые тянули мулы или волы; за ними также ухаживали гражданские лица. Они везли тяжелые припасы, артиллерию, осадное оборудование, стройматериалы, амуницию, посуду для офицеров и другие принадлежности для лагеря.

Арриан во II веке писал, что римские полководцы знали пять способов вписать обоз в марширующую колонну; все они должны были дать максимальную защиту. В то время как армия двигалась на врага, говорил Арриан, было нужно, чтобы обоз шел за легионами. Когда они уходили с территории врага, обоз двигался впереди. При движении вперед, когда можно было опасаться атаки врага с фланга, обоз ставили на противоположном фланге. Если ни один фланг нельзя было считать безопасным, то багаж ехал в середине легионов (*Arr. ТН. 30*).

Обширная группа находившихся при лагере людей всегда следовала за легионами: купцы, проститутки и те, кто фактически был семьей легионера. Были также и рабы офицеров, которые принимали участие в военной подготовке и тренировке вместе с хозяевами. Тацит говорил, что «войсковая прислуга» и «обозные рабы» выделялись своей развра-

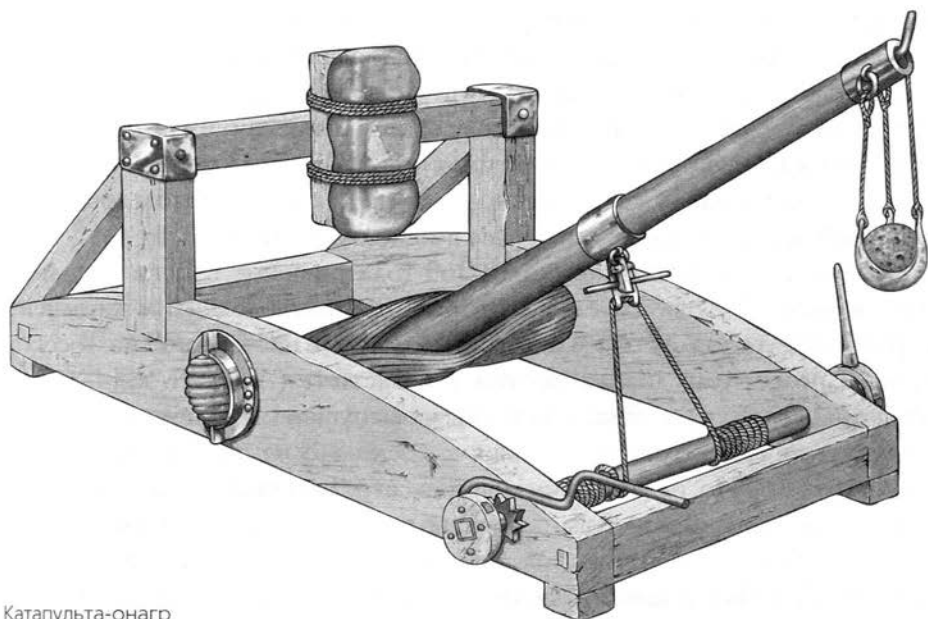
ценностью «даже среди невольников» (*Тас. Н. II, 87*). Численность гражданских лиц в армии нередко равнялась численности солдат: когда 40 тысяч римских воинов взяли штурмом италийский город Кремона в 69 году н. э., с ними было столько же гражданских лиц (*Тас. Н. III, 33*).

VII Артиллерия и осадное оборудование

Во времена ранней империи каждый легион имел одну баллисту, с помощью которой можно было метать камни, на когорту и один метавший дротики и копья скорпион на центурию. «Однорукая» катапульта типа онагра (дикого осла) — ее называли так, поскольку она мощно «лягалась», — использовалась с 200 года до н. э. и все еще употреблялась в 363 году н. э., когда Аммиан Марцеллин увидел ее в деле. «В пращу кладут круглый камень, и четыре человека по обеим сторонам машины быстро вращают навоини, на которых закреплены канаты, и оттягивают назад стержень, приводя его почти в горизонтальное положение. Стоящий наверху машины командир орудия выбивает тогда сильным ударом железного молота ключ, который удерживает все связи машины» (*Амм. II, xxiii, 4, 6*). Это освобождало натянутый стержень для метания, который выскакивал вперед и выпускал снаряд.

Катапульты оказывали огромное воздействие на боевой дух как нападавших, так и осажденных. Все авторы пишут о том, что катапульты во время выстрела производили страшный шум, и об устрашающем звуке снарядов и дротиков катапульты, летящих к цели. Обычная зона выстрелов легионной артиллерии равнялась 400 ярдам (365 метров) или чуть менее. Камни из катапульт использовались для того, чтобы разбивать укрепленные защитные сооружения и устранять защитников на стенах и башнях. Много дротиков из «скорпионов» было найдено в наше время на местах, где римляне вели осаду: обычно они имеют наконечники в виде пирамидок и три пера из дерева или кожи.

Римский инженер Витрувий писал, что римские военные используют следующие веса для круглых ядер баллисты: 2 фунта, 4 фунта, 6 фунтов, 10 фунтов, 20 фунтов, 40 фунтов, 60 фунтов, 80 фунтов, 120 фунтов, 160 фунтов, 180 фунтов, 200 фунтов, 210 фунтов и массивные в 360 фунтов — то есть от 0,9 до 163 килограммов (*Vitr. X, 3*). Одно из больших ядер прозвали «тележным камнем» — наверное, по-

Катапульта-онагр

тому, что для его перевозки была нужна телега (*Arr. TH. 11*). На колонне Траяна показаны ядра для катапульти в «авоське», наподобие яблок; в них их приносили на линию огня из каменных карьеров, откуда их добывали. Хиробаллиста представляла собой улучшенную баллисту: введенная в вооружение около 100 года н. э., эта баллиста была основана на металлической раме. Легкая, прочная и точная, для мобильности она зачастую монтировалась на тележке.

Четыре легиона, задействованные в осаде Иерусалима в 70 году н. э., использовали вместе взятые более 200 катапульти. X легион построил не баллисту, а настоящее чудище для этой осады. Иосиф говорит, что ядра, которые летели как в Иотапату, так и в Иерусалим, весили больше 60 фунтов (27 килограммов) и летели больше чем на 440 ярдов (400 метров). Чтобы защитникам-иудеям было труднее их разглядеть, римские артиллеристы покрывали свои белые камни для баллист черным дегтем. Использовали и зажигательные снаряды: камни и стрелы окунали в деготь, серу и нефть и затем поджигали (*Jos. JW. 5, 6, 3*).

Для артиллерии строили земляные насыпи, чтобы они были подняты над головами пехотинцев. Чтобы определить дальность стрельбы, римские артиллеристы бросали свинцовые гири на шнурах к вражеским стенам и потом измеряли расстояние. В результате этой практики римские артиллеристы достигали замечательной — и ужасающей —

аккуратности. При осаде Иотапаты в 67 году (ею командовал Иосиф Флавий) одно копьё из скорпиона прошло через ряд людей. Камень из баллисты снял голову у одного из иудейских защитников крепости, стоявшего рядом с Иосифом; голову этого человека нашли на расстоянии 660 ярдов (600 метров) оттуда (*Jos. JW. 3, 7, 23*).

Основная модель катапульты, метавшей камни, использовалась в римской армии веками; они были в каждом легионе.

Аммиан описывает, как около 363 года римские войска использовали «зажигательные стрелы», которые были выдолблены и заполнены горючим материалом: «обыкновенное масло» настаивали на «особой траве»; потом ему давали постоять и застыть (*Амм. II, xxiii, 6, 38*). Огненные стрелы IV века нужно было выпускать медленно, из «слабо натянутого лука», говорит Аммиан, поскольку «при быстром полете огонь тухнет». Но, едва приземлившись, стрела горела постоянно. «Если кто захочет потушить огонь водой, то вызовет более сильное горение, и нет иного средства потушить, кроме как посыпать землей» (*Амм. II, xxiii, 6, 37*). Что касается зажигательных средств типа «греческого огня» (который неоднократно показан в фильме «Гладиатор», основанном на событиях 180 года н. э.), то они появились только в VII веке.

Легионеров также учили строить деревянные осадные машины на колесах; их часто использовали как прикрытие для таранов. Другие боевые машины, как, например, праща, использовавшаяся при защите Старых лагерей в 69—79 годах н. э., зависели от изобретательности отдельных легионов. Обычным делом были осадные башни на колесах; в каждой было несколько уровней, на которых поднимали артиллерийские орудия. Осадные башни играли активную роль в осаде римлянами Иерусалима и Масады во время 1-го Иудейского восстания и во осаде Сарамизегетузы в ходе 2-й Дакийской войны.

Каракалла для своей Восточной кампании 217 года н. э. использовал две массивные осадные машины, построенные в Европе; их разобрали и переправили в Сирию. В этом походе Каракалла был убит, и нет никаких данных о том, что эти осадные супермашины когда-либо использовались. К осаде персами Амиды в 359 году н. э. враги Рима обратили римскую технологию против него, используя осадные машины, построенные римскими пленными.

К IV веку легионы уже не строили свою собственную артиллерию или осадное оборудование. Десять городов на римском Востоке и пятнадцать на Западе обладали к тому времени большими правительственными мастерскими по изготовлению катапульт и другого

оружия, доспехов и осадных машин. Их продукцию размещали в арсеналах городов, где их делали и распределяли среди военных по мере необходимости (*Gibb. XVII*). В результате легионеры теряли навыки, которые раньше обеспечивали то, что римские легионы были в очень многих аспектах самодостаточными.

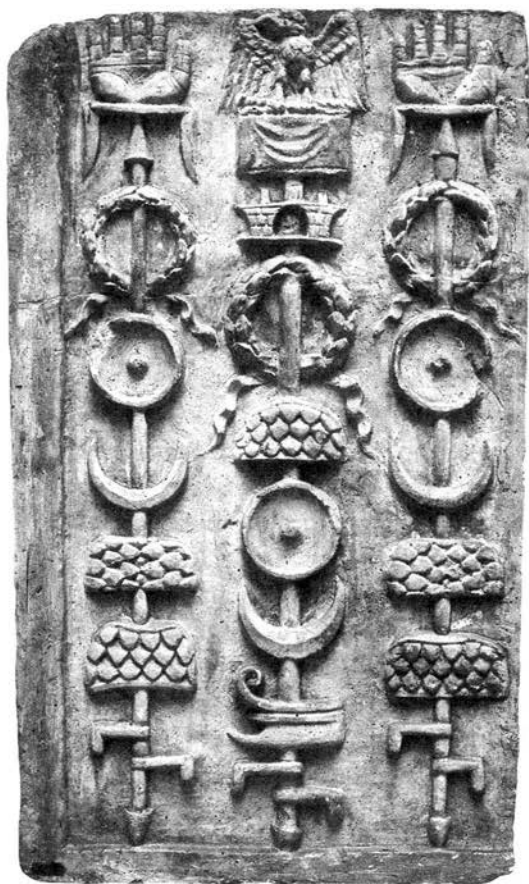
VIII ЗНАМЕНА ЛЕГИОНОВ, ПРЕТОРИАНСКОЙ ГВАРДИИ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ВОЙСК

«Нужно приучать войско быстро принимать команды, поданные голосом, видимыми значками или трубами», — писал римский полководец II века Арриан (*Arr. TH. 27*).

Первоначально римский военный штандарт представлял собой всего лишь шест, обвязанный сеном; он использовался как зрительная точка сбора для солдат в битве и как способ передачи команд командира. Республиканский консул Марий сделал орла — священную птицу Юпитера — единственным символом легиона. Раньше использовались и волки, и медведи, и лошади, и минотавры, и орлы. Орел (*aquila*), знамя легиона, первоначально серебряный, а впоследствии золотой, был и религиозным и практическим символом, обладавшим для римлян огромным мистическим значением. Получение обратно орлов, захваченных врагами, становилось прославленным событием, добавлявшим блеска репутации добившегося этого полководца.

Орел легиона считался, как говорит Дион, «небольшим храмом». За ним шла I когорта легиона, чьей задачей было защищать орла, и она всегда оставалась с командиром легиона. «Его никогда не выносят с зимних квартир, если только в поход не выходит вся армия, — говорит Дион. — Один человек несет его на длинном шесте, который заканчивается острым наконечником, так что его можно прочно воткнуть в землю» (*Dio. XL, 18*). Спустя долгое время после падения Римской империи орел, символизировавший ее величие, был избран национальным символом таких стран, как Германия, Россия, Польша и США; используется он и Римско-католической церковью.

Каждая манипула легиона также имела свой собственный штандарт. У штандартов манипул наверху была изображена рука — само слово «манипула» означает «пригоршня». На каждом имперском штандарте имелось *imago*, небольшой круглый керамический портрет правящего

Орел легиона в окружении знамен манипул

государя и зачастую его императрицы и прочих высоких особ. На штандартах легиона также были эмблемы подразделений, символы, изображавшие знак зодиака, под которым «родился» легион, а также эмблемы, показывавшие награды за храбрость, присвоенные легиону, и символические пучки травы.

На марше и в формальных процессиях штандарты шли перед войсками, объединенные вместе. Штандарты легиона ставили в центре как зимнего, так и временного лагеря, и даже земля, на которой они стояли, считалась священной. Они образовывали часть алтаря, включавшего в себя статуи императора. Расположенные снаружи резиденции знаменосца, ночью они освещались горящими факелами.

Преторианская гвардия использовала изображение Виктории — крылатой богини победы на своих штандартах. Вспомогательные когорты и алы также

изображали на штандартах животных, в том числе кабанов и львов. До начала сезона военных кампаний каждый год проводили религиозную церемонию под названием *lustratio exercitus*, или очищение войска; римские военные штандарты очищали, украшали гирляндами и обрызгивали ароматными маслами; приносили в жертву животных. Традиционно этот обряд проходил в Риме между 19 и 23 марта, однако в походе его можно было совершать и в другое время.

Римские штандарты были ключевыми точками для атак врага, который особенно старался захватить золотого орла. Потерять орла было самым большим позором для легиона. Такая судьба ожидала V легион Жаворонков, XII Молниеносный и XXI Стремительный.

IX ЗНАМЯ (ВЕКСИЛА)

Подразделения легиона маршировали под *vexillum*, квадратным куском ткани, на котором были написаны номер и название подразделения. Такие подразделения назывались *вексилляциями*. Остаток знамени, найденный в Египте, был сделан из грубого льна, покрашенного в алый цвет. Внизу у него была декоративная кромка; наверху оно было подрублено, и в получившийся рукав можно было вставить поперечный стержень, на котором оно держалось. На *вексилле* было золотое изображение *Виктории*, богини Победы, стоявшей на шаре. Может быть, это знамя имело отношение к преторианской гвардии и к визиту в Египет какого-нибудь императора вроде Адриана или Септимия Севера (*Web. 3*).

Реконструкция римского *вексилла* с эмблемой XX легиона — кабаном

X DRACO, ИЛИ ШТАНДАРТ-ДРАКОН

После Дакийских войн 101—106 годов н. э. подразделения римской кавалерии стали все чаще использовать штандарт на дакский манер в виде дракона. Этот *signum draconis*, или *draco*, представлял собой деревянную или бронзовую голову дракона на

Дакийские трофеи побед Траяна из Дакии, показанные здесь, включают доспехи, оружие, рога и *draco* — штандарт-дракон, который стал использоваться подразделениями римской кавалерии

шесте, за которой было приделано длинное «тело», сделанное из нескольких сшитых вместе полос разноцветной ткани. Когда дракононосец скакал вперед, «тело» наполнялось воздухом и развевалось позади; выглядело это весьма впечатляюще. Устройство внутри пасти «дракона» позволяло ему выть, когда через него проходил ветер. Арриан говорит, что к первой половине II века н. э. дракон использовался во всех подразделениях римской кавалерии.

XI ШТАНДАРТ КОМАНДИРА

У каждого командира римской армии был свой собственный штандарт. В начале императорской эпохи штандарты представляли собой большие квадратные знамена с пурпурными буквами на них, обозначавшими армию и главнокомандующего.

В лагере штандарт полководца оставался в его претории. Когда в лагере цезаря Германика в Кельне в 14 году н. э. произошли беспорядки, мятежные войска пробились в преторий и заставили Германика отдать им свой штандарт (*Tac. A. I, 39*). Когда полководец поднимал свой штандарт в лагере, это был сигнал подготовки к битве. Таким образом, он должен был быть достаточно большим, чтобы его было видно издалека.

На марше штандарт полководца мог находиться на вьючной лошади. Известен случай, когда лошадь, которая везла штандарт Цезенния Пета, взбрыкнула во время переправы его армии через реку Евфрат в 62 году н. э. В тот момент это сочли дурным предзнаменованием, так как штандарт Красса, как говорят, сдуло в реку, когда он переправлялся через Евфрат в 53 году до н. э. по дороге на место разгрома при Карах. Инцидент 62 года н. э. стал предсказанием унижительного возвращения армии Пета из Армении несколько месяцев спустя (*Dio. XL, 18*).

К IV веку дракон соответствующего красного или пурпурного цвета также был принят армейскими командующими в качестве личного штандарта. Аммиан рассказывает, как в 357 году римский полководец и будущий император Юлиан, племянник Константина Великого, использовал такое знамя, которое нес его знаменосец, когда Юлиан поспекал на битву: «Узнав его по прикрепленному к верхушке длинного копья пурпурному лоскутку, остатку разорванного дракона...» (*Amm. XVI, 12, 39*).

ХII ЭМБЛЕМЫ И ЗНАКИ ЗОДИАКА ЛЕГИОНОВ

Быки Цезаря и другие мифы

У каждого легиона и вспомогательного подразделения была своя собственная, отличающаяся от других эмблема, как и у преторианской гвардии. Эти эмблемы фигурировали на щите каждого солдата. Римские воины все носили одинаковую форму и пользовались похожей экипировкой, и единственным способом отличить одно подразделение от другого были эмблемы на щитах. В ночной фазе битвы при Кремонне в 69 году н. э. два предприимчивых солдата из армии Веспасиана взяли щиты мертвых врагов с эмблемой легиона, бывшего на стороне Вителлия, и с такой маскировкой смогли беспрепятственно пробраться через ряды врага на мост и привести в негодность массивную катапульту, которой пользовался вителлианский легион (*Тас. Н. III, 23*).

Чаще всего использовавшимися символами императорских легионов были животные или птицы, особенно те, что имели для римлян религиозное значение, такие как орел, бык, аист и лев. Некоторые легионы употребляли изображения из греко-римской мифологии — Пегаса, кентавра, молнию Марса и трезубец Нептуна.

Кельты считали, что кабан отвращает зло, и кабан фигурирует на навершиях кельтских шлемов и на орнаменте щитов. Цизальпинская Галлия в Северной Италии, которую Рим сделал своей провинцией в 220 году до н. э., была заселена кельтскими племенами. Даже после того, как Рим официально включил Цизальпинскую Галлию в Италию в 42 году до н. э., сохранились некоторые кельтские обычаи. Несколько легионов, набранных в Италии, использовали в качестве символа кабана, среди них I Италийский и XX Валериев Победоносный. Точно так же кентавр, ассоциировавшийся с областью Фессалия в Греции, где, как говорили, жили кентавры, естественно, стал эмблемой легионов, набранных в Македонии и Фракии в конце II века, — I, II и III Парфянского.

Как уже говорилось выше (см. с. 69), часто, хотя и неверно утверждали, что все легионы, набранные Юлием Цезарем, несли на себе эмблему быка. Говорили и то, что те, у кого эмблемой был «морской козел» — козерог, были набраны или реорганизованы Октавианом. Ни одно из этих утверждений не соответствует действительности. Из легионов, которые могли быть связаны с Цезарем, большая часть факти-

Эмблема быка на умбоне щита легионера

чески имела другие эмблемы, а не быка. Например, из четырех легионов, которые, как известно, были набраны Цезарем в Италии в 58—56 годах до н. э., — XI и XIV, ни один не использовал эмблему быка.

Напротив, Кеппи отмечает, что по меньшей мере три легиона Октавина, которые, по его словам, не имели отношения к Цезарю, использовали символ быка (*Кепп. CVSI. N35, 2.2*). Из легионов с бычьей эмблемой ни у одного не было номера выше чем X. Тем не менее Цезарь набрал много ле-

гионов с номерами выше X. Фактически он набрал целых сорок легионов. Сам Цезарь никогда не применял быка в качестве эмблемы — его личным мотивом был слон.

В действительности «общим знаменателем», объединявшим легионы с символом быка, был не Цезарь, а Испания. Как уже говорилось выше, Кеппи убедительно предположил, что республиканский Рим годами размещал в Испании легионы с номерами до X. Легионы с V по X, видимо, впоследствии были набраны там же.

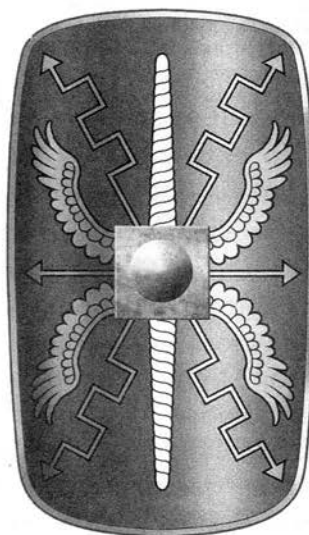
Даже сегодня бык является символом, непосредственно связанным с Испанией, где бои быков имеют такие древние корни. Как римляне, так и карфагеняне до них дивились тому, что местные жители Испании — кельтиберы — хранят традиции боев быков; в этих древних состязаниях в Бетике быкам наносили смертельный удар копьем или топором (*Вол. В & В*).

Как в поздней республике, так и в раннюю императорскую эпоху эмблему быка использовал каждый легион с номером от IV до X, кроме одного — V легиона Жаворонков, который принял символ слона после битвы при Тапсе, а до этого у него мог быть и бык. Только один легион с другим номером — III Гальский — известен использованием символа быка. Это вполне возможно, поскольку республиканский III легион служил при Помпее в Испании между 59 и 49 годами до н. э. IV Флавиев легион, заменивший IV Македонский, принял эмблему льва, связанную с Флавиями.

Точно так же часто пишут, что все легионы, пользовавшиеся эмблемой морского козла — козерога, были набраны Октавианом Августом или, по меньшей мере, связаны с ним. Это еще один миф. Легионы, созданные гораздо позднее царствования Августа, такие подразделения, как XXII легион Фортуны Перворожденной (набран Калигулой), I Италийский (Нерон), I Вспомогательный и II Вспомогательный (Гальба—Вителлий—Веспасиан), XXX Ульпиев (Траян) и II Италийский (Марк Аврелий), использовали символ козерога; это было потому, что Козерог был знаком зодиака, под которым «родился» данный легион. Все легионы носили знак, связанный с моментом их образования. Знак Козерога был связан с периодом середины зимы, когда набирали много легионов для службы, начинавшейся следующей весной, и поэтому он из всех двенадцати знаков зодиака употреблялся чаще всего и, видимо, считался счастливым.

Правда то, что штандарты в нескольких легионах в постоянной армии Октавиана начиная с 30 года до н. э. считали козерога символом своего «дня рождения». У тех же легионов были отдельные эмблемы подразделений. Например, II Августов легион имел своей эмблемой летающего коня Пегаса и считал своим знаком зодиака козерога. Как IV Македонский, так и IV Скифский употребляли в качестве эмблемы быка и знак зодиака Козерога. XX Валериев Победоносный использовал символ кабана и знак Козерога. И так далее.

Многие современные авторы также писали, что с II века н. э. молния стала стандартной эмблемой всех легионов, однако доступные нам данные этому противоречат. Предположение о молнии основано на том факте, что все щиты легионов и преторианской гвардии, показанные на колонне Траяна (которая была поставлена в 113 году н. э.), несут в том или ином виде символ молнии. Это скорее случайность, чем исторический факт, поскольку помимо преторианской гвардии

Преторианская гвардия была одним из весьма немногих подразделений, пользовавшихся эмблемой молнии

Рельеф из принципии базы легиона в Майнце показывает центуриона из XIV легиона — Сдвоенного Марсова Победоносного, который был размещен здесь большую часть I в. н. э. На его щите можно ясно видеть эмблему легиона с крыльями орла и молниями: как правило, эта эмблема ассоциировалась с преторианской гвардией, и, возможно, она была дарована XIV легиону после того, как он нанес поражение мятежникам Боудикки в Британии

только четыре подразделения, набранные из граждан, как достоверно известно, использовали в качестве эмблемы молнию в императорскую эпоху — XI Клавдиев, XII Молниеносный, XIV Сдвоенный Марсов Победоносный и XXX Ульпиев.

Почему же тогда на колонне Траяна столько щитов с символом молнии? Вполне возможно, что воины преторианской гвардии, единственный набранный из граждан отряд, размещенный в столице, послужил моделью для греческих ремесленников, создававших изображения на колонне Траяна, когда они делались в Риме между 106 и 113 годами. Художники, видимо, не имели никакого представления о военной культуре римляне или о том, что эмблемы легиона имеют корпоративное значение. Они должны были изображать эмблемы щитов, которые несли их модели. Следовательно, в

конечном счете на всех щитах, показанных на колонне, изображена молния — эмблема преторианцев в различных вариантах в зависимости от когорты. Есть данные, которые заставляют предполагать, что каждая когорта в преторианской гвардии использовала различный вариант символа молнии (см. с. 443).

Notitia Dignitatum в V в. изображает рисунки щитов многих легионов и вспомогательных подразделений; ни на одном эмблемы молнии нет. Можно было бы ожидать, что к моменту составления Notitia Dignitatum христианские символы уже должны были заменить старые эмблемы легионов языческого Рима, поскольку христианство к тому времени уже почти век было официальной римской религией. Удивительно, что на щитах в Notitia Dignitatum крестов очень мало и ни на одном щите нет христианского символа «хи-ро», который, как говорят,

Константин Великий повелел своим людям изобразить на щитах. Единственная определенно христианская эмблема — пара ангелов — фигурирует на щитах двух подразделений телохранителей восточного (но не западного) императора — *Equites Domestici* и *Pedites Domestici* — кавалерия и пешие отряды доместикиков (*Berg. IND*).

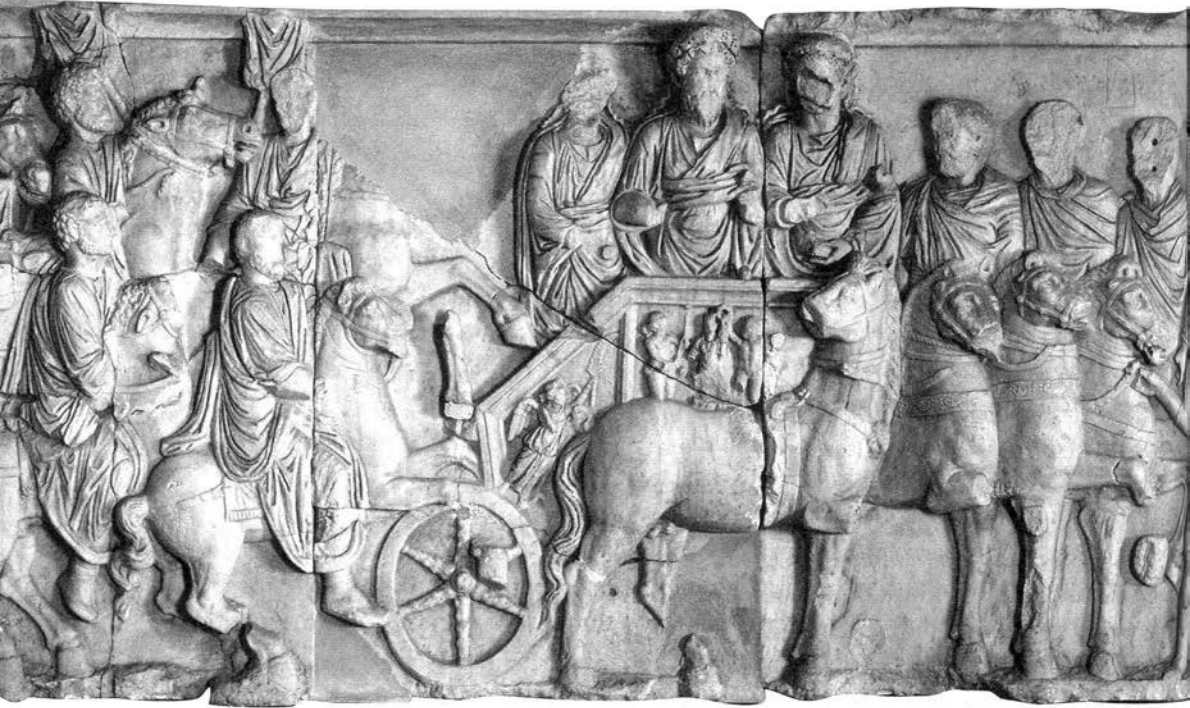
Эмблема, которая действительно фигурировала на многих щитах легионов и вспомогательных войск в *Notitia Dignitatum*, — это колесо языческой богини Фортуны. Аммиан Марцеллин, который писал в конце IV века, указал на то, какое значение все еще имело колесо Фортуны для римских войск, говоря о «крылатом колесе Фортуны», которое «чередует счастливые и несчастные события» (*Amm. XXXI, I, 1*).

К V веку бык V Македонского был заменен розеткой (*Berg. IND*). Розетка была воинским символом, также связанным с богиней Беллоной, и широко использовалась в украшении щитов и надгробий легионеров с начала императорского периода. Можно говорить, что от молний отказались, поскольку они были символом языческого бога, но тем не менее, как видно из вышесказанного, колесо Фортуны и розетка, также символы языческих богов, использовались и в христианское время.

К V веку многие легионы императорской эпохи заменили свои первоначальные эмблемы. Например, III Августов легион использовал простой рисунок круга. К тому времени сохранилось два имперских VII легиона: один использовал символ десятиконечной звезды, другой — колесо Фортуны с девятью спицами. I Италийский легион заменил символ кабана круговым мотивом, в то время как II Италийский остановился на колесе с четырьмя спицами. Тем не менее XIII Сдвоенный и в V веке все еще считал своей эмблемой льва, так же как это было еще начиная с царствования Августа (*Berg. IND*).

ХIII ТРИУМФ

Для римского полководца высшей похвалой был триумф и титул «императора». В республиканские времена такой титул давали успешному полководцу войска. Императоры сами принимали этот подарок по голосованию сената за победы в битвах, где командовали они сами или их полководцы. В начале всех своих писем императоры гордо перечисляли, сколько раз их провозглашали императорами; именно от

Римская триумфальная процессия: император Септимий Север в сопровождении своих сыновей Каракаллы и Геты

этого республиканского титула и произошло современное слово «император».

Триумфы давались по голосованию сената за большую победу над чужеземным врагом. При республике триумфы имели право праздновать только полководцы в ранге консулов. При императорах триумф стал уделом членов императорской фамилии. Триумф представлял собой процессию по улицам Рима, на которые по этому случаю выходили ликующие толпы; все римские сенаторы, как требовал приказ Августа, надевали свои тоги с пурпурными полосами.

Полководец, праздновавший свой триумф, ехал на золотой колеснице — квадриге, которую благоговейно хранили в храме; она была запряжена четырьмя белыми конями и украшена ветвями лавра — символом победы. Всеми уважаемый юный командующий Германик Цезарь завоевал сердца римлян, когда 26 мая 17 года н. э. он взял с собой в квадригу пять своих маленьких детей, празднуя триумф за победы в Германии.

Триумфатор носил *ornamenta triumphalia* — триумфальные знаки отличия: венок из лавровых листьев (символ очищения), одежду, украшенную вышивкой из золотых пальмовых листьев (символ победы), и вышитый золотом пурпурный плащ. В одной руке полководец держал лавровую ветвь. Зачастую частью *ornamenta* был скипетр из слоновой кости, увенчанный золотым орлом. Кроме того, полководец получал статую на форуме и большую денежную сумму, на которую он, впрочем, должен был поставить какой-нибудь общественный памятник, например триумфальную арку; большинство дошедших до нас римских арок как раз связаны с триумфами.

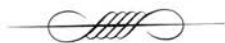
Триумфальные ворота — особые ворота в стенах Рима, построенных Сервием Туллеем, — открывались только для того, чтобы пропустить триумфальную процессию, а также для похорон императора. Трубы и фанфары возвещали приближение полководца-триумфатора. Затем шли телеги, нагруженные добычей от походов полководца; затем были сложные диорамы на колесах — своего рода переносные сценические

декорации, которые показывали публике, где и как триумфатор добился победы. За ними двигались белые волы с позолоченными рогами и другие животные, которых потом приносили в жертву. Пленники, захваченные в ходе кампании, плелись следом в цепях; толпа смеялась над ними. Для триумфа, который отпраздновали Веспасиан и Тит в 71 году за подавление Иудейского восстания, 700 иудейских пленников, «отличавшихся своим ростом и красотой», были переправлены в Рим (*Jos. JW. 7, 5, 3*).

Некоторых пленных потом продавали в рабство, других посылали сражаться в амфитеатре. С вражескими вождями могло случиться разное. После появления в триумфе Клавдия британскому царю Каратаку разрешили проживать в Риме со своей семьей всю оставшуюся жизнь. Гораздо более типичной для врага была судьба Симона, сына Гиоры, вождя Иудейского восстания, который был задушен в Мамертинской тюрьме у подножия Капитолийского холма в конце парада.

За пленниками следовал триумфатор в своей колеснице; за ним — музыканты и изобразительные когорты из победоносных легионов. Их штандарты были подняты высоко; легионеры шествовали гордо, приветствуя своего полководца-триумфатора и распевая про него неприличные песни — это позволяла традиция. Дойдя до Капитолийского холма, полководец возлагал свою лавровую ветвь на колени статуи Юпитера и с помощью ассистировавших ему жрецов исполнял ритуальные жертвоприношения. Толпа испускала радостные крики, когда объявляли, что вражеский вождь задушен. После этого следовал триумфальный пир; иногда он длился много дней.

Овация была своего рода уменьшенным вариантом триумфа: полководец, которого почтили овацией, ехал в процессии верхом на коне. Полководцы, чьи деяния заслуживали триумфа, но которые при этом не были членами императорской фамилии, получали триумфальные почести — все атрибуты триумфа без уличного парада.

XIV ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

Легионы и другие боевые единицы императорского Рима

I ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ЛЕГИОН

	LEGIO I ADIUTRIX	I ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ЛЕГИОН
	ЭМБЛЕМА	Перас
	ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог
	ОСНОВАН	В 68 г. н. э. для службы новому императору Гальбе
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально Нарбонская Галлия и Италия
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Мизен, Испания, Могонциак, Сирмий, Бригечион, Дакия, Парфия, Бригечион
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Сражение при Старых лагерях в 70 г. н. э. Дакийские войны Траяна в 101–106 гг. н. э. Парфянская кампания Траяна в 114–116 гг. н. э. Германские войны Марка Аврелия в 161–180 гг. н. э.
	ИЗВЕСТНЫЙ КОМАНДИР	Публий Гельвий Пертинакс — будущий император

РИМ: ПЕРВАЯ КРОВЬ, ДУНАЙ: ПРОВЕРКА БОЕМ

Легионеры I легиона оказались в рядах одного подразделения во время войн за римский трон: легион сражался за проигравшего — Оттона; он прославился при Траяне; и именно ему было суждено воевать под командованием Стилихона в последних отчаянных битвах перед тем, как в V веке пал Рим.

ЛЕГИОН, ИСТОРИЯ КОТОРОГО НАЧАЛАСЬ НЕОЖИДАННО

Поздней весной 68 года в отчаянной попытке сохранить за собой трон 30-летний император Нерон набрал новый легион: он предпринял беспрецедентный шаг — набрал моряков из римского боевого флота, базировавшегося в Мизене на восточном побережье Италии для

службы в легионах. Однако моряки не смогли — или не захотели — спасти Нерона. Императора оставили и преторианская гвардия, и телохранители-германцы; сенат объявил его врагом государства и послал войска его арестовать; 9 июня Нерон, видимо, покончил с собой. Сенат уже признал права на трон 70-летнего Сульпиция Гальбы, наместника провинции Ближняя Испания, и той же осенью Гальба пришел в Рим из Испании со свитой, в которую входили и новый VII легион, набранный там, и большой отряд кавалерии.

Между тем легион моряков Нерона упорно сидел в Риме, ожидая дальнейших событий. Квартир у них не было, и солдаты спали, где могли, по всему городу. В то время Рим был забит подразделениями легионов, которые призвал в столицу Нерон во время агонии своего правления; эти войска — в том числе и люди из XI Клавдиева и XV Аполлонова легионов — вынуждены были спать в храмах и общественных зданиях (*Tac. H. I, 31*). У мизенских моряков пока не было своего орла и знамен, которые означали бы, что их легион утвержден официально, но они твердо решили получить признание своего отряда; такое признание даровало бы каждому из них римское гражданство.

В то время моряки и морские пехотинцы, служившие в римском флоте, не были гражданами. Но не были они и рабами. Вопреки ошибочным представлениям, распространенным у авторов XIX века, римские моряки той эпохи являлись свободными людьми, работавшими за жалованье: у них не было ни статуса латинов, ни римского гражданства (*Starr. III, 3; V, 1*). Раз уж Нерон однажды поманил их ценной наградой — статусом гражданина, моряки из Мизена твердо решились выбить его у нового императора Гальбы. Так что, когда в Рим осенью 68 года пришли новости о приближении Гальбы и его испанской колонны, 5 тысяч моряков из нового легиона хлынули из городских ворот, присоединившись к тысячам граждан, которые собрались встречать нового императора.

В 3 милях (4,8 километра) к северу от Рима эта «буйная и истошно вопившая толпа гребцов», как назвал их Плутарх, «которых Нерон свел в один легион и объявил солдатами», столпились вокруг Гальбы и громко стали требовать, «чтобы их солдатское звание было подтверждено» (*Plut. Galba*). Бывшие моряки не давали толпам, стоявшим вдоль дороги в городе, ни увидеть, ни услышать императора: его голос тонул в «оглушительных воплях гребцов, требовавших для легиона знамени и лагеря» (*Plut. Galba*). Гальба попытался отделаться от них, заявив, что разберется-де с этим делом позже, и поехал дальше.

Однако такой ответ моряков не устроил: они «приняли отсрочку за отказ» в их просьбе (*Plut. Galba*). Они «пришли в ярость», а «некоторые даже обнажили мечи»: воины продолжали следовать за императором и выкрикивать свои требования (*Plut. Galba*). Вид обнаженных мечей моряков перепугал Гальбу, и, когда колонна подходила к Мульвиеву мосту через реку Тибр, он «приказал всадникам ударить на них» (*Plut. Galba*). Моряки (у большей их части не было оружия) вскоре были обращены в бегство кавалеристами. Ни один не устоял, и «одни были убиты на месте, а другие погибли во время бегства», когда они пытались вернуться в город (*Plut. Galba*).

Если верить Тациту, то в результате произошло «убийство нескольких десятков тысяч безоружных солдат» кавалерией Гальбы (*Тас. Н. I, 6*). Дион Кассий, который писал об этом событии более 150 лет спустя, подсчитал, что «около 7 тысяч человек погибло на месте, и потом выжившие подверглись децимации» — то есть один из десяти был казнен (*Dio. LXIII, 3*). Однако 7 тысяч — цифра, безусловно, преувеличенная: в легионе имперской эпохи было чуть больше 5200 человек. И о децимации больше никто, кроме Диона, не пишет.

Слухи о том, как Гальба хладнокровно и жестоко поступил со своими собственными воинами на Мульвиевом мосту, распространились по всей империи и отнюдь не прибавили новому императору популярности среди римлян. На Плутарха (он в то время был юношей двадцати с небольшим лет), как и на его коллегу-историка Тацита, это событие произвело такое впечатление, что оба замечают: плохим предзнаменованием для царствования нового императора стало то, что Гальба «вступал в столицу по трупам, после страшной резни» (*Plut. Galba*). Несмотря на то что они встретились со смертью лицом к лицу, решимость моряков отстаивать свои права только усилилась. Легион, «сформированный Нероном из морской пехоты», все еще оставался в переполненной столице, хотя и под стражей, да и численность его значительно уменьшилась (*Тас. Н. 6, 87*).

Начало истории этого легиона было тревожным, но теперь она приняла другой оборот. Тацит пишет, что несколько месяцев спустя в городе Виенне «недавно набрали войска для защиты Гальбы» (*Тас. Н. I, 65*). Речь идет не о сегодняшней Вене в Австрии, но о современном Вьене на юге Франции. Римская Виенна была главным городом провинции Нарбонская Галлия, через которую проходил Гальба во время своего похода из Испании на Рим (*Plut. Galba*). Расположенная на южном берегу Роны Виенна — в кельтское время столица могуществен-

Монета, отчеканенная для I Вспомогательного в царствование Галлиена (правил в 253—268 гг.); на ней показан знак зодиака легиона — Козерог

ного племени аллоброгов — стала одним из богатейших городов Галлии; она даже громко заявляла о своем богатстве в надписи над городскими воротами: VIEN FLOR FELIX — то есть «Виенна процветающая и счастливая». Такие богатства и похвалы могли лишь привлечь завистливое внимание соседей, которые жаждали «золота жителей Виенны» (*Тас.* Н. II, 29). Так оно и оказалось.

С 67 по 69 год н. э. Виенна и соседний город Лугдун (сейчас Лион) были в состоянии постоянной вражды (*Тас.* Н. I, 65). Соперничество между двумя городами восходило еще к I веку до н. э., когда жители Виенны изгнали римских колонистов, которых затем принял к себе Лугдун. Когда галльский наместник Виндекс в 67 году взбунтовался против Нерона, Лугдун немедленно поддержал Вин-

декса, в то время как Виенна сохранила верность Нерону. В это время Виенна даже посылала вооруженных людей грабить Лугдун. Чтобы сохранить мир после мятежа Виндекса, правительство Нерона поставило новый I Италийский легион в Лугдуне при поддержке XVIII когорты римской городской стражи, которая должна была здесь охранять имперский монетный двор. По иронии судьбы Лугдун перевернулся на другую сторону, поддержав Нерона, а Виенна — Гальбу.

Согласно Тациту, жители Лугдуна теперь, «обращаясь то к одному солдату, то к другому, начали подстрекать их напасть на Виенну» (*Тас.* Н. I, 65). Тацит говорит, что, стараясь заставить легионеров I Италийского напасть на Виенну, жители Лугдуна заявляли, что их город начал свое существование как колония римских легионеров-ветеранов, а народ Виенны — чужаки. Потенциальная угроза нападения со стороны I Италийского легиона, видимо, и заставила жителей Виенны придумать оригинальное решение — набрать первый из своих легионов

«в защиту Гальбы», о которых говорит Тацит; набор осуществлялся среди местных молодых людей.

Первоочередной целью Виенны было создать силу, которая могла бы защитить их город от нападений, организованных лугдунцами, однако старейшины Виенны говорили, что они просто создают легионы в поддержку соседнего I Италийского — из верности к новому императору. Поэтому и название этого, первого из новых Виеннских легионов для Гальбы и было I *Adiutrix*, или I Вспомогательный, то есть буквально — легион в поддержку I легиона. Несколько месяцев спустя, когда Гальба проходил через эту провинцию по дороге в Рим, виеннцы, видимо, и представили ему свой новый легион — у этого подразделения, скорее всего, было имя, но не было ни орла, ни знамен, ни официального положения — и Гальба добавил рекрутов из Виенны к своей свите и продолжил свой путь.

22 декабря (очевидно, в ходе амнистии, связанной с праздником Сатурналий и с днем рождения императора, который отстоял от них лишь на два дня) Гальба выпустил из тюрьмы некоторых моряков, которые пережили октябрьскую резню у входа в город; он уволил с военной службы тех, кого счел слишком старыми или плохо физически подготовленными для дальнейшей службы государству (*Starr. VIII*). Увольнительные дипломы, выданные этим людям, показывают, что вплоть до этого момента они так и не получили обещанное Нероном римское гражданство. Между тем остальные моряки продолжали томиться в тюрьме после резни у Мульвиева моста.

В то же самое время Гальба даровал орла и знамена новому легиону, официально зачислив его на службу как I Вспомогательный (*Starr. VIII*). То, что легион был официально учрежден Гальбой, а не Нероном, подтверждает и Кассий Дион (*Dio. LV, 24*). То, что эта формальная церемония учреждения легиона была приурочена к 22 декабря, означало, что с этого времени легион будет считать, что «родился» под знаком Козерога.

Между тем оставшиеся моряки из легиона, набранного Нероном, все еще оставались в тюрьме (*Tac. H. I, 87*). Так кто же пополнил ряды этого легиона? Представляется, что это были рекруты — граждане Виенны. Двадцать четыре дня спустя, 15 января 69 года, Гальба был убит в Риме недовольным солдатом XV Аполлонова легиона. Преторианская гвардия немедленно провозгласила своим новым императором Отона — бывшего наместника Лузитании, который пришел в Рим с Гальбой предыдущей осенью. Сенат поддержал этот выбор.

Отон знал, насколько непопулярным стал Гальба среди военных, и одним из первых дел в его повестке дня стало заручиться лояльностью Мизенского флота. Тацит рассказывает, как именно Отон добился этого: он «выпустил из тюрьмы солдат морской пехоты, уцелевших во время резни у Мульвиева моста, которых Гальба с присущей ему жестокостью велел держать в заточении, [и] сформировал из них особые подразделения» (*Тас. Н. I, 87*). То есть Отон добавил к уже существовавшему I Вспомогательному легиону моряков, которых он теперь отпустил из заточения. Когда их приняли в легион и объединили с рекрутами из Виенны, моряки должны уже были получить римское гражданство, о котором так мечтали. И эти люди самого разного происхождения превратились в солдат I Вспомогательного легиона — «сильных и смелых», как говорил Плутарх (*Plut. Otho*). Что касается остальных моряков Мизенского флота, то им Отон «дал понять, что в будущем они могут рассчитывать на более почетную службу»; то есть они могли надеяться когда-нибудь получить гражданство (*Plut. Otho*).

Когда этот легион был официально сформирован Гальбой, за ним закрепилось название I Вспомогательного, а также и эмблема — летающий конь Пегас. В мифологии Пегас был сыном Нептуна, бога моря, и поэтому летающий конь, наверное, и стал подходящим символом легиона, первые рекруты в котором пришли из флота. Однако, как указывает Старр, у моряков римского военного флота не было склонности к почитанию Нептуна (*Starr. IV, 2*). Не почитали они также Кастора и Поллукса — покровителей торговых судов. На самом деле те, кто служил во флоте Мизена, поклонялись Исиде — богине-покровительнице моряков еще в эллинистическую эпоху: считалось, что она повелевает погодой (*Starr. IV, 2*).

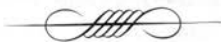
Еще один новый легион, который также принял эмблему Пегаса, — II Вспомогательный — был набран в следующем году. Это подразделение также было связано как с Виенной, так и с римским флотом. За исключением этих двух подразделений, единственным известным нам имперским легионом Рима, который также использовал в качестве символа Пегаса, был II Августов — давно созданный и славный легион, который, как известно, набирался в приморской провинции Нарбонская Галлия. Вполне возможно, что оба Вспомогательных легиона использовали Пегаса в качестве эмблемы не как символ почитания Нептуна, а в подражание II Августову — «домашнему» легиону Нарбонской Галлии, где они начали свое существование.

I Вспомогательный легион провел зиму в Мизене, используя квартиры флота. Меньше чем через два месяца моряки официально присоединились к легионерам, и легиону приказали готовиться к походу; оставалось лишь несколько недель до первой битвы. По иронии судьбы I Вспомогательному легиону пришлось сражаться с I Италийским, в противовес которому его и набрали в Виенне; эта первая битва произошла в апреле 69 года. Легион сражался за Отона против армии Вителлия в первой битве при Бедриаке в Северной Италии. Армия Отона проиграла; I Вспомогательный сдался, и Вителлий послал его в Испанию.

В 70 году новый император Веспасиан перевел I Вспомогательный легион из Испании в Могонциак на Рейне. Домициан разместил его в Паннонии. К царствованию Нервы он оказался в Бригеционе на Дунае. Отсюда легион принимал участие в обеих Дакийских войнах Траяна, после чего Траян взял его на восток в свою Парфянскую кампанию. В царствование Адриана легион вернулся в Бригецион в Нижней Паннонии, где он и оставался в следующие 200 лет, защищая Дунай.

В 193 году, после того как преторианские гвардейцы убили популярного солдатского императора Пертинакса, легион присоединился к походу паннонских легионов на Рим, в результате которого на троне оказался Септимий Север.

Notitia Dignitatum показывает, что легион все еще существовал в начале V века и являлся частью армии императора Восточной Римской империи; он был размещен в центре современной Венгрии под командованием дукса провинции Прибрежная Валерия.

I ГЕРМАНСКИЙ ЛЕГИОН

	LEGIO I GERMANICA	I ГЕРМАНСКИЙ ЛЕГИОН
	ДРУГОЕ НАЗВАНИЕ	Августа (отменено в 19 г. до н. э.)
	ЭМБЛЕМА	Возможно, лев — символ Помпея с мечом в лапе
	ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог (вероятно)
	ОСНОВАН	Возник на основе самого элитного легиона Помпея Великого
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально Италия, позднее Испания
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Испания, Галлия, Колония Агриппины, Бонна
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Кантабрийская война в 29–20 г. до н. э. Германская кампания Тиберия в 15–5 г. до н. э. Битва у насыпи ангривариев в 15 г. н. э. Битва у Длинных Мостов в 15 г. н. э. Битва при Идиставизо в 16 г. н. э. 1-я битва при Бедриаке в 69 г. н. э. Битва у Старых лагерей в 70 г. н. э.

ПОЗОР ГОРДОГО ЛЕГИОНА

Наследник самого элитного подразделения Помпея Великого, этот легион быстро завоевал и столь же быстро утратил титул «Августов»; легионеры завоевали славу и новый титул для своего легиона — «Германский», победив германцев Арминия для Германика — только для того, чтобы оказаться в рядах предателей. Легион был распущен с позором.

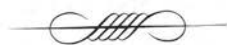
I был самым элитным и верным легионом Помпея: он сражался против Цезаря в главных сражениях гражданской войны — при Фарсале, Тапсе и Мунде. Имперский I Августов легион, скорее всего, был прямым наследником I легиона Помпея. Начиная с 29 года до н. э. этот легион сражался в Кантабрийской войне в Испании, а около 25 года до н. э. император даровал ему титул «Августов», признавая его почетную службу. Однако в 19 году до н. э., после того как в Кантабрийских горах снова вспыхнула война, Марк Агриппа лишил легион его титула за трусость. В том же году его перевели в Галлию.

К 9 году н. э. легион базировался в будущей Колонии Агриппины (Кельн) на Рейне вместе с V легионом Жаворонков в качестве части армии на нижнем Рейне. В 14 году он участвовал в мятеже на Рейне перед тем, как быть задействованным в кампаниях цезаря Германика в Германии. В битве при Длинных Мостах в 15 году н. э. против Арминия и германских племен легион спас армейского командира Авла Цецину в критической ситуации. После этого он получил право использовать почетный титул «Германский». Поскольку ни один из остальных семи легионов, сражавшихся в этих Германских кампаниях, не имел названия Германский, то вполне вероятно, что он был дарован I легиону Германиком за отвагу при Длинных Мостах.

1 января 69 года н. э. легионы на Рейне были призваны принести ежегодную клятву верности императору — в данном случае Гальбе, который силой занял трон предыдущим летом. Однако в Кельне «в первом и пятом дело дошло до того, что в изображения Гальбы стали кидать камнями» (*Тас. Н. I, 55*). Фабий Валент, командующий I Германским легионом, вслед за этим возглавил движение, в ходе которого все легионы по Рейну вскоре провозгласили императором Вителлия, командира армии на верхнем Рейне в пику Гальбе.

После того как Гальба был убит и на троне его сменил Отон, множество когорт I Германского легиона пошли на Италию вместе с Валентом, чтобы свергнуть его. Между тем другие когорты легиона остались на Рейне. Когорты I легиона в Италии оказались в составе победоносной армии Вителлия, который победил армию Отона при Бедриаке в апреле 69 года н. э. Однако осенью когорты легиона на Рейне оказались втянутыми в восстание Цивилиса и в начале следующего года сдались мятежникам. Между тем когорты в Италии были побеждены при Бедриаке и Кремоне легионами Веспасиана.

В 70 году, когда армия Петилия Церяла пошла вверх по Рейну, гоня перед собой мятежников Цивилиса, когорты I легиона на Рейне снова перешли к Веспасиану и приняли участие в разгроме мятежников в сражении при Старых лагерях. Однако Веспасиана это не удовлетворило; у императора вызвало отвращение то, что римский легион оказался способен убить своих командиров и сдаться мятежникам (см. далее подробности в главе о восстании Цивилиса). Император в том же году распустил I Германский легион.

I ИТАЛИЙСКИЙ ЛЕГИОН

	LEGIO I ITALICA	I ИТАЛИЙСКИЙ ЛЕГИОН
	НЕФОРМАЛЬНОЕ НАЗВАНИЕ	Фаланга Александра
	ЭМБЛЕМА	Кабан
	ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог
	ОСНОВАН	Нероном в 66 г. н. э.
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Италия
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Цизальпийская Галлия, Лугдунская Галлия, Новы, Дакия, Новы
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Битва при Бедриаке в 69 г. н. э. Дакийские войны в 101–106 гг. н. э. Германские войны Марка Аврелия в 167– 175 гг. н. э.

ЛЕГИОН ИЗ ИТАЛИИ, РАЗГРОМЛЕННЫЙ ЗАХВАТЧИКАМИ

Этот легион создал Нерон для своего неудавшегося вторжения в Парфию; он стал первым легионом за столетие, набранным в самой Италии. В первой битве его ждал успех, во второй — провал; ему было суждено сражаться, отражая натиск германцев, сарматов, готов и гуннов — и терпеть поражение.

«Нерон сначала сформировал первую армию, так называемую Италийскую», — писал Дион (*Dio. LV, 23*). У Нерона были планы одновременно начать две военные кампании, которые — если бы они осуществились — могли бы изменить историю. В ходе одной он собирался пробиться на юг в «Эфиопию» из Египта, другая должна была стать вторжением в Парфию, которое планировал еще Юлий Цезарь перед смертью. I Италийский легион был набран для второй кампании в 66 году; это был первый легион, основанный и набранный в Италии за сотни лет. Нерон поставил условие, что рекруты в этом легионе должны были быть все в 6 (римских) футов в высоту и вооружены на манер македонской фаланги.

Когда Парфянская операция провалилась из-за Иудейского восстания, I Италийский легион послали в Лугдун в Галлии в 67 году, чтобы

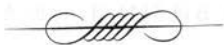
он поддерживал там порядок во время восстания Виндекса. Это подразделение в 69 году принесло клятву верности Вителлию, и первым боевым крещением для него стала победа в 1-й битве при Бедриаке. Затем легион разместили в Новах в Мёзии, и он оставался там, если не считать службы в Дакии во время Дакийских войн Траяна вплоть до IV века.

В 471 году, уже долгое время спустя после ухода I Италийского легиона, Новы стали штаб-квартирой Теодориха, христианского

короля остроготов, которого гунны выгнали с Украины. В 489 году Теодорих повел свою остроготскую армию в Италию и при поддержке визиготов победил силы Одоакра, ее христианского варварского правителя. Теодорих провозгласил себя королем Италии, и его столицей стала Равенна. «Военную службу для римлян он поддерживал в том же положении, что и при императорах» (Vale. 12, 60). Но это была уже остроготская армия, и вся Италия была оккупирована. Мощь Рима, как и ее I Италийский легион, была в прошлом.

Монета III в., отчеканенная для I Италийского легиона: на ней показана его эмблема — кабан

I ЛЕГИОН МИНЕРВЫ

	LEGIO I MINERVIA	I ЛЕГИОН МИНЕРВЫ
	ЭМБЛЕМА	Возможно, голова Горгоны — символ, связанный с Минервой и использованный Домицианом на его доспехах
	ЗНАК ЗОДИАКА	Овен (баран)
	ОСНОВАН	Домицианом в 82 г. н. э.
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Провинции
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Бонна, Мёзия, Дакия, Бонна, Сирия, Бонна, Лугдун, Бонна
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Кампания Домициана против хаттов в 83 г. н. э. Дакийские войны в 101–106 гг. н. э. Парфянская война в 161–166 гг. н. э. Дунайские кампании Марка Аврелия в 167–175 гг. н. э. Битва при Лугдуне в 197 г. н. э.
ИЗВЕСТНЫЙ КОМАНДИР	Публий Элий Адриан — будущий император Адриан	

ЛЮБИМЦЫ ДОМИЦИАНА ПРОТИВ ВИЗИГOTOV АЛАРИХА

Этот легион, набранный Домицианом для войны с хаттами, сражался с даками при Домициане и Траяне, а затем отправился на Восток для кампаний Марка Аврелия во II веке против парфян; затем он вернулся на Рейн, чтобы сдержать волну завоевателей.

Домициан всегда жаждал военной славы, которую он и получил в 83 году н. э. в кампании против племени хаттов в Германии — тогда они были римскими союзниками. В 82 году он набрал новый легион для своей кампании и назвал его в честь своего любимого божества — богини Минервы и разместил его в Бонне на Рейне напротив земель хаттов перед тем, как неожиданно напасть на них в следующем году.

I легион Минервы, размещенный в Мёзии Траяном, принял участие в его Дакийских войнах перед тем, как вернуться в Бонну. Марк Ав-

релий перевел его на восток для своих кампаний 161—166 годов. В 167 году он вернулся в Бонну.

Сражаясь на стороне Септимия Севера в гражданских войнах, которые разразились после того, как Север занял трон в 193 году н. э., легион сыграл решающую роль в победе Севера над Альбином в битве при Лугдуне в Галлии четыре года спустя. С 198 по 211 год I легион Минервы был размещен в Лугдуне. Он служил там в качестве оккупационной армии, поскольку народ Лугдуна поддержал Альбина против Севера и, видимо, минервианцы обращались с местными жителями не лучшим образом. Город никогда не вернул себе прежнего значения (*Pelle. HdL*).

Легион вернулся в Бонну после того, как стоял в Галлии. В 401 году его вывели с Рейна для защиты Стилихоном Италии. Несмотря на успехи Стилихона, I легион Минервы никогда не вернулся на Рейн и, видимо, был уничтожен в сражениях с визиготами Алариха после смерти Стилихона.

Монета, отчеканенная для I легиона Минервы: на ней показан овен — знак зодиака, под которым «родился» легион

І ПАРФЯНСКИЙ ЛЕГИОН

	LEGIO I PARTHICA	І ПАРФЯНСКИЙ ЛЕГИОН
	ЭМБЛЕМА	Кентавр
	ЗНАК ЗОДИАКА	Возможно, Козерог
	ОСНОВАН	Септимием Севером в 197 г. н. э.
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Македония и Фракия
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Парфия, Сингара, Констанция
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Восточные кампании Севера в 197—201 гг. н. э.

СОЗДАН СРАЖАТЬСЯ С ПАРФЯНАМИ — ОБРЕЧЕН НА ПОРАЖЕНИЕ ОТ ПЕРСОВ

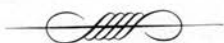
Этот легион был набран Септимием Севером для его Восточных кампаний против парфян, которые включили Месопотамию в Римскую империю и привезли в Европу чуму: затем он был уничтожен в сражении с персами в Сингаре, когда римское могущество клонилось к закату.

І Парфянский был одним из трех легионов, набранных Септимием Севером в Македонии и Фракии в 197 году н. э. для своей Парфянской кампании (Cov. RL 161—284).

Поначалу Парфянский поход складывался удачно, и І Парфянский принял участие в разграблении Ктесифона в 198 году н. э. Но в последующие годы ему пришлось пережить жаркие схватки, утомительные осады и столкнуться с недостатком провизии. К 201 году Север отказался от своего предприятия и оставил І и ІІІ Парфянские легионы охранять Месопотамию, а сам поехал в Египет перед тем, как возвратиться в Рим. І Парфянский легион построил для себя базу в Сингаре. Там этот легион служил более 150 лет, отбивая натиск парфян и их наследников — персов.

Сингара, которая так долго служила базой для І Парфянского, пала перед войсками персидской коалиции царя Шапура в 360 году. Легион — или какие-то его подразделения — защищал Безабду, которую персы потом также взяли после осады. Согласно римскому офицеру

Аммиану, который сражался в этой войне, всех выживших защитников Безабды увели в цепях после того, как город пал. Однако, согласно *Notitia Dignitatum*, I Парфянский все еще существовал в конце IV столетия и был размещен в Констанции (Верансехир в современной Турции). Или *Notitia* ошиблась, или ее раздел, касающийся Востока, был написан до 360 года — или же легион не присутствовал при падении Безабды, либо был снова сформирован после этого разгрома.

II ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ВЕРНЫЙ ЛЕГИОН

	LEGIO II ADIUTRIX - II ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ЛЕГИОН P - F	
	ЭМБЛЕМА	Пегас
	ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог
	ОСНОВАН	В 69 г. н. э. Использовался Вителлием, но официально набран Веспасианом
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в Нарбонской Галлии / Италии
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Равенна, Новиомаг, Линд, Дева, Сингидун, Аквинк, Дакия, Аквинк, Сирия, Аквинк
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Битва при Старых лагерях в 70 г. н. э. Завоевание Бригантии в 71–74 гг. н. э. Завоевание Уэльса Агриколой в 82–84 гг. н. э. Дакийские войны Траяна в 101–106 гг. н. э. Парфянская кампания Марка Аврелия в 161–166 гг. н. э.
	ИЗВЕСТНЫЙ КОМАНДИР	Публий Элий Адриан — будущий император Адриан (в 95 г. н. э.).

СОЗДАТЕЛИ ИМПЕРАТОРОВ

Легион был набран Вителлием среди моряков и галлов, использовался Веспасианом против Цивилиса, десяток лет сражался в Британии перед тем, как остановить волну варваров на Дунае, — и этот самый легион пошел на Рим, чтобы сделать Септимия Севера императором.

В один прекрасный день летом 70 года н. э. 5250 юношей из нового II Вспомогательного легиона, выстроившись по центуриям, стояли, волнуясь, у реки Рейн в полном вооружении и в шлемах, держа в одной руке дротик, а в другой — поднятый щит; они ждали своего первого боевого крещения. Справа и слева от них закаленные в боях воины уже давно испытанных легионов также ждали — молча, строй за строем. Чуть более чем в 500 ярдах (450 метров) впереди них сна-

ружи сожженных руин легионной крепости *Castra Vetera* (или Старых лагерей) десятки тысяч воинов-германцев и мятежников из числа римских вспомогательных войск издавали низкий, рокочущий гортанный звук — запевали боевую песню и потрясали перед легионерами своим оружием.

Первая битва легиона оказалась победной для римлян, но сначала рвавшихся в бой, но неопытных рекрутов из II Вспомогательного пришлось спасти от беды знаменитому XIV легиону — Сдвоенному Марсову Победоносному. Но откуда взялись эти рекруты и как они там оказались? Некоторые современные авторы утверждают, что II Вспомогательный легион был набран в 69 году н. э. в Равенне для Веспасиана и что все его бойцы были морскими пехотинцами из римского флота, стоявшего в Равенне. Однако факты говорят против такого предположения. Происхождение II Вспомогательного легиона оказалось гораздо более сложным.

Официально *Legio II Adiutrix Pia Fidelis* возник 7 марта 70 года н. э. по приказу нового императора Веспасиана (*Starr. VIII*). Однако к этому моменту II Вспомогательный легион пришел довольно извилистым путем. Самый интересный в титуле, который даровал Веспасиан этому легиону, — это слова *Pia Fidelis*, «Благочестивый Верный». Последний раз легион приобрел такое почетное наименование тридцать восемь лет назад, когда император Клавдий назвал как VII легион, так и XI легион *Claudia Pia Fidelis* за то, что они подавили попытку мятежа против него, поднятую наместником Далмации Камиллом Скрибонианом. В следующие несколько столетий императоры также даровали почетное наименование *Pia Fidelis*, но только уже существовавшим легионам (и даже флоту).

Мог ли якобы новый легион — II Вспомогательный — таким беспрецедентным образом получить признание Веспасиана в 70 году тогда, когда он (якобы) был основан? Само наименование *Pia Fidelis* заставляет предполагать, что II Вспомогательный тогда уже существовал. Позднее в том же году Веспасиан распустил несколько легионов, которые сдались врагу в ходе восстания Цивилиса. На их место ему пришлось набрать два новых легиона; обоим он дал свое семейное имя Флавиев: это были легионы IV Флавиев и XVI Флавиев. Если II Вспомогательный легион действительно был новым легионом Веспасиана, то почему же его не назвали II Флавиев?

Факт состоит в том, что в марте 70 года н. э. II Вспомогательный не был новым легионом и по нумизматическим данным существовал уже

Монета II Вспомогательного легиона с эмблемой легиона — летающим конем Пегасом

в 69 году. То, что легион в ходе всей своей карьеры гордо нес свой знак зодиака — Козерог, говорит о том, что он был учрежден где-то между 22 декабря и 19 января — но в каком же году?

Наименование *Pia Fidelis* (это правило не знало исключений) император даровал легиону, признавая оказанную им поддержку в ходе его успешной борьбы за трон или защиты императорского титула. Мог ли этот легион помочь Веспасиану завоевать трон?

И если да, то как? Надежный римский историк Тацит писал, что город Вьен в Нарбонской Галлии — римская Виенна — «набрал легионы для Гальбы» (*Тас. Н. 1, 65*). Один из этих легионов можно отождествить с I Вспомогательным, набранным в 68 году (см. с. 94). Все указывает на то, что вторым подразделением, связанным с Виенной, был как раз II Вспомогательный легион и что он был набран для Гальбы. В таком случае II Вспомогательный мог быть набран не позднее 19 января 69 года.

Виенна и соседний город Лугдун поддерживали противоположные стороны во время восстания Виндекса в 67 году н. э., и Тацит пишет, что уже в 69 году город Виенна находился под угрозой со стороны Лугдуна в результате этой вражды (*Тас. Н. 1, 67*). Данные указывают на то, что виеннцы набрали I Вспомогательный легион как «вспомогательный» по отношению к I Италийскому легиону, который тогда стоял в Лугдуне, чтобы защитить Виенну от нападения — которое народ Лугдуна подстрекали совершить I Италийский.

После того как Гальба взял рекрутов I Вспомогательного легиона с собой в Италию, старейшины Виенны, судя по всему, послали офицеров для набора по всей Нарбонской Галлии, чтобы рекрутировать молодых людей с ферм, из деревень и городов для своего II легиона. И снова, чтобы узаконить свои действия, виеннцы могли заявить, что набирают легион для императора.

Уже создав I Вспомогательный легион для «помощи» I Италийскому, виеннцы могли остановиться на названии II Вспомогательный для своего второго подразделения. Повлиять на это мог и еще один фактор:

в Нарбонской Галлии набирался II Августов легион. Когда в 67 году н. э. Гальба набрал новый легион в Испанском округе, откуда набирался VII Клавдиев легион, он назвал новое подразделение своим VII легионом. Точно так же легион, который был набран на территории II Августова, также, скорее всего, должен был стать II. Эту связь подтверждает и эмблема, которую принял II Вспомогательный. Эмблемой II Августова легиона был летающий конь Пегас: фактически до этого времени это был единственный известный нам римский легион, использовавший в качестве своей эмблемы Пегаса. Пегас стал эмблемой, принятой как I, так и II Вспомогательными легионами.

Но если II Вспомогательный легион действительно появился в Нарбонской Галлии в январе 69 года как легион для Гальбы, как же получилось, что четырнадцать месяцев спустя он был учрежден Веспасианом? Тацит свидетельствует, что к ранней весне I Италийский легион получил приказ уйти из Лугдуна и маршировать для объединения с армией Вителлия в Италии. По дороге в Грайские Альпы легион должен был пересечь Рону и пройти город Виенну. Когда он дошел до Виенны (как говорит Тацит), люди из I Италийского при подстрекательстве жителей Лугдуна уже собирались разграбить город. Наконец пожилой командир I Италийского Манлий Валент получил от виеннцев некоторую сумму, чтобы город пощадили, и раздал 300 сестерциев (плата за четыре месяца) каждому из своих легионеров (*Тас. Н. I, 66*).

Виенну пощадили, но от жителей потребовали передать все оружие I Италийскому легиону. Валент и весьма обогатившийся легион отправились дальше, перебравшись через Альпы и соединились с армией Вителлия в Италии, оставив виеннцев и последних набранных ими рекрутов без оружия (*Тас. Н. I, 66*).

Короткая война между Вителлием и Отоном в марте и апреле открылась кампанией, в которой Отон послал часть Мизенского боевого флота, который плавал вдоль западного берега Италии, вместе с вооруженными «новобранцами из флота» и несколько когорт преторианской гвардии с распоряжением заблокировать Нарбонскую Галлию и помешать подкреплению добраться до сил Вителлия в Италии (*Тас. Н. II, 14*). В то же самое время Отон послал когорты преторианской гвардии и городской стражи из Рима в Грайские Альпы с приказом войти в Нарбонскую Галлию по суше и соединиться с флотом.

Бросок Отона по суше замедлился, когда города в Альпах, поддерживавшие Вителлия, стали сопротивляться проходу его войск. Между тем на галльском берегу назревало сражение близ города Форум Юлия

(теперь Фрежюс). Боевые корабли Отона высадили на берег преторианских гвардейцев, которые заняли ровную местность немного далее в глубь земли между морем и холмами. На берег вышли и вооруженные моряки, занявшие позицию на склонах холмов. В дополнение к этому, как пишет Тацит, к морякам на берегу присоединились и многие местные жители, так что в их рядах оказались и деревенские «ополченцы». «Деревенскими» (*pagani*) римляне называли простых сельских жителей (*Тас. Н. II, 14*).

Откуда же эти многочисленные ополченцы так внезапно явились, чтобы поддержать войска Отона? Может быть, это были последние рекруты, набранные Виенной и посланные на юг отцами города, чтобы соединиться с флотом Отона — несмотря на то что несколько месяцев назад I Италийский легион Вителлия лишил их оружия? Тацит, между прочим, замечает, что настоящего оружия у них не было и что в последующей битве им пришлось забрасывать врагов камнями, причем делали они это вполне умело. Бойцы Отона, которых поддерживали и катапульты на их боевых кораблях, подошедших поближе к берегу за силами противника, дважды в кровавой битве победили когорты опытных вспомогательных пеших войск и кавалерии, которые бросил на них один из полководцев Вителлия (*Тас. Н. II, 14*).

К востоку от Форума Юлия оставшиеся в живых побежденные войска Вителлия начали отходить, оставляя за войсками Отона контроль над юго-восточным берегом Нарбонской Галлии и дорогой через Грайские Альпы. Но эта победа не оказала существенного влияния на положение Отона в целом, поскольку 15 апреля в Бедриаке в Центральной Северной Италии основные силы его армии были побеждены армией Вителлия. На следующий день в Брикселле Отон покончил с собой, оставив Вителлия — по крайней мере, на тот момент — новым императором, не имевшим себе соперника.

Тацит пишет, что, несмотря на то что Нарбонская Галлия поклялась ему в верности, у Вителлия оставались сомнения по поводу лояльности Виенны. Возможно, до него доходили слухи, что те самые деревенские ополченцы, которых набрали в этом городе, участвовали в действиях по отражению его войск близ Форума Юлия. Когда Вителлия послал XIV Сдвоенный Марсов Победоносный легион Отона обратно на его старые квартиры в Британии вслед за сдачей в Бедриаке, он приказал легиону, в лояльности которого сомневался, «перевалить через Грайские Альпы и двигаться дальше, минуя Виенну, так как жители этой колонии тоже опасались буйства легионеров». После того как люди из

XIV легиона перешли через горы, то, как пишет Тацит, «некоторые самые мятежные его подразделения свернули на дорогу, ведущую к Виенне» (*Тас.* Н. II, 66).

Несмотря на все это, XIV Сдвоенный Марсов Победоносный легион последовал приказу и вернулся в Британию. Но очевидно, что Виенну считали городом враждебным Вителлию. Тем временем Вителлий приказал преторианской гвардии Отона сложить оружие. Сначала он распределил эти уже разоруженные когорты по Северной Италии, затем в течение нескольких недель точно так же распустил их без подарков, заменив их новой преторианской гвардией, созданной из людей его легионов.

В июле легионы на Востоке провозгласили своего командира — полководца Веспасиана — императором, противопоставив его Вителлию. Армия под предводительством наместника Сирии начала долгий марш на Рим, чтобы свергнуть Вителлия. Между тем в Форуме Юлия один из побежденных полководцев Отона, Светоний Паулин, который некогда был трибуном преторианской гвардии, также встал на сторону Веспасиана. Сам Паулин был уроженцем Форума Юлия, и ему позволили вернуться домой после того, как к власти пришел Вителлий. Теперь он «собрал людей, уволенных Вителлием из армии и жаждавших принять участие в войне» (*Тас.* Н. III, 43). В их числе были и бывшие воины преторианской гвардии, которые уважали репутацию человека, подавившего восстание Боудикки в Британии и который некогда был трибуном преторианской гвардии.

Вполне возможно, что легион из деревенских ополченцев, набранный противостоявшим Вителлию городом Виенной, также оказался среди тех, кто теперь стекался под знамя Паулина, и их перевооружили люди из Форума Юлия, чтобы те сражались за Веспасиана. Некоторые из людей Паулина — возможно, крестьяне из Виенны — затем взяли Форум Юлия, сделав его первым городом на Западе, поднявшим знамя Веспасиана. Оставив этих людей удерживать Форум Юлия, бывшие преторианцы пошли через Альпы на соединение с войсками, шедшими в поддержку Веспасиана в Италию из Паннонии. В октябре эти гвардейцы — опять в составе своих преторианских когорт — помогли победить силы Вителлия при Бедриаке и Крёмоне. 20 декабря армия Веспасиана с боем пробилась в Рим, и Вителлий был казнен. На следующий день римский сенат провозгласил Веспасиана императором.

II Вспомогательный легион впервые появляется в античном тексте три месяца спустя. Тацит рассказывает о трех уже существующих ле-

гионах и о «недавно сформированном втором», которые отправились в Галлию из Северной Италии весной 70 года н. э. Эти легионы собирались подавить восстание Цивилиса на Рейне (*Тас.* Н. IV, 68).

Нумизматические данные заставляют предполагать, что II Вспомогательный провел зиму 69/70 года в приморском городе Равенне. Затем в конце 69 года, как заметил Тацит, моряки из Равеннского флота в это время были приняты в армию Веспасиана. Вместе взятые нумизматические данные и замечание Тацита дали основание позднейшим некоторым историкам для неправильного предположения, что II Вспомогательный легион должен был быть набран полностью из Равеннского флота.

На самом деле Тацит писал о том, что после 2-й битвы при Бедриаке в октябре 69 года н. э., когда Равеннский флот отказался поддерживать Вителлия и поклялся в верности Веспасиану, XI Клавдиев легион прошел маршем в Северо-Восточную Италию со своей базы в Далматии, чтобы присоединиться к победоносной армии Веспасиана. Описывая прибытие XI Клавдиева легиона, Тацит добавил, что с легионом «шли шесть тысяч новобранцев — далматов» (*Тас.* Н. III, 50). Эти далматские новобранцы номинально были призваны бывшим консулом Помпеем Сильваном, который, судя по всему, занимался набором войск в Далматии; но, как говорит Тацит, на самом деле эти рекруты были под контролем легата XI Клавдиева легиона Анния Басца (*Тас.* Н. III, 50).

Как говорит Тацит, к этим войскам, то есть к XI Клавдиеву и далматским рекрутам, добавили моряков Равеннского флота, которые «требовали, чтобы их перевели в число легионеров; и них выбрали лучших, включили в состав армии» (*Тас.* Н. III, 50). Чтобы заменить этих моряков, команды кораблей, лишившиеся морских пехотинцев, были пополнены за счет далматов (*Тас.* Н. III, 50). Чтобы попасть во флот, далматским рекрутам не обязательно было быть римскими гражданами, так как в то время граждане не служили моряками или морскими пехотинцами.

Некоторые историки поняли текст Тацита так, что примерно 5200 моряков — не римских граждан непосредственно поменяли на 5200 далматских рекрутов, чтобы пополнить новый легион — II Вспомогательный. Это очень маловероятно. Конечно, нескольким морякам могли даровать римское гражданство, чтобы они могли вступить в легион, однако даровать гражданство 5200 мужчинам, чтобы сформировать целый легион, — что-то неслыханное в имперскую эпоху.

И, что важнее, в Равеннском флоте или в каком-либо другом римском флоте, если уж на то пошло, не служило столько моряков. Авторитет по истории римского флота профессор Старр подсчитал, что в 69 году Мизенский флот (самый большой в Риме) мог состоять чуть более чем из 10 тысяч моряков и морских пехотинцев; в Равеннском флоте служило меньше (*Starr*. II, 1, 2). На каждом римском военном корабле гребцов, матросов на палубе и офицеров было значительно меньше, чем морских пехотинцев. Либурна с командой около 200 человек могла включать в состав команды лишь 15 специализированных морских пехотинцев; на битву отправлялись максимум 40 человек или около того. Значит, из флота, в котором было 8 тысяч человек, морскими пехотинцами могли быть около 1200, что означает, что в Равенне не могло быть больше 1500 морских пехотинцев. И Тацит к тому же говорит, что только «лучшие» из них были приняты в армию Веспасиана; это говорит о том, что речь идет, возможно, о нескольких сотнях человек. Заметим также, что Тацит говорил, что эти моряки просили, чтобы им позволили служить «в легионах» (во множественном числе), а не в каком-то определенном «легионе».

Четыре месяца спустя, в марте 70 года н. э., II Вспомогательный легион находился в Италии и получил от Веспасиана наименование — II Вспомогательный Благочестивый Верный. Как доказывают дошедшие до нас дипломы об отставке, в то же самое время, что II Вспомогательный получил новое название, все моряки, служившие в новом подразделении, которые пробыли в римской армии двадцать или более лет, получили почетную отставку — примерно на шесть лет раньше обычного срока ухода на пенсию. Кроме того, эти морские пехотинцы из II Вспомогательного, которые считались «негодными к военной службе» из-за возраста или состояния здоровья, были освобождены от дальнейшей военной службы и также получили почетную отставку, даже если они и прослужили меньше двадцати лет (*Starr*. VIII).

Таким образом, число моряков, которые состояли во II Вспомогательном, в последние несколько месяцев еще уменьшилось: в рядах легиона остались только самые молодые и здоровые. Но в легионе должно было быть еще несколько тысяч человек. Может быть, это были далматы из около 6 тысяч рекрутов, которых привел с собой в Италию XI Клавдиев легион? Или же большинство из них были те самые деревенские рекруты из округа Виенны, которые в качестве II Вспомогательного легиона служили последние четырнадцать месяцев и занимали и удерживали Форум Юлия для Веспасиана? И может

быть, как раз деятельность II Вспомогательного в Форуме Юлия и вокруг него и обусловила то, что император даровал ему почетный титул *Pia Fidelis*?

Веспасиан был настолько благодарен двум боевым флотам за поддержку во время войны, что он даровал обоим титул «преторианских» и позволил массовые увольнения для многих людей их обоих флотов (*Starr*. VIII). Он мог сделать это потому, что имел возможность заменить этих людей 6 тысячами далматских рекрутов, которых привел в Италию XI Клавдиев легион.

Если Виенна действительно дала многие из тех войск, которые стали частью II Вспомогательного легиона, и после того, как Веспасиан даровал легиону почетное наименование *Pia Fidelis*, город Виенна, как можно было бы ожидать, также должен был бы получить какое-нибудь свидетельство его благодарности в виде какого-нибудь «Флавиева» титула или почести. Однако нет никаких данных о почестях, оказанных Виенне в ходе царствования этого или какого-нибудь другого императора. Но как раз примерно в это время — более точной даты установить не удастся — император действительно даровал Виенне позволение построить цирк для скачек колесниц.

Это действительно было большой честью, ибо скачки колесниц строго регулировались императорами. В начале царствования Августа только Риму разрешалось устраивать гонки колесниц, пользовавшиеся огромной популярностью: это объясняет огромную вместимость Большого цирка в столице — больше чем на 200 тысяч человек. В конечном счете пятьдесят городов по всему римскому миру получили привилегию строить цирки и устраивать гонки колесниц. Это не только даровало городу определенный статус, но и привлекало огромные толпы людей из ближних и дальних мест в дни гонок: город получал огромную финансовую поддержку — прибыль имели гостиницы, таверны, магазины и публичные дома.

Немногим городам в Галлии, кроме Виенны, позволяли строить цирки. Другими городами, имевшими эту почетную возможность, были Лугдун, Арелата (Арль) и Медиолан Санторум (Сенс). Когда именно другие галльские города построили свои цирки, не вполне ясно. Возможно, цирк в Виенне стал первым в Галлии. Если даже это было и не так, видимо, город получил цирк в качестве награды; вполне возможно — за поддержку Веспасиана.

Есть и другие данные в пользу точки зрения, что большая часть первого набора в II Вспомогательный легион действительно осуществ-

влялась городом Виенной в Нарбонской Галлии. Это доказательство было найдено в Честере — римском городе Дева — в Британии. Приняв участие в утомительных схватках и кровавых битвах на Рейне, которые в конце концов завершили мятеж Цивилиса к зиме 70 года н. э., II Вспомогательный легион пересек Ла-Манш следующей весной, чтобы служить в Британии. Главной базой подразделения на следующие десять лет или около того стал Линд (сегодня Линкольн). Позднее он будет полностью перебазирован в Деву.

Археологи считают, что одно из подразделений II Вспомогательного могло присоединиться к частям XX легиона (позднее XX Валериева Победоносного) в Честере уже в 71 году н. э. К 69 году XX легион перевел свои квартиры из Девы в Вироконий (сейчас Роксетер), тогда четвертый по размеру город в Британии, однако некоторые подразделения XX легиона остались в Деве в течение следующих двадцати лет, пока весь легион не был переведен в 88 году н. э. В 71 году в Деве к ним присоединились когорты II Вспомогательного.

Это подтверждается тем фактом, что в Честере были найдены надгробные камни людей из первого набора в II Вспомогательный легион. Надгробные камни (их всего четырнадцать) датируются периодом между 71 и 87 годами н. э. В том же месте были найдены пятнадцать надгробий воинов XX легиона с датами между 69 и 117 годами н. э. Подробности об этих плитах, которым 1900 лет, были сведены воедино Честерским археологическим обществом: это позволяет нам сделать выводы о происхождении каждого из легионеров (САС).

Из четырнадцати легионеров II Вспомогательного легиона, поддающихся идентификации, один действительно родился в провинции Нарбонская Галлия, в Форуме Юлия. Другой родился в Лугдуне в Лугдунской Галлии лишь в 20 милях (32 километра) к северу от Виенны. Римские надгробные камни фиксируют, где родился легионер, а не где он поступил в легион, так что возможно, что этот человек находился в Нарбонской Галлии в то время, когда набирался II Вспомогательный; или же он, привлеченный выгодой от поступления в легион, отправился на юг, чтобы записаться в армию. Пятнадцатое надгробие легионера принадлежало человеку или из II Вспомогательного, или из XX, но он тоже был из Форума Юлия. Если его считать солдатом II Вспомогательного, тогда трех из пятнадцати человек, или 20 процентов от всех, можно связать с набором в Нарбонской Галлии. Эти люди не могли быть бывшими моряками или морскими пехотинцами из флота Мизена или Равенны, поскольку, как указывает Старр, основываясь

на записях, ни один моряк, служивший в этих флотах, никогда не происходил из Нарбонской Галлии (*Starr. V, 1*).

Конечно, 20 процентов — не такое уж убедительное доказательство того, что первоначально II Вспомогательный легион набирался в Нарбонской Галлии. Интересно, что два из остальных легионеров II Вспомогательного легиона, чьи надгробия были найдены в Деве, происходили из Далмации, что заставляет предполагать, что они происходят из далматского набора, приведенного в Италию XI Клавдиевым легионом, или же это могли быть и бывшие моряки из Равеннского флота. Но до того как отбросить данные надгробных камней, мы должны учесть другой интересный фактор. Ибо как раз тогда, когда II Вспомогательный легион в 71 году отправился в Британию, у XX легиона появился новый командир — как раз после того, как этот легион не поторопился засвидетельствовать свою верность новому императору Веспасиану. Новым командиром XX легиона стал Гней Агрикола — тесть историка Тацита.

Тогда XX легион был таким буйным (пишет Тацит), что его боялись даже наместники Британии, и Агриколу послали не только принять командование, но и «наказать непокорных» (*Tac. Agr. 7*). Логичным ходом в процессе восстановления дисциплины для Агриколы было бы перевести главных бунтарей из XX в новоприбывший II Вспомогательный легион, который уже доказал свою верность Веспасиану в ходе кампании на Рейне. В то же самое время Агрикола мог заполнить места переведенных из XX легиона людей легионерами из II Вспомогательного, просто поменяв их местами.

Надгробные камни из Девы подтверждают такое предположение. Из четырнадцати легионеров XX легиона, засвидетельствованных в этот период, трое происходили из традиционного округа, где набирался этот легион, — Северной Италии, а один — с Востока; к 14 году н. э. XX постоянно принимал в свои ряды людей из Сирии (*Tac. A. I, 42*). Вот показательный факт: двое из легионеров XX легиона происходили из Виенны, а третий был уроженцем Арелаты в Нарбонской Галлии. Еще один происходил из соседнего Лугдуна, и еще один был из той же самой провинции.

Кроме того, трое из людей XX легиона были далматами и все трое — из одного и того же города Целеи, как и один из ранее упомянутых далматов II Вспомогательного легиона. И один из легионеров XX легиона, которому принадлежал надгробный камень, происходил из Северной Италии и вернулся домой в Равенну, уйдя в отставку из легио-

на; это заставляет предполагать, что он мог быть одним из равеннских морских пехотинцев, принятых в армию Веспасиана наряду с далматами. Количество легионеров, о которых мы говорим, как кажется, исключает случайное совпадение.

В общем и целом 36 процентов легионеров XX легиона, похороненных в Честере, видимо, были набраны в II Вспомогательный легион в Нарбонской Галлии и потом переведены в XX Валериев Победоносный; 22 процента, скорее всего, были далматскими рекрутами, которых первоначально отправили в II Вспомогательный; и один из четырнадцати воинов XX легиона, возможно, являлся морским пехотинцем из Равенны, также приписанным к II Вспомогательному. И наоборот, двое людей из Северной Италии и шесть с Востока на надгробных камнях II Вспомогательного, скорее всего, перевелись из XX. Эти данные хотя и не являются решающими, тем не менее убедительны. Они указывают на прочную связь между римской Виенной и первым набором в II Вспомогательный легион.

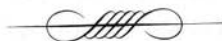
После того как II Вспомогательный легион прибыл в Британию, он принял участие во вторжении Петилия Цериаала в королевство кельтского племени бригантов (сегодняшний Йоркшир), «считавшееся самым многолюдным в провинции» (как писал Тацит). «Произошло много битв, и среди них несколько кровопролитных; побеждая бригантов и преследуя их или сражаясь с ними, он прошел значительную часть их владений» (*Тас. Агг. 17*). Завершить это завоевание пало на долю будущих наместников Британии. Следующий наместник, Юлий Фронтин, «подчинил силой оружия» — в том числе и оружия II Вспомогательного легиона, «могучую и воинственную народность силуров» в Уэльсе. После того как Фронтин «помимо стойкости неприятеля преодолел также труднопроходимую местность», он и его легионы завершили завоевание Уэльса для Рима (*Тас. Агг. 17*).

II Вспомогательный легион должен был также принимать участие в кампаниях Агриколы, благодаря которым римское завоевание значительно продвинулось в Шотландию (в 84 году н. э.). Когда срок службы многих первоначально набранных в легион солдат должен был закончиться в 88—89 годах н. э., II Вспомогательный легион был выведен из Британии в 87 году н. э. и послан в Сингидун (сегодняшний Белград).

Оттуда легион, подкрепленный новым набором рекрутов, присоединился к кампании Домициана против даков и алеманнов, завершившейся для римлян унижительными поражениями и отступлениями.

К тому времени, как в 89 году Домициан начал мирные переговоры со своими северными противниками, базой II Вспомогательного легиона стал Аквинк — сегодняшняя столица Венгрии Будапешт на Дунае в провинции Нижняя Паннония.

Легион, посланный на Восток Марком Аврелием наряду с I легионом Минервы из Бонны, участвовал в 161—166 годах в его походах против персов перед тем, как вернуться в Аквинк. Оттуда в 193 году он пошел на Рим вместе со своими братьями по оружию — паннонскими легионами, в том числе и I Вспомогательным, чтобы сделать своего наместника Септимия Севера императором. Легион все еще находился в Венгрии в начале V века, когда составлялась *Notitia Dignitatum*.

II АВГУСТОВ ЛЕГИОН

	LEGIO II AUGUSTA	II АВГУСТОВ ЛЕГИОН
	ЭМБЛЕМА	Пегас
	ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог
	ОСНОВАН	В Италии Помпеем Великим для службы в Испании
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в Северной Италии
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Ближняя Испания, Нижняя Германия, Аргенторат, Британия, Иска Думнониев, Глсеев, Иска, Карпоу, Ричборо
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Кантабрийская война в 29—19 гг. до н. э. Германская кампания Германика в 14—16 гг. н. э. Вторжение в Британию в 43 г. н. э. Завоевание Уэльса в 80 г. н. э.
	ИЗВЕСТНЫЕ КОМАНДИРЫ	Публий Вителлий (дядя будущего императора Вителлия), 14—16 гг. н. э. Тит Веспасиан (будущий император Веспасиан), 42—47 гг. н. э.

С ВЕСПАСИАНОМ ОНИ ЗАВОЕВАЛИ БРИТТОВ

Этот легион прославился благодаря своему командиру — Веспасиану — во время вторжения в Британию и победил более чем в тридцати битвах против царя Каратака и кельтов; он был опозорен во время восстания Боудикки и провел много лет в Уэльсе, подавляя сопротивление валлийцев римскому господству.

Республиканский II легион сражался за Помпея в Испании в начале гражданской войны; он сдался Цезарю в 49 году до н. э. и затем перебежал обратно на сторону сената, сражаясь за сыновей Помпея вплоть до поражения при Мунде в 45 году до н. э., после чего его должны были снова включить в армию Цезаря. К 30 году легион стал частью постоянной армии Августа и отправился в Северную Испанию для участия в Кантабрийских войнах. За свою службу в этом конфликте легион получил от Августа почетный титул «Августов».

К 9 году н. э. этот легион находился на Рейне, а пять лет спустя под командованием Публия Вителлия, дяди будущего императора Авла

Мильный камень, воздвигнутый II Августовым легионом. Внизу фигурирует его эмблема — Пегас

Вителлия, он сыграл ведущую роль в Германских кампаниях Германика Цезаря. В 17 году н. э., когда Германика отозвали с Рейна, легион перевели в Аргенторату — сегодняшний Страсбург.

В 43 году н. э. он стал одним из четырех легионов, принявших участие во вторжении Клавдия в Британию. Под командованием будущего императора Веспасиана (тогда претора) II Августов легион прошел по всему южному побережью Англии: стремительная атака

подавила всякое сопротивление. Легион сразился в тридцати битвах, взял штурмом двадцать кельтских городов и занял остров Уайт.

II Августов легион остановил свой ход у Иски Думнониев, столицы племени думнониев (сегодня — Эксетер). Здесь он построил постоянный лагерь площадью 42 акра (17 гектаров), который стал его базой на многие десятилетия. Легион находился тут во время восстания Бодикки в 60 году н. э.: тогда префект лагеря получил печальную известность, проигнорировав приказ прийти на помощь наместнику провинции Светонию Паулину; позднее опозоренный префект покончил с собой.

В 67 году н. э. отдельные части легиона перевелись в Глеев, сегодняшний Глостер. Восемь лет спустя весь легион был переведен в Иску (современный Карлеон) в Уэльсе, и в это время база в Эксетере была полностью оставлена. Между 122 и 136 годами вексиляции II Августова легиона принимали участия в сооружении Адрианова вала в Северной Британии.

К 290 году II Августов легион организованно разобрал свою базу в Иске в Уэльсе и перевелся в Карпоу в Шотландии, где он был нужен для борьбы с нападавшими на провинцию пиктами и скоттами. Примерно к 390 году легион находился в Ричборо в Кенте. Однако численность подразделения значительно уменьшилась; его база в Ричборо составляла лишь одну десятую той площади, которую он занимал в Иске, и легион — прославленный своими подвигами при Августе, Германике и Веспасиане — кончил свои дни, сократившись до маленького пограничного отряда под командованием дукса Саксонского берега.

II ИТАЛИЙСКИЙ ЛЕГИОН

	LEGIO II ITALICA	II ИТАЛИЙСКИЙ ЛЕГИОН
	ЭМБЛЕМА	Волчица и близнецы
	ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог
	ОСНОВАН	В Италии Марком Аврелием около 165 г. н. э.
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в Италии
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Аквилея, Лочица, Альбинг, Лауриак
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Освобождение Аквилеи в 169 г. н. э. Германские войны Марка Аврелия в 165–175 гг. н. э.

В БОЯХ ЗА ЖИЗНЬ, А НЕ ЗА СЛАВУ

Легион, набранный Марком Аврелием в Италии для войн против германцев, всю свою воинскую карьеру сражался на Дунае.

Как говорит его знак зодиака — Козерог — и нумизматические данные, II Италийский легион был основан в Италии Марком Аврелием зимой 164/165 года в то время, когда германские племена рвались через Дунай в Паннонию, Далмацию и даже в Северную Италию. Эмблема легиона — волчица и близнецы — отражает тот факт, что он родился в то же время и в том же месте, что и его братское подразделение — III Италийский легион.

II Италийский легион первоначально базировался в Аквилее в Северо-Восточной Италии, где к нему присоединился III Италийский, чтобы снять германскую осаду. В последующие годы беспорядочных сражений с германскими племенами, пришедшими с северного берега Дуная, II Италийский легион постоянно был в походах. Он находился в Лочице в Далмации, близ сегодняшнего Целе в Словении вплоть до 172 года н. э., когда он был переведен в Альбинг в провинции Норик. К 205 году в царствование Септимия Севера он был переведен внутри Норика — в Лауриак, современный Лорх в Австрии; база в Альбинге осталась незаконченной.

Здесь, в Лауриаке, II Италийский легион и оставался в следующие сто лет, постоянно отбивая завоевателей-варваров. К тому времени,

как была составлена *Notitia Dignitatum* (где в качестве его эмблемы показано колесо с четырьмя спицами), II Италийский легион стал одним из тридцати двух легионов-комитатов. Под общим командованием дукса Паннонии и Прибрежного Норика он был разбит на три подразделения, каждым из которых командовал префект. Вскоре он будет уничтожен готами, сарматами и гуннами.

II ПАРФЯНСКИЙ ЛЕГИОН

	LEGIO II PARTHICA	II ПАРФЯНСКИЙ ЛЕГИОН
	ЭМБЛЕМА	Кентавр
	ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог (возможно)
	ОСНОВАН	Септимием Севером в 197 г. н. э.
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в Македонии и Фракии
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Парфия, Альба, Апамея, Парфия, Альба, Безабда, Месопотамия
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Парфянские кампании Севера в 197–201 гг. н. э. Парфянская кампания Каракаллы в 215–218 гг. н. э. Битва при Нисибисе в 217 г. н. э.

ТЕЛОХРАНИТЕЛИ СЕВЕРА, УБИЙЦЫ МАКСИМИНА

Имперский легион, постоянно базировавшийся в Италии, был набран для кампаний Септимия Севера; он был изгнан на Восток Константином Великим, где ему суждено было выдерживать напор 100 тысяч персов во время семидесяти трех дней осады Амиды в своей последней великой битве.

Легионы Рима понесли тяжелые потери во время войн Марка Аврелия против германцев на Дунае и против парфян на Востоке. Поэтому Септимий Север набрал три новых легиона для своего вторжения в Парфию в 195 году н. э. Набирались эти легионы в Македонии и во Фракии, и эмблемой всех трех был кентавр.

Хотя результатом Парфянских кампаний Севера и стал штурм парфянской столицы Ктесифона, реально они не дали Риму ничего. Север вернулся в Рим, поглядев на достопримечательности Египта, оставив I и III Парфянский легионы охранять Месопотамию. Он взял II Парфянский легион с собой в Италию. Север заменил бывших преторианских гвардейцев людьми из легионов после того, как прежние преторианцы убили его предшественников — Пертинакса и Юлиана. Но все-таки он чувствовал себя в столице недостаточно уверенно без вооруженных сил под рукой, на которые он мог бы рассчитывать. Им-

ператору нужна была, если хотите, страховка. II Парфянский легион доказал Северу свою лояльность и храбрость в битвах против парфян, и именно его выбрали для этой роли.

II Парфянский стал первым имперским легионом, который постоянно базировался в Италии. Север расположил его в Альбе Лонге лишь в 12 милях (19,3 километра) к югу от Рима и меньше чем в трех часах пешего хода — если легион ему вдруг срочно понадобится. База II Парфянского легиона в Альбе была построена легионерами на Аппиевой дороге рядом с большой виллой, которую в конце I века н. э. соорудил Домициан.

Ротонда — круглый нимфей, который был частью виллы Домициана, — превратилась в баню для офицеров легиона и была включена в легионный комплекс. В то время как большая часть базы легиона практически исчезла, здание бани дожило до сегодняшнего дня в качестве церкви Санта-Мария-делла-Ротонда.

Более крупный комплекс бань — бани Челломайо — был построен для рядовых легионеров сыном и наследником Севера Каракаллой. Он стоял как раз через дорогу от главных ворот лагеря. Для развлечения легионеров, местных жителей и посещавших лагерь членов императорского двора на скалистом склоне холма к северу от базы построили амфитеатр на 16 тысяч зрителей.

Командиром II Парфянского легиона в 217 году н. э. был Элий Деций Триквиан, который твердой рукой руководил своим легионом. Триквиан начал свою военную карьеру как обычный солдат паннонского легиона, где его обязанности включали стражу у дверей наместника провинции. К 218 году н. э. император Макрин назначил Триквиана наместником Паннонии, что позволило ему вернуться во дворец, который он некогда охранял — на сей раз в качестве его хозяина (*Dio. LXXX, 5*).

Или весь легион, или отдельные его подразделения вскоре были посланы обратно на Восток. Надгробия легионеров II Парфянского легиона и членов их семей, обнаруженные в Апамее, показывают, что когорты этого легиона стояли в городе на зимних квартирах достаточно долгое время. Один такой камень поставил центурион II Парфянского по имени Пробий Санкт в память своей «несравненной» 28-летней жены (*AE 1993, 1597*).

Прибыв морем в Сирию для Восточной кампании Каракаллы, когорты II легиона приняли участие в битве с персами при Нисибисе в 217 году н. э. Эти отряды II Парфянского легиона оставались в Апамее после

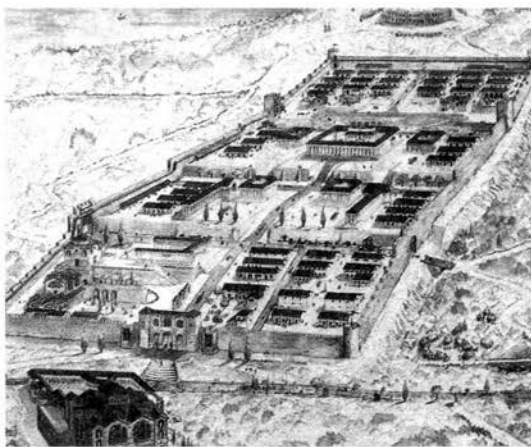
убийства Каракаллы; именно здесь его наследник Макрин и нашел их летом 218 года. Легионеры и члены их семей вернулись на Альбанскую гору.

В 238 году II Парфянский находился в Паннонии. Повоевав с императором Максиминем против германцев и сарматов, легион готовился пойти в поход против готов. Когда до Паннонии дошло известие о том, что сенат сверг с трона Максимина и признал императором Гордиана I, наместника Африки, и его сына Гордиана II в качестве соправителя после того, как самые видные граждане Аф-

рики признали эту пару императорами, Максимин повел свои легионы — в том числе и II Парфянский — в Италию, чтобы вернуть себе власть. Между тем в Африке стоявший там III Августов легион, оставшийся верным Максимину, убил Гордиана II и заставил Гордиана I совершить самоубийство. В ответ сенат в пику Максимину провозгласил двух сенаторов — Пупиена Максима и Бальбина — соправителями. После того как Максимин пришел под Аквилею, которая сопротивлялась ему, он начал осаду города.

II Парфянский легион потерял веру в своего императора; войска боялись за своих любимых и родных, оставшихся в Альбе, на территории, которую контролировал сенат. Во время перерыва в сражении под Аквилеей люди из II Парфянского вместе с преторианскими гвардейцами убили Максимина и его сына Максима, а затем и префекта преторианской гвардии и ближайших советников императора. Вскоре преторианская гвардия расправилась как с Пупиеном, так и с Бальбином, и императором стал подросток Гордиан III — внук Гордиана I. II Парфянский легион вернулся в Альбу и получил почести от нового императора.

II Парфянский легион также остался верным одному из императоров — Максенцию, шурина Константина Великого. Когда в 312 году Константин отправился в Италию с сорокатысячной армией, чтобы свергнуть Максенция, II Парфянский легион встал за Максенция в

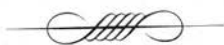

База II Парфянского легиона в Альбано в 12 милях к югу от Рима. За то, что легион сражался против него, Константин Великий изгнал его на Восток и подарил базу в Альбано христианской церкви

битве на Мульвиевом мосту к северу от Рима, где Максенций потерпел поражение и утонул в Тибре. Победоносный Константин разогнал как преторианскую гвардию, так и конных телохранителей императоров (сингуляриев), поскольку они сражались за Максенция, но он не расформировал II Парфянский легион; вместо этого он отправил его на самые дальние границы империи. С того самого времени II Парфянский легион базировался в Месопотамии, отражая персидскую угрозу. Константин подарил базу легиона в Альбе христианской церкви — вместе с гражданским поселком (*vicus*), который вырос около него. Многие лишившиеся дома члены семей военных должны были отправиться с легионом на новую базу.

Позднее легион перевели в находившийся на холме город Безабда (сегодня Чизре в Турции) близ Тигра — все в той же Месопотамии. Согласно историку Аммиану, который был знаком с этим подразделением, II Парфянский легион был уничтожен в 360 году, когда царь Шапур возгласил осаду Безабды, в результате которой город был захвачен. В той же битве погибли и II Флавиев и II Армянский легионы. Большая часть людей II Парфянского легиона попали в плен и стали рабами персов.

Согласно *Notitia Dignitatum*, как I, так и II Парфянский легионы стояли в Месопотамии под командованием дукса Месопотамии, причем в конце IV века II легион базировался в Кефе. Но к тому времени, очевидно, были уничтожены не только оба легиона — сама Месопотамия уже много лет как перестала быть римской провинцией после того, как император Иовиан в 363 году сдал ее персам.

II ТРАЯНОВ ЛЕГИОН

	LEGIO II TRAIANA	II ТРАЯНОВ ЛЕГИОН
	ЭМБЛЕМА	Молот Геркулеса и молния
	ЗНАК ЗОДИАКА	Овен
	ОСНОВАН	Траяном около 105 г. н. э.
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально, возможно, в германских провинциях
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Лаодикея, Никополь
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Парфянская кампания Траяна в 111–114 гг. н. э. Оборона Александрии в 172–173 гг. н. э.

ЖИЗНЬ В ЕГИПТЕ

Легион был набран Траяном и назван его именем; под командованием этого императора он сражался против парфян и захватил их столицу.

Готовясь ко второму вторжению в Дакию, Траян приказал набрать два новых легиона. Один должен был поддержать операцию в Дакии; другой собирались послать на Восток для приготовлений к запланированному императором вторжению в Парфию.

II Траянов легион, названный в честь самого Траяна, был одним из двух этих легионов (другим оказался XXX Ульпиев). Нет никаких данных о том, почему Траян дал ему номер II, но, скорее всего, он был набран в том самом округе, где набирался уже существующий II легион. Тогда это, вероятно, были рейнские провинции: Геркулес, бог-покровитель легиона, в германском варианте — Донар, почитался у германцев как бог войны.

Переправившись в Сирию, II Траянов легион в 105 году н. э. разместился в портовом городе Лаодикее. Оттуда он отправился на юг, в Египет, где его базой стал Никополь вблизи Александрии. Здесь легион и остался, возможно отправив свою вексилляцию для операции в Иудее во время 2-го Иудейского восстания в 132–135 годах н. э.

В 172 году пастухи-буколы в дельте Нила подняли восстание под руководством египетского жреца по имени Исодор. Разбив вспомога-

тельный отряд, посланный на подавление мятежа, буколы осадили Александрию, которую, видимо, защищал II Траянов легион. Осада была снята только в следующем году, и мятеж подавлен, когда правивший Сирией Авидий Кассий пришел оттуда на помощь осажденным.

Вероятно, II Траянов легион встал на сторону пальмирской царицы Зенобии в 269 году, когда она захватила Египет, – поскольку нет никаких данных о том, что легион с ней сражался. В начале V века II Траянов, согласно *Notitia Dignitatum*, был одним из шести базировавшихся в Египте легионов и подчинялся фиванскому дуксу. После падения Западной Римской империи он должен был стать частью армии византийских императоров.

III АВГУСТОВ ЛЕГИОН

	LEGIO III AVGVSTA	III АВГУСТОВ ЛЕГИОН
	ЭМБЛЕМА	Согласно нумизматическим данным I в. н. э. — лев. (Предполагался также Пегас, но доказательств этому нет)
	ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог
	ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	Даровано Августом около 19 г. до н. э.
	ОСНОВАН	Возможно, Октавианом
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в Цизальпинской Галлии, позднее — в Северной Африке
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Африка, Аммаэдра, Тебесса, Ламбесис
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Восстание Такфарината в 17–23 г. н. э. Битва при Карфагене в 238 г. н. э.
	РАСПУЩЕН	В 238 г. н. э. Переформирован в 253 г.
	ИЗВЕСТНЫЙ КОМАНДИР	Марк Аврелий Проб, будущий император (276–282 н. э.)

ХРАНИТЕЛИ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Этот легион начал свою деятельность с подавления многолетнего восстания Такфарината в Тунисе для Тиберия и дорого заплатил за верность Максимилину; сотни лет он оставался единственным легионом Рима в Северной Африке.

III легион, который прибыл в провинцию Африка в 30 году до н. э., мог быть наследником III легиона Помпея Великого. Он служил Октавиану в войне против Антония и Клеопатры.

Когда-то между 27 годом до н. э. (когда Октавиан принял титул Августа) и его кончиной в 14 году н. э. III легион получил от легиона титул «Августов». После кампании против племен пустыни в 19 году до н. э. наместник Африки Корнелий Бальб получил от сената триумф. Высказывалось достаточно разумное предположение, что именно тогда и по этому поводу III Августов легион и получил свое название (*Kerr. MRA. 5*). Возможно, отнюдь не совпадением было то, что тот же 19 год до н. э. стал годом завершения Кантабрийских войн в Испании, в ходе которых

целых четыре легиона получили титул «Августовы». И в том же 19 году один из этих легионов потерял свое название из-за трусости.

Звездный час III Августова легиона пришел, когда в 17–23 годах он подавил восстание Такфарината в Африке. В 75 году н. э. этот легион был переведен Веспасианом в Тебессу (сегодня Тимгад), где легионеры построили прекрасный город вокруг дороги на свою старую базу в Ламбесисе. План города следовал схеме планировки военного лагеря. Легион продолжал работать на основных стройплощадках Тебессы еще полвека.

В 238 году самые видные граждане провинции Африка восстали против императора Максимиана и объявили наместника провинции Гордиана I и его сына Гордиана II соправителями в пику Максимиану. Однако стоявший в провинции III Августов легион остался верным Максимиану и победил армию узурпаторов, набранную из свежих рекрутов в битве под Карфагеном, которая стала для легионеров «игрой в одни ворота»: среди множества убитых оказался и Гордиан II. Узнав о смерти сына, Гордиан I покончил с собой.

Однако сенат, презиравший Максимиана, объявил двух сенаторов — Пупиена Максима и Бальбина — соправителями. Максимиан, находившийся в то время в Паннонии и собиравшийся на войну с готами, повернул свою армию и пошел в Италию. Но как раз когда он осаждал Аквилею, которую удерживали войска, верные сенату, его собственные войска убили его в его лагере.

Когда Максимиан погиб, преторианская гвардия убила Пупиена и Бальбина, позволив 30-летнему внуку Гордиана I стать следующим императором — Гордианом III. Поскольку III Августов легион остался верным своему императору, Максимиану и был ответствен за гибель его деда и дяди, Гордиан III велел распустить III легион. Его легионеры были разбросаны по разным подразделениям.

Пятнадцать лет спустя, в 253 году, в год, когда в Риме было три императора, III Августов легион был переформирован (судя по всему, Валерианом); главным центурионом в нем был Саттоний Юкунд; раньше, до роспуска легиона, Саттоний служил в нем (ILS. 2296).

В Африке все было мирно, и вексиляции из III Августова легиона часто служили в Европе в последующие десятилетия. Одно такое подразделение стояло в Македонии и участвовало в боях с готами (AE. 1934. 193). Легион в конечном счете был выведен из Африки. Люди в него вербовались в Галлии, и он считался одним из легионов-комитатов под командованием магистра пехоты; он стал частью армии, посланной Стилихоном в 395 году для разгрома мятежного наместника Африки Гильдона.

III КИРЕНАЙКСКИЙ ЛЕГИОН

	LEGIO III CYRENAICA	III КИРЕНАЙКСКИЙ ЛЕГИОН
	ЭМБЛЕМА	Аммон / Юпитер (возможно)
	ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог
	ОСНОВАН	Возможно, Марком Антонием около 36 г. до н. э.
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в провинции Киренаика
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Египет, Иудея, Бостра, Иудея, Бостра
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Осада Иерусалима в 70 г. н. э. Парфянская кампания Траяна в 114–116 гг. н. э. 2-е Иудейское восстание в 132–135 гг. н. э.

ИЗ ТИХОГО ЕГИПТА — В ГУЩУ БОЯ

Этот легион многие годы стоял в Египте; он завоевал и создал новую провинцию Аравия, затем с боями прошел 2-ю Иудейскую войну, в результате которой все иудеи были изгнаны с тех мест, откуда можно было видеть Иерусалим.

III Киренайкский легион, как известно, сражался за Марка Антония, и, как говорит само его название, Антоний, видимо, набрал его в Киренаике в Северной Африке. Во время 2-го триумvirата он попал под командование Антония. Легион сдался Октавиану при Акции в 31 году до н. э., и в следующем году он стал одним из двадцати восьми постоянных легионов Августа, размещенным в Египте.

Не известна ни эмблема, ни знак зодиака III Киренайкского легиона, однако известно, что легионеры почитали киренайкского бога, известного в Египте как Амон и которого римляне изображали как Юпитера с рогами; вполне возможно, что III Киренайкский легион имел своей эмблемой это официально признанное изображение бога.

Этот легион, базировавшийся в Александрии, подавлял мятежи иудеев в этом городе в I веке н. э. и дал несколько когорт для осады Иерусалима Титом в 70 году н. э. В 106 году легион вышел из Александрии, столь долгое время служившей его базой, присоединился к

мобильному отряду под предводительством Авла Корнелия Пальмы, наместника Сирии, и вторгся в древнее царство Набатей. По приказу императора Траяна Пальма создал новую римскую провинцию Каменную Аравию (*Arabia Petraea*). В Бостре III Киренаикский легион построил себе новую базу.

Между 114 и 116 годами легион принимал участие в кампании Траяна в Месопотамии и Парфии перед тем, как вернуться на свою базу в Бостре. Между 132 и 135 годами он принял участие в долгих и мучительных кампаниях Юлия Севера в Иудее, в ходе которых было подавлено 2-е Иудейское восстание. Легион продолжал базироваться в Бостре в течение следующих нескольких сотен лет, постоянно сражаясь с персами — с переменным успехом.

К концу IV века III Киренаикский легион все еще находился в Аравии вместе с IV Марсовым легионом, созданным сравнительно недавно, плюс еще двенадцатью конными отрядами и пятью вспомогательными когортами.

III ГАЛЛЬСКИЙ ЛЕГИОН

	LEGIO III GALLICA	III ГАЛЛЬСКИЙ ЛЕГИОН
ЭМБЛЕМА	Три быка	
ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог	
ОСНОВАН	Переформирован Юлием Цезарем в Галлии в 49 г. до н. э.; основан на III легионе Помпея	
ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в Галлии. При Марке Антонии местом набора стала Сирия	
ГДЕ СЛУЖИЛ	Эмеса, Апамея, Каппадокия, Армения, Иудея, Мёзия, Рим / Капуя, Рафанея, Иудея, Данаба	
ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	1-я Армянская кампания Корбулона в 58—60 гг. н. э. 2-я Армянская кампания Корбулона в 62 г. н. э. 1-е Иудейское восстание в 66—67 гг. н. э. Победа над сарматами-роксоланами в 68 г. н. э. 2-я битва при Бедриаке в 69 г. н. э. Битва при Кремоне в 69 г. н. э. Битва у Рима в 69 г. н. э. 2-е Иудейское восстание в 132—135 гг. н. э.	

УЖАС НА СЛУЖБЕ ВЕСПАСИАНА

Один из легионов Марка Антония, впоследствии он сильно пострадал во время 1-го Иудейского восстания перед тем, как в одиночку сокрушить девяти тысячную сарматскую кавалерию в Мёзии: этот легион, внушавший всеобщий страх, пробил себе путь в Италию, чтобы разбить Вителлия и сделать императором своего бывшего полководца Веспасиана.

Под предводительством Марка Антония они разгромили парфян, вместе с Корбулоном нанесли поражение армянам, только что разбили сарматов.

Тацит. История. III, 24

Эмблема трех быков, изображенная на монетах III Галльского легиона, отражает тот факт, что это был второй III легион, существовав-

ший на тот момент, как он был переформирован Цезарем в 49 году до н. э. Как писал сам Цезарь, другой III легион в то время был в походе на стороне Помпея Великого в Греции и сражался против Цезаря при Фарсале (*Caes. CW. III, 88*). Название этого легиона — Галльский — могло быть дано ему Цезарем, чтобы отличить от III легиона Помпея и отразить тот факт, что он был набран в Галлии. Первоначальный III легион, послужив Помпею в Испании, почти наверняка имел эмблему быка.

III Галльский был одним из легионов Цезаря, который Марк Антоний взял с собой на Восток во время 2-го триумvirата. Там он отличился в армии Антония во время его катастрофической кампании 36 года до н. э. в Мёзии. До этой кампании Антоний пополнял ряды своих легионов сирийскими рекрутами, и в следующие по меньшей мере сто лет ряды III Галльского легиона также пополнялись сирийцами, большинство из которых (если не все) поклонялись восточному богу солнца Ваалу, или Гелиогабалу.

Как только Октавиан принял III Галльский легион в свою новую постоянную армию в 30 году до н. э., этот легион стал частью сирийской армии. Монеты, которыми ему выплачивалось жалование, чеканились или в Эмесе, там, где находился храм Ваала, или в Апамее.

Было принято, что легионы не размещали там, где их набирали, и, согласно более поздним данным, легион размещался в Иудее, которая считалась частью провинции Сирия. В Иудее легиону не позволяли иметь в обращении монеты с изображением императора и поднимать свои знамена, поскольку у евреев существовал запрет на рисованные изображения. И поскольку наместник Иудеи имел всего лишь статус всадника, легионом командовал его трибун, тоже всадник, так же как в Египте командовать разрешали только всадникам. Когда-то старшим трибуном III Галльского был офицер по имени Целер, которого казнили за обман иудеев в Иудее (*Jos. JA. 20, 6, 2–3*).

К весне 58 года н. э. III Галльский легион, состоявший из шести когорт, пошел в Каппадокию под командованием префекта легиона Капитона и принял участие в молниеносной кампании Корбулона в Армении. В 62 году н. э. еще один отряд участвовал во 2-й Армянской кампании Корбулона.

Когда в 66 году н. э. в Иудее вспыхнуло восстание, три когорты III Галльского легиона были застигнуты врасплох в самом начале и уничтожены. Оставшиеся когорты приняли участие в контрнаступлении Веспасиана в 67 году в Галилее. Но, несмотря на энтузиазм мститель-

ных легионеров, легион понес столько потерь к концу лета, что императорский штаб перевел его через весь римский мир в Мёзию на Дунае, куда он и прибыл в 68 году.

В начале 69 года н. э., как раз когда зима в Мёзии заканчивалась, истощенный легион был призван на отражение вторжения в провинцию 9 тысяч тяжеловооруженных сарматских всадников из племени роксоланов. В неожиданной атаке в морозный день люди из III Галльского легиона истребили роксоланов до последнего человека с минимальными жертвами со своей стороны. За эту победу легат легиона был удостоен триумфальных почестей императором Отоном.

В конце лета 69 года люди из III Галльского легиона узнали, что их бывший главнокомандующий в Иудее Веспасиан был провозглашен императором легионами Востока. Это значило пойти против занимавшего на тот момент трон Вителлия, который свергнул Отона. Легион затем поклялся в верности Веспасиану и убедил другие легионы в Мёзии, Паннонии и Далмации сделать то же самое. В сентябре делегация III легиона под предводительством главного центуриона Аттия Вара присутствовала на военном совете в Поэтовио — штаб-квартире XIII Сдвоенного легиона в Паннонии.

Легат VII Гальбанского легиона Марк Антоний Прим затем объявил, что пойдет на Италию, чтобы свергнуть с трона Вителлия лишь с небольшим количеством вспомогательных отрядов, которые были у него. Поскольку другие полководцы на этой встрече отказались поддержать Прима, центурион Вар и люди III Галльского, бывшие с ними, немедленно предоставили ему свою поддержку и поклялись в верности.

С центурионом Варом в качестве своего заместителя и с одними только людьми Вара из III Галльского и своими вспомогательными войсками Прим пошел на Италию, где вскоре к ним присоединились остальные отряды III легиона и других легионов Мёзии и Паннонии. Армия Прима разбила войска Вителлия — сначала под Бедриаком и затем у Кремоны, причем III Галльский всегда шел в авангарде. При Кремоне «третий легион топорами и мечами разбил ворота. Первым ворвался в лагерь, как утверждают в один голос все авторы, солдат третьего легиона Гай Волузий. Разбросав тех, кто еще сопротивлялся, он взбежал на вал и, вставши там на виду у всех, объявил, что лагерь взят» (*Тас. Н. III, 29*).

Затем III Галльский легион пошел на Рим и штурмовал город. После того как легионеры помогли свергнуть Вителлия, они начали громить дома тех, кто его поддерживал. Когда в Рим прибыл представитель

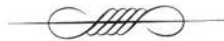
Веспасиана Муциан, он приказал разбойному III легиону провести зиму в Капуе, чтобы убрать их из столицы. Капуя была не только богатым городом, но и поддерживала Вителлия до самого конца, так что людей из III легиона ничто не сдерживало, и они могли систематически грабить город всю зиму.

Вар — главный центурион легиона — был награжден за свое участие в поражении Вителлия рангом претора, но вскоре его отодвинули в сторону, и весной 70 года его бывший легион послали обратно на Восток, где он уже не мог оказывать влияние на события. Новым местом размещения легиона оказалась дальняя Рафанея на реке Евфрат в Южной Сирии.

III Галльский легион принял участие в римском контрнаступлении в Иудее во время 2-го Иудейского восстания в 132–135 годах. Он вернулся в Рафанею в царствование Марка Аврелия. При Септимию Севере провинцией легиона стала Сирия Финикия, и легион должен был принять участие в кампании Аврелиана в 273 году, целью которой было отнять Восток у мятежной царицы Пальмиры Зенобии.

Во время царствования Диоклетиана база III легиона находилась в Данабе между Дамаском и Пальмирой. При Феодосии I легион все еще стоял в Данабе наряду с I Иллирийским легионом, созданным в конце III века.

В период расцвета III легиона — краткое время между 67 и 70 годами н. э. — мало каких легионеров больше боялись и друзья и враги, чем диких солнцепоклонников — сирийцев из III Галльского легиона.

III ИТАЛИЙСКИЙ ЛЕГИОН

	LEGIO III ITALICA	III ИТАЛИЙСКИЙ ЛЕГИОН
	ЭМБЛЕМА	Аист
	ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог (возможно)
	ОСНОВАН	В 165 году Марком Аврелием для войны с маркоманами
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в Италии
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Аквилея, Айнинг, Кастра Регина
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Война Марка Аврелия с маркоманами в 165–175 гг. н. э.

АИСТЫ МАРКА АВРЕЛИЯ

Второй из двух легионов, набранных в Италии в 165 году н. э. Марком Аврелием для его войн на Дунае, он был немедленно брошен в самое пекло.

Заново набранный Марком Аврелием III Италийский легион сражался с алеманнами и квадами — германскими племенами с того самого момента, как попал на передовую. Впервые он был набран в Италии в 165 году н. э. наряду со II Италийским.

Эмблемой III Италийского легиона был аист — уникальный случай среди эмблем легионов; может быть, это было связано с его «ново-рожденностью», а может быть, и имелся в виду тот регион в Италии, откуда он произошел. Например, Апулия в древности славилась как место гнездования аистов; коммуна Чериньола до сего дня считает своей эмблемой аиста.

III Италийский первоначально был размещен в Аквилее в Северо-Восточной Италии вместе со II Италийским. К 172 году н. э. он находился в Айнинге в Австрии, затем был переведен в Кастру Регину в Реции — сегодняшний баварский город Регенсбург. Сооружение легионного лагеря Кастра Регина у Дуная началось в 179 году н. э.; нумизматические данные говорят, что именно там размещался III Италийский легион.

К концу IV века это был легион-комитат под командованием Магистра пехоты.

III ПАРФЯНСКИЙ ЛЕГИОН

	LEGIO III PARTHICA	III ПАРФЯНСКИЙ ЛЕГИОН
	ЭМБЛЕМА	Кентавр
	ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог (возможно)
	ОСНОВАН	В 197 г. Септимием Севером для его Парфянской кампании
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально во Фракии / Македонии
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Парфия, Ресана
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Парфянская кампания Септимия Севера в 197–201 гг. н. э.

«РАСХОДНЫЙ МАТЕРИАЛ» ДЛЯ ВОЙНЫ С ПЕРСАМИ

Легион, набранный Септимием Севером для службы против парфян и к 197 году н. э. базировавшийся в недавно оккупированной Месопотамии, провел всю свою дальнейшую карьеру, сражаясь с персами.

Наряду с I и II Парфянскими легионами III Парфянский был набран во Фракии и в Македонии Септимием Севером для его Парфянских кампаний в 197–201 годах. После того как они преодолели сопротивление персов и заняли Эдессу, столицу царства Осроена, союзника парфян, взяв в плен его короля Абгара, легионы Севера пошли вниз по Тигру и взяли штурмом и разграбили столицу парфян — Ктесифон.

В ходе этих операций европейские рекруты всех трех Парфянских легионов постоянно сражались лучше, чем легионы, уже базировавшиеся на Востоке. Но после продолжительной, кровавой и в конечном счете безуспешной осады богатого пустынного города Хатры даже они истощили все свои силы и были готовы взбунтоваться. Север отказался от осады и ушел, оставив I и III Парфянский легионы охранять Месопотамию.

Базой III Парфянского легиона стала Резена — современный Расаль-Айн в Сирии на полпути между Нисибисом и Каррами. В ходе кампаний IV века персидского царя-завоевателя Шапура Ресана —

база III Парфянского — пала под натиском персов. III Парфянский легион исчез; очевидно, он был уничтожен при падении Ресаны.

В конце IV века существовал некий IV Парфянский легион. Он был набран в конце III века и располагался в Цирцезии — сейчас Аба-Сера в Ираке — под командованием дукса Осроены. Базировался он в Берое (Алеппо) в Сирии; возможно, это подразделение позднее стало частью византийской армии.

IV МАКЕДОНСКИЙ ЛЕГИОН

	LEGIO IIII MACEDONICA	IV МАКЕДОНСКИЙ ЛЕГИОН
	ЭМБЛЕМА	Бык
	ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог
	ОСНОВАН	Помпеем Великим (возможно)
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально Испания или Италия
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Юлиобрига, Могонциак

ОТ СЛАВЫ ПРИ ФИЛИППАХ — К ПОЗОРУ НА РЕЙНЕ

IV Македонский легион пережил битву при Филиппах, провел некоторое время в Испании перед тем, как перебестись на Рейн, отважно сражался с Арминием под командованием Германика — только чтобы опозорить себя во время мятежа Цивилиса и быть распущенным Веспасианом и переформированным в IV Флавиев.

IV легион носил название Македонский еще в самом начале императорской эры: «IV Македонский легион» фигурирует на надгробных камнях центуриона Луция Блааттия и другого, безымянного солдата, который поселился в Эсте в Италии за некоторое время до 14 года до н. э. (*Kepp. CVSI. Syl. 24, 25*). Вполне возможно, что легион принял это название после первой битвы при Филиппах в Македонии в 42 году до н. э., где он сражался на левом крыле армии Марка Антония и понес очень тяжкие потери. Полководец противника — Марк Брут поздравил свои войска с тем, что в этой битве «четвертый легион, которому, как самому прославленному, был поручен фланг, вы уничтожили целиком» (*App. IV, 117*). Однако подразделение выжило и было переформировано.

При Октавиане Августе легион располагался в Ближней Испании. Его базой стала Юлиобрига (сегодня Реторильо), где он и оставался до 43 года н. э., когда Клавдий перевел его в Могонциак на верхнем Рейне, заменив XIV Сдвоенный, который был предназначен для вторжения в Британию.

В январе 69 года н. э. IV Македонский легион возглавил движение, результатом которого стало то, что легионы армии верхнего Рейна

провозгласили своим императором Вителлия в противоположность Гальбе, а потом и Отону (*Тас. Н. I, 55*). Легион затем послал несколько когорт в Италию, где он сражался за Вителлия во второй битве при Бедриаке и в битве при Кремоне против войск Веспасиана. Они проиграли и сдались. Когорты IV Македонского оставались на Рейне и оказались втянутыми в восстание Цивилиса в конце того же года, и сдались мятежникам в начале 70 года н. э.

У нового императора Веспасиана вызвало такое омерзение, что IV легион перешел на сторону Цивилиса и его повстанцев, что он все распустил это подразделение.

IV СЧАСТЛИВЫЙ ФЛАВИЕВ ЛЕГИОН

	LEGIO IIII FLAVIA - F	IV СЧАСТЛИВЫЙ ФЛАВИЕВ ЛЕГИОН
	ЭМБЛЕМА	Лев
	ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог (возможно)
	ОСНОВАН	Основан Веспасианом в 70 г. н. э., чтобы заменить распущенный IV Македонский
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально, возможно, Далмация
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Бурн, Сингидун, Дакия, Сингидун
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Дакийские войны Траяна в 101–106 гг. н. э.

КАК СТАТЬ «ЛЬВОМ ВЕСПАСИАНА»

Они отважно сражались под командованием Германика — и опозорили себя во время восстания Цивилиса; легион был распущен Веспасианом, который преобразил его в IV Флавиев и послал на Восток.

После того как опозоривший себя IV Македонский легион был распущен в 70 г. н. э., Веспасиан переформировал это подразделение под названием IV Счастливый Флавиев легион, дав этому подразделению свое семейное имя — Флавиев и эмблему льва, символ, ассоциирующийся с любимым божеством Веспасиана — Геркулесом. Название Счастливый, свидетельствовавшее об императорской милости, императоры также давали многочисленным военным колониям, которые основывали.

После позорных действий IV Македонского легиона в ходе восстания Цивилиса IV Счастливый Флавиев легион отправился в Бурн, столицу провинции Далмация, где он и обосновался в конце 70 года н. э. Легионерам нужно было снова завоевывать себе репутацию.

К 85 году легион перевели в Мёзию. Его база находилась в Сингидуне, современном Белграде в Сербии в месте слияния рек Дуная и Савы. IV Флавиеву легиону суждено было принять участие в битвах с германцами-алеманнами и даками в Мёзии и Паннонии во время царствования Домициана, а при Траяне он принял участие в его вторжении в Дакию, которое в конечном счете сделало это царство римской провинцией.

Легион продолжал базироваться в Сингидуне последующие 200 лет, после чего он исчезает со страниц истории.

IV СКИФСКИЙ ЛЕГИОН

LEGIO IIII SCYTHICA IV СКИФСКИЙ ЛЕГИОН	
ЭМБЛЕМА	Бык
ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог
ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	Принято после победы над скифским племенем бастарнов в 29 г. до н. э.
ОСНОВАН	Возник на основе поздне республиканского легиона Помпея Великого
ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в Италии, потом в Испании
ГДЕ СЛУЖИЛ	Македония, Мёзия, Зевгма, Балкис, Зевгма, Сура
ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Победа над бастарнами в 29 г. до н. э. Иудейское восстание в 66 г. н. э. Восточные кампании Траяна в 114—116 гг. н. э.
ИЗВЕСТНЫЙ КОМАНДИР	Септимий Север, будущий император, в 181—183 гг. до н. э.

ТРУДНО ПОВТОРИТЬ ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

Получив свое название в боях со скифскими завоевателями в Мёзии и Македонии в начале царствования Августа, этот легион стал опорой защитной линии Рима на Евфрате.

Легионы с номером IV обычно набирались в Италии. Ко времени Помпея Великого этот легион стоял в Испании. Видимо, он сражался за Помпея против Цезаря в Восточной Испании и сдался там Цезарю в 49 году до н. э. Когорты этого легиона, как считалось, затем бежали в Грецию с Афранием (несколько «испанских когорт», о наличии которых при Фарсале упоминает Цезарь), затем, после Фарсала они спаслись и бежали в Северную Африку, где легион (ряды которого сильно поредели), как нам известно, принял участие в битве при Тапсе: в его ряды, к омерзению легионеров, были приняты рекруты-рабы — и, наконец, после поражения там сил республиканцев он сдался.

Вслед за этим Октавиан набрал новый IV легион, возможно использовав в качестве его ядра некоторых людей Помпея. Легионы с номером IV были в армиях как Октавиана, так и Антония во время битвы при Акции в 31 году до н. э., а в 30 году до н. э. Октавиан разместил бывший легион Антония, теперь называвшийся IV Македонским, в Испании, в то время как второй IV легион он послал в Македонию, где к нему присоединились V и X легионы.

В 29 году до н. э. в Македонии и Мёзии при амбициозном новом наместнике провинции Марке Лицинии Крассе (внук Красса-триумвира, который погиб со своей армией при Каррах в 53 году до н. э.), легион уничтожил завоевателей-бастарнов — скифское племя — в ряде сражений. За эту полную победу сенат проголосовал за предоставление Крассу триумфа, а Октавиан был провозглашен императором. Официально или неофициально IV легион принял название Скифский после победы над этими самыми скифами, и под этим названием он и был известен на все время его существования.

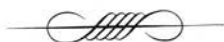
К 9 году н. э. легион был расположен в Мёзии, и в следующие полвека он перемещался между Мёзией и Македонией. К 62 году н. э. IV Скифский легион был переправлен в Сирию, чтобы принять участие в походе Цезенния Пета в Армению. Легион высадился в Лаодикее, и под командованием Фунисулана Веттониана его повел в Армению Пет наряду с XII Молниеносным.

Римляне заняли множество крепостей и получили «сколько-то славы и добычи» (*Тас. А. XV, 8*). Однако нерасторопный Пет позволил армии парфянского царя Вологеза окружить и осадить свой лагерь в Армении. Месяцы спустя, когда его голодающие люди уже отказывались идти в атаку, Пет согласился на унижительные условия мира, затем увел свои опозоренные легионы из Армении, оставив обоз и тяжелую боевую технику врагу.

Рим не простил такого провала. IV Скифский легион разместили в далекой Зевгме на Евфрате (сегодня Белкис в Турции). Здесь ему было суждено оставаться еще сотни лет. В 66 году н. э., после вспышки восстания в Иудее, легион дал множество когорт армии, которую повел на Иерусалим Цестий Галл; потом она отступала всю дорогу до самой Цезареи. И снова название IV Скифского было связано с поражением, и все последующие римские командиры в войне с иудеями — Веспасиан и его сын Тит — игнорировали этот легион при выборе подразделений для контраступления, которое наконец завершило мятеж.

Легион также дал когорты для римских операций при подавлении 2-го Иудейского восстания в 132—135 годах н. э. В 218 году центурион из IV Скифского захватил 10-летнего сына свергнутого императора Макрина, когда мальчик прибыл в Зевгму; он путешествовал с целью попросить у парфян убежища после поражения его отца от рук Гелиогабала.

К концу IV столетия IV Скифский легион, как показывает *Notitia Dignitatum*, все еще базировался в Сирии, но теперь уже в Суре.

V ЛЕГИОН ЖАВОРОНКОВ

	LEGIO V ALAUDAE	V ЛЕГИОН ЖАВОРОНКОВ
	ЭМБЛЕМА	Слоны
	ЗНАК ЗОДИАКА	Рак (возможно)
	ОСНОВАН	V легион был основан для Юлия Цезаря в 48 г. до н. э. в Испании. Вспомогательные войска — Жаворонки были набраны в Трансальпинской Галлии в 52 г. до н. э. и сформированы в легион в 43 г. до н. э. и позднее включены в V легион
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально V легион набирался в Дальней Испании, а Жаворонки первоначально в Трансальпинской Галлии
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Тарраконская Испания, Германия, Старые лагеря, Дакия
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Германская кампания Германика в 14–16 гг. до н. э.
	ИСТОРИЯ ПОРАЖЕНИЙ	Орел легиона достался германцам в 16 г. до н. э. Уничтожен даками в 86 г. н. э.

ОБРЕЧЕНЫ НА ПРОВАЛ

После милостей Юлия Цезаря и эмблемы слона, дарованной за победу при Тапсе, этот легион потерял своего орла на Рейне в 15 году до н. э. и был уничтожен даками в царствование Домициана.

В 185 году у Римской республики был V легион, который служил в Испании (*Liv.* XXXIX, 30, 12), где, как предполагает Кеппи, всегда стояли легионы с номерами от V до X (*Kerr.* MRA. 2). Вполне возможно, что V легион был одним из тех не названных по номеру легионов Помпея, которые сдались Цезарю в Ближней Испании в 49 году до н. э. В следующем году по приказу Цезаря его наместник Дальней Испании Квинт Кассий Лонгин «набирает новый легион, пятый» (*Caes.* SW. IV, 50); судя по всему, новый легион набирался там же, где распущенный V легион Помпея.

Затем V легион был переправлен в Северную Африку, чтобы принять там участие в кампании Цезаря против республиканских сил, и

в битве при Тапсе 6 апреля 46 года до н. э. легионеры V легиона, распределенные по двум флангам армии Цезаря, захватили и обратили в бегство шестьдесят боевых слонов нумидийского царя Юбы. Согласно Аппиану, легионеры из V легиона просили, чтобы их поставили против слонов. «И ее поныне этому легиону присвоен за это на знамени знак «слона» (*App.* II, 96).

Что касается прозвища легиона — Жаворонки, то через два года после участия этого легиона в последней великой битве гражданской войны, при Мунде и через год после убийства Цезаря в Риме, Марк Антоний ввязался в борьбу за власть в Италии. Его войска обыскивали сельскую местность в поисках сторонников «освободителей» — Брута и Кассия. С конца 44 до начала 43 года н. э. Марк Туллий Цицерон, знаменитый оратор и писатель, писал, что войска преторианской гвардии Антония и «легион жаворонков» ищут его по приказу Антония (*Cic. Phil.* i. 20, V, 12; XIII, 3, 37; *Att.* XVI, 8, 2).

Имел ли в виду Цицерон V легион Жаворонков? Многие современные историки так и думают, и предполагают, что Цицерон просто не знал, как полностью называется тот легион. Однако Цицерон все-таки был бывшим консулом и полководцем, который сам вел легионы в битву и получил триумф по голосованию сената; он очень хорошо знал римскую армию. Если бы легион, который искал его, так и назывался бы — V легион Жаворонков, то Цицерон так его бы и обозначил.

Доступные нам данные говорят, что в 43 году до н. э. V легион и Жаворонки были двумя отдельными подразделениями. Светоний писал, что в ходе Галльской войны Цезарь набрал в Трансальпинской Галлии легион, который «носил галльское название «алауда», что по-галльски означает «хохлатый жаворонок»; этот легион «он вооружил и обучил по римскому образцу, и... впоследствии всем даровал римское гражданство» (*Suet.* I, 24). В то время набирать легион из неграждан было незаконным. Нет никаких упоминаний об этом легионе Жаворонков во время гражданской войны, так что, возможно, люди из отряда Жаворонков первоначально находились среди этих вспомогательных войск, помогая поддерживать мир в Галлии во время гражданской войны.

В какой-то момент между 45 и 30 годами до н. э. V легион как таковой и Жаворонки были объединены в один V легион Жаворонков. Сочетание номера и названия легиона до сих пор было несслышанным явлением. Только после смерти Цезаря такое стало распространенным.

Памятник Луцию Публию, легионеру V легиона Жаворонков в Кельне. Судьба этого подразделения на Рейне оказалась несчастливой

Полководцем, создавшим такой комбинированный легион, мог быть Вентидий, который дал Антонию множество легионов; V легион Жаворонков отправился сражаться за Антония. К 30 году до н. э. V легион был, безусловно, одним из легионов, оставшихся в постоянной армии Октавиана, и был размещен в Испании, где и служил во время Кантабрийской войны в 29—19 годах до н. э. К 17 году до н. э. он был переведен на Рейн.

В 16 году до н. э. при наместнике Нижней Германии Марке Лоллии V легион Жаворонков столкнулся с завоевателями-германцами из племен сугамбров, узипетов и тенктеров, живших к западу от Рейна. Эти три племени перебрались через реку, отбили кавалерийский отряд, посланный Лоллием на перехват, и затем захватили врасплох V легион Жаворонков, когда на них шел Лоллий. В последовавшем отчаянном сражении германцы лишили легион его орла. Лоллий и выжившие легионеры из V легиона отступили, но, когда германцы услышали, что

в Германии находится сам Август и спешит к ним с большой армией, они затем ушли через реку, впоследствии заключив мир с императором, и дали ему заложников. Однако репутация V легиона Жаворонков уже пострадала: пятно от потери орла останется на легионе навсегда.

К 14 году н. э. это подразделение было размещено в Старых лагерях наряду с тремя другими легионами из армии нижнего Рейна и приняло участие в победоносных сражениях Германика Цезаря в его кампаниях 14—16 годов в Германии. В 18 году н. э. при наместнике Ниж-

ней Германии Луции Апронии V легион одержал победу в сражении в походе против фризов, где погибло 1300 солдат вспомогательных войск: «На выручку устремляются воины пятого легиона и после ожесточенной схватки отбрасывают фризов и спасают истомленные ранами когорты и отряды всадников» (Тас. А. IV, 73).

Легион оставался в Старых лагерях вплоть до 69 года н. э., когда несколько его когорт отправились в Италию, чтобы сражаться за Вителлия. Те, кто остались на месте, были вырезаны в ходе восстания Цивилиса, и легион оказался практически уничтожен. С 70 года н. э. V легион, возможно, служил в Паннонии и Мёзии. В 86 году н. э. легион (что известно практически точно) был уничтожен в Дакии вместе с префектом претория Фуском. Больше он никогда не упоминается в римской истории и никогда не переформировывался заново.

V МАКЕДОНСКИЙ ЛЕГИОН

LEGIO V MACEDONICA	V МАКЕДОНСКИЙ ЛЕГИОН
	ЭМБЛЕМА
	Бык
	ЗНАК ЗОДИАКА
	Неизвестен
	ОСНОВАН
	Октавианом до 42 г. до н. э.
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ
	Первоначально, возможно, в Испании. При Нероне — в Мёзии
	ГДЕ СЛУЖИЛ
	Македония, Эск, Понт, Армения, Иудея, Иерусалим, Египет, Эск, Дакия, Троесмис, Сирия, Потаисса, Эск
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ
	Македонские кампании в 30 г. до н. э. — 6 г. н. э. 2-я Армянская кампания Корбулона в 62 г. н. э. Иудейское восстание в 66—71 гг. н. э. 2-я Дакийская война Траяна в 105— 106 гг. н. э. 2-е Иудейское восстание в 134—135 гг. н. э. Восточная кампания Марка Аврелия в 161—166 гг. н. э.
	ИЗВЕСТНЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ КОМАНДИРА
	Публий Элий Адриан, будущий император в 96 г. н. э.

V ЛЕГИОН — ВЕЛИКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Этот легион получил свое название в Македонии, сражался в Армении за Корбулона и подавил 1-е Иудейское восстание в Иудее, осаждал Иерусалим; затем он вернулся в Европу, чтобы служить Траяну во время Дакийских войн перед тем, как пойти снова на Восток под командованием Марка Аврелия.

Мало какой императорский легион менял свою базу так часто, как V Македонский. Он был создан на основе V легиона Октавиана периода триумвиров и служил в Македонии с 30 года до н. э. до 6 года н. э. и, судя по всему, получил свое название именно благодаря службе в этой беспокойной провинции, вполне возможно — во время тех же самых битв, которые дали его название IV Скифскому.

Потом V Македонский базировался в Мёзии, в Эске (сегодня Гиген в Венгрии). К 62 году н. э., только что пополнив свои ряды новыми отрядами рекрутов из Мёзии, этот легион был переведен администрацией Нерона на Восток — чтобы принять участие в следующей Армянской кампании (*Tac. A. XV, 6*).

Римский Понтийский флот переправил легион по Черному морю от Дуная, и его оставил в Понте излишне самоуверенный командующий Армянской операцией Цезенний Пет, который отправился в поход всего лишь с двумя легионами. После того как парфяне заставили Пета и его войска отступить, V Македонский был призван Домицием Корбулоном для его собственной операции в том же регионе; командиром стал импульсивный зять Корбулона — Виниан Анний.

Потом легион перевели в Александрию в Египте. Оттуда он присоединился к Титу для успешной, но кровавой осады Иерусалима в 70 году н. э.; ею завершилась основная фаза 1-го Иудейского восстания. К 71 году н. э. легион вернулся в Эск в Мёзии. Базируясь там, он попал в тяжелое положение, пытаясь отбить набег дакийского царя Децебала, во время которого был убит наместник провинции. V Македонскому удалось отомстить за себя во время Дакийских войн Траяна в 101—106 годах н. э., после чего легион вернулся в Мёзию и базировался в Трезмисе (современная Туркоая в Румынии).

К весне 135 года н. э. легион — или крупное подразделение из него — был переправлен из Мёзии в Палестину для подавления последней стадии 2-го Иудейского восстания. Он принял участие в успешной осаде Бетара — штаб-квартиры лидера сопротивления Симеона бар-Кохбы весной и летом того же года (*Yadin. 13*). Когда бар-Кохба был уничтожен и восстание подавлено, V Македонский легион вернулся домой, на свою базу в Мёзии.

Между 161 и 166 годами легион принял участие в Восточной кампании Марка Аврелия. По возвращении в Европу легион разместился в Дакии, в Потаиссе на гористом севере. В 274 году, когда Дакию сдали варварским племенам, V Македонский легион вывели на юг от Дуная и он вернулся на свою прежнюю базу в Эске.

К концу IV века легион был разделен. Одна его часть все еще оставалась в Мёзии, причем его когорты были распределены по четырем различным точкам как пограничные подразделения. Другая часть V Македонского легиона была размещена в Египте наряду с тремя другими легионами и значительным количеством вспомогательных подразделений (*Not. Dig.*).

VI ЖЕЛЕЗНЫЙ ЛЕГИОН

LEGIO VI FERRATA	VI ЖЕЛЕЗНЫЙ ЛЕГИОН
ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	Очевидно, принято после того, как легион пережил гражданскую войну, сражаясь сначала против Цезаря, а потом за него
ЭМБЛЕМА	Бык
ЗНАК ЗОДИАКА	Близнецы (волчица и близнецы)
ОСНОВАН	Основой послужил VI легион Помпея Великого в Испании
ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в Италии, позднее в Испании
ГДЕ СЛУЖИЛ	Лаодикея, Рафанея, Рим, Аравия, Иудея, Легион (Капаркотна), Африка, Месопотамия, Аравия, Легион (Капаркотна), Аравия, Легион (Капаркотна)
ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	1-я Армянская кампания Корбулона в 54–58 г. н. э. 2-я Армянская кампания Корбулона в 62 г. н. э. Поход на Рим в 69 г. н. э. Поражение сарматов, Мёзия, 69 г. н. э. Завоевание Коммагены в 73 г. н. э. Восточная кампания Траяна в 114–116 гг. н. э. 2-е Иудейское восстание в 132–135 гг. н. э.

ЖЕЛЕЗНЫЕ БОГАТЫРИ ЦЕЗАРЯ

Знаменитые «железные» легионеры Цезаря — легион, который провел большую часть своей карьеры в Сирии; он пошел на Рим, чтобы сделать Веспасиана императором, сражался в последних битвах восстания Цивилиса, затем, базируясь в Галилее, взял на себя всю тяжесть 2-го Иудейского восстания.

VI легион был одним из шести легионов, размещенных в Испании под командованием Помпея Великого в то время, когда Цезарь завоевывал Галлию. В ходе Галльской войны Помпей «одолжил» VI легион Цезарю для службы в Галлии; это вызвало протест Катона Старшего:

«[Помпей] одолжил Цезарю шесть тысяч солдат для войны в Галлии. Цезарь просил их не у вас, римляне, и не с вашего одобрения дал их Помпей» (*Plut. Cato*). Задолго до этого случая и Цезарь и Помпей каждый прислали по легиону для неудачной миссии последнего на Восток; после этого легион Цезаря, XV, передали Помпею вместе с подразделением Помпея (в данном случае речь шла о I легионе).

Поскольку VI легион принадлежал Помпею, то Цезарь давал ему в основном задачи в арьергарде. Помпей получил его обратно к 50 году до н. э. в тот момент, когда между Цезарем и сенатом начала нарастать напряженность, наконец вылившаяся в гражданскую войну, которую Цезарь начал в 49 году до н. э. VI был одним из республиканских легионов, который сдался Цезарю в Испании в 49 году до н. э., но, очевидно, вместе с когортами сдавшегося IV легиона легионеры бежали из Испании вместе с полководцами Помпея Афранием и Петреем, присоединившись к Помпею в Греции. Семь взятых вместе когорт из двух легионов — «испанские когорты, которые, как мы указали, были переправлены Афранием», по собственным словам Цезаря, сражались за Помпея в 48 году до н. э. в битве при Фарсале (*Caes. CW. III, 88*).

Вслед за поражением республиканской армии при Фарсале когорты как IV, так и VI легиона были среди 18 тысяч воинов Помпея, бежавших в Северную Африку, чтобы сражаться дальше; при этом только тысяча солдат VI легиона осталась среди войск, сдавшихся Цезарю. Когда собственные легионеры Цезаря при Фарсале отказались сражаться дальше, он послал их обратно в Италию с Марком Антонием и заключил соглашение с солдатами из VI легиона. Они решили воевать за Цезаря и стали ядром армии Цезаря, которая завоевала Египет и потом одолела колесницы Фарнака в битве при Зеле в Понте. Наконец, VI легион принял участие в разгроме Цезарем сыновей Помпея в Испании. Неудивительно, что они звали себя «железными»: им действительно не было равных в науке выживать и побеждать даже в самых неблагоприятных ситуациях.

Тем временем оставшиеся люди из VI легиона Помпея сра-

Волчица и близнецы — Ромул и Рем — одна из эмблем VI Железного легиона

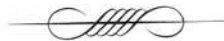
жались на стороне побежденных при Тапсе в Северной Африке. Этот, второй VI легион будет биться за Октавиана уже к 31 году до н. э. и в конечном счете станет VI Победоносным легионом.

Вслед за убийством Цезаря VI Железный легион сражался за Антония вплоть до поражения при Акции и затем стал частью постоянной армии Октавиана. Октавиан послал его в Сирию после смерти Антония, и он базировался в Рафанее в Южной Сирии на протяжении большинства следующих 150 лет.

В 66 году н. э. этот легион дал четыре когорты для закончившегося катастрофой похода Галла на Иерусалим и от него после вспышки Иудейского восстания. Три года спустя легион пошел на Италию с Лицинием Муцианом, наместником Сирии, в сопровождении вспомогательных войск и 13 тысячами снова вызванных на военную службу ополченцев-эвокатов, дабы свергнуть с трона Вителлия и сделать императором Веспасиана. Во время похода было получено известие, что завоеватели-сарматы вторглись в Мёзию и захватили множество вспомогательных крепостей. Муциан отклонился к северу, к Дунаю, и, застав захватчиков врасплох, VI Железный легион уничтожил сарматов.

В 70 году н. э. легион проделал весь путь от Рима обратно на свою базу в Сирии. Легион принимал участия в Парфянских кампаниях Траяна в 111—116 годах, после которых его базой стала Капаркотна в Галилее. Археологические данные говорят о том, что в 117 году легион находился в Капаркотне — как раз тогда, когда иудейские мятежи происходили в Египте, Киренаике и на Кипре. Построенная легионом крепость в Капаркотне была расположена неподалеку от входа в проход Вади-Ара в 25 милях (38,6 километра) от Гадары и 15 милях (24 километра) от Назарета.

К 119 году н. э. легион находился в Аравии, но к 120 году н. э. он снова вернулся в Капаркотну, которая тогда получила название Легион, пока ее не переименовали в Максимиан, видимо в честь императора Максимиана Галерия (правил в 305—311 гг. н. э.). Легион базировался там весь остаток своей известной нам карьеры.

VI ПОБЕДОНОСНЫЙ ЛЕГИОН

	LEGIO VI VICTRIX	VI ПОБЕДОНОСНЫЙ ЛЕГИОН
	ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	Очевидно, даровано Августом
	ЭМБЛЕМА	Бык (возможно)
	ЗНАК ЗОДИАКА	Близнецы (возможно)
	ОСНОВАН	Основан на остатках VI легиона Помпея
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Возможно, в Италии и в Испании
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Тарраконская Испания, Рейн, Новезий, Старые лагеря, Эборак
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Битва при Старых лагерях в 70 г. н. э.

ПОБЕДОНОСНЫЙ VI

Сразившись в Кантабрийской войне Августа, этот легион охранял Испанию, затем помог подавить восстание Цивилиса перед тем, как его в 122 году послали в Британию после исчезновения IX Испанского легиона. Это был последний легион, оставивший Британию.

Как и VI Железный, в основу которого лег республиканский VI легион, воевавший за Помпея Великого, этот легион оказался под контролем Октавиана к битве при Филиппах в 42 году до н. э. Как часть новой постоянной армии Октавиана, этот второй VI легион служил в Кантабрийских войнах в Испании в 29 году до н. э., в ходе которых он и мог получить название Победоносный.

Размещенный в Ближней Испании до 70 года н. э., этот легион поддерживал притязания на императорскую власть наместника этой провинции — Гальбы и, видимо, дал центурионов для нового VII легиона, набранного Гальбой в Восточной Испании для его похода на Рим. В 70 году VI Победоносный отправился на Рейн, чтобы присоединиться к Петилию Церялалу в подавлении восстания Цивилиса. После этого его разместили в Нижней Германии, в Новезии, современном Нейссе.

Легион был переведен в Старые лагеря в ходе Дакийских войн, во время которых численность рейнских легионов была уменьшена, что-

бы дать подразделения Траяну для вторжения в Дакию. Он все еще находился в Старых лагерях в 122 году, когда получил приказ срочно перевестись в Британию, чтобы заменить уничтоженный IX Испанский легион (см. с. 456—460).

VI Победоносный легион затем базировался в Эбораке (сегодняшний Йорк) почти 300 лет. В 401 году Стилихон, магистр обоих войск, приказал этому легиону присоединиться к нему в Италии для обороны Италии на последних рубежах против Алариха и его визиготов. Последний легион, который оставил Британию, он никогда не вернулся. Судя по всему, он был уничтожен в битвах, которые привели к взятию Аларихом Рима в 410 году.

VII КЛАВДИЕВ ЛЕГИОН

	LEGIO VII CLAUDIA PIA FIDELIS	КЛАВДИЕВ VII БЛАГОЧЕСТИВЫЙ И ВЕРНЫЙ ЛЕГИОН
	ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	Даровано Клавдием в 42 г. н. э. за подавление мятежа Скрибониана
	ЭМБЛЕМА	Бык
	ЗНАК ЗОДИАКА	Лев
	ОСНОВАН	Набран в 55 г. н. э. Помпеем Великим
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в Испании. К концу I в. до н. э. — в Малой Азии (<i>Керр. МРА</i>)
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Галатия, Тибурий, Мёзия, Рим, Виминаций, Дакия, Виминаций
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Паннонская война в 6–9 гг. н. э. 2-я битва при Бедриаке в 69 г. н. э. Битва при Кремоне в 69 г. н. э. Битва у Рима в 69 г. н. э. Битва при Тапах в 88 г. н. э. Дакийские войны Траяна в 101–106 гг. н. э.

VII ЛЕГИОН ЦЕЗАРЯ СТАНОВИТСЯ VII ЛЕГИОНОМ КЛАВДИЯ

Награжденный Клавдием за подавление восстания против него, этот легион участвовал в редкой решительной победе против даков при Домициане перед тем, как вторгнуться в самую Дакию под командованием Траяна.

Известно, что VII легион служил Римской республике в Испании в 181 году до н. э. (*Livy. XXXIX, 30, 12*) и легионы с номером VII были размещены в Испании вплоть до того времени, когда VII служил под командованием Цезаря в Галлии. В ходе завоевания Галлии VII легион служил под командованием Публия Красса (сына триумвира Красса); оба они были убиты парфянами при Каррах. При молодом Крассе VII легион единолично завоевал всю Аквитанию для Рима. В 52 году до н. э. при заместителе Цезаря Тите Атии Лабиене VII стал одним из четырех легионов, победивших большую галльскую армию под руко-

водством вождя Камулогена при Гренелле на Сене, недалеко от сегодняшнего Парижа. Цезарь считал VII одним из своих лучших легионов и брал его с собой в обе экспедиции в Британию.

VII легион Цезаря служил Октавиану во время сражения при Акциии, после которого его разместили в Галатии. Это был один из пяти легионов, которые поспешно перебросили с Востока в Паннонию в 6 году н. э. после вспышки Паннонских войн. Несмотря на тот факт, что, по словам Веллея Патеркула, Тиберий потом послал все эти легионы обратно на Восток, к концу войны в 9 году н. э. легион был размещен в Далмации, в Тилурии (сегодня Гардун в Хорватии). Он оставался там в ходе всего мятежа в 14 году, пока его не перевели в Мёзию много лет спустя.

В 42 году н. э. император Клавдий успел пробыть на троне лишь немногим более года, когда Фурий Камилл Скрибониан, правитель Далмации, приказал двум легионам из своей провинции — VII и XVII приготовиться к походу на Рим для свержения Клавдия. Через пять дней люди из VII и XI убили Скрибониана и офицеров, поддержавших восстание. В благодарность Клавдий даровал титул *Claudia Pia Fidelis* — «Клавдиев Благочестивый и Верный» — двум лояльным к нему легионам. Тем не менее властный полководец, посланный командовать Далмацией, казнил солдат, убивших своих собственных офицеров, в качестве примера — хотя они и сделали это, чтобы поддержать своего императора. VII Клавдиев Благочестивый и Верный легион был немедленно переведен в Мёзию.

К 69 году н. э. VII Клавдиевым (как его теперь обычно называли) командовал Теттий Юлиан. Наместник Мёзии, воспользовавшись суматохой, поднявшейся в этом году из-за борьбы за трон, послал центуриона убить Юлиана, чтобы уладить старые личные счеты. Юлиан бежал в горы. После войны соперники в сенате обвинили Юлиана в том, что он бросил свой легион, спрятавшись в горах, и императорская ставка сняла с него ранг претора. Когда Веспасиан прибыл в Рим и разобрался в происшедшем, Юлиану вернули ранг претора.

Между тем легион Юлиана, которым в его отсутствие руководил старший трибун, поклялся в верности Веспасиану в 69 году н. э. и сражался под командованием полководца Веспасиана — Прима — при Бедриаке и Кремоне позднее в том же году, сыграв решающую роль в победе над войсками Вителлия: «Главную тяжесть боя, соревнуясь в храбрости, приняли на себя третий и седьмой легионы» (*Тас. Н. III, 29*). Затем VII легион оказался в составе армии, которая с боями пришла к Риму, чтобы сделать Веспасиана императором.

Веспасиан снова разместил этот легион в Виминации в Мёзии (теперь Костолац в Сербии). В 88—89 годах в ходе войны Домициана с даками, которая во всех остальных отношениях оказалась провальной, у Теттия Юлиана появилась возможность отплатить за то, что отец Домициана поверил в него: Юлиан провел римскую армию к кровавой победе при Тапах в Центральной Дакии. Надгробие Тиберия Клавдия Максима (тогда — знаменосца VII Клавдиева конного эскадрона, который позднее был награжден Домицианом) показывает, что легион был одним из подразделений Юлиана в этой кампании (AE 1969/70. 583).

Когда война закончилась подписанием договора, который был значительно выгоднее для даков, чем для римлян, Домициан разделил Мёзию на две провинции — Верхнюю и Нижнюю Мёзию. VII Клавдиев легион разместился в Верхней Мёзии — западной части старой провинции.

VII Клавдиев принял участие в двух Дакийских войнах Траяна в 101—102 годах н. э. и в 105—106-м, когда Децебал был окончательно побежден и Дакия стала частью империи. Со своей долговременной базы в Виминации легион также должен был принять участие в долгих и изматывающих войнах с германцами, которые вел Марк Аврелий вдоль Дуная; это заняло большую часть его царствования между 161 и 180 годами.

Когда Аврелиан в 274 году сдал Дакию, VII Клавдиев остался в Виминации в области, которая теперь снова стала считаться Верхней Дакией, хотя и находилась южнее Дуная. Легион все еще располагался в этом регионе в конце IV века — в Купписе (Not. Dig.). Очевидно, в это время от него отпочковалось еще два VII легиона — VII Старший и VII Младший. Если они пережили падение Западной Римской империи, то все должны были стать частью византийской армии.

VII СДВОЕННЫЙ ЛЕГИОН

	LEGIO VII GEMINA	VII СДВОЕННЫЙ ЛЕГИОН
	ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	Из-за объединения с другим легионом
	ЭМБЛЕМА	Бык
	ЗНАК ЗОДИАКА	Близнецы — волчица и близнецы (возможно)
	ОСНОВАН	Основан в 68 г. н. э. Гальбой
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в Восточной Испании
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Рим, Карнунт, Легион (Испания)
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	2-я битва при Бедриаке в 69 г. н. э. Битва при Кремоне в 69 г. н. э. Битва у Рима в 69 г. н. э.
	ИЗВЕСТНЫЙ КОМАНДИР	Марк Ульпий Траян (позднее император Траян)

VII ЛЕГИОН ГАЛЬБЫ

Сформированный Гальбой в Испании, этот легион пошел на Рим, чтобы свергнуть Нерона, затем вместе с Примом отправился сажать на трон Веспасиана. Он стал легионом, охранявшим Испанию.

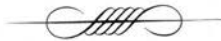
Для того чтобы поддержать свои претензии на трон Нерона, Сульпиций Гальба набрал этот легион в своей провинции Тарраконская Испания (или Ближняя Испания) летом 69 года н. э. Очевидно, легион взял себе VII номер, поскольку был набран в традиционном Испанском округе, где набирался VII Клавдиев легион. Известный как VII Испанский и VII Гальбанский, или же VII легион Гальбы, в следующие два года этот легион сопровождал Гальбу в Рим. Затем он послал это подразделение в Карнунт в Паннонии под командованием Марка Антония Прима — амбициозного полководца, некогда осужденного за мошенничество; после смерти как Гальбы, так и Отона он встал во главе армии Веспасиана, которая пошла на Италию, чтобы свергнуть с трона Вителлия.

VII Гальбанский легион сражался наряду с VII Клавдиевым легионом в армии Прима в ходе 2-й битвы при Бедриаке в 69 году н. э.

Вслед за этой победой легион сыграл ведущую роль в захвате Кремоны, где «в образовавшуюся брешь [в стене] устремились, построившись клиньями, солдаты седьмого легиона» (Тас. Н. III, 29). Кроме того, легион помог захватить Рим и сделать Веспасиана императором. Судя по всему, он понес в этих битвах тяжкие потери, так как в 70 году н. э. Веспасиан объединил его с другим, видимо с XVIII, легионом, который был переформирован Нероном, и несколько его когорт находились на Рейне во время восстания Цивилиса — чтобы создать VII Сдвоенный легион.

В качестве VII Сдвоенного, полностью укомплектованный, легион вернулся в Карнунт. В 74 году н. э. Веспасиан перевел его в Испанию. База, которую он создал в Северной Испании, способствовала возникновению гражданского поселка — *vicus*, который, появившись на базе легиона, также был назван Легионом: он вырос в современный город Леон. VII Сдвоенный все еще находился там около 230 года н. э., когда в царствование Севера Александра Кассий Дион написал обзор диспозиций легионов.

Нет никаких точных данных о существовании этого легиона после III века. В этом веке в Испанию вторглись франки; они разрушили Тарракон, столицу Ближней Испании. *Notitia Dignitatum* упоминает о префекте VII Сдвоенного легиона, чьей резиденцией в конце IV века был Леон, однако сам легион указан под командованием Магистра военных на Востоке без определенного места стоянки. Эти и другие несообразности в *Notitia* предполагают, что некоторые указания в ней скорее чисто формальные, чем реальные, или принадлежат к более ранним датам, чем другие записи.

VIII АВГУСТОВ ЛЕГИОН

	LEGIO VIII AUGUSTA	VIII АВГУСТОВ ЛЕГИОН
	ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	Присвоено Августом за почетную службу в Кантабрийских войнах
	ЭМБЛЕМА	Бык
	ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог (возможно)
	ОСНОВАН	Республиканский легион, которым командовал Цезарь
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в Италии, позднее в Испании
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Испания, Поэтовиио, Новы, Аргенторат
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Кантабрийские войны в 29—19 гг. до н. э. 2-я битва при Бедриаке в 69 г. н. э. Битва при Кремоне в 69 г. н. э. Битва у Рима в 69 г. н. э.

VIII — РАБОЧАЯ ЛОШАДКА

Герой Кантабрийской и Паннонской войн во время правления Августа, этот легион сражался за Веспасиана против Вителлия и Цивилиса и находился в передних рядах в войне с алеманнами и франками.

VIII был трудолюбивым легионом — надежным, хотя и не блестящим. Он появился на основе республиканского VIII легиона, который служил Цезарю во время Галльской и гражданской войн. Кроме того, VIII легион принял участие в Кантабрийских войнах Августа (в результате этого он, скорее всего, и получил наименование Августов), потом — в Паннонской войне. После этого его разместили в Поэтовиио в Паннонии вплоть до царствования Клавдия.

Открытие умбона щита легионера VIII легиона в английской реке заставило некоторых историков предположить, что этот легион принял участие во вторжении в Британию, но данных на этот счет нет. Щит мог принадлежать солдату, который был временно назначен в какое-то подразделение в Британии — обычное дело.

К 45 году н. э. легион базировался в Новах в Мёзии. В 69 году VIII Августов сражался за Отона; затем, после его смерти, поклялся

в верности Веспасиану и сражался в италийских битвах, сделавших его императором. В 70 году н. э. он присоединился к армии, которая завершила восстание Цивилиса на Рейне, после чего его разместили в Аргенторате на верхнем Рейне, где он и прослужил 300 лет, сражаясь с германцами, сарматами и готами. К 371 году легион перевелся в Цурзах в Швейцарии.

Легион «октованов», упомянутый в *Notitia Dignitatum* в конце IV века как один из двенадцати палатинских легионов под командованием магистра пехоты, может быть, был создан на основе VIII Августова.

IX ИСПАНСКИЙ ЛЕГИОН

	LEGIO IX HISPANA	IX ИСПАНСКИЙ ЛЕГИОН
	ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	Присвоено Августом за почетную службу в Кантабрийских войнах
	ЭМБЛЕМА	Бык (возможно)
	ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог (возможно)
	ОСНОВАН	Возможно, основан Помпеем Великим около 55 г. до н. э.
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в Испании
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Испания, Сисция, Паннония, Британия, Линд, Британия
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Кантабрийские войны в 29–19 гг. до н. э. Восстание Такфарината в 19–21 гг. н. э. Вторжение в Британию в 43 г. н. э. Британские кампании Агриколы в 77–84 гг. н. э. Германские кампании Домициана в 83 г. н. э. Битва при горе Гравпий в 84 г. н. э.

ЛЕГИОН, КОТОРЫЙ ИСЧЕЗ БЕССЛЕДНО

Юлий Цезарь подверг этот легион децимации; его legionеров жестоко убивали во время восстания Боудикки, однако под командованием Агриколы он одержал победу в Шотландии. Затем он стал печально известен тем, что... исчез с лица земли. Старый ответ на загадку того, как и где это случилось, получил неожиданное подтверждение.

В какой-то момент после 120 года н. э. IX Испанский легион исчез с лица земли; ни один античный текст или надпись не дают этому никакого объяснения. Историки начала XX века стали считать, что этот легион, последним местом размещения которого была Северная Британия, был уничтожен каледонскими племенами Шотландии около 122 года н. э. Позднейшие теории утверждают, что легион был уничтожен в Иудее во время 2-го Иудейского восстания в 132–135 годах н. э. или же в Армении в 161 году н. э. в начале царствования Марка Аврелия. Как рассказано подробнее на с. 456–460, большая часть дан-

ных все же указывает на первоначальную гипотезу — об уничтожении легиона руками каледонцев в 122 году н. э.

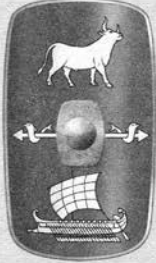
Республиканский IX легион служил при Цезаре, скорее всего, во время его пребывания наместником Испании в 61 году до н. э., затем определенно во время Галльской войны и гражданской войны. В начале императорской эпохи он служил в Кантабрийских войнах Августа в Испании, откуда и происходит его название, и затем — в Паннонской войне, после которой его перевели в Сисцию в Паннонии.

В 43 году н. э. IX Испанский стал одним из четырех легионов, участвовавших во вторжении Клавдия в Британию, после чего его разместили в Линде (современный Линкольн). В 60 году н. э. молодой и безрассудный командир легиона Петилий Цериал привел четыре его когорты в засаду бриттов — участников мятежа Боудикки. Когорты были уничтожены, но Цериал и несколько всадников спаслись. Необычно, но в 61 году н. э. императорская ставка перевела 2 тысячи человек из легиона на Рейне (очевидно, XXI Стремительного) в IX Испанский, чтобы заменить потерянные когорты и обеспечить легиону боевую мощь в то время, когда восстание все еще продолжалось на юге Британии.

IX Испанский позднее перевелся на север в Эборак (Йорк) и после 108 года н. э. еще дальше на север, в Карлайл, где он и оставался до своего исчезновения.

Х ЛЕГИОН ПРОЛИВА

	LEGIO X FRETENSIS	X ЛЕГИОН ПРОЛИВА
ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	По морскому сражению до начала императорской эпохи	
ЭМБЛЕМА	Бык, боевой корабль и дельфин	
ЗНАК ЗОДИАКА	Телец (возможно)	
ОСНОВАН	Спорный вопрос. Долгое время считалось, что это легион, созданный Октавианом до 42 г. до н. э. Более современная интерпретация гласит, что это — первоначальный X легион Юлия Цезаря, основанный им в 61 г. до н. э.	
ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально Дальняя Испания	
ГДЕ СЛУЖИЛ	Македония, Сирия, Кирр, Иудея, Масада, Иерусалим, Иудея, Элла	
ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Македонский конфликт в 19 г. до н. э. — 2 г. н. э. 1-я Армянская кампания Корбулона в 52—54 гг. н. э. 2-я Армянская кампания Корбулона в 62 г. н. э. Иудейское восстание 66—71 гг. н. э. 2-е Иудейское восстание в 132—135 гг. н. э.	
ИЗВЕСТНЫЙ КОМАНДИР	Марк Ульпий Траян, отец будущего императора Траяна	

ИЗВЕСТНЫЙ Х... ИЛИ НЕИЗВЕСТНЫЙ Х?

Веками историки были убеждены, что X — это не тот самый, знаменитый X легион Юлия Цезаря, но новые данные показывают, что это был именно он. Неистовые легионеры прошли через всю Армению; их было не остановить у Иерусалима и Масады; но во время 2-го Иудейского восстания легион был почти уничтожен.

X легион, который служил Цезарю во время Галльской войны и большей части гражданской войны в 49—45 годах до н. э., был самым знаменитым легионом в свое время. Набрал его лично Цезарь, и X ле-

гион быстро стал его любимым подразделением. «Надо сказать, что этому легиону Цезарь всегда давал особые льготы и благодаря его храбрости очень на него полагался» (*Caes. GW. I, 40*).

Цезарь говорил, что люди из X легиона послали своих военных трибунов поблагодарить его за высокое о них мнение и уверить его, что они готовы вступить в бой в любой момент (*Caes. GW. I, 41*). В течение следующих четырнадцати лет X легион служил на престижном, но крайне опасном месте — крайнем правом фланге и помогал Цезарю добиться его величайших побед.

Цезарь не сомневался в верности X легиона и сказал легионерам, что они будут его телохранителями (*Caes. GW. I, 40*). Это дало повод к одному очень известному событию. Когда в том же году — 58 до н. э. — Цезарь согласился на переговоры с царем германцев Ариовистом и царь потребовал, чтобы оба полководца привезли с собой на встречу только конный экспорт, Цезарь стал подозревать своих собственных союзников — галльских кавалеристов. Сказав кавалеристам сойти с коней, Цезарь передал их лошадей пехотинцам из X легиона, на чью верность он абсолютно полагался (*Caes. GW. I, 42*).

В ответ на это один из легионеров X легиона заметил (несомненно, с улыбкой): «Цезарь делает больше, чем обещал: он обещал сделать десятый легион своей преторской когортой, а теперь зачисляет его во всадники!» (*Caes. GW. I, 42*). Всадники, о которых говорил легионер, — это сословие всадников. В наше время это замечание вызвало большие споры среди историков о том, какой же легион был X легионом Цезаря в императорскую эпоху, поскольку тогда было два X легиона — X легион Пролива и X Сдвоенный. Один из них был прямым наследником Цезарева X. Но какой же?

Немецкий историк Теодор Моммзен заявил, что X легион Пролива не мог быть первоначальным X легионом Цезаря, и его слова опирались на два, по всей видимости, разумных предположения. Первое касалось названия *Fretensis*. Это название,

В царствование Траяна этот акведук, который шел в Цезарею в Иудее, строило подразделение X легиона Пролива

МОММЗЕН БЫЛ НЕ ПРАВ

Немецкий профессор Теодор Моммзен, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1902 год за свою «Историю Рима», писал в XIX веке, что X легион Цезаря превратился в X Сдвоенный легион императорской эпохи. С тех пор большинство историков и писателей следовали этому предположению. Тем не менее Моммзен — не единственный нобелевский лауреат, в чьей работе (уже после присуждения премии) обнаружались кое-какие ошибки, и после его кончины в 1903 году ряд выводов и интерпретаций Моммзена относительно военной истории Рима были поставлены под вопрос, оспорены или полностью опровергнуты научными исследованиями и современными археологическими находками.

Например, доктор Лоренс Кеппи говорит, что уже нельзя придерживаться старых теорий Моммзена по поводу того, как и когда были созданы легионы Августа: Моммзен писал, что Август после битвы при Акциии сохранил восемнадцать легионов, создал еще восемь в 6 году н. э. и еще два — в 9 году н. э. Последние исследования показали полную несостоятельность такой точки зрения (Керр. MRA. 5).

Точно так же доктор Роберт О. Финк в *American Journal of Philology* (1942. Vol. 63. № 1. С. 61—71), обсуждая интерпретацию у Моммзена папируса с данными о передвижении войск внутри I Августовой когорты лузитанцев, очень критически отнесся к работе Моммзена, показывая, что он «безусловно был не прав», «ошибался» и «был непоследователен» по разным вопросам. Он также отвергнул, как «абсурдное», одно из предположений Моммзена и выступил против «совершенно неестественного предположения Моммзена» по другому вопросу.

Профессор Честер Старр показал, что Моммзен неоднократно бывал не прав в своих заключениях касательно римского флота (см. ниже). Точно так же есть и более вероятный сценарий морского происхождения названия X легиона Пролива, чем то, что предложил Моммзен; он опровергает его теорию о том, что X Сдвоенный легион и был первоначальным X легионом Цезаря.

буквально означающее «имеющий отношение к проливу», приводило ученых веками в недоумение. Моммзен предположил, что это название происходит от *fretum Siciliense* — Сицилийского пролива, который теперь известен как Мессинский пролив — узкая полоска воды между «каблучком» Италии и островом Сицилия. Этот X легион Пролива, как говорил Моммзен, должен был быть заново создан Октавианом и сражался за него в масштабных морских битвах против Секста Помпея у берегов Сицилии в 36 году до н. э., в то время как первоначальный X служил Марку Антонию на Востоке.

В ходе этих сицилийских морских сражений заместитель Октавиана Марк Агриппа посадил значительное число людей из легионов

Октавиана на корабли своего флота, и именно эти люди, сражаясь в качестве морских пехотинцев, победили в битве при Милах и Навхале для Октавиана. В то время как античный историк Аппиан упоминает о том, что в это время в том районе находились I и XIII легион, ни один из легионов, которые использовал Агриппа, чтобы добиться своих морских побед, не упомянут ни в древних текстах, ни в надписях по имени.

Моммзен, обратив внимание на то, что на монетах, отчеканенных для X легиона Пролива, показаны боевые корабли, пришел к выводу, что X легион Пролива как раз был одним из тех легионов, что приняли участие в морских победах Агриппы против Секста Помпея и ему было присвоено название легион Пролива в память об этом деянии. Историки в общем и целом согласны в том, что первоначальный X легион Цезаря присоединился к Марку Антонию в конце 44 года до н. э. и продолжал служить ему до битвы при Акции в 31 году до н. э. Таким образом, продолжал рассуждать Моммзен, если X легион Пролива сражался за Октавиана в Сицилии в 36 году до н. э., то он никоим образом не мог оказаться в армии Антония при Акции к 31 году до н. э.; поскольку отношения между Октавианом и Антонием начали ухудшаться уже с 36 года до н. э., то и Октавиан не хотел бы посылать Антонию войска, и у X легиона пролива не было возможности отправиться из Италии на Восток к Антонию. Следовательно (таково было предположение Моммзена), X Сдвоенный легион, созданный Августом в 30 году до н. э. из X легиона Антония, и должен был быть прямым наследником X легиона Цезаря — а не X легион Пролива.

В подтверждение своего заключения Моммзен и другие указывали на италийские надгробные камни, датирующиеся периодом после 41 года до н. э., людей, которые служили в X Конном легионе (*Legio X Equestris*). Название Конный в этих надписях, как говорят некоторые исследователи, является намеком на то самое происшествие в 58 году до н. э., когда Цезарь посадил на коней людей из X легиона в качестве своих телохранителей — те самые всадники, по поводу которых пошутил один из легионеров. И поэтому эти легионеры, безусловно, являются ветеранами изначального X легиона Цезаря.

Как говорят, теорию Моммзена подтверждает надпись на алтаре в Риме, датируемая 2 годом до н. э.: она является посвящением центурионов и других военных из X Сдвоенного Конного легиона (*Legio X Gemina Equestris*). Согласно «школе» Моммзена, по этой надписи X Сдвоенный и X Конный легион — это одно и то же; стало быть,

X Сдвоенный и является X легионом Цезаря и, наоборот, X легион Пролива не является.

Все это выглядит разумно, если не проверить каждую деталь этих аргументов; тогда вся теория начинает разваливаться. Кеппи указывает, что единственное упоминание на алтаре некоего X Сдвоенного Конного легиона делает его единственным легионом из эпохи гражданской войны, которому было дано два названия в одной надписи (*Kepp. CVSI. 2.2, п. 44*). Во-вторых, эта надпись — единственная из известных, которая связывает X Сдвоенный и неизвестный по другим источникам X Конный легион. В-третьих, дата одной-единственной надписи из Рима — по крайней мере сорок два года после гибели Цезаря, а возможно, и позже, что очень значительно отдаляет все это от Цезаря.

Затем возьмем сам термин «Конный». Только в современное время появилось мнение, что этот термин связан с Цезарем и с эпизодическим происшествием, связанным с людьми из его X легиона, ехавшими верхом. Ни один древний автор (включая самого Цезаря) никогда не писал, что люди из X легиона впоследствии приняли название Конный.

Дальше посмотрим на надпись «X Сдвоенный Конный» из Рима. То, что упоминание о «Конном» имеет в виду именно легион Цезаря, — чистое предположение. Фактически Кеппи отмечает, что формулировка этой надписи довольно странная и, может быть, она не во всем была правильно проинтерпретирована (*Kepp. CVSI. 2.2, п. 41*).

Зачем эти легионеры посвятили алтарь в Риме? В конце I века до н. э. или в начале I века н. э. не засвидетельствовано никакого случая, к которому весь X Сдвоенный легион, который все это время базировался в Испании, мог бы оказаться в Риме. За исключением гражданских войн, которые произошли намного позже, или редкого случая в царствование Тиберия, когда мимо Рима прошел IX Испанский легион на своем пути в Южную Италию из Паннонии на специальное задание в Африке, легионы и близко не подходили к Риму. Фактически нет данных о том, чтобы X Сдвоенный легион посещал Рим когда-либо в ходе своей долгой истории — даже во время гражданских войн.

Надпись с Конным легионом, безусловно, имеет в виду всадников. Однако вполне возможно, что люди из X Сдвоенного Конного легиона, упомянутые в надписи из Рима, были подразделением конного эскадрона X Сдвоенного легиона — его *equites legionis*, — которыми командовал центурион легиона, посланные, чтобы представлять свой легион в столице по какому-то особому случаю, например такому, как освящение Алтаря мира или погребение Друза Цезаря.

Теперь перейдем к происхождению названия X легиона Пролива. Профессор Старр, ведущий авторитет по римскому флоту, показал, что Теодор Моммзен был «абсолютно не прав» (и это случалось нередко) в некоторых своих выводах по поводу истории древнеримского флота (Starr. III.2, III.3, V.I). Это, безусловно, касается и утверждения Моммзена, что под словом «Пролив» имеется в виду Мессинский пролив, чего абсолютно не может быть — по следующим причинам.

Ни один древний источник, будь то книга или надпись, не говорит о присутствии какого-либо X легиона на борту кораблей Агриппы в битвах при Милах и Навхоле. Даже если X легион и принимал участие в этих битвах, почему же он (и только он) принял название легион Пролива после этой битвы, если другие принимавшие в ней участие легионы не принимали названий, связанных с битвами? И, что важнее, битвы при Милах и Навхоле происходили не в проливе. Они случились у северного побережья Сицилии на некотором расстоянии от Мессинского пролива.

Откуда же, таким образом, взялось название легион Пролива? Какой другой пролив мог быть связан с X легионом? Сам Цезарь дает нам ответ — это пролив Отранто. В своих «Записках о гражданской войне» Цезарь рассказывает, как он и Марк Антоний переправили двенадцать легионов из Брундизия (сегодня Бриндизи) в Юго-Восточной Италии в область Эпира на западном побережье Греции, чтобы перехватить сенаторскую армию под руководством Помпея. Чтобы добраться до Эпира, легионы должны были пересечь пролив Отранто. Цезарь говорит о своем X легионе как об одном из тех, которые он взял с собой в Эпир через пролив, и он пишет о том, как X легион после этого занял свою обычную позицию на крайнем правом фланге в битве при Фарсале в 48 году.

Однако войска Цезаря перевозили парусники — торговые суда, в то время как на монетах X легиона показаны военные корабли, оснащенные гребцами. Цезарь дает нам объяснение и для этого — объяснение, связанное с битвой в проливе Отранто. Он пишет, что из-за недостатка кораблей 4 января 48 года он взял с собой семь легионов в качестве первой волны в Эпир, оставив Антония и пять других легионов, предназначенных для этой кампании, в Брундизии вместе с кавалерией. Этим подразделениям пришлось ждать, пока не вернуться корабли Цезаря, чтобы забрать их для второй высадки (Caes. CW. III, 5).

Цезарь говорит, что легионеры, которых он оставил с Антонием, составляли три из его легионов ветеранов, которые принимали участие в

кампании в Испании, плюс два заново набранных подразделения и вспомогательная кавалерия (*Caes.* SW. III, 29). Можно признать, что Цезарь взял свои лучшие легионы ветеранов с собой во время переправы первой волны через пролив, но два из этих легионов ветеранов — VII и IX — взбунтовались в лагере Марка Антония в Плаценции в Центральной Италии за несколько месяцев до того, потребовав уже давно полагавшегося им выхода на пенсию, и Цезарю пришлось прибегнуть к децимации в IX легионе, чтобы восстановить порядок. X легион тем временем скоро должен был присоединиться к VII и IX, когда те снова взбунтовались, и ко времени сухопутно-морского вторжения Цезаря в Грецию вполне возможно, что он и оставил эти три подразделения, грозившие стать все более и более «проблемными», в Брундизии и дал Антонию задачу привезти их с собой при следующей волне вторжения.

Далее у нас есть замечание Аппиана по поводу X легиона в 43 году до н. э.: он говорит о воинах X легиона, «некогда находившихся под командованием Антония» (*App.* III, 83). Ранее не засвидетельствовано никакого случая, по которому Антоний мог бы командовать X легионом. Это должен был быть один из трех легионов ветеранов, бывших под его командованием в Брундизии в 49—48 годах до н. э.

Чтобы помешать Антонию переправить оставшиеся войска Цезаря через пролив, адмирал сената Луций Либон отплыл на паруснике от западного побережья Греции с флотом из пятидесяти боевых кораблей, нагруженных морскими пехотинцами, обычной пехотой и лучниками, и поплыл в Брундизий. Либон высадил свои войска на острове напротив гавани Брундизия у пролива Отранто. Выбив оттуда войска Цезаря, которые удерживали остров, войска Либона захватили многие из транспортных кораблей Либона и вызвали панику в рядах Антония. Ни один купеческий корабль после этого не решался покинуть гавань Брундизия.

Побитый Антоний отправился отвоевывать остров и вновь открыть пролив, чтобы отправить подкрепления Цезарю, который посылал все более и более нетерпеливые письма, приказывая Антонию без промедления пересечь пролив с оставшимися войсками. Чтобы это сделать, Антоний оснастил шестьдесят лодок с кораблей защитными плетеными покрытиями и щитами, затем посадил на борт легионеров, которых отобрал лично. В распоряжении Антония было только два боевых корабля, снабженных веслами, — пара трирем, которые он построил в Брундизии, и на них он также посадил войска из одного или более своих ветеранских легионов. Теперь Антоний был готов атаковать Либона.

Две триремы Антония вышли из гавани, вошли в пролив и медленно стали приближаться к острову, как будто бы они тренировали недавно набранных гребцов. Тем временем легионеры-ветераны на борту сидели тихо. Как и надеялся Антоний, Либон отправил пять больших квадрирем с острова, чтобы атаковать триремы. «Когда последние приблизились к нашим судам, — писал Цезарь, — то они, как им было приказано, начали спасаться бегством в гавань» (*Caes. CW. III, 24*). Когда пять военных кораблей Либона начали приближаться к триремам Антония, Антоний подал сигнал и шестьдесят маленьких суденышек на веслах подошли к месту действия со всех сторон.

Войска ветеранов на борту трирем теперь вышли из укрытия и стали метать свои дротики в стоявшие рядом корабли, в то время как шестьдесят лодок клубились вокруг пяти больших кораблей, как разъяренные пчелы. Ветераны Антония взяли ближайшую квадрирему на абордаж и захватили ее со всеми гребцами и моряками. Оставшиеся квадриремы бежали. Это было, как говорит Цезарь, «постыдное бегство» сенаторских войск Либона (*Caes. CW. III, 24*). После этого разгрома Либон оставил остров и прекратил блокаду Брундизия, удалившись в Грецию. С помощью боевых умений ветеранов — легионов Цезаря, оставшихся с Антонием, пролив Отранто был снова открыт, и Антоний смог перевезти свои пять легионов и кавалерию Цезаря через море в Грецию. Если бы эти подкрепления не добрались до Цезаря, то его бы ожидала катастрофа.

Были ли люди из X легиона в первых рядах этой битвы на воде? Действительно ли люди из легиона ветеранов — X — были на двух триремах Антония и продолжили в тот день путь к победе, или они были экипажами шестидесяти лодок, или и то и другое? Такой сценарий более чем вероятен: морская битва в проливе — в которой, как можно предположить с большой долей вероятности, сыграл ведущую роль X легион Цезаря, — в отличие от гипотезы с Мессинским проливом, дает нам весьма вероятную причину того, что X легион Цезаря принял почетное название легион Пролива. Если мы примем это предположение, которое гораздо вероятнее, чем то, где фигурирует Мессинский пролив, тогда позднейший X легион Пролива, без сомнения, являлся первоначальным X легионом Цезаря, а X Сдвоенный — нет.

Весьма вероятно, что Цезарь набрал этот легион в Дальней Испании, когда был наместником этой провинции. Легионы с номерами от V до X традиционно размещались в Испании, которая стала римской территорией еще с тех пор, как оттуда в 206 году до н. э. были изгнаны карфагеняне. Римские преторы с 191 года до н. э. руководили

Бетикой, и набор легионеров в Испании, безусловно, предпринимался уже в 50 году до н. э., а может быть, и раньше: шесть легионов постоянно находились в Испании под командованием Помпея в то время, как Цезарь вел войну в Галлии. Плутарх писал, что, как только Цезарь прибыл в Кордубу в 61 году до н. э., он «развил энергичную деятельность», «присоединив в течение нескольких дней к своим двадцати когортам еще десять» (*Plut. Caesar*). Эти десять пеших когорт и стали новым X легионом. Более того, Аппиан, говоря о X легионе как таковом в 43 году до н. э., заметил, что «раньше он набирался не из жителей Италии»¹ (*App. III, 83*).

Итак, этот X легион — набранный в Испании, отслуживший под командованием Цезаря и принявший название легион Пролива после битвы в проливе Отранто — был унаследован Октавианом, который после смерти Марка Антония в 30 году до н. э. разместил это подразделение на некоторое время в Македонии (*AE. 1936. 18*). В течение двадцати лет он был переведен на Восток, где в 4 году до н. э. после смерти Ирода Великого, царя Иудеи, этот легион оказался отрезан в Иерусалиме взбунтовавшимися иудеями. Его пришлось спасать римским войскам, направившимся на юг под командованием наместника Сирии Квинтилия Вара, впоследствии печально известного катастрофой в Тевтобургском лесу.

К тому времени, как Германик Цезарь прибыл в Сирию в качестве римского главнокомандующего на Востоке к концу 17 года н. э., X легион Пролива был размещен в Кирре в Сирии неподалеку от Антиохии. Легион принял участие в обеих Армянских кампаниях Корбулона, и в битве при Евфрате в 62 году н. э. он помог отбить попытку парфян вторгнуться в Сирию; но это произошло только после того, как его легионеры, тогда еще не слишком дисциплинированные, прошли суровую и интенсивную многолетнюю выучку под руководством Корбулона.

Легион дал четыре когорты для неудачной попытки Галла предпринять в 66 году н. э. контрнаступление против иудейских повстанцев в Иудее, в то время как весь легион принял участие в операциях Веспасиана в Иудее в следующем году перед тем, как пойти вниз по течению реки Иордан и захватить Иерихон. В 70 году н. э. легион оказался одним из четырех, которые осадили и захватили Иерусалим. Тит

¹ Английский перевод этого места, использованный автором, ошибочен. Русский перевод этой фразы гласит: «Солдаты так называемого десятого легиона, некогда находившегося под командой Антония, интриговали внутри лагеря Лепида в пользу Антония». (*Примеч. пер.*)

затем разместил легион в Иерусалиме, как «домашний» легион Иудеи, где он построил среди руин для себя базу. Между 71 и 73 годами н. э. X легион Пролива захватил последний оплот иудейского сопротивления к югу от Иерусалима — крепости Махер и Масаду.

На ранних стадиях 2-го Иудейского восстания в 132–135 годах X легион Пролива понес исключительно тяжелые потери: его когорты, стоявшие в Иерусалиме, очевидно, были полностью уничтожены. Тогда Адриан был вынужден перевести египетских моряков из Мизенского флота в этот легион и даровать им права гражданства, чтобы быстро пополнить ряды X легиона. Такая отставка из флота с принятием гражданства и переводом в ряды легионов была настолько беспрецедентна, что на дипломах отставки моряков было написано, что это *ex indulgentia divi Hadriani* — «по снисходительности Божественного Адриана» (*Starr. V, I*).

Некоторые историки считают, что X легион Пролива принял в качестве эмблемы дикого кабана после 1-го Иудейского восстания, поскольку Адриан поставил в Иерусалиме, где базировался этот легион, изображение свиньи. Однако епископ Цезареи при Константине Великом Евсевий указывал, что Адриан поставил мраморный идол домашней свиньи, а не кабана над Вифлеемскими воротами Иерусалима для того, чтобы «указать на подчинение евреев римской власти» (*Eus. Chron. NY 20*). Иудейская вера, разумеется, запрещала как есть мясо свиньи, так и демонстрировать в священном городе иудеев Иерусалиме рисованные изображения любого рода. Так что использование изображения свиньи над городскими воротами было придумано Адрианом как двойное оскорбление иудеям. Следовательно, монеты X легиона Пролива, где впоследствии было показано изображение свиньи — а не бегущего кабана, использовавшегося в качестве эмблемы другими легионами, — имеет в виду сам город Иерусалим, а не стоявший там легион. Когда позднее X легион Пролива перевелся в Аравию, он уже не ассоциировался со свиным символом из Иерусалима.

Легион все еще базировался в Иерусалиме в 230 году н. э., но позднее в том же столетии его перевели в отдаленный город Эла на Красном море (сегодня Элат в Израиле), который в IV веке н. э. перешел под власть дукса Палестины. Именно здесь мы и слышим о легионе в последний раз (*Not. Dig.*). X легион, самый знаменитый легион Юлия Цезаря, название которого «легион Пролива», видимо, никогда не присваивалось ему официально, показал себя стойким бойцом в ходе всей своей карьеры и завоевал более чем заслуженную славу.

Х СДВОЕННЫЙ ЛЕГИОН

	LEGIO X GEMINA	Х СДВОЕННЫЙ ЛЕГИОН
	ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	После объединения с другим легионом Октавианом около 30 г. до н. э.
	ЭМБЛЕМА	Бык
	ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог (возможно)
	ОСНОВАН	Октавианом в 30 г. до н. э. или ранее
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Неизвестно
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Петавоний, Карнунт, Рейн, Батавия, Новиомаг, Аквинк, Дакия, Виндобона
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Кантабрийская война в 29—19 гг. до н. э. Битва при Старых лагерях в 69 г. н. э. 1-я Дакийская война Траяна в 101—103 гг. н. э. 2-я Дакийская война Траяна в 105—106 гг. н. э. Разгром Аврелианом царицы Зенобии в 272—273 гг. н. э. Египетская кампания Аврелиана в 273 г. н. э.
ИЗВЕСТНЫЙ КОМАНДИР	Марк Аврелий Проб, будущий император в 272—275 гг. н. э.	

СПОКОЙНАЯ КАРЬЕРА «БЛИЗНЕЦА»-ДЕСЯТОГО

Надежный легион, оказавшийся в гуще многих жизненно важных конфликтов императорского Рима — Кантабрийские войны, восстание Цивилиса, Дакийские войны Траяна и оборона Дуная.

Теодор Моммзен писал, что Х Сдвоенный легион был прямым наследником прославленного Х легиона Цезаря, и в течение более чем ста лет его мнение было принято многими историками, как факт. Как показано в предшествующей истории Х легиона Пролива, Моммзен почти точно был не прав, и, скорее всего, Х легионом Цезаря был Х легион Пролива, который приобрел прозвище легион Пролива зимой 49/48 года до н. э., сражаясь в битве на море, чтобы снова открыть жизненно важный пролив Отранто между Италией и Эпиром.

X Сдвоенный легион императорской эпохи был создан с помощью объединения двух уже существовавших легионов Октавианом после поражения Марка Антония и Клеопатры в битве при Акции в 31 году до н. э.: одним из них был уже существовавший X легион или из армии Октавиана, или из армии Антония. В 30 году до н. э. X Сдвоенный легион прибыл в Ближнюю Испанию. В следующем году он стал частью армии Октавиана, которая сражалась в ожесточенных десятилетних Кантабрийских войнах, чтобы очистить Кантабрийские горы на севере Испании от враждебных племен. Затем легион базировался в Испании, в Петавонии (сегодня Росинос-де-Видриалес).

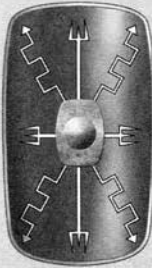
В 60 году н. э. X Сдвоенный легион, как и XIV Сдвоенный Марсов Победоносный, был переведен в Карнунт в Паннонии для приготовления к вторжению Нерона в Парфию, но, когда в 66 году н. э. в Иудее вспыхнуло восстание, его вернули в Испанию. В 70 году легион вышел из Испании на Рейн, чтобы принять участие в последних стадиях кампании Петилия Цериала по подавлению мятежа Цивилиса. В одной из последних битв этого мятежа мятежники убили префекта лагеря и пять центурионов первого ранга из X Сдвоенного легиона. Затем легион базировался в столице батавов, Неймегене, где построил новую каменную крепость.

Легион перевелся в Аквинк на Дунае весной 101 года н. э. и оттуда принимал участие в обеих Дакийских войнах Траяна. После присоединения Дакии в 106 году X сдвоенный легион остался в Дакии на следующие двенадцать лет. В 118 году он оставил Дакию, перебравшись на паннонскую базу в Виндобоне (сегодня Вена в Австрии). Он все еще находился там, когда император Марк Аврелий умер в этом городе в 180 году н. э., а также и тогда, когда Кассий Дион перечислял места размещения легионов полвека спустя. В IV столетии легион все еще существовал и все еще был в Паннонии, но был разбит на два пограничных подразделения: каждым командовал префект, и они стояли в разных местах (Not. Dig.).

Как нам теперь представляется, X Сдвоенный легион не был тем самым первоначальным X легионом Цезаря

XI КЛАВДИЕВ ЛЕГИОН

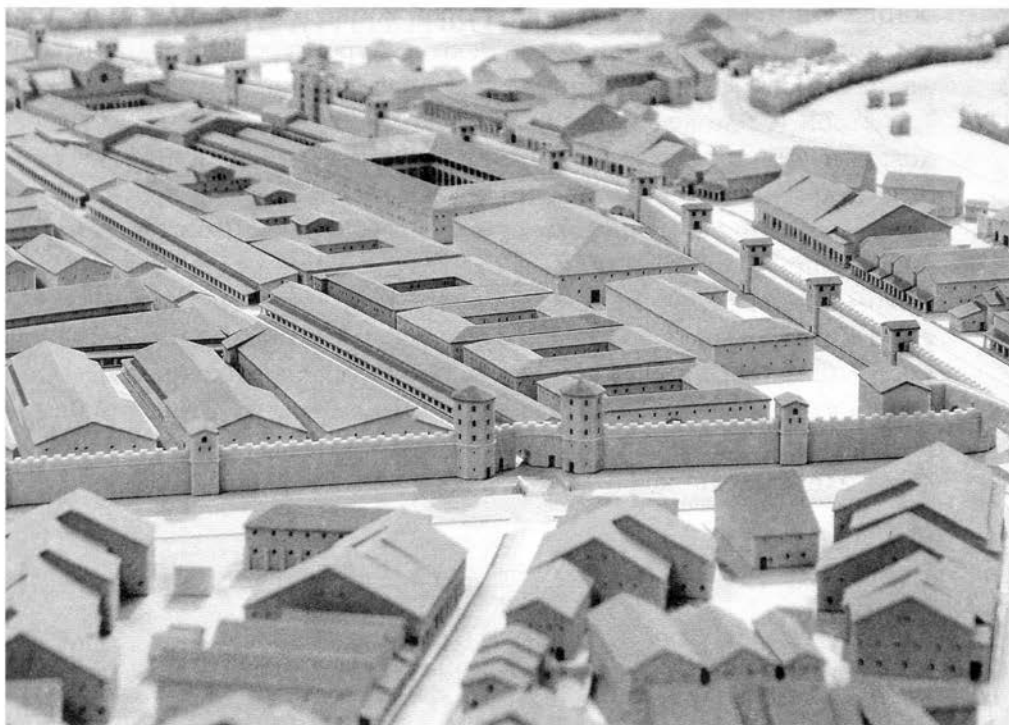
	<p>LEGIO XI CLAUDIA - P - F</p>	<p>XI КЛАВДИЕВ БЛАГОЧЕСТИВЫЙ И ВЕРНЫЙ ЛЕГИОН</p>
	<p>ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ</p>	<p>Присвоено Клавдием за помощь в подавлении мятежа Скрибониана в 42 г. н. э.</p>
	<p>ЭМБЛЕМА</p>	<p>Трезубец Нептуна и молнии</p>
	<p>ЗНАК ЗОДИАКА</p>	<p>Близнецы (волчица и близнецы)</p>
	<p>ОСНОВАН</p>	<p>В 58 г. до н. э. Юлием Цезарем</p>
	<p>ГДЕ НАБИРАЛСЯ</p>	<p>Первоначально в Цизальпинской Галлии</p>
	<p>ГДЕ СЛУЖИЛ</p>	<p>Галлия, Иллирия, Бурн, Рейн, Батавия, Виндонисса, Бригецион, Эск, Дуростур, Дакия, Дуростур</p>
<p>ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ</p>	<p>Паннонская война в 6–9 гг. н. э. Битва у Рима в 69 г. н. э. 2-я Дакийская война Траяна в 105– 106 гг. н. э. 2-е Иудейское восстание в 134–135 гг. н. э.</p>	

XI – ЛЕГИОН, КОТОРЫЙ ОПОЗДАЛ

Набранный Цезарем легион, который побеждал в изматывающих битвах Паннонской и Дакийской войн и получил свое название за то, что предотвратил внутренний мятеж против Клавдия в Далмации.

Первый легион, набранный Юлием Цезарем в Италии для его галльских походов, XI легион стал частью постоянной армии Октавиана в 30 году до н. э. и был размещен в Далмации. Он должен был прослужить здесь всю Паннонскую войну и был расквартирован в Бурне — столице Далмации — во время мятежа 14 года н. э. и в ходе всего царствования Клавдия.

Когда наместник Далмации Скрибониан попытался взбунтоваться против Клавдия в 42 году н. э. легион первоначально присоединился к восстанию, но через пять дней люди из XI и VII легионов убили Скрибониана и тех его офицеров, которые поддерживали его, и тем самым закончили мятеж. Клавдий наградил оба легиона ти-

тулом «Клавдиевы Благочестивые и Верные». Легион стал известен как Клавдиев на протяжении последующих столетий.

В 69 году люди из XI Клавдиева поклялись в верности Отону и шли из Бурна, чтобы поддержать его, когда узнали, что уже слишком поздно: Отон погиб, и императором стал Вителлий. Вскоре после возвращения в Бурн легион поклялся в верности Веспасиану, но, когда другие легионы пошли на Италию, чтобы сразиться с легионами Вителлия, XI колебался. Только тогда, когда Марк Антоний Прим и его армия победили войска Вителлия при Бедриаке и Кремоне, XI Клавдиев прибыл на место, присоединившись к походу на Рим, который закончился гибелью Вителлия и вступлением Веспасиана на трон в декабре того же года.

В 70 году Веспасиан разместил легион в Виндониссе на верхнем Рейне, чтобы заменить подразделения, опозорившие себя во время восстания Цивилиса. Он оставался здесь, пока в 101 году его не перевели в Бригецион на Дунае, где он и находился в ходе 1-й Дакийской

Западные ворота базы легиона в Виндониссе (сегодня Виндиш в Швейцарии). В ходе царствования императоров от Веспасиана до Траяна Виндонисса была домом XI Клавдиева легиона

войны. Он принял участие и во второй войне в Дакии и в конце войны провел некоторое время в Эске и Дуростуре. Последний (сегодняшня Силистра в Болгарии) стал его постоянной базой.

Легион — или вексилляция из нескольких его когорт — был на некоторое время переведен из Мёзии в Палестину, чтобы принять участие в последних стадиях наступления Секста Юлия Севера против иудейских мятежников под руководством Симеона бар-Кохбы. Надпись говорит о присутствии легиона в 135 году н. э. при осаде крепости бар-Кохбы в Бетаре непосредственно к югу от Иерусалима (*Yadin*. 13).

XI Клавдиев легион оставался в Дуростуре в следующие 200 лет, но ко времени *Notitia Dignitatum* в конце IV века он прекратил свое существование. Часть XI легиона — легион-комитат был тогда обозначен в Испании, в то время как другой находился на Востоке; возможно, они были наследниками XI Клавдиева.

XII МОЛНИЕНОСНЫЙ ЛЕГИОН

	LEGIO XII FULMINATA	XII МОЛНИЕНОСНЫЙ ЛЕГИОН
	ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	Принято неофициально в период ранней империи. Официально дано Марком Аврелием в 174 г. н. э.
	ЭМБЛЕМА	Молния Марса
	ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог (возможно)
	ОСНОВАН	В 58 г. до н. э. Юлием Цезарем
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в Цизальпинской Галлии
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Египет, Сирия, Рафанея, Лаодикея, Иерусалим, Иудея, Мелитена, Дунай, Мелитена
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Осада Иерусалима в 70 г. н. э. Восточная кампания Траяна в 114–116 г. н. э. Разгром аланов в 135 г. н. э. Разгром квадов в 174 г. н. э.

ГРОМОВЕРЖЦЫ МАРКА АВРЕЛИЯ

Знаменитый «молниеносный» легион — легион, который потерял своего орла во время 1-го Иудейского восстания, но, получив второй шанс, он уже не упустил удачу; при Марке Аврелии он оправдал свое название, победив в сражении во время бури.

Второй легион, набранный в Италии Юлием Цезарем в 58 году до н. э., — XII легион — служил ему во время всех галльских походов и в гражданскую войну. Как у Октавиана, так и у Антония был XII легион, причем легион Антония отличался названием Antiqua, что означает «старый» и в то же время «бывший»; это говорит о том, что это и был первоначальный легион Цезаря. Между тем XII легион Октавия принял название Paterna: это может значить «отцовский», и тогда имеется в виду Цезарь, но может значить и «местный», что говорит о наборе в Италии.

Одно из этих двух подразделений стало единственным XII легионом в новой постоянной армии Октавиана. В какой момент он приобрел

свое название Молниеносный и эмблему — неясно, но в I веке он уже использовал и то и другое. Первоначально Октавиан разместил это подразделение в Египте наряду с двумя другими легионами. В 14 году н. э. он находился в Сирии и базировался в Рафанее вместе с VI Железным во время царствования Клавдия.

В 62 году под командованием Калавия Сабина легион был призван в Каппадокию, чтобы принять участие в катастрофической, как оказалось позднее, Армянской кампании Пета. Судя по всему, многие легионеры уже приближались к окончанию своего двадцатилетнего срока службы и легион в результате был укомплектован не полностью, поскольку Тацит заметил, что он в то время «страдал от недобора» (*Тас. А. XV, 8—10*). Легионерам не очень хотелось воевать с парфянами, и их отступление из Армении не прибавило ничего хорошего к репутации подразделения в целом.

Недобр в XII Молниеносном может объяснить, почему четыре года спустя он оказался единственным практически полным легионом во время марша Галла на Иерусалим в 66 году н. э. после вспышки Иудейского восстания. Во время кровавого отступления к Цезарее легион потерял много людей, но, что еще важнее, он потерял своего орла, который достался охотившимся за легионерами иудейским партизанам. Понадобилось долгое время, чтобы это позорное пятно стерлось.

Веспасиан отказался использовать этот легион в своих операциях против евреев, но, поскольку его ряды, видимо, недавно пополнились после нового набора, Тит задействовал его в 70 году н. э. как один из своих четырех полных легионов в ходе осады Иерусалима. XII Молниеносный все это время сражался под командованием своего трибуна: может быть, легаты отказывались руководить легионом, потерявшим орла. В 71 году н. э. Веспасиан аннексировал царство Каппадокия, сделав его новой римской провинцией, и, после того как XII легион неплохо зарекомендовал себя во время осады Иерусалима, его разместили там в качестве гарнизона; новой базой стала Мелитена.

XII Молниеносный остался в Мелитене на следующие 300 лет, в ходе которых он вернул себе свою репутацию. В 135 году он принял участие в успешной кампании Арриана против завоевателей-аланов в Малой Армении. Несколько десятилетий спустя его пребывание на Востоке было прервано Дунайскими войнами Марка Аврелия против алеманнов и германцев-квадов, для которых его перевели на Дунай.

В битве во время грозы и бури в 174 году н. э. он выиграл в ключевом сражении для Марка Аврелия: за это он официально получил эмблему из молний и название.

Notitia Dignitatum размещает легион в Армении в конце IV века наряду с XV Аполлоновым — легионом, вместе с которым он побил аланов в 135 году н. э. Оба легиона, превратившиеся в пограничные отряды, в следующем столетии стали частью византийской армии.

XIII СДВОЕННЫЙ ЛЕГИОН

	LEGIO XIII GEMINA	XIII СДВОЕННЫЙ ЛЕГИОН
ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	XIII легион Цезаря был объединен с другим легионом Октавианом	
ЭМБЛЕМА	Лев	
ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог (возможно)	
ОСНОВАН	В 58 г. до н. э. Юлием Цезарем	
ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в Цизальпинской Галлии	
ГДЕ СЛУЖИЛ	Иллирик, Рейн, Реция, Паннония, Рейн, Виндонисса, Поэтовии, Рейн, Поэтовии, Дакия, Сарамизегетуза, Апул, Ратиара, Сирмий	
ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Германские кампании Друза в 20–15 гг. до н. э. Ретская кампания Тиберия в 15 г. до н. э. Паннонская война в 6–9 гг. н. э. Германские кампании Германика в 14–16 гг. н. э. Битва при насыпи ангривариев в 15 г. н. э. Битва при Идиставизо в 16 г. н. э. 2-я битва при Бедриаке в 69 г. н. э. Битва при Кремоне в 69 г. н. э. Битва у Рима в 69 г. н. э. 1-я Дакийская война Траяна в 101–102 гг. н. э. 2-я Дакийская война Траяна в 105–106 гг. н. э.	

ВСЕГДА НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Некогда этот легион сражался за Цезаря, потом — за Германика в Германии; он победил и проиграл в войне за трон в 69 году н. э., а затем штурмовал столицу даков для Траяна.

Существование XIII легиона засвидетельствовано еще в 205 году до н. э. (Livy. XXIX, 2, 9). Как у Октавиана, так и у Антония в армиях был XIII легион — один являлся прямым наследником XIII легиона Юлия Цезаря, того легиона, который пересек Рубикон вместе с Цезарем в январе 49 года до н. э. и помог ему изменить историю Рима. Октави-

ан создал новый XIII Сдвоенный легион в 30 году, объединив два уже существовавших легиона, одним из которых был XIII; возможно, что оба они были предыдущими тринадцатыми.

XIII Сдвоенный легион находился к 15 году до н. э. в Реции, а накануне разгрома Вара в 9 году н. э. — на Рейне. Базируясь в Виндониссе на верхнем Рейне пять лет спустя, он служил в победоносных Германских кампаниях Германика. К 46 году н. э. он был размещен в Поэтовии в Паннонии. Легион сражался за Отона в апреле 69 года н. э. и уступил войскам Вителлия в 1-й битве при Бедриаке в Италии. Обе стороны презирали этот легион за отсутствие четкой позиции, и после поражения армии Отона сдававшемуся XIII Сдвоенному легиону приказали строить деревянные амфитеатры в Кремоне и Бононии, где полководцы Вителлия должны были отпраздновать свою победу.

Затем XIII легион послали обратно в Поэтовии. Именно там, на квартирах XIII легиона в Поэтовии, полководцы встретились в конце лета 69 года н. э., чтобы обсудить вторжение в Италию для свержения Вителлия и возведения на трон Веспасиана. Затем легион смог отомстить войскам Вителлия во 2-й битве при Бедриаке, битве при Кремоне и битве у Рима. Во все это время старшим трибуном XIII легиона был отец жившего позднее писателя Светония, родившегося в этом году.

Вернувшись в Поэтовии после восстания Цивилиса, легион оставался в Паннонии, пока его не перевели в Виндониссу в 97 году н. э. Между 101 и 106 годами н. э. он принял участие в Дакийских войнах Траяна, и, как только Дакия была завоевана, он построил базу в Апуле в новой провинции. Легион затем часто вступал в бой с германскими, сарматскими и готскими племенами.

Траян учредил в Сарамизегетузе в Дакии римскую военную колонию и поселил там ушедших на покой ветеранов XIII Сдвоенного легиона. Еще одна военная колония была создана в дакийском городе Оршове (современная Дьерна). Наследники этих ветеранов легиона, наверное, бежали из Дакии, когда Аврелиан отказался от провинции в 274 году н. э., присоединившись к колонне беженцев, которая пошла за XIII Сдвоенным легионом, когда тот оставил Апул и переместился к югу от Дуная. Новая база легиона в Мёзии оказалась в Ратиаре (деревня Арчар в сегодняшней Болгарии).

К 395 году легион раскололся: часть базировалась в Ратиаре, часть — в далеком Египте (Not. Dig.).

XIV СДВОЕННЫЙ МАРСОВ ПОБЕДОНОСНЫЙ ЛЕГИОН

LEGIO XIII G - M - V	XIV СДВОЕННЫЙ МАРСОВ ПОБЕДОНОСНЫЙ ЛЕГИОН
ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	Сдвоенный из-за объединения с уже существовавшим легионом в 30 г. до н. э. Остальное спорно
ЭМБЛЕМА	Орлиные крылья и молнии
ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог
ОСНОВАН	В 57 г. до н. э. Юлием Цезарем
ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в Цизальпинской Галлии
ГДЕ СЛУЖИЛ	Иллирик, Могонциак, Вироконий, Лугдунская Галлия, Могонциак, Виндобона, Дакия, Карнунт
ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Паннонская война в 6–9 гг. н. э. Вторжение в Британию в 43 г. н. э. Вторжение на Англас (Британия) в 60 г. н. э. Мятеж Боудикки в 60–61 гг. н. э. Битва при Бедриаке в Италии, 69 г. н. э. Битва при Старых лагерях в Германии, 70 г. н. э. Дакийские кампании Траяна в 101–102 и 105–106 гг. н. э. Войны Марка Аврелия с квадами, язигами и маркоманами в 161–180 гг. н. э.

ЗАВОЕВАТЕЛИ БРИТАНИИ, ЛЮБИМЦЫ НЕРОНА

Самый знаменитый легион I века, который вторгся в Британию при императоре Клавдии и победил в 60 году н. э. Боудикку и 230 тысяч ее бриттских мятежников. Самого его имени было достаточно, чтобы напугать врага; затем он сражался в Дакии и защищал границу на Дунае.

Пусть они не расстраивают рядов и, метнув дротики, продолжают непрерывно поражать и уничтожать неприятеля выпуклостями щитов и мечами.

Светоний Паулин — XIV Сдвоенному перед сражением в 60 г. н. э. с бриттами Боудикки (Тацит. Анналы. XIV, 36)

Во второй половине I века н. э. XIV Сдвоенный Марсов Победоносный легион имел такую страшную репутацию, что одного только предположения о том, что он будет участвовать в сражении, было достаточно, чтобы заставить врага впасть в панику (*Тас. Н. II, 68*).

В 30 году до н. э. первоначальный XIV легион Цезаря был объединен Октавианом с другим, и так появился XIV Сдвоенный легион. Некоторые современные авторы считают, что позднее XIV легиону был дарован дополнительный титул «Марсов Победоносный» Нероном за поражение армии мятежных бриттов под командованием Боудикки в 60–61 годах н. э. Доказательств этому нет. На самом деле возможно, что титул «Победоносный» легион получил еще до 49 года — года, когда первая римская военная колония в Британии была учреждена в Колчестере (римском Камулодуне) императором Клавдием на востоке Англии.

Традиционно военные колонии включали в свое название имя легиона, чьи воины там поселились. Арелата — сегодняшний Арль на юге Франции, — например, была основана для людей из VI легиона, и это отражалось в официальном названии колонии *Colonia Julia Paterna Arelatensium Sextanorum*, или «Юлиева отеческая колония Шестого в Арелате». Камулодун именовался *Colonia Claudia Victricensis* — «Клавдиева колония Победоносных». Это не имело отношения к легиону, который раньше занимал город, — XX Валериеву Победоносному, так как, как показал доктор Р.С.О. Томлин, использование XX легионом названия Валериев Победоносный не засвидетельствовано до 90 года н. э. (*Том. DRA*). Это заставляет предполагать, что слово «Победоносных» имеет в виду поселенцев из XIV Сдвоенного Марсова Победоносного — легиона, из которого около 50 года н. э. должно было уйти много ветеранов, закончивших свой 20-летний срок службы.

Действительно, легион был награжден Нероном после победы над мятежниками Боудикки при неравенстве сил — двадцать три к одному; он назвал воинов XIV легиона «своими самыми драгоценными войсками». Вполне вероятно, что легиону также дали право принять эмблему преторианской гвардии — молнии и орлиные крылья. Кроме того, римский полководец Петилий Цериал назвал людей из XIV Сдвоенного Марсова Победоносного «покорителями Британии» (*Тас. Н. V, 16*).

Победа в 60 году н. э. над Боудиккой стала для легиона блестящим взлетом карьеры. В 54 году легион, успевший повоевать четыре года, был уничтожен белгским племенем эбуронов. На следующий год перестроенный легион потерял еще 2 тысячи человек в сражении

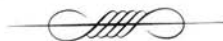
с конными германцами. После смерти Цезаря как у Октавиана, так и у Антония были XIV легионы, и вполне возможно, что их объединили, чтобы в 30 году до н. э. создать новый XIV Сдвоенный.

Легион сражался в Паннонской войне и отважно служил Германику в 14–16 годах н. э. К 43 году н. э. его репутация восстановилась настолько, что он оказался одним из четырех легионов, выбранных для завоевания Британии при Клавдии. После этого он был размещен в Британии.

Весной 60 года н. э. легион завоевал валлийский остров Англси — и затем его тут же отозвали, чтобы подавить бушевавшее тогда восстание кельтов и нанести Боудикке знаменитое поражение на Уотлинг-стрит. К 67 году н. э. Нерон перевел XIV Сдвоенный Марсов Победоносный легион в Карнунт в Паннонию, как часть подготовки планировавшегося им наступления на персов. Два года спустя когорты ветеранов легиона пошли из Паннонии, чтобы сражаться за Отона в 1-й битве при Бедриаке. Хотя армия Отона сдалась, XIV Сдвоенный упорно заявлял, что не потерпел поражения. Вителлий послал легион обратно, на старую базу в Вироконий (сегодня деревня Роксетер в Британии). На следующий год новый император Веспасиан приказал, чтобы легион отправился на Рейн и присоединился к операциям Цериала против Цивилиса и его германцев на Рейне, и легион сыграл ключевую роль в победе Цериала при Старых лагерях.

Затем XIV Сдвоенный Марсов Победоносный легион был размещен в Майнце на Рейне. К 92 году он построил себе новую базу в Мурсии в Паннонии. Между 100 и 114 годами н. э. он базировался в Виндобо-не перед тем, как провести несколько лет в Дакии. К 117 году н. э. легион вернулся в Карнунт, где и оставался всю остальную свою карьеру. К 230 году н. э. слова «Марсов Победоносный» в названии легиона перестали употребляться.

В IV веке люди из некогда славного XIV Сдвоенного легиона были низведены на роль моряков на Дунае. Они служили на легких галерах-либурнах, и одно из подразделений легиона еще стояло в Карнунте; другое, под командованием магистра войск, было переведено в Дакию. Таков был печальный конец некогда славного легиона (Not. Dig.).

XV АПОЛЛОНОВ ЛЕГИОН

LEGIO XV APOLLINARIS	XV АПОЛЛОНОВ ЛЕГИОН
ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	Возможно, потому, что Аполлон был богом-покровителем императора Августа
ЭМБЛЕМА	Первоначально, возможно, грифон. К III в. н. э. — пальмовая ветвь, символ победы
ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог (возможно)
ОСНОВАН	В 54 г. до н. э. Юлием Цезарем
ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в Цизальпинской Галлии
ГДЕ СЛУЖИЛ	Иллирик, Эмония, Карнунт, Сирия, Иудея, Карнунт, Дакия, Карнунт, Парфия, Сатапа
ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Паннонская война в 6–9 гг. н. э. 2-я Армянская кампания Корбулона в 62 г. н. э. 1-е Иудейское восстание в 67–71 гг. н. э. Осада Иерусалима в 70 г. н. э. Дакийские войны Траяна в 101–106 гг. н. э. Парфянские кампании Траяна в 114–116 гг. н. э. Поражение, нанесенное под командованием Арриана аланам в 135 г. н. э.

XV — ВСЕГДА В ДОРОГЕ

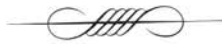
Ветеран Паннонской войны, посредник в Иллирийском мятеже 14 года н. э., победитель в Армении под командованием Корбулона, в Иудее — под командованием Веспасиана и Тита, в Дакии — Траяна, победивший аланов на Востоке под командованием Арриана — этот легион творил историю.

Как у Антония, так и у Октавиана были легионы за номером XV, но тот факт, что императорский XV легион включал в свое название Аполлона, любимого бога Октавиана, заставляет предполагать, что именно свой легион он и сохранил в своей новой постоянной армии.

XV Аполлонов был одним из пятнадцати легионов, служивших в Паннонской войне. Он был размещен в Паннонии в ходе войны, сначала в Эмонии, и к 14 году н. э. — в Карнунте, где и оставался много лет, предприняв обширные строительные работы в 50 году н. э. В 62 году Нерон перевел легион на Восток для кампаний в Армении, после чего он был расквартирован в Египте. Затем Тит повел XV легион из Египта в Иудею для операций своего отца против иудейских повстанцев, где он стал одним из четырех легионов, участвовавших в осаде Иерусалима Титом в 70 году н. э.

XV Аполлонов затем послали в Европу на его старую базу в Карнунт, откуда он принимал участие в Дакийских войнах Траяна. Когда Траян отправился на Восток в свои походы на Парфию в 114—116 годах н. э., с ним пошел и XV Аполлонов легион. В 117 году легион занял базу XVI Флавиева в Сатале в Северной Каппадокии (сегодня Садак в Турции), и она стала его домом на многие десятилетия. В 135 году легион присоединился в XII Молниеносному в изгнании аланов из Малой Армении; легионом командовал Арриан, и эмблема пальмовой ветви, которая фигурирует на монетах легиона на Востоке, возможно, отражает именно эту победу.

Легион, видимо, принимал активное участие в войнах с персами в IV веке, но, в отличие от многих других римских подразделений, уничтоженных персами, XV Аполлонов легион выжил и почти не пострадал; он все еще находился на базе в Сатале в конце столетия (Not. Dig.).

XV ЛЕГИОН ФОРТУНЫ ПЕРВОРОЖДЕННОЙ

	LEGIO XV PRIMIGENEA	XV ЛЕГИОН ФОРТУНЫ ПЕРВОРОЖДЕННОЙ
	ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	В честь богини — Фортуны Перворожденной
	ЭМБЛЕМА	Колесо Фортуны (возможно)
	ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог (возможно). XXII Перворожденный, набранный в то же самое время, использовал Козерога
	ОСНОВАН	В 39 г. н. э. Калигулой
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Возможно, в традиционных местах набора уже существовавшего XV Аполлонова легиона
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Могонциак, Старые лагеря

ФОРТУНА ИХ НЕ ЛЮБИЛА

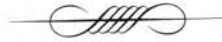
Этот легион основал Калигула для своего вторжения в Британию, ставшего нелепым фарсом — он заставил легионеров стрелять по Ла-Маншу и собирать ракушки в качестве трофеев. Клавдий переименовал этот легион, а Веспасиан его распустил.

Судя по всему, этот легион набрал Калигула для своего вторжения в Британию, которое он планировал, но так и не осуществил. Легион назвали в честь Fortuna Primigenia, Фортуны Перворожденной, богини удачи. Это было любимое божество Клавдия, дяди Калигулы, наследовавшего племяннику в 41 году н. э., так что вполне возможно, что именно Клавдий назвал Перворожденными этот и XXII легион. Скорее всего, этот легион принял номер XV, поскольку его набрали в традиционном округе для набора уже существовавшего XV легиона — Аполлонова.

Базировавшийся в Майнце на верхнем Рейне после неудачной Британской операции Калигулы, к 46 году он был переведен в Старые лагеря на нижнем Рейне. Тут в 69–70 годах н. э. легион участвовал в

длительной обороне Старых лагерей (или *Castra Vetera*); тысячи людей были убиты мятежниками.

Потрепанный XV легион Фортуны Перворожденной был распущен новым императором Веспасианом, как только мятеж Цивилиса завершился осенью 70 года н. э.

XVI ГАЛЛЬСКИЙ ЛЕГИОН

	LEGIO XVI GALLICA	XVI ГАЛЛЬСКИЙ ЛЕГИОН
ЭМБЛЕМА		Кабан (возможно)
ЗНАК ЗОДИАКА		Козерог (возможно)
ОСНОВАН		В 49 г. до н. э. Юлием Цезарем
ГДЕ НАБИРАЛСЯ		Галлия
ГДЕ СЛУЖИЛ		Рейн, Могонциак, Новезий
РАСПУЩЕН		В 70 г. н. э. Веспасианом за то, что сдался Цивилису

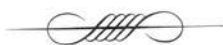
ЦЕНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Этот легион отважно сражался под командованием Германика только для того, чтобы опозорить себя во время восстания Цивилиса. Легион был распущен Веспасианом, который реформировал его в XVI Флавиев и послал на Восток.

Набранный в Галлии XVI Галльский легион служил при Друзе Цезаре на Рейне в 16 году до н. э., где и оставался во все время своей недолгой карьеры. Он базировался в Майнце и воевал под командованием сына Друза Германика Цезаря в его Германских кампаниях 14–16 годов н. э.

В царствование Нерона легион перевели в Новезий на нижнем Рейне. Там в январе 69 года н. э. он присоединился к товарищам — другим рейнским легионам и провозгласил Вителлия императором; после этого легион послал несколько своих когорт в Италию, чтобы помочь победить Отона и посадить на трон Вителлия.

Оставшиеся когорты XVI Галльского оказались втянуты в восстание Цивилиса; в конце концов они бросили своего молодого полководца Геррения Галла, сдались мятежникам и позволили казнить Галла весной 70 года н. э. За эти два преступления император Веспасиан в том же году распустил легион. Он реформировал его в XVI Флавиев.

XVI ФЛАВИЕВ СТОЙКИЙ ЛЕГИОН

	LEGIO XVI FLAVIA - F	XVI ФЛАВИЕВ СТОЙКИЙ ЛЕГИОН
	ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	В честь Веспасиана — первого императора из семьи Флавиев
	ЭМБЛЕМА	Лев
	ЗНАК ЗОДИАКА	Неизвестен
	ОСНОВАН	Веспасианом из оставшихся легионеров опозорившего себя XVI Галльского легиона
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Неизвестно
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Сатала, Парфия, Самосата, Эск
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Парфянская кампания Траяна в 114—116 гг. н. э.

ЛЮДИ ВЕСПАСИАНА

Сформирован в 70 году н. э., чтобы заметить опозоривший себя и распущенный XVI Галльский легион. XVI Флавиев взял семейное имя Веспасиана и эмблему льва, которая была связана с любимым богом Веспасиана — Гераклом.

Позорная история XVI Галльского должна была напоминать легионерам о том, чего надо избегать. XVI Флавиев легион начал новую карьеру на Востоке. Его первой постоянной базой стала Сатала в новой провинции Каппадокия. Оттуда он присоединился к Парфянским кампаниям императора Траяна в 114—116 годах н. э., после чего, зализав раны, он перебрался на новую базу в Армению — Самосату (сегодня Самсат в Турции).

К царствованию Септимия Севера XVI Флавиев легион был переведен в Сирию, где все еще базировался в Эске в конце IV века н. э. (Not. Dig.).

XVII, XVIII, XIX ЛЕГИОНЫ

	LEGIO XVII LEGIO XVIII LEGIO XIX	XVII, XVIII, XIX ЛЕГИОНЫ
	ЭМБЛЕМА	Кабан (возможно)
	ЗНАК ЗОДИАКА	Возможно, Козерог
	ОСНОВАНЫ	В 49 г. до н. э. Юлием Цезарем
	ГДЕ НАБИРАЛИСЬ	Италия (возможно)
	ГДЕ СЛУЖИЛИ	Аквитания, Реция, Новезий
	ОТЛИЧИЛИСЬ В БОЮ	Аквитанская кампания Агриппы около 20 г. до н. э. Кампания Тиберия в Реции в 15 г. до н. э.
	УНИЧТОЖЕНЫ	Битва в Тевтобургском лесу в 9 г. до н. э.

ОБЩАЯ СУДЬБА ПОТЕРЯННЫХ ЛЕГИОНОВ ВАРА

Злополучные легионы, уничтоженные в Тевтобургском лесу в 9 году н. э. Арминием и его германскими племенами. Только XVIII легион был создан Нероном заново, но он воевал так плохо, что вскоре Веспасиан предпочел включить его в состав другого легиона.

Три легиона, набранные в одно и то же время и в похожих местах, — XVII, XVIII и XIX — служили при Друзе и Тиберии в их Германских кампаниях. Когда Тиберий поспешил в Паннонию, чтобы разобраться с мятежом там и в Далмации, он оставил все три на нижнем Рейне под командованием наместника Квинтилия Вара.

Летом 9 года н. э. Вар повел все три легиона к востоку от Рейна через территории германских племен, которые подписали с Римом мирные договоры. В сентябре, когда Вар вел свою армию обратно на Рейн, его заманили на север в Тевтобургский лес, где Арминий, юный князь херусков и префект римских вспомогательных войск, руководил засадой германских племен, где был уничтожен Вар и его три легиона; ни одним из них в то время не командовал легат или старший трибун.

Цезарь Германик руководил рядом кампаний в Германии между 14 и 16 годами, где германские племена потерпели поражение в не-

Железный снаряд катапульты, использовавшийся
злополучным XIX легионом

скольких битвах, но Арминий (или Герман, как его стали называть в Германии) избежал как смерти, так и плена, хотя его беременная жена была захвачена римлянами, и его сын родился и вырос в плену. Германик смог вернуть два из утраченных орлов трех легионов Вара. Третий будет найден у племени хавков в Германии в 41 году римской армией, которую вел Публий Габиний, который получил от императора Клавдия титул «Хавкийский» за возвращение орла — так важно было для римлян вернуть легионных орлов.

Август отправил на пенсию воинов трех уничтоженных легионов, и их уже никогда не призывали на военную службу. Но в царствование Нерона случилось нечто любопытное. Очевидно, для одной из планировавшихся им кампаний в Парфии Нерон набрал новый XVIII легион. Почему он дал ему номер XVIII, который римские солдаты должны были считать несчастливым после того, что случилось с первоначальным XVIII легионом в Тевтобургском лесу, — полнейшая загадка. Как в «Анналах», так и в «Истории» Тацит неоднократно упоминает новый XVIII легион, который в 69 году н. э. являлся одним из четырех легионов армии на верхнем Рейне.

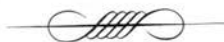
Новый XVIII быстро выразил свою покорность Вителлию в январе того же года, но не послал в Италию войск для свержения Отона, как поступили другие легионы, размещенные на Рейне. Это, возможно, было потому, что только шесть его когорт находились на Рейне; оставшиеся четыре были на Востоке. Тацит писал, что наряду с несколькими когортами III Киренаикского легиона войска XVIII легиона были выведены из Александрии Титом для осады им Иерусалима (*Тас. Н. V, 1*). Иосиф Флавий также упоминал об этих когортах из двух легионов, которые находились в Александрии; в ходе осады Иерусалима ими командовал трибун Этерний Фронтон (*Jos. JW. 6, 4, 3*).

Как эти люди из нового XVIII легиона оказались в Египте, объясняет еще один пассаж Тацита, который говорит о 2 тысячах рекрутов-легионеров из Ливии, которые оказались в Александрии в 66 году н. э. в результате вспышки Иудейского восстания в Иудее. Эти рекруты,

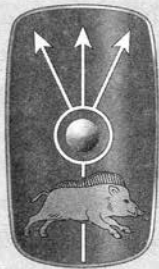
которых завербовали для того, чтобы они составили четыре когорты XVIII легиона, оставались в Александрии, покуда Тит не призвал их в Иудею, чтобы присоединиться к атаке на Иерусалим в 70 году н. э.

Как только Веспасиан пришел к власти, XVIII легион перестал существовать. Шесть его когорт на Рейне сдались мятежникам во время мятежа Цивилиса, но, по крайней мере, его когорты в Иудее не сделали ничего криминального; так что вполне вероятно, что людей из XVIII легиона включили в VII легион Гальбы и создали таким образом VII Сдвоенный легион.

После катастрофы с Варом и потери XVII, XVIII и XIX легионов в 9 году н. э. суеверные римляне уже никогда не позволяли легионам с тремя идущими друг за другом номерами служить в одной и той же армии.

XX ВАЛЕРИЕВ ПОБЕДОНОСНЫЙ ЛЕГИОН

	LEGIO XX V - V	XX ВАЛЕРИЕВ ПОБЕДОНОСНЫЙ ЛЕГИОН
ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	Неизвестно. Использование названия не засвидетельствовано до 90 г. н. э.	
ЭМБЛЕМА	Кабан	
ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог	
ОСНОВАНЫ	В 49 г. до н. э. Юлием Цезарем	
ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в Италии. Позднее в Сирии	
ГДЕ СЛУЖИЛ	Тарраконская Испания, Иллирия, Бурн, Кельн, Нейсс, Камулодун, Глев, Вироконий, Дева, Лугувалий	
ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Кантабрийская война в 29—19 гг. до н. э. Паннонская война в 6—9 гг. до н. э. Германские кампании Германика в 14—16 гг. н. э. Битва при Идиставизо в 16 г. н. э. Битва при насыпи ангривариев в 16 г. н. э. Вторжение в Британию в 43 г. н. э. Мятеж Боудикки в 60—61 гг. н. э.	

МОГУЩЕСТВЕННЫЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ

«Отважный и победоносный» XX легион служил под началом Германика в Паннонской войне, а потом присоединился к нему на Рейне. Он принял участие во вторжении в Британию и стал одним из последних легионов, ушедших из Британии.

Многие авторы считали, что название Валериев Победоносный или Могущественные Завоеватели было дано XX легиону в 60—61 годах в награду за участие легиона в поражении Боудикки и ее армии мятежников в Британии. Ни один древний текст или надпись не поддерживает этой теории, и фактически использование «Валериев Победоносный» в качестве названия легиона не засвидетельствовано до 90 года н. э. (Том. DRA).

Более того, самое большее 3 тысячи легионеров XX легиона приняли участие в битве на Уотлинг-стрит, и Тацит называет их «ветера-

нами»; очевидно, это были члены ополчения эвокатов, недавно ушедшие на пенсию и вызванные под знамена своего старого XX легиона из-за срочной необходимости (*Тас. А. XIV, 34*).

Согласно другой теории, название Валериев Победоносный было присвоено XX легиону за участие в победе Агриколы над каледонцами при горе Гравпий в 84 году н. э. По словам Тацита, на переднем крае этой кампании находился IX Испанский легион; о XX речи нет. Если бы XX получил такую почесть в битве при горе Гравпий, то можно было бы ожидать, что IX получит то же самое, но этого не случилось.

Единственная кампания, в которой XX легион, как мы знаем, играл решающую роль, была Паннонская война 6—9 годов н. э. Цезарь Германик, командовавший легионом в ходе этой войны, сказал ему пять лет спустя: «Ты, двадцатый, товарищ в стольких сражениях, возвеличенный столькими отличиями...» (*Тас. А. I, 42*). Это говорит, что легион мог получить название Победоносный за службу в Паннонской войне.

Первоначальный XX был надежным легионом, созданным на основе массовых наборов в армию при Цезаре во время гражданской войны в Италии. Другое замечание Германика говорит о том, что к 14 году легион получил рекрутов и из Сирии (*Тас. А. I, 42*). Надгробные камни в Британии показывают, что к концу века в рядах XX легиона действительно служили люди с Востока.

Один из легионов, принявших участие во вторжении в Британию в 43 году н. э., после этого XX принимал участие во всех кампаниях по распространению власти Рима на запад и север. В ходе войны за императорский трон в 68—69 годах н. э. этот легион стал буйным, и его новому командиру Гнею Агриколе пришлось в 71 году принимать там дисциплинарные меры — видимо, переводя беспокойных солдат из XX в новоприбывший II Вспомогательный легион (см. с. 114—117).

Дошедшие до нас сведения о XX легионе включают даже такие

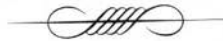

Антефикс — черепица с крыши из барачной постройки в Британии, занятой XX легионом; на ней показана эмблема легиона — дикий кабан

детали из повседневной жизни, как тот факт, что 7 ноября 83 года н. э. Квинт Кассий Секунд, легионер, служивший в центурии XX легиона, которой командовал центурион Кальвий Приск, написал долговую расписку одному из товарищей по подразделению — Гаю Геминию Мансуэту на 100 динариев, или 400 сестерциев (*Tom. DRA*).

Около 213 года н. э. второй по старшинству офицер XX Валериева Победоносного легиона, военный трибун Марк Аврелий Сирион из города Ульпия Никополь в провинции Фракия, посвятил алтарь на базе легиона в Лугувалии (Карлайл) Юпитеру Наилучшему Величайшему, а также Юноне, Минерве, Марсу и Победе. Сирион раньше служил в преторианской гвардии (*Tom. DRA*).

К 230 году н. э. отдельные части легиона располагались как в Эбораке, так и в Лугувалии; Кассий Дион писал, что легионеров XX Валериева Победоносного «не все называют Валериевыми и теперь они не сохранили этого наименования» (*Dio. LV, 23*). XX Победоносный легион был выведен из Британии до конца IV века, и его никем не заменили. Судя по всему, он был уничтожен в битвах с завоевателями, пришедшими с восточного берега Рейна, такими как франки и вандалы.

XXI СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ ЛЕГИОН

LEGIO XXI RAPAX	XXI СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ ЛЕГИОН
ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	Неизвестно
ЭМБЛЕМА	Кабан (возможно)
ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог
ОСНОВАН	В 49 г. до н. э. Юлием Цезарем
ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в Галлии. Позднее в Сирии
ГДЕ СЛУЖИЛ	Трансальпийская Галлия, Реция, Паннония, Старые лагеря, Виндонисса, Бонна, Могонциак, Дунай
ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Кампания Тиберия в Реции в 15 г. до н. э. Паннонская война в 6–9 гг. н. э. Германская кампания Германика в 14–16 гг. н. э. Битва при Идиставизо в 16 г. н. э. Битва при насыпи ангривариев в 16 г. н. э. 1-я битва при Бедриаке в 69 г. н. э. Битва при Ригодуле в 70 г. н. э. Битва при Августе Тревиоров в 70 г. н. э. Битва при Старых лагерях в 70 г. н. э.
БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ	Уничтожен на Дунае в царствование Домициана

ГОРДЫЙ ДАВНЕЙ БОЕВОЙ СЛАВОЙ

Послужив Германику в Германии, этот легион сражался за Вителлия в войне за римский трон, потом, при Веспасиане, он стал основным легионом Церриала при подавлении восстания Цивилиса — только для того, чтобы быть уничтоженным даками при Домициане.

Вполне возможно, что знаменитый римский историк Тацит командовал XXI Стремительным легионом между 89 и 92 годами н. э., покинув подразделение незадолго до того, как оно встретило свою кровавую гибель.

Тацит был консулом в 97 году н. э. Чтобы достигнуть такого высокого положения, он должен был до этого командовать легионом. Уехав из Рима в 89 году н. э., когда ему было тридцать четыре, он вернулся

в столицу в 93-м; это должно было соответствовать тому периоду, когда Тацит имел ранг претора и теоретически мог командовать легионом, поскольку командование легионом как раз продолжалось три или четыре года. Позднее, в «Истории», которую он начал около 99 года н. э., Тацит назвал XXI Стремительный «гордым своей давней боевой славой». Это самое пространное высказывание Тацита о каком-либо отдельном римском легионе, и это говорит о некоторой привязанности, основанной на близком знакомстве (*Тас. Н. II, 43*).

Этот легион зародился еще в позднереспубликанский период. Цезарь набрал XXI легион. У Антония также безусловно был XXI легион, и он мог быть тем самым подразделением, которое Октавиан оставил в своей постоянной армии с 30 года н. э. В начале царствования Августа этот легион служил в Реции. Он стоял на нижнем Рейне в Старых лагерях к 9 году н. э. и оттуда принимал участие в Германских кампаниях Германика в 14–16 годах. К 47 году н. э. XXI легион был переведен в Виндониусу (сегодня Виндиш в Швейцарии).

Через четырнадцать лет легион, судя по всему, отдал четыре когорты новоприбывших рекрутов, которые были срочно переведены в Британию, чтобы восполнить недостаток 2 тысяч человек в IX Испанском легионе, сильно пострадавшем во время восстания Боудикки. Эти люди так никогда и не вернулись в свой легион, и их никем не заменили, оставив XXI без четырех когорт на все время этого периода призыва. Этот факт объясняет, почему XXI стал единственным легионом, который не оставил когорт на Рейне, отправившись с другими легионами Вителлия в Италию, чтобы скинуть Отона весной 69 года.

XXI отправился в Италию со своим командиром, яркой личностью Авлом Цециной, который носил пестрое платье, а в колонне на марше вместе с ним ехала его жена со своим собственным эскортом кавалерии. Перед тем как оставить Рецию, XXI легион оправдал свое название Рарах — «стремительный» или «хищный», разграбив гельветские области, через которые проходил. Легион помог Цецине и его коллеге Фабию Валенту победить в 1-й битве при Бедриаке, подавив сопротивление противника — I Вспомогательного легиона и убив его легата, после того как сначала Вспомогательному удалось захватить орла XXI Стремительного.

Ко времени 2-й битвы при Бедриаке Цецина попытался перебежать к Веспасиану; XXI сражался без командира и потерпел поражение. Хорошая репутация легиона обеспечила то, что после сдачи сторонников Вителлия при Кремоне полководец Веспасиана Прим сохранил легион

нетронутым в лагере в Северной Италии. Когда кузен Веспасиана Петилий Цериал получил задание руководить авангардом армии, которая должна была подавить мятеж Цивилиса, он выбрал для похода на Рейн именно XXI Стремительный.

Несмотря на то что в легионе не хватало четырех когорт и он понес потери в войне за трон, находившийся в меньшинстве XXI легион побеждал в битвах под командованием Цериала при Ригодуле на реке Мозель, затем у Трира, и он оказался одним из тех легионов, которые нанесли последний удар Цивилису при Старых лагерях в конце лета 70 года н. э.

В течение следующих двенадцати лет легион оставался на Рейне, размещенный в Бонне, и получал в этот период новых рекрутов; в результате легион был полностью укомплектован. В 82 году н. э. Домициан переправил XXI Стремительный вверх по Рейну в Могонциаке для своей хаттской войны в следующем году, после чего легион оставался в Могонциаке до 92 года н. э. В этом году легион был призван на Дунай, чтобы помочь сдержать вторжение армии конников-сарматов.

Точные детали схватки с сарматами до нас не дошли, но закончилась она уничтожением XXI Стремительного. Тацит, который писал в царствование Домициана (когда был уничтожен и V легион Жаворонков), негодовал: «Столько войск в Мёзии и Дакии, в Германии и Паннонии потеряно из-за беспечности или малодушия полководцев, столько военачальников вместе со столькими когортами разгромлено и захвачено в плен» (Тас. А. 41).

Судя по всему, в 92 году н. э. люди из XXI Стремительного — одного из самых славных легионов Рима несколько десятков лет назад — отправились, закованные в цепи, в горы за Дунаем, чтобы окончить жизнь в рабстве. Легион больше не был переформирован.

XXII ДЕЙОТАРОВ ЛЕГИОН

	LEGIO XXII DEIOTARIANA	XXII ДЕЙОТАРОВ ЛЕГИОН
	ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	Образован из остатков двух легионов царя Дейотара из Малой Армении, которые первоначально сражались за Юлия Цезаря
	ЭМБЛЕМА	Орел (возможно); эмблема, использовавшаяся Дейотаром на его монетах
	ЗНАК ЗОДИАКА	Неизвестен
	ОСНОВАН	Унаследован Антонием от Цезаря, сохранен Октавианом, который дал ему номер XXII
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Первоначально в Малой Армении
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Александрия, Иудея, Цезаря Мазака, Элегия
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Парфянская кампания Траяна в 114–116 гг. н. э. (возможно)
СУДЬБА	Уничтожен парфянами в Армении в 161 г. н. э.	

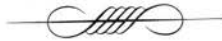
«ЕГИПЕТСКАЯ СКАЛА» РАЗБИЛАСЬ В АРМЕНИИ

Названный в честь набравшего его царя, этот легион постоянно служил в Египте в течение полутора столетий перед тем, как быть уничтоженным в Армении парфянами в начале царствования Марка Аврелия.

В 47 году до н. э., когда Юлий Цезарь вел смертельный бой с местными войсками в Египте, римская армия под руководством одного из его заместителей, Гнея Домиция Кальвина, была побеждена в битве при Никополе в Малой Армении царем Фарнаком, правителем Боспорского царства и сыном Митридата Великого — одного из величайших противников Рима. В битве при Никополе наряду с римскими войсками сражались два легиона, которые были набраны на месте царем Малой Армении Дейотаром. Оба подразделения, которые были экипированы и обучены на римский лад, потерпели в битве тяжкие

потери. Тем не менее оставшиеся в живых объединились в один легион, который потом сражался за самого Цезаря, когда он настиг и победил Фарнака в следующем году при Зеле в Понте. Судя по всему, легион Дейотара потом перешел в армию Антония и образовал ядро XXII Дейотарова легиона, который Октавиан оставил в составе армии и послал в Египет в 30 году до н. э.

Легион продолжал служить там, в Египте, в течение следующих полутораста лет. Он должен был принять участие в экспедиции римлян в Эфиопию в 23 году до н. э., но в других отношениях его карьера оказалась относительно мирной. Последний раз его присутствие засвидетельствовано в Египте в 99 году. После этого легион исчезает как из Египта, так и из исторических свидетельств; вероятно, это был тот самый легион, которые парфяне уничтожили в Армении в 161 году. Он никогда не формировался снова.

XXII ЛЕГИОН ФОРТУНЫ ПЕРВОРОЖДЕННОЙ

	LEGIO XXII PRIMIGENEA - P - F	XXII БЛАГОЧЕСТИВЫЙ И ВЕРНЫЙ ЛЕГИОН ФОРТУНЫ ПЕРВОРОЖДЕННОЙ
	ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	Назван в честь богини Фортуны Перворожденной
	ЭМБЛЕМА	Орел
	ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог
	ОСНОВАН	В 39 г. н. э. Калигулой
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Возможно, на Востоке
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Могонциак, Рим (вексилляция), Старые лагеря, Могонциак
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	Первая битва при Бедриаке в 69 г. н. э.
	ИЗВЕСТНЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ КОМАНДИРА	Публий Элий Адриан, будущий император в 97 г. н. э.

ЛЕГИОН ИЗ МАЙНЦА

Как и XV Перворожденный, набранный Калигулой для его Британской кампании, которая никогда не осуществилась, этот легион постоянно служил на Рейне веками и запятнал свою репутацию, только сдавшись Цивилису.

XXII легион Фортуны Перворожденной стоял только на двух постоянных базах в ходе всей своей карьеры. Он был основан Калигулой в 39 году н. э.: возможно, он был набран в восточных областях там, где набирался уже существующий XXII Дейотаров легион, приняв и его эмблему — орла. Название легиона — XXII Фортуны Перворожденной, — возможно, было дано ему следующим императором, Клавдием, поскольку Фортуна была именно его божеством-покровителем.

Легион базировался в Могонциаке (Майнце) в следующие тридцать лет, посплав войска в Италию, чтобы помочь сделать своего главнокомандующего, Вителлия, императором. Те когорты XXII Перворожденного, что остались на Рейне, сдались в 70 году н. э. Цивилису и его

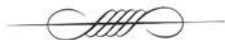
мятежникам. Затем Веспасиан перевел их вниз по Рейну в Старые лагерь, где в наказание они должны были построить новую базу взамен той, что уничтожили мятежники.

Легион должен был принять участие в войнах Домициана с хаттами в 83 году н. э. к востоку от Рейна. Десять лет спустя подразделение вернулось в Могонциак, чтобы заполнить брешь, оставленную XXI Стремительным, который был уничтожен сарматами. Он все еще был там — вместе с I легионом Минервы в конце IV века под командованием дукса в Майнце.

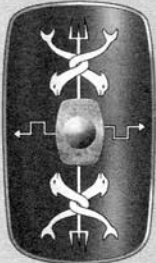
В 402 году оба легиона были призваны в Италию Стилихоном для последнего сопротивления Алариху и его визиготам-завоевателям. Легион, видимо, так никогда и не вернулся на границу на Рейне, которая вскоре была окончательно оставлена римскими войсками. Стилихон был казнен императором, ревновавшим к его славе, в 408 году. XXII Перворожденный, видимо, погиб в боях, предшествовавших падению Рима в 410 году.

Рельеф из Майнца (Могонциака), где показаны legionеры XXII Перворожденного, построившиеся для рукопашного боя

XXX УЛЬПИЕВ ЛЕГИОН

	LEGIO XXX ULPIA	XXX УЛЬПИЕВ ЛЕГИОН
	ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ	Фамильное имя императора Траяна
	ЭМБЛЕМА	Трезубец Нептуна, дельфин и молнии
	ЗНАК ЗОДИАКА	Козерог
	ОСНОВАН	В 103 г. н. э. для 2-й Дакийской кампании Траяна
	ГДЕ НАБИРАЛСЯ	Неизвестно
	ГДЕ СЛУЖИЛ	Бригецион, Дакия, Новиомаг, Старые лагерь, Амида
	ОТЛИЧИЛСЯ В БОЮ	2-я Дакийская война в 105–106 гг. н. э.

СЛУЖИТЕЛИ НЕПТУНА

Второй из двух легионов, набранных Траяном перед Дакийскими войнами, он в конце концов стал в Месопотамии жертвой персов.

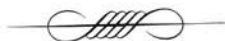
XXX Ульпиев легион был набран Траяном для своей 2-й Дакийской войны. Размещенный в Бригеционе на Дунае в 103 году н. э., он отправился в Дакию два года спустя. Приняв фамильное имя Траяна — Ульпиев, подразделение также поступило под покровительство его любимого бога Нептуна, используя в качестве эмблемы атрибуты владыки морей — трезубец и дельфинов. Вероятно, что легион использовал также связанный с Нептуном цвет — темно-синий, определенно для своих щитов, а может быть, и для других вещей, таких как шейные платки. XXX номер он получил потому, что оказался тридцатым легионом, бывшим в распоряжении Траяна.

После 2-й Дакийской войны легион также размещался в Новиомаге (сегодня Неймеген) на нижнем Рейне. В 120 году н. э. его перевели в соседние Старые лагерь. Там он оставался до IV века, когда он был переведен через весь римский мир для участия в кампаниях на Востоке.

XXX Ульпиев был одним из семи легионов, защищавших город Амиду в Месопотамии от атаки сотысячной персидской армии в 359 году

н. э. После кровавой осады, продолжавшейся семьдесят три дня, которая стоила осаждавшим 30 тысяч жизней, персы взяли город. Как и воины из других шести легионов, защищавших Амиду, legionеры XXX Ульпиева легиона, пережившие осаду, стали пленниками сирийцев (*Антт.* XVIII, 9; XIX, 1—9).

Там, в Амиде, в 359 году н. э., XXX Ульпиев легион Траяна прекратил свое существование.

ПРЕТОРИАНСКАЯ ГВАРДИЯ

	SONORS PRAETORIA	ПРЕТОРИАНСКАЯ ГВАРДИЯ
	ЭМБЛЕМА	Орел и молнии
	ЗНАМЯ	Виктория — богиня победы
	ШТАБ-КВАРТИРА	Лагерь преторианцев в Риме
	ОСНОВАН	В VI в. до н. э.

ТЕЛОХРАНИТЕЛИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ ИМПЕРАТОРОВ

Политическая полиция Рима, наряду с городской гвардией и вигилами (ночной стражей), отвечавшая за охрану порядка в городе и защиту самого Рима.

Преторианские когорты были созданы как отдельное подразделение при создании Римской республики в 509 году до н. э.: их обязанностью было защищать претора, самого старшего из выборных римских магистратов (до тех пор, пока самым старшим не стал консул), и город Рим. К началу I века до н. э. преторианцы уже вышли из употребления. В 44 году до н. э., после убийства Юлия Цезаря, Марк Антоний возродил это подразделение в качестве своей личной охраны: первоначально в нем было 6 тысяч человек — бывших легионеров. После поражения Антония и Клеопатры в 30 году до н. э. Октавиан оставил преторианцев в качестве криминальной и политической полиции Рима. Роль непосредственных телохранителей императоров до 69 года н. э. исполняла гвардия германцев.

Элитная преторианская гвардия была самой престижной и высокооплачиваемой единицей в римской армии. Сотни лет это было единственное подразделение регулярной армии, которое можно было размещать в Италии. При Августе преторианцев набирали в Этрурии, Умбрии, Лации и старых колониях легионов в Италии. К тому времени, как на трон в конце II столетия вступил Септимий Север, преторианцев стали набирать и в Испании, Македонии и Норике.

Поскольку они служили на войне, как правило, только тогда, когда там присутствовал император, у преторианцев было меньше возможностей разжиться добычей, чем у легионеров. В возмещение этого Август платил своим преторианцам вдвое больше, чем легионерам; Тиберий поднял плату еще в три раза. Преторианцы также получали большую премию при отставке — 20 тысяч сестерциев (в противоположность 12 тысяч для легионеров).

Август приказал распределить полномочия командования преторианцами в целом между двумя префектами. Некоторые более поздние императоры имели одного префекта претория: этот влиятельный пост практически соответствовал военному министру в Новое время. Император даровал каждому новому префекту претория меч, который символизировал право преторианцев на ношение оружия в столице, поскольку гражданские лица не имели право носить оружие в городе. Когда Траян даровал меч своему новому префекту претория Сабурану в 110 году н. э., он достал меч из ножен, протянул Сабурану лезвие и сказал: «Возьми этот меч, чтобы использовать его ради меня, если я буду править хорошо, или же против меня, если я буду править плохо» (*Dio. LXVIII, 16*).

Войска, размещенные в Риме, обычно исполняли свои обязанности «полувооруженными»: их щиты и дротики оставались в бараках преторианцев. Массивное крепостное здание — *Castra Praetoria*, или лагерь преторианцев, было построено в 23 году н. э. на северной окраине Рима за старыми городскими стенами печально известным префектом Луцием Элием Сеяном. До этого преторианцы были расквартированы в нескольких бараках вокруг Рима.

В том же самом году бывший солдат преторианской гвардии Тит Куртизий попытался встать во главе мятежа рабов в Брундизии в Южной Италии. Контингент морских пехотинцев быстро отловил главных мятежников, в том числе и Куртизия, и Тиберий послал отряд преторианцев под командованием их трибуна Стая в Брундизий, чтобы взять под стражу пленника. Тит Куртизий, бывший солдат преторианской гвардии, затем был препровожден в Рим в цепях своими же бывшими товарищами. Наказанием для него была продажа в рабство в столице (*Tac. A. IV, 27*).

В то время как бывшие центурионы зачастую поднимались по карьерной лестнице и становились командирами преторианцев, этот пост могли занимать и бывшие полководцы, например сын и наследник Веспасиана Тит. Одним из самых известных и усердных командиров гвар-

Этот рельеф, который сейчас находится в музее Лувр в Париже, как считается, показывает воинов преторианской гвардии II в. в парадной форме. Стиль пояса, который носят двое солдат, а также бороды и усы троих из них также свидетельствуют о том, что рельеф относится к II в. Каждый из них действительно одет в парадный костюм. Рисунки на щитах (все немного разные, но каждый — на тему молнии) похожи на щиты на колонне Траяна, которые там носят преторианцы. Однако при этом штандарт с орлом выглядит необычно: преторианцы не использовали орла (*aquila*) — на их знамени была крылатая Победа. Тем не менее вполне возможно, что эти люди — офицер senatorского ранга, трибун и обычные солдаты — символизируют четыре разные когорты преторианской гвардии

Италию, чтобы казнить Марка Остория Скапулу, который в Британии получил гражданский веночек еще юным префектом кавалерии за двадцать лет до того. Его признали виновным в заговоре с целью убийства императора. Как это происходило со всеми мужчинами и женщинами, которых казнили преторианцы, голова Остория была выставлена в Риме — то ли на Форуме, то ли на Гемонии.

В 10 году н. э. Август сформировал *городскую гвардию*, или городские когорты, которые должны были охранять порядок в Риме в дневное время и сторожить городские ворота. Войскам городской армии (это были бывшие рабы) платили гораздо меньше, чем преторианцам.

дии был Квинт Марций Турбон, префект претория при Адриане: он всегда работал с раннего утра. Когда в 136 году император посоветовал ему не так серьезно относиться к жизни, Турбон ответил (перефразируя Веспасиана), что префект гвардии должен умереть стоя (*Dio. LXIX, 18*).

Преторианская гвардия представляла одну когорту для охраны цирка во время скачек колесниц и в ходе общественных зрелищ, амфитеатра во время спектаклей и театра в ходе музыкальных и драматических представлений. В одном случае во время мятежа в театре в столице в I веке погиб центурион преторианцев, было убито множество гвардейцев, а трибун был ранен.

Преторианская гвардия распорядилась и городской тюрьмой, исполняя смертные приговоры, вынесенные императором и сенатом. Типичное задание на казнь они получили в 66 году н. э., когда Нерон послал центуриона и отряд преторианцев в Северо-Западную

При Августе было девять преторианских когорт, каждая из тысячи человек под командованием трибуна, с номерами от I до IX и три когорты городской гвардии с номерами от X до XII: ими также командовали трибуны. Тиберий добавил XIII когорту городской гвардии. Городская гвардия подчинялась префекту Рима, который зачастую был сенатором высокого ранга. Флавий Сабин, брат Веспасиана (который позднее стал императором), был префектом города в течение двенадцати лет при Нероне, и его настолько уважали за то, как он исполнял свои обязанности, что два непосредственных наследника Нерона снова назначили его на этот пост.

Калигула добавил еще три преторианские когорты. К царствованию Нерона было уже четырнадцать преторианских когорт и четыре когорты городской гвардии; в последних было по 1500 человек в каждой. Эти когорты имели номера от 1 до 18, причем последние четыре принадлежали когортам городской стражи. Одна когорта городской стражи была размещена в Лугдуне в Галлии, охраняя там императорский монетный двор.

Придя к власти в 69 году н. э., Вителлий распустил уже существовавшие подразделения преторианской и городской гвардии и заменил их 20 тысячами воинов из своих легионов с Рейна. Уволенные гвардейцы вступили в армию соперника Вителлия — Веспасиана и помогли свергнуть Вителлия. Новые подразделения преторианской и городской гвардий при Веспасиане состояли из 7 тысяч человек в четырнадцати когортах. К царствованию Александра Севера (150 лет спустя) в преторианской гвардии было 10 тысяч человек.

Центурионов можно было переводить в когорты гвардейцев из легионов, а также и выдвигать из рядов самих гвардейцев. Двенадцатилетний период службы для членов преторианской гвардии, установленный Марком Антонием в 44 году до н. э., был поднят Августом до шестнадцати лет.

Преторианская гвардия служила в Кантабрийской войне при Августе, в одной из Германских кампаний цезаря Германика, в Дакийских войнах Траяна и в кампаниях на Востоке в III веке. К 218 году сегментированные доспехи, которые носила преторианская гвардия в начале II века (что мы можем видеть на колонне Траяна), превратились в чешуйчатый панцирь. Преторианцы сбросили и эти панцири, сражаясь за недолго правившего императора Макрина — своего бывшего префекта, который думал, что они без брони приобретут «большую подвижность в бою». В битве под Антиохией в Сирии лишённые до-

Золотой ауреус, выпущенный Клавдием, изображает лагерь преторианцев — штаб-квартиру преторианской гвардии в Риме

спехов преторианцы были побеждены одетыми в броню сирийскими легионами, сражавшимися за Гелиогабала (*Dio. LXXIX, 37*).

Когорты вигилов, буквально «когорты, которые бодрствуют» (современные авторы называют их «ночной стражей»), были сформированы Августом в 6 году н. э. Обычно именуемые вигилами, они служили одновременно ночной полицией и пожарными. Август думал, что это будет временная мера, но вигилы оказались такими полезными, что он сохранил их на службе.

Вигилы при Августе были вольноотпущенниками. Позднее они могли происходить и из других классов общества. Им платили из государственной казны. Август разделил Рим на четырнадцать административных *regio*, или округов, и каждая из семи когорт вигилов отвечала за два участка и размещалась в бараках в одном из своих участков. Как и городская гвардия, вигилы были под командованием префекта города.

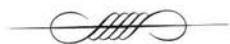
До образования подразделений вигилов самые богатые жители Рима использовали ночных сторожей, чтобы патрулировать свои кварталы; у них были колокольчики, предупреждавшие о пожаре. Вигилы Рима отвечали также за дорожное движение, поскольку по закону, изданному Юлием Цезарем, большая часть колесного транспорта должна была передвигаться по улицам Рима ночью. Отсюда и слава императорского Рима как города, который никогда не спит. Вигилы никогда не покидали столицы и считались ниже по статусу и престижу как преторианцев, так и городской гвардии. Тем не менее благодаря им был свергнут Сеян, и они сделали неудачную попытку удержать комплекс Капитолия вместе с братом Веспасиана Сабинном в последние дни царствования Вителлия.

За исключением шапок из львиных шкур у их знаменосцев (в противоположность медвежьим шкурам у знаменосцев легиона), разных знамен и эмблем на щитах, а также слегка более закругленных щитов, чем у легионеров, преторианская и городская гвардия ничем не отличались от легионеров.

Преторианская гвардия была реорганизована Септимием Севером в начале его царствования в 93 году н. э. Кассий Дион, который в то время был сенатором, ворчал, что до реформ Севера преторианцы «не совершали ничего, что соответствовало бы их званию и притязаниям, поскольку они привыкли к изнеженному образу жизни» (*Dio. LXXIV, 16*). Раньше рекруты-преторианцы приходили прямо с «гражданки». Но поскольку преторианцы убили его предшественника Пертинакса, Север «приказал впредь пополнять их [преторианцев] ряды только за счет всех легионов». Дион говорит, что Север поступил так «в расчете на то, что получит гвардию, лучше знакомую с воинскими обязанностями», поскольку они уже прошли военную подготовку и военную службу. Эта новая практика, как говорит Дион, сделала из перевода в преторианскую гвардию «своего рода награду тем, кто проявит храбрость на войне» (*Dio. LXXV, 2*).

Когда Диоклетиан стал одним из правящих императоров в 285 году н. э., он распустил как преторианскую, так и городскую гвардию, заменив их в качестве хранителей Рима двумя легионами с Балкан; всего в них было 10 тысяч человек, и они получали такую же плату, как и другие легионеры. Диоклетиан называл себя Юпитером, а Максимиан — Геркулесом, так что два новых городских легиона стали Иовиями и Геркулиями. Оба подразделения считали своим символом орла, одно — с поднятыми, другое — с опущенными крыльями.

Максенций, став императором в 306 году н. э., реформировал преторианскую гвардию, послал легионы «иовиев» и «геркулиев» на границы. Преторианская гвардия Максенция сражалась за него против его шурина Константина Великого в 312 году в битве у Мульвиева моста близ Рима. Победив в сражении, Константин совсем отменил преторианскую гвардию; ее оставшимся в живых членам нельзя было приближаться к Риму больше чем на 100 миль (160 километров). Константин оставил Рим без военной силы, которая специально занималась бы его обороной; преторианская гвардия так и не была сформирована снова. Префекты претория, которые раньше обладали огромной силой, продолжали назначаться, но это были всего лишь финансовые администраторы.

ЛИЧНЫЕ ТЕЛОХРАНИТЕЛИ ИМПЕРАТОРА (СИНГУЛЯРИИ)

	EQUITUM SINGULARIUM AUGUSTI	ЛИЧНЫЕ ТЕЛОХРАНИТЕЛИ ИМПЕРАТОРА
	ЭМБЛЕМА	Скорпион
	ШТАБ-КВАРТИРА	Castra Equitum Singularium в Риме
	ОСНОВАН	В 69 г. н. э. Вителлием. Впервые введены в бой Веспасианом в 70 г. н. э.
	ДАРОВАН ТИТУЛ «АВГУСТОВЫ»	Траяном

КОННЫЕ ТЕЛОХРАНИТЕЛИ ИМПЕРАТОРА — СИНГУЛЯРИИ

Конные телохранители императора — конный эквивалент преторианской гвардии.

Это элитное подразделение служило своего рода конным эквивалентом преторианской гвардии с I по IV век н. э. Первоначальные Equitum Singulagium, или сингулярии, были элитным подразделением вспомогательной кавалерии, созданным летом 69 года императором Вителлием, чтобы заменить преторианских всадников, когда он распустил преторианскую гвардию Отона.

Набранные по одному германские кавалеристы, эти первоначальные сингулярии сдались силам Веспасиана в Центральной Италии в декабре 69 года. Первой службой этого подразделения Веспасиану был поход в начале 70 года против мятежников Цивилиса на Рейне. Тацит писал, что после того, как полководец Веспасиана Цериалий и его авангард прибыли на Рейн, «к ним присоединилась кавалерийская часть сингуляриев, некогда созданная Вителлием, но затем перешедшая на сторону Веспасиана» (Тас. Н. IV, 70).

Первым командиром гвардии сингуляриев стал Бригантик, батав и племянник Цивилиса. Бригантик погиб, сражаясь с войсками своего дяди на нижнем Рейне летом 70 года н. э. Тридцать лет спустя, при

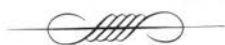
Траяне, это подразделение получило почетный титул «Августовы», обозначавший, что оно служит императору. Считалось также, что сингулярии использовали шестиугольный на германский манер щит с мотивом четырех скорпионов (*Warry*). Эмблема скорпиона, возможно, имеет в виду греческую легенду о скорпионе, который заставил коней Солнца встать на дыбы, когда колесницу солнца на один день вел неопытный юноша Фэтон.

В 70 году н. э. подразделение состояло из двух крыльев, каждое по 500 человек. Траян увеличил число сингуляриев до тысячи человек. Септимий Север снова удвоил их количество в 193 году н. э. до 2 тысяч всадников. Комплекс барачков и конюшен сингуляриев — *Castra equitum singularium* — располагался на восточной окраине столицы за старыми городскими стенами под Эсквилинским холмом. Благодаря расширению в 193 году у сингуляриев появились два прилегавших друг к другу барачка — «старая крепость» и «новая крепость».

Отряд был распущен в 312 году н. э. Константином Великим за то, что встал на сторону Максенция и противостоял императору. Константин также приказал сровнять с землей барачки сингуляриев и уничтожить кладбище, принадлежавшее их подразделению.

Надгробие декуриона сингуляриев Мария Александра из турмы (или эскадрона) Виталиса в Риме. Первоначально из Сирии, он служил при многих императорах

XVI
ТЕЛОХРАНИТЕЛИ ИМПЕРАТОРА

Германские гвардейцы и их наследники

Germani Corporis Custodes — германские телохранители императора, которых некоторые современные авторы пугают с преторианцами, — служили личной охраной для первых семи римских императоров. Их назвали по-разному — «телохранители», «когорты германцев», «императорская гвардия» и «германская гвардия» как в древних, так и в современных исторических сочинениях; это был элитный отряд пехоты, созданный из выбранных индивидуально германских солдат вспомогательных войск.

Согласно Иосифу Флавию, по составу этот отряд равнялся легиону (Jos. JA. 19, 1, 15).

На своих надгробных камнях многие воины германской гвардии называют себя Caesaris Augusti Corporis custos, чтобы все знали, что умерший был личным телохранителем государя, однако титул «Августовы», который сингулярии носили со II века, никогда официально не применялся к германским гвардейцам (*Speid.* 1).

То, что германские телохранители были прежде всего пехотинцами, очевидно из Тацита и Светония, которые говорят об их «когортах» — такое обозначение прилагалось только к пехотинцам или конникам (*Tac.* Н. III, 69; *Suet.* II, 49). Иосиф Флавий писал: «Эти германцы были телохранителями Гая (Калигулы) и назывались по имени страны, откуда их выбрали; они составляли легион кельтов» (Jos. JA. 19, 1, 15). Арриан также говорил о германцах, служивших в римской армии, как о «кельтах», в этом случае имея в виду людей своей I Германской когорты miliariae equitata (*Arr.* EAA. 2). Будучи эквивалентом легиона, как и все легионы, германская гвардия, возможно, включала в свой состав конный эскадрон, что объясняет, почему на надгробии члена этого подразделения обозначен его ранг — декурион.

Светоний говорит, что Август позволил лишь трем когортам германской гвардии служить в Риме одновременно; другие когорты, по его словам, были по очереди расквартированы по городам вокруг Рима (*Suet.* II, 49). В 69 году германская гвардия использовала атриум Свободы для проживания в Риме (*Tac.* Н. I, 31). Раньше они квартировались в форте к западу от Тибра, как раз внутри стены Сервия Туллия;

он мог быть разрушен Гальбой в 68 году (*Speid.* 6, 7). Солдаты германских войск не были римскими гражданами. Они носили штаны, были высоки, мускулисты и бородаты, а их оружием были длинные римские копья, кинжал и длинный меч с затупленным округлым концом. Щит у них был большой, плоский и овальный. Ими командовал офицер в ранге префекта; префект германской гвардии Калигулы был бывшим гладиатором.

В 41 году н. э. воины германской гвардии провозгласили Клавдия императором после убийства Калигулы, и поэтому Клавдий должен был занять трон. Во время войны за наследование германская гвардия была распущена Гальбой, но снова сформирована Отоном, и она была с Оттоном в Бриксии, когда он совершил самоубийство. Служа Вителлию, три когорты германской гвардии штурмовали и сожгли Капитолий в декабре 69 года н. э., казнив брата Веспасиана — Сабина; они сражались до смерти в битве 20 декабря за Рим. Веспасиан распустил германскую гвардию и сделал своими телохранителями преторианцев.

Позднейшие императоры создали несколько отрядов телохранителей. Около 350 года н. э. личными телохранителями Констанция II были *Protectores Domestici*, или доместики-протекторы. Будущий историк Аммиан Марцеллин служил младшим офицером в этом подразделении, которое базировалось в Медиолане (Милан) в Италии, имперской столице Констанция.

Серебряное блюдо 388 года н. э., найденное в Бадохосе в Испании, изображает уроженца Испании императора Феодосия I с его наследниками — Валентинианом II и Аркадием, а также телохранителей из двух разных отрядов. Высокие и чисто выбритые телохранители-копейщики показаны с очень большими овальными щитами и копьями; они носят

Император Феодосий I со своими телохранителями.
388 г. н. э.

сапоги и нашейные гривны. Один из двух рисунков на щитах солдат-телохранителей фигурирует в *Notitia Dignitatum* тридцать лет спустя: это *Lanciarii Galliciani Honoriani*, или галлийские копейщики Гонория, испанское подразделение, которое было прикомандировано к штабу магистра пехоты.

Согласно *Notitia Dignitatum*, к началу V века н. э. императорские телохранители императоров как Востока, так и Запада были *Domestici Pedites* и *Domestici Equites* — пешие и конные отряды доместиков.

XVII

ЛЕГИОНЫ ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

Начиная с III века н. э. различные императоры набрали много новых легионов. Некоторые из них были отделены от уже существующих легионов, другие создавались заново и принимали имена императоров, которые их основали. Мало что известно о каком-либо из этих подразделений поздней империи.

Император Диоклетиан во время своего царствования (285—305 до н. э.) значительно преобразовал римскую армию и увеличил плату войскам, пытаясь сообразоваться с галолирующей инфляцией в то время. Его наследник Константин Великий развил реформы Диоклетиана еще дальше, и к концу IV века римская армия состояла (по крайней мере, на бумаге) из 132 легионов и сотен вспомогательных и союзнических подразделений — *numeri* (*Gibb.* XVII).

Легионы, перечисленные в *Notitia Dignitatum*, в конце IV века н. э. были палатинскими легионами и комитатенсами. Первые (их было всего около двух десятков) получали гораздо большее жалование, чем другие легионеры, и пользовались другими привилегиями. В ранние годы царствования Константина эти легионы, еще уменьшенные по сравнению с размером на начало царствования Диоклетиана, уже не размещались в своих собственных постоянных лагерях по всей империи. Их убрали с границ и расквартировали в основных городах провинций за счет этих самых городов, и их отношения с местным населением были не самыми дружелюбными; солдаты стали ленивыми и недисциплинированными. Это «нововведение», как пишет Гиббон, «подготовило падение империи» (*Gibb.* XVII).

Еще одним нововведением в царствование Константина также (по мнению Гиббона) имело роковое значение для римских войск. «Вар-

вары, служившие в римских армиях, день ото дня становились все более повсеместным явлением», — писал он. Константин в конце своего царствования позволил 300 тысячам сарматов поселиться в Паннонии, Фракии, Македонии и даже в Италии. Эти новые поселенцы давали рекрутов для римской армии; к ним присоединились готы, скифы и германцы, которые еще совсем недавно воевали с римлянами. Этим людей «брали на службы не только во вспомогательные части, состоящие из солдат их национальностей, но и в сами легионы, и даже в самые славные палатинские отряды» (*Gibb. XVII*).

Римский легионер в 75 г. н. э.

Большая часть из тридцати легионов эпохи Траяна все еще существовала около 400 года до н. э., но в качестве комитатенсов и пограничных отрядов они иногда оказывались разбитыми на несколько маленьких отрядов. Таким образом, VI Победоносный легион до того, как Стилихон отозвал его для службы в Италии в 401–402 годах, все еще был размещен в Северной Британии; II Траянов и XIII Сдвоенный стояли в Египте, а III Галльский — в Финикии. Все они или были уничтожены в ходе варварских нашествий, или вошли в состав византийской армии.

XVIII КАВАЛЕРИЯ

В каждом легионе был свой собственный кавалерийский эскадрон из 128 конных легионеров, которые использовались для разведки и курьерских обязанностей. Все остальные кавалерийские подразделения в римской армии состояли из вспомогательных войск.

Самым маленьким кавалерийским подразделением была декурия, первоначально из десяти, потом — из восьми конников. Самой большой кавалерийской единицей была *ала*, или крыло, названная так, потому что кавалерию распределяли по крыльям (или флангам) боевой линии. *Ala quingenaria* (512 человек) состояла из шестнадцати *турм*, или отрядов из 32 человек, причем в каждой турме было четыре *декурии*. Турмы делились на четыре эскадрона по 128 человек (*Vege. DRM. II*). Более крупные *ala miliaria* состояли из двадцати четырех турм — всего 768 офицеров и солдат. К легионам эпохи ранней империи всегда было прикомандировано две алы: «Он... выступил в Птолемаиду с оставшимися у него двумя легионами и принадлежавшими к последним четыррьмя конными эскадронами», — пишет Иосиф Флавий о наместнике Сирии в 4 году до н. э. (*Jos. JW. II, 5.1*).

Лошадей в римской кавалерии не подковывали, и всадники не использовали шпоры. Седло римского кавалериста с двумя выступами спереди и сзади обеспечивало необыкновенно устойчивую посадку для езды и метания копья. Кавалеристы носили шлем, кольчугу и штаны.

Главным оружием кавалериста было легкое копье, *lansea*: его можно было метать, и им можно было колоть. Кроме того, римские кавалеристы использовали и копья поменьше, или дротики, которые бросали с выносом руки над головой и держали в колчане, присоединенном к седлу; на колчан приходилось до двадцати четырех дротиков.

Меч кавалериста — *spatha* — был длиннее, чем у пехотинца. Щит был плоским и овальным.

В то время как нумидийские кавалеристы римской армии славились способностью ездить без седла и даже без узды, больше всего в Риме ценились батавские кавалеристы. Их родину часто затопляло, и батавы научили своих лошадей плавать по рекам в полных доспехах и затем немедленно бросаться в бой. Это оказалось особенно полезным во время операций в Британии.

Боевой опыт показывал, что кавалерийские подразделения без поддержки пехоты могут быть уязвимыми, так что в римской армии также появились смешанные когорты как вспомогательной пехоты, так и кавалерии. Эти *cohortes equitatae* по размеру могли быть как *quingenaria*, так и *miliaria*.

Ко II веку появились и специализированные подразделения копейщиков, которые могли сражаться с врагом в ближнем бою и наносить большой ущерб с помощью копий, которые они держали близко к бокам своих лошадей для дополнительной силы и ударной мощи. В 135 году н. э. Арриан отвел своих копейщиков для преследования врага, как только пехотинцы вынудили противника отступить (*Arr. ТН. 43*).

Поскольку даже некоторые императоры были помешаны на гонках колесницы, корпорации, организовывавшие скачки в Риме, владели

Декурион кавалерии I в. н. э. Тит Калидий Север гордо изобразил своего лучшего коня, доспехи, ножные латы и шлем на своем надгробном камне

большими коневодческими фермами по всей империи. У них были десятки тысяч служащих и еще больше коней, и они всегда могли купить лучших коней в обход военных.

XIX КАВАЛЕРИЙСКИЕ МАНЕВРЫ

Чтобы усовершенствовать свое умение, римские кавалеристы принимали участие в массовых упражнениях, или «учениях всадников» (*Тас. А. II, 55*). По законам, провозглашенным как Августом, так и Адрианом, все римские кавалерийские подразделения были обязаны выполнять марши и кавалерийские маневры три раза в месяц для совершенствования своих навыков. Марш должен был проходить на расстояние 20 миль (32 километра) в полном вооружении — на плоской почве, на неровной почве и в гористой местности. Кавалерийские маневры включали в себя преследование и отступление, за которыми следовал поворот на 180 градусов и контратака (*Vege. I*).

Кавалерийские алы зачастую целый день проводили маневры в присутствии наместника провинции и специально приглашенных гостей. Флавий Арриан (которого мы называем просто Аррианом), наместник Каппадокии при Адриане в 137 году, написал подробное описание этих «игр» кавалеристов (*Arr. ТН. 34–44*). Старшие и наиболее выдающиеся всадники носили позолоченные кованые бронзовые маски, повторявшие черты их лиц, с одними узкими прорезями для глаз, чтобы можно было видеть. Целью этих привлекавших внимание масок было, как говорит Арриан, привлечь к определенным всадникам внимание аудитории в ходе упражнений (*Arr. ТН. 34–44*).

Диплом отставки и дарования гражданства Гемелла Бреция, паннонского кавалериста из вспомогательного отряда, который служил в I Паннонской але: это подразделение было набрано в 97 г. н. э. императором Нервой

Римские кавалеристы-клибанарии в IV в., как и их лошади, носили тяжелые доспехи. Известно, что их шлемы даже полностью покрывали лица — они были своего рода предшественниками средневековых рыцарей

Воин римской тяжелой кавалерии поздней империи

По мнению Арриана, уверенное владение конем было очень полезным делом, и он тренировал своих всадников исполнять очень сложные маневры по разворачиванию войск. Однако самым важным навыком своих воинов он все-таки считал точное метание дротиков: «Я считал бы турму, которая лучше всего умеет метать копья, воистину подготовленной к военной службе», — писал он (Арр. ТН. 42).

XX КАВАЛЕРИЯ ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

К IV веку легкая кавалерия сохраняла черты первоначальной римской вспомогательной кавалерии, но при этом римская армия также копировала устройство кавалерии своих главных соперников — прежде

всего персов, — создавая подразделения конных лучников, а также тяжелой кавалерии, где и лошадь, и всадник носили оружие.

В тяжелой кавалерии катафракты и их кони носили железные кольчуги. *Клибанарии* носили тяжелые сегментированные доспехи с головы до ног, в том числе и железные маски на лице, прилаженные к шлемам и полностью покрывавшие лица. Это название пришло от греческого слова со значением «печка»: несомненно, имелось в виду то, как чувствовали себя люди внутри таких лат, которые предвосхитили доспехи рыцарей Средневековья.

Поздний римский историк Аммиан видел, как клибанарии входят в Рим в 357 году н. э. как часть эскорта императора Констанция: «Тот тут, то там видны были закованные в доспехи всадники, которых называют клибанариями: покрытые панцирями и опоясанные железными полосами, они казались изваянными рукой Праксителя статуями, а не живыми людьми. Тонкие железные колечки, скрепленные между собою, охватывали все части тела, приспособляясь к их изгибам, так что при каком угодно движении тела одеяние плотно облегало его части» (*Амм.* XVI, 10, 8).

XXI ВЕРБЛЮДЫ И БОЕВЫЕ СЛОНЫ

Римская армия могла вывести на поле боя много вспомогательных единиц верблюдов — *alae dromedarii*. Корбулон использовал колонну верблюдов для перевозки своего запаса зерна, когда он отправился выручать Пета и его войска, попавшие в ловушку в Армении в 62 году до н. э. Траян набрал II алу верблюдов для своей кампании 114–116 годов н. э. против парфян. К 135 году I ала верблюдов служила в Аравии, в то время как подразделение Траяна — I Ульпиева ала верблюдов, *miliaria* (или «тысячное» подразделение), — базировалось в Сирии (*Hold. DRA*). Документы показывают, что смешанная вспомогательная когорта, служившая в Египте в начале II века, включала в свой состав в дополнение к пехоте и всадникам множество наездников верблюдов.

Шестьдесят четыре тренированных боевых слона были захвачены Цезарем у царя Юбы в Тунисе в 46 году до н. э. Их перевезли в Италию и использовали для триумфов и зрелищ. Некоторые авторы предполагают, что *Ala Inidiana* в римской армии, которая служила в Ита-

лии, была алой слонов, поскольку словом «индийский» римляне называли как раз погонщиков слонов. На самом деле *Ala Indiana Gallorum* была обычным кавалерийским подразделением, которое набрали в Галлии в 21 году н. э., а ее название происходило от ее основателя — треверского аристократа Юлия Инды (*Hold. RAB. 2; App.*).

В I веке отряд слонов держали в Лавренте неподалеку от Рима для использования в зрелищах. Все они были самцами с бивнями; слони инстинктивно убегают от слонов-самцов. В 43 году лаврентский отряд был подготовлен Клавдием для вторжения в Британию, чтобы сражаться с бриттскими колесницами, но нет никаких данных о том, что они фактически пересекли Ла-Манш. Болотистая местность и многочисленные переправы через реки помешали бы их использованию в Британии.

В 193 году н. э. слонов привез в Рим из Лаврента император Дидий Юлиан, чтобы они приняли участие в обороне против легионов Септимия Севера, маршировавшего из Паннонии, чтобы предъявить претензии на трон. Но все это дело превратилось в такой фарс, что Дион и его товарищи-сенаторы не могли удержаться от смеха. «Слоны, которых обременяли башни, больше не хотели терпеть на своей спине погонщиков и сбрасывали их на землю», — писал Дион (*Dio. LXXIV, 16*). Сын и наследник Севера Каракалла, который царствовал между 211 и 217 годами н. э., сформировал отряд слонов для своей Парфянской кампании, в ходе которой император был убит в Месопотамии своими собственными войсками.

В IV веке н. э. персы использовали боевых слонов против римских войск на Востоке, но нет никаких данных о том, что римлянам когда-либо удавалось успешно использовать слонов в бою.

Столетиями — от Ганнибала до Шапура — римские воины сталкивались с боевыми слонами, но им самим никогда не удавалось успешно использовать их

XXII ЭВОКАТЫ

В случае срочной необходимости ушедших на пенсию легионеров можно было снова вызвать из дома, чтобы они служили под своими старыми знаменами — которые они, видимо, брали с собой в увольнение. Это ополчение, именовавшееся эвокатами, находилось под командованием наместника каждой провинции. Паулин использовал эвокатов, чтобы те помогли ему победить Боудикку в Британии в 60 году н. э. Нерон послал в 66 году эвокатов в Египет, чтобы те вторглись в Эфиопию; от этого дела пришлось отказаться из-за Иудейского восстания. Наместник Сирии Муциан отправился в 69 году н. э. в Италию, чтобы свергнуть императора Вителлия: в его армии было 13 тысяч эвокатов с Востока. Вителлий бросил в бой эвокатов из Британии и с Рейна, когда его армия противостояла Веспасиану.

Историк Тацит писал, что в 59 году н. э. большинство легионеров, освободившихся из армии, «разбрелись по провинциям, в которых закончили срок своей службы». Тацита огорчало, что «теперь выводились на поселение не легионы в полном составе, со своими центурионами и трибунами» для создания новых колоний, которые «составляли общину, живущую в добром согласии», в результате чего вышедшие на пенсию — это «скорее какое-то сборище, чем колония» — жаловался он (*Тас. А. XIV, 27*).

Эвокаты все еще существовали около 230 года во времена Кассия Диона, который писал, что «и теперь есть еще особая воинская часть, в которой все солдаты носят пучки прутьев, как центурионы». Он добавил: «Численность их я не могу указать в точности» (*Dio. LV, 24*).

XXIII ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОРЕЦ

Ставка римского главнокомандующего

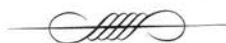
Резиденция римских императоров на Палатине называлась *Palatium*, и от него происходит сегодняшнее слово «дворец» (*palace*) в английском и других языках Европы. Август был первым императором, поселившимся на Палатинском холме, и его дворец стал первым. Многие члены семьи Цезаря также построили тут свои дома; все они были

связаны друг с другом. Как писал Иосиф Флавий: «Хотя эта постройка представляла собой единое целое, она была построена из нескольких частей теми, кто занимал императорский престол» (*Jos. JA. 19, I, 15*).

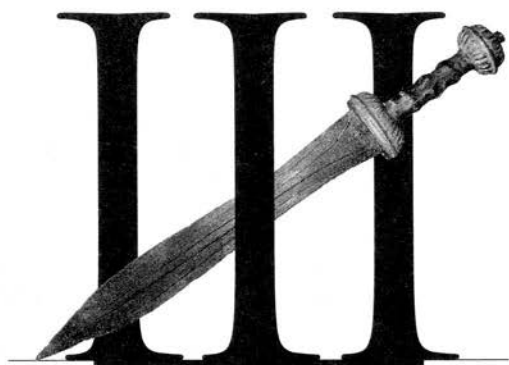
В I веке н. э. Тиберий, Калигула и Нерон — все построили на холме отдельные дворцы, хотя при этом Нерон создал свой шумевший Золотой дом под Палатином. Домициан существенно перестроил и расширил первоначальный дворец Августа, который стал известен как «старый дворец». Дворец Домициана даже включал в себя частный стадион для гонок колесниц. Разные члены императорского дома использовали дворцы на холме как частные апартаменты; Марку Аврелию, например, его приемный отец император Антонин Пий предложил старый дворец Тиберия.

Дворец был не только резиденцией императора, но и средоточием гражданской и военной администрации Римской империи — фактически Белым домом и Пентагоном «в одном флаконе». Огромный штат вольноотпущенников — клерков и секретарей — помогал организовывать военные и гражданские назначения, производившиеся императором. Главными сотрудниками дворцового штата в I веке были главный секретарь, секретарь по финансам, секретарь по прошениям и секретарь по переписке; этот «внешний» департамент дворца назывался Сардониковым — из сардоникса была сделана императорская печать, которой запечатывали исходящую почту.

С IV века, когда разные императоры начали переносить свою резиденцию в Милан и Равенну, дворец в Риме начал выходить из употребления. В 403 году н. э. поэт Клавдиан радовался, что юный император Гонорий решил прибыть в Рим и провести немного времени во дворце. Семь лет спустя и Рим, и его огромный дворец были разграблены визиготами.

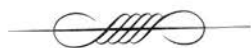

Ч А С Т Ь

С Р А Ж Е Н И Я

*Тогда вестник, стоящий
у правой руки полководца,
троекратно спрашивает
на родном языке:
все ли готово к бою?*

*Солдаты столько же раз громко
и радостно восклицают:
«Да, готово!»*

ИОСИФ ФЛАВИЙ
*о сборе легионов Веспасиана,
который он наблюдал лично.*

*(Иосиф Флавий.
Иудейская война. 3, 5, 4)*

Сокрушительные победы и опустошающие поражения. Судьба кампаний римских легионов определяла судьбу Римской империи. В I веке такие военные успехи, как вторжение в Британию и покорение Иерусалима, сильно пережевывали случайные и временные неудачи, такие как уничтожение легионов Вара Арминием в Тевтобургском лесу и Иудейское восстание. Точно так же Траян превратил военные бедствия правления Домициана в победу в Дакии во II веке. Однако после Траяна Римская империя навсегда заняла оборонительную позицию. Ее войны стали дольше, ее поражения — более частыми, победы давались ей с большим трудом. Истории сражений, которые вели легионы, представляют собой хронику взлета и падения имперского Рима.

29 год до н. э.

I

СКИФЫ РАЗБИТЫ НАГОЛОВУ

IV легион зарабатывает себе имя

В 30 году до н. э., когда Октавиан, единственный правитель римского мира после поражения в этом году Марка Антония и Клеопатры, распределял двадцать восемь легионов своей новой регулярной армии, он послал один из своих двух IV легионов в Македонию.

Следующей весной новый римский проконсул прибыл в Македонию, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей. Марк Лициний Красс, консул в 30 году до н. э. и внук триумвира Красса, погибшего, приведя свою армию к катастрофе при Каррах в 53 году до н. э., в течение гражданской войны поддерживал Антония. Назначение в Македонию было для него шансом доказать Октавиану свою преданность и способность. Он планировал достичь этой цели, проведя военную кампанию с участием недавно развернутых подчиненных ему подразделений, одним из которых был IV легион.

Отправившись из своей северной родины между рекой Вистулой и Карпатскими горами, бастарны под предводительством царя Делдона перешли через горы, пересекли Дунай и угрожали Фракии и Македонии. Как сообщает Дион Кассий: «Бастарны, которые точнее именуются скифами, в то время, перейдя через Истр, подчинили лежащую напротив них часть Мёзии» (*Dio. LI, 23*). Сначала римляне не реагировали, но когда бастарны «вторглись в часть Фракии, принадлежащую дентелетам, которые заключили договор с римлянами, тогда Красс, от-

части чтобы защитить Сита, слепого царя денделетов, но в основном из страха перед Македонией, вышел навстречу им» (*Dio. LI, 23*).

Бастарны, которых римские авторы иногда называли певкинами, «речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев», согласно Тациту. Живут они в неопрятности, говорит Тацит. Знать предаются праздности. Что касается народа, то из-за смешанных браков «их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов» — типичные для скифов косые глаза (*Tac. Germ. 46*). Чтобы встретить захватчиков, Красс возглавил армию, почти наверняка состоявшую из IV и V легионов. Возможно, в нее входил также X легион Пролива; еще один бывший легион Антония, он был размещен в Македонии через некоторое время после конца гражданской войны, но когда именно он прибыл в провинцию, неизвестно.

Когда хорошо вымуштрованные легионы Красса подступили к бастарнам в полном боевом порядке, захватчики в панике отступили из Фракии. Красс последовал за ними в Мёзию. Там, в то время как его авангард брал штурмом крепость, местные мёзийские воины напали на осаждающих, вынудив их отступить. Но когда подошел Красс с основной частью армии, «он отбросил врага назад и осадил и разрушил крепость» (*Dio. LI, 23*).

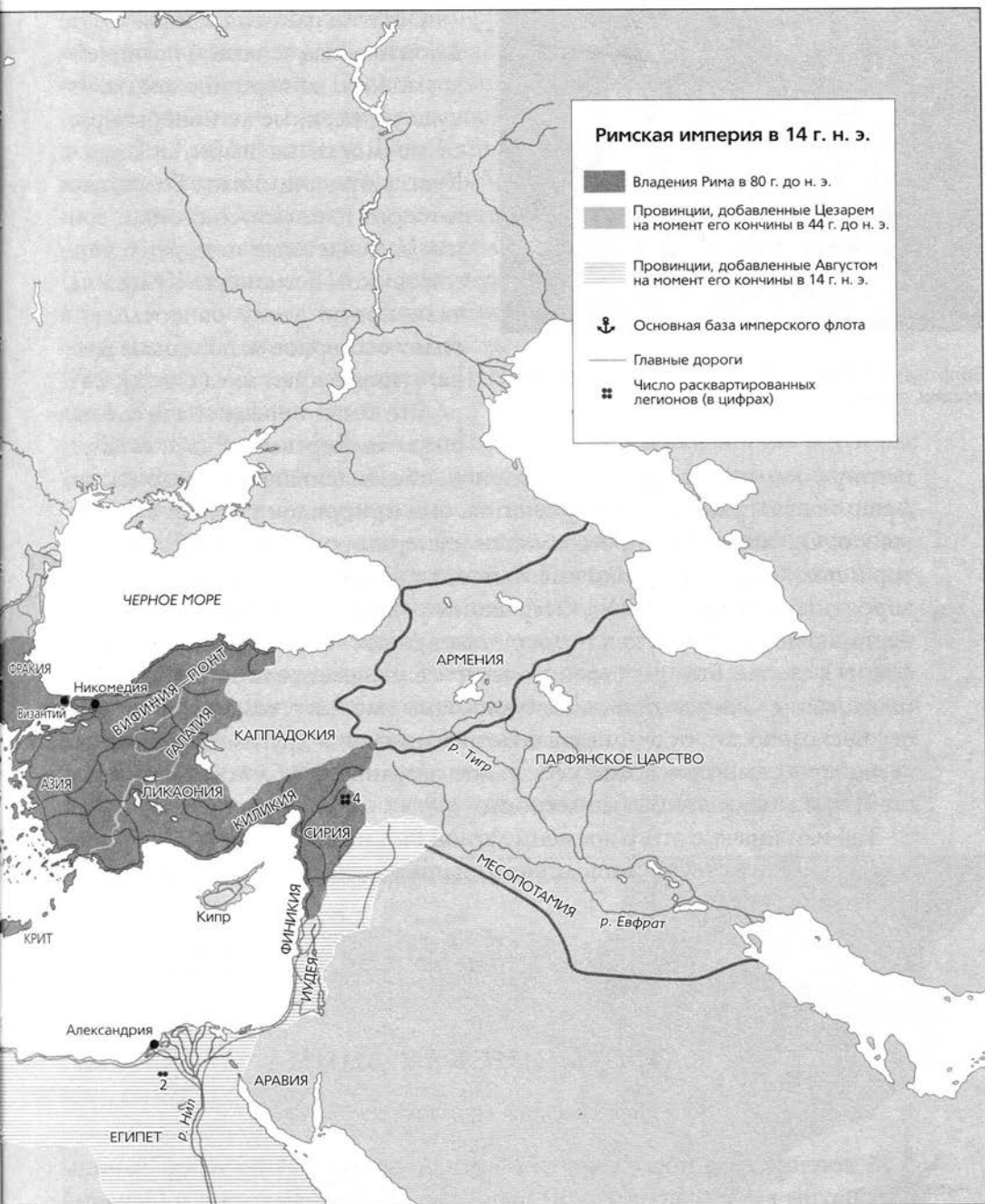
Бастарны тем временем перегруппировались у реки Цедр (Цибрица), и, «покорив мезийцев, Красс теперь направился и против них» (*Dio. LI, 24*). Посланники бастарнов пришли к Крассу, который потчевал скифов вином и напоил их, «так что выведал все их планы. Ведь весь род скифов жаден до вина и быстро от него пьянеет», согласно Диону (*Dio. LI, 24*). Вооруженный этими сведениями, римский полководец перебросил войско к расположившимся лагерем бастарнам и ночью тихо занял позиции в лесу, в то же время выслал вперед разведчиков.

«После того как бастарны, думая, что те [разведчики] одни, напали на них и преследовали их, пока те отступали в гущу леса, [Красс] истребил многих на месте, и еще больше, когда они побежали». Бастарнам мешали повозки в их тылу, и они беспокоились о безопасности своих жен и детей в этих повозках. В хаосе сражения Красс лично убил Делдона, царя бастарнов (*Dio. LI, 24*).

Некоторые из оставшихся бастарнов скрылись в роще. Легионеры Красса окружили и подожгли ее, так что скифы сгорели заживо. Другие выжившие отступили к крепости на берегу Дуная, которую войска Красса быстро взяли. Многие из бастарнов, находившихся в крепости, совершили самоубийство, прыгнув в Дунай, оставшиеся были взяты в плен, чтобы стать рабами или умереть, сражаясь на римской арене.

Часть третья
СРАЖЕНИЯ

Золотые фигурки скифских воинов, вооруженных луками, типичным для них оружием

Остатки племени заняли то, что Дион называл «сильной позицией», возможно, на вершине холма, откуда утомленные легионеры Красса не могли их выбить. Тогда к Крассу присоединился Ролес, царь гетского племени со своими воинами. Усиленные подкреплением союзников, легионеры Красса начали новую атаку на последний оплот бастарнов и, по словам Диона, «уничтожили их» (*Dio. LI, 24*).

Это была первая значительная битва имперского Рима, и за успешную кампанию против бастарнов, обезопасившую македонскую/фракийскую границу, Крассу сенатом был присужден триумф, в то время как Октавиан был провозглашен императором. Поскольку император и полководец получили высочайшие почести, представляется весьма вероятным, что IV легион, сыгравший решающую роль в победе над бастарнами (которые, как подчеркивает Дион, «точнее именуются скифами»), также был удостоен почестей в ознаменование победы. Наименование Скифский или было даровано ему Августом, который, спустя несколько лет, будет давать почетные названия другим легионам, или легионеры сами присвоили себе такое название без благословения властей, как делали это бывшие легионы.

Так или иначе, с этого времени легион был известен как IV Скифский, о чем свидетельствуют дошедшие до наших дней надписи и монеты.

29—25 годы до н. э.

II КАНТАБРИЙСКАЯ ВОЙНА

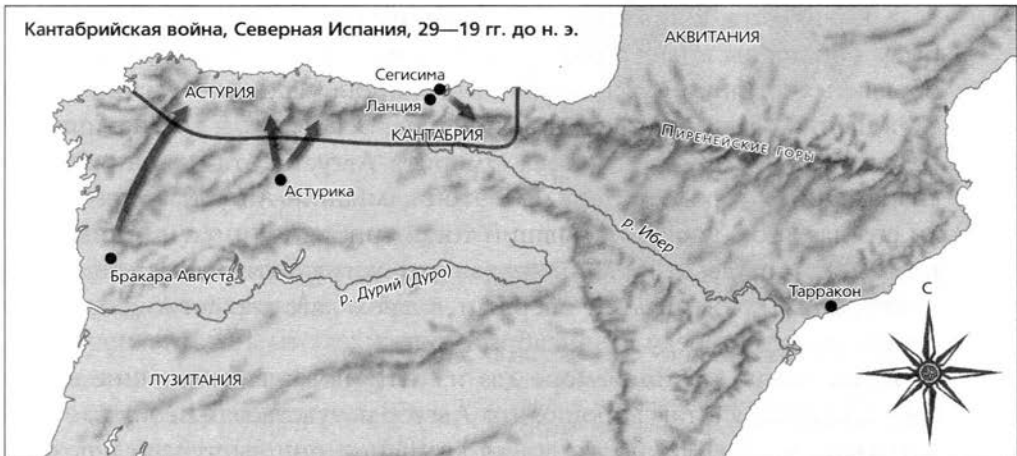
Северная Испания закреплена за Римом

В течение года после смерти Марка Антония и египетской царицы Клеопатры в Александрии в 30 году до н. э. Октавиан создал в Испании римскую армию, включающую восемь легионов, для войны, которая будет тянуться целое десятилетие.

К этому времени на Иберийском полуострове непокоренными остались только свирепые племена, населяющие Кантабрийские горы в Северной Испании. План Октавиана — выгнать эти племена из их горных жилищ — был трудноосуществимым. Под командой его полководцев Гая Антистия и Тита Каризия легионеры и вспомогательные войска, участвовавшие в Кантабрийской кампании, создали три базы: на востоке в Сегизиме (современный Сантандер); в Астурике (Астурия) — эта база покрывала Центральный регион; и в Бракаре Аугусте (Галисия), на западе. По данным нумизматики можно установить, что в то или иное время в течение войны в Испании служили следующие легионы: I, II (впоследствии II Августов), IV Македонский, V легион Жаворонков, VI (впоследствии VI Победоносный легион), IX Испанский, X Сдвоенный легион и XX.

Весной 29 года до Р. Х. легионы продвинулись в Кантабрийские горы. Следующие четыре лета были заняты дорогостоящими попытками выбить уступавшие им в численности испанские племена из их горных убежищ. Эти кампании шли «с большим колебанием военного счастья», говорит Веллей Патеркул, служивший офицером в римской армии позже, во время правления Октавиана Августа (*Velle. II, XC*).

В 25 году до Р. Х. 37-летний император прибыл в Испанию с большой частью преторианской гвардии, чтобы принять личную ответственность за разочаровывавшую войну. Двумя годами раньше сенат даровал Октавиану титул Августа, «почитаемого», и с тех пор император был известен под этим именем. С армией, усиленной преторианцами, Август начал новую кампанию против астуров и кантабров.

«Но эти народы не хотели ни подчиниться ему — так как были самонадеянными из-за своих крепостей, — ни вступить в рукопашную из-за своей малочисленности», согласно Диону. Поскольку их основным оружием были дротики, говорит Дион, воины этих племен наиболее эффективно сражались на расстоянии, стреляя и тут же убегая (*Dio. LIII, 25*). Только когда легионы вынудили испанцев к ближнему бою, мечи легионеров принесли им успех.

Весна сменилась летом, а быстрая победа, которой ожидал Август, так и не была одержана. У варваров были мудрые вожди: они всегда старались занять возвышенности и, когда появился Август со своими легионами, постоянно «устраивали на него засады в долинах и лесах» (*Dio. LIII, 25*). Дион говорит, что болезненный Август был очень огорчен отсутствием успеха и, заболев от «перенапряжения и беспокойства», он оставил кампанию и retirовался в Тарракон, столицу Ближней Испании, где и пребывал в плохом здоровье, в то время как его генералы продолжали войну (*Dio. LIII, 25*).

Гаю Антистию удалось победить испанцев не потому, что он был лучшим полководцем, чем Август, а потому, что местные племена «презирали его» (*Dio. LIII, 25*). Ставшие слишком самонадеянными от новостей о том, что римский император покинул драку, и полагая, что отделаться от Антистия будет еще легче, кантабры совершили ошибку, встретив римлян в организованном сражении, которое они проиграли. Вскоре после этого легионам под предводительством другого полководца Августа, Тита Каризия, удалось взять Ланцию, главную горную крепость астуриков, после того, как астуры оставили ее, и они «также завоевали и многое другое» (*Dio. LIII, 25*).

К концу лета, когда тысячи кантабрийских и астурийских пленных были обращены в рабство, а вожди племен просили мира, Август мог объявить Кантабрийскую войну выигранной. Он демобилизовал долго служивших преторианцев и легионеров, основав для них колонию в Лузитании, которую он назвал Эмерита Августа; эта колония станет современным городом Мериды. В этой кампании Августа сопровождали его пасынок Тиберий, бывший тогда трибуном, и племянник Марцелл. Возвращаясь в Рим, он оставил их устраивать выступления гладиаторов и сражения со зверями в трех лагерях легионов, чтобы отпраздновать победу в Кантабрии.

Ясно, что по крайней мере два из легионов, участвовавшие в этой войне, сражались так хорошо, что Август почувствовал необходимость наградить их. Возможно, во время кампании они выступали в поход с

самим императором. Эти два легиона, I и II, получили новое почетное имя самого императора и стали I и II Августовыми легионами.

Звание Августовых при Октавиане получили и два других легиона, III Августов и VIII Августов. Нет свидетельств о том, что хотя бы один из них служил в Испании, во время Кантабрийской войны или когда-либо еще. III Августов легион базировался в Северной Африке, и вероятно, что свой титул «Августов» он заработал там в кампании 19 года до Р. Х. Расположение VIII Августова легиона в этот период неясно.

Однако война в Испании еще не закончилась. Август только что покинул Испанию, как Луций Эмилий, оставленный им наместник, принял послов от кантабров и астуриков, говоривших, что их племена хотят преподнести его армии зерно и другие вещи, и просивших его послать большое количество людей, чтобы принести назад дары. Эмилий, ничего не подозревая, послал «значительное количество солдат» в горы. Этих солдат испанцы окружили и взяли в плен. Уведенные в различные места в горах, пленные легионеры были все в конечном счете казнены.

В ответ Эмилий объявил тотальную войну кантабрам и астурикам. В результате «их страна была опустошена», говорит Дион. Многие укрепления были сожжены, и каждому захваченному испанскому воину отрубали руки. «Они были быстро покорены» (Dio.

Сначала Август сам возглавил наступление в Кантабрийских горах, но жестокое сопротивление неприятеля и плохое состояние здоровья заставили его передать командование своим полководцам

LXIII, 29). Теперь война закончилась. Когда Август вернулся в Рим, в знак того, что империя вернулась к мирной жизни, он закрыл ворота древней арки Януса, что стояла на Форуме.

Римский мир был умиротворен — но не надолго.

22 год до н. э.

III РИМ ВТОРГАЕТСЯ В ЭФИОПИЮ

Проникновение в Африку

Кандака, правитель африканского царства Куш, на территории, которую римляне называли Эфиопией, но которая сейчас известна как Судан, видимо, услышал о том, что римский император Август ведет войну в далекой Испании. Приблизительно за 650 лет до того цари Куша правили Египтом, а их столица, Напата, была религиозным центром египетского мира. Амбициозный Кандака, думая, что римские правители Египта будут отвлечены войной в Испании, и зная, что двумя годами раньше базировавшиеся в Египте римские легионы потеряли много человек из-за солнечных ударов во время катастрофической экспедиции в Аравию, повел кушитскую армию вдоль Нила и вступил в Египет.

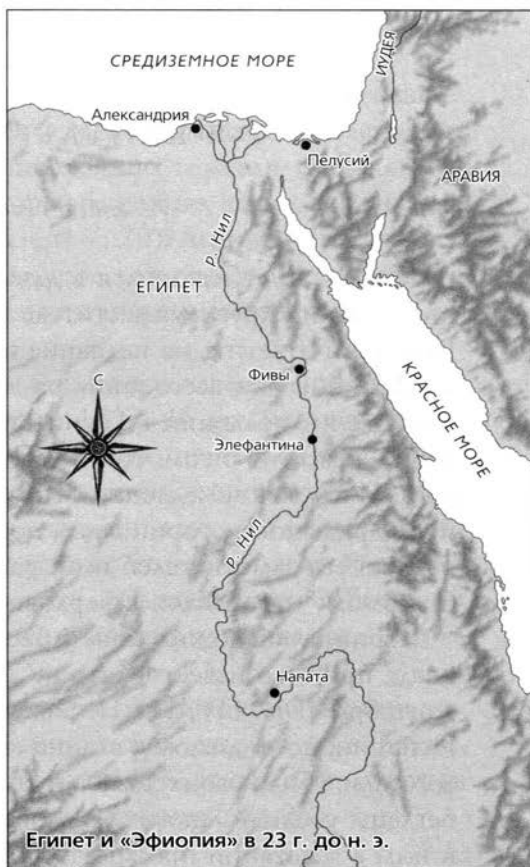
«Опустошая все, что встречалось на пути», кушитская армия продвинулась к самому южному из египетских городов, Элефантине, месту древней крепости на острове среди Нила (*Dio. LIV, 5*). Новости об этом вторжении достигли находившегося в Александрии префекта Египта Публия Петрония (*Pl. El. NH. VI, 181*. Дион Кассий, писавший спустя два столетия, называет префекта *Гаем* Петронием: *Dio. LIV, 5*). В то время в Египте располагались три легиона: III Киренаикский легион, XII Молниеносный и XXII Дейотаров легион. Всех их возглавляли их старшие трибуны, поскольку закон Августа требовал, чтобы ни один из членов сенатского сословия не прибывал в Египет и тем более не принимал там командование. Петроний быстро собрал войско из легионов и вспомогательных частей, находившихся в провинции, и отправился походом на юг, чтобы дать отпор Кандаке. «Надеясь, что их бегство окажется удачным», кушиты быстро отступили, как только римская армия приблизилась к Элефантине (*Dio. LIV, 5*). Войска Пе-

трония настигли захватчиков по дороге на юг и разбили наголову силы кушитов. Сам Кандака спасся с частью своего войска и бежал в свою столицу. Петроний, увидев в этом возможность прославиться еще больше, повел свое войско за бежавшим врагом и двигался дальше и дальше вниз по Нилу. Беря приступом один кушитский город за другим, Петроний оставил в одном из них римский гарнизон и поспешил к прославленной Напате.

Этому городу, построенному на холме под названием Баркол, было тогда 700 лет. Древние египтяне считали Баркол домом их бога Амона. У подножия холма стояло несколько египетских храмов. Римское войско взяло приступом стену города и легко овладело Напатай. Тогда Петроний приказал разрушить город, и здания Напаты, включая прекрасные храмы, сровняли с землей.

Оставив в разрушенном городе гарнизон, Петроний продолжил поход, направляясь на юг в пустыню. Вскоре его войска, одетые в доспехи и шлемы, стали страдать от нехватки воды и солнечных ударов. «Обнаружив, что дальше продвигаться невозможно из-за песка и жары», римский военачальник наконец повернул свое войско назад (*Dio. LIV, 5*).

Кандака тем временем вновь переформировал свое войско и атаковал гарнизоны Петрония; армии Петрония пришлось вернуться, чтобы спасти их. Петроний «вынудил Кандаку прийти с ним к соглашению», прежде чем отвести в Египет войска и обоз, нагруженный добычей. Его легионы вернулись на свои базы. Это был один из немногих случаев в истории Рима, когда римская армия проникла в Африку к югу от Египта.

Египет и «Эфиопия» в 23 г. до н. э.

19 год до н. э.

IV

2-Я КАНТАБРИЙСКАЯ ВОЙНА

Измена и бесчестье в Испании

Когда Август находился в длительной поездке на Востоке, его давний близкий друг и заместитель Марк Агриппа был послан управлять Галлией и ответить на недавние набеги германских племен из-за Рейна. Агриппа был всего лишь на год старше Августа. Они были вместе в школе в Аполлонии в Греции в марте 44 года до н. э., когда до них дошли известия о том, что его двоюродный дед Юлий Цезарь был убит в Риме. Друзья немедленно отправились в Италию, заключив уникальный в римской истории союз, поскольку Агриппа был самым преданным из его заместителей и ни разу не проявлял интереса к тому, чтобы самому стремиться к верховной власти.

Агриппа «положил конец беспорядкам» в галльских провинциях, когда прибыло известие, что в Северной Испании подняли восстание кантабры (*Dio. LIV, 11*). Несколько кантабров, проданных в рабство в Испании, по-видимому, втайне составили план мятежа. Внезапно они восстали, убили своих хозяев и бежали на родину. У себя дома, в горах, беглецы убедили многих из своих соотечественников присоединиться к ним в восстании против Рима. Повстанцы быстро заняли несколько горных городов, обнесли их стенами и бросили вызов римской армии, чтобы она попыталась выбить их с позиций.

Поспешно отправившись через Пиренеи из Галлии, Марк Агриппа взял на себя командование операцией против бунтовщиков. Но вскоре он столкнулся с трудностями среди своих собственных людей. «Немалое их число были слишком стары и изнурены непрерывными войнами», — говорит Дион. Многие из войска Агриппы отказывались подчиниться приказу идти в горы, ожидая засады и «боясь кантабров как людей, которых трудно покорить» (*Dio. LIV, 11*). Отчасти наказаниями, отчасти уговорами, полководец смог добиться подчинения от своих легионеров, и операция продолжилась.

Кампания этого года оказалась тяжелой, в течение ее Агриппа «испытал много превратностей» (*Dio. LIV, 11*). Когда кантабры жили среди римлян как рабы, они близко узнали римские обычаи. Будучи однажды обращены в рабство за противостояние Риму, они не сомневались, что,

если они попадут в плен, второй раз их не пощадят. Это сделало вождей восставших бесстрашными, даже безрассудными.

К концу года Агриппа нанес поражение мятежникам, но значительной ценой, «потеряв многих солдат». Некоторые подразделения он понизил в звании, «поскольку они постоянно терпели поражения» (*Dio.* LIV, 11). Легионы даже потеряли в сражениях несколько знамен, что было большим бесчестьем (*Res Gest.* V, 29). Агриппа был так недоволен тем, как сражался весь I Августов легион, что он лишил его звания Августова, столь недавно пожалованного императором (*Dio.* LIV, 11).

В конце концов Агриппа обратил в плен все племя кантабров. Он казнил почти всех мужчин в возрасте от 17 до 46 лет, разоружил тех, кто остался в живых, и путем насильственного переселения заставил каждого оставшегося члена племени спуститься с гор и поселил их на равнинах. Но Агриппа был так разочарован плохими боевыми качествами части своих войск и ценой успеха, что он не отправил официального послания к римскому сенату, объявляющего о большой победе. И когда сенат присудил ему триумф за эту кампанию, он отказался от него.

Три года спустя среди покоренных народов Северной Испании начались беспорядки, которые были быстро подавлены, но ко времени, когда сам Август вновь посетил Испанию в 14 году до н. э., полуостров был замирен. На следующий год император вернулся в Рим.

16 год до н. э.

V

V ЛЕГИОН ЖАВОРОНКОВ ТЕРЯЕТ СВОЕГО ОРАА

Бесчестье в Галлии

Проведя десять лет в Северной Испании, как один из легионов, участвовавших в Кантабрийской войне в 19 году до н. э., после окончания этой войны V легион Жаворонков был переведен на нижний Рейн, чтобы противостоять жившим по другую сторону реки германцам. Там, три года спустя, этот легион подвергся одному из тягчайших унижений, возможных для римского легиона.

К востоку от Рейна германское племя тенктеров и их соседи, узипеты и сугамбры, захватили путешествовавших по их землям римлян и распяли их. Поняв, что Рим пошлет карательную экспедицию, племена решили нанести упреждающий удар, устроив набег через Рейн на германские и галльские провинции Рима. В результате галлы «много пострадали от рук германцев» (*Dio. LIV, 21*).

Марк Лоллий, римский наместник Нижней Германии, немедленно послал римскую конницу, чтобы остановить германцев, затем отправился из своей штаб-квартиры в Кельне, чтобы встретить мародеров с V легионом Жаворонков. Марк, консул 21 года до н. э., был наставником Гая Цезаря, внука Августа, и был близок к императору. Обладая превосходной военной репутацией после покорения племени бессов во Фракии и Мёзии, он уверенно двинулся навстречу германским захватчикам, не дожидаясь, чтобы собрать больше сил.

Даже столетие спустя, в дни Тацита, тенктеры, возглавившие вторжение, имели пугающую репутацию. «Наделенные всеми подобающими доблестным воинам качествами, тенктеры к тому же искусные и лихие наездники», — писал Тацит (*Tac. Germ. 32*). Дети тенктеров росли верхом на коне, а после смерти члена племени его лошади переходили его сыну; не обязательно старшему сыну, говорит Тацит, но тому из них, «кто выказал себя в битвах наиболее отважным и ловким» (*Tac. Germ. 32*).

Германцы устроили засаду против вспомогательной конницы, посланной навстречу им Лоллием, и разбили ее наголову. Выжившие всадники бежали к приближающейся колонне Лоллия, направив преследовавших их германцев прямо на римскую пехоту. Застигнутый в походе, V легион Жаворонков пытался отбиться от германцев, которые нацелились на золотого орла — знамя легиона. Орел был отбит у его защитников, и, так как I когорта понесла сильный ущерб, легион был вынужден отойти.

Лоллий отступил и стал собирать гораздо большие силы из других легионов армии на нижнем Рейне. Август тем временем был в Галлии по гражданским делам. Услышав о поражении Лоллия, он поспешил к Рейну со значительными силами, включавшими когорты преторианской гвардии. Услышав, что две крупные римские армии идут против них, три германских племени отошли назад за Рейн, взяв с собой добычу этой кампании. Их посланники скоро вступили в переговоры с Августом, как только он прибыл к Рейну, и заключили с ним мирный договор, предоставив заложников.

По мнению позднего римского биографа Светония, поражение Лоллия «принесло больше позора, чем урона» (*Suet.* II, 23). Тем не менее репутация Лоллия была разрушена «позорной» потерей священного легионного орла (*Suet.* II, 23). Из-за этого позора другие римские авторы нападали на него. «Этот человек, ставивший наживу выше правильного ведения дел, — писал Веллей Патеркул, офицер, служивший при Тиберии, — был порочен во всем» (*Velle.* II, XCVII). Одной из этих привычек, согласно Светонию, было распространение клеветы на Тиберия (*Suet.* III, 12).

Поскольку его официальной карьере пришел конец из-за этой битвы, Лоллий провел остаток жизни в качестве советника своего покровителя, Гая Цезаря. Что до V легиона Жаворонков, то он так и не смог стряхнуть с себя позор потери орла, бывшей по меньшей мере «бедствием», согласно историку Тациту (*Tac.* A. I, 10).

Это поражение к западу от Рейна было для Августа предупреждением, которое не прошло для него даром. Граница на Рейне была слишком непрочной, а германцы слишком многочисленными. Если позволить германцам думать, что они могут безнаказанно подражать тенктерам и их товарищам по набегам, северо-западная граница Рима скоро будет кишеть германскими захватчиками. Были изданы приказы перевести многие легионы на Рейн, чтобы создать сильный оплот против дальнейших набегов.

15 год до н. э.

VI ЗАВОЕВАНИЕ РЕЦИИ

Друз и Тиберий объединяют усилия

Реция, расположенная между Галлией и Нориком, приблизительно соответствует современной Швейцарии. Жившие в Альпах реты «совершали набеги на значительную часть соседней территории Галлии и уносили добычу даже из Италии» (*Dio.* LIV, 22). Они беспокоили даже своих союзников, включая винделиков Северной Италии, и путешествовавших через их земли римлян, убивая мужчин и беря в плен женщин и даже убивая младенцев в утробе, если они посредством гадания устанавливали, что нерожденные дети были мужского пола. Такого по-

ведения «можно было ожидать от народов, не принимавших мира», говорил Дион (*Dio. LIV, 22*).

Поэтому в 15 году до н. э. Август дал Тиберию и Друзу поручение привести ретов к покорности. Братья сильно различались характером. Если Тиберий был осторожным командиром, позволявшим другим сражаться в первых рядах, Друз принимал участие в сражениях вместе со своими войсками, «с великой опасностью гоняясь за германскими вождями сквозь гущу боя» (*Suet. V, 1*).

Реты и винделики — «многочисленные народы, защищенные непроходимой местностью и жестокие до свирепости», согласно Веллею (*Velle. II, XCV*). Характерно, что 23-летний Друз первым вступил с ними в бой, возглавив подразделение, разгромившее отряд ретов около Тридента (современный Трент). Реты отступили из Италии, но продолжали набегать на Галлию, так что Август послал обоих своих пасынков против них

в Рецию одновременно с разных направлений.

Оба римских полководца разделили свои армии на несколько колонн, вторгшихся в Рецию различными путями. 27-летний Тиберий, который еще подростком повидал службу в Кантабрийской войне в Испании, использовал корабли, чтобы пересечь озеро Гарда, недалеко от озера Комо, и застать ретов врасплох (*Dio. LIV, 22*). В широко-масштабных операциях в Реции приняли участие целых двенадцать легионов с 60 тысячами legionеров. Нумизматические данные говорят о том, что среди участвовавших в операции легионов были XIII Сдвоенный, XVI Галльский и XXI Стремительный, а также, возможно, XVII, XVIII и XIX легионы. Подразделения, базировавшиеся в то время в Илирике, XI, XV Аполлонов и XX, также, скорее всего, приняли участие.

Друз Цезарь, брат Тиберия и отец Германика и Клавдия. Умер в результате падения с лошади во время кампании в Германии

Любопытно, хотя это и может быть совпадением, что правило, упоминаемое доктором Лоренсом Кеппи, согласно которому легионы с номерами XI и выше традиционно посылались в эту часть римского мира во время поздней республики, как, кажется, применимо к распоряжениям Августа в этот период (*Керр. МРА. 2*). Более того, ни один легион с номером больше X не использовался Августом в недавно завершённой Кантабрийской войне в Испании, что является дальнейшим подтверждением правила Кеппи, по которому в эпоху поздней республики в Испании использовались только легионы с номером X (см. ниже).

Реты, несмотря на свою многочисленность, были вынуждены разделить свои силы, чтобы отражать вторгшихся с разных сторон римлян, и, разделенные, они были покорены. Туземцы были «с легкостью сокрушены», говорит Дион (*Dio. LIV, 22*). Римские силы также нанесли поражение союзникам ретов, винделикам. Все это было совершено, говорит Веллей, после того, как легионы взяли приступом многие города и крепости и бились в нескольких ожесточенных сражениях в открытом поле. В то время как противникам пришлось пролить много крови, римляне сражались «скорее с опасностями, чем с потерями для римского войска» (*Velle. II, XCV*).

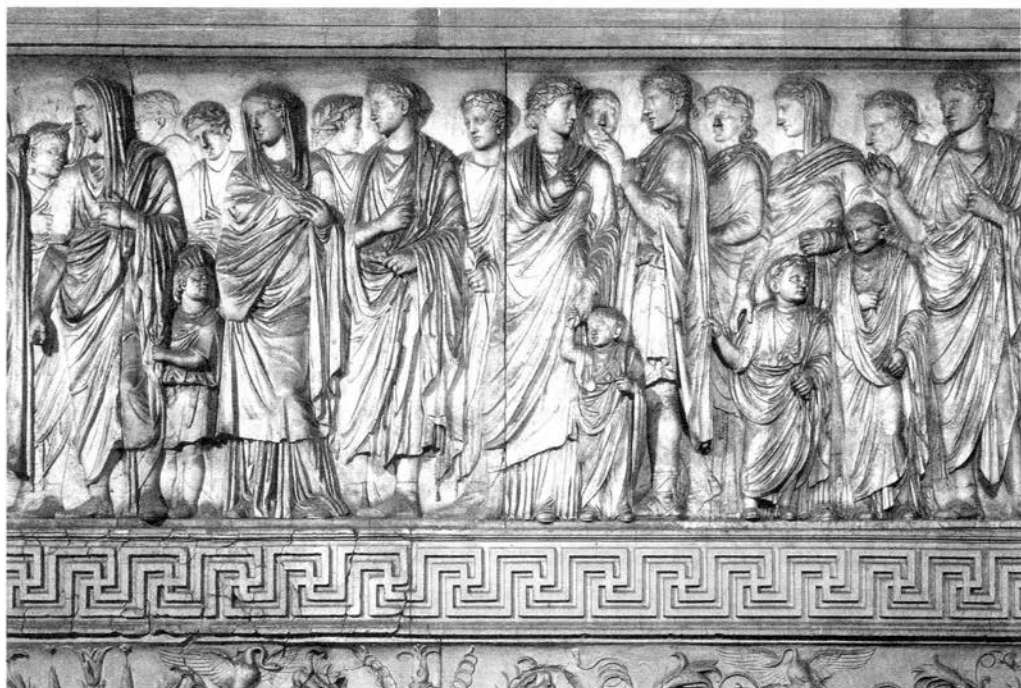
Многие тысячи ретов были взяты в плен. Поскольку население Ретии было многочисленно, сильнейшие пленники-мужчины были депортированы. Тех, что остались, было достаточно, чтобы населить страну, но «слишком мало, чтобы начать восстание», говорит Дион (*Dio. LIV, 22*). За один сезон Тиберий и Друз нанесли поражение двум племенам и распространили римскую власть на Альпы.

9 год до н. э.

VII У АЛТАРЯ МИРА

Посвящение и похороны

Август писал: «Когда из Испании и Галлии, деяния в этих провинциях счастливо совершив, в Рим я вернулся, когда консулами были Тиберий Нерон, Публий Квинтилий, алтарь Августова Мира (*Rex Augusta*) по поводу моего возвращения посвятить сенат определил». Это было в 14 году до н. э. (*Res Gest. II, 12*).

На мраморных панелях Алтаря мира изображена вся римская императорская семья в 9 г. до н. э., включая полководца Друза Цезаря

На то, чтобы создать *Ara Pacis Augustae*, Алтарь Августова мира, ушло пять лет. Он был официаль-

но посвящен в Риме на Марсовом поле 30 января 9 года до н. э. На мраморных панелях алтаря изображено, как вся императорская семья присутствует на церемонии. Два месяца спустя, после очистительных церемоний, предшествовавших сезону военных кампаний, Друз и Тиберий выехали, чтобы начать свои новейшие военные предприятия. Для Тиберия это будет краткая кампания в Паннонии. 29-летний Друз, один из консулов этого года, был более честолюбив: он повел пятнадцать легионов в глубь Германии. Столкнувшись с хаттами и свебами и «нанеся поражение атаковавшим его силам лишь после значительного кровопролития», Друз провел свои легионы маршем через земли племени херусков, пересек реку Везер и дошел до Эльбы, «грабя все на своем пути» (*Dio. LV, 1*).

В разгар лета армия Друза отходила к Рейну, когда молодой полководец упал с лошади. Вероятно, Друз перенес перелом конечности, после чего началась гангрена. В то время как его армия приближалась к Рейну, Друз стал слишком болен, чтобы его можно было перевозить с

места на место. Новости о его ухудшающемся состоянии достигли Тиберия в Северной Италии, и он доехал до Рейна, пересек его и после пути в 400 миль (640 километров) нашел, что армия все еще в Германии, а его брат при смерти. Через тридцать дней после того, как Друз упал с лошади, он умер на руках Тиберия.

Тиберий шел перед погребальной процессией своего брата весь путь до Рима. Трибуны и центурионы легиона несли похоронные носилки вплоть до Рейна, затем их несли по очереди главные лица каждого города, через который проходила процессия. В Риме тело Друза было выставлено на Форуме. Тиберий произнес там одну надгробную речь, Август произнес другую в Фламиниевом цирке (*Suet.* III, 1).

Тело затем было перенесено на Марсово поле. Там, в виду Алтаря мира, на посвящении которого Друз присутствовал лишь несколько месяцев назад, тело пользовавшегося народной любовью юного римского наследника престола было сожжено. Его останки были помещены в собственный круглый мавзолей Августа. Пройдет еще двадцать два года до того, как Август присоединится к нему.

6—9 годы н. э.

VIII ПАННОНСКАЯ ВОЙНА

Четыре испытательных года

Летом 6 года н. э. римские провинции Паннонии и Далмации утопали в крови.

Подчинение Балкан Риму было завершено Августом в 14 году до н. э., с аннексией Римом регионов Паннонии и Далмации. Эти новые провинции покрывали части современных Австрии, Венгрии, Словении, Боснии, Хорватии и Сербии. В 5 году н. э. пасынок Августа Тиберий отвел войска, располагавшиеся тогда в Далмации и Паннонии, и набрал далматские вспомогательные части, которые присоединились к нему на Дунае для Германской кампании. В прошлом несколько раз в Паннонии происходили восстания, поскольку многие местные вожди никогда полностью не признавали римского владычества. Вывод войск привел к сильному сокращению римского военного присутствия. В их отсутствие в Паннонии и Далмации разгорелся мятеж под пред-

водительством двух не связанных друг с другом родством вождей, каждый из которых носил имя Батон, и третьего местного командира, Пиннета.

Веллей Патеркул, служивший командиром на этой войне, писал, что восстание начали на севере паннонцы, вовлекшие в конфликт далматов как союзников. Веллей полагал, что численность местных жителей обеих провинций насчитывала 800 тысяч человек и что из них вожди восстания вооружили 200 тысяч пехотинцев и 9 тысяч всадников. На севере племя бревков избрало своего Батона главным военачальником паннонцев; его войско намеревалось идти маршем в Италию. Пиннет повел второе войско паннонцев на восток в римскую провинцию Македонию и начал ее разграблять (*Velle. HR. II, CX, 1–6*).

На юге Батон из десидиатов сначала возглавлял небольшой отряд восставших, нанеший первый удар со стороны далматов тем летом: «Римские граждане были уничтожены, торговцы перебиты; в области, наиболее отдаленной от полководца, было истреблено большое количество знаменосцев». Этот успех поощрил многих далматов присоединиться к восстанию. В общей военной стратегии восставших войску далматов отводилась роль защиты их собственных земель, в то время как паннонцы перенесли войну с Римом на другие территории (*Velle. HR. II, CX, 1–6*).

Дион Кассий, писавший два столетия спустя, говорил, что наместник Далмации, Марк Валерий Мессалин, отправился на Рейн для участия в последней Германской кампании Тиберия (*Dio. LV, 29*). Но Веллей Патеркул, участвовавший в этой войне, писал, что Мессалин остался в Далмации и, когда разразился мятеж, «с двенадцатым легионом половинного состава» (половина его когорт служила с Тиберием в Германии), «будучи окружен неприятельским войском, рассеял и обратил в бегство более двадцати тысяч врагов, за что был почтен знаками отличия триумфатора» Августом (*Velle. II, CXII, 1*).

Паннонские мятежники осадили Сирмий, в настоящее время Сремску Митровицу, недалеко от современного Белграда, стратегически расположенный город, контролировавший долину Савы. Согласно Диону — эта история не подтверждается Веллеем, — Цецина Север, правитель соседней провинции Мёзии, быстро отправился маршем на запад с римскими войсками, встретил бревка Батона и его войска вблизи Дравы и нанес им поражение в ожесточенном сражении, сам понеся тяжелые потери. Затем вести о набегах даков и сарматов на Мёзию заставили Севера отойти, чтобы бороться с этой угрозой (*Dio.*

LV, 29). На юге, как пишет Дион, далматский Батон атаковал Салону, недалеко от Сплита на адриатическом побережье. Салона отразила нападение, а сам Батон был ранен в голову камнем, выпущенным из пращи, но его войска опустошили другие римские поселения по всему побережью вплоть до Аполлонии в Греции (*Dio.* LV, 29).

Когда большая часть адриатического побережья напротив Италии оказалась в руках мятежников, в Риме начались волнения. «Вызванный этой войной страх был настолько велик, — говорит Веллей, бывший в то время в Риме, — что поколебался и ужаснулся даже стойкий, укрепленный опытом стольких войн дух Цезаря Августа». Речь идет о страхе вторжения в Италию (*Velle.* II, CX, 6). Август, сказав сенату, что «через десять дней, если не быть настороже, враг может оказаться на виду у города», немедленно приказал Тиберию свернуть Германскую кампанию и идти маршем на Балканы с пятью легионами (*Velle.* II, CXI, 2).

Август также призвал пять легионов с Востока, а в столице объявил массовую мобилизацию. Со всей Италии были призваны ветераны всех легионов, чтобы служить под своими знаменами ветеранов-эвокатов. Набирались новые подразделения, а состоятельные граждане должны были выставить в качестве воинов своих вольноотпущенников (*Velle.* II, CXI, 2).

Что касается Веллея, которому было тогда около тридцати: «По окончании службы в коннице я стал квестором-десигнатом». Веллей, «еще не будучи сенатором», был немедленно сделан Августом имперским легатом (эквивалент современного бригадного генерала) и возглавил рекрутов из не-

Германик Цезарь, харизматичный наследник престола, был чрезвычайно популярен у римского народа. Сначала он сделал себе имя во время Паннонской войны, позже в кампании против германцев. В III в. римляне все еще праздновали его день рождения

граждан, призванных к оружию в Риме во время этой ожесточенной схватки. Общее командование силами ветеранов-эвокатов и неграждан было дано внуку Августа, Германику Юлию Цезарю. В возрасте всего лишь 21 года Германик, сын Друза Цезаря, оплакиваемого покойного брата Тиберия, уже произвел впечатление на Августа как способный молодой человек.

Возглавляемые Германиком и Веллеем, совместные силы шли маршем со всей возможной скоростью из Рима на Балканы. То, что это пестрое войско возглавлял Германик, которым все восхищались, успокоило народ в Риме. Тем временем с Дуная Тиберий прошел маршем в Паннонию к Сисции (современный Сисак, недалеко от Загреба) со своими пятью легионами — по всей видимости, это были VIII Августов, IX Испанский, XIV Сдвоенный легион победоносного Марса, XV Аполлонов и оставшиеся когорты XX легиона. В Сисции Тиберий соединился с местным военачальником Мессалином и с прибывшими из Рима Германиком и Веллеем.

«Какие вражеские войска мы увидели в первый год!» — будет вспоминать Веллей. Тиберий, объединенные силы которого значительно превосходили по численности мятежники, решил попытаться выиграть время, пока с Востока не придут пять легионов. Тиберий, о котором Август отзывался как о «самом опытном полководце и единственном оплоте римского народа», всеми силами избегал решительного сражения, вместо этого беспокоя небольшие колонны врага и перерезая пути снабжения мятежников (*Suet.* III, 21).

Того, что большая римская армия находилась в Паннонии, было достаточно, чтобы не позволить паннонцам осуществить их план похода в Италию. Поступив так, они оставили бы римские войска у себя в тылу.

В новом году в Паннонию явились два римских полководца в ранге консула: Авл Цецина, с более чем 20-летним опытом военной службы, и Сильван Плавт, прибывший с Востока. Они пришли со своими пятью легионами, из которых с определенной уверенностью можно идентифицировать только VII легион, бывший до того в Галатии. Их сопровождало большое количество союзных войск, включая фракийскую конницу, возглавляемую царем Фракии Реметалком. Два Батона, узнав о приближении этой римской колонны, поспешили ей навстречу, объединив свои войска.

На Болотах вольков, к западу от Митровицы в долине Савы, вставшие окружили и атаковали лагерь пяти легионов. Когда римские

военачальники повели легионы, вспомогательные части и конницу в битву, восставшие сошлись в ближнем бою с фракийской конницей. «Рассеян строй царских всадников, — пишет Веллей, — обращены в бегство конные подразделения». Вспомогательные когорты обратились вспять и побежали, «охвачены трепетом находившиеся у знамен легионов». Это было «едва ли не полное поражение» (*Velle. HR. II, CXII, 5—6*).

Трибуны и центурионы первого ранга были убиты мятежниками, которые ринулись толпой к драгоценной добыче — легионным орлам. Префекты лагерей и префекты вспомогательных когорт были отрезаны и окружены. «Но в это время доблесть римского воина завоевала себе больше славы, чем оставила на долю военачальников». «Не довольствуясь тем, что задержали врагов», легионеры пошли в атаку и «ринулись на врага». Воины сломали строй мятежников и «добыли в бою победу, в которой уже отчаялись» (*Velle. HR. II, CXII, 5—6*).

Когда их части подлечили своих раненых, Цецина и Плавт поспешили в Сисцию и присоединились к Тиберию. Теперь в одном римском лагере находились 10 легионов и сверх того 70 вспомогательных когорт, 14 ал конницы, более 10 тысяч ветеранов-эвокатов и так называемых «добровольцев» — римских вольноотпущенников (*Velle. HR. II, CXIII, 1*). С этими силами, насчитывавшими более 100 тысяч человек, Тиберий должен был быть способен противостоять по большей части необученным войскам мятежников на равных. Но Тиберий сделал странную вещь. Дав пяти новоприбывшим легионам несколько дней, чтобы оправиться, он послал их обратно на Восток, сопроводив их через территорию мятежников.

Веллей утверждал, что Тиберий понял, «что им невозможно командовать из-за его величины» (*Velle. HR. II, CXII, 2—3*). Если читать между строк, это означает разлад между Тиберием и полководцами, прибывшими с Востока. Тем не менее Тиберий получал еще подкрепления в течение Паннонской войны; Светоний утверждал, что, прежде чем война окончилась, в ней участвовали «пятнадцать легионов и соответствующее число вспомогательных войск» (*Suet. III, 16*). В конце войны VII легион, один из упомянутых легионов с Востока, базировался на постоянной основе в Паннонии.

После особенно суровой зимы, весной 7 года н. э., Тиберий начал наступательные операции исключительно в Паннонии, пока что игнорируя Далмацию. Во время кампании Тиберий путешествовал на коне и в лагере всегда обедал сидя, а не, по обычаю римских высших клас-

сов, возлежа за столом (*Suet.* CXIV, 3). Эта кампания требовала много сил, римская армия преследовала паннонцев высоко в горах. Но Август не был доволен ее продвижением. Покинув Рим, император отправился в Ариминум (современный Римини) на адриатическом побережье, где и обосновался, чтобы быть ближе к месту военных действий.

Наконец римлянам немного повезло. Два Батона поссорились. Дион пишет, что паннонский Батон усомнился в верности своих южных союзников и стал наносить неожиданные визиты в крепости южного Батона и брать заложников из семей далматских вождей. Усмотрев в этом попытку присвоить власть, далматский Батон устроил засаду на своего коллегу-военачальника — телохранители паннонского Батона были убиты, а сам он взят в плен и заключен в далматской крепости. Затем далматский Батон вывел своего соперника на сходку своих войск, вынес ему приговор и казнил на месте (*Dio.* LV, 34).

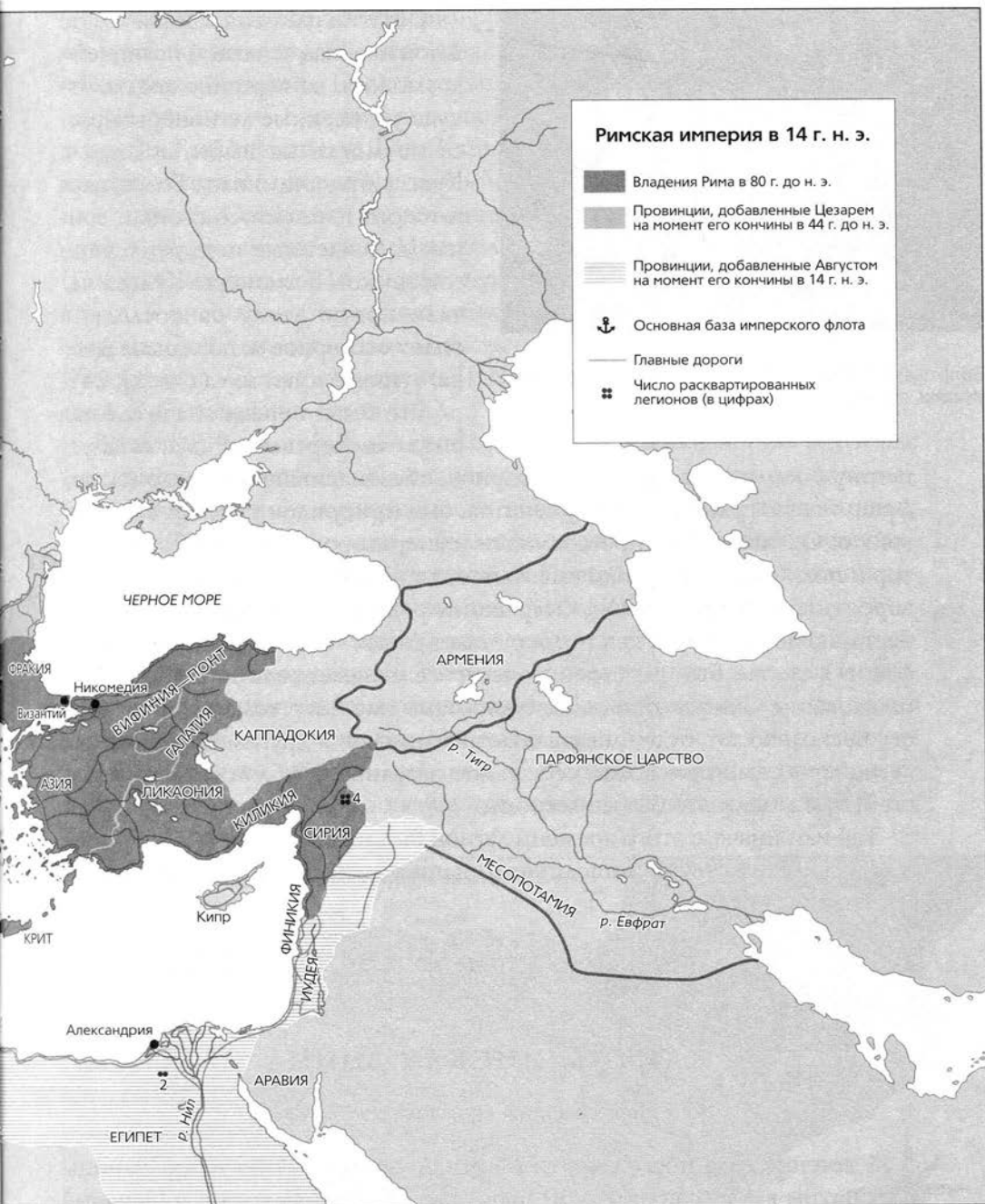
Когда северный Батон уже не стоял на дороге, Веллей считал Паннонскую кампанию практически выигранной. И действительно, летом 8 года н. э. паннонцы запросили мира. Веллей присутствовал на встрече на берегу реки, где паннонцы сложили оружие. Пиннет и другие вожди паннонцев сдались Тиберию и все до одного «простерлись у ног императора» (*Velle.* CXIV, 4).

Как если бы война была окончена, Август отозвал Тиберию, оставившего во главе войск в Паннонии Марка Эмилия Лепида, консула 6 года н. э. Поскольку Далмация все еще была в руках мятежников, император послал туда молодого Германика с ударной силой, которая, как показывают дальнейшие события, включала XX легион. Во «многих, причем труднодоступных районах» Германик сокрушил племя мазеев и осадил ряд далматских городов (*Velle.* CXVI, 1).

У одного из этих городов, Сплонума, имевшего «значительное количество защитников», Германик пробовал и штурм, и осадные приспособления, но высокие стены Сплонума были построены из дерева, дерна и камня, что делало их неприступными для стенобитных орудий. Тогда германский всадник по имени Пузион бросил камень в одну из секций стены, после чего, ко всеобщему удивлению, парпет и опиравшийся на него солдат бунтовщиков упали, и далматы, оборонявшие стену, бежали в ужасе. Из опасения, что Германик располагает тайными силами, город сдался (*Dio.* LVI, 11).

В Рецинуме мятежники подожгли здания, когда войска Германика пробрались через сделанный ими в каменной стене пролом. Некоторое количество римских солдат попало в огненную ловушку и погибло в

Часть третья
СРАЖЕНИЯ

Золотые фигурки скифских воинов, вооруженных луками, типичным для них оружием

Остатки племени заняли то, что Дион называл «сильной позицией», возможно, на вершине холма, откуда утомленные легионеры Красса не могли их выбить. Тогда к Крассу присоединился Ролес, царь гетского племени со своими воинами. Усиленные подкреплением союзников, легионеры Красса начали новую атаку на последний оплот бастарнов и, по словам Диона, «уничтожили их» (*Dio. LI, 24*).

Это была первая значительная битва имперского Рима, и за успешную кампанию против бастарнов, обезопасившую македонскую/фракийскую границу, Крассу сенатом был присужден триумф, в то время как Октавиан был провозглашен императором. Поскольку император и полководец получили высочайшие почести, представляется весьма вероятным, что IV легион, сыгравший решающую роль в победе над бастарнами (которые, как подчеркивает Дион, «точнее именуются скифами»), также был удостоен почестей в ознаменование победы. Наименование Скифский или было даровано ему Августом, который, спустя несколько лет, будет давать почетные названия другим легионам, или легионеры сами присвоили себе такое название без благословения властей, как делали это бывшие легионы.

Так или иначе, с этого времени легион был известен как IV Скифский, о чем свидетельствуют дошедшие до наших дней надписи и монеты.

29—25 годы до н. э.

II КАНТАБРИЙСКАЯ ВОЙНА

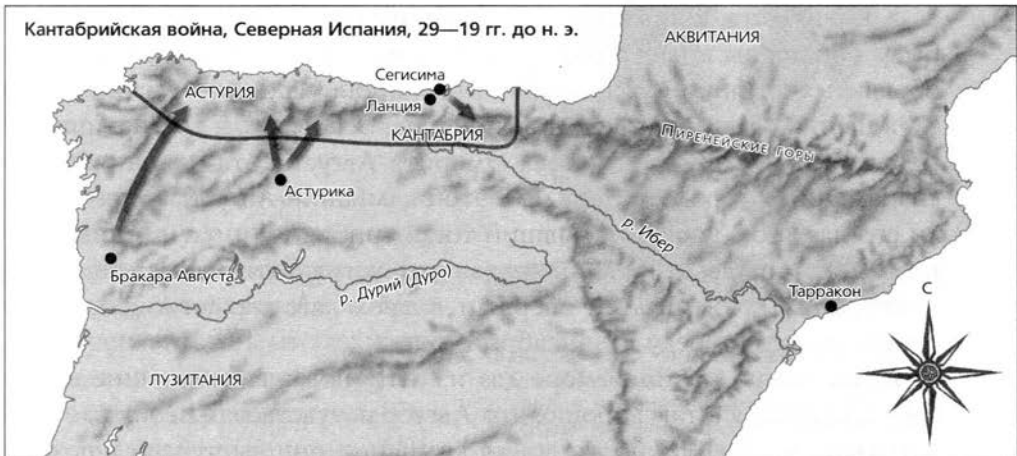
Северная Испания закреплена за Римом

В течение года после смерти Марка Антония и египетской царицы Клеопатры в Александрии в 30 году до н. э. Октавиан создал в Испании римскую армию, включающую восемь легионов, для войны, которая будет тянуться целое десятилетие.

К этому времени на Иберийском полуострове непокоренными остались только свирепые племена, населяющие Кантабрийские горы в Северной Испании. План Октавиана — выгнать эти племена из их горных жилищ — был трудноосуществимым. Под командой его полководцев Гая Антистия и Тита Каризия легионеры и вспомогательные войска, участвовавшие в Кантабрийской кампании, создали три базы: на востоке в Сегизиме (современный Сантандер); в Астурике (Астурия) — эта база покрывала Центральный регион; и в Бракаре Аугусте (Галисия), на западе. По данным нумизматики можно установить, что в то или иное время в течение войны в Испании служили следующие легионы: I, II (впоследствии II Августов), IV Македонский, V легион Жаворонков, VI (впоследствии VI Победоносный легион), IX Испанский, X Сдвоенный легион и XX.

Весной 29 года до Р. Х. легионы продвинулись в Кантабрийские горы. Следующие четыре лета были заняты дорогостоящими попытками выбить уступавшие им в численности испанские племена из их горных убежищ. Эти кампании шли «с большим колебанием военного счастья», говорит Веллей Патеркул, служивший офицером в римской армии позже, во время правления Октавиана Августа (*Velle. II, XC*).

В 25 году до Р. Х. 37-летний император прибыл в Испанию с большой частью преторианской гвардии, чтобы принять личную ответственность за разочаровывавшую войну. Двумя годами раньше сенат даровал Октавиану титул Августа, «почитаемого», и с тех пор император был известен под этим именем. С армией, усиленной преторианцами, Август начал новую кампанию против астуриков и кантабров.

«Но эти народы не хотели ни подчиниться ему — так как были самонадеянными из-за своих крепостей, — ни вступить в рукопашную из-за своей малочисленности», согласно Диону. Поскольку их основным оружием были дротики, говорит Дион, воины этих племен наиболее эффективно сражались на расстоянии, стреляя и тут же убегая (*Dio. LIII, 25*). Только когда легионы вынудили испанцев к ближнему бою, мечи легионеров принесли им успех.

Весна сменилась летом, а быстрая победа, которой ожидал Август, так и не была одержана. У варваров были мудрые вожди: они всегда старались занять возвышенности и, когда появился Август со своими легионами, постоянно «устраивали на него засады в долинах и лесах» (*Dio. LIII, 25*). Дион говорит, что болезненный Август был очень огорчен отсутствием успеха и, заболев от «перенапряжения и беспокойства», он оставил кампанию и retirовался в Тарракон, столицу Ближней Испании, где и пребывал в плохом здоровье, в то время как его генералы продолжали войну (*Dio. LIII, 25*).

Гаю Антистию удалось победить испанцев не потому, что он был лучшим полководцем, чем Август, а потому, что местные племена «презирали его» (*Dio. LIII, 25*). Ставшие слишком самонадеянными от новостей о том, что римский император покинул драку, и полагая, что отделаться от Антистия будет еще легче, кантабры совершили ошибку, встретив римлян в организованном сражении, которое они проиграли. Вскоре после этого легионам под предводительством другого полководца Августа, Тита Каризия, удалось взять Ланцию, главную горную крепость астуриков, после того, как астуры оставили ее, и они «также завоевали и многое другое» (*Dio. LIII, 25*).

К концу лета, когда тысячи кантабрийских и астурийских пленных были обращены в рабство, а вожди племен просили мира, Август мог объявить Кантабрийскую войну выигранной. Он демобилизовал долго служивших преторианцев и легионеров, основав для них колонию в Лузитании, которую он назвал Эмерита Августа; эта колония станет современным городом Мериды. В этой кампании Августа сопровождали его пасынок Тиберий, бывший тогда трибуном, и племянник Марцелл. Возвращаясь в Рим, он оставил их устраивать выступления гладиаторов и сражения со зверями в трех лагерях легионов, чтобы отпраздновать победу в Кантабрии.

Ясно, что по крайней мере два из легионов, участвовавшие в этой войне, сражались так хорошо, что Август почувствовал необходимость наградить их. Возможно, во время кампании они выступали в поход с

самим императором. Эти два легиона, I и II, получили новое почетное имя самого императора и стали I и II Августовыми легионами.

Звание Августовых при Октавиане получили и два других легиона, III Августов и VIII Августов. Нет свидетельств о том, что хотя бы один из них служил в Испании, во время Кантабрийской войны или когда-либо еще. III Августов легион базировался в Северной Африке, и вероятно, что свой титул «Августов» он заработал там в кампании 19 года до Р. Х. Расположение VIII Августова легиона в этот период неясно.

Однако война в Испании еще не закончилась. Август только что покинул Испанию, как Луций Эмилий, оставленный им наместник, принял послов от кантабров и астуристов, говоривших, что их племена хотят преподнести его армии зерно и другие вещи, и просивших его послать большое количество людей, чтобы принести назад дары. Эмилий, ничего не подозревая, послал «значительное количество солдат» в горы. Этих солдат испанцы окружили и взяли в плен. Уведенные в различные места в горах, пленные легионеры были все в конечном счете казнены.

В ответ Эмилий объявил тотальную войну кантабрам и астурам. В результате «их страна была опустошена», говорит Дион. Многие укрепления были сожжены, и каждому захваченному испанскому воину отрубали руки. «Они были быстро покорены» (Dio.

Сначала Август сам возглавил наступление в Кантабрийских горах, но жестокое сопротивление неприятеля и плохое состояние здоровья заставили его передать командование своим полководцам

LXIII, 29). Теперь война закончилась. Когда Август вернулся в Рим, в знак того, что империя вернулась к мирной жизни, он закрыл ворота древней арки Януса, что стояла на Форуме.

Римский мир был умиротворен — но не надолго.

22 год до н. э.

III РИМ ВТОРГАЕТСЯ В ЭФИОПИЮ

Проникновение в Африку

Кандака, правитель африканского царства Куш, на территории, которую римляне называли Эфиопией, но которая сейчас известна как Судан, видимо, услышал о том, что римский император Август ведет войну в далекой Испании. Приблизительно за 650 лет до того цари Куша правили Египтом, а их столица, Напата, была религиозным центром египетского мира. Амбициозный Кандака, думая, что римские правители Египта будут отвлечены войной в Испании, и зная, что двумя годами раньше базировавшиеся в Египте римские легионы потеряли много человек из-за солнечных ударов во время катастрофической экспедиции в Аравию, повел кушитскую армию вдоль Нила и вступил в Египет.

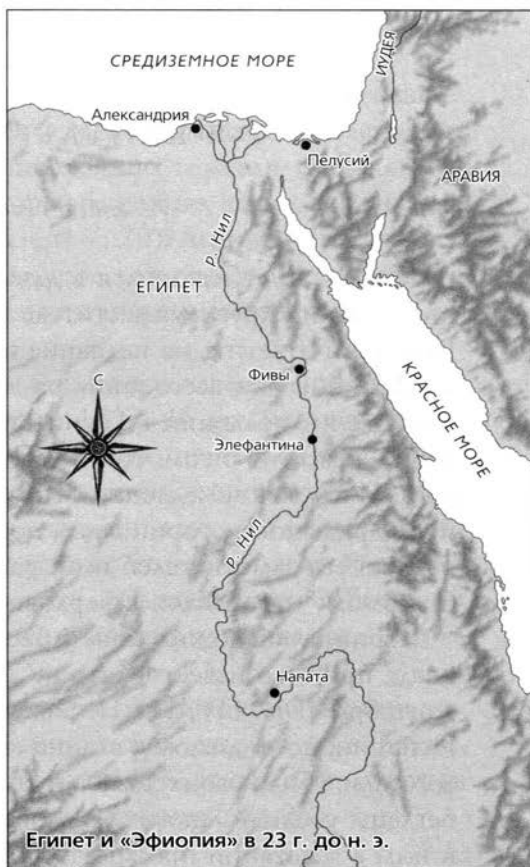
«Опустошая все, что встречалось на пути», кушитская армия продвинулась к самому южному из египетских городов, Элефантине, месту древней крепости на острове среди Нила (*Dio. LIV, 5*). Новости об этом вторжении достигли находившегося в Александрии префекта Египта Публия Петрония (*Pl. El. NH. VI, 181*. Дион Кассий, писавший спустя два столетия, называет префекта *Гаем* Петронием: *Dio. LIV, 5*). В то время в Египте располагались три легиона: III Киренаикский легион, XII Молниеносный и XXII Дейотаров легион. Всех их возглавляли их старшие трибуны, поскольку закон Августа требовал, чтобы ни один из членов сенатского сословия не прибывал в Египет и тем более не принимал там командование. Петроний быстро собрал войско из легионов и вспомогательных частей, находившихся в провинции, и отправился походом на юг, чтобы дать отпор Кандаке. «Надеясь, что их бегство окажется удачным», кушиты быстро отступили, как только римская армия приблизилась к Элефантине (*Dio. LIV, 5*). Войска Пе-

трония настигли захватчиков по дороге на юг и разбили наголову силы кушитов. Сам Кандака спасся с частью своего войска и бежал в свою столицу. Петроний, увидев в этом возможность прославиться еще больше, повел свое войско за бежавшим врагом и двигался дальше и дальше вниз по Нилу. Беря приступом один кушитский город за другим, Петроний оставил в одном из них римский гарнизон и поспешил к прославленной Напате.

Этому городу, построенному на холме под названием Баркол, было тогда 700 лет. Древние египтяне считали Баркол домом их бога Амона. У подножия холма стояло несколько египетских храмов. Римское войско взяло приступом стену города и легко овладело Напатай. Тогда Петроний приказал разрушить город, и здания Напаты, включая прекрасные храмы, сровняли с землей.

Оставив в разрушенном городе гарнизон, Петроний продолжил поход, направляясь на юг в пустыню. Вскоре его войска, одетые в доспехи и шлемы, стали страдать от нехватки воды и солнечных ударов. «Обнаружив, что дальше продвигаться невозможно из-за песка и жары», римский военачальник наконец повернул свое войско назад (*Dio. LIV, 5*).

Кандака тем временем вновь переформировал свое войско и атаковал гарнизоны Петрония; армии Петрония пришлось вернуться, чтобы спасти их. Петроний «вынудил Кандаку прийти с ним к соглашению», прежде чем отвести в Египет войска и обоз, нагруженный добычей. Его легионы вернулись на свои базы. Это был один из немногих случаев в истории Рима, когда римская армия проникла в Африку к югу от Египта.

Египет и «Эфиопия» в 23 г. до н. э.

19 год до н. э.

IV

2-Я КАНТАБРИЙСКАЯ ВОЙНА

Измена и бесчестье в Испании

Когда Август находился в длительной поездке на Востоке, его давний близкий друг и заместитель Марк Агриппа был послан управлять Галлией и ответить на недавние набеги германских племен из-за Рейна. Агриппа был всего лишь на год старше Августа. Они были вместе в школе в Аполлонии в Греции в марте 44 года до н. э., когда до них дошли известия о том, что его двоюродный дед Юлий Цезарь был убит в Риме. Друзья немедленно отправились в Италию, заключив уникальный в римской истории союз, поскольку Агриппа был самым преданным из его заместителей и ни разу не проявлял интереса к тому, чтобы самому стремиться к верховной власти.

Агриппа «положил конец беспорядкам» в галльских провинциях, когда прибыло известие, что в Северной Испании подняли восстание кантабры (*Dio. LIV, 11*). Несколько кантабров, проданных в рабство в Испании, по-видимому, втайне составили план мятежа. Внезапно они восстали, убили своих хозяев и бежали на родину. У себя дома, в горах, беглецы убедили многих из своих соотечественников присоединиться к ним в восстании против Рима. Повстанцы быстро заняли несколько горных городов, обнесли их стенами и бросили вызов римской армии, чтобы она попыталась выбить их с позиций.

Поспешно отправившись через Пиренеи из Галлии, Марк Агриппа взял на себя командование операцией против бунтовщиков. Но вскоре он столкнулся с трудностями среди своих собственных людей. «Немалое их число были слишком стары и изнурены непрерывными войнами», — говорит Дион. Многие из войска Агриппы отказывались подчиниться приказу идти в горы, ожидая засады и «боясь кантабров как людей, которых трудно покорить» (*Dio. LIV, 11*). Отчасти наказаниями, отчасти уговорами, полководец смог добиться подчинения от своих легионеров, и операция продолжилась.

Кампания этого года оказалась тяжелой, в течение ее Агриппа «испытал много превратностей» (*Dio. LIV, 11*). Когда кантабры жили среди римлян как рабы, они близко узнали римские обычаи. Будучи однажды обращены в рабство за противостояние Риму, они не сомневались, что,

если они попадут в плен, второй раз их не пощадят. Это сделало вождей восставших бесстрашными, даже безрассудными.

К концу года Агриппа нанес поражение мятежникам, но значительной ценой, «потеряв многих солдат». Некоторые подразделения он понизил в звании, «поскольку они постоянно терпели поражения» (*Dio.* LIV, 11). Легионы даже потеряли в сражениях несколько знамен, что было большим бесчестьем (*Res Gest.* V, 29). Агриппа был так недоволен тем, как сражался весь I Августов легион, что он лишил его звания Августова, столь недавно пожалованного императором (*Dio.* LIV, 11).

В конце концов Агриппа обратил в плен все племя кантабров. Он казнил почти всех мужчин в возрасте от 17 до 46 лет, разоружил тех, кто остался в живых, и путем насильственного переселения заставил каждого оставшегося члена племени спуститься с гор и поселил их на равнинах. Но Агриппа был так разочарован плохими боевыми качествами части своих войск и ценой успеха, что он не отправил официального послания к римскому сенату, объявляющего о большой победе. И когда сенат присудил ему триумф за эту кампанию, он отказался от него.

Три года спустя среди покоренных народов Северной Испании начались беспорядки, которые были быстро подавлены, но ко времени, когда сам Август вновь посетил Испанию в 14 году до н. э., полуостров был замирен. На следующий год император вернулся в Рим.

16 год до н. э.

V

V ЛЕГИОН ЖАВОРОНКОВ ТЕРЯЕТ СВОЕГО ОРАА

Бесчестье в Галлии

Проведя десять лет в Северной Испании, как один из легионов, участвовавших в Кантабрийской войне в 19 году до н. э., после окончания этой войны V легион Жаворонков был переведен на нижний Рейн, чтобы противостоять жившим по другую сторону реки германцам. Там, три года спустя, этот легион подвергся одному из тягчайших унижений, возможных для римского легиона.

К востоку от Рейна германское племя тенктеров и их соседи, узипеты и сугамбры, захватили путешествовавших по их землям римлян и распяли их. Поняв, что Рим пошлет карательную экспедицию, племена решили нанести упреждающий удар, устроив набег через Рейн на германские и галльские провинции Рима. В результате галлы «много пострадали от рук германцев» (*Dio. LIV, 21*).

Марк Лоллий, римский наместник Нижней Германии, немедленно послал римскую конницу, чтобы остановить германцев, затем отправился из своей штаб-квартиры в Кельне, чтобы встретить мародеров с V легионом Жаворонков. Марк, консул 21 года до н. э., был наставником Гая Цезаря, внука Августа, и был близок к императору. Обладая превосходной военной репутацией после покорения племени бессов во Фракии и Мёзии, он уверенно двинулся навстречу германским захватчикам, не дожидаясь, чтобы собрать больше сил.

Даже столетие спустя, в дни Тацита, тенктеры, возглавившие вторжение, имели пугающую репутацию. «Наделенные всеми подобающими доблестным воинам качествами, тенктеры к тому же искусные и лихие наездники», — писал Тацит (*Tac. Germ. 32*). Дети тенктеров росли верхом на коне, а после смерти члена племени его лошади переходили его сыну; не обязательно старшему сыну, говорит Тацит, но тому из них, «кто выказал себя в битвах наиболее отважным и ловким» (*Tac. Germ. 32*).

Германцы устроили засаду против вспомогательной конницы, посланной навстречу им Лоллием, и разбили ее наголову. Выжившие всадники бежали к приближающейся колонне Лоллия, направив преследовавших их германцев прямо на римскую пехоту. Застигнутый в походе, V легион Жаворонков пытался отбиться от германцев, которые нацелились на золотого орла — знамя легиона. Орел был отбит у его защитников, и, так как I когорта понесла сильный ущерб, легион был вынужден отойти.

Лоллий отступил и стал собирать гораздо большие силы из других легионов армии на нижнем Рейне. Август тем временем был в Галлии по гражданским делам. Услышав о поражении Лоллия, он поспешил к Рейну со значительными силами, включавшими когорты преторианской гвардии. Услышав, что две крупные римские армии идут против них, три германских племени отошли назад за Рейн, взяв с собой добычу этой кампании. Их посланники скоро вступили в переговоры с Августом, как только он прибыл к Рейну, и заключили с ним мирный договор, предоставив заложников.

По мнению позднего римского биографа Светония, поражение Лоллия «принесло больше позора, чем урона» (*Suet.* II, 23). Тем не менее репутация Лоллия была разрушена «позорной» потерей священного легионного орла (*Suet.* II, 23). Из-за этого позора другие римские авторы нападали на него. «Этот человек, ставивший наживу выше правильного ведения дел, — писал Веллей Патеркул, офицер, служивший при Тиберии, — был порочен во всем» (*Velle.* II, XCVII). Одной из этих привычек, согласно Светонию, было распространение клеветы на Тиберия (*Suet.* III, 12).

Поскольку его официальной карьере пришел конец из-за этой битвы, Лоллий провел остаток жизни в качестве советника своего покровителя, Гая Цезаря. Что до V легиона Жаворонков, то он так и не смог стряхнуть с себя позор потери орла, бывшей по меньшей мере «бедствием», согласно историку Тациту (*Tac.* A. I, 10).

Это поражение к западу от Рейна было для Августа предупреждением, которое не прошло для него даром. Граница на Рейне была слишком непрочной, а германцы слишком многочисленными. Если позволить германцам думать, что они могут безнаказанно подражать тенктерам и их товарищам по набегам, северо-западная граница Рима скоро будет кишеть германскими захватчиками. Были изданы приказы перевести многие легионы на Рейн, чтобы создать сильный оплот против дальнейших набегов.

15 год до н. э.

VI ЗАВОЕВАНИЕ РЕЦИИ

Друз и Тиберий объединяют усилия

Реция, расположенная между Галлией и Нориком, приблизительно соответствует современной Швейцарии. Жившие в Альпах реты «совершали набеги на значительную часть соседней территории Галлии и уносили добычу даже из Италии» (*Dio.* LIV, 22). Они беспокоили даже своих союзников, включая винделиков Северной Италии, и путешествовавших через их земли римлян, убивая мужчин и беря в плен женщин и даже убивая младенцев в утробе, если они посредством гадания устанавливали, что нерожденные дети были мужского пола. Такого по-

ведения «можно было ожидать от народов, не принимавших мира», говорил Дион (*Dio. LIV, 22*).

Поэтому в 15 году до н. э. Август дал Тиберию и Друзу поручение привести ретов к покорности. Братья сильно различались характером. Если Тиберий был осторожным командиром, позволявшим другим сражаться в первых рядах, Друз принимал участие в сражениях вместе со своими войсками, «с великой опасностью гоняясь за германскими вождями сквозь гущу боя» (*Suet. V, 1*).

Реты и винделики — «многочисленные народы, защищенные непроходимой местностью и жестокие до свирепости», согласно Веллею (*Velle. II, XCV*). Характерно, что 23-летний Друз первым вступил с ними в бой, возглавив подразделение, разгромившее отряд ретов около Тридента (современный Трент). Реты отступили из Италии, но продолжали набег на Галлию, так что Август послал обоих своих пасынков против них

в Рецию одновременно с разных направлений.

Оба римских полководца разделили свои армии на несколько колонн, вторгшихся в Рецию различными путями. 27-летний Тиберий, который еще подростком повидал службу в Кантабрийской войне в Испании, использовал корабли, чтобы пересечь озеро Гарда, недалеко от озера Комо, и застать ретов врасплох (*Dio. LIV, 22*). В широко-масштабных операциях в Реции приняли участие целых двенадцать легионов с 60 тысячами legionеров. Нумизматические данные говорят о том, что среди участвовавших в операции легионов были XIII Сдвоенный, XVI Галльский и XXI Стремительный, а также, возможно, XVII, XVIII и XIX легионы. Подразделения, базировавшиеся в то время в Илирике, XI, XV Аполлонов и XX, также, скорее всего, приняли участие.

Друз Цезарь, брат Тиберия и отец Германика и Клавдия. Умер в результате падения с лошади во время кампании в Германии

Любопытно, хотя это и может быть совпадением, что правило, упоминаемое доктором Лоренсом Кеппи, согласно которому легионы с номерами XI и выше традиционно посылались в эту часть римского мира во время поздней республики, как, кажется, применимо к распоряжениям Августа в этот период (*Керр. МРА. 2*). Более того, ни один легион с номером больше X не использовался Августом в недавно завершённой Кантабрийской войне в Испании, что является дальнейшим подтверждением правила Кеппи, по которому в эпоху поздней республики в Испании использовались только легионы с номером X (см. ниже).

Реты, несмотря на свою многочисленность, были вынуждены разделить свои силы, чтобы отражать вторгшихся с разных сторон римлян, и, разделенные, они были покорены. Туземцы были «с легкостью сокрушены», говорит Дион (*Dio. LIV, 22*). Римские силы также нанесли поражение союзникам ретов, винделикам. Все это было совершено, говорит Веллей, после того, как легионы взяли приступом многие города и крепости и бились в нескольких ожесточенных сражениях в открытом поле. В то время как противникам пришлось пролить много крови, римляне сражались «скорее с опасностями, чем с потерями для римского войска» (*Velle. II, XCV*).

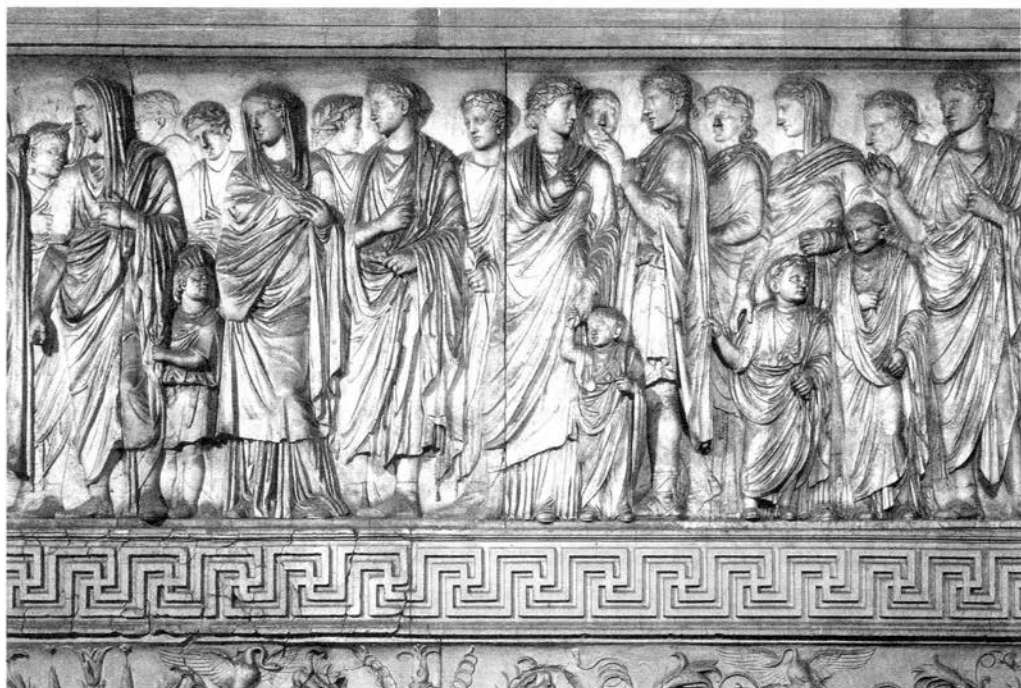
Многие тысячи ретов были взяты в плен. Поскольку население Ретии было многочисленно, сильнейшие пленники-мужчины были депортированы. Тех, что остались, было достаточно, чтобы населить страну, но «слишком мало, чтобы начать восстание», говорит Дион (*Dio. LIV, 22*). За один сезон Тиберий и Друз нанесли поражение двум племенам и распространили римскую власть на Альпы.

9 год до н. э.

VII У АЛТАРЯ МИРА

Посвящение и похороны

Август писал: «Когда из Испании и Галлии, деяния в этих провинциях счастливо совершив, в Рим я вернулся, когда консулами были Тиберий Нерон, Публий Квинтилий, алтарь Августова Мира (*Rex Augusta*) по поводу моего возвращения посвятить сенат определил». Это было в 14 году до н. э. (*Res Gest. II, 12*).

На мраморных панелях Алтаря мира изображена вся римская императорская семья в 9 г. до н. э., включая полководца Друза Цезаря

На то, чтобы создать *Ara Pacis Augustae*, Алтарь Августова мира, ушло пять лет. Он был официаль-

но посвящен в Риме на Марсовом поле 30 января 9 года до н. э. На мраморных панелях алтаря изображено, как вся императорская семья присутствует на церемонии. Два месяца спустя, после очистительных церемоний, предшествовавших сезону военных кампаний, Друз и Тиберий выехали, чтобы начать свои новейшие военные предприятия. Для Тиберия это будет краткая кампания в Паннонии. 29-летний Друз, один из консулов этого года, был более честолюбив: он повел пятнадцать легионов в глубь Германии. Столкнувшись с хаттами и свебами и «нанеся поражение атаковавшим его силам лишь после значительного кровопролития», Друз провел свои легионы маршем через земли племени херусков, пересек реку Везер и дошел до Эльбы, «грабя все на своем пути» (*Dio.* LV, 1).

В разгар лета армия Друза отходила к Рейну, когда молодой полководец упал с лошади. Вероятно, Друз перенес перелом конечности, после чего началась гангрена. В то время как его армия приближалась к Рейну, Друз стал слишком болен, чтобы его можно было перевозить с

места на место. Новости о его ухудшающемся состоянии достигли Тиберия в Северной Италии, и он доехал до Рейна, пересек его и после пути в 400 миль (640 километров) нашел, что армия все еще в Германии, а его брат при смерти. Через тридцать дней после того, как Друз упал с лошади, он умер на руках Тиберия.

Тиберий шел перед погребальной процессией своего брата весь путь до Рима. Трибуны и центурионы легиона несли похоронные носилки вплоть до Рейна, затем их несли по очереди главные лица каждого города, через который проходила процессия. В Риме тело Друза было выставлено на Форуме. Тиберий произнес там одну надгробную речь, Август произнес другую в Фламиниевом цирке (*Suet.* III, 1).

Тело затем было перенесено на Марсово поле. Там, в виду Алтаря мира, на посвящении которого Друз присутствовал лишь несколько месяцев назад, тело пользовавшегося народной любовью юного римского наследника престола было сожжено. Его останки были помещены в собственный круглый мавзолей Августа. Пройдет еще двадцать два года до того, как Август присоединится к нему.

6—9 годы н. э.

VIII ПАННОНСКАЯ ВОЙНА

Четыре испытательных года

Летом 6 года н. э. римские провинции Паннонии и Далмации утонули в крови.

Подчинение Балкан Риму было завершено Августом в 14 году до н. э., с аннексией Римом регионов Паннонии и Далмации. Эти новые провинции покрывали части современных Австрии, Венгрии, Словении, Боснии, Хорватии и Сербии. В 5 году н. э. пасынок Августа Тиберий отвел войска, располагавшиеся тогда в Далмации и Паннонии, и набрал далматские вспомогательные части, которые присоединились к нему на Дунае для Германской кампании. В прошлом несколько раз в Паннонии происходили восстания, поскольку многие местные вожди никогда полностью не признавали римского владычества. Вывод войск привел к сильному сокращению римского военного присутствия. В их отсутствие в Паннонии и Далмации разгорелся мятеж под пред-

водительством двух не связанных друг с другом родством вождей, каждый из которых носил имя Батон, и третьего местного командира, Пиннета.

Веллей Патеркул, служивший командиром на этой войне, писал, что восстание начали на севере паннонцы, вовлекшие в конфликт далматов как союзников. Веллей полагал, что численность местных жителей обеих провинций насчитывала 800 тысяч человек и что из них вожди восстания вооружили 200 тысяч пехотинцев и 9 тысяч всадников. На севере племя бревков избрало своего Батона главным военачальником паннонцев; его войско намеревалось идти маршем в Италию. Пиннет повел второе войско паннонцев на восток в римскую провинцию Македонию и начал ее разграблять (*Velle. HR. II, CX, 1–6*).

На юге Батон из десидиатов сначала возглавлял небольшой отряд восставших, нанеший первый удар со стороны далматов тем летом: «Римские граждане были уничтожены, торговцы перебиты; в области, наиболее отдаленной от полководца, было истреблено большое количество знаменосцев». Этот успех поощрил многих далматов присоединиться к восстанию. В общей военной стратегии восставших войску далматов отводилась роль защиты их собственных земель, в то время как паннонцы перенесли войну с Римом на другие территории (*Velle. HR. II, CX, 1–6*).

Дион Кассий, писавший два столетия спустя, говорил, что наместник Далмации, Марк Валерий Мессалин, отправился на Рейн для участия в последней Германской кампании Тиберия (*Dio. LV, 29*). Но Веллей Патеркул, участвовавший в этой войне, писал, что Мессалин остался в Далмации и, когда разразился мятеж, «с двенадцатым легионом половинного состава» (половина его когорт служила с Тиберием в Германии), «будучи окружен неприятельским войском, рассеял и обратил в бегство более двадцати тысяч врагов, за что был почтен знаками отличия триумфатора» Августом (*Velle. II, CXII, 1*).

Паннонские мятежники осадили Сирмий, в настоящее время Сремску Митровицу, недалеко от современного Белграда, стратегически расположенный город, контролировавший долину Савы. Согласно Диону — эта история не подтверждается Веллеем, — Цецина Север, правитель соседней провинции Мёзии, быстро отправился маршем на запад с римскими войсками, встретил бревка Батона и его войска вблизи Дравы и нанес им поражение в ожесточенном сражении, сам понеся тяжелые потери. Затем вести о набегах даков и сарматов на Мёзию заставили Севера отойти, чтобы бороться с этой угрозой (*Dio.*

LV, 29). На юге, как пишет Дион, далматский Батон атаковал Салону, недалеко от Сплита на адриатическом побережье. Салона отразила нападение, а сам Батон был ранен в голову камнем, выпущенным из пращи, но его войска опустошили другие римские поселения по всему побережью вплоть до Аполлонии в Греции (*Dio.* LV, 29).

Когда большая часть адриатического побережья напротив Италии оказалась в руках мятежников, в Риме начались волнения. «Вызванный этой войной страх был настолько велик, — говорит Веллей, бывший в то время в Риме, — что поколебался и ужаснулся даже стойкий, укрепленный опытом стольких войн дух Цезаря Августа». Речь идет о страхе вторжения в Италию (*Velle.* II, CX, 6). Август, сказав сенату, что «через десять дней, если не быть настороже, враг может оказаться на виду у города», немедленно приказал Тиберию свернуть Германскую кампанию и идти маршем на Балканы с пятью легионами (*Velle.* II, CXI, 2).

Август также призвал пять легионов с Востока, а в столице объявил массовую мобилизацию. Со всей Италии были призваны ветераны всех легионов, чтобы служить под своими знаменами ветеранов-эвокатов. Набирались новые подразделения, а состоятельные граждане должны были выставить в качестве воинов своих вольноотпущенников (*Velle.* II, CXI, 2).

Что касается Веллея, которому было тогда около тридцати: «По окончании службы в коннице я стал квестором-десигнатом». Веллей, «еще не будучи сенатором», был немедленно сделан Августом имперским легатом (эквивалент современного бригадного генерала) и возглавил рекрутов из не-

Германик Цезарь, харизматичный наследник престола, был чрезвычайно популярен у римского народа. Сначала он сделал себе имя во время Паннонской войны, позже в кампании против германцев. В III в. римляне все еще праздновали его день рождения

граждан, призванных к оружию в Риме во время этой ожесточенной схватки. Общее командование силами ветеранов-эвокатов и неграждан было дано внуку Августа, Германику Юлию Цезарю. В возрасте всего лишь 21 года Германик, сын Друза Цезаря, оплакиваемого покойного брата Тиберия, уже произвел впечатление на Августа как способный молодой человек.

Возглавляемые Германиком и Веллеем, совместные силы шли маршем со всей возможной скоростью из Рима на Балканы. То, что это пестрое войско возглавлял Германик, которым все восхищались, успокоило народ в Риме. Тем временем с Дуная Тиберий прошел маршем в Паннонию к Сисции (современный Сисак, недалеко от Загреба) со своими пятью легионами — по всей видимости, это были VIII Августов, IX Испанский, XIV Сдвоенный легион победоносного Марса, XV Аполлонов и оставшиеся когорты XX легиона. В Сисции Тиберий соединился с местным военачальником Мессалином и с прибывшими из Рима Германиком и Веллеем.

«Какие вражеские войска мы увидели в первый год!» — будет вспоминать Веллей. Тиберий, объединенные силы которого значительно превосходили по численности мятежники, решил попытаться выиграть время, пока с Востока не придут пять легионов. Тиберий, о котором Август отзывался как о «самом опытном полководце и единственном оплоте римского народа», всеми силами избегал решительного сражения, вместо этого беспокоя небольшие колонны врага и перерезая пути снабжения мятежников (*Suet.* III, 21).

Того, что большая римская армия находилась в Паннонии, было достаточно, чтобы не позволить паннонцам осуществить их план похода в Италию. Поступив так, они оставили бы римские войска у себя в тылу.

В новом году в Паннонию явились два римских полководца в ранге консула: Авл Цецина, с более чем 20-летним опытом военной службы, и Сильван Плавт, прибывший с Востока. Они пришли со своими пятью легионами, из которых с определенной уверенностью можно идентифицировать только VII легион, бывший до того в Галатии. Их сопровождало большое количество союзных войск, включая фракийскую конницу, возглавляемую царем Фракии Реметалком. Два Батона, узнав о приближении этой римской колонны, поспешили ей навстречу, объединив свои войска.

На Болотах вольков, к западу от Митровицы в долине Савы, вставшие окружили и атаковали лагерь пяти легионов. Когда римские

военачальники повели легионы, вспомогательные части и конницу в битву, восставшие сошлись в ближнем бою с фракийской конницей. «Рассеян строй царских всадников, — пишет Веллей, — обращены в бегство конные подразделения». Вспомогательные когорты обратились вспять и побежали, «охвачены трепетом находившиеся у знамен легионов». Это было «едва ли не полное поражение» (*Velle. HR. II, CXII, 5—6*).

Трибуны и центурионы первого ранга были убиты мятежниками, которые ринулись толпой к драгоценной добыче — легионным орлам. Префекты лагерей и префекты вспомогательных когорт были отрезаны и окружены. «Но в это время доблесть римского воина завоевала себе больше славы, чем оставила на долю военачальников». «Не довольствуясь тем, что задержали врагов», легионеры пошли в атаку и «ринулись на врага». Воины сломали строй мятежников и «добыли в бою победу, в которой уже отчаялись» (*Velle. HR. II, CXII, 5—6*).

Когда их части подлечили своих раненых, Цецина и Плавт поспешили в Сисцию и присоединились к Тиберию. Теперь в одном римском лагере находились 10 легионов и сверх того 70 вспомогательных когорт, 14 ал конницы, более 10 тысяч ветеранов-эвокатов и так называемых «добровольцев» — римских вольноотпущенников (*Velle. HR. II, CXIII, 1*). С этими силами, насчитывавшими более 100 тысяч человек, Тиберий должен был быть способен противостоять по большей части необученным войскам мятежников на равных. Но Тиберий сделал странную вещь. Дав пяти новоприбывшим легионам несколько дней, чтобы оправиться, он послал их обратно на Восток, сопроводив их через территорию мятежников.

Веллей утверждал, что Тиберий понял, «что им невозможно командовать из-за его величины» (*Velle. HR. II, CXII, 2—3*). Если читать между строк, это означает разлад между Тиберием и полководцами, прибывшими с Востока. Тем не менее Тиберий получал еще подкрепления в течение Паннонской войны; Светоний утверждал, что, прежде чем война окончилась, в ней участвовали «пятнадцать легионов и соответствующее число вспомогательных войск» (*Suet. III, 16*). В конце войны VII легион, один из упомянутых легионов с Востока, базировался на постоянной основе в Паннонии.

После особенно суровой зимы, весной 7 года н. э., Тиберий начал наступательные операции исключительно в Паннонии, пока что игнорируя Далмацию. Во время кампании Тиберий путешествовал на коне и в лагере всегда обедал сидя, а не, по обычаю римских высших клас-

сов, возлежа за столом (*Suet.* CXIV, 3). Эта кампания требовала много сил, римская армия преследовала паннонцев высоко в горах. Но Август не был доволен ее продвижением. Покинув Рим, император отправился в Ариминум (современный Римини) на адриатическом побережье, где и обосновался, чтобы быть ближе к месту военных действий.

Наконец римлянам немного повезло. Два Батона поссорились. Дион пишет, что паннонский Батон усомнился в верности своих южных союзников и стал наносить неожиданные визиты в крепости южного Батона и брать заложников из семей далматских вождей. Усмотрев в этом попытку присвоить власть, далматский Батон устроил засаду на своего коллегу-военачальника — телохранители паннонского Батона были убиты, а сам он взят в плен и заключен в далматской крепости. Затем далматский Батон вывел своего соперника на сходку своих войск, вынес ему приговор и казнил на месте (*Dio.* LV, 34).

Когда северный Батон уже не стоял на дороге, Веллей считал Паннонскую кампанию практически выигранной. И действительно, летом 8 года н. э. паннонцы запросили мира. Веллей присутствовал на встрече на берегу реки, где паннонцы сложили оружие. Пиннет и другие вожди паннонцев сдались Тиберию и все до одного «простерлись у ног императора» (*Velle.* CXIV, 4).

Как если бы война была окончена, Август отозвал Тиберию, оставившего во главе войск в Паннонии Марка Эмилия Лепида, консула 6 года н. э. Поскольку Далмация все еще была в руках мятежников, император послал туда молодого Германика с ударной силой, которая, как показывают дальнейшие события, включала XX легион. Во «многих, причем труднодоступных районах» Германик сокрушил племя мазеев и осадил ряд далматских городов (*Velle.* CXVI, 1).

У одного из этих городов, Сплонума, имевшего «значительное количество защитников», Германик пробовал и штурм, и осадные приспособления, но высокие стены Сплонума были построены из дерева, дерна и камня, что делало их неприступными для стенобитных орудий. Тогда германский всадник по имени Пузион бросил камень в одну из секций стены, после чего, ко всеобщему удивлению, парапет и опиравшийся на него солдат бунтовщиков упали, и далматы, оборонявшие стену, бежали в ужасе. Из опасения, что Германик располагает тайными силами, город сдался (*Dio.* LVI, 11).

В Рецинуме мятежники подожгли здания, когда войска Германика пробрались через сделанный ими в каменной стене пролом. Некоторое количество римских солдат попало в огненную ловушку и погибло в

пламени. Только те горожане, что спрятались в погребках, пережили огненный ад. Осады под руководством Германика продолжались без перерыва. Середиий, город, который до того безуспешно осаждал Тиберий, Германик взял приступом и разрушил. «После этого некоторые другие города были взяты с меньшими усилиями» (*Dio*. LVI, 12). По мнению Веллея, служившего вместе с Германиком, молодой князь «дал примеры великой доблести» (*Velle*. CXVI, 1). Тем не менее некоторым лицам в Риме продвижение казалось слишком медленным, и Август послал Тиберия обратно в Далмацию, чтобы завершить кампанию столь возможно быстро.

Вернувшись на Балканы летом 9 года н. э., Тиберий сформировал три экспедиционных корпуса. Лепид должен был продвигаться с северо-запада, а Марк Плавт Сильван, консул 2 года до н. э., с северо-востока. Тиберий, с Германиком в качестве заместителя, должен был продвигаться вдоль адриатического побережья и преследовать Батона, который, как считали, находился неподалеку от Салоны. Наступление с севера встретило существенное сопротивление со стороны мятежников, выходивших из крепостей на вершинах холмов и устраивавших ожесточенные сражения; вследствие этого племя перустов и племя десидиатов, к которому принадлежал Батон, «почти полностью перебили» (*Velle*. CXV). На юге Тиберий имел меньший успех. Батон, отказавшись сражаться на условиях римлян, отступал перед Тиберием, пока наконец его не загнали в угол в Андетриуме, вблизи от современного Сплита.

Андетриум был расположен на скалистом холме, окруженном глубокими ущельями, в которых текли стремительные потоки — не самое удобное место для штурма. Когда Тиберий окружил холм и приготовился к долгой осаде, далматские партизаны зашли ему в тыл и беспокоили колонны снабжения, сокращая его припасы и временами заставляя самих римлян чувствовать себя осажденными. Но наконец Батон отправил посла для переговоров о мире. Тиберий ответил, что, прежде чем он согласится на мир, Батон должен убедить всех мятежников, все еще сражающихся в Далмации, сложить оружие — гарантия, которую Батон не был способен дать.

Некоторые люди, дезертировавшие из римской армии и перешедшие на сторону мятежников, знали, что, если они сдадутся, их ожидает казнь, так что они убедили своих далматских хозяев не капитулировать. В ответ Тиберий прервал переговоры и возобновил штурм Андетриума.

В то время как Тиберий наблюдал за операцией с сиденья на земляной платформе, римские войска в плотном квадратном строю вышли к фасаду города, пробираясь вверх по изрезанному бороздами склону под дождем метательных снарядов, которые сбрасывали на них далматы. Из города вывозили телеги, нагруженные камнями, и сталкивали их по склону холма на наступающие войска. Отдельные колеса и круглые деревянные ящики, сделанные местными мастерами, скатывали вниз по склону на легкие мишени. Для далматов это было как большой кегельбан, где их снаряды сбивали римские войска. Тем временем другие римские силы, окружавшие подножие холма, шумно подбадривали своих сражавшихся товарищей.

Тиберий послал подкрепления, а также послал отряд вокруг города, чтобы подобраться к нему сзади, этот отряд незамеченным взобрался по отвесной скале и атаковал защитников снаружи передней стены, отрезав их от города. Сбросив свои доспехи, эти мятежники пытались убежать вниз по склонам, а римские войска их с ликованием преследовали. Большинство было взято в плен. После того как Батон ускользнул из Андетриума, горожане отправили послов, чтобы договориться о капитуляции.

Тем временем Германик, возглавляя одну из колонн, посланных Тиберием, чтобы атаковать города, все еще удерживаемые мятежниками вдоль далматского берега, осадил Ардубу, построенную на возвышенной позиции у изгиба реки. Здесь повстанцы-мужчины были готовы сдаться, но германские дезертиры и далматские женщины были не согласны, и, пока мятежники не взяли верх над дезертирами, они не могли послать к Германику, чтобы договориться о сдаче. Тем временем женщины подожгли часть города. Затем, вместо того чтобы сдаться, схватив своих детей, женщины бросились в огонь или стали кидаться с городской стены в бурлящую внизу реку. Германик принял капитуляцию. Услышав о падении Ардубы, другие города отправили посланников к Германику для переговоров о сдаче.

Поскольку римляне брали город за городом, Батону стало негде скрываться. Он послал своего сына Скеву к Тиберию с предложением сдаться, с условием, что он и его сторонники получат полную амнистию. Тиберий согласился. Несколькими днями спустя Батон был осмотрительно допущен в римский лагерь ночью. До утра его держали под стражей, затем привели к Тиберию. Согласно Диону, в последовавшем споре Батон обвинял в войне Рим: «Мы — ваши стада, но вы прислали пасти нас не пастухов, а волков» (*Dio. LVI, 16*).

Стивен Дандо-Коллинз
ЛЕГИОНЫ РИМА

I
Вспомогательный
легион

I
Германский легион

I
Италийский легион

I
легион Минервы

I
Парфянский легион

II
Вспомогательный
легион

II
Августов легион

II
Италийский легион

II
Парфянский легион

II
Траянский легион

III
Августов легион

III
Киренаикский легион

Стивен Дандо-Коллинз
ЛЕГИОНЫ РИМА

III
Галльский легион

III
Италийский легион

III
Парфянский легион

IV
Флавиев легион

IV
Македонский легион

IV
Скифский легион

V
легион Жаворонков

V
Македонский легион

VI
Железный легион

VI
Победоносный легион

VII
Клавдиев легион

VII
Сдвоенный легион

Стивен Дандо-Коллинз
ЛЕГИОНЫ РИМА

VIII
Августов легион

IX
Испанский легион

X
легион Пролива

X
Сдвоенный легион

XI
Клавдиев легион

XII
Молниеносный легион

XIII
Сдвоенный легион

XIV
Сдвоенный Марсов
Победоносный легион

XV
Аполлонов легион

XV
Фортуны
Первороденной
легион

XVI
Галльский легион

XVI
Флавиев Стойкий
легион

Стивен Данло-Коллинз
ЛЕГИОНЫ РИМА

XVII
Галльский легион

XVIII
Галльский легион

XIX
Галльский легион

XX
Валериев
Победоносный легион

XXI
Стремительный легион

XXII
Дейотаров
легион

XXII
благочестивый и верный легион
Фортуны Первожденной

XXX
Ульпиев легион

Преторианская гвардия

Германская гвардия

Императорские
сингуляры

Командир легиона, должно быть, гордился этим золотым мечом и ножнами к нему

Камень с изображением императора Августа в начале его царствования. Август был отцом имперских легионов: он улучшил их организацию и командную структуру

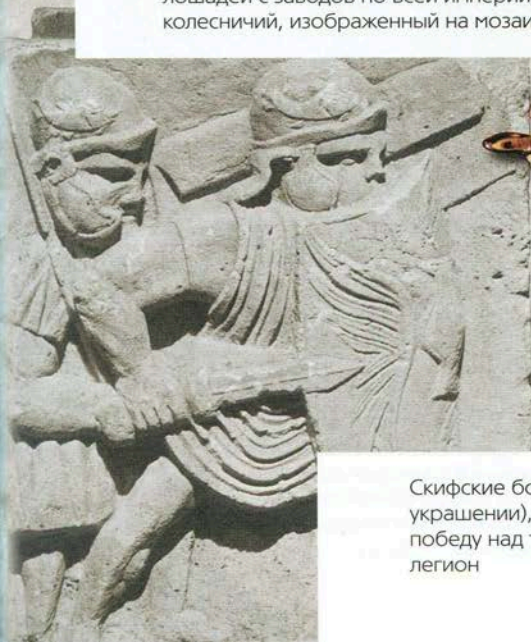
Римские офицеры и воины морской пехоты готовятся идти на abordаж вражеского судна. Гребцы (они сидели под палубой, здесь их не видно) были свободными моряками, получавшими зарплату, и их также готовили к участию в abordаже

Этот римский акведук, который проходит вдоль Средиземного моря в Цезарее (Израиль), был построен войсками X легиона Пролива

Римские объединения, устраивавшие скачки колесниц, имели право первыми брать лошадей с заводов по всей империи, имея преимущества перед римской армией. Этот колесничий, изображенный на мозаике пола, выступает за команду «Зеленых»

Скифские бойцы (такие, как показано на этом золотом украшении), как правило, были вооружены луками. Именно за победу над такими воинами получил свое название IV Скифский легион

На этой скульптуре изображен император Клавдий, повергающий наземь женскую фигуру, которая символизирует Британию. Клавдий, у которого не было военного опыта, заставил замолчать своих критиков-военных, возглавив вторжение в Британию четырех легионов в 43 году н. э.

Мощная крепость Антония в Иерусалиме, построенная Иродом Великим и названная в честь его друга — Марка Антония, была преторием легионных когорт, размещенных в Иерусалиме. Она пала под натиском иудейских мятежников в 66 году н. э. и была полностью разрушена легионами Тита в 70-м

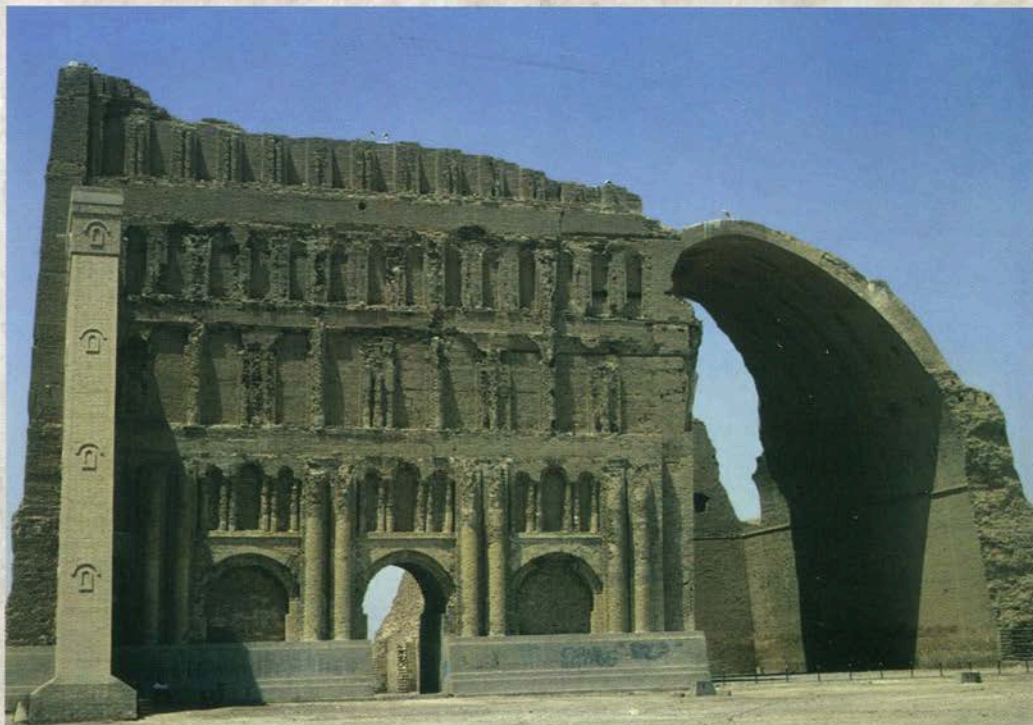
Сегодня на скалистой вершине Масады видны развалины дворца Ирода. Масада была одной из первых римских крепостей, захваченных иудейскими мятежниками в 66 году н. э. Затем она снова была взята X легионом Пролыва и вспомогательными войсками в 73 году н. э.

Стивен Дандо-Коллинз
ЛЕГИОНЫ РИМА

Колонна Траяна стала хроникой завоевания Траяном Дакии после двух кровавых войн. Ее нужно было «читать», поднимаясь вокруг нее по мосткам, первоначально обвивавшим кругом колонну (они не сохранились)

Большая часть царствования Марка Аврелия приходится на II век н. э., когда он руководил борьбой против германских племен, которые вторглись на римскую территорию, переправившись через Дунай

Ктесифон, одна из столиц Парфии, руины которой можно видеть и сегодня, была целью нескольких вторжений римлян, и легионы дважды брали ее

Солдатский император Пертинакс, изображенный на этой золотой монете, царствовал лишь несколько месяцев. Его убийство заставило Септимия Севера решиться захватить трон и наказать за смерть Пертинакса преторианскую гвардию

Солдатский император Септимий Север (справа) со своими сыновьями — амбициозным Каракаллой и злополучным Гетой. Этот рельеф, который можно датировать примерно 203—204 годами, — с арки Севера в родном городе Севера Лептис Магна (сегодня Ливия в Северной Африке)

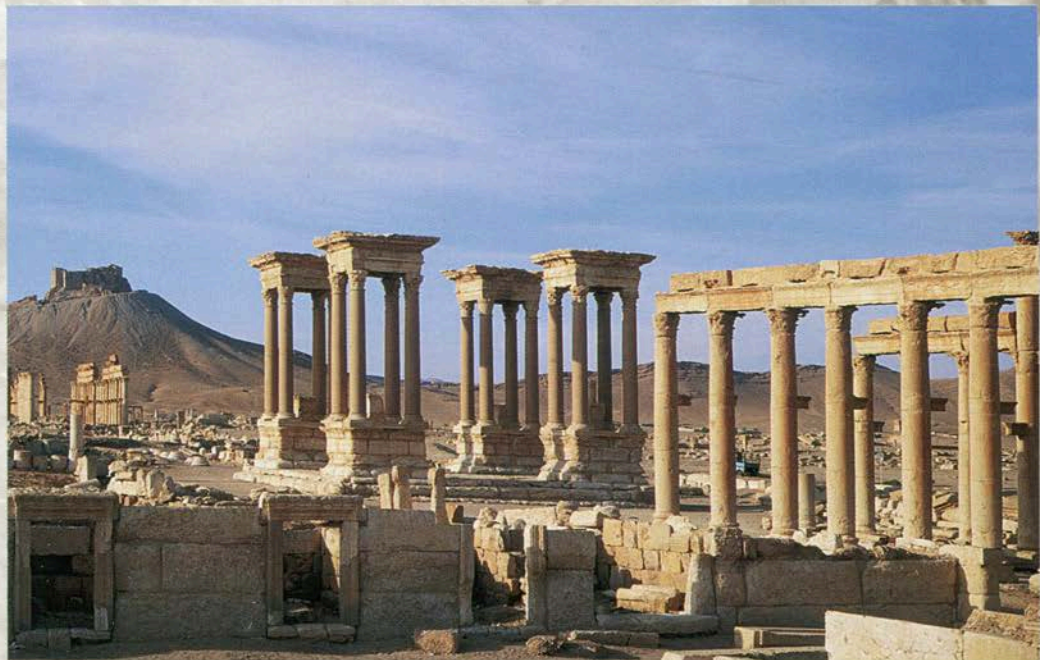

Гелиогабалу, царствовавшему в 218—222 годах, было только четырнадцать, когда он стал императором при поддержке легионов. Его эксцентричное поведение привело к его убийству собственной преторианской гвардией — обычное дело для таких неуправляемых императоров

Максимиан как раз сражался с варварами на Балканах (как показано здесь, на саркофаге Людовизи), когда прибыла весть, что сенат заменил его отцом и сыном Гордианами. Он повел свои легионы в Италию, чтобы защитить свой трон, но его убили воины его собственного II Парфянского легиона и преторианцы

Храм Бела в сердце города-государства Пальмира. Город был уничтожен римскими легионами после поражения армии царицы Зенобии. Во время триумфа Зенобию провели по улицам Рима в золотых цепях. Она жила на вилле Адриана в Тиволи близ Рима и в конце концов вышла замуж за римского сенатора

Валентиниан I (изображен на этом медальоне) был кавалерийским командиром до того, как получил трон; он принял участие в знаменитой победе Юлиана при Аргенторате (сегодня Страсбург) против огромной армии германских захватчиков

Стивен Данло-Коллинз
ЛЕГИОНЫ РИМА

Годами Стилихон и его легионы не пускали Алариха и его визиготов за эти массивные стены, построенные императором Аврелианом. Как только Стилихона не стало, захват Рима Аларихом в 410 году н. э. стал неизбежен

INSIGNIA VIRI ILLUSTRIS. MAGISTRI EQVITVM.

Notitia Dignitatum, чьи страницы датируются учеными по-разному — между 360 и 420 годом н. э., показывает эмблемы щитов и указывает, где размещались сотни военных подразделений поздней империи. Многие из этих подразделений исчезли к началу V века: их стерли с лица земли персы на Востоке и завоеватели из-за Рейна и Дуная

Паннонская война, про которую Светоний говорит: «самая тяжелая из всех войн римлян с внешними врагами после Пунических», подходила к концу (*Suet.* III, 16). Батон получил прощение и дом в итальянском морском городе Равенне. По всей видимости, он провел остаток своей жизни под домашним арестом в Равенне. Сенат назначил Тиберию триумф и дал ему звание императора за пресечение восстания. Германик был сделан претором; ему и всем другим римским полководцам, участвовавшим в кампании, были дарованы триумфальные почести.

Но в то самое время, когда юный Германик поднимался со своего сиденья в сенате, чтобы официально объявить конец Паннонской войны, Тиберий спешил в Германию. Рим скоро узнает почему и будет опять охвачен паникой — когда до него дойдут новости о катастрофе Вара.

9 год н. э.

IX
КАТАСТРОФА ВАРА

Истребление в Тевтобургском лесу

Это было в сентябре, в дни увядания лета. Растянутая на мили, большая римская военная колонна двигалась на запад к реке Рейну, проведя много месяцев в Германии к востоку от Рейна. Колонну возглавлял командир двух римских армий — верхнего и нижнего Рейна — Публий Квинтилий Вар. Происходившему «из семьи скорей известной, чем знатной», согласно Веллею Патеркулу, знавшему его римскому офицеру, Вару было уже за пятьдесят (*Velle.* II, CXVII).

Отец полководца, Секст Квинтилий Вар, поддерживал «освободителей», Брута и Кассия, против Октавиана, Антония и Лепида и лишил себя жизни вслед за поражением «освободителей» при Филиппах в 42 году до н. э. Без сомнения, потому что Вар был свойственником Августа, последний не мешал карьере Вара, позволив ему стать консулом в 13 году до н. э. и проконсулом Сирии в следующем десятилетии. Вар был, по словам Веллея, «человеком серьезных и благих намерений» (*Velle.* II, CXX).

В Сирии Вар действовал с расторопностью, чтобы противостоять недолгому еврейскому восстанию в Иерусалиме после смерти царя

Ирода Великого. Но теперь, двенадцать лет спустя, Вар стал ленивым и неосторожным. Согласно Веллею, в то время сражавшемуся на Паннонской войне с Тиберием и Германиком, Вар был не полководцем-победителем, а «человеком мягким, спокойного нрава», который к 9 году н. э. стал «пригодным скорее к лагерному досугу, чем к превратностям войны» (*Velle.* II, CXVII).

Вар был вызван из спокойного увольнения в 6 году н. э., чтобы стать общим римским командующим на Рейне. Тиберий вел кампанию в Боемии против германцев-свебов, когда он был вынужден срочно приостановить эти операции и повести свои легионы на юг, чтобы подавить крупное восстание в Паннонии и Далмации, превратившееся в изнуряющую трехлетнюю Паннонскую войну. Тиберий, в 9 году н. э. все еще заливавший последние углы этого восстания, оставил Вару три легиона на нижнем Рейне и еще два на верхнем Рейне — за последние отвечал племянник Вара Люций Аспрен. Соединенные силы на Рейне насчитывали теперь пять легионов в сравнении с двенадцатью—пятнадцатью легионами, которыми ранее командовали здесь Тиберий и его брат Друз. Тиберий также забрал с Рейна большое количество вспомогательных и союзных частей для службы на Паннонской войне; Светоний писал, что 75 тысяч вспомогательных и союзных войск поддерживали легионы, сражавшиеся в Паннонии и Далмации (*Suet.* III, 16).

Чтобы заполнить пробелы, оставленные отбытием всех этих частей, германские племена — союзники Рима должны были, согласно договорам, предоставить под начало Вара когорты союзных германских войск. Не то чтобы на Рейне требовалось больше военной силы. В результате кампаний Друза, Тиберия и других Август чувствовал, что Германия к востоку от Рейна была замирена. Процветающая римская торговля в Восточной Германии, казалось, поддерживает эту веру. За три года командования Вара каждую весну он переводил свои войска через Рейн и, соединившись с контингентом германских союзников, проходил маршем Германию между Рейном и Эльбой, чтобы как внушить местным жителям почтительный ужас, так и ободрить их.

В различных германских поселениях по дороге Вар останавливался, чтобы рассудить местные тяжбы. Согласно Веллею, Вару «казалось, будто он в должности городского претора творит суд на Форуме, а не командует войском в центре германских пределов». Вар был убежден, что племена германцев были уже подчинены и хотели принять римский образ жизни и римское правосудие. Кампании Вара в Германии не приводили ни к сражениям, ни к добыче для его легионов; вместо этого,

согласно Веллею, в последнем году Вар «протянул летнюю кампанию, словно бы находясь среди людей, радующихся сладости мира, и разбирая по порядку дела с судейского возвышения» (*Velle. II, CXVII*).

Все это лето Вара сопровождали в его продвижении по Германии местные вожди и князья, включая сына вождя племени херусков, который, как говорит Веллей, был «усердным участником наших прежних походов». Этот юный князь, который станет известен будущим поколениям немцев как Герман, принял римское имя Арминий (*Velle. II, CXVIII*).

Подобно своему брату Флаву, Арминий служил как офицер в римской армии, стал римским гражданином и членом всаднического сословия. Флав, который, по всей видимости, сражался тогда на стороне Рима в Паннонской войне, до того служил под началом Тиберия на Рейне и получил много римских наград за храбрость (*Tac. A. II, 9, 10*).

Арминий производил впечатление молодого человека — «знатного, в бою отважного, с живым умом», согласно Веллею, который должен был быть знаком с Арминием, поскольку служил в армии Тиберия на Рейне префектом вспомогательных войск и трибуном. Веллей называл молодого германца юношей «с лицом и глазами, отражавшими отблеск его души» (*Tac. A. II, 9, 10*). Со времен, когда Арминий жил среди римлян, до нас дошел его мраморный бюст. Он изображает молодого человека, чисто выбритого на римский манер, но с вьющимися волосами, ниспадающими в германском стиле на уши, и, в соответствии с описанием Веллея, с выразительными глазами.

Арминий, которому не было еще тридцати, «служил в римской армии, начальствуя над своими соотечественниками», говорит Тацит (*Tac. A. II, 10*). С рангом, эквивалентным рангу римского префекта, Арминий начальствовал над когортой союзных херусков при армии Вара. Арминий особенно подружился с Варом, и в течение того лета Арминий и Сегимер, брат вождя племени хаттов, были так близки к Вару, что они «постоянно его сопровождали и часто обедали с ним» (*Dio. RH. LVI, 19*).

Бюст Арминия, известного немцам как Герман, выполнен, когда он служил офицером римской армии, до того как возглавил восстание германских племен против римской власти

Но на последнем пиру, данном перед тем, как Вар повел свои войска назад через Рейн на зиму, Сегест, вождь хаттов (которому Август даровал гражданство и который ценил союз между Римом и своим народом), встал и предупредил Вара, что Арминий и другие вожди германских племен планировали восстание против Рима. Это был не первый раз, когда Сегест предупреждал Вара об Арминии, но на этот раз он говорил гораздо более определенно. Вар, как это было и раньше, отменил предупреждение старого вождя. Римский полководец, полностью доверявший Арминию, приписал это предупреждение Сегеста, как и остальные, личной вражде между Сегестом и Арминием, так как Арминий похитил дочь Сегеста Туснельду после того, как ее отец обещал ее руку другому (*Tac. A. I, 55*). Ярость Сегеста только увеличилась оттого, что отец Арминия Сигимер одобрил последовавший брак Арминия и Туснельды, ни во что не поставив возражения отца невесты, его собрата-вождя (*Tac. A. I, 55; Velle. II, CXVIII*). Эти семейные события послужили, по мнению Вара, причиной того, что Сегест придумал заговор с участием его прекрасного юного друга Арминия, и, к несчастью для себя, Вар «отказывается поверить в заговор» (*Velle. II, CXVIII*).

Вар даже не слушал, когда Сегест предложил ему арестовать его самого и всех остальных присутствующих германских вождей, включая Арминия, и, когда они будут в цепях, допросить их о тайном уговоре восстать против Рима в нарушение заключенных ими мирных договоров (*Tac. A. I, 55; Velle. II, CXVIII*). Другие приближенные Вара побуждали его прислушаться к Сегесту, но, как говорит Дион Кассий, Вар только раздражался и «упрекал их за то, что они волнуются без необходимости и оговаривают его друзьями» (*Dio. LVI, 19*).

Армия Вара теперь направлялась на запад, собираясь следовать линии римских укреплений вдоль реки Липпе. Он намеревался перейти обратно на римскую территорию по понтонному мосту там, где Липпе впадает в Рейн у Старых лагерей (современный Ксантен в Голландии). Этот поход должен был занять приблизительно десять дней. Союзные германские войска уже покинули Вара, направившись к своим территориям, и по просьбе германских племен Вар разбил свои легионы, распределив некоторые из их когорт в крупные поселения по всей Восточной Германии, чтобы они перезимовали там с местным населением до его возвращения весной (*Dio. LVI, 19*).

Другие римские подразделения обосновались на зиму в фортах к востоку от Рейна. Теперь Вар вел к Рейну оставшиеся когорты своих трех легионов плюс шесть вспомогательных когорт и три алы кавале-

рии (*Velle. II, CXVII*). О каких именно когортах и алах идет речь, неизвестно, но, согласно Диону, по крайней мере одна из вспомогательных когорт состояла из лучников (*Dio. LVI, 21*).

Двумя из легионов Вара были XVIII и XIX, а третьим почти наверняка был XVII. XVII легион служил в Аквитании под началом Тиберия, затем, возможно, принимал участие в Ретийской кампании 15 года до н. э., прежде чем устроить свой постоянный зимний лагерь в Новезии на Рейне (современный Нойс). XVIII легион имел похожий послужной список, прежде чем обосновался в крепости легионов в Старых лагерях, в то время как XIX служил в Галлии с Тиберием, а затем принял участие в Ретийской кампании. Базой XIX легиона был Кельн.

Согласно римскому историку Тациту, когда Вар вел свои легионы назад к Рейну, они были «лишены начальства» (*vagas* — буквально: «заблудившиеся». — *Пер.*) (*Тас. А. II, 46*). Это значит, что у них не было старших офицеров: легатов или трибунов-латиклавиев. Утверждение Тацита поддерживает Веллей, который пишет, что, в то время как колонна направлялась к Рейну, два из трех легионов возглавляли префекты лагерей, третьи по старшинству офицеры легиона. Третий префект лагеря, как говорит Веллей, командовал римским фортом к востоку от Рейна. Соответственно, когорты третьего легиона в колонне возглавлял их старший центурион (*Velle. II, CXIX, CXX*).

Ни Веллей, ни Тацит не объясняют это крайне необычное отсутствие старших офицеров легиона. Возможно, что требования и потери Паннонской войны увели старших офицеров из рейнских легионов; в изнуряющую трехлетнюю борьбу в Паннонии было вовлечено пятнадцать легионов (*Suet. III, 16*). С другой стороны, прежде чем отправиться из Восточной Германии, Вар, возможно, позволил своим старшим офицерам покинуть его колонну и вернуться в Нижнюю Германию или даже отправиться на зиму домой в Рим.

Из офицеров Вара нам известен префект одной из трех кавалерийских ал колонны, Вала Нумоний, «уравновешенный и честный человек», согласно Веллею, который должен был быть с ним знаком. В колонне также был знатный молодой человек, который, как говорит Веллей, звался Кальд Целий (*Velle. II, CXIX*). Молодой Целий, видимо, был младшим офицером в ранге трибуна-ангустиклавия (всего их в легионе было пять).

В колонне были десятки центурионов, из них нам известен только один. 53-летний Марк Целий, не родственник упомянутого выше молодого трибуна, был центурионом первого ранга в XVIII легионе, от-

служившим свой полный срок в римской армии и служившим уже сверхсрочно. Получивший многочисленные награды за храбрость, в том числе два золотых торквеса, центурион Целий, дородный, кудрявый мужчина, был уроженцем теперешней Болоньи в Северной Италии.

В то время как центурион Целий ехал верхом во главе своих подчиненных из XVIII легиона, вероятно, что двое его слуг, Приват и Тиамин, шли пешком в составе большого гражданского обоза, тянувшегося за военной колонной. Тысячи гражданских лиц следовали за римской армией, передвигавшейся по Германии этим летом. Среди них, как пишет Дион, было «немало женщин и детей» из незаконных семей легионеров и «большая свита слуг», таких как вольноотпущенники центуриона Целия (*Dio. LVI, 20*).

Некоторое количество германских вождей сопровождало Вара, когда он отправился к Рейну со своей армией; Арминия среди них не было. Сегест впоследствии утверждал, что после пира, на котором Вар отказался прислушаться к его последнему предупреждению, вождь хаттов заключил Арминия в цепи, надеясь предотвратить восстание. Но на следующий день Арминий был освобожден своими товарищами-херусками, в свою очередь заключившими в цепи Сегеста (*Tac. A. I, 58*).

Тем временем германские вожди, ехавшие с Варом, присутствовали, когда поступили срочные известия о восстании среди германских племен к северу. Вар немедленно повернул колонну на север, чтобы прийти к месту событий и подавить восстание. В этот момент германские вожди, находившиеся с Варом, «умоляли отпустить их, с тем чтобы, как они утверждали, собрать их союзные силы, после чего они немедленно придут ему на помощь» (*Dio. LVI, 19*). Германцы ускакали прочь. Но большинство из них не собиралось приводить войска на помощь Вару, как они обещали; их сородичи были готовы неожиданно напасть на армию Вара.

Сегест говорил правду. Арминий планировал восстание германских племен. «Вялостью нашего полководца как поводом для преступления воспользовался тогда Арминий, — говорит Веллей. — Он весьма здраво рассудил, что никто не может быть застигнут врасплох быстрее, чем тот, кто ничего не опасается» (*Velle. II, CXVIII*). Сперва, пишет Веллей, Арминий вовлек в заговор лишь немногих вождей других племен. Даже среди племени, к которому принадлежал сам Арминий, херусков, были уважаемые люди, как, например, его дядя Ингвиомер, «издавна пользовавшийся у римлян большим уважением», с которыми Арминий не мог спокойно обсуждать планы восстания против Рима (*Tac. A. I, 60*).

Первым германским вождем, присоединившимся к Арминию, как указывает Дион, был Сегимер, брат Сегеста, который был готов пойти против царя и вовлечь в восстание большинство мощного племени хаттов (*Dio. LVI, 19*). Как только хатты приняли решение пойти на войну, Арминию стало легче привлечь к заговору «большинство» других племен (*Velle. II, CXVIII*). Убедив других племенных вождей, что «римлян можно победить», если германцы будут действовать тайно и сплоченно, Арминий, знающий, что Вар планировал покинуть Германию в сентябре, назначил срок, когда все племена восстанут как одно (*Velle. II, CXVIII*). Пока же они должны были вооружиться и тайно готовить своих воинов.

В избранный день «мужчины каждого племени истребили отряды солдат, о которых они ранее просили» (*Dio. LVI, 19*). Избавившись от римских войск, расквартированных в их поселениях, отряды германских воинов отправились к назначенному месту встречи на территории херусков. В то же время к Вару послали, чтобы сообщить ему, что на севере началось восстание, и тем самым заманить его в тщательно спланированную ловушку.

По приказу Арминия германских вождей, которые могли встать на сторону римлян, заковали в цепи. Одним из таких германцев был Бойокал, князь большого племени амписвариев. Ставший позднее царем амписвариев, он будет оставаться союзником Рима более полувека. Бойокал, которому тогда шел третий десяток, видимо, служил префектом германских вспомогательных войск при Варе в 9 году н. э. Схваченный сторонниками Арминия, когда он ехал, чтобы поднять своих воинов на помощь Вару после первого сообщения о восстании, Бойокал был заключен в цепи в германской деревне. Хотя он смог бежать и пересечь Рейн, он прибыл на римскую территорию слишком поздно, чтобы предупредить о восстании. Дело было уже сделано, и римская кровь пролилась в большом количестве (*Тас. А. XIII, 55*).

Тем временем ничего не подозревавший Вар и его войска шли, чтобы встретить свою судьбу в лесу, который Тацит называет Тевтобургским. Точное место засады не указано ни одним античным автором, но Дион говорит, что хитростью германцев Вар был заманен «далеко от Рейна в страну херусков, в сторону реки Висургий» (теперешний Везер) (*Dio. LVI, 18*). Согласно Диону, чтобы достичь избранного места засады, колонна Вара должна была пройти через местность, где преобладали «горы с неровной поверхностью, испещренные ущельями, в которых тесно росли высокие деревья» (*Dio. LVI, 20*).

С 1700-х годов немецкие историки были убеждены, что горы, о которых упоминает Дион, были на самом деле Везерскими горами, поскольку, чтобы добраться от Липпе до Везера, колонна Вара должна была пересечь эти горы. По примеру Тацита лесу, покрывающему Везерские горы, было дано имя Тевтобургского леса. Здесь покрытые густым лесом гребни из известняка и песчаника загибаются на юг от реки Эмс на 60 миль (96 километров). В 1875 году, в память о победе 9 года н. э. над легионами Вара, на вершине Гротенбургского холма вблизи Детмольда, у южного края Везерских гор, была воздвигнута массивная статуя Арминия, так называемый «памятник Герману».

Тем не менее уже в 1716 году немецкие крестьяне находили римские монеты недалеко от Калкризе, на другом, северном краю Везерских гор.

Калкризе, к северо-востоку от города Оснабрюк, считался тогда одним из возможных местонахождений засады германцев, в которую попала армия Вара (*Wells*. 3). Затем, в 1987—1988 годах, офицер британской армии Тони Кланн также обнаружил в почве Калкризе многочисленные римские артефакты. Находка трех свинцовых снарядов для пращи убедила немецкие власти, что это место связано с римской армией. В результате немецкие археологи провели серию широкомасштабных раскопок, которые, на протяжении более десятка лет, дали более 4 тысяч римских артефактов, большинство из них военного характера (*Wells*. 3).

По иронии судьбы свинцовые снаряды, обратившие на себя внимание немецких археологов, могли быть германскими, а не римскими. Тацит, описывая битву 70 года н. э. у Старых лагерей на восточном берегу Рейна, говорил,

Так называемый «памятник Герману» — массивная статуя Арминия, воздвигнутая у южного края Везерских гор

что в начале битвы «(в) римлян полетели камни, глиняные ядра и другие метательные снаряды», выпущенные германцами и батавами, противостоявшими римской армии (Тас. Н. V, 17). Возможно, что под руководством Арминия и других германцев, служивших в римской армии, германские племена к 9 году н. э. научились изготавливать и использовать пращи со свинцовыми снарядами.

Эти археологические открытия и положение Калкризе на возможном пути Вара к Везеру убедили многих, что именно здесь было место последней битвы Квинтилия Вара и его легионов. Мы знаем, что Вар не разбил колонну, а пошел на север со всем своим войском, включая большой вещевого обоз. Некоторые из людей, следовавших за лагерем, как кажется, покинули колонну, чтобы ожидать возвращения легионов, укрывшись в римских фортах к востоку от Рейна. Но, как пишет Дион, многие гражданские, включая женщин и детей, продолжали следовать за Варом и его войском или чтобы оставаться под защитой, или в ожидании добычи и празднования, когда легионы подавят «восстание», заманивавшее их на север (Dio. LVI, 20). Находки женских ювелирных изделий в Калкризе подтверждают это (Wells. 3).

С учетом того, что некоторые из их когорт были отправлены Варом зимовать в германских поселениях — к тому времени эти когорты уже были перерезаны германцами, — три легиона Вара должны были насчитывать около 10 тысяч человек. Как сообщает Веллей, колонна включала также 1500 солдат вспомогательной конницы и 3 тысячи солдат вспомогательной легкой пехоты. Германцы, которых послали, чтобы завести римскую армию в ловушку Арминия, сделали все точно как в римских учебниках военного дела: они заманили армию из примерно 14 500 человек во главе с кавалерией и вспомогательной пехотой в Везерские холмы. Затем следовали саперы. В авангарде колонны ехал верхом сам командующий, его штаб и конные телохранители. Далее, видимо, следовали два легиона, а за ними — растянутый обоз, включавший так же «много телег и навьюченных животных, как в мирное время» (Wells. 3).

Зная, что плохо защищенный, полностью нагруженный обоз, направляющийся к Рейну сам по себе, привлек бы склонных к грабежу германцев, как мед медведей, Вар отказался отослать обоз, в котором должно было быть около 1800 навьюченных мулов — обычно на каждые восемь солдат приходился один мул. Но он и не облегчил обоз, чтобы ускорить свое продвижение. Также с колонной должны были двигаться сотни запряженных мулами и волами двухколесных тележек,

нагруженных катапультами трех легионов, а также боеприпасами, палатками и мильными камнями, мебелью и столовым серебром офицеров и провиантом для похода. Как указывают находки в Калкризе, обоз вез также столь разнообразные предметы, как медицинские инструменты, стеклянные фигурки для игры и статуэтки домашних богов офицеров (*Wells*. 3).

Отряд всадников прикрывал тыл, а за ним следовали — с осторожностью, возрастающей по мере того, как они входили в зловещий лес из высоких берез, елей и дубов, — гражданские лица. Легионеры колонны шли в походном порядке. Их личные пожитки висели на носильных шестах, перекинутых через плечо: скатки, инструменты для копания траншей, обеденная посуда, награды за храбрость и пайки. Дротики и по два кола для частокола на человека были привязаны к шестам. Щиты, завернутые в защитные кожаные чехлы, были переброшены через левое плечо. Шлемы, подвешенные к шее, висели на груди. С таким грузом и длинным обозом они покрывали 15—18 миль (24—29 километров) в день, идя до полудня, а затем разбивая лагерь для ночевки и собирая дрова, фураж и принося воду, и это повторялось каждый день.

В Тевтобургском лесу Арминия и готовые к бою германцы «прошли через самую густую чащу, поскольку они знали местные тропы», а затем заняли позиции среди деревьев на склоне холма, где их не было видно, и стали ждать. Не все племена ответили на призыв к войне, и некоторые отряды, пришедшие к Везерским горам, выжидали, желая сначала узнать исход первой атаки Арминия. Черные тучи закрыли небо. Ливень, начавшийся этим утром как легкий дождь, лил на воинов, а дикий ветер хлестал верхушки деревьев. Но, по крайней мере, буря скрывала любой звук, издававшийся затаившимися германцами и их лошадьми, так что приближающиеся римляне не были предупреждены об их присутствии (*Dio*. LVI, 20—21).

Помимо Арминия и его херусков, среди ожидавших в лесу племен были грозные хатты, народ, отличавшийся «особо крепким телосложением, сухощавостью, устрашающим обликом, необыкновенной непреклонностью духа», согласно Тациту. Отряды хаттов возглавлял Сегимер, с которым был его сын. Видимо, присутствовали и другие вожди хаттских кланов: Катумер, тесть Флава, брата Арминия, а также Арп и Адгандестрий; все трое в будущем станут царями хаттов. Хатты в основном сражались пешими и всегда хорошо готовились, решаясь на военное предприятие. Вдобавок к оружию они несли инструменты для

копания траншей и продовольствие. Если другие племена сшибаются в схватках, говорит Тацит, «что о хаттах нужно сказать, что они воюют». Хаттские воины имели обычай, перенятый некоторыми другими племенами: отправляясь на войну, отращивать бороду и сбривать ее, только убив в битве врага (*Тас. Герм.* 30).

Присутствовали также и хавки. Они были покорены мощными армиями, прошедшими по Германии под начальством Друза и Тиберия двумя десятилетиями раньше, но в 5 году н. э., когда Тиберий вел новую кампанию в Германии, их молодые воины стали опять причинять беспокойство Риму, пока Тиберий не принудил их сдаться и сложить оружие. Те самые молодые люди вновь вооружились и пришли отомстить за былые унижения. Явились и бруктеры, жившие к северу от Липпе, узипеты и тубанты, а также ближайшие соседи и зависимые союзники херусков, фосы. Племя марсов, обитавших между реками Липпе и Рур, также было там, вместе с другими племенами, вероятно пославшими воинов, тенктерами, хамавами, ангривариями, сугамбрами и маттиаками.

В целом присутствовало около 30 тысяч германцев. Первые ряды войска у германцев сражались 12-футовым (3,6-метровым) деревянным копьем. Воины во втором ряду несли *framea* — короткое копье с металлическим наконечником, используемое как для метания, так и для прокола, бывшее в употреблении по всей Европе. Некоторые из воинов пришли вооруженные только стволом молодого дерева, чей конец был заострен и сделан твердым с помощью огня. Люди благородного происхождения несли мечи, копья римских гладиусов, и большие тупоконечные широкие мечи.

Все племена имели при себе плоские щиты, которые обычно делались из дубовых или липовых планок. Бедные воины довольствовались плетеными из ивовых прутьев щитами, покрытыми кожей. Форма щитов у разных племен была разная; хатты использовали маленький квадратный щит, а другие племена носили более существенные прямоугольные щиты длиной вплоть до 4 футов (1,2 метра). Все германцы обычно носили плащ, заколотый на одном плече брошью или булавкой. Состоятельные члены племени щеголяли доспехами — нагрудниками и шлемами, но некоторые под своими плащами были полностью голыми. И все бывшие в засаде германцы сейчас мокли под дождем.

Людам Вара было трудно идти через холмы, им приходилось «валить деревья, строить дороги и наводить мосты там, где это было нужно», говорит Дион (*Dio.* IV, 20). Буря только ухудшала ситуацию, раз-

деляя разные части колонны по мере того, как почва под ногами становилась скользкой и дождевая вода смывала землю, обнажая корни и бревна, которые становились препятствиями для тележных колес. Ветер был так силен, что отламывал с деревьев ветки, падавшие на колонну (*Dio. LV, 20*).

Арминий умело выбрал место для засады. Узкие ущелья и заболоченная во многих местах почва Везерских гор не давали развернуться кавалерии, а тяжелая пехота легионов не могла использовать обычный боевой строй. Что касается германцев, то для них Тевтобургский лес имел религиозное значение: в нем было несколько рощ, посвященных германским богам. Казалось, что боги одобряют предприятие германцев, поскольку неистовая буря только помогала германцам, делая условия для пытавшейся пройти по мокрой от дождя земле колонны еще более мучительными и изнуряющими.

Арминий распределил позиции участвовавших племен по пути следования Вара и приказал ждать сигнала, чтобы ударить. Колонна появилась в поле зрения и медленно заполнила ущелье напротив Арминия. Согласно Диону, буря разбила колонну на несколько разбросанных частей, так что разные подразделения смешались с повозками и гражданскими лицами. Это было на руку Арминию. Он дал сигнал начать атаку, и с двух сторон ущелья из-за деревьев с ревом появились германцы и стали забрасывать римлян камнями, снарядами из пращей и метательными копьями, в то время как их сородичи бежали, чтобы перекрыть вход и выход из ущелья.

«Сначала они [германцы] бросали свои снаряды издалека», — говорит Дион. Когда метательные снаряды стали падать на них со всех сторон, римляне, застигнутые врасплох, бросили свои носильные щесты — к которым были подвешены их метательные копья — и в спешке подняли щиты, чтобы защититься от снарядов. Многие римляне были ранены метательными снарядами в эти первые минуты атаки. Когда германцы обнаружили, что римляне не ведут ответный огонь, бросая дротики, они подошли поближе, чтобы бросить свои копья с более близкого расстояния. Римляне, которые не могли собраться в регулярный строй и «на каждом из мест уступая в числе нападавшим, понесли тяжелый урон и не могли организовать сопротивление» (*Dio. LV, 20*).

Эти легионы не были худшими. Веллей Патеркул служил префектом всадников в Германской кампании с XVII, XVIII и XIX легионами. Он считал, что это армия, «прославленная своей доблестью, первая из

римских армий по дисциплине и опытности в военном деле» (*Velle*. II, СХІХ). Но при всей своей дисциплине, энергии и опытности эти легионы оказались в отчаянном положении. Вар приказал разбить на месте походный лагерь. «Найдя подходящее место, насколько это было возможно на заросшей лесом горе», часть армии выкопала рвы и построила стены лагеря, в то время как оставшиеся войска сдерживали германцев (*Dio*. LVI, 21).

С наступлением сумерек германцы отошли; Вар и его окровавленные войска вместе с до смерти перепуганными гражданскими провели бессонную ночь за стенами лагеря. Вар, как представляется, непоколебимо решил продвигаться вперед, убежденный, что его помощь нужна на севере. Возможно, что первоначальное сообщение о германском восстании включало ложь о том, что Арминий попал в ловушку, и Вар, понятия не имея, что на самом деле Арминий возглавлял атаку на него, был полон решимости спасти своего юного друга. Должно быть, он думал, что атакующие этим днем были посланы, чтобы не дать ему оказать помощь оставшимся верными войскам на севере. Вар, человек чести, твердо решил пробиться через холмы и спасти своих товарищей, так же как он спас легион, бывший под осадой в Иерусалиме двенадцать лет назад.

Как показали последующие события, Вар, возможно, столкнулся с сопротивлением со стороны части своих подчиненных на военном совете этой ночью, людей, которые хотели повернуть назад и пробиваться к Рейну. Но Вар не желал ничего слушать. Он дал приказ оставить и сжечь большинство повозок и бросить все, кроме абсолютно необходимого. Так он убивал двух зайцев: облегчал груз и отвлекал внимание германцев, которые должны были грабить оставленный римлянами обоз (*Dio*. LVI,

Бронзовый колокольчик, набитый соломой, найден в Калкризе (предположительно последняя стоянка лагеря Вара)

21). Возможно также, что Вар приказал легионам отправиться до зари, чтобы застигнуть врага врасплох и дать колонне шанс уйти, прежде чем взойдет солнце, так как среди многих предметов, найденных в Калкризе, был бронзовый колокольчик для мула, такой, какой и по сей день вешают на шею вьючным мулам, набитый соломой, чтобы не дать ему зазвонить (*Wells*. 3). Полководец, намеревающийся выскользнуть из своего лагеря до зари незаметно для врага, должен был приказать погонщикам мулов заглушить их колокольчики.

Безусловно, войско Вара могло бежать из наскоро разбитого лагеря. «На следующий день они продвигались в несколько большем порядке и даже достигли открытой местности, хотя они и не смогли обойтись без потерь», пробиваясь через стоявших на их пути германцев (*Dio*. LVI, 21). За собой они оставили подоженные брошенные повозки, которые, наряду с оставленным багажом, отвлекли внимание большинства германцев. Из повествования Диона следует, что римляне могли провести весь день на марше, прежде чем разбить еще один лагерь на ночь. Но как только германцы собрали свою добычу и спрятали ее, они пустились в погоню и догнали римскую колонну на третий день.

Когда колонна снова вошла в густой лес, германцы всерьез возобновили атаку. На этот раз римляне энергично защищались, но потеряли еще большие потери. «Поскольку они должны были строиться на небольшом пространстве, чтобы и всадники, и пехота могли атаковать врага, — говорит Дион, — они часто сталкивались друг с другом и с деревьями». Изнуренная, израненная армия вновь с трудом разбила походный лагерь на ночь (*Dio*. LVI, 21).

Дион говорит, что, когда занялась заря четвертого дня и истощенные люди Вара возобновили марш, вновь пошел дождь, так затруднявший их продвижение в первый день. Промокшие под ливнем войска теперь хлестал ветер. Так сильна была буря, говорит Дион, что римляне не могли держаться на ногах, не говоря уже о том, чтобы метать дротики или пускать стрелы. Их намокшие щиты тем временем было почти невозможно поднять. Вдобавок к этому времени отряды, первоначально бывшие у Арминия, были усилены вновь присоединившимися германцами, «поскольку многие из тех, кто сначала колебался, теперь присоединились к ним, в основном в надежде на добычу». Выжившие люди из римской колонны оказались вновь окружены численно превосходящими их германцами (*Dio*. LVI, 21).

Веллей говорит, что, наконец, колонна была заперта лесами и болотами и попала в западню (*Velle*. II, CXIX). Если Калкризе было действи-

тельно местом последнего боя Вара, его топография хорошо подходит под описание Веллея, поскольку в нем сочетаются лес и болото. К югу возвышается холм Калкризе, 350 футов (106 метров) высотой. Покрытый густым лесом, в этот сентябрьский день 9 года н. э. холм, должно быть, кишел германскими воинами, укрывающимися за деревьями. К северу находится болотистая местность, известная как Большая Топь. Между холмом и болотом располагается участок сухого, ровного грунта, имеющий форму песочных часов шириной 0,5 мили (0,8 километра) в самом узком месте. Археологи говорят, что этот участок 2 тысячи лет назад был песчаным. Именно там найдено наибольшее количество римских артефактов (*Wells*. 3). Армия Вара, как кажется, попала здесь в ловушку между холмом и болотом, когда она пыталась пройти на северо-восток.

Теперь, когда путь вперед был перекрыт новыми германскими воинами, пришедшими с севера, Вар отдал приказ разбить новый лагерь на месте. Часть легионеров отступила из боя, чтобы начать строить стену лагеря, которая должна была идти вдоль подножия холма, чтобы хоть как-то защитить римлян от германцев на склоне.

Некоторые современные авторы предположили, что эта стена была на самом деле возведена германцами в целях нападения, но это неправдоподобно. Германцы провели несколько дней, преследуя римлян с последнего места боя, и невероятно, чтобы они готовили позицию для битвы в нескольких днях пути на север от первоначального расположения засады, особенно когда нет никаких свидетельств, что они строили стену на первоначальном месте. Кроме того, германцам не было смысла строить стену, которая могла оказаться более полезной для находившихся на открытом пространстве римлян, чем для и так скрытых за деревьями германских воинов. Как и прежде,

Лицевая маска парадного кавалерийского шлема образца, описанного Арианом. Найдена в Калкризе близ Оснабрюка. Предположительно, принадлежала воину армии Вара

Вар приказал разбить походный лагерь, когда дальнейшее продвижение вперед оказалось невозможным. Но работа по его сооружению не могла быть завершена в теперешних, более трудных обстоятельствах.

В этот момент один из офицеров кавалерии Вара решил прорваться на восток. Нумоний Вала, префект конницы, возможно, и раньше предлагал пытаться прорваться к Рейну, но мнение полководца взяло верх. Теперь, как говорит Веллей, Нумоний «подал ужасный пример: оставив пехоту, лишённую поддержки конницы, вместе с другими бежал к Рену». Но Нумоний и его всадники не ушли далеко: «он не пережил покинутых, но был убит как беглец». Разбитые конными и пешими германцами, Нумоний и его всадники погибли недалеко к востоку от основного места битвы (*Velle. II, CXIX*).

Когда редёющие ряды легионеров, которым было приказано разбить лагерь, с трудом выкопали неглубокий ров и набросали у подножия холма стену 5 футов (1,5 метра) высотой, 15 футов (4,5 метра) толщиной у основания и по крайней мере 700 ярдов (640 метров) длиной, немногие выжившие выючные животные были собраны у насыпи, чтобы воспользоваться той незначительной защитой, что она предлагала. Лагерь получше измученные легионеры построить уже не могли. Тем временем покинутый своей конницей Вар, многие солдаты которого были мертвы или ранены, пытался организовать защиту. Но его тоже ранили, по всей видимости копьем. Его телохранители перенесли его на другой конец поля; видимо, ближе к стене. Германцы или начали атаку вниз по склону к стене, или сделали под нее подкоп, поскольку в одном месте стена обрушилась и погребла под собой выючного мула. Скелет мула был обнаружен археологами в 1990-х годах (*Wells. 3*).

С победным криком воины племени бруктеров унесли орла XIX легиона, оставив трупы его знаменосца и других защитников из первой когорты сваленными на поле. Вскоре хавки и марсы схватили орлов XVII и XVIII легионов. Раненый Вар мог видеть, что многие из выживших офицеров тоже были ранены. Несомненно, битва была проиграна. Подражая своим отцу и деду, которые оба в свое время лишили себя жизни, «он пронзил себя» (*Velle. II, CXIX*).

Как кажется, приближенные полководца попытались сжечь его тело, чтобы оно не досталось врагу; их попытка была не вполне удачной, поскольку позже его тело было найдено «полусожженным». Один из двух префектов лагеря, Луций Этгий, последовал примеру своего полководца и также совершил самоубийство (*Velle. II, CXIX*).

Когда весть о смерти Вара распространилась среди выживших римских войск, некоторые офицеры и солдаты также совершили самоубийство. Другие отбросили свои щиты и оружие и сами просили германцев убить их, чему последние были только рады (*Dio. LVI, 22*). Когда многие из римской армии пали, а полководец был мертв, оставшийся в живых префект лагеря, Цейоний, предложил остаткам армии сдаться. Этот поступок вызвал презрение Веллея Патеркула, поскольку сдаться в глазах большинства римлян было бесчестьем. Кроме того, Веллей не мог понять, почему Цейоний предпочел «кончить жизнь казнью, а не в бою» (*Velle. II, CXIX*).

Арминий, приняв предложение Цейония о сдаче, призвал своих соотечественников остановить сражение. Приказ был передан, и по всему полю боя сражение прекратилось и грохот битвы затих. Слышались только стоны раненых, и все глаза обратились на Арминия. Возможно, еще несколько сот римлян оставались в живых; по команде Цейония они сложили оружие. Германцы принесли тяжелые цепи и сковаали пленников. Центурионы и трибуны-ангустиклавики были отделены от солдат, а затем брошены в ямы, вырыть которые заставили рядовых солдат. Поняв, что германцы замышляют для них мучительную смерть, младший трибун Кальд Целий, молодой человек, «достойный древности своего рода», согласно Веллею, схватил звено цепи, которой он был закован, и со всей силой ударил им себя по черепу, что привело к немедленной смерти: «сразу вытекли кровь и мозги» (*Velle. II, CXX*).

Сын Сегимера взглянул на тело Квинтилия Вара, частично обезображенное неумелой попыткой сжечь его. Дорогостоящие доспехи и вещи были сорваны с его трупа, его украшенный золотом шлем сняли как сувенир. Тацит говорит, что молодой хатт глумился над трупом (*Tac. A. I, 71*). Возможно, это был всего лишь пинок; возможно, что гораздо отвратительнее, он ножом выколол глаза мертвого полководца; а возможно, следуя освященной веками традиции, он помочился на тело. Вскоре подошел воин, размахнулся мечом и отсек голову от тела Вара. Голову подняли на острие копья. Десятки тысяч германцев проревели свое одобрение.

Теперь Арминию оставалось только послать голову Вара как трофеем Марободу, царю богемского племени маркоманов, не участвовавшего в нападении на армию Вара. Маробод затем послал ее Августу в Рим. Несмотря на позор, сопутствовавший поражению Вара, Август дал разрешение захоронить голову в семейном склепе вне стен Рима.

На месте битвы, сразу после победы, Арминий взобрался на насыпь — возможно, вал, построенный римскими войсками. Встреченный своими воинами с шумом, он похвалил их за храбрость, высмеял побежденных римлян и плюнул на отобранных римских орлов и другие знамена. У мертвых римских офицеров отрубали головы и прибавляли их к стволам деревьев. Младших центурионов распяли на виду их подчиненных. Трибунов-ангустиклавиев и центурионов первого ранга потащили в бывшие неподалеку священные рощи (*Tac.* A. I, 61).

Эти «священные рощи» представляли собой лужайки в лесу, иногда окруженные высоким частоколом. Во всех них был центральный алтарь, а в некоторых также столы, использовавшиеся для религиозных пиров. В других рощах держали священных белых лошадей. Во избежание святотатства туда не допускались женщины и дети и не допускалась иностранная речь. У некоторых племен было принято, чтобы мужчины омывались в знак ритуального очищения, прежде чем войти в рощи.

Юлий Цезарь писал, что в священных рощах некоторых галльских племен совершались человеческие жертвоприношения, причем жертв помещали в гигантские плетеные клетки в форме человека. Эти клетки подвешивались над огненным алтарем, и жертвы поджаривались в них заживо (*Caes.* GW. VI, 16). Именно так, как нам кажется, погибли последние оставшиеся офицеры XVII, XVIII и XIX легионов — медленной, мучительной смертью, поджаренные, как дичь на вертеле. Вероятно, что центурион первого ранга XVIII легиона Целий был, если он дожил до этого момента, одним из тех, кто погиб в пламени со своими товарищами. Три легиона должны были начать этот сезон с пятнадцатью ангустиклавиями, молодыми офицерами-кадетами 18—19 лет. Все они были членами сословия всадников и сыновьями знатнейших семей Рима. Полстолетия спустя писатель и философ Луций Сенека, главный советник императора Нерона, напишет другу: «Когда разбит был Вар, фортуна унизила многих блестящих по рождению, готовых через военную службу войти в сенат» (*Sen.* L. XLVII).

После праздничных пиров и благодарений богам победители-германцы тронулись с места. Трофеи побежденной римской армии унесли, чтобы разделить их между племенами. Орлы и штандарты истребленных легионов были повешены в священных рощах по всей Германии. Пленные легионеры, закованные в цепи и угнанные, стали рабами германцев. Обнаженные, изуродованные мертвые трех легионов остались там, где они пали.

Но борьба на этом не окончилась: римляне все еще занимали форты на германской земле к востоку от Рейна. Германцы, ободренные своей победой в Тевтобургском лесу, поспешили на запад, чтобы разобрататься и с этими захватчиками.

9 год н. э.

Х
БОРЬБА У ФОРТА АЛИЗОН

Оборона от германцев

Современные археологи установили расположение нескольких римских фортов, существовавших к востоку от Рейна в 9 году н. э. Большинство из них были на реке Липпе. Корабли римских купцов использовали Липпе, чтобы перенести торговлю в Восточную Германию.

От ближайших к Рейну на восток эти форты располагались на месте или недалеко от современных городов Хольстерхаузен, Хальтерн, Бекингдаузен, Обераден и Анреппен. Следы других, меньших по размеру римских укреплений были обнаружены еще восточнее, на таких местах раскопок, как Шпарренбергер Эгге, недалеко от Билефельда, но считается, что это были всего лишь походные лагеря. Постоянные лагеря на Липпе были обширными. Римский форт в Хальтерне, датированный приблизительно 5 годом до н. э., например, покрывал площадь 47 акров (23 гектара) и содержал удобства для одной или более ал всадников (*Wells. 5, 11 & III. 16*).

Как Веллей, так и Дион писали, что восставшие германские племена смогли застать врасплох и захватить все эти форты, кроме одного, видимо беря их один за другим. Археологические раскопки этих фортов показывают, что римское присутствие действительно прекратилось в 9 году н. э.; на местах раскопок обнаружены поспешно захороненные клады монет и других ценных вещей. Во время раскопок в Хальтерне в яме были найдены кости двух дюжин человек, видимо брошенные туда германцами после того, как они взяли форт (*Wells. 5, 11 & III. 16*).

Единственный форт, который держался против атакующих германцев, назывался Ализон. Тацит утверждает, что это был один из фортов на Липпе, хотя он и не указывает его точное расположение. В фор-

те был воздвигнут алтарь памяти Друза Цезаря, и, возможно, именно там Друз скончался в 9 году до н. э. Поскольку многие современные немецкие топонимы сохраняют первую букву или звук первоначального латинского названия, заманчиво было бы предположить, что форт Ализон находился или в Анреппене, или в Оберадене (буквально «над Аденом») (*Velle.* II, CXX; *Tac.* A. II, 7).

Хотя ни один античный автор не указывает точное расположение форта Ализон, Веллей называет его командира, Луция Цецидия, бывшего префектом лагеря одного из легионов, уничтоженных к тому времени в Тевтобургском лесу. Фортуна уберегла префекта лагеря Цецидия от ужасов Тевтобургского леса, но теперь он сам оказался лицом к лицу со смертью. Ализон был осажден неодолимой вражеской силой, говорит Веллей (*Velle.* II, CXX).

Но германцы «не смогли взять этот форт», пишет Дион, «поскольку они не умели правильно вести осаду». Префект лагеря Цецидий достаточно узнал о восстании достаточно рано, чтобы вовремя запереть ворота форта. Ему также повезло, что в форте была когорта лучников, которые «неоднократно отбивали» атаки германцев и «уничтожили большое число их» (*Dio.* LVI, 22).

Германцы окружили форт и решили, что голод заставит римлян подчиниться. Но эта задержка сыграла Риму на руку. Луций Аспренат, племянник Вара и командующий римскими силами на верхнем Рейне, услышав о восстании (возможно, его предупредил Бойокал), поспешил из Верхней Германии в Старые лагеря с двумя своими легионами. Веллей восхвалял Аспрената за быструю реакцию. Прибытие Аспрената на нижний Рейн, говорит он, укрепило в верности «колебавшиеся племена по эту сторону Рена» (*Velle.* II, CXX).

Дион пишет, что воины Арминия, осаждавшие Ализон несколько недель, слышали, что «римляне поставили на Рейне стражу [то есть легионы Аспрената] и что Тиберий приближается с внушительными силами». Этого было достаточно, чтобы отпугнуть некоторых германцев, отказавшихся от участия в осаде и вернувшихся домой. Если Арминий планировал пересечь Рейн и вторгнуться в Галлию — а никаких указаний на то, что это входило в его планы, нет, — у него больше не было людских ресурсов и напора, чтобы организовать такую операцию. Поэтому он оставил отряд германцев охранять ведущие к Рейну дороги на «значительном расстоянии» от форта Ализон, «надеясь перехватить римский гарнизон», когда он появится из-за «нехватки провизии» (*Dio.* LVI, 22).

Веллей сообщает, что ализонский гарнизон действительно испытывал «неимоверные трудности из-за нехватки необходимого». Префект лагеря Цецидий должен был снабжать не только войска своего гарнизона, он должен был прокормить еще немало ртов, так как форт был переполнен гражданскими лицами — женщинами и детьми солдат гарнизона, жившими около форта, а также людьми, следовавшими за лагерем Вара, отделившимися от его колонны, когда несколькими неделями раньше он повернул на север, к Тевтобургскому лесу (*Velle. II, CXX*).

Пока у них была провизия, Цецидий и его люди, запертые в Ализоне, ожидали, когда с западного берега Рейна придет помощь. Но проходили недели, становилось холоднее, а запасы провизии подходили к концу. Цецидий не знал, что Аспренат принял решение не переправляться через Рейн и помощь от римских войск все равно бы не пришла. Цецидий решил выйти из форта и прорываться к Рейну, но идти на запад вслепую он не собирался. Следуя его приказам, разведчики прокрались из форта наружу и осторожно наблюдали за германцами, расположившимися между Ализоном и Рейном, отметив их диспозицию и распорядок их стражи. Теперь Цецидий и его войска «ожидали удобного случая». Такой случай, говорит Дион, представился одной бурной ночью (*Velle. II, CXX; Dio. LVI, 22*).

Должно быть, это была промозглая ноябрьская ночь, и буря бушевала в долине Липпе. Зная, что германцы будут прятаться в укрытии, Цецидий и обитатели форта Ализон выскользнули из форта и стали пробираться в темноте. «Солдатов было мало, невооруженных людей много». Цецидий и его воины шли впереди, готовые сражаться, если это понадобится, но надеясь проскользнуть мимо германцев. Сотни, а возможно, тысячи женщин и детей в страхе плелись позади и, дрожа при ледяных порывах бури и пытаясь не отстать от солдат, несли все ценное, что они смогли унести (*Velle. II, CXX; Dio. LVI, 22*).

«Им удалось пройти незамеченными мимо первого и второго поста врагов», — говорит Дион. Но к тому времени, когда они достигли третьего, и последнего, поста, колонна уже достаточно растянулась, и гражданские, замерзшие, изнуренные и испуганные, потеряли контакт с шедшими впереди солдатами. Женщины и дети запаниковали и стали кричать воинам, чтобы те вернулись за ними, — и эти крики в ночи слышали германские стражники (*Velle. II, CXX; Dio. LVI, 22*).

Цецидий и его воины теперь должны были с боем прорываться через вставших по тревоге врагов. Они сразили первых встреченных ими германцев, но враги приближались со всех сторон. Цецидий должен

был быстро принять решение. Он приказал гражданским бросить всю поклажу и бежать изо всех сил. В то же время он послал вперед своих трубачей и приказал им подать войскам сигнал двигаться ускоренным маршем. Германцы, уже отвлеченные брошенной гражданскими добычей, подумали, что трубы принадлежат римским частям, присланным на подмогу Аспренатом, и прекратили преследование. Некоторые гражданские были убиты или взяты в плен германцами, но «самым смелым» удалось спастись (*Velle. II, CXX; Dio. LVI, 22*), как и Цецидию со своими воинами, который «оружием обеспечил себе возвращение к своим» (*Velle. II, CXX*).

В Старых лагерях Аспренат, узнав, что римские беженцы направляются к Рейну, послал на ту сторону реки войска им на помощь, и Цецидий со своими людьми безопасно достигли западного берега Рейна (*Dio. LVI, 22*). Оставшиеся позади германцы разрушили форт Ализон. Это был заключительный акт восстания Арминия. Оно достигло своей цели — к востоку от Рейна больше не было римского военного присутствия.

9 год н. э.

РЕАКЦИЯ В РИМЕ

Паника и горе

Император Август, услышав в октябре 9 года н. э. новости о том, что позднее стало известно как катастрофа Вара, был обессилен. Он отпустил волосы и месяцами не брился, оплакивая погибшие легионы, как если бы это были его дети. Светоний говорит, что он «не раз бился головою о косяк, восклицая: «Квинтилий Вар, верни легионы!»» (*Suet. II, 23*). В XVIII столетии историк Эдуард Гиббон заметит: «Август не принял печальные известия с той сдержанностью и твердостью, какие можно было бы ожидать от человека его характера» (*Gibb. N. I, 1.3*).

В Риме немедленно возникли опасения, что Арминий со своими германцами переправится через Рейн, пронесется через Галлию и начнет грабить Италию. Светоний говорит, что император немедленно приказал патрулировать город ночью, чтобы предотвратить народные волнения. Он также продлил сроки всех наместников провинций, чтобы союзники Рима знали, что у власти находятся люди, которых они

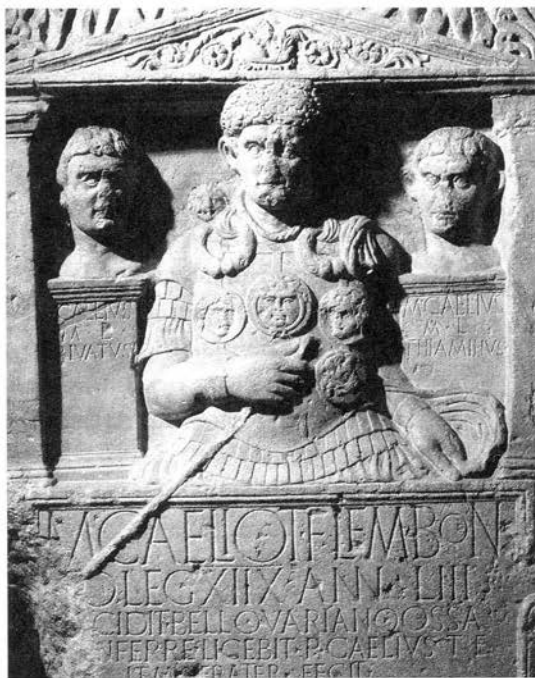
знали и которым они доверяли. И, внезапно перестав доверять германцам, он временно распустил своих телохранителей — германскую стражу (*Suet.* II, 23; 49).

Август также приказал набрать в Риме специальные когорты рабов и послать их в Германию «для защиты берега Рейна». Этим людям, бывшим рабами состоятельных семейств, официально даровали свободу, как только они присоединялись к своим когортам. Эти специальные части вольноотпущенников были эвфемистически названы когортами «добровольцев», поскольку рабовладельцев принудили «добровольно» отдать своих рабов. Август «держал их под отдельным знаменем, не смешивал со свободнорожденными и вооружал по-особому» (*Suet.* II, 25).

В то время как эти «когорты добровольцев» шли к Рейну, шесть легионов и множество вспомогательных частей, недавно сражавшихся в Далмации, где за пять дней до катастрофы Вара закончилась Паннонская война, спешили в том же направлении. Но ни при каких условиях Август не позволил бы своим легионам пересечь Рейн. Эта река стала теперь границей империи.

Август не стал объявлять новое зачисление в легионы, чтобы заметить погибших в Тевтобургском лесу. Он отменил опозоренные номера уничтоженных легионов, XVII, XVIII и XIX, и оставил римскую армию в количестве двадцати пяти легионов. Катастрофа Вара была болезненным ударом по римской гордости, стоявшим наряду с поражением Марка Красса в 53 году до н. э. при Каррах. Сентябрьский день 9 года н. э., когда три легиона Вара прекратили свое существование, римляне не забудут никогда. Поражение и потеря священных легионных орлов как будто ранили душу народа.

У Старых лагерей каменный памятник 54 дюйма (137 сантиметров) высотой был воздвигнут цен-

Памятник центуриону Марку Целию из XVIII легиона. Целий изображен со всеми знаками отличия, с тростью Центуриона — символом власти. Слева и справа от Целия изображены его слуги, вольноотпущенники Приват и Тиамин

туриону Марку Целию из XVIII легиона его братом. На памятнике, дожившем до наших дней, показан свирепо выглядящий Целий, носящий все воинские знаки отличия, с тростью центуриона — символом своей власти — в руке. Слева и справа от Целия изображены его слуги, Приват и Тиамин. Оба носили фамилию Целий, что указывает на то, что они стали вольноотпущенниками. Скорее всего, они тоже погибли в Тевтобургском лесу, вместе с тысячами других гражданских лиц в обозе Вара.

Надпись на памятнике, после подробностей жизни центуриона, содержит просьбу, чтобы, если кости Марка Целия когда-либо будут найдены, они были похоронены здесь, у памятника. Но побелевшие кости Целия лежали по другую сторону Рейна, на тихом, заброшенном поле боя в Тевтобургском лесу, неотличимые от костей тысяч его товарищей-солдат, которые тоже были оставлены гнить победителями битвы. Памятник Целию и его кости никогда не соединятся.

14—15 годы н. э.

Х I

ВТОРЖЕНИЕ В ГЕРМАНИЮ

Германик против Арминия

Со времени бедствия в Тевтобургском лесу римляне жаждали мести — за потерю трех легионов Вара, за потерю опорного пункта Рима к востоку от Рейна и за потерю римского престижа, которую олицетворяло поражение от руки Арминия и германских племен. В 14 году н. э., почти по случайности, войскам Рима представился повод и случай осуществить эту месть.

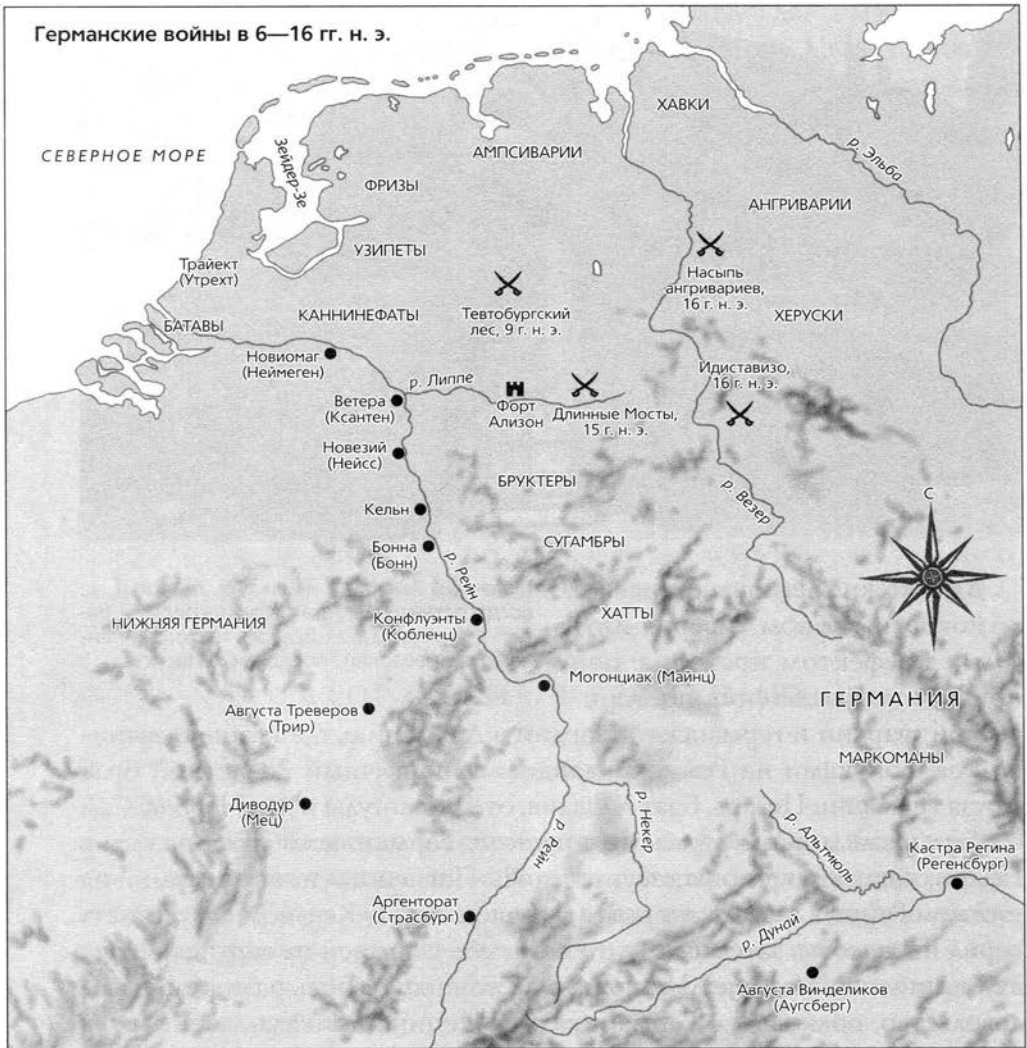
Август, отказывавшийся посылать военные экспедиции за Рейн после катастрофы Вара, умер в августе 14 года н. э., процарствовав с 30 года до н. э. Несколькими годами раньше Август продлил срок службы всех легионеров с шестнадцати до двадцати лет. В атмосфере неуверенности, которая последовала за смертью императора из-за того, что его пасынок Тиберий не заявлял сразу претензий на трон, продленный срок службы и множество других жалоб на условия службы породили искру недовольства, распространившуюся по легионам и разжегшую мятежи. После смерти Августа мятежи разразились среди трех легионов, расположенных в Далмации, и восьми легионов на Рейне.

Далматские легионы были скоро покорены сыном Тиберия Друзом и префектом претория: они привели подразделения преторианской гвардии и германской гвардии в Далмацию, где казнили зачинщиков. Войсками на Рейне командовал энергичный 28-летний брат Друза Германик Цезарь, брат Клавдия, отец Калигулы и дед Нерона. Сам он был наследником римского престола. Германик собирал налоги в Галлии, когда его легионы взбунтовались. Поспешив сначала к армии на нижнем Рейне в город, который в будущем станет Кельном, он удовлетворил их жалобы, затем сделал то же самое с армией на верхнем Рейне в Могонциаке (Майнце). Но когда в Могонциаке вновь разгорелось недовольство, полководец Германика Авл Цецина приказал верным legionерам разрубить смутьянов на кусочки. Германик, обливаясь слезами, сказал, что это было «не целительное средство, а бедствие». И вот, чтобы отвлечь свои войска, он начал молниеносную кампанию к востоку от Рейна (*Тас. А. I, 49*).

Мавзолеей Августа в наши дни. В 14 г. н. э., когда останки Августа были погребены рядом с его пасынком Друзом, на холме, венчающем мавзолеей, посадили кипарисы

В октябре Германик повел 12 тысяч человек из четырех легионов, двадцати шести союзных когорт и восьми ал на территорию марсов, между реками Липпе и Рур. Застав врасплох и истребив воинов этого племени, когда они отмечали праздник в честь своей богини Тамфаны, Германик продвигался вперед широким фронтом на 50 миль (80 километров), уничтожая каждую деревню и все живое на своем пути.

Когда он повернул свою армию назад и пошел маршем к Рейну, германцы из племен бруктеров, тубантов и узипетов догнали его, но были отбиты от хвоста римской колонны XX легионом, действовавшим в арьергарде. Спустя день колонна переправилась назад на западный берег Рейна. Сенат присудил Германику триумф за его успехи. Но он еще только начинал действовать.

В течение зимы 14/15 года н. э. все восемь рейнских легионов Германика готовились к массивной весенней наступательной операции в Германии. Но когда до Германика дошли новости о конфликте

Арминия и его тестя Сегеста, царя племени хаттов, он воспользовался возможностью расколоть конфедерацию германцев, нанеся удар до конца зимы. Из Могонциака Германик повел четыре легиона армии верхнего Рейна и их вспомогательные силы через реку в страну хаттов. В то же время Цецина вел четыре своих легиона армии нижнего Рейна через Рейн у Старых лагерей по мосту из лодок.

Поскольку это нападение было совершенно неожиданным для германцев, Германик быстро продвинулся вплоть до реки Эдер. Сжегши Маттий, столицу хаттов, он повернул к Рейну. Армия Цецины прикрывала его отход, столкнувшись с племенами херусков и марсов, поспешившими с севера на помощь хаттам.

В то время как Германик отводил свои войска, его попросил о помощи сын царя хаттов. Сегест хотел вернуться под власть римлян и в качестве залога предложил свою дочь Туснельду, беременную жену Арминия. Но Сегест был в окружении, в осажденной херусками Арминия крепости в холмах. Германик двинулся к крепости и отогнал херусков, а затем вернулся на западный берег Рейна с царем хаттов и женой Арминия. Туснельду отослали в Италию и держали в заключении в Равенне. (Ее ятровь, происходящая из племени хаттов жена Флава, брата Арминия, тоже жила в Равенне со своим сыном Италиком.)

Недовольный этим успехом, Германик начал летом полномасштабное наступление, включавшее атаку с трех сторон. На первом этапе Германик переправил флот кораблей из Траекта (современный Утрехт в Голландии) через Зейдер-Зе и в Северное море. Затем он поплыл вдоль фризского берега, поднялся вверх по реке Эмс (Амизия по-латыни), повторив путь, проделанный его отцом Друзом Цезарем в 12 году до н. э. и Тиберием в 5 году н. э. Тем временем Альбинован Педон вел отвлекающую кавалерийскую операцию в фризском районе Голландии и Северо-Западной Германии. В то же время Цецина еще раз переправился через Рейн в районе Старых лагерей, затем повел свои четыре армии из нижнерейнских легионов на северо-восток, направляясь к Эмсу. Все три силы соединились у реки; Германик собрал вместе почти 80 тысяч человек посреди германской территории.

Отсюда Германик послал Луция Стертиния с 4 тысячами всадников на земли бруктеров; они обращали в бегство каждый отряд германцев, стоявший на их пути. В одной деревне всадники Стертиния обнаружили священного золотого орла XIX легиона, захваченного бруктерами во время резни в Тевтобургском лесу. В то же время Германик повел легионы на Тевтобургский лес, место поражения Вара, где они нашли

лежащими на земле побелевшие кости тысяч римских легионеров. Черепа были прибиты к стволам деревьев. Они обнаружили ямы, в которых временно держали римских пленных, и, в соседних рощах, алтари, на которых младшие трибуны и центурионы первого ранга были сожжены заживо как приношение германским богам. Там, «проникнутые и печалью, и гневом», люди Германика погребли кости легионеров Вара, причем «никто не мог распознать, прикрывает ли он землей кости чужих или своих» (Тас. А. I, 62).

Легионы Германика пошли дальше, соединившись со Стертинием и его всадниками и разгоня пытавшиеся беспокоить их германские отряды. На берегу Липпе Германик вновь отстроил форт Ализон, возможно, потому, что именно там умер его отец, и назначил на гарнизонную службу в нем вспомогательные войска. Достигнув Эмса, Германик с верхнерейнскими легионами взшел на борт ждавшего его флота, а всадники Педона отправились, чтобы вернуться по своему пути через фризский берег. Цецина повернул к Рейну с I легионом, V легионом Жаворонков, XX и XXI Стремительным легионом. По приказу Германика Цецина должен был проследовать давно заброшенной сухопутной дорогой к Рейну. Она называлась Длинные Мосты.

15 год н. э.

XII БИТВА ПРИ ДЛИННЫХ МОСТАХ

Как I Германский легион сделал себе имя

Когда лето 15 года н. э. шло к концу, Германик Цезарь отводил свою римскую армию из Германии после успешной кампании. В то время как подразделения под началом Германика возвращались в Голландию морем, а Альбинован Педон вел всадников назад через Фризию, Авл Цецина, командующий армией верхнего Рейна, вел I легион, V легион Жаворонков, XX и XXI Стремительный легион по дороге, называемой Pontem Longus, или Длинные Мосты.

Эта дорога через болотистую долину была построена Луцием Домицием во время его кампаний в Германии между 7 годом до н. э. и 1 годом н. э. Длинные Мосты обеспечивали кратчайший проход к Рейну, но

Германик знал, что эта дорога была узкой и местами окруженной тинистыми трясиными, что делало ее идеальным местом для засады, так что, послав Цецину этим путем, он побуждал своего заместителя как можно скорее пройти через этот район.

Арминий, длинноволосый 33-летний предводитель германцев, также знал все про Длинные Мосты. Когда он увидел, по какой дороге пошли четыре легиона Цецины, он приказал своим воинам-херускам поспешить в обход римлян, продвижение которых было ограничено скоростью их обоза, и занял поросшие лесом холмы вокруг Длинных Мостов. Цецина достиг долины и увидел, что дорога на насыпи тянется на запад, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что многие из мостов, построенных Домицием так много лет назад, размыты или находятся в таком плачевном состоянии, что провести по ним вьючных животных или телеги с грузом невозможно.

Было слишком поздно поворачивать назад. Цецина, военачальник с четырьмя десятилетиями военного опыта, знал, что позади него лежали все германские племена, а впереди — Рейн и безопасность. Цецина, которого Тацит описывает как «неустрашимого» человека, разделил свои силы на две группы: одна должна была вести дорожные работы и строить мосты, другая — защищать работающих. Он разбил на дороге лагерь, выставил сторожевые посты и послал вперед отряды для дорожных работ (*Тас. А. I, 64*).

И вот Арминий нанес удар. Германцы тысячами обрушились вниз с лесистых холмов. Это была их родная земля, они легко продвигались по болотистой местности. Они нападали на рабочие отряды со своими массивными копьями, атаковали сторожевые посты целым ливнем дротиков. Легионеры отбивали их весь день, поскальзываясь в грязи и плюхаясь в воду, с трудом вынося вес своих доспехов, сквернословя, зовя на помощь товарищей, когда засасывающая трясина или германцы угрожали их жизни. Долгожданная передышка наступила, когда стемнело и германцы отступили к холмам.

Но Арминий и его херуски не теряли времени зря. Всю ночь они работали, прокапывая каналы, чтобы отвести течение потоков так, чтобы вода хлынула в долину и смыла мосты, которые в этот день с таким трудом строили римляне. На следующее утро легионеры должны были начать все сначала. Снова под атакой, они вновь строили весь день, пока Цецина не почувствовал, что они могут достичь далекой равнины между болотом и холмами. В конце дня он приказал сняться с лагеря на заре и возобновить поход.

Всю ночь германцы вокруг них пели гортанные песни или издавали устрашающие крики, чтобы запугать римлян. Неспokoйные легионеры спали урывками, многие вставали и ходили от одного костра к другому, чтобы поговорить с товарищами вплоть до раннего утра. Даже сон их полководца был неспокойным; Тацит говорит, что Цецина проснулся в холодном поту, после кошмара, в котором ему приснился окровавленный Вар, встающий из болот, протягивающий ему руку и манящий к себе (*Тас. А. I, 65*).

На рассвете I легион пошел впереди, V легион Жаворонков занял правое крыло, XXI Стремительный легион — левое, XX прикрывал тыл, а обоз двигался посередине. Некоторое время продвижение шло согласно плану. Но в конце концов боковые легионы устали пробираться по грязи и воде. Нарушив приказы Цецины, V и XXI легионы поспешили вперед на сухую землю, оставив неприкрытую по бокам, нагруженную ранеными колонну тащиться вдоль дороги.

Хуже того, наспех наведенные мосты оказались ненадежными. Повозки соскальзывали с дороги и увязали в болоте, перекрывая путь. Легионеры XX легиона в тылу колонны нарушили ряды и поспешили вперед, чтобы помочь вытянуть повозки, боясь, что их отрежут от основных сил на дороге. Центурионы, пережившие разгром в Тевтобургском лесу, поняли, что история вполне может повториться, поскольку хаос нарастал и звал за собой катастрофу.

Арминий наблюдал за происходящим с холмов. «Вот он, Вар, и вторично скованные той же судьбой легионы!» — сказал он своим людям (*Тас. А. I, 65*).

С ревом германцы пошли в атаку от линии деревьев. Арминий ударил в середину колонны, где волочились повозки обоза, зная, что мысли о добыче подбодрят его соплеменников. Разбить колонну посередине также соответствовало тактическим целям прошедшего римскую выучку командира германцев. Римская кавалерия попыталась перехватить германцев, прежде чем они достигнут обоза, но германцы своими длинными копьями пронзали подбрюшье лошадей. Кони в панике сбрасывали своих всадников и врывались в ряды легионеров, усиливая сумятицу.

Когда Арминию удалось расколоть колонну надвое, Гай Цетроний, легат I легиона, вернулся оттуда, где он вел колонну по дороге, и взял с собой несколько когорт I легиона для защиты обоза. С противоположной стороны солдаты XX легиона спешили из тыла вперед с теми же целями. Битва была в разгаре: на насыпной дороге и в тине и воде

вокруг нее слышались яростные крики, вопли боли, ржание лошадей и отдаваемые ревом команды центурионов, пытавшихся сохранить в целости свои части. Сражение вокруг золотых орлов I и XX легионов оказалось самым яростным. Знаменосцы не могли ни унести свои штандарты прочь от опасности, ни закрепить их в топкой почве, чтобы свободными руками защищать своих орлов.

Цецина в гуще сражения потерял лошадь, пронзенную германскими копьями, и был сброшен на землю. Прежде чем германцы смогли добраться до упавшего командира, солдаты I легиона быстро сомкнули вокруг него ряды, пока, оглушенный, он поднимался на ноги. Сражаясь с мрачной решительностью и гордостью, легионеры I легиона отбили атакующих. Когда Цецина увидел, что все больше и больше германцев бросают сражение, чтобы грабить повозки обоза и вьючных мулов, он приказал бросить обоз.

Только благодаря этому I и XX легионы смогли нагнать V легион Жаворонков и XXI Стремительный на суше, когда стало смеркаться. Два последних легиона не тратили времени зря и, пока другие сражались за их жизнь, разбили новый лагерь, так что ночью у всех была защита. Но людям, с трудом входившим в сумерках через ворота лагеря, покрытым кровью, потом и грязью, поддерживавшим своих раненых товарищей, жутко не понравилось, что остальные два легиона бросили их на произвол судьбы. Разделив между собой скудный рацион, они съели еду, забрызганную грязью и кровью; палатки остались позади на дороге, и им пришлось провести ночь под звездным небом, в то время как в холмах германцы пели, отмечая сегодняшний захват добычи у римлян.

В середине ночи в римском лагере внезапно поднялась тревога. Легионеры метались и кричали, что в лагерь ворвались германцы. Схватив свое оружие, полные решимости вырваться из ловушки, сотни людей рванулись к декуманским воротам лагеря, находившимся дальше от германцев, требуя, чтобы их открыли. Цецина пробился через толпу, встал на их пути и приказал всем вернуться на место, уверяя, что дело просто в том, что в лагере сорвалась с привязи и понесла лошадь. Когда его люди не поверили ему, он обнажил меч и решительным взглядом оглядел угрюмые лица собравшихся. Ворота, объявил он, останутся закрытыми. Поскольку солдаты продолжали настаивать, он сказал им, что они пройдут только через его труп (*Тас. А. 66*).

Это задержало людей, пока не подошли трибуны и центурионы. Офицеры смогли убедить людей, что в лагере нет германцев, и легио-

Каменное надгробие I в. из Бонна на Рейне воина I Германского легиона, Публия Клодия, отличившегося в битве при Длинных Мостах

неры с виноватым видом ступали. Цецина затем созвал военный совет со всеми своими офицерами в претории. Там, ранним утром, Цецина предложил отчаянный план. Его офицеры ушли, полные решимости осуществить этот план, и в темноте центурионы ходили среди солдат, отзывая в сторонку легионеров, умевших ездить верхом, и давая им специальные указания.

На холмах Арминий и его вожди также совещались. Арминий предлагал позволить римлянам покинуть лагерь утром и возобновить поход к Рейну. Как только легионеры окажутся на открытом пространстве в удалении от лагеря, говорил он, херуски смогут их перебить. Но дядя Арминия Ингвио-

мер не хотел давать римлянам шанс уйти. Он был за то, чтобы напасть на их лагерь на заре и захватить его. Другие вожди согласились с ним. Арминий, оказавшись в меньшинстве, согласился на заре атаковать римский лагерь (*Тас. А. 68*).

На рассвете германцы вышли из-под прикрытия деревьев и окружили лагерь. Завалив ров вокруг стен лагеря валежником, херуски пересекли его и пошли в атаку на стены. Римские воины на стене, казалось, были парализованы страхом. Германцы с Арминием и Ингвиомером во главе хлынули через вал в лагерь и с радостью устремились к остаткам обоза. Но тут зазвучали римские трубы. Вал позади германцев тотчас наполнился легионерами, отбившими других нападающих, все еще пытавшихся взобраться на стену и проникнуть в лагерь.

Внезапно позади германцев появились солдаты-всадники; все римские офицеры отдали своих лошадей легионерам и объединили их с остатками кавалерии. Всадники атаковали Арминия и его сторонников с копьями наперевес и размахивая мечами. Теперь германцы хотели только перебраться через стены и спастись из лагеря. «Арминий вышел

из боя целый и невредимый, Ингвиомер — с тяжелою раной», — напишет Тацит. Некоторым из их людей удалось спастись из лагеря вместе с ними, но гораздо больше погибло в ловушке (*Тас. А. 68*).

Теперь ворота лагеря открылись и легионы в боевом порядке обрушились на германцев, бывших вне лагеря, которых «истребляли, пока длился день и не была утолена жажда мщения», говорит Тацит. Для легионеров Цецины, хотя они и страдали от ран и нехватки продовольствия, в одержанной победе «было все — и сила, и здоровье, и изобилие» (*Тас. А. 68*).

Когда четыре легиона Цецины наконец достигли Рейна, окровавленные, грязные, голодные и истощенные, они были без обоза и несли тяжело раненных товарищей на наспех сделанных носилках. У моста из лодок возле Старых лагерей их ждала жена Германика Цезаря Агриппина. Она не дала разрушить мост когда, полагая, что запоздавшая армия Цецины погибла, римский командир Старых лагерей хотел разобрать его, чтобы им не мог воспользоваться Арминий. Стоя рядом со своим двухлетним сыном Калигулой, Агриппина раздавала монеты, одежду и лекарства вернувшимся легионерам.

После этой кампании I легион принял почетное звание Германский. Только он один из восьми стоявших на Рейне легионов получил такое имя. Без сомнения, оно было принято I легионом или дано ему Германиком за битву при Длинных Мостах, и особенно за то, как отважно они защищали в этой битве своего военачальника Авла Цецину.

16 год н. э.

XIII БИТВА ПРИ ИДИСТАВИЗО

Поражение Арминия

Это была большая победа и почти не стоившая нам крови.

Тацит. Анналы. II, 18

Это было летом 16 года н. э. Германик Цезарь, воспользовавшись флотом из тысячи вновь построенных кораблей, вернулся в сердце Германии за Арминием и его союзниками. В середине утра римская армия шла маршем вдоль реки Везер оттуда, где находился их ночной лагерь. Оста-

вив в лагере небольшие силы для охраны обоза, легионы шли в боевом строю. На этот раз германцы были не только готовы к приходу Германика; их предводитель выбрал место для решительной битвы и послал к римлянам людей, которые, притворившись перебежчиками, должны были заманить римлян в ловушку так же, как Вара семью годами раньше. Избранное место, которое римляне называли Идиставизо, было непосредственно к востоку от Везера на покатой речной долине между рядами низких холмов. Так называемый Великий лес простирался вдоль восточного края долины; от деревьев до Везера на 2 мили (3,2 километра) по низким холмикам растянулся луг. 50 тысяч германских воинов в ожидании стояли на траве, собранные по племенам и кланам. Их ряды тянулись от леса до реки (*Warry*).

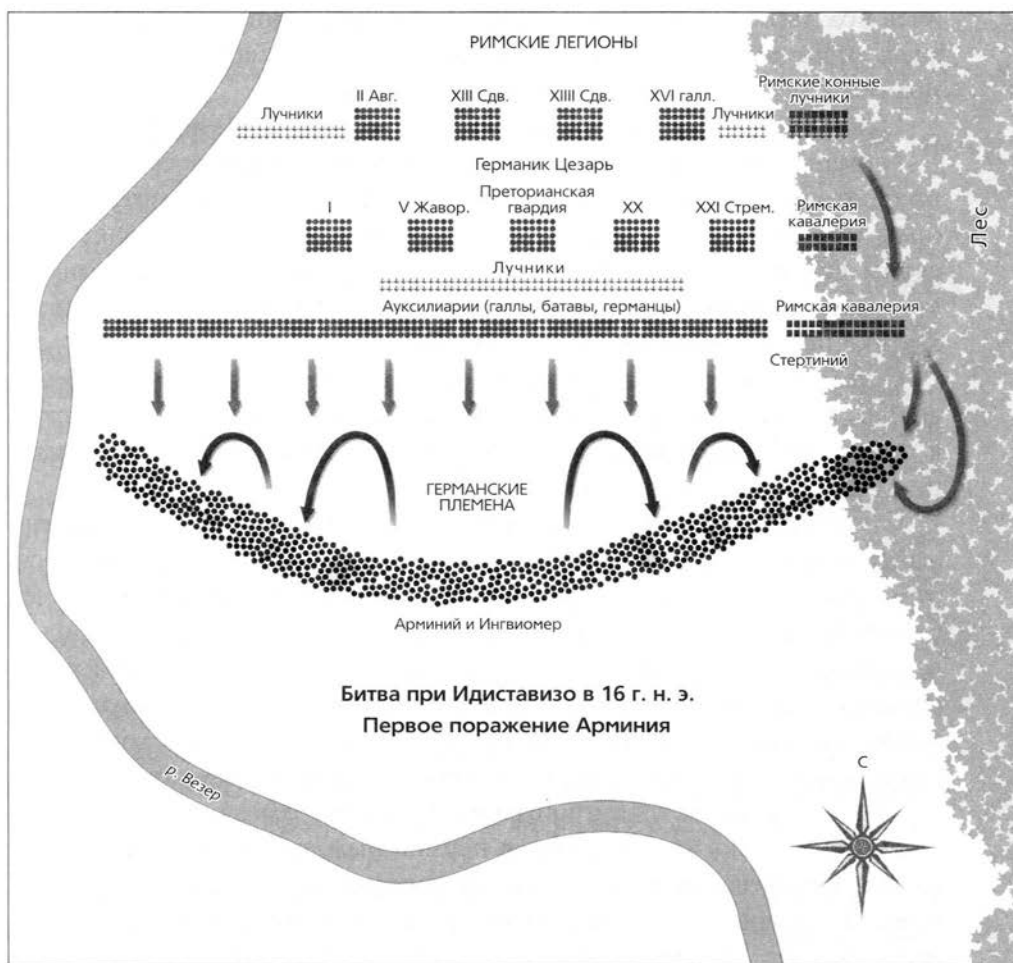
Помимо Арминия и его херусков, представленные здесь племена включали, по всей видимости, Арпа и его хаттов; Малловенда с остатками марсов, а также фосов, узипетов, тубантов и бруктеров; были здесь, видимо, и хавки, захватившие одного из орлов Вара, вместе с юными воинами племени ангривариев, презревшими недавний договор своего племени с Римом; тенктеры и маттиаки из Рейнланда напротив Кельна; кроме того, лангобарды и амписварии, жившие у рек Везер и Гунте.

Когда римская армия обогнула излучину реки и увидела поджидавшую ее орду германцев, Германик, ехавший в середине колонны, спокойно отдал своим войскам приказ развертываться. К 28 тысячам человек в своих восьми недоукомплектованных легионах он добавил 2 тысячи человек из двух когорт преторианской гвардии, посланных ему из Рима Тиберием. Как правило, преторианцы не сражались в полевой армии, если в боевых действиях не принимал участия сам император. Их присутствие было вызвано скорее необоснованными страхами Тиберия, что его приемный сын использует свои легионы, чтобы скинуть его с трона, чем искренним желанием помочь Германику.

Кроме того, римская армия численностью 74 тысячи человек включала 30 тысяч солдат вспомогательных войск из Галлии, Реции, Батавии, Испании и Сирии, 6 тысяч человек из союзных германских племен и 8 тысяч всадников, включая 2 тысячи конных лучников. Одним из командиров германских вспомогательных когорт Германика был не кто иной, как Флав, брат Арминия. Германика не беспокоило, что германцы его ожидали, — мнимые перебежчики, посланные заманить его, признались, что Арминий планировал завлечь его в ловушку, и рассказали о дислокации и численности германцев (*Тас. А. II, 16*).

Германик был также уверен в боевом духе своих легионеров. В один из дней перед битвой к валу, окружавшему римский лагерь, подъехал германец и прокричал, что Арминий обещает каждому солдату, который перейдет на сторону германцев, жену, участок земли и 100 сестерциев каждый день, пока не кончится война. Германик услышал, как один из его солдат крикнул в ответ, что «пусть только наступит срок и начнется сражение; они захватят земли германцев и завладеют их женами» (Тас. А. II, 13).

Когда римская пехота с отточенной тренировками точностью встала в три боевые линии, германцы с массивными копьями до 12 футов (3,6 метра) длиной понеслись со склонов ей навстречу. Германик по-

вернулся к Луцию Стертинию и приказал ему выполнить заранее запланированный кавалерийский маневр; полководецу ускакал и повел римскую кавалерию галопом вдоль кромки леса. На передней линии римской пехоты стояли вспомогательные войска. Вторую линию занимали легионы армии нижнего Рейна: I, V легион Жаворонков, XX и XXI Стремительный, в центре линии находился Германик с двумя преторианскими когортами. Позади Германика в третьей линии были легионы армии верхнего Рейна: II Августов, XIII Сдвоенный, XIV Сдвоенный и XVI Галльский.

Легионеры стояли в рядах, собираясь встретить натиск германцев, неподвижно, как статуи, солнце сверкало на их знаменах и знаках боевого отличия, плюмажи из конского волоса на их шлемах колебались под легким утренним ветерком. Это был один из последних случаев, когда легионеры носили плюмажи в битве; скоро они будут использоваться только как часть парадной формы.

Один из адъютантов показал на небо: «Смотри, Цезарь!»

Германик посмотрел вверх. Над их головами летели восемь орлов — по одному на каждый из легионов Германика. Римляне смотрели, как орлы пролетели в сторону леса и опустились там. Германик крикнул своим войскам, чтобы они «последовали за римскими птицами, истонными святынями легионов», и приказал трубачу протрубить сигнал к атаке передней линии (*Тас. А. II, 17*).

С полным решительности ревом вспомогательные войска бросились вперед. За ними линия пеших лучников выпустила по дуге град стрел в приближавшихся германцев. Вскоре передние линии германцев и римлян сцепились в схватке.

Стертиний и его всадники ударили по правому флангу и тылу германской орды. Удар этой кавалерийской атаки погнал германцев прочь от деревьев, туда, где они столкнулись с тысячами других германцев, бежавших в сторону леса, чтобы спастись от атаки преследовавших их всадников. Херусков на склонах холмов заставили отступить их собственные охваченные страхом соотечественники. Когда его люди пошли в атаку, не дождавшись его приказа, Арминий, сидя на коне, должен был присоединиться к ним. В гуще сражения он вскоре был ранен.

Поняв, что битва уже проиграна, Арминий измазал себе лицо собственной кровью, чтобы остаться неузнанным, погнал вперед свою лошадь и с развевающимися волосами поскакал к левому крылу римлян, у леса, в котором сражались германцы из племени хавков с берега Северного моря. Эти люди бились на стороне Арминия в Тевтобургском

лесу, но впоследствии стали союзниками Германика. Тацит напишет: «Некоторые передают, что хавки, сражавшиеся среди римских вспомогательных войск, узнали его, но дали ему ускользнуть» (Тас. А. II, 17).

Арминий бежал к лесу в то время, как Германик послал в битву свои легионы. Битва, в которой участвовали 128 тысяч человек, длилась много часов. «С пятого часа дня и до ночи наши рубили врагов», говорит Тацит, и «на протяжении десяти тысяч шагов все было усеяно их трупами и оружием». Армия Арминия была разгромлена. «Это была большая победа и почти не стоившая нам крови», — объявляет Тацит. Но сам Арминий оставался на свободе (Тас. А. II, 18).

16—17 годы н. э.

XIV

БИТВА У НАСЫПИ АНГРИВАРИЕВ

Без пленников, без пощады

После кровавого поражения при Идиставизо Арминий был полон решимости отомстить Германику и его легионам. В былые годы, когда племя ангривариев воевало с херусками, они возвели широкую насыпь, чтобы отгородиться от врагов. Река Везер текла вдоль одной из сторон насыпи ангривариев; за ней простирались болота. Между насыпью и покрытыми лесом холмами лежала небольшая равнина. Именно здесь, у насыпи, Арминий планировал нанести поражение Германику Цезарю.

До Германика дошли слухи, что Арминий и его союзники перегруппировывались у насыпи и что тысячи новых воинов пополняют их ряды. Германик также узнал от германского дезертира, что Арминий приготовил для него еще одну ловушку, надеясь заманить римлян к насыпи. Арминий будет ждать в лесу со всадниками и появится позади Германика, когда тот будет идти в атаку на насыпь, чтобы уничтожить его с тыла. Вооруженный этими сведениями, Германик составил свои собственные планы. Послав свою кавалерию разобраться с Арминием в лесу, он продвинулся к ангриварской насыпи двумя колоннами.

Пока одна римская колонна проводила очевидную лобовую атаку на насыпь на виду тысяч оборонявших ее германцев, Германик с вторым подразделением незамеченным пробрался по склону холма и на-

чал внезапную фланговую атаку на германцев. Но, столкнувшись с решительной обороной и не имея осадных лестниц и осадного оборудования, войска Германика были вынуждены отступить. Забросав насыпь из легионных катапулт, не дававших германцам поднять головы, Германик лично возглавил следующую атаку во главе преторианцев, сняв свой шлем, чтобы все могли его узнать. Солдаты восьми легионов следовали вплотную за полководцем, шедшим с обнаженной головой. Взобравшись на насыпь, они обнаружили «многочисленное войско» германцев выстроившимся в линию на дальней стороне насыпи; во главе его был дядя Арминия Ингвиомер, с ужасающими военными криками бросившийся вперед, чтобы дать отпор римлянам.

Жестокое рукопашное сражение продолжалось много часов. Германик приказал не брать пленных. Ситуация была в равной степени опасной для обеих сторон. «Они могли рассчитывать только на свою доблесть, их спасение было только в победе», — говорит Тацит. «Германцы дрались с не меньшей отвагой, чем римляне, но условия боя и их оружие были неблагоприятны для них», поскольку они были стиснуты на узком пространстве и не могли эффективно использовать свои длинные копья (*Тас. А. I, 21*).

Загнанные в лес, оказавшись в ловушке между римлянами и болотом, германцы были истреблены. Ночью избиение германцев закончилось. Они были вытеснены с насыпи, тысячи германцев были безжалостно перебиты. Ингвиомеру удалось спастись, но в дальнейшем сопротивлении римлянам он не участвовал. Этой ночью к Германику присоединился Сей Туберон, командир римских всадников, отправившихся за Арминием в лес. Туберон, близкий друг Тиберия, безусловно не дал Арминию атаковать Германика с тыла, но после нерешительного сражения позволил германской кавалерии скрыться. Хотя битва у насыпи была еще одной сокрушительной победой римлян, Арминий снова избежал плена.

Победа римлян была омрачена тем, что на обратном пути часть кораблей Германика потерпела крушение во время шторма. Чтобы доказать, что с легионами все равно нужно считаться, Германик немедленно перегруппировал свои силы и возглавил новую вылазку за Рейн, на этот раз вернувшись с одним из потерянных орлов Вара.

Сенат осыпал Германика почестями, а восхищенный римский народ пел хвалу вождю. Но Тиберию это не очень понравилось. Когда Германик попросил у императора еще один год, чтобы завершить покорение германцев, тот отозвал его. Германик вернулся в Рим, «хотя»,

говорит Тацит, «ему было ясно, что все это вымышленные предлоги и что его желают лишить уже добытой им славы только из зависти». Больше римских экспедиций за Рейн во время правления Тиберия не было (*Тас. А. II, 26*).

После того как Германик отпраздновал свой триумф в Риме в 17 году н. э., Тиберий сделал его верховным римским командующим на Востоке, и в Сирии в 19 году н. э. Германик, наследник Тиберия как императора, умрет — по-видимому, отравленный, а Тиберий будет главным подозреваемым. По иронии судьбы в том же году в Германии погибнет Арминий, и тоже от рук своих соотечественников. Много столетий спустя Арминий, или Герман, станет героем немецких националистов.

Что до Цезаря Германика, многие современные историки считают его посредственностью. И тем не менее римский народ поколениями будет оплакивать Германика — в III веке его день рождения все еще отмечался 23 июня каждого года (*Web. RIA. 6*). Бесстрашный воин и благородный князь, Германик был, как сказал Дион Кассий в III веке, «храбрейшим из людей в столкновении с врагом», но «в высшей степени великодушным со своими соотечественниками» (*Dio. LVII, 18*).

17—23 годы н. э.

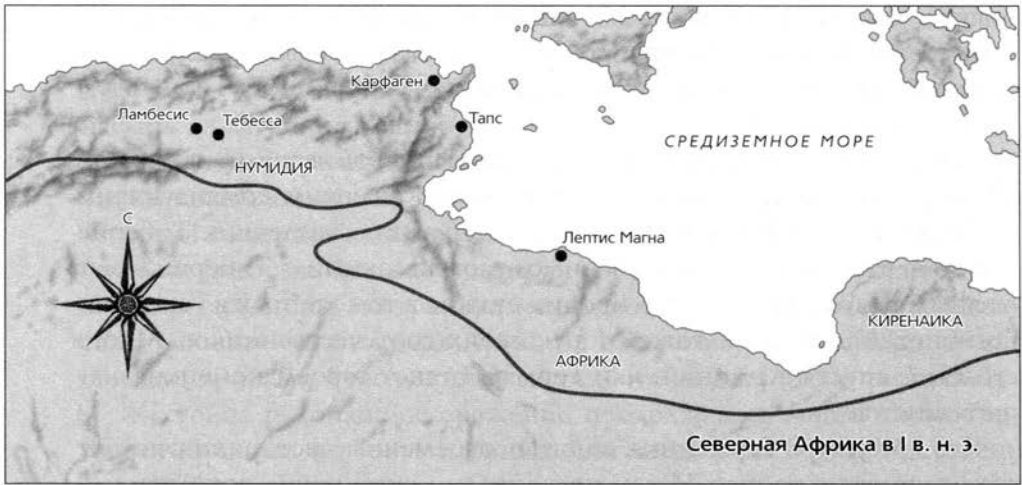
XV

ВОССТАНИЕ ТАКФАРИНАТА

Позор и слава в Северной Африке

Такфаринат был уроженцем Нумидии в Северной Африке, вступившим в римскую армию и служившим в нумидийской вспомогательной части несколько лет. Незадолго до 17 года н. э. он дезертировал и возглавил банду бродячих разбойников, досаждавших путешественникам и удаленным фермам в Южном Тунисе. Подобно «веселым ребятам» Робин Гуда, отряд Такфарината привлекал все больше и больше недовольных местных жителей по мере того, как росли его успехи. Когда к нему присоединилось подкрепление в виде дезертиров, он вырос до размера небольшой армии.

К 17 году н. э., используя навыки, приобретенные им на римской службе, Такфаринат собрал своих людей под знаменами в манипулы

и когорты и снарядил и обучил их как легионеров. В этом году он начал нападать со своими людьми на римские аванпосты, расположенные по всей провинции Африка, которая управлялась из Карфагена на берегу. На месте первоначального Карфагена и римского Карфагена сейчас находится жилой пригород Туниса, столицы Тунисской Республики.

Это был не первый и не последний раз, когда бывший участник римских вспомогательных войск использовал против Рима умения, полученные на римской службе. Небольшая армия Такфарината вскоре стала больше чем просто досадной помехой для римских властей. Неспособность этих властей остановить нападения Такфарината на фермы, деревни и военные аванпосты привлекла к нему много новых приверженцев. Воины его собственного племени, мусуламиев, живших на территории, граничащей с пустыней Сахара, охотно вступали в его войско, а воинов соседнего племени кинифиев Такфаринат принудил сделать это.

Смуглые мавретанцы из соседнего Марокко также сплотились под знаменами Такфарината; их всадники были знамениты своим умением ездить без узды быстро как ветер, а их пехота была легкой и подвижной. Предводителем мавретанских союзников Такфарината был Мазиппа, которого Такфаринат поставил во главе своего мобильного подразделения, состоявшего из кавалерии и легкой пехоты. Сам Такфаринат оставил за собой командование тяжелой пехотой. В целом Такфаринат теперь командовал силами, насчитывавшими вплоть до

30 тысяч человек. Теперь он больше не был простым главарем шайки разбойников, он был полководцем, а его партизанская армия угрожала римскому владычеству над Северной Африкой.

Армии Такфарината противостоял всего лишь один легион, III Августов, единственный на всю Северную Африку. С начала правления Августа легион базировался в городе Аммадра (Хайдра в современном Тунисе). Этот город был расположен довольно далеко в глубь страны, близко к границе с Нумидией. Легион, вместе со вспомогательными частями, расположенными в провинциях Северной Африки, мог дать проконсулу Африки Фурию Камиллу немногим больше 10 тысяч воинов. Хотя предки Камилла заслужили славу римских полководцев, сам Камилл, как говорит Тацит, «считался человеком, в военном деле несведущим» (Тас. А. II, 52).

Несмотря на то что у него не было опыта полководца, Камилл объединил III Августов легион со всеми вспомогательными войсками, а также войсками римских союзников в регионе и пошел на Такфарината. Зная, что его силы числом значительно превышают римские, и обучив своих людей в римской манере, Такфаринат обладал достаточной уверенностью, чтобы встретить Камилла в открытом бою, а не полагаться на ранее приносившую ему успех тактику молниеносных атак. Камилл не был честолюбивым человеком, но он был верным слугой Рима и имел железные нервы (Тас. А. II, 52). Когда армии противников строились лицом друг к другу на плоском североафриканском ландшафте, Камилл спокойно и обдуманно назначал своим подразделениям их места, поставив III Августов легион в центре линии сражения, а легкую пехоту и два кавалерийских отряда по бокам.

Когда началась битва, африканцы пошли в атаку, но римские войска стояли на месте. Камилл втянул нумидийцев в ближний бой, после чего III Августов легион скоро одолел неопытную и слишком самонадеянную пехоту Такфарината. Победа была быстрой и казалась полной. Но Такфаринат скрылся с поля битвы и остался в живых, чтобы сражаться еще. Когда вести о победе Камилла достигли Рима, сенат присудил ему триумфальные почести, которые по значимости уступали только триумфу. Но награда была несколько преждевременной: Такфаринат был далеко не побежден.

Собрав новые подкрепления, Такфаринат на следующий год снова начал свои набеги, так что к осени 19 года н. э. правительство пошло на необычный шаг — послало в Африку дополнительный легион, чтобы помочь новому наместнику провинции. Этим наместником был Луций

Апроний, личный друг императора; Тацит описывает его как сикофанта Тиберия (*Тас.* А. II, 32).

Легионы, базировавшиеся в Африке и Египте, обычно считались худшими, чем те, что были расположены в Европе, так что «лучший» базирующийся в Европе легион теперь должен был отправиться в Северную Африку, чтобы выполнить задачу, которую не смогли довести до конца местные легионеры. Для этой работы был избран IX Испанский легион, со времен участия в Паннонской войне в 6—9 годах н. э. базировавшийся в Паннонии. Под предводительством своего старшего трибуна и второго по старшинству офицера в легионе, Гая Фульвия, в декабре 19 года н. э. солдаты IX Испанского легиона вышли маршем из своих квартир в Сисции и двинулись в город Аквилею в Северо-Восточной Италии. Оттуда они направились в Римини, на адриатическом побережье, затем по Эмилиевой дороге и, наконец, по Фламиниевой дороге, главной военной дороге на Рим.

В пути легион, шедший с длинным обозом, в котором были все его катапульты, мебель и столовое серебро офицеров, нагнал сенатор Гней Кальпурний Пизон со свитой. Пизона, бывшего до недавнего времени пропретором Сирии, пригласили присоединиться к колонне. Он, его жена Планцина, сын Марк и их спутники и рабы сопровождали легион через покрытые снегом Апеннины. Легионеры не знали, что Пизон был в немилости и направлялся в Рим, чтобы предстать перед судом сената по обвинению в убийстве Германика Цезаря.

Общаясь запанибрата с легионерами на марше — к удивлению и неудовольствию Фульвия и его офицеров, Пизон покинул колонну в Нарнии и отправился на лодке по Нарну и затем по Тибру в Рим, путешествуя со всеми удобствами, в то время как легион продолжал идти к столице. Легионеры IX легиона разбили лагерь на Марсовом поле и продолжили поход на следующий день по Аппиановой дороге до Капуи, а затем — пройдя последний отрезок пути по Попилиевой дороге вдоль западного берега Италии до портового города Реджо. Там они сели на борт транспортных кораблей, которые перевезли их на небольшое расстояние через Мессинский пролив в сицилийский порт Мессина. Они пошли маршем вдоль северного берега Сицилии в Марсалу, где их ожидал другой конвой. Переплыв Средиземное море по кратчайшему маршруту, они высадились в начале 20 года н. э. на противоположном берегу Северной Африки, в Утике. Из-за геологических изменений в течение веков сегодняшняя Утика расположена в 7 милях (11 километрах) от моря; а в то время город был главным портом се-

вероафриканских провинций, расположенный лишь в нескольких милях от Карфагена на морском побережье.

Город Карфаген был полностью разрушен римлянами после его взятия в 146 году до н. э. Цезарь послал сюда римских поселенцев после победы при Тапсе в 46 году н. э., но только в царствование Августа город на самом деле возродился: император учредил здесь военную колонию. Карфаген быстро вырос в коммерческий центр Северной Африки, и в течение следующего века он мог похвалиться тем, что насчитывал 250 тысяч жителей. В этот момент его истории это был красивый и процветающий столичный город со всеми удобствами цивилизованной римской колонии — от общественных бань до театров, от цирка до амфитеатра, и, как в большинстве военных колоний, здесь была и большой храм Юпитера, Юноны и Минервы. Город, конечно, не был таким же большим или таким же влиятельным, как Антиохия или Александрия (второй и третий города в империи), но ведущие граждане римского Карфагена считали себя такими же цивилизованными людьми.

Легионеры IX Испанского легиона Карфагена не увидели. Не разместили их и на квартирах III Августова легиона в Аммадре. IX Испанский собирался идти еще дальше, в дикие пустоши Северной Африки. Наместник Луций Апроний разбил когорты IX Испанского легиона и разделил их по фортам на дальних границах провинции под руководством их трибуна, префекта лагеря и центурионов, причем многие укрепления легионеры должны были выстроить буквально на пустом месте.

Здесь, в своих крепостях на слепящем африканском солнце, легионеры из IX Испанского уныло глазели на пустынные равнины на юге. Это размещение отрядов в изолированных крепостях, где им пришлось сидеть за стенами лагеря, прямо-таки соблазняло Такфарината заняться тем, что он умел лучше всего: скакать во весь опор по полям, совершая партизанские набеги. Конечно, вождь не мог противиться такому искушению. К весне 20 года н. э. Такфаринат начал перехватывать путешественников на дорогах, грабить их и разрушать деревни.

Когорта новых рекрутов из IX Испанского легиона под руководством опытного центуриона по имени Декрий отправилась в погоню, после того как разбойники нанесли удар в их районе. Но Такфаринат повернул и бросился на преследователей: он окружил когорту у реки в Южном Тунисе. Центурион Декрий и его люди быстро построили походный лагерь у реки, но центурион считал, что просто сидеть за

стенами и позволить этим варварам осаждать его войска — позор для легиона, и поэтому он вывел занервничавших юношей из лагеря и построил их в боевом порядке на открытой речной долине у легионных укреплений.

Такфаринат, под командованием которого находился значительно больший отряд, напал на 480 молодых легионеров, которые сплотились под градом нумидийских стрел, и им пришлось отойти. Вскоре большинство легионеров (в том числе знаменосцы когорт) повернулись и побежали к лагерю. Центурион Декрий, у которого отступление его людей вызвало отвращение, продолжал удерживать свои позиции и орал бежавшим знаменосцам, что они должны стыдиться, что позволяют римским солдатам показывать спину неприятелю. Центуриона снова и снова поражали дротики и камни. Один из снарядов выбил ему глаз; из других ран текла кровь, но он все еще выдерживал напор людей Такфарината. Центурион отбивался мечом; нумидийцы валялись от жестоких ран, но в конце концов число врагов и раны одолели ветерана, и центурион Декрий пал мертвым.

Перепуганные молодые легионеры его когорты забаррикадировались внутри лагеря; нумидийская орда у стен укрепления жаждала их крови. Вскоре Такфаринат увел своих людей: у них не было ни навыков, ни желания вести осаду. Как только горизонт был чист, люди из IX Испанской когорты послали вестника своему трибуну Гаю Фульвию с новостью об атаке и с объяснением обстоятельств гибели центуриона. Трибун Фульвия послал полный доклад наместнику в Карфагене.

Апроний был в бешенстве. Наместник, который по закону являлся единственным магистратом в провинции и обладал властью над жизнью и смертью, «отобрав жеребьевкой каждого десятого из осрамившей себя когорты, он до смерти забивает их палками» (*Тас. А. III, 21*). Это был первый известный нам пример децимации в римской армии с гражданской войны. По горькой иронии судьбы это произошло в том же самом IX Испанском легионе, который последним пережил децимацию по приказу Юлия Цезаря в 49 году н. э. Наказание было исполнено должным образом. Каждый из воинов в когорте бросил жребий. Те, кто вынул жетоны с отметиной, были выведены из рядов, раздеты и привязаны к столбам для бичевания. Около пятидесяти приговоренных затем были запороты до смерти.

Тацит говорил, что децимация возымела желаемое воздействие на моральный дух и смелость оставшихся легионеров IX Испанского легиона, поскольку вскоре после наказания Такфаринат атаковал форт в

Тале к западу, выше Ламбессы. Там стояла когорта ветеранов IX Испанского легиона, состоявшая полностью из зрелых и опытных легионеров. Они сражались как черти, отбив армию, значительно превосходившую их по численности (*Тас. А. III, 21*).

Во время этой последней жестокой битвы, когда один легионер из IX Испанского по имени Руф Гельвий спас жизнь своего товарища-солдата, его имя передали наместнику с рекомендацией, чтобы ему дали награду за храбрость. Наместник Апроний действительно награждал Гельвия золотым ожерельем и серебряным копьем — высоко ценившимися боевыми наградами. Но этот подвиг заслуживал большего, и после того, как Тиберий услышал, как награждал Гельвия Апроний, он добавил к этому гражданский венок — высшую римскую награду за храбрость и в то же время написал Апронию («скорее сетуя на словах, чем на самом деле досадуя»), что он, как проконсул, и сам бы мог дать эту награду (*Тас. А. III, 16*).

Когда римские войска все еще были заперты на своих аванпостах наместником, не желавшим брать на себя инициативу, Такфаринат продолжал свои набег. Он выучил урок после того, как получил отпор при Тале. Теперь, если его преследовала когорта легионеров, Такфаринат ускользал как можно скорее, не давая битвы. Затем, когда измученные легионеры поворачивались и шли обратно в лагерь, нумидийцы висели у них на хвосте и нападали на арьергард. Это было тем более унижительно для римских войск, и теперь мятежники делали дураков из воинов двух легионов. Такфаринат, как говорил Веллей Патеркул, один из офицеров Тиберия, между тем продолжал войну, «внушавшую... ужас и постоянно расширяющуюся» (*Velle. II, CXXXIX, 3*).

Преисполнившись самоуверенности из-за успеха своей тактики и поскольку запертые в своих крепостях римляне не могли повредить ему, Такфаринат, нагруженный добычей, пошел к берегу Средиземноморья и разбил там укрепленный лагерь, где его люди могли насладиться недолгим покоем и отдыхом. Когда об этом услышал наместник, он собрал мобильный экспедиционный корпус под командованием своего сына Цезиана Апрония, тогда молодого префекта, вместе с вспомогательными войсками провинции. В таком назначении не было ничего необычного. Точно так же, как у Юния Блеза, наместника в последней провинции IX Испанского, в штабе находился его сын, и у опозорившего себя пропретора Сирии Пизона (спутника IX легиона во время похода на Рим прошлой зимой) в его штабе на Востоке находился его сын Марк, наместники вообще часто брали с собой сыновей, чтобы они де-

лили с ними их должности в провинции, пока юноши были трибунами и префектами, учившимися искусству войны.

С отрядом вспомогательной кавалерии и легкой пехоты и вдобавок тысячей или около того наиболее молодых и здоровых легионеров из когорт IX Испанского легиона префект Цезиан Апроний быстро наступал на лагерь Такфарината. Молодой Апроний заставил нумидийцев уйти со своих позиций и отогнал их на юг, в пустыню. За этот очевидный успех Тиберий даровал наместнику триумфальные почести. Но опять-таки праздновать было рано.

Большинство провинций, где были гарнизоны из легионов, были императорскими провинциями, и их наместники назначались императором. В то же самое время наместники провинции Африка назначались по голосованию сената. Фактически Африка оставалась одной из немногих сенатских провинций, где наместник контролировал силы легионов. Их командование, как правило, распространялось только на вспомогательные войска. Поскольку Африка была сенаторской провинцией, наместники там могли занимать свои должности только в течение года. Наряду с должностью наместников Азии и Сирии Африка была одним из наиболее высокооплачиваемых постов наместника и всегда считалась престижной ступенью в карьере амбициозного римлянина. Многие императоры позднейших времен служили здесь на ранней стадии своей карьеры.

К весне 21 года н. э. годовой срок службы Луция Апрония подошел к концу, и он и его сын вернулись в Рим. Но новости о возникновении дальнейших мятежей под руководством Такфарината в Африке заставили сенат попросить императора назначить следующего наместника лично. Тот, кто пришел на замену Апронию, был хорошо знаком ветеранам IX Испанского легиона — Юний Блез, правивший Паннонией, «домашней» провинцией IX Испанского легиона во время мятежей 14 года н. э. Блеза посчитали проконсулом, который «знал военное дело, отличался крепким здоровьем и мог взять на себя руководство войной» (*Тас. А. III, 32*). Он также был дядей Сеяна, могущественного префекта преторианской гвардии при Тиберии.

Вскоре после того, как Блез прибыл в Карфаген, Такфаринат нахально послал послов к римскому императору, требуя себе поселения с землей и деньгами для своих людей и себя самого в обмен на мир. Если его требования не будут удовлетворены, как сказали его послы Тиберию, тогда Такфаринат будет вести бесконечную войну с римскими войсками, так что мира в провинциях Северной Африки никогда

не будет. «Никогда Тиберий не был сильнее задет ни одним оскорблением, нанесенным лично ему или народу римскому, чем то, что дезертир и разбойник дерзнул счесть себя воюющей стороной». Даже Спартак, как сказал Тиберий, опустошавшему Италию со своей армией рабов девяносто пять лет назад, Рим никогда не предлагал амнистию, так что у такого бандита, как Такфаринат, нет никакого шанса получить то, что он требует. Тиберий сказал Блезу, что тот может обещать полное прощение тем из спутников Такфарината, кто сложит оружие, но самого Такфарината он должен преследовать, используя все имеющиеся в его распоряжении ресурсы (*Тас. А. III, 73*).

Некоторые нумидийцы воспользовались амнистией. Но глубоко в сердце Северной Африки, укрывшийся у племени гарамантов, Такфаринат смог собрать новый отряд, обещая ему добычу. Все лето 21 года н. э. Такфаринат появлялся из своего укрытия и использовал проверенную временем партизанскую тактику с большим успехом, особенно разоряя при этом мирное племя лептитанов. Разделив свои силы на несколько подразделений, он мог наносить удары в нескольких местах одновременно и затем ускользать. Он избегал преследования и затем устраивал засады на римские войска, посланные за ним. Эта тактика внезапных набегов подходила темпераменту и навыкам его дружинников-кочевников, а римлянам с их статичными построениями она была невыгодна.

Блез, человек практичный, решил, что с него хватит. У него был только один год на то, чтобы показать, на что он способен, и он организовал широкомасштабную операцию по выслеживанию и уничтожению Такфарината. Было собрано три колонны, в которые входили III Августов, IX Испанский легионы и вспомогательные подразделения. До этого момента как III Августовым, так и IX Испанским командовали их старшие трибуны, но для последнего похода Корнелий Лентул Сципион, способный легат сенаторского ранга, был послан в Африку, чтобы принять командование IX Испанским легионом. Он затем стал одним из самых доверенных военных советников императора Клавдия. При новоприбывшем командире IX Испанский образовал один из трех дивизионов Блеза. Еще один отряд, состоявший из ауксилиариев, был под командованием сына наместника Блеза — префекта. Сам Блез командовал третьей колонной, состоявшей из III Августова легиона.

У каждой колонны была своя задача. Лентул Сципион и IX Испанский заняли левый фланг и пошли на юго-восток, чтобы покончить с

нападениями врага на племя лептитанов, которое оставалось верным Риму. IX Испанский затем был должен повернуть и отрезать Такфаринату отступление на дружескую территорию гарамантов. Префект Блез руководил колонной, которая заняла правый фланг наступающих: она шла на запад, чтобы защитить деревни вокруг Цирты (современная Константина), столицы Нумидии, и помешать Такфаринату бежать на запад. В то же самое время Блез-наместник должен был прорубиться через середину провинции с III Августовым легионом.

Все три отряда работали как машина, и они достигли своей цели и затем объединились в Южном Тунисе. Здесь Блез поставил несколько крепостей, стен и линий траншей в самых важных местах. Отсюда он послал небольшие подразделения под командованием центурионов первого ранга на задания по уничтожению живой силы противника. С этого момента куда бы ни повернули люди Такфарината, везде перед ними вставали римские войска — впереди, сбоку, внезапно появляясь сзади. Это был неприятный момент для мятежников.

Несомненно, Такфаринат говорил своим людям, что надо продержаться, пока римляне не уйдут за зиму — как они поступали всегда. Но когда пришла осень, Блез бросил вызов традиции. Его войска остались на поле боя, и из своих крепостей он посылал легкокопированные летучие колонны с местными проводниками через песчаные просторы. Что касается самого Такфарината, то его преследовали по этой пустынной местности от одной кучки жалких хижин к другой. Римские подразделения вернулись назад с несколькими пленниками, в том числе братом Такфарината. Но сам Такфаринат снова избежал плена.

Такого успеха для Блеза было уже достаточно. В начале 22 года н. э., когда его срок полномочий в должности наместника должен был завершиться весной, он ушел в Карфаген и приготовился передать власть своему преемнику. Императору этого тоже хватило: вдобавок к ставшим обычными и почти ежегодными триумфальным почестям наместнику Африки Тиберий даровал Блезу дополнительную почесть — его провозгласили императором за его «победу». Теперь, как заметил историк Тацит, в Риме стояли статуи трех бывших наместников Африки в лавровых венках — с триумфальными почестями за победу над Такфаринатом. И при этом Такфаринат все еще был на свободе (*Тас. А. IV, 23*).

Когда Блезу был дарован высокий титул императора, Тиберий застал себя в угол. В сенате начали задавать вопросы. Почему же, если с Такфаринатом разобрались, IX Испанский легион все еще в Африке?

У императора не было реального ответа на этот вопрос. Так что вскоре после того, как заново назначенный проконсул Африки Публий Долабелла прибыл в Карфаген, чтобы занять свой пост, он получил от императора депешу, где тот велел ему отослать IX Испанский легион на его «домашнюю» базу в Паннонию. Наместник Долабелла (как говорил Тацит) не осмелился удержать при себе легион, ибо для него «приказание принцепса были страшнее неожиданностей войны» (*Тас. А. IV, 23*).

Долабелла знал, что Такфаринат отнюдь не был подчинен. Он отчаянно хотел бы сохранить IX Испанский легион для продолжения операций против нумидийцев, сомневаясь, что сможет сдерживать Такфарината, когда численность его армии станет меньше. И тем не менее IX Испанский также получил приказ вернуться на Балканы. В 23 году н. э., как только пришла весна, IX Испанский переправился обратно через Средиземное море в Сицилию. Затем легионеры вернулись туда, где стояли три с половиной года назад, на свою прежнюю базу в Паннонию.

Такфаринат просто не мог поверить своему счастью. Когда он услышал, что IX легион ушел, он пустил по всему региону слух, что силы Рима переживают волнения по сей империи и уже осталось немного времени до того, как они совсем уйдут из Северной Африки. С этим очевидным успехом бандита и в самом деле уже окружала аура борца за свободу. Все больше и больше варваров стекались под его знамена, вдохновленные тем, что ему уже удалось послать один легион туда, откуда он пришел; маячила надежда выгнать римлян с их родной земли.

Со своей новой армией Такфаринат отважно осадил город Тубуск, но, как и раньше, его сторонникам не особенно понравилась долгая осада. Наместник Долабелла пошел на помощь войскам в Тубуске, и, когда его колонна подошла к городу, мятежники ушли. Долабелла, собрав всех римских легионеров, вспомогательные войска, союзников и наемников, которых только мог собрать, затем стал заниматься тем же, что и Блез предыдущим летом: он разделил свои силы. Долабелла создал четыре колонны, которыми командовали его «легаты и трибуны», и отправился искать врага, причем «сам он руководил всеми». Он даже послал специально отобранных маврских воинов на разбой, чтобы вызывать проблемы у мятежников в тылу (*Тас. А. IV, 24*).

Возможно, с помощью доносчика отступавшие нумидийцы были выслежены в частично разрушенной крепости Авзея. Люди Такфари-

ната не строили походных лагерей на ночь, как легионеры. Тут, в Авзее, где африканцы в основном спали на открытом воздухе, как у них было принято, их застигла врасплох утренняя атака войск Долабеллы. «Под звуки труб, с яростным криком» римляне ворвались в никем не охраняемый лагерь «сомкнутым строем пехотинцев». Они рубили нумидийцев и мавров тысячами: те пытались схватить оружие и вскочить на коней, которым позволили побродить и пощипать траву. «У ни о чем не подозревавших врагов ни оружия, ни порядка, ни плана боевых действий, и их хватают, тащат, убивают, как овец» (*Тас. А. IV, 25*).

«По манипулам передается приказ: не упустить Такфарината», и в свете раннего утра Такфаринат был обнаружен и окружен. Его сына схватили, его телохранители были убиты вокруг него. Такфаринат знал, как отчаянно римляне хотят захватить его живым, чтобы протащить по улицам Рима во время триумфа. Но он не хотел дать им такого удовольствия. Решившись избежать унижительного плена, он поднял меч и побежал на окружающие его римские войска. Его повалила туча взлетевших в воздух дротиков еще до того, как он смог добежать до атакующих (*Тас. А. IV, 23*).

Мятеж Такфарината умер вместе с ним. В Африке снова воцарился мир, и III Августов легион мог выйти из состояния повышенной боевой готовности, в котором находился почти десять лет. Наместник Долабелла — человек, которому удалось покончить с Такфаринатом и его семилетним мятежом, — обратился к императору, прося себе триумфальных почестей, той же чести были удостоены предыдущие наместники, причем ни одному из них не удалось фактически положить конец мятежу. Тиберий отказался даровать Долабелле триумфальные почести, которых заслуживали его дела. Это, как говорит Тацит, было потому, что на императора повлиял префект претория Сеян, который не хотел, чтобы так называемая слава его дяди Блеза была уменьшена, когда Долабелла получит награду за то, что закончил неоконченную работу Блеза, и при этом с армией меньшего размера (*Тас. А. IV, 26*).

Тот факт, что Долабелла не смог получить награду, фактически только увеличил его славу, как говорит Тацит, ибо это именно он привез пленными в Рим сына Такфарината и его ближайших соратников и получил одобрение от народа. Что касается Блеза, то и он, и Сеян погибли через несколько лет после того, как префект претория будет приговорен за участие в заговоре с целью свержения императора (*Тас. А. IV, 26*).

42 год н. э.

XVI
МЯТЕЖ СКРИБОНИАНА

Легионы Клавдия получают имена

С тех пор как преторианская гвардия и германская гвардия провозгласили Клавдия, дядю-инвалида Калигулы, императором Рима в январе 41 года н. э., среди ведущих сенаторов царило тайное недовольство: многим казалось, что они гораздо лучше подходят на роль императора. Один из этих людей, Анний Винициан, действительно был предложен в императоры его собратьями-сенаторами после убийства Калигулы. Клавдий еще не пробыл у власти и года, как Винициан и несколько его друзей вступили в заговор с целью свержения робкого императора, погруженного в свои ученые занятия: они считали, что единственное, что позволяет ему претендовать на престол, — это кровь члена дома Юлиев-Клавдиев.

Поскольку своих войск у Винициана не было и люди из различных подразделений гвардии в Риме должны были поддержать Клавдия, заговорщики связались с наместником провинции Далмация, расположенной как раз на другом берегу Адриатического моря от Италии: они были уверены, что он их поддержит. Согласно Кассию Диону, этот наместник — Марк Фурий Камилл Скрибониан — уже строил свои собственные планы мятежа, поскольку о нем тоже говорили как о потенциальном императоре (*Dio. LX, 15*).

Потомок Помпея Великого Скрибониан (о котором римские историки также говорили как о Фурии и Камилле) имел под своим командованием в Далмации два легиона. VII легион базировался в Тилурии близ современного Сплита в Хорватии, в то время как XI легион стоял на зимних квартирах в столице провинции Скрибониана — Бурне (современный хорватский город Кистанье). Вдобавок к примерно 10 тысячам легионеров из двух легионов гарнизон провинции включал примерно такое же количество ауксилиариев, что давало Скрибониану армию в 20 тысяч человек.

В начале третьей недели марта 42 года н. э., получив известия от Винициана в Риме, Скрибониан созвал собрание своих войск и объявил, что намерен свергнуть Клавдия. Согласно Диону, Скрибониан «дал надежду» своим войскам, что восстановит Римскую республику —

нечто, о чем многие римляне мечтали уже девяносто лет после того, как Юлий Цезарь начал мятеж, положивший республиканскому правлению конец. Дав это ложное обещание, Скрибониан велел своим легионам готовиться к походу на Рим (*Dio. LX, 15*).

Между тем Скрибониан послал Клавдию письмо, «полное надменных оскорблений и угроз», которое заставило перепуганного императора собрать своих главных советников. На этой встрече Клавдий стал рассуждать о перспективе отказаться от престола и уйти на пенсию. На самом деле Винициан и его сторонники действительно были убеждены, что Клавдий настолько перепугается, что отречется от трона, как только получит письмо Скрибониана, и несколько ведущих сенаторов и всадников присоединились к делу Винициана. Но при поддержке своих ведущих вольноотпущенников, которые решили, что угрозами его нельзя заставить отказаться от власти, Клавдий не отрекся (*Suet. V, 35*).

На другой стороне Адриатики многие солдаты в рядах двух легионов Скрибониана тоже отнюдь не одобряли идею свергнуть своего императора. Клавдий был потомком императорского дома, он был братом покойного и весьма уважаемого полководца — Германика Цезаря, и прошло лишь чуть больше года с тех пор, как он стал императором. Для многих легионеров идея свергнуть его была неприемлемой.

Между 19 и 23 марта каждого года по всей империи легионы доставали своих священных золотых орлов из храмов, которые стояли в лагере, и выносили их на собрание, где, на глазах всех легионеров, жрецы совершали помазание орлов благовониями и обвивали их гирляндами цветов на древней церемонии, которая называлась люстрацией.

На третьей неделе марта в лагерях VII и XI легионов в Далмации среди солдат прошел слух, что, когда орлоносцы пытались вынуть орлов из земли в их храмах, они не хотели сдвинуться с места (*Dio. LX, 13*).

Все римляне были суеверны, а легионеры — более суеверны, чем большинство римлян; они часто рисковали жизнью и все время

искали предзнаменований — как хороших, так и дурных, чтобы найти свой путь и избежать зла. Рассказ об орлах, которых нельзя было стронуть с места, воспламенил легионеров обоих далматских легионов. Для них это значило, что они не должны идти на Рим со Скрибонианом, и «из-за суеверного страха, который заставил легионы раскаяться», весь мятеж рассыпался в пыль в один день (*Dio. LX, 13*).

Опытные рядовые собрались, и, согласившись в том, что они должны нанести удар Скрибониану и его сторонникам, они нашли старших офицеров, которые поддерживали мятежные планы наместника и казнили их в своих казармах. Скрибониан, услышав о том, что его собственные легионы повернулись против него, бежал из Бурна на берег Адриатики и оттуда в Иссу — сегодняшний хорватский остров Вис. Не видя другого выхода, Скрибониан там, на Иссе, покончил с собой. С момента, когда он обратился к своим легионам и заявил, что он пойдет против Клавдия и до его смерти, весь мятеж Скрибониана продолжался ровно пять дней (*Dio. LX, 15*).

Как только весть о быстром конце восстания достигла Рима, многие заговорщики, в том числе и Вициниан, вдохновитель заговора, последовали примеру Скрибониана и покончили с собой. Несколько других, как мужчин, так и женщин, были схвачены преторианской гвардией. Некоторых пытали, выбивая признания. Сенаторов судили в сенате в присутствии Клавдия, префектов гвардии и советников императора — вольноотпущенников. Приговоренные обвиняемые были казнены, и их обезглавленные тела выставлены на Гемонии (*Dio. LX, 16*).

Одним из заговорщиков был сенатор Цецина Пет. Его супруга Аррия «очень близко общалась» с императрицей Мессалиной и могла сама избежать наказания на участие в заговоре, если бы попросила защиты у Мессалины. Но верная Аррия решила разделить судьбу мужа. Дион рассказывает, что оба они решили умереть: Аррия и Пет сидели в одной комнате в своем доме в Риме; он держал в руках меч. Но у Пета не хватало мужества закончить дело. И Аррия взяла у него меч и пронзила им себя. Все еще живая, она вытащила меч и сказала, передавая его мужу, чтобы он последовал за ней: «Смотри, Пет, мне не больно» (*Dio. LX, 16*).

Как только стало известно, как именно кончился мятеж, благодарный Клавдий послал в Далмацию весть, что он решил почтить два легиона, сохранившие ему верность, и положить конец мятежу их офицеров. Эта честь выразилась в форме присвоения императорского имени — титула «Клавдиев». С того самого времени эти легионы на-

зывались VII Claudia Pia Fidelis, то есть буквально «Клавдиев Благочестивый и Верный», а XI — XI Клавдиев Благочестивый и Верный (*Dio. LX, 15*). Что касается воинов, которые действовали по своей инициативе и убили офицеров, участвовавших в заговоре Скрибониана, все по приказу Клавдия были повышены (*Suet. VIII, 1*).

Чтобы убедиться в том, что далматские легионы снова соблюдают порядок, императорский дворец послал в провинцию старшего офицера. Это был Луций Отон, отец будущего императора Марка Отона. Луций Отон (ходили слухи, что он незаконный сын императора Тиберия), как известно, был сторонником железной дисциплины — и когда исполнял должность магистрата в Риме, и когда был наместником провинции Африка. Прибыв в Далматию, Отон приказал привести к нему легионеров, которые убили своих офицеров и помешали восстанию. Вместо того чтобы их наградить, он приговорил их к смерти — игнорируя тот факт, что за это дело Клавдий их повысил (*Suet. VIII, 1*).

Судя по всему, Отон был больше заинтересован в том, чтобы показать пример, который в будущем не дал бы легионерам убивать своих офицеров, чем поощрить их подавлять мятежи против своего императора. Несчастные верные легионеры VII и XI Клавдиевых легионов были обезглавлены в присутствии Отона. По крайней мере, у Отона не было полномочий снять с легионов новые титулы. Светоний говорил, что действия Отона, конечно, подтвердили репутацию Отона как строгого начальника, но он лишился милости императора, как только стало известно, что он казнил тех самых легионеров, которые были вознаграждены императором (*Suet. VIII, 1*).

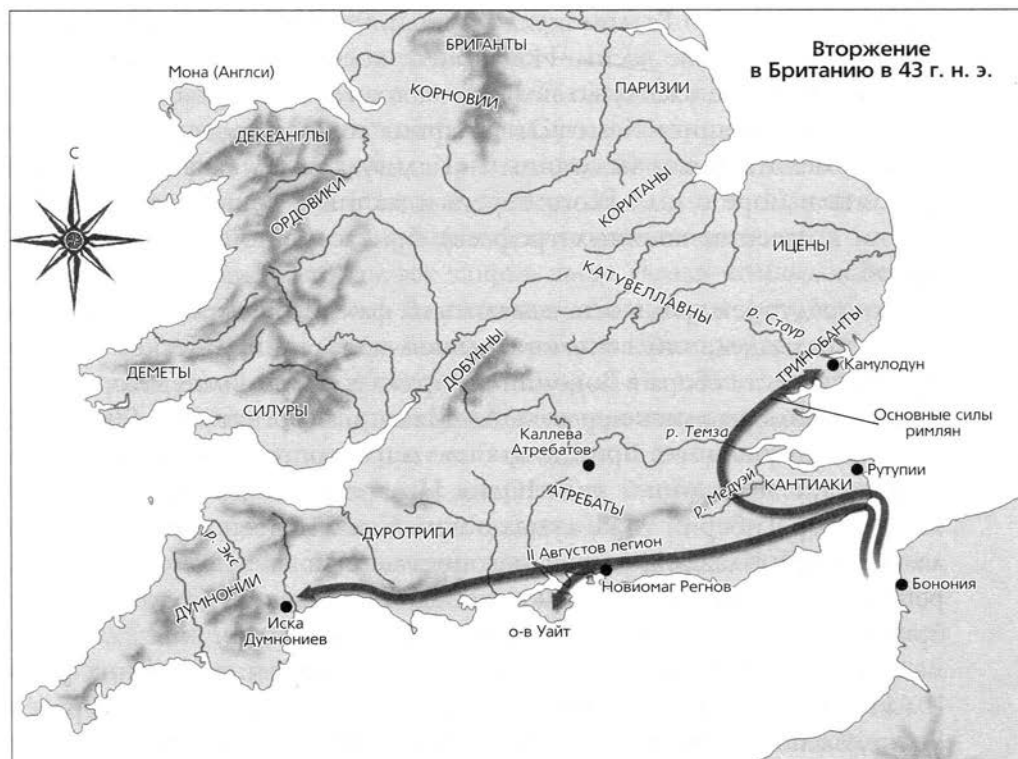
43 год н. э.

XVII

ВТОРЖЕНИЕ В БРИТАНИЮ

Четыре легиона против бриттов

Весной 43 года н. э. кельтские племена Южной Британии были встревожены: галльские купцы, которые вели торговлю через Ла-Манш, предупредили своих бриттских родичей, что римская армия и флот собираются в порту Бонония — современная Булонь (первоначально

именовавшаяся Гезориаком). В Бононии, сказали купцы, говорят о римском вторжении в Британию. Этим предупреждениям придадо достоверность то, что той весной у берегов Кента (римский Кантий) появились римские корабли, которые вели разведку.

Вожди племен были вынуждены действовать: они послали призыв по своим деревням, призывая воинов. Ни одно из бриттских племен не содержало постоянную армию, в отличие от римлян. У их вождей были постоянные отряды телохранителей: некоторые из них были кельтскими наемниками или рекрутами. В бою стоящий аристократ ехал с сидевшим возничим в колеснице и метал копья; потом он спрыгивал с колесницы и сражался пешим, пока возничий ждал рядом, чтобы в случае чего дать ему быстро бежать с поля боя.

Услышав новости о грядущем римском вторжении, десятки тысяч варваров ответили на призыв к войне, взяли в руки оружие и собрались на берегу Кента. Их вожди ждали неделями и постоянно наблюдали за Ла-Маншем, а рядовые члены племени изнывали от нетерпения, сидя в лагере и волнуясь за свой урожай и семьи, оставшиеся

дома. От родичей в Галлии вожди узнали, что римляне всегда начинают походы в начале весны. И наконец, когда флота завоевателей не было видно и все уже было похоже на то, что снова повторится британское «завоевание» Калигулы четырьмя годами раньше (а оно оказалось смехотворным балаганом — Калигула велел своей артиллерии стрелять в море с галльского берега и заставил воинов собирать ракушки в качестве военных трофеев), британские войска отправились домой.

Но предупреждения основывались на фактах. Четыре легиона и десятки подразделений вспомогательной кавалерии и легкой пехоты прошли к месту сбора в Бононии по приказу нового императора Клавдия: они намеревались пересечь Ла-Манш и вторгнуться в Британию. Римское вторжение в Британию было в планах римских полководцев еще с двух экспедиций туда Юлия Цезаря в 55 и 54 годах до н. э. Император Тиберий тоже думал о нем. С этой идеей играл и Калигула. А теперь Клавдий, самый невоинственный из всех императоров, решил его осуществить: в этом его ободрил бежавший с острова вождь бриттского племени по имени Берик (*Dio. LX, 19*).

В начале весны легионы собрались в Бононии: среди них были II Августов, который пришел из Аргентората (Страсбург) на верхнем Рейне, бывшем его базой в течение последних двадцати пяти лет. Его командиром был 33-летний Тит Флавий Веспасиан — будущий император Веспасиан, который в то время имел ранг претора. В качестве префекта Веспасиан командовал подразделением фракийских ауксилиариев, поднимаясь по карьерной лестнице. Согласно его римскому биографу Светонию, Веспасиан был обязан своим командованием II Августова легиона дружбой с Нарциссом, вольноотпущенником и главным секретарем императора (*Suet. X, 4*).

Сын Веспасиана, Тит, в будущем тоже окажется связан с отцовским легионом: Тит командовал когортой ауксилиариев, прикомандированной к II Августову легиону в Британии двадцать лет спустя. Третьим по старшинству офицером под командованием Веспасиана в II Августовом легионе на момент вторжения оказался префект лагеря Публий Аниций Максим, уроженец города Антиохия в Писидии, горном регионе в Южной Турции, который тогда был частью провинции Галатия. Аниций закончил эту кампанию со множеством наград.

К II Августову в Бононии присоединился еще один легион с верхнего Рейна — XIV Сдвоенный, который базировался в Могонциаке, и

XX легион из Новезия (Нейсс) — базы армии на нижнем Рейне. Четвертый легион, известный своей мощью, — IX Испанский, легион, посланный в Африку во время восстания Такфарината, промаршировал всю дорогу со своей паннонской базы в Сисции в сопровождении полководца, которому Клавдий доверил общее командование экспедиционной армией, — Авла Плавция. Консул 29 года н. э., Плавций был наместником Паннонии во время своего нового назначения.

К тому времени преторам все чаще и чаще давали командовать легионами, и двое из братьев Веспасиана, командиров легиона в британской экспедиционной армии, также были преторами — старший брат Веспасиана Флавий Сабин и Гней Осидий Гета. Гета, который был старше Веспасиана лет на шесть, только в прошлом году командовал сравнительно небольшим отрядом в провинции Мавретания, который дважды разбил армию мятежных мавров. Так что Гета подошел к этой кампании с блестящей военной репутацией.

Вспомогательные подразделения, участвовавшие в этой операции, включали в себя восемь когорт батавской легкой пехоты из современной Голландии, которая поддерживала XIV Сдвоенный легион, и среди их префектов (в этом можно быть почти уверенным) был Гай Юлий Цивилис, принадлежавший к древнему царскому дому племени батавов; тогда ему было около двадцати пяти. Всадник из богатой и влиятельной семьи, Цивилис был воином с хорошим тактическим мышлением. Красноречивый, уверенный в себе, он станет другом Веспасиана.

Вспомогательные кавалерийские подразделения, назначенные на эту операцию, включали в себя батавских конников — возможно, самое знаменитое конное подразделение в римской армии. Были также и алы фракийских всадников, которые стали многонациональным кавалерийским подразделением (несмотря на название), и Веттонианский кавалерийский отряд — испанское смешанное (*equitatae*) подразделение, составленное из кавалерии и пехоты. Веттонианцами командовал Дидий Галл, будущий наместник Британии.

Ставка Клавдия старательно готовилась к этой операции. Даже был приведен в боевую готовность отряд слонов, стоявший в Лавренте близ Рима: его предполагалось использовать против бриттских военных колесниц. Были ли действительно приведены слоны к месту переправы в Бононии — неясно. Некоторые современные писатели сочинили красочные описания участия слонов в военных действиях в Британии, но нет никаких данных о том, что их действительно переправляли через

Ла-Манш, — болотистая земля и многочисленные переправы через реки в районе вторжения сделали бы их бесполезными, и, конечно, это должен был понять командующий экспедиционным корпусом Плавций и оставить их в Галлии.

Флот из транспортных судов и конвой — эскорт кораблей должен был быть специально построен для перевозки воинов и их коней в Британию, и для этой задачи кораблестроителей привезли в порты на Ла-Манше со Средиземноморья. С примерно 40 тысячами войск, многими тысячами кавалерийских лошадей и по меньшей мере 5 тысячами вьючных животных требовались сотни кораблей. Эти корабли должны были сформировать новый Британский флот Рима.

Как только началась весна, несмотря на всю подробную разработку материально-технического обеспечения и квалифицированную подготовительную работу, операция завязла на месте: причиной послужил человеческий фактор. Среди крайне суеверных легионеров прошел слух о том, что в Британии их ждут какие-то невообразимые ужасы, что это место за пределами границ известного мира. Плавций сообщил в Рим, что его армия буквально забастовала. Экспедиционный корпус засел в лагере на галльском берегу; рядовые солдаты отказывались тронуться с места, и именно поэтому ожидавшие вторжения бритты не увидели этой весной у своих берегов флота завоевателей.

Клавдий приказал своему секретарю, вольноотпущеннику Нарциссу отправиться в Бононию из Рима и решить проблему. Плавций созвал собрание войск, когда Нарцисс прибыл в лагерь, откуда войска должны были отправиться в Британию. Стоя рядом с Плавцием на командирском трибунале, Нарцисс начал речь, которая должна была убедить воинов начать поход, но его немедленно освистали. Легионеры знали, кем был Нарцисс, и знали, что он когда-то был рабом. Кто-то заорал «Ию, Сатурналии!»; крик подхватили все солдаты, и вскоре этот хор заглушил слова императорского секретаря (*Suet.* X, 4).

Сатурналии были римским религиозным праздником в конце декабря, который позднее был принят и адаптирован христианским миром, превратившись в Рождество. В ходе Сатурналий патроны дарили клиентам подарки, а рабы могли одеваться так же, как хозяева, и наслаждаться другими свободами, обычно бывшими привилегией свободных людей. В Бононии легионы дали понять, что не хотят слушать нотации от бывшего раба, хотя бы даже он и оделся в одежду свободного человека.

Смущенный и расстроенный, Нарцисс сошел с трибунала; в его ушах звенел смех легионеров. Полководец Плавций затем обратился к толпе. Нарцисс, наверное, хотел сказать людям, что император велел ему предложить легионам существенную доплату, если они продолжат операцию. Вместо него сообщить войскам об этом предложении должен был Плавций. Что бы Плавций ни сказал войскам, это сработало. Легионы согласились продолжать вторжение. К лету — согласно Диону, «был уже конец сезона [войны]», а племена Южной Британии ослабили бдительность — отложенное вторжение легионов наконец пошло своим ходом (*Dio.* LX, 19).

С вечерним приливом флот начал выходить из Бононии, пройдя гигантский каменный маяк, который Калигула построил на мысу у города. Сооруженный по образцу Александрийского Фarosа — одного из чудес древнего мира, маяк в Бононии был одним из положительных результатов визита сюда Калигулы в 39 году н. э. для его неудачного вторжения.

Дион писал, что легионы Плавция «были посланы в трех подразделениях, чтобы им не помешали высаживаться, что может случиться с одним отрядом» (*Dio.* LX, 19). Ночью флот проплыл через Дуврский пролив, следуя вдоль длинного, низкого отрезка побережья Кента за Довером и его белыми скалами, мимо Дила, где, как считается, высаживался Юлий Цезарь, и острова Танет близ Рамстейта. Считается, что экспедиционный корпус Плавция высадился на пляжах близ Пегвелл-Бэй (*W & D.* 3, 1–2). (В те времена Танет действительно был островом. За века Вантсум-Ченнел, узкий пролив между ним и материком, был занесен песком, и укромная гавань там исчезла.)

С первыми проблесками зари корабли первой волны сели на мель; воины спрыгнули за борт и пошли к берегу вброд. Вскоре высадилась вся армия; II Августов легион занял левый фланг, XX, скорее всего, был справа — именно правый фланг должен был пойти в Восточную Англию, — а XIV Сдвоенный и IX Испанский были в центре. Первоочередной целью военачальника было закрепить за собой побережье; Плавций велел своим войскам копать траншеи, чтобы защитить зону высадки. Лагерь, следы которого все еще можно увидеть, был построен около реки Стаур близ современного Ричборо. Войска, защищавшие место высадки, были размещены здесь вместе с припасами, которые были выгружены с римских транспортов, отныне сновавших туда и сюда между галльским и британским берегами. Эта безопасная гавань

получила название Рутупии и стала римской базой снабжения на следующие тридцать лет (*W & D*. 3, 1–2).

Один из четырех легионов, IX Испанский, очевидно, остался здесь, чтобы защищать римский тыл и служить резервом. Между тем Плавций времени не тратил: он отправился в глубь страны с основными своими силами. Точно так же, как римские полководцы, такие как Германик, нередко следовали по зафиксированным маршрутам прежних походов, вторгаясь на вражескую территорию, так и Плавций, видимо, использовал опубликованную и широко читающуюся историю о двух Британских кампаниях в качестве путеводителя, поскольку он последовал по стопам Цезаря к реке Темзе — Тамесе, как называли ее кельты.

С кавалеристами-разведчиками и легкой пехотой впереди три легиона шли на запад по плоским болотам к месту, где сейчас находится Кентербери. Завоевателей к этому моменту увидели люди из местного племени кантиаков, которые в ужасе попрятались по лесам, граничившим с болотами, глядя, как идут римляне; вестники от них поскакали к другим племенам юга Англии с новостями о высадке римлян.

Плавций, руководивший экспедиционным корпусом в его походе в глубь страны с побережья, не видел никаких признаков местных жителей и «с большим трудом их выискивал» (*Dio*. LX, 20). Между тем племена собирались. Когда бритты наконец решили сражаться, их командирами стали два брата, сыновья умершего Кунобелина, царя могущественного племени катувеллавнов. Отец Кунобелина, царь Кассивеллаун, платил дань Юлию Цезарю после краткого вторжения веком раньше. Одним из братьев был царь Тогодумн, правивший частью бывшего царства своего отца к северу от Темзы, которая теперь является графством Эссекс.

Место, где располагалась древняя столица катувеллавнов, теперь занята городом Колчестером: римляне называли его Камулодун по имени кельтского бога Камула, чье святилище находилось в этом городе. Кельтским именем второго брата было Карадок: истории он известен как царь Каратак (иногда также Карактак). Он правил западной частью бывшего царства своего отца из своей столицы, которую римляне называли Калевой Атребатов: она находилась на месте современной деревни Силчестер в Хэмпшире, в сердце земель племени атребатов.

Поспешно собрав подкрепления от плативших им дань племен, два брата пошли на римский отряд со своими воинами: Тогодумн шел с

севера, Каратак спешил с запада. Каратак оказался первым, кто вошел в контакт с римлянами. Многочисленные сыновья покойного царя Кунобелина иногда могли быть ожесточенными соперниками, и теперь, не ожидая, когда войска его брата присоединятся к нему, дабы завоевать славу для себя, Каратак напал на ближайšie римские войска — скорее всего, это были легионеры II Августова легиона, которым командовал Веспасиан.

У бриттов не было ни доспехов, ни шлемов. Большинство обычных воинов были вооружены простой фрамеей, или копьем, и большим покрытым кожей прямоугольным деревянным щитом. Нередко босонogie, бритты обычно шли в битву обнаженными до пояса; некоторые даже были совсем нагими. Варвары, которые теперь столкнулись с римлянами перед тем, как идти в битву, принесли клятву богу Камулу, своему богу войны, что они не сложат оружия перед врагом и их не остановят раны, которые они получают в битве.

Несмотря на эти клятвы, бритты, принимавшие участие в этой первой атаке Каратака, были быстро обращены в бегство работавшим как машина строем легионеров и вскоре побежали туда, откуда пришли. После того как атака встретила быстрый и кровавый ответ, Каратак отступил к реке Медуэй. Римляне продолжали свое наступление; между тем с севера от Темзы прибыл царь Тогодунн с тысячами воинов. Он также немедленно атаковал, не подумав о тактике, и его люди были так же быстро побеждены. Сам Тогодунн, видимо, был серьезно ранен в этом сражении. Телохранители унесли его с поля битвы, и через несколько дней он умер. Между тем его брат Каратак, отступая, дошел до Медуэя, где перегруппировал своих людей, и к нему присоединились воины его брата — отступавшие и оставшиеся без вождя.

Между тем часть войск Каратака, племя, которое Дион Кассий называет «бодунны», но которые, возможно, на самом деле были добуннами, жившими в современном Глостершире, сдались Плавцию, который построил там форт, чтобы сдерживать их. Бодунны, бывшие некоторое время подданными катувеллаунов, судя по всему, решили, что лучше иметь римских хозяев, чем быть под властью своих братьев-кельтов.

Вскоре Плавций пришел к широкой реке Медуэй. На дальнем берегу Каратак перегруппировал десятки тысяч варваров. К этому времени, хотя и с опозданием, к бриттскому войску присоединились колесницы. Бритты «считали, что римляне не смогут перейти реку без

моста, и, следовательно, разбили лагерь довольно небрежно на другом берегу» (*Dio. LX, 20*). Но они не знали, что римские военные знают и умеют очень многое.

На некотором расстоянии от своего собственного лагеря Плавций послал батавских всадников вплавь через реку с их конями — в полном вооружении и готовыми ринуться в бой, как только им удастся переправиться. Затем батавы пошли вниз по реке на северном берегу. Начав внезапную атаку на лагерь бриттов, батавы получили приказ целиться копьями в коней, запряженных в колесницы, а не в экипажи. «В последовавшей суматохе даже вражеским всадникам не удалось спастись». Когда бритты были полностью заняты сражением с батавами, Плавций, видимо, перебросил через реку понтонные мосты. Под руководством Веспасиана и его брата Сабина II Августов легион и еще один легион пересекли реку Медуэй и «убили много врагов» (*Dio. LX, 20*).

Большая часть или вся римская армия разбила лагерь той ночью на северном берегу. Но на следующий день бритты вернулись с новыми силами, и нужно было, чтобы командир легиона Гней Гета провел контратаку, «после того как его едва не взяли в плен»; это повернуло ситуацию в битве и отразило бриттов. За свое участие в битве при Медуэе, хотя он еще и не был консулом, Гета получит от императора триумфальные почести.

Когда бритты отошли к Темзе, римляне последовали за ними. Близ того места, где Темза впадает в море и во время прилива вода образует озеро, бритты начали переправляться. Варвары, которые знали, где находится прочная земля и где ил может затянуть постороннего, смогли перебраться через заболоченную землю. Но когда преследовавшие их римские вспомогательные войска попытались последовать их примеру, они вскоре испытали трудности и им пришлось уйти. Когда прибыли основные силы римлян, Плавций разбил лагерь на южном берегу и поставил понтонный мост выше по течению.

Между тем батавы опять использовали свое искусство в плавании. Оказавшись на дальнем берегу, войска, которые пересекли мост, пошли на соединение с батавами. Варвары, оказавшиеся между ними, были порублены в капусту. Но когда римляне начали преследовать выживших, они зашли в болота, и некоторые легионеры утонули, пытаясь продолжать преследование. Полководец Плавций отвел своих людей и консолидировал свои позиции. К вождям всех соседних племен были посланы послы, предлагая им сдаваться на благоприятных условиях. Когда распространились новости о поражениях бриттов на Медуэе и на Темзе и

о смерти Тогодумна, многие вожди быстро согласились сдаться, предпочтя это римской стали. Получив ответы, Плавций послал в Рим депешу, приглашая императора прибыть и возглавить кампанию, чтобы принять сдачу вождей и завершить завоевание бриттов.

Очевидно, Клавдий дал Плавцию инструкцию поступить именно так, как только он сможет это сделать, и ожидал такого известия. Через несколько недель Клавдий отправился в Британию с большой свитой, оставив консула Луция Вителлия распоряжаться в столице. Несколько тысяч воинов преторианской гвардии и кавалерии под руководством префекта Руффрия Поллиона составляли эскорт императора наряду с когортами величественной германской гвардии — личных телохранителей государя. Десятки сенаторов-прихлебателей следовали в императорской свите.

Когда гвардия Клавдия шла вдоль Тибра к порту Остия, императорская свита плыла вниз по реке на флоте барж. В Остии император, его войска и окружение сели на боевые корабли Мизенского флота и отправились вдоль берега на небольшое расстояние в Южную Галлию. Императорская свита — побывавшая в шторме и мучившаяся от морской болезни — высадилась в Массилии (Марсель), откуда она проехала по всей Галлии в Германию. Из Могонциака на Рейне императорская поездка продолжалась до Бононии, откуда новый Британский флот отвез экспедицию в Британию.

Когда император неспешно продвигался на север из Италии на галльское побережье — у него заняло много недель преодолеть то расстояние, которое быстрые курьеры *Cursus Publicus Velox* могли преодолеть за несколько дней, — Плавций занимался тем, что подбивал баланс. Племена на севере просили мира, а Каратак ушел на запад, в Уэльс, забрав с собой жену, дочь и по меньшей мере двоих из троих оставшихся в живых братьев, племена запада упорно отказывались сдаваться. Тогда Плавций приказал Веспасиану и II Августову легиону распространить фронт на юго-запад. II Августов легион все еще пробивался по южному берегу, когда император высадился в Кенте. Согласно Светонию, в этом победоносном марше вдоль побережья легион Веспасиана сразился в тридцати битвах, взял больше двадцати городов и весь остров Уайт и принял капитуляцию двух племен (*Suet.* X, 4).

Остатки некоторых из укрепленных городов на холмах, завоеванных II Августовым легионом, все еще можно найти на вершинах холмов в этом регионе и сегодня; другие были превращены в замки норманнами тысячу лет спустя. Одним из первых павших городов был сего-

дняшний Чичестер, столица племени регнов, которыми правил юный вождь Когидубн, который поможет убедить другие племена подчиниться завоевателям и будет верным союзником Рима еще пятьдесят лет. В предместьях Чичестера и сегодня виден план римского города, который вырос на этом месте, — Новиомаг Регнов, расположенный у обширной, уютной бухты.

У форта племени дуротригов в Спеттисбери-Рингс близ Блэндфорда в массовом захоронении в 1957 году было найдено больше девяноста скелетов; на многих — следы ран от мечей и дротиков. Часть стены форта была снесена на вершине этой могилы, чтобы завершить погребение.

В форте Ход-Хилл в 18 милях (30 километрах) к северо-востоку от Мейден-Касла было найдено несколько снарядов из римских баллист — свидетельство атаки II Августова легиона (*W & D.* 4, 11).

II Августов легион все еще прибывался вдоль берега через сегодняшние Дорсет и Сомерсет, когда император и члены его свиты присоединились к Плавцию у Темзы. Если верить пропаганде Плавция, то легионы Плавция пересекли Темзу под командованием Клавдия, встретили и победили множество британских варваров и затем приняли сдачу британских царей и их разоружившихся воинов. На самом деле, притом что сражения у Темзы почти точно закончились к тому времени, как прибыл Клавдий, Плавций устроил так, что цари, которые подчинились римскому господству, собрались в Камулодуне, чтобы официально подчиниться императору.

В Камулодуне легионеры из трех легионов, вспомогательные подразделения и когорты прето-

Могучий Клавдий одолевает Британию, олицетворенную фигурой женщины. У Клавдия не было военного опыта, но он заставил замолчать своих критиков, организовав вторжение в Британию

рианской гвардии, видимо, встали в полной парадной форме, чтобы вызвать почтительный ужас у местных: сверкали знамена, блистали ордена и перья шлемов развевались на ветру. Отряды германской гвардии, наверное, стояли рядом с императором, когда Клавдий восседал на поднятом трибунале. Там, говоря словами посвяtitельной надписи на арке Клавдия в Оранже во Франции, «он принял официальное подчинение одиннадцати царей бриттов» (CIL. VI, 920). Через шестнадцать дней Клавдий оставил Британию, чтобы извилистым путем вернуться в Рим. Он вошел во дворец на следующий год после шестимесячного отсутствия — хотя в новой провинции Британия он провел лишь чуть больше двух недель.

К тому времени, когда кончилась осень, II Августов легион контролировал южный берег Англии. Оставалось покорить только Западный Девон и Корнуолл. На реке Экс в Девоне Веспасиан и II Августов легион превратили столицу племени думнонов на восточном берегу реки с ее зданиями из бревен и ила в то, что позднее станет большим римским городом Иска Думнониев, — сегодняшний город Эксетер. Здесь II Августов легион построил базу, которая теперь станет постоянным местом дислокации легиона: отсюда он будет охранять границу от Девона до Юго-Восточного Уэльса.

К концу 43 года н. э. все четыре легиона, участвовавшие во вторжении, разошлись по Южной Британии и построили постоянные передовые крепости и тыловые базы поставки провианта. XIV Сдвоенный легион построил себе базу на западе страны к северу от нового дома II Августова легиона, XX обосновался в Камулодуне, который Плавций сделал штаб-квартирой провинции, а IX Испанский занял пограничную линию к северу от Камулодуна. Легионы пришли надолго.

Золотой аурей Клавдия: на нем показана его триумфальная арка в Оранже, которая ознаменовала завоевание Южной Британии

54—58 годы н. э.

XVIII
1-Я АРМЯНСКАЯ КАМПАНИЯ КОРБУЛОНА

Тяжело в учении — легко в бою

Парфянский князь Тиридат теперь занял трон Армении. С кончиной Клавдия главные советники нового римского императора, подростка Нерона, убедили его, что Рим должен вырвать Армению из-под контроля парфян. Эти советники — главный секретарь Нерона, прославленный философ Луций Сенека и префект претория Секст Бурр рекомендовали для этой работы в Армении Луция Домиция Корбулона — одного из самых суровых полководцев Рима.

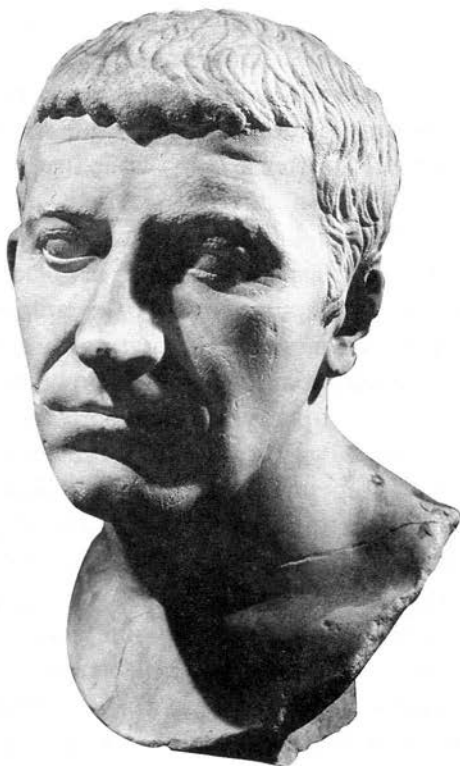
Нерону было всего 16 лет, когда в 54 г. н. э. он взошел на трон; в том же году он поручил Корбулону вновь завоевать Армению для Рима

В 54 году н. э. Корбулон отправился на Восток, чтобы руководить наступлением в Армении. Официально Корбулон стал новым наместником провинций Каппадокия и Галатия на армянской границе, но императорский дворец наделил его полномочиями, превышавшими возможности любого провинциального наместника. По прибытии Корбулон нашел, что четыре легиона, размещенные в Сирии, находятся в плачевном состоянии. Он выбрал легионы VI Железный и X легион Пролива, чтобы они стали во главе планируемой им кампании, однако он не собирался начинать никаких военных операций, пока не приведет свои легионы в полную боевую готовность. Многие солдаты продали свои шлемы и щиты; большинство никогда не стояли в страже, — «щеголеватые и падкие до наживы» (*Тас. А. XIII, 35*).

Возможно, по знаменам это и были VI и X легионы, но, с точки зрения Корбулона, это вообще были не легионы. Отправив на пенсию тех, кто был слишком стар и слаб, Корбулон начал тренировать всех остальных по жесткой схеме. В конце года он повел свои легионы наверх, в горы Каппадокии, заставляя их зимовать в парусиновых палатках в снегу. Условия были так суровы, что те, кто стоял на страже, страдали от обморожения. Корбулон переносил мороз вместе со своими людьми, и они, закаляясь, стали с неохотой проявлять уважение к своему бескомпромиссному полководцу.

Корбулон не любил никуда спешить. Только в 58 году н. э. он был удовлетворен и своими людьми, и их подготовкой. Добавив шесть когорт из III Галльского легиона к той силе, что он собрал в Каппадокии, весной 58 года Корбулон вторгся в Армению. Для этой операции легат Корнелий Флакк руководил VI Железным легионом и прошедшими огонь и воду сирийцами из когорт III Галльского. Сам Корбулон вел X легион Пролыва в сопровождении вспомогательных войск. Их противниками была армянская армия, тренированная и экипированная точно так же, как и их союзники — парфяне.

С новыми союзниками Рима — племенем мосхов, которые производили опустошения в Северной Армении, отвлекая армию, старательно охраняя линии подвоза провианта в горах, — легионы Корбулона ворвались в Западную Армению по двум направлениям, застав командование войск Тиридата врасплох. В один день римские войска штурмовали три крепости. В крепости Воланд — сильнейшей в Армении — Корбулон разбил свои войска на четыре группы; каждая использовала различные методы нападения и соревновалась с другой, чтобы первой

Корбулон, самый негибкий полководец, выбранный приближенными Нерона для командования наступлением в Армении

пробиться в крепость. Воланд пал перед Корбулоном через несколько часов — «мы не потеряли ни одного воина и насчитывали лишь несколько раненых». Все взрослые мужчины в Воланде были казнены. «Неспособное носить оружие население было продано в рабство, а вся прочая добыча отдана победителям» (Тас. А. XIII, 39).

Корбулон награждал отвагу и успех, но с трусостью он мириться не мог. Секст Фронтин, успешный римский полководец, знававший Корбулона, писал, что, когда два эскадрона кавалерии и три когорты отступили перед врагом близ армянской крепости Иниция, Корбулон заставил своих людей спать вне стен лагеря, «пока не смоют позора настойчивым трудом и удачными экспедициями» (*Front. IV, I, 21*). За такое же преступление Корбулон содрал одежду с префекта кавалерии Эмилия Руфа и заставил его стоять обнаженным в преториуме, пока не решил отпустить его (*Front. IV, I, 28*).

Объединившись, две армии Корбулона шли на столицу Армении, Артаксату, перейдя вброд реку Аракс вниз по течению и затем повернувшись, чтобы напасть на город с востока. Они маршировали в боевом порядке по долине, имея на фланге пеших лучников и эскадроны боевой кавалерии, тянувшиеся до самых холмов; VI Железный легион занимал левое крыло колонны, III Галльский — правое. X легион Пролива маршировал в середине с багажом. Кавалерия и вспомогательные войска закрывали арьергард.

Царь Тиридат привел тысячи конных всадников; они скакали по равнине, пытаясь запугать римские войска и оставаясь вне пределов дальноточности стрел на флангах, держа один темп с колонной. Молодой префект римской кавалерии, который не выдержал и подъехал слишком близко к неотступно следовавшему за римлянами врагу, был наспигован армянскими стрелами. Наступила ночь, и лучники Тиридата исчезли.

На следующий день поступило сообщение, что Тиридат и его армия уходят на восток. Когда Корбулон прибыл к стенам Артаксаты, жители открыли ворота. Поскольку он не мог удерживать или защищать открытый город, Корбулон приказал жителям собрать свои вещи и уходить; затем он сжег город до основания. Затем он пошел на запад со своими войсками — страдавшими оттого, что у них кончилось зерно для ежедневного пропитания и им приходилось есть одно мясо. Тем не менее легионеры штурмовали две крепости перед тем, как армия дошла до второго города в Армении — Тигранокерты на реке Никефор на юго-западе.

Услышав от своего друга Фронтин, что жители Тигранокерты, скорее всего, окажут упорное сопротивление, Корбулон казнил Ваданда,

взятого в плен армянского аристократа, и затем приказал выстрелить из баллисты в город его головой. «Случайно голова попала в центр собрания, которое как раз происходило у варваров; при виде головы, усматривая в ней как бы предзнаменование, пораженные варвары поспешили сдаться». Тигранокерта быстро открыла свои ворота Корбулону и его легионерам (*Front.* II, IX, 5).

Нерон выбрал в короли Армении каппадокийского аристократа Тиграна; теперь этот князь прибыл в Тигранокерту. Оставив Тиграну для охраны дворца две когорты легионеров, 1500 солдат вспомогательной пехоты и немного кавалерии, Корбулон ушел в Сирию, наместником которой он стал после умершего во время срока службы занимавшего тогда эту должность Уммидия Квадрата.

После быстрой и несокрушимой кампании трех легионов Корбулона Армения снова оказалась в римской сфере влияния.

58—60 годы н. э.

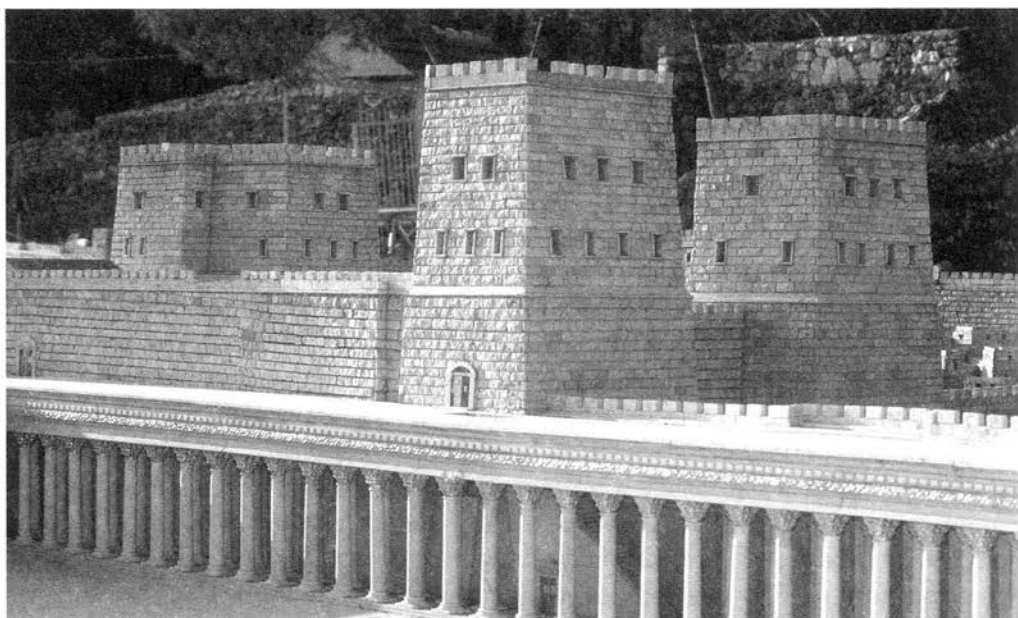
XIX
МЯТЕЖ В ИЕРУСАЛИМЕ

Как легионеры спасли апостола Павла

В конце лета в 58 году н. э. когорта охраны III Галльского легиона, размещенная в Антонии — крепости в Иерусалиме, неожиданно услышала призыв к оружию. В тот день, к концу «часа молитвы» в иудейском Храме на Храмовой горе вспыхнул мятеж (*Деян.* 21: 31).

В Храме напали на иудея из Киликии, затем его вышвырнули за дверь. Когда служители Храма заперли массивные бронзовые двери, киликийца стала избивать толпа разозленных иудеев, которая с каждой минутой становилась все больше и больше. Префект лагеря III Галльского легиона в Антонии, Клавдий Лисий, направил вперед «воинов и сотников». Когда войска прибыли на место, толпа отступила. Префект лагеря Лисий приказал связать избитую жертву — лысого, бородатого мужчину средних лет — по рукам и ногам двумя цепями и затем потребовал у толпы сказать ему, кто этот человек и что он такого сделал (*Деян.*, 21: 32).

Нестройный гул голосов ответил Лисию; все говорили разное, так что он приказал своим воинам отвести пленника обратно, в Антонию. За ними следовала толпа, требуя смерти этого человека; его привели к во-

Крепость Антония — преторий легионных когорт, размещенных в Иерусалиме, то самое место, где Иисус Христос был высечен несколькими десятилетиями лет раньше и где святой Павел был ненадолго заключен в темницу в 58 г. н. э. перед тем, как его вывез из Иерусалима римский командир

ротам Антонии. На верху шестидесяти ступеней, которые вели к воротам, пленник, говоря по-гречески, попросил у Лисия разрешения поговорить с ним. Лисий, который,

как и многие римляне на всем Востоке, был греческого происхождения, удивился, что иудей говорит по-гречески. Затем он подумал, что этот человек, вероятно, тот самый египтянин, который четыремя годами раньше повел 4 тысячи своих последователей на Иерусалим; тогда его банда была разбита в кровавой схватке римским гарнизоном. Однако человек сказал, что он из города Тарса в Киликии, и затем попросил разрешения поговорить с толпой. Лисий согласился.

Со ступеней Антонии иудей обратился к смолкнувшей толпе и, говоря на ее родном языке, заявил, что он — Саул из Тарса, киликийский иудей, который учился в Иерусалиме под руководством Гамалиеля, ведущего раввина того времени. Позднее, как он сказал, по инструкциям иудейского первосвященника и синедриона, он выслеживал и посадил в тюрьму многих членов отколовшейся секты назореев — так называемых христиан. Но когда он находился на пути в Дамаск, чтобы забрать там еще христианских заключенных, у него было видение: ему явился Иисус из Назарета. И когда он сказал, что Иисус повелел ему нести его учение неиудеям, толпа в

ялости взорвалась. «Ему не должно жить!» — кричали они, срывая одежды и бросая пыль в воздух по иудейскому обычаю (*Деян.*, 21: 22).

Префект лагеря Лисий поторопился отвести пленника в крепость и приказал допросить его под ударами кнута. Когда пленника привязали к колонне кожаными ремнями и тот, кто исполнял наказание, начал готовиться, пленник спросил дежурного центуриона III Галльского легиона, можно ли пороть человека, который является римским гражданином, без приговора магистрата. А ведь действительно: наказывать гражданина без суда было незаконно, и обеспокоенный центурион поторопился сообщить префекту лагеря о том, что сказал тот человек. Лисий немедленно подошел поговорить с заключенным и потребовал сказать ему, действительно ли тот является римским гражданином. Человек ответил, что так и есть (*Деян.*, 21: 25).

Помимо проверки документов, хранившихся в Тарсе, не было никакого способа проверить заявление заключенного. Лисий не был уверен, может ли иудей быть гражданином: он сказал, что ему самому пришлось заплатить большую сумму денег, чтобы приобрести себе римское гражданство, когда он был моложе. Тот факт, что первым именем Лисия было Клавдий, говорит о том, что префект лагеря был peregrinus, получившим гражданство в царствование Клавдия, когда печально известная императрица Валерия Мессалина за взятки устраивала, чтобы ее муж-император даровал большому числу людей гражданство. Пленник ответил, что он был рожден свободным — намекая на то, что римское гражданство у него с рождения.

Лисий поверил человеку, который использовал как иудейское имя Саул, так и римское — Павел. Это был христианский апостол Павел. Лисий задержал Павла в крепости на ночь. На следующий день он привел его в Синедрион, верховный иудейский религиозный совет, чтобы определить, какие обвинения они могут выдвинуть против Павла, поскольку никаких римских законов он не нарушил. Когда Павел сообщил синедриону, что он был воспитан как фарисей (иудейская секта, члены которой верили в воскресение из мертвых), то произошел раздор между членами Синедриона — фарисеями и саддукеями (саддукеи в воскресение не верили). Пока среди иудеев бушевал спор, Лисий вернул Павла в крепость Антонию.

У Павла в Иерусалиме жила сестра, и позднее в тот же день он узнал, что больше сорока саддукеев поклялись не есть и не пить, пока не убьют Павла. В Антонию на свидание с дядей пропустили молодого человека, и, когда он рассказал Павлу о заговоре с целью его убийства, Павел со-

общил об этом префекту лагеря. Лисий решил, что лучший способ избежать беспорядков — это незаметно вывезти Павла из Иерусалима и отослать его к прокуратору Иудеи Антонию Феликсу в Цезарю: пусть тот решает судьбу иудея. Соответственно, в тот же вечер Лисий велел двум своим центурионам собрать эскорт из римских войск, размещенных в Иерусалиме. Это были две центурии легионеров, две центурии вспомогательных копейщиков и семьдесят кавалеристов (*Деян.*, 23—25).

Как только стало темно, в третий римский час ночи (примерно между 19.00 и 20.15) Павла вывели из Антонии, посадили на мула и с окружавшим его эскортом вывезли из города. Дежурный центурион взял с собой письмо от Лисия, в котором он просил прокуратора Феликса решить, что надо делать. В ту ночь отряд добрался до Антипатриды в Иудейских холмах. На заре пехотинцы вернулись в Иерусалим, а кавалерия продолжала идти в Цезарею с Павлом (*Деян.*, 23—25).

Павла продержали в Цезарее целый год. В 59 году н. э. он доказал свое право римского гражданина апеллировать непосредственно к императору и был послан в Рим с другими пленниками. Их сопровождал центурион по имени Юлий и солдаты — возможно, из III Галльского легиона. Выжив во время землетрясения у берегов Мальты, пленники и эскорт должны были прибыть в Рим к 60 году. Согласно христианской традиции Нерон отпустил апостола Павла — только чтобы его казнили в Риме по другим обвинениям много лет спустя.

60—61 годы н. э.

XX

ВОССТАНИЕ БОУДИККИ В БРИТАНИИ

XIV Сдвоенный против королевы-воительницы

Пусть они не расстраивают рядов и, метнув дротики, продолжают непрерывно поражать и уничтожать неприятеля выпуклостями щитов и мечами.

*Светоний Паулин, римский командующий,
перед битвой с бриттами Боудикки
(Тацит. «Анналы». XIV, 36)*

Вознамерившись покорить валлийский остров Англси, Гай Светоний Паулин, наместник Британии, в последние два года вышел из Камулодуна весной 60 года н. э. и, собрав армию на границе Уэльса,

стал пробиваться через горные долины к северо-западному берегу Уэльса. Его мобильная армия состояла из XIV Сдвоенного легиона и вспомогательных когорт, в том числе батавской легкой пехоты, которая сражалась бок о бок с легионерами из XIV Сдвоенного десятилетиями, а также знаменитой батавской конницы и других вспомогательных отрядов.

Амбициозный Паулин прибыл в Британию, обладая солидной репутацией военного, и ему еще предстояло себя показать. В 42 году н. э. он очистил Мавретанию от мятежных мавров, и, согласно Тациту, Паулин, «полководец деятельный и осторожный», решил использовать свой последний пост, чтобы бросить вызов Корбулону, недавно на Востоке вернувшему Армению Риму, и побороться за звание главного военачальника империи (*Тас. А. XIV, 29; Agr. 5*).

Паулин понял, что «общим знаменателем» для разобщенных бриттских племен была религия друидов. Дети бриттских аристократов получали образование у жрецов-друидов. Некоторые из этих детей позднее сами становились жрецами. Другие возглавляли свои племена. И все племена обращались к одним и тем же кельтским богам, чтобы те дали им силу уничтожать врагов. Август сделал незаконным для римских граждан следовать религии друидов из-за того, что она могла служить основой для мятежа, а Клавдий вообще запретил ее по всей империи. Религиозный центр друидов находился на Англси (который на языке римлян именовался островом Мона). И Паулин твердо решил захватить Мону и истребить этот незаконный культ — и тем самым загасить друидческий огонь в самом сердце бриттского сопротивления.

В течение весны люди из XIV Сдвоенного легиона готовились к наступлению: они строили маленькие разборные лодки-плоскодонки для передвижения по реке и вдоль берега моря. Их везли в обозе армии и выгружали на каждой реке, которую они встречали на своем пути через Северный Уэльс. С места своего отправления в Деве (сегодняшний Честер) им нужно было пересекать несколько больших рек — Ди, а позднее Клайд и Конвей. Римское войско, добравшись до пролива Менаи в то лето, снова спустило на воду свои маленькие лодки и начало переправу на Англси. Они переправлялись сразу в нескольких местах; пехота гребла на лодках, часть кавалерии нашла и использовала неглубокий брод, а батавские эскадроны плыли вместе со своими конями.

Валлийские воины — возможно, из племен декеанглов, ордовиков и силуров — собрались на юго-восточном берегу острова «в полном во-

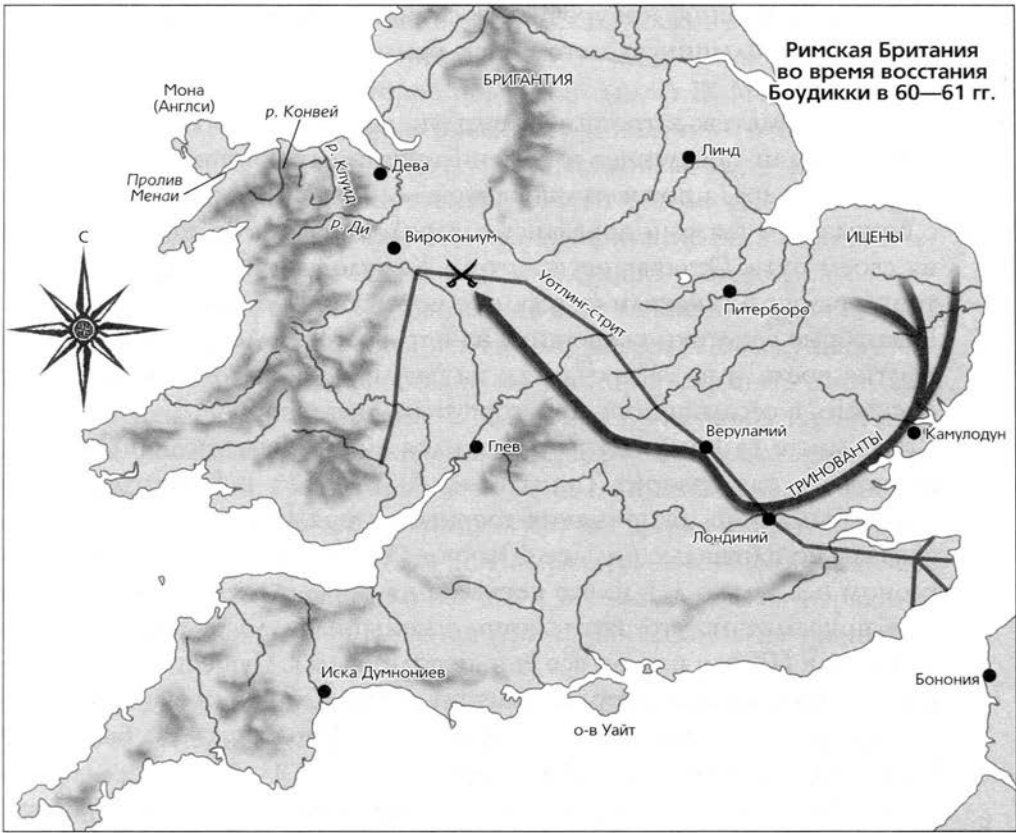
оружении» и ждали, когда высадятся римские войска (*Тас. А. XIV, 30*). Когда легионеры и их коллеги из вспомогательных войск выбрались из своих лодок, обезумевшие женщины вылетели из сомкнутых рядов кельтов. Одетые в черное, с распущенными волосами, эти женщины потрясали зажженными факелами и визжали, как звери. Кругом жрецы-друиды поднимали руки к небесам и призывали гнев богов на головы завоевателей.

Вид безумных выходок этих ведьм поразил суеверных легионеров, они застыли, не смея даже поднять щиты, чтобы защититься, и продолжали смотреть. Теперь сам Паулин должен был взять инициативу, заставив людей пойти в бой: он спросил их — они что, боятся женщин? Не ожидая, когда к ним присоединится кавалерия, легионеры рванулись вперед, рубя воинов и ведьм без разбору. Кучи трупов кельтов вскоре поглотило пламя погребальных костров, зажженных собственными факелами этих женщин.

Римские войска разошлись по всему острову, разыскивая священные рощи, где друиды якобы совершали человеческие жертвоприношения и ловили пленных. Однако, когда римский полководец уже поздравлял себя с успехом, с востока прибыло срочное сообщение: произошел мятеж племен в Восточной Британии. Паулин приказал своим войскам готовиться к походу.

Прасутаг, царь племени иценов в Норфолке в Восточной Британии, умер примерно годом раньше. Чтобы сохранить свое царство и контроль над ним своей семьи, он завещал свою иценскую территорию совместно своим дочерям и римскому императору Нерону. Это было сделано для того, чтобы его семья под покровительством Рима осталась у власти. Но все получилось не так, как планировал Прасутаг. Прокуратор Дециан Кат, римский финансовый администратор провинции Британия, принял условия завещания буквально и послал своих служащих в царство иценов, чтобы конфисковать дома и собственность многих знатных людей во имя императора. Рабы, которых он использовал для этой работы, не только разграбили виллу покойного короля, но и изнасиловали обеих его девственниц-дочерей. И когда его вдова попыталась вмешаться, они раздели и выпороли ее. Царица Боудикка, молодая жена царя Прасутага, поклялась отомстить римлянам во имя Андрасты, иценской богини войны (*Дид. LXII, 6*).

Кассий Дион писал, что была и еще одна, денежная причина для недовольства среди бриттских племен в то время. Богатый философ Луций Анней Сенека, который был главным секретарем Нерона, дал

племенам в долг 40 миллионов сестерциев — только для того, чтобы вскоре потребовать деньги обратно. Сенека, как говорит Дион, «прибегал к суровым мерам», требуя выплаты займов (*Dio. LXII, 2*).

К оскорблениям добавились и обиды: ветераны легиона, которые поселились в недавно учрежденной римской военной колонии Камуллодун, «выбрасывали тринобантов из их жилищ» и «сгоняли с полей». Боудикка и ее взбешенные иценские аристократы тайно собрались и устроили заговор против римских господ, направив послов к племени тринобантов в Эссексе на юге, как раз у Темзы, вовлекая их в свой революционный заговор (*Тас. А. XIV, 31*).

Все мысли британских племен обратились к восстанию, и вместо того, чтобы сеять пшеницу в новый сезон, бритты занялись изготовлением оружия: они намеревались поживиться содержимым амбаров крепостей римских легионов, как только начнется мятеж. Руководители восставших избрали Боудикку своей королевой на время

войны и намеренно приурочили восстание к тому времени, когда наместник и большинство его войск были далеко на войне, — к лету 60 года н. э.

Сначала мятеж затронул Камулодун, где жили десятки тысяч римских граждан-поселенцев и романизированных бриттов. Когда ицены пошли с севера, а поток тринобантов — с юга, 120 тысяч мятежников с безумными глазами ворвались в город, убивая всех, кого встречали на своем пути. Отчаявшиеся жители Камулодуна послали гонцов, которые галопом ускакали из города с просьбой о помощи (*Dio. LXII, 2*). Некоторые вестники поспешили на юго-восток, в Лондиний (Лондон). Другие поехали на северо-запад, на базу ближайшего легиона, IX Испанского, в сегодняшний Лонгторп близ Питерборо.

На месте (в Камулодуне) находился лишь «малочисленный отряд воинов» — так говорит Тацит (*Tac. A. XIV, 32*). В Камулодуне в то время было лишь два римских военных лагеря. Основной лагерь, первоначально площадью больше 40 акров (16 гектаров), был занят XX легионом несколько лет до его перевода на запад. Археологические данные показывают, что, хотя лагерь уменьшился до половины своего размера, в 60 году н. э. он все еще использовался. Существовал и вполне функциональный лагерь кавалерии площадью 26 акров (10,4 гектара) на юго-западной стороне города: до 71 года н. э. он был занят I Фракийской алой (*Hold. RAB; App.*).

Вспомогательные войска этого небольшого отряда в Камулодуне объединились с жившими там ветеранами легиона, которые поспешно собрались к построенному девять лет назад храму Клавдия в центре города. Старшие центурионы решили попытаться защитить храм; к ним присоединились тысячи перепуганных горожан — мужчин, женщин и детей; многие из них — семьи ушедших на покой легионеров. Гражданские лица, видимо, забились в подвал храма, который все еще существует и сегодня под норманнским замком, построенным на месте римского храма.

Из Лондиния прокуратор Кат (который, по сути, и нес ответственность за восстание) послал 200 человек «без надлежащего вооружения» — возможно, это были его рабы, вооруженные лишь дубинками, — в ответ на просьбу о помощи. Сам Кат сел на корабль в пристани Лондиния и поплыл в Галлию — в безопасные места. Храм Клавдия в Камулодуне был окружен мятежниками; ветеранам и тем, кто помогал им, удалось продержаться два дня. В конце концов агенты мятежников среди тех, кто находился в храме, помогли восставшим

бриттам взять храм. Тысячи воинов Боудикки вошли туда и подавили всякое сопротивление осажденных.

На римской базе в Лонгторпе новый командир IX Испанского легиона, Квинт Петилий Цериал Цезий Руф, получил из Камулодуна просьбу о срочной помощи и быстро собрал войско [W & D. 6, п. 15]. Цериал (его последние два прозвища говорят о том, что у него были голубые глаза и рыжие волосы) был женат на кузине Веспасиана, бывшего командира II Августова легиона и будущего императора.

Археология говорит нам о том, что на базе в Лонгторпе могло быть только 2500 человек, или пять легионных когорт. Последующие события свидетельствуют, что, оставив одну когорту охранять форт, Цериал направился в Камулодун с 2 тысячами легионеров из четырех когорт IX Испанского и несколькими эскадронами кавалерии. Скорость войск, шедших на помощь горожанам, определялась скоростью марша пехоты; даже в самом лучшем случае Цериалу понадобилось бы четыре дня, чтобы добраться до Камулодуна, используя мощные военные дороги, которые вели на юг и восток. Люди из отряда не знали, что Камулодун пал, когда они находились лишь на полпути к нему.

Между тем мятежные бритты Боудикки грабили и жгли город; они убивали и пытали тысячи римских пленников. Согласно Тациту, некоторые римляне в Камулодуне были повешены, другие — распяты. Все подвергались пыткам огнем (*Тас. А. XIV, 33*).

Дион говорит, что римских пленных протыкали раскаленными вертелами и варили заживо. Некоторых заставляли смотреть на то, как из их собственного тела вырывают внутренности. Дион говорит, что пленные римские женщины подвергались особенно варварским пыткам и калечению в руках бриттов (*Dio. LXXII, 7*).

Подойдя к Камулодуну, римский легат Цериал и его колонна IX Испанского легиона были обращены в бегство мятежниками, когда они «шли на выручку» своим соплеменникам. Согласно Тациту, мятежники «рассеяли его легион, перебив всех пехотинцев» — то есть все 2 тысячи легионеров, после чего «сам Цериал с конницей ускользнул в лагерь и укрылся за его укреплениями» (*Тас. А. XIV, 32*).

Многие современные авторы считают, что это означает, что Цериал вернулся в свой лагерь в Питерборо, но более вероятно, что в темноте Цериал и его воины нашли безопасное убежище в одном из двух лагерей в Камулодуне, которые должны были быть гораздо ближе — возможно, в меньшем лагере для кавалерии. Ибо, как также указывал Тацит, «вар-

Эта статуя Бодикки и ее дочерей, украшающая набережную Темзы в Лондоне, как ни смешно, восхваляет королеву, которая разрушила Лондон. Бодикка показана здесь на колеснице в римском стиле; серпы на колесах — всего лишь миф

вары, обрадованные возможностью грабежа и не расположенные к бранным трудам, обходя стороною крепости и гарнизоны, накидывались на то, что сулило особен-

но богатую добычу» (Тас. А. XIV, 32). И нет никаких данных о том, что мятежники когда-либо подходили к Питерборо. Цериал за стенами форта в Камулодуне спасся благодаря тому, что восставшие настроились пограбить и не умели вести осаду.

Из Уэльса пропретор провинции Светоний Паулин шел ускоренным маршем с большей частью мобильного отряда, бравшего Англию; он оставил несколько вспомогательных когорт на острове. Светоний направился к Деве и затем — по Уотлинг-стрит, военной дороге, которая перерезала Англию надвое до самого Лондиния и Темзы. Конные

вестники скакали вперед, призывая подкрепления. Некоторые доехали до самой Иски Думнониев, базы II Августова легиона. Полководец Паулин, видимо, тщательно взвесил возможности своих воинов. IX Испанский только что потерял 2 тысячи человек из-за поспешности Цериала. Если Паулин возьмет еще людей с фортов на северной границе, это послужит для варваров на севере приглашением рвануть на юг и присоединиться к восстанию. На западе XX легион охранял границу; если убрать его с этой западной защитной линии, то агрессивные си-луры также захотят атаковать римлян с тыла, когда они пытаются разобрататься с Боудиккой.

Тацит пишет, что в распоряжении Паулина были «четырнадцатый легион с вексиллариями двадцатого и подразделения вспомогательных войск из размещенных поблизости». Эти «ветераны из двадцатого», безусловно, были ополченцами-эвокатами, снова призванными под знамена своего XX легиона наместником после того, как недавно ушли на пенсию, оставив служащих в их легионе людей охранять западную границу. Между тем офицером, командовавшим II Августовым легионом — как легат, так и трибун, очевидно, отсутствовали, — был префект лагеря Пений Постум. Трудно понять почему, но, получив приказ про-претора идти со II Августовым легионом ему на помощь, Постум игнорировал приказ (*Тас. А. XIV, 34*).

На марше Паулина встретили примерно 2500 ветеранов из XX легиона. Вместе с XIV Сдвоенным, который, видимо, был укомплектован почти полностью примерно 5 тысячами легионеров плюс 2 тысячами человек вспомогательной пехоты и 500 кавалеристами, силы Паулина теперь, по словам Тацита, насчитывали 10 тысяч бойцов (*Тас. А. XIV, 34*). С этим небольшим отрядом Паулину предстояло встретиться с армией мятежников, которая, как он знал по первоначальным сообщениям, насчитывала больше 100 тысяч воинов.

Паулин поторопился к Лондинию. К этому времени деревянный мост уже пересекал извилистую реку Тамесу — римский мост стоял там же, где теперь находится Лондонский мост. К северу от моста быстро выросло поселение. Теперь Грейсчерч-стрит находится на месте римской проезжей дороги, которая вела от моста вверх, к средоточию поселения I века н. э. на Корнхилле, где сейчас в центре римского Лондона стоит Банк Англии. К 60 году поселение распространилось на запад, к холму, который сейчас занят собором Святого Павла. Близ сегодняшнего здания «Ллойд», на месте современного Лиденхолл-Маркет стояла лондонская базилика — место встречи горожан и место заседания суда.

С одной стороны, у моста, берег был обрамлен доками, которые в любое другое время должны были быть заполнены торговыми судами из Европы. Теперь доки были заброшены. Купцы бежали, и население Лондона, услышавшее о приближении мятежников, было в панике. Они толпились вокруг Паулина и его воинов, умоляя наместника подготовиться к защите. Вместо этого он предложил место в своей колонне всем, кто хотел уйти с ним, — ибо он не мог и не хотел защищать Лондон со столь малым количеством войск. К нему присоединились тысячи беженцев, но другие лондонцы, убежденные, что им нечего бояться мятежников, остались. Паулин отступил на север, принимая в свою колонну все больше напуганных гражданских лиц, когда он прошел через Веруламий — сегодняшней Сент-Олбанс и затем продолжал движение на северо-запад.

Боудикка и десятки тысяч воинов племен иценов, тринобантов и других, которые теперь присоединились к восстанию, ринулись на Лондон, как стая саранчи. Они везли с собой свои семьи с целым табором вагонов и телег для добычи. Бритты пытали и убивали всех, кого могли найти; затем, разграбив город, они сожгли его дотла. Веруламий ждала та же самая кровавая и жестокая судьба, что и Лондиний и Камулодун до сих пор; тогда мятежники бросились преследовать колонну Паулина, оставив Веруламий гореть; пламя вскоре поглотило трупы его замученных обитателей.

За несколько суматошных недель три основных римских поселения в провинции Британия были уничтожены мятежниками, и 80 тысяч римских граждан и их союзников были убиты (*Dio. LXII, 1*). Тацит дивился, что мятежники не оставляют пленников в живых, чтобы продать их в рабство. По его мнению, бриттов нельзя было назвать деловыми людьми. Что касается охватившей повстанцев жажды убийства, Тацит сравнил его с яростью человека, который пытается отомстить за свою собственную грядущую казнь (*Tac. A. XIV, 33*).

К тому времени, как колонна Паулина достигла сегодняшнего Уорикшира, наместнику стало очевидно, что II Августов легион не собирается к нему присоединяться. Понял он и то, что, если продолжать отступать, через несколько дней он окажется на границе, в то время как за его спиной мятежники окажутся хозяевами большей части Римской Британии. Несмотря на то что он оказался в огромном меньшинстве, Паулин решил, что пришло время сразиться. Он — по его собственным словам, переданным Дионом, — встретится с мятежниками лицом к лицу и «или победит их, или умрет на месте» (*Dio. LXII, 11*).

Где именно сошлись в битве Паулин и Боудикка — предмет горячего спора среди современных историков. Наиболее вероятное место — сегодняшняя деревня Мансеттер на границе графств Уорикшир и Лестершир. Название Мансеттер происходит от позднее выросшего здесь римского поселения, именовавшегося Мандуессед, или «Место колесниц», — в британской армии, преследовавшей Паулина, было множество боевых колесниц, которые вскоре будут задействованы тут. Остановив колонну, Паулин приказал своим войскам построить походный лагерь, а гражданским беженцам идти дальше — несомненно, чтобы попытаться укрыться в римской пограничной крепости при Уолле и в Роксетере. Когда его люди строили лагерь, Паулин объехал округу верхом, ища подходящее место для сражения. Он остановился на местности, которая, как считают историки, находилась неподалеку от реки Анкер. Согласно Тациту, подход к нему вел по узкому ущелью через холмы, которое выходило на долину (*Тас. А. XIV, 34*).

Римлянам не пришлось долго ждать: Боудикка и ее огромное войско пришли по Уотлинг-стрит с юга. Летним утром, после того как разведчики смогли уверить его, что в тылу у него нет бриттов, Паулин построил свою небольшую армию в боевом порядке на выбранном им месте. Согласно Диону, новые силы, влившиеся в ряды мятежников, означали, что армия Боудикки почти удвоилась с ее атаки на Камуллун до огромной цифры — 230 тысяч бойцов (*Dio. LXII, 8*). Как говорит Тацит, «их было такое множество, как никогда ранее» — самая большая вражеская армия, с которой когда-либо сталкивались римляне (*Тас. А. XIV, 34*). Это также была и самая большая армия, которая когда-либо вступала в бой на британских берегах.

По приказу Паулина римские войска построились тремя клиньями. Люди из XIV Сдвоенного легиона встали в центре, находясь во главе построения. Когорты эвокатов из XX легиона присоединились к ним. Вспомогательные когорты стояли по обеим сторонам легионов. Эскадроны кавалерии занимали фланги. Люди из всех трех клиньев стояли «сомкнутым строем». По другую сторону поля «конных и пеших» бриттов «было такое множество, как никогда ранее» (*Тас. А. XIV, 34*).

Мятежники были настолько уверены в успехе, что их семьи поставили свои нагруженные добычей повозки полукругом в тылу, чтобы они смогли смотреть на битву. С одной стороны поля были римские легионеры, одетые в шлемы и доспехи (*Dio. LXII, 5*). У воинов не было ни доспехов, ни шлемов, в то время как основным оружием, которое они использовали, была фремея. У каждого бритта был пло-

ский дубовый щит, покрытый кожей, длиннее, чем щиты легионеров (*Warry*).

Многие бриттские аристократы были экипированы захваченным римским оружием. И у них были колесницы — маленькие, легкие, с открытым корпусом, с колесами диаметром всего 3 фута (90 сантиметров); их везли пары быстрых пони. Вид бриттских колесниц не изменился с тех пор, как Цезарь столкнулся с 4 тысячами колесниц во время своей кампании в 55 году до н. э. Сколько колесниц было у мятежников Боудикки, мы не знаем, но вряд ли очень много, поскольку было слишком мало времени, чтобы их сделать и натренировать лошадей для боя.

Сама Боудикка появилась в колеснице; ее длинные темно-рыжие волосы развевались по ветру (*Dio*. LXII, 2). «Поместив на колеснице впереди себя дочерей», Боудикка скакала от одного племени к другому и перед битвой обращалась к ним с речами (*Tac*. A. XIV, 35). Царица уговаривала воинов лучше умереть, чем жить под властью римлян. Она напоминала им, как они наказали IX Испанский легион, и уверяла, что остальные римские войска на острове уже прячутся в лагерях и думают о бегстве. «Давайте покажем им, что они — зайцы и лисы, которые пытаются править над собаками и волками!» (*Dio*. LXII, 5).

Находясь в таком численном меньшинстве — может быть, двадцать три к одному, — большинство римских воинов думали только о том, как бы выжить. Гней Юлий Агрикола, в тот день — 19-летний младший трибун в штабе наместника Паулина, позднее будет рассказывать своему зятю Тациту, что римляне «сражались, чтобы спастись от гибели, несколько позднее — ради победы» (*Tac*. Agg. 5). Однако римский командир был уверен в победе. Он также обратился к своим войскам, подъехав к каждому из трех подразделений. В речах Паулина был один общий смысл: «Пусть они не расстраивают рядов и, метнув дротики, продолжают непрерывно поражать и уничтожать неприятеля выпуклостями щитов и мечами» (*Tac*. A. XIV, 36).

И бриттские колесницы рванулись вперед. Кельтские воины шли за ними пешком, громко испуская свои боевые кличи. Римские колонны стояли на месте и ждали. Колесницы набирали скорость. Когда они напали на римские клинья, воины на колесницах выпустили целую тучу копий, которые отразили римские щиты. Затем легионеры выпустили первую порцию дротиков, затем — другую. Когда римские орудия находили свою цель, раненые лошади из колесниц падали на

землю, сбрасывая ездоков. Оставшиеся колесницы повернули и освободили путь для бриттской пехоты.

«Сначала легион, не двигаясь с места, стоял», — пишет Тацит о XIV Сдвоенном (*Тас. А. XIV, 37*). Затем римские трубы проиграли сигнал «в атаку». С ревом легионеры XIV легиона рванулись вперед «в боевом порядке наподобие клина», и двое близко сомкнутых клиньев по обеим сторонам от них сделали то же. Силы врагов столкнулись. Римские клинья двигались вперед, как машины: стучали щиты, взлетали над головами мечи. На флангах кавалерия римлян также вступила в бой, используя свои дротики как колющее оружие (*Тас. А. XIV, 34*).

Римляне и бритты «долго сражались, — пишет Дион, — и обе стороны были воодушевлены одним усилием и смелостью. Но наконец под вечер римляне одолели» (*Дio. LXII, 12*). Бритты пытались отступить: началась давка; они наткнулись на полукруг своих собственных повозок, которые мешали им идти дальше. Десятки тысяч бриттов оказались в ловушке и стали жертвой мечей легионеров, когда римские войска продолжали давить на них вплоть до линии повозок. Жертвами чудовищной резни в той битве стали и бриттские женщины на линии повозок; считается, что погибло 80 тысяч бриттских воинов и гражданских лиц. В чудовищном урагане битвы погибали и вьючные животные. В общей сложности римляне потеряли около 400 человек, и примерно столько же было ранено (*Тас. А. XIV, 37*).

Как ни смешно, эта самая кровавая битва, которая когда-либо происходила в Британии, так и не получила никакого особого названия; может быть, ее можно назвать сражением на Уотлинг-стрит. Боудика спаслась с поля боя, но через несколько дней она тоже умерла, приняв яд (если верить Тациту) (*Тас. А. XIV, 34*). «Бритты горько оплакивали ее», — пишет Дион (*Дio. LXII, 12*). Когда префект лагеря Постум из II Августова легиона в Эксетере услышал о сражении и о знаковой победе римлян, он предпочел пасть на собственный меч, чем быть арестованным за неповиновение приказам: тогда его бы судили военноплевым судом и, конечно, приговорили бы к смерти.

Римское правительство поспешило направить в Британию подкрепления, чтобы возместить потери, понесенные в ходе восстания, в том числе были посланы и восемь когорт вспомогательных войск и 1000 кавалерии. Уникальный случай: 2 тысячи легионеров были откомандированы из легиона на Рейне, чтобы заполнить места людей из IX Испанского легиона, погибших под командованием Цериала (*Тас. А. XIV, 38*). Все указывает на то, что эти легионеры были рекрутами, недавно на-

бранными в XXI Стремительный легион в Виндониссе. Позднейшие события показывают, что Стремительный спустя восемь лет оказался недостаточно укомплектованным: в нем не хватало по меньшей мере четырех когорт: это говорит о том, что он так и не получил людей вместо тех, которых перевели в IX Испанский.

Наместник Паулин, потрясенный как самим восстанием, так и разрушениями, которые оно повлекло, продолжал держать свои войска в поле и «в зимних палатках» всю зиму 60/61 года н. э.; в это время он пытался отловить тех мятежников, которым удалось ускользнуть: он решил подавить последние вспышки мятежа по всей Южной Британии (*Тас. А. XIV, 38*). Юлий Классикан, чиновник, посланный дворцом, чтобы заменить трусливого прокуратора Ката, сообщил в Рим, что беспорядки в Британии будут продолжаться, пока мстительный Паулин остается там за главного. В конце 61 года Паулина отозвали в Рим и Петроний Турпилиан заменил его на месте пропретора Британии.

Несмотря на то что Паулин был отозван, Нерон даровал ему триумфальные почести за победу над бриттами, а шесть лет спустя он получил от императора второе консульство. Заслуги XIV Сдвоенного легиона также были признаны. Тацит позднее писал: «Знаменитый четырнадцатый, прославившийся подавлением восстания в Британии, позднее отмеченный Нероном как сильнейший легион римской армии» (*Тас. Н. II, 11*). Бриттские племена Южной Британии уже никогда не восстанут.

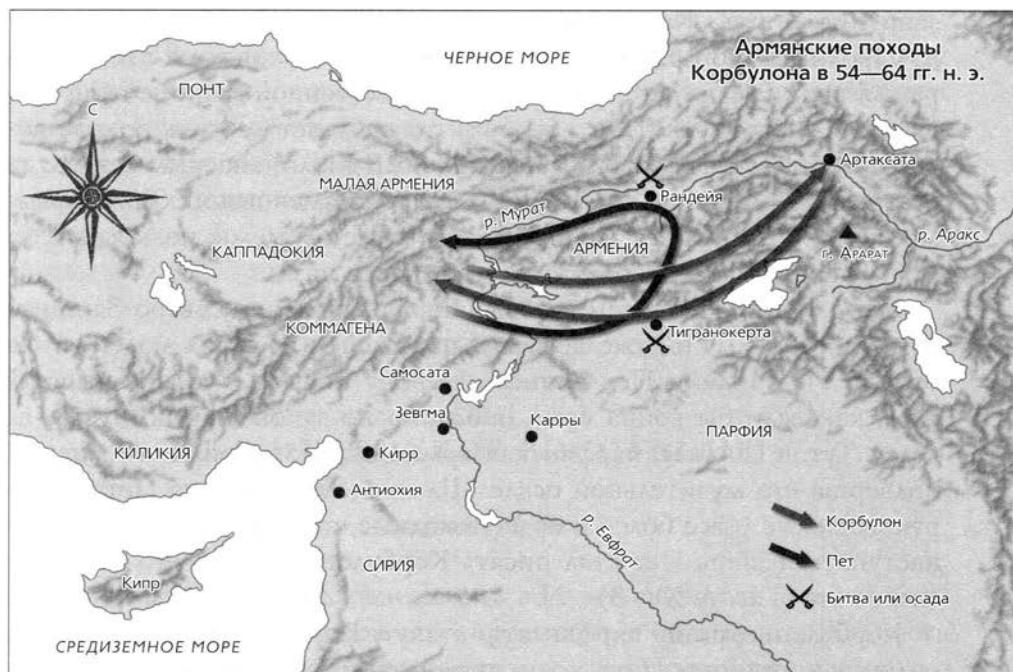
62—63 годы н. э.

XXI

2-Я АРМЯНСКАЯ КАМПАНИЯ КОРБУЛОНА

Победа на пороге разгрома

В 62 году н. э. вокруг Армении опять возник конфликт: Парфия снова заявила свои притязания на эту страну, вторгшись в нее. Парфянской армией завоевателей руководил Монес, лучший полководец царя Парфии Вологеза. Парфяне окружили новую столицу Армении, Тигранокерту: там короля Тиграна, назначенного Римом, ожесточенно защищали его римские телохранители. Когда весть об интервенции достигла Корбулона в Сирии, он послал два легиона под командовани-

ем Верулана Севера в Армению походным маршем на полной скорости, чтобы снять осаду с римских защитников.

Когда два легиона подошли близко, парфяне сняли осаду и ушли из Армении. Римский гарнизон также ушел из Тигранокерты и присоединился на зиму к двум легионам в лагере за границей Каппадокии. Теперь Корбулон послал в Рим за подкреплениями и старшим полководцем, который занялся бы защитой Армении. В ответ императорский дворец выслал хвастливого Гая Цезенния Пета, консула 60 года н. э., вместе с IV Скифским легионом из Македонии и V Македонским легионом из Мёзии; ряды последнего недавно были пополнены новым набором рекрутов в Мёзии. Пет решил оставить V Македонский легион в Понте после того, как он сошел с кораблей, которые привезли его через Черное море. Чересчур уверенный в себе, Пет считал, что ему понадобятся в Армении только два легиона, и он позвал с сирийской стоянки XII Молниеносный, чтобы он присоединился к новоприбывшему IV Скифскому.

Между тем парфяне послали в Рим послов, но царь Вологез не смог достичь соглашения с Нероном и возобновил военные действия: теперь он хотел не только занять Армению, но и вторгнуться в Сирию. Чтобы

защитить Сирию, Корбулон приказал VI Железному легиону, X легиону Пролива и когортам III Галльского легиона окопаться вдоль бережья реки Евфрат, которая служила естественной границей Сирии и Парфии. Между тем Пет, объявив, что он хочет достичь полной победы, пересек Евфрат с IV Скифским и XII Молниеносным легионами и вошел в Армению. С самого начала предзнаменования были дурными: конь, который вез личные консульские эмблемы полководца по мосту через Евфрат, перепугался и рванулся назад.

Бестолковый Пет затем разбил лагерь в Рандеие в Северо-Западной Армении на зиму и даже позволил некоторым из своих людей уйти в отпуск. Из Рандеи Пет написал Нерону письмо, «полное пышных слов, как если бы война была победоносно закончена, но пустое на деле». Тут, в Рандеие, парфянская армия окружила римский лагерь и подвергла его мучительной осаде. Шли недели, и войска Пета, плохо руководимые и все более и более голодные, потеряли всякое желание наступать. Теперь Пет стал писать Корбулону, умоляя его прийти и спасти его (*Тас. А. XV, 8*).

Корбулон, отразив парфянскую атаку у Евфрата, методично собрал колонну на помощь Пету, в том числе алу (или крыло) верблюдов, которые везли зерно. Когда Корбулон уже отправился в Армению, Пет согласился на унижительные условия парфян с тем, чтобы они позволили римлянам уйти. Оставив весь свой багаж и кучи трупов римлян в Рандеие и построив мост для парфян, Пет отступил из Армении со своими двумя еле тащившимися легионами. Когда Пет встретил Корбулона, шедшего ему навстречу, он собирался объединить силы и пойти обратно в Армению, однако дисциплинированный Корбулон заявил, что «у него нет на это повеления императора», и оба римских войска ушли. Как только новости об этом отступлении дошли до Рима, люди, как говорит Тацит, испытали полнейшее отвращение к Пету. Пета снова призвали в столицу, но Нерон простил его — «удовольствовался насмешкой» (*Тас. А. XV, 17; 25*).

Корбулон, подкрепив свою армию V Македонским и XV Аполлоновым легионами, повел переговоры с парфянским царем Вологезом уже с позиции силы. В конце концов договорились, что Корбулон выведет свои войска с парфянской территории к востоку от Евфрата, а парфяне уйдут из Армении. И, что тоже очень важно, мирный договор, к которому пришли Корбулон и Вологез, предусматривал, что царем Армении станет брат Вологеза Тиридат, но при этом он должен стать союзником Рима и поклясться в верности Нерону.

Через несколько лет, выполняя свою часть договора, Тиридат отправился в Рим, чтобы лично преклониться перед Нероном. Между тем Корбулон, один из лучших полководцев Рима, будет вынужден совершить самоубийство после того, как его зять Виниан Анний, который командовал V Македонским легионом на последней стадии Армянской операции, по глупости вовлек его в заговор против Нерона.

66 год н. э.

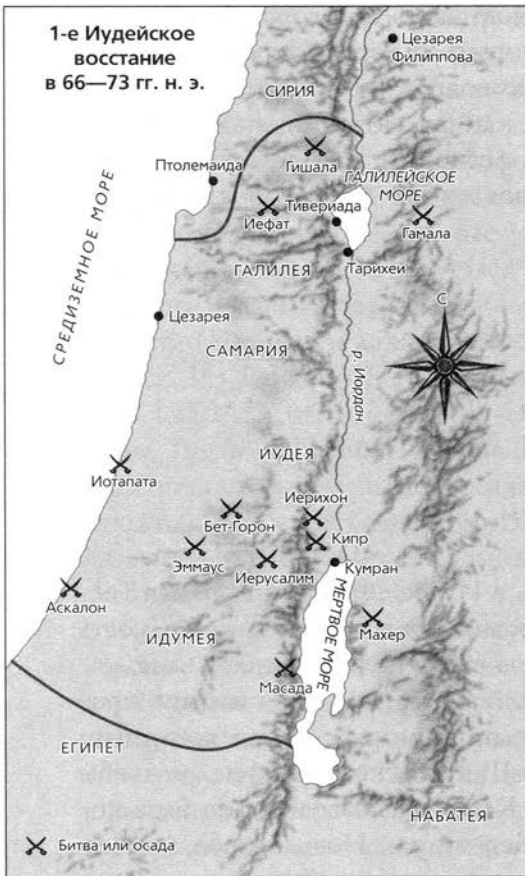
XXII
1-Е ИУДЕЙСКОЕ ВОССТАНИЕ

Смерть в Иудее

Очаги мятежа продолжали пылать в Иудее еще с тех пор, как Гесий Флор стал прокуратором этой провинции в 64 году н. э. Жадность и грубость Флора скоро раздула искры во всепожирающее пламя.

3 июня 66 года н. э. Флор прибыл в Иерусалим из столицы провинции, Цезареи, на берегу Средиземного моря с двумя когортами легионеров — почти определенно из III Галльского легиона, — чтобы наказать иудеев за недавний мятеж. Когда он позволил одной из когорт разграбить один из районов — Бецету, или Новый город, причем погибли тысячи иудеев, огромная толпа отрезала Флора в крепости Антония. По соглашению с иудеями Флор выбрался из Иерусалима в глубокой ночи, оставив в городе лишь одну когорту легионеров.

Жалобы иудейских лидеров на тяжелую руку Флора не вызвали никакой реакции у его начальника Цестия Галла, пропретора Сирии; поэтому они послали к царю Халкиды Агриппе, прося у него помощи, пока ситуация не вышла из-под контроля и местное недовольство не превратилось в мятеж. Агриппа, иудей, бывший на стороне Рима, послал 2 тысячи солдат своей охраны в Иерусалим, чтобы потушить недовольство. Но к тому времени, как они прибыли, Елеазар, командующий стражей при Храме, занял нижний город с тысячами своих людей и уже осаждал одинокую когорту III легиона, размещенную в крепости Антония и во дворце Ирода. Другие мятежники пытались прорваться через огромные двери Храма. Со всего города бежали иудеи, присоединяясь к восстанию.

Некоторых из кавалеристов Агриппы пропустили в Храм проримски настроенные священники, в то время как другие присоединились к римским защитникам дворца Ирода на западе города. Храм, крепость Антония и дворец скоро оказались в изоляции. Битва бушевала восемь дней, пока атакующим не удалось войти в Храм и захватить его. Большая часть войск Агриппы спаслась отсюда и пробилась к легионерам во дворце Ирода. Затем мятежники продолжали свою атаку на массивную, но плохо защищенную крепость Антония. Через два дня 250 людей из III Галльского легиона, оборонявшие Антонию, были побеждены десятками тысяч нападавших и уничтожены.

Между тем иудеи из фанатичной партии зилотов поторопились напасть на другие римские гарнизоны. Римские войска были размещены в Масаде у соляного озера

под названием Мертвое море к югу от Иерусалима. Эти войска ничего не знали о восстании, и мятежникам удалось хитростью проникнуть в крепость и перебить их. Захватив Масаду, восставшие получили доступ к арсеналу на 10 тысяч человек и обширные запасы пищи, которые хранились там еще со времен Ирода Великого. Большинство тех, кто захватил Масаду, затем поспешили обратно в Иерусалим, где их предводитель Менахем потребовал — и получил — руководство над всеми партизанскими отрядами. Затем Менахем возглавил новое наступление против легионеров III Галльского, удерживавших дворец Ирода.

После того как войска царя Агриппы достигли соглашения с повстанцами и ушли, люди из III Галльского легиона были предоставлены самим себе. Вскоре, когда у его людей кончились еда, вода и амуниция,

старший римский центурион, Метилий, предложил капитулировать при условии, что ему и его легионерам сохранят жизнь. Повстанцы согласились при условии, что римляне оставят дворец и разоружатся. Чтобы закрепить договор, обе стороны обменялись клятвами. Вскоре после этого выживших римские воины (их было, возможно, около 200) вышли из дворца и сложили оружие. Предводитель мятежников Елеазар затем дал сигнал, и его люди напали на безоружных римлян и истребили их. Пощадили только одного римлянина — центуриона Метилия, который умолял сохранить ему жизнь и поклялся обратиться в иудаизм и подвергнуться обрезанию.

Люди из III Галльского легиона, охранявшие крепость в Кипросе близ Иерихона, также были застигнуты врасплох и истреблены партизанами. Однако размещенная в крепости Махер к востоку от Мертвого моря когорта III Галльского легиона была готова к появлению иудеев, которые окружили их лагерь. Затем повстанцы согласились позволить легионерам уйти с миром, если они оставят крепость. Все еще в полном вооружении, этой когорте удалось добраться до Цезареи целой и невредимой. К августу большая часть Иудеи была потеряна, и 1500 человек из III Галльского легиона погибло.

Римское контрнаступление было неизбежно. После трехмесячной подготовки наместник Сирии Цестий Галл отправился из Антиохии, чтобы покончить с мятежом. Согласно Иосифу Флавию, Галл отправился на юг с XII Молниеносным легионом и четырьмя когортами из каждого из «других» (имея в виду легионы, размещенные в Сирии, — IV Скифский в Зевгме, VI Железный в Рафане и X легион Пролива в Кирре). Добравшись до Цезареи, Галл должен был также добавить четыре выжившие когорты III Галльского к своему войску, которое также включало шесть вспомогательных когорт и четыре кавалерийские алы. Царь Халкиды Агриппа присоединился к нему с 3 тысячами пехотинцев и 1 тысячей кавалеристов. Царь Коммагены Антиох прислал ему 2 тысячи кавалеристов, 3 тысячи пехотинцев и 3 тысячи лучников, а Соэмиий, царь Эмесы, привел 4 тысячи человек, смесь кавалерии и пеших лучников (*Jos. JW. 2, 28, 9*).

Обеспечив за собой Галилею и уничтожив иудейский город Иотапату, армия Галла забралась в Иудейские холмы и достигла Иерусалима в ноябре 66 года. Однако после не слишком активной пятидневной осады города Галл непонятным образом отвел свои войска. Когда он отходил к берегу по дороге в Бет-Горон, его войска постоянно беспокоили партизаны. В этом беспорядочном отступлении — сражение

продолжалось целыми днями, 400 римских добровольцев пожертвовали жизнью в деревне Бет-Горон, чтобы дать армии время спастись, — орел XII Молниеносного легиона попал к партизанам. Провальная миссия Галла стоила жизни 5680 человек. Сам он вскоре умер. И евреи продолжали контролировать большую часть Иудеи.

67—69 года н. э.

XXIII
ЗА ДЕЛО БЕРЕТСЯ ВЕСПАСИАН

Как подавить мятеж

В декабре 66 года н. э. Нерон, который тогда находился в Греции, назначил Тита Флавия Веспасиана командовать новым контрнаступлением против иудейских мятежников. 57-летний Веспасиан, прославившийся как командир II Августова легиона во время вторжения в Британию двадцатью четырьмя годами раньше, оставил императора со свитой в Греции и поспешил на место, чтобы собрать свои отряды. В то же самое время он послал своего старшего сына Тита, тогда трибуна, в Египет, чтобы тот привел ему войска, размещенные там. В Птолемаиде в Южной Сирии Веспасиан собрал 60 тысяч человек. Игнорируя большую часть подразделений, участвовавших в подорвавшей боевой дух войск вылазке Галла, Веспасиан сделал основой своей армии легионы V Македонский и XV Аполлонов из Египта, базировавшийся в Сирии X легион Пролива и оставшиеся когорты III Галльского легиона. Те же самые цари, что поддержали провальную экспедицию Галла, также послали свои отряды и в армию Веспасиана; царь Аравии Малх, кроме того, дал ему 2 тысячи кавалеристов и пехотинцев (*Jos. JW. 3, 4, 2*).

Настал уже июнь 67 года н. э., когда армия Веспасиана наконец завершила приготовления и отправилась в Галилею, где оборонявшимися иудеями командовал 30-летний священник Иосиф (позднее историк, который напишет историю Иудейской войны). После того как окруженный стенами город Габара быстро пал, римская армия повернула на юг и пошла на Иотапату. После трудной сорокаседмидневной осады она также пала, и Иосиф — один из 1200 выживших — сдался Веспасиану и перешел на сторону римлян. Всего 40 тысяч иудеев погибло при осаде Иотапаты (*Jos. JW. 3, 7, 36*).

Когда иудейские силы в Галилее в августе стали перегруппировываться, Веспасиан, который послал свои легионы в зимний лагерь, снова вывел их в битву. Город Тивериада на западном берегу Галилейского моря быстро сдался, и сын Веспасиана, Тит, повел кавалерийский отряд, который завоевал Тарихею на южном берегу. Затем Веспасиан отправился в Гамалу — иудейский город в сухой, негостеприимной местности близ Аль-Карака в современном Иордане. Город был построен на склоне холма, и его здания взбирались вверх по горе; каждое располагалось практически на крыше другого. Массивные римские тараны были пущены в дело у стен Гамалы, и после недель тяжкого труда всем трем удалось пробиться одновременно.

Легионы ворвались в брешю, однако на узких улочках города на холме партизаны ринулись вниз по склону и остановили начавшееся наступление. Когда легионеры пытались карабкаться по крышам, дома рушились у них под ногами, и римляне оказывались похороненными заживо под обломками. Несколько ночей спустя Тит провел отряд, который взобрался по городской стене и открыл путь для полномасштабного наступления: Гамала была взята. Наступил декабрь 67 года н. э., и легионы опять отошли в зимние лагеря.

Весной 68 года императорская ставка перевела выживших людей из III легиона из армии Веспасиана. Сирийские легионеры III Галльского сражались на переднем краю наступления Веспасиана, стараясь отомстить иудеям за смерть своих товарищей в начале восстания. Побитый III Галльский легион уходил на новую стоянку — в провинцию Мёзия в Европе; остальная армия Веспасиана возобновила наступление на иудеев.

Веспасиан (показан здесь на монете, выпущенной, когда он стал императором) руководил вторым контрнаступлением против иудейских повстанцев в Иудее, после того как первое потерпело позорную неудачу

X легион Проллива шел по берегу Иордана; в мае он захватил Иерихон. Неподалеку от иудейского монастыря Кумран любопытный Веспасиан проверил знаменитую плотность Мертвого моря, бросая туда иудейских пленников; они не тонули. В 1947 году были найдены знаменитые свитки Мертвого моря, расположенные в одиннадцати пещерах за руинами Кумрана; их спрятали во время наступления Веспасиана. Был лишь июнь, но Веспасиан приказал прекратить военные действия. В Риме трон Нерона все больше и больше шатался. В Испании ее наместник Сульпиций Гальба набирал новый VII Гальбанский легион и решил пойти на Италию, чтобы захватить трон Нерона; он написал всем наместникам провинций и Веспасиану, прося поддержки.

На тот момент Веспасиан прекратил свое наступление. Пока тучи на политическом небосклоне еще не рассеялись, а Иерусалим — последняя крупная цель наступления римлян — все еще находился в руках мятежников, легионы Веспасиана ушли в лагерь: X легион Проллива в Иерихон, V Македонский в Эммаус в Иудейских холмах, а XV Аполлонов — в Цезарею. Год спустя легионы Веспасиана все еще не трогались с места.

69 год н. э.

XXIV БИТВА С РОКСОЛАНАМИ

Величайшая победа III Галльского легиона

Снег все еще лежал в Мёзии, когда в дунайском лагере III Галльского легиона прозвучал сигнал труб «К оружию». Легион, который находился на новом месте назначения меньше года, получил приказ немедленно отправиться в поход. Под руководством своего легата Фульвия Аврелия III Галльский торопился, стараясь перехватить отряд из многих тысяч кавалеристов из племени роксоланов, которые пересекли замерзший Дунай, чтобы пограбить Северную Мёзию. Для отпора роксоланам наместник Мёзии Марк Апоний Сатурнин приказал выйти в бой III Галльскому и VIII Августову легионам.

III Галльский легион, в котором не хватало нескольких когорт, после того как многие легионеры были перебиты во время Иудейского вос-

стания, все еще жаждали крови, когда их перевели из-под командования Веспасиана. Их противники-сарматы пришли из-за Волги. Прирожденные всадники, родиной которых была Азия, они переселились в Уральские горы из сегодняшнего Ирана. Сарматские племена одолели местных жителей — скифов — и взяли под контроль сегодняшние территории европейского юга России. Жестокие бойцы, сарматы носили чешуйчатые доспехи и конические шлемы и использовали длинные копья и луки; щитов у них не было. Мечи у сарматов-роксоланов были такие длинные, что их носили в ножнах, прикрепленных на спине воина, и вынимали двумя руками через плечо.

Римские кавалерийские разведчики обнаружили лагерь роксоланов. Он распростерся на покрытой льдом земле, на широкой равнине, близкой к замерзшим болотам. Роксоланы не строили оборонительных лагерей. Сотни повозок были разбросаны кругом, тысячи коней стреножены табунами. III Галльский легион разбил лагерь на некотором расстоянии и не зажигал огней. Командир легиона Аврелий решил не ждать, когда подойдет VIII Августов легион, а атаковать на заре, пока на его стороне был элемент неожиданности.

Настало утро. Тихая земля была окутана туманом; легионеры III Галльского легиона молча встали в боевые позиции. Туман поднялся, когда римские трубы прозвенели «В атаку». У сарматов не было часовых, и они были полностью застигнуты врасплох. В отчаянии они пытались надеть доспехи, оседлать коней и поскакать в атаку. Тацит говорил о сарматской кавалерии: «Вряд ли существует войско, способное устоять под натиском их конных орд» (Тас. Н. I, 79). Но у роксоланов не было шанса начать атаку. Легионеры использовали свои дротики как копья, и своими щитами они сбивали тяжеловооруженных врагов с ног и затем быстро убивали их мечами. Роксоланы, как говорит Тацит, оказывались практически беззащитны, когда их сбивали

Роксоланы были сарматскими кавалеристами, носившими доспехи, как те, что показаны здесь, на колонне Траяна

с ног, поскольку из-за веса доспехов им было трудно встать снова (Тас. Н. I, 79).

Те роксоланы, кому удалось сесть на коня, увидели, что лошади скользят на обледенелой земле. Римские войска продолжали давить на них, и длинные копья оказались бесполезными. Многих варваров удалось стащить со спин коней и сбросить на землю. А когда они оказывались на земле, вся их отвага пропадала. «Нет никого хуже и слабее их в пешем бою», — говорил о них Тацит (Тас. Н. I, 79).

Несколько раненых сарматов смогли спастись в болотах — только чтобы замерзнуть до смерти ночью. Все члены племени роксоланов были убиты — всего 9 тысяч человек. Потери III Галльского были совсем незначительны. За эту победу командиры Аврелий из III Галльского, Теттий Юлиан из VII Клавдиева и Нумизий Луп из VIII Августова легиона получили от императорского дворца пурпурные консульские инсигнии, в то время как наместник провинции Апоний был награжден триумфальными почестями.

69 год н. э.

XXV

ГОД ЧЕТЫРЕХ ИМПЕРАТОРОВ

Легион против легиона

Год... едва не принесший гибель государству.

Тацит. История. I, 11

С того момента, когда 70-летний император Гальба был убит на форуме легионером по имени Камурий из XV Аполлонова легиона 15 января 69 года н. э., Рим ожидал год беспорядков.

Когда наследника Гальбы, Отона, провозгласила императором преторианская гвардия в Риме, легионы на Рейне готовились идти на столицу, чтобы посадить удобного им императора — Авла Вителлия, наместника Верхней Германии, — на трон. Три отдельных мобильных отряда отправились в Италию защищать дело Вителлия. С Рейна шли вексилляции (от четырех до шести когорт) от каждого из легионов I Германского, IV Македонского, V Жаворонков и XV Фортуны Пер-

ворожденной, а также целый, но не полностью укомплектованный XXI Стремительный легион. Из Лугдуна в Галлии пришли италийские рекруты недавно созданного I Италийского легиона. С этими легионерами явилось практически столько же солдат вспомогательных войск: теперь 75 тысяч человек шли на Италию в начале апреля: их целью было свергнуть Отона.

14 апреля эти подразделения столкнулись с армией, направленной на север Отонем при Бедриаке на реке По в Центральной Северной Италии. Армия Отона под командованием его брата Секста включала в себя когорты преторианской гвардии, заново сформированный I Вспомогательный легион, ополченцев-эвокатов, а также несколько когорт из XIII Сдвоенного и XIV Сдвоенного легионов, которые только что пришли из самой Паннонии.

В этой битве Отонем I Вспомогательный легион захватил орла XXI Стремительного легиона, но Стремительный перегруппировался и разбил молодых людей из Вспомогательного, убив их полководца. XIII Сдвоенный легион Отона уступил атаке V легиона Жаворонков; остался знаменитый XIV Сдвоенный, который восторжествовал над Бодиккой, но теперь был окружен и вынужден был пробиваться обратно к лагерю отонианцев. Армия Отона договорилась о капитуляции, а сам Отон покончил с собой. Как только полководцы Вителлия обеспечили за собой победу, он сам прибыл вниз по Рейну, в июле вошел в Рим и занял трон. Но вскоре он узнал, что в том же самом месяце легионы на Востоке провозгласили императором своего главнокомандующего — Веспасиана.

Осенью армия, состоявшая из подразделений, поддерживавших Веспасиана, пошла на Италию, чтобы скинуть с трона Вителлия. Ею командовал Марк Антоний Прим — еще один Марк Антоний.

Гальба набрал новый, VII легион, чтобы ему легче было завоевать трон в 68 г. н. э.

Уроженец Толосы (современная Тулуза во Франции), Прим, который, по мнению Тацита, «отличался решительностью и дерзостью», был приговорен за мошенничество в царствование Нерона и послан в изгнание (*Тас. А. XIV, 40*). Оказавшись на троне, Гальба отменил изгнание Прима и дал ему командование своим новым VII легионом. Теперь, увидев возможность стать ведущим полководцем Веспасиана, Прим вошел в Италию лишь с небольшим отрядом, ядром которого были вспомогательные войска и когорты III Галльского легиона, вслед за которым и другие легионы в Мёзии, Паннонии и Далматии принесли клятву верности старому главнокомандующему Галльского легиона, Веспасиану. И эти другие легионы вскоре присоединятся к приму и III Галльскому в Италию.

Когда Прим вошел в Италию, он прежде всего, стараясь помешать подкреплениям добраться к Вителлию с Рейна, послал письмо префекту когорты батавских вспомогательных войск в Могонциаке на Рейне — Гаю Юлию Цивилису. (Тацит в своей «Истории» называет фамилией Цивилис одновременно Юлия и Клав-

дия; другие источники говорят, что его звали Гай Юлий Цивилис.) Цивилис, которому теперь, возможно, было около пятидесяти, был членом сословия всадника и высокопоставленным наследником батавской царской семьи, которая перестала править после смерти ее последнего царя Хариовальды во время Германских кампаний цезаря Германика за полвека до этих событий.

Цивилис командовал одной из восьми когорт батавских ауксилариев, которые до последнего времени были прикомандированы к XIV Сдвоенному легиону в Британии, и в 40 году н. э. он подружился с тогдашним командиром II Августова легиона — Веспасианом. После того как восточные легионы в июле провозгласили Веспасиана императором, Цивилис написал ему, объявил о

Отон, некогда ближайший друг Нерона, поддержал Гальбу против него и заявил права на трон после убийства Гальбы

своей верности и предложил помочь свергнуть Вителлия. Теперь Прим попросил Цивилиса создать видимость мятежа в Северной Галлии, чтобы римские легионы там были чем-то заняты и не смогли поддержать Вителлия в Италии. Это письмо от Прима к Цивилису стало началом одного из самых опустошительных и унижительных для легионов периодов в их истории.

Вителлий, командир легионов на Рейне, свергнул Отона, чтобы стать императором

69 год н. э.

XXVI
ВОССТАНИЕ ЦИВИЛИСА

Кровь на Рейне

В последние месяцы царствования Нерона Цивилис и его брат Юлий Павел были обвинены в том, что подстрекают к бунту у себя на родине. Павла казнили; Цивилиса послали в цепях к Нерону в Рим. Наместник Нижней Германии Фонтей Капитон, человек, который взял под арест Цивилиса, был противником Гальбы, и, как только Гальба стал императором, он приказал казнить Капитона. Цивилиса освободили, и он вернулся к своим войскам.

У Цивилиса действительно были намерения возглавить мятеж против римской власти, и, когда от Прима пришло письмо с просьбой «отвлечь» легионы на Рейне, у батавов появился предлог и авторитет, которые им были нужны. После того как хатты заставили их уйти с их земель к востоку от Рейна, племя батавов заняло узкую часть современных Нидерландов между реками Ваал и Маас на берегу Северного моря, которую местные называли Островом. С тех пор как они стали союзниками Юлия Цезаря, батавы давали вспомогательную пехоту и кавалерию римской армии как свой единственный вклад в этот союз; в отличие от других племен налога они не платили. Особенно ценилась батавская кавалерия, поскольку она могла переплывать реки

вместе с конями и в полном вооружении, «не нарушая строя» (Тас. Н. IV, 12).

Когда Вителлий набрал больше войск, чтобы поддержать свой трон, на который были и другие претенденты, он фактически сыграл на руку Цивилиса, поскольку он призвал всех батавских юношей на службу во вспомогательные войска. Батавам это очень не понравилось: они считали, что и так дали Риму достаточно. Цивилис — самый уважаемый человек среди батавов за свои способности, царское происхождение и богатство, — унаследовав огромное состояние от отца, устроил пир для батавских старейшин и горячих молодых людей в священной роще. Когда его соплеменники поели и выпили, Цивилис встал, чтобы обратиться к ним.

Цивилис потерял глаз, и на лице у него был уродливый шрам (возможно, полученный в сражении в Уэльсе). Он сравнивал себя с карфагенским полководцем Ганнибалом и с Серторием — мятежным римским правителем Испании во время Помпея Великого; оба они также потеряли глаз. И, как и Ганнибал и Серторий, одноглазый Цивилис считал, что он может победить вооруженные силы Рима. В страстной речи он подогрел негодование своих собратьев-батавов, пока оно не вспыхнуло революционным пламенем. «У нас могучие конные и пешие войска, германцы нам братья, галлы хотят того же, что и мы», — уверял Цивилис своих товарищей (Тас. Н. IV, 14).

Пирующие с энтузиазмом поклялись во имя своих богов последовать за Цивилисом и освободить свою родину. Послали вестников к каннинефатам — германскому племени, также жившему на Острове, и к фризам на германском берегу Северного моря, чтобы вовлечь их в революционное движение. Цивилис втайне побеседовал с батавскими и бриттскими аристократами, которые командовали восемнадцатью когортами вспомогательных войск, размещенных в Могонциаке, и привлек на свою сторону знатных людей и 9 тысяч их воинов.

Поздним летом 69 года н. э. тысячи каннинефатов и фризов внезапно напали на рейнский город Ветера, где стояла только вспомогательная когорта тунгров и еще одна когорта — германцев-убиев. Здесь базировались еще двадцать два корабля рейнского флота — легкие, с неглубокой осадкой судна, с одним рядом весел. Префекты вспомогательных когорт приказали боевым кораблям спастись вверх по реке и затем подожгли постройки, чтобы лагерь не попал в руки германцев, в то время как их люди бежали врассыпную по плоским равнинам Нидерландов.

Разграбив горящий лагерь и перебив маркитантов и торговцев, которые жили у его стен, нападающие стали преследовать римские войска, которые дали им отпор чуть выше по реке. За спиной у них были воды Рейна, и когорты получили поддержку от боевых кораблей. Между тем всадник поскакал в Новезий, где размещались Цивилис и его батавские когорты, прося помощи. Когда прибыл вестник с новостями об атаке на Ветеру, Цивилис послал вестника к Гордеонию Флакку — старому, хромому римскому полководцу, который остался в Могонциаке командовать как верхним, так и нижним Рейном, пока Вителлий отправился в Италию завоевывать трон. Цивилис вызвался повести войска на помощь Ветере, и Флакк сказал ему, чтобы он так и сделал.

Когда Цивилис и вспомогательные войска добрались до попавших в ловушку когорт, они увидели, что те выстроились, готовые к битве, на берегу реки. Две дюжины кораблей стояли рядом; морские пехотинцы и катапульты были готовы поддержать когорты. Теперь Цивилис и так называемые «спасатели» перешли на другую сторону, объединившись с мятежниками; Цивилис принял командование восстанием. Затем когорта тунгров перебежала к восставшим. Оставшаяся когорта убитая была в огромном меньшинстве, и ее истребили.

На кораблях в реке батавские члены команды внезапно обратились против своих шкиперов и центурионов, убивая тех, кто не соглашался присоединиться к ним. За несколько минут римские войска на Рейне были уничтожены, а корабли захвачены. С этими боевыми кораблями Цивилис мог контролировать нижний Рейн. Новости о «блестящем успехе» Цивилиса мгновенно разлетелись по Германии и Галлии. Теперь Цивилис оставался верен обету, который он дал, обращаясь к батавским старейшинам в священной роще, и покрасил свои волосы в красный цвет, как делали его предки, отправляясь на войну (*Тас. Н. IV, 16*).

Из Могонциака римский командующий Флакк послал приказ Мунью Луперку, командиру XV легиона Фортуны Перворожденной в Новезии, чтобы он немедленно вышел в бой против мятежников. Луперк был начальником Нумизия Руфа, легата, командовавшего другим легионом в Новезии — V легионом Жаворонков. Оба легиона были недостаточно укомплектованы, причем весьма существенно, поскольку многие когорты отправились в Италию. На Рейне они могли выставить в бой около 5 тысяч человек. Оставив тысячу человек охранять Новезий и добавив к своим войскам несколько ауксилиариев, в том числе и эскадрон батавской кавалерии, оставшийся верным Риму, юные полководцы отправились вниз по реке, дабы положить конец мятежу.

Примерно в 65 милях (104 километрах) между Кельном, в Ветере (или Старых лагерях), V легион Жаворонков и XV Фортуны Первожденной наткнулся на армию мятежников в боевом порядке. За своими войсками Цивилис разместил свою мать и сестер, а также жен и детей своих людей, чтобы вдохновить своих людей на победу. Мятежники запели боевую песнь, а их женщины и дети громко выкрикивали слова ободрения: легионеры Луперка и Руфа ответили вызывающими воплями.

Как будто по сигналу батавские кавалеристы из алы Луперка внезапно ускакали, затем повернулись и напали на тот самый римский фланг, который они защищали. Оставшиеся римские вспомогательные войска разбежались, оставив два легиона. Но когда стала наступать пехота мятежников, дисциплина легионеров все-таки сохранилась, и они порубили мятежных кавалеристов и отбили пехоту Цивилиса. Поддерживая боевой порядок, оба легиона затем вернулись в укрепления Старых лагерей. Когда легионеры ремонтировали защитные сооружения и уничтожали дома вокруг стен, чтобы расчистить место для стрельбы, мятежники окружили крепость.

Между тем четыре когорты батавов и каннинифатов недавно были посланы в подкрепление силам Вителлия в Италии. Когда они получили от Цивилиса сообщение, побуждавшее их вернуться и присоединиться к восстанию, они повернули и начали отступать к Могонциаку. Когда об этом узнал римский главнокомандующий Флакк, он робко оставил своих легионеров за стенами Могонциака и послал весть XVI Галльскому легиону в Бонне. Легат этого легиона Геренний Галл получил приказ перехватить эти четыре когорты: Флакк уверял его, что он зайдет в тыл колонне батавов и каннинифатов из Могонциака со своими войсками и они смогут раздавить предателей между двумя армиями.

Однако Флакк не сделал никакой попытки выйти из Могонциака. Вскоре он послал Галлу новый приказ, противоречивший первому, повелевая пропустить ауксилиариев. Галл пытался понять, что происходит, когда делегаты от колонны батавов явились на его штаб-квартиру в Бонну. Они заявили полководцу, что если он не пропустит колонну, то батавы и каннинифаты дадут сражение и прорубят себе путь через легионеров Галла.

Галл сомневался. Однако его войска попросили дать им возможность проучить предателей. Люди шести когорт I Германского легиона, оставленные в Бонне, в то время как их командир сражался в легионе

в Италии, больше всех рвались в бой, и перед тем, как Галл успел удержать их, они вырвались из ворот лагеря в сопровождении недавно набранных вспомогательных когорт белгов. За ними спешили местные крестьяне и купцы, преисполнившись отваги и размахивая самодельным оружием: их увлекла самоуверенность легионеров. Люди из собственного XVI Галльского легиона Галла послушались приказа: они остались в лагере и охраняли стены, глядя, что происходит снаружи.

Хотя их и было значительно меньше, 2 тысячи батавов и каннинефатов были опытными воинами. Построившись квадратом, они твердо держались против напора I Германского легиона. Римская линия сломалась, наткнувшись на неподвижные колонны, и затем мятежники стали продвигаться вперед мерными шагами. Когда атакующие в беспорядке побежали обратно в лагерь, они наткнулись на перепуганных жителей. Белгские ауксилиарии бежали в поля, и люди из I Германского были загнаны в ров, окружавший лагерь. Десятки легионеров были убиты батавами и каннинефатами; их тела заполнили ров у подножия стены. Оставшимся удалось прорваться через ворота лагеря в Бонне перед тем, как те закрылись.

Победоносные мятежники продолжили свой поход, обойдя Кельн, чтобы соединиться с Цивилисом у Старых лагерей, где мятежники продолжали осаждать легионеров. Чтобы придать вид законности своему восстанию, Цивилис теперь заставил своих последователей присягнуть в верности Веспасиану. Затем он послал гонцов к легионам в Старых лагерях, советуя им оставить свою преданность Вителлию и также перейти к Веспасиану. Вскоре из Старых лагерей пришел ответ: «Мы не принимаем советов ни от изменников, ни от врагов» (*Тас. Н. IV, 21*).

Теперь Цивилис приказал всему батавскому народу взять оружие. Вскоре к осаде Старых лагерей присоединились подкрепления из тысячи бруктеров и тенктеров с востока от Рейна. Мятежники построили грубое осадное оборудование, но вскоре оно было разбито вдребезги камнями, которые метали из катапульт с укреплений форта или сжигали в пепел огнем горящих стрел. Когда попытка штурмовать стены с осадными лестницами также провалилась, Цивилис решил прервать осаду и заморить Луперка и его легионеров голодом.

Вверх по Рейну, в Могонциаке, Флакк наконец стронулся с места. Он послал приказ Галлу в Бонну послать его когорты XVI Галльского легиона и соединиться с ним в Новезии; к нему также подошли подкрепления из вспомогательных войск из Виндониссы в 200 милях

(320 километрах) в современной Швейцарии. Флакк отправил армию под командованием своего заместителя Диллия Вокулы, легата недавно восстановленного XVIII легиона, шесть когорт которого были размещены в Могонциаке. Страдавший подагрой Флакк сам последовал за маршировавшей колонной в ладье по Рейну.

На марше среди войск ходили разные слухи. Те, кто твердо стоял за Вителлия, были убеждены, что старик Флакк нарочно затянул ответ на восстание Цивилиса потому, что тайно поддерживал Веспасиана. Узнав о том, что в войсках неспокойно, Флакк в следующем походном лагере обратился к войскам и прочел вслух письмо от полководцев Веспасиана, призывавшее его перейти к Веспасиану. Чтобы доказать своим людям, кому он на самом деле верен, Флакк приказал надеть оковы на солдат из армии Веспасиана, которые принесли ему это сообщение, и отослал их к Вителлию в Рим. Это, судя по всему, удовлетворило его людей, и поход возобновился.

Когда Флакк и его армия добрались до Бонны, их с энтузиазмом приветствовали когорты I Германского легиона. Когда войска, шедшие на помощь осажденным, остановились в Бонне, легионеры I Германского горько жаловались новоприбывшим на то, что Флакк не предоставил им обещанной помощи в атаке на батавов и каннифатов у Бонны. Чтобы успокоить своих людей, Флакк пошел на беспрецедентный шаг: он велел знаменосцам легионов прочесть вслух его последний письменный приказ Галлу — не нападать на батавов и каннифатов — приказ, который люди из I легиона предпочли оставить без внимания. Затем того, кто громче всех в рядах I легиона критиковал Флакка, заковали в цепи, но солдат громко заявил, что он-де передавал секретные сообщения от Флакка Цивилису и его арестовали только для того, чтобы заставить замолчать. Полководец Флакк засомневался, и вид у него внезапно стал виноватый.

В этот решительный момент его всеми любимый заместитель Вокула, командир XVIII легиона, взшел на трибунал и приказал казнить легионера из I легиона немедленно. Опытные легионеры выразили свое одобрение; другие в ужасе смотрели, как воина заставили встать на колени и одним взмахом меча центурион снес ему голову. Старик Флакк, зная, что в такую решающую минуту он утратил доверие своих людей, передал верховное командование экспедицией Вокуле и удалился в свою палатку. На следующий день, когда армия возобновила свое движение под командованием Вокулы, Флакк вернулся в Могонциака в лодке.

Неожиданно Вокула сделал своим заместителем своего друга Галла из XVI Галльского легиона и присоединил часть I Германского легиона к своей армии, оставив прочие его когорты в Бонне, чтобы охранять форт. Когда армия добралась до Новезия, к ней присоединились ожидавшие там когорты XVI легиона Галла. Увеличившаяся теперь армия шла по Рейну вниз к осажденным Старым лагерям, поставив новый лагерь в Гелдубе (сегодня Геллеп) неподалеку от Новезия.

Судя по всему, Вокула решил попытаться сформировать из своих мятежных войск дисциплинированную силу перед тем, как напасть на Цивилиса. Может быть, все дело было в этом — а может быть, он был сторонником Веспасиана и нарочно тянул время, как подозревали многие его солдаты. Его войска провели следующие несколько недель за строительством крепости в Гелдубе, проходя суровые тренировки на долине около нее. Обычные солдаты продолжали твердо хранить верность Вителлию, и они всё больше и больше убеждались, что командование склоняется к тому, чтобы поддержать Веспасиана: поэтому их вера в командиров и доверие к ним начали рушиться.

Когда Вокула повел одно из подразделений в поход на поддерживавшие Цивилиса деревни племени гугернов, Галл, командовавший в это время Гелдубой, смотрел, как по Рейну идет корабль с припасами из Могонциака, нагруженный зерном для его войска. Корабль попал на мель лишь чуть выше по реке. В Северной Европе в то время царил страшная засуха, и глубина Рейна была настолько низкой, что в некоторых местах он стал практически несудоходным. Вскоре на восточном берегу появились варвары-германцы, они перешли реку вброд, перебили команду и затем попытались оттащить корабль на свою сторону реки.

Галл послал когорту легионеров, чтобы спасти корабль, но, когда они добрались туда, появилось еще больше германцев; вскоре римляне, оказавшись в меньшинстве, сражались только за свою жизнь. Галл послал дополнительные войска — и все больше и больше германцев подходили к ним. Судя по всему, это был заранее задуманный план. Наконец Галл отказался от защиты корабля и приказал играть отбой, после чего замученные легионеры пробились обратно к крепости.

Той ночью принимавшие участие в этом деле легионеры спустились в палатку начальника, выволокли Галла оттуда и избили его: они были убеждены, что происшествие с кораблем — засада и что Галл был к этому причастен. С приставленным к горлу кинжалом Галл заявил, что ответственность за засаду несет старый командир Флакк. Когда Вокула и его люди вернулись со своего налета, они нашли Галла в цепях.

Взбешенный Вокула освободил Галла и на следующее утро без суда и следствия казнил тех, кто напал на его заместителя. Но сделанного уже было не воротить. Легионеры напали на своего командира. Был создан опасный прецедент.

Все это время Цивилис продолжал осаждать Старые лагеря. Одна группа хвастливых германцев, упившись римским вином, попыталась взобраться на стены ночью, освещая себе путь огнем: они подожгли кучи бревен. Огонь за стенами лишь сделал германцев легкой целью для легионеров, защищающих стены. Пьяные, полуголые германцы продолжали наступать, не обращая внимания на то, что их товарищи, пронзенные копьями, стрелами из катапульт и кольями, буквально валяются кругом штабелями. Самому Цивилису пришлось вмешаться, погасить огонь и закончить нападение, пока не уничтожили весь германский контингент.

Подобные успехи римлян помогли поддержать дух защитников Старых лагерей, однако их силы все больше и больше слабели. Они уже съели и езовых, и вьючных животных, и им пришлось есть траву и корни. По следам провальной германской атаки Цивилис послал двухэтажную осадную машину против преторианских ворот лагеря. Но какими бы ослабевшими они ни были, легионеры использовали длинные шести, чтобы обрушить башню, раздавив многих осаждавших. Один из защитников также создал устройство типа крана, с помощью которого можно было спускать вниз сеть, ловить одного или нескольких атакующих и затем поднимать их назад; перемещая вес, легионеры таким образом затаскивали мятежников внутрь форта, и там их ждали лезвия мечей легионеров.

Был уже конец октября, когда на Рейне получили известие о том, что у Бедриака в Северной Италии произошла семнадцатичасовая битва между армиями Вителлия и его соперника Веспасиана, после которой немедленно последовала краткая атака и четырехдневное разграбление забитого людьми города Кремона; погибло 50 тысяч солдат и гражданских лиц. Армия Веспасиана под командованием Марка Антония Прима выиграла оба сражения, и люди из армии Вителлия погибли или попали в плен. Вителлий, которого теперь не поддерживал практически никто, кроме его преторианской и германской гвардии, был отрезан в Риме. Прим шел на столицу вместе со своей армией с Луцием Муцианом, правителем Сирии; вскоре за ним следовала другая армия сторонников Веспасиана с востока во главе с VI Железным легионом. Конец Вителлия был лишь вопросом времени.

Для тех офицеров на Рейне, которые были сторонниками Веспасиана, казалось, самое время, чтобы легионеры смирились с неизбежным и поклялись в верности Веспасиану. В Могонциаке старый Флакк собрал оставшиеся войска и прочел известие от полководца Вителлия, Цецины: Цецина писал, что дело Вителлия проиграно. Войска Флакка отказались этому поверить и стояли с каменными лицами, когда командующий прочел второе письмо — от полководца Веспасиана Прима, где он требовал, чтобы воины из рейнских легионов поклялись в верности Веспасиану. Затем Флакк вывел вперед Альпиния Монтана, который до недавнего времени был префектом ауксилиариев-треверов в армии Вителлия в Италии. Монтан, сам по рождению тревер, служил со многими из этих людей в Могонциаке, и наконец до шокированных легионеров начала доходить правда: префект рассказал, как он бился за Вителлия при Бедриаке и Кремоне и как собственными глазами видел, что армия их императора была полностью разбита.

Затем Флакк приказал, чтобы его расстроенные войска принесли новую клятву верности. Галльские ауксилиарии поклялись в верности Веспасиану без каких-либо трудностей. Но пока легионеры произносили слова клятвы, большинство неясно проговаривали имя Веспасиана или вообще пропускали его. Несмотря на новости из Кремоны и тот факт, что Вителлий был жирным самодовольным типом, для войск рейнской армии Вителлий был их полководцем, а Веспасиан — полководцем армий Востока, которые, как они считали, были хуже их.

Наконец Флакк прочел письмо от Прима Цивилису, где Прим говорил ему, чтобы тот закончил свой мятеж, когда Веспасиан уже на волоске от окончательной победы. Но вместо того чтобы уверить солдат, что мир уже недалеко, это письмо только подтвердило их предположения, что именно полководцы Веспасиана и толкнули Цивилиса к мятежу. Когда прозвучала команда «вольно», легионеры продолжали нелюбезно молчать. Монтана отослали в Бонну, Кельн и Новезий, чтобы он повторил там рассказ о поражении вителлианцев и чтобы повторить осуществление клятвы Веспасиану войсками в этих городах. Последним местом его посещения оказалось войско Вокулы в Гелдубе: там легионеры также с неохотой поклялись в верности Веспасиану.

Затем Монтан отправился в качестве посланника Веспасиана к Цивилису, передал ему письмо Прима, в котором тот требовал, чтобы вождь мятежников сложил оружие. Если Цивилис действительно пытался помочь Веспасиану (говорилось в письме), то теперь его цель полностью достигнута. Монтан вернулся к Флакку в Могонциак, чтобы

сообщить, что Цивилис наотрез отказался прекратить военные действия. Но было и кое-что, чего Монтан не рассказал Флакку: он и его брат, тоже офицер в подразделении треверов, собрались перейти к Цивилису.

Теперь Цивилис перешел в наступление. Поставив своего соотечественника, батава Юлия Максима командиром большого отряда, причем племянник Цивилиса Клавдий Виктор был его заместителем, Цивилис послал их против Вокулы. Максим умело обошел Геддубу и затем повернул и подошел к форту с римской стороны Рейна. Вокула буквально смотрел не туда. Мятежники напали на римские войска так быстро, что у них даже не было времени построить свою боевую линию. Когда его люди сбились в кучу на поле боя, Вокула попытался поставить I Германский, XVI Галльский и XVIII легионы в центре этого дезорганизованного боевого построения, пока его вспомогательная кавалерия атаковала мятежников.

Однако тренированные римлянами батавы не уступали. Кавалерия Вокулы была отброшена и ускакала обратно в лагерь. Теперь нервы — вспомогательные отряды на флангах Вокулы — также уступили и бежали (то ли запаниковали, то ли это было предательство). Мятежники атаковали обнажившийся фланг легионов. Все это выглядело знакомо. Легионы бросились обратно в лагерь, оставив на поле битвы бесчисленное множество погибших. Один за другим падали римские знаменосцы, и враг захватывал штандарты. В ужасе юные легионеры бросали оружие и сдавались. Солдаты-ветераны оказались прижатыми ко рву вокруг крепости, и их уничтожали десятками. Ворота в крепость были сломаны, и мятежники ворвались внутрь.

Теперь, казалось, фортуна улыбнулась римлянам. Месяцами Флакк обещал послать из Могонциака подкрепления: а теперь несколько тысяч ауксилиариев-васконов, набранных в предыдущем году в Галлии, прибыли и взошли на холм за атакующими. Обернувшись и увидев римские знамена в своем открытом тылу, мятежники подумали, что прибыли римские войска из Новезия или, что еще хуже, идут все войска Флакка из Могонциака.

Видя, что мятежники внезапно потеряли уверенность, легионеры Вокулы взяли инициативу в свои руки. Отряды васконов подходили, и мятежники у лагеря оказались зажатыми между ними и людьми Вокулы. Батавы, которым удалось пробиться в лагерь, оказались в ловушке, и их истребили. Только батавская кавалерия спаслась целой и невредимой, забрав с собой римские штандарты и ранее захваченных пленников.

Ветераны — батавская пехота и многие молодые германцы погибли. Но даже в этой ситуации легионы понесли более тяжкие потери. Прибравшись от этой такой нужной, хотя и дорогой ценой доставшейся победы, Вокула наконец решил снять осаду со Старых лагерей.

В Старых лагерях Цивилис продемонстрировал захваченные штандарты и пленных, захваченных Максимом в Гелдубе, голодающим легионерам, которые следили за этим со стен. Он обратился к людям из V легиона Жаворонков и XV легиона Фортуны Перворожденной и заявил, что Вокула и армия, которая шла им на выручку, уничтожены и что это — доказательство. Но один из пленных легионеров прокричал, что все это — ложь и что на самом деле Вокула в конце концов победил в Гелдубе. Захватившие его германцы в озлоблении убили громогласного легионера на месте, но исправить уже было ничего нельзя — теперь осажденные знали, что римские легионы в конце концов дали отпор Цивилису. Их сопротивление укрепилось.

Несколькими днями спустя наблюдатели в Старых лагерях заметили, что в отдаленных крестьянских домах вспыхивают пожары. Кавалерия Вокулы скакала впереди его авангарда, уничтожая все на своем пути. Вскоре попавшие в ловушку легионеры в Старых лагерях увидели, что легионы Вокулы и ауксилиарии идут им на помощь. Но потом, когда Цивилис призвал своих людей к оружию, Вокула приказал своим войскам остановиться и построить лагерь перед тем, как атаковать. Не верившие ему люди отказались, заявив, что пришли сюда, чтобы биться, а не копать. Они потребовали, чтобы Вокула повел их в атаку. Вокула колебался, и легионеры все равно рванулись вперед, даже не озаботившись тем, чтобы встать строем, уверенные, что повторят победу при Гелдубе.

Обе армии встретились на поле боя. В рассеянном порядке легионеры остановились и приняли тучу дротиков мятежников, затем продолжали двигаться вперед и схватились с передними рядами бунтовщиков. Под тяжелым давлением мятежники стали медленно отступать. Когда Вокула дал сигнал «перестроиться», легионеры построились рядами под своими знаменами. Внутри Старых лагерей Луперк и Руф выбрали самых сильных своих людей, открыли ворота лагеря и поспешно послали их в атаку. Перебравшись через осадные сооружения мятежников с новой силой, эти легионеры врезались в тыл мятежникам. В схватке лошадь Цивилиса была убита, и он рухнул наземь. Когда Цивилиса уносили, по обеим армиям распространился слух, что он погиб. Войска мятежников запаниковали и побежали.

Воодушевившиеся римские войска начали их преследовать, но Вокула скомандовал «отбой», и они нехотя повиновались. Войска Вокулы вошли в Старые лагерь, где осажденные товарищи приветствовали их, как спасителей. Вокула раздал голодающему гарнизону еду и затем приказал своим людям починить и укрепить стены и башни форта. Его войска не могли поверить, что он не будет преследовать Цивилиса. Но командир для себя уже все решил. Ворча, легионеры повиновались приказу.

«Ничто так не удручало наши войска, как недостаток продовольствия», — рассказывал Тацит о людях в Старых лагерях. Поняв, что ситуация с провиантом критическая, Вокула немедленно отослал свой обоз обратно в Новезий, чтобы привезти зерно из тамошних амбаров. Обоз вернулся, нагруженный припасами. Как только он был разгру-

жен, Вокула повернул его и снова послал в Новезий, за следующей партией (*Тас. Н. IV, 35*).

С другой стороны, Цивилис не только выжил, но через несколько дней почувствовал себя достаточно здоровым, чтобы перестроить свою армию и пересмотреть планы. Когда новости о его выздоровлении разошлись вниз по Рейну, войска стали возвращаться под его знамена. Между тем кавалерия мятежников наблюдала, как первый обоз с припасами идет в Новезий и обратно. Когда Вокула попытался повторить это, нагруженный обоз попал в засаду. По всей длине обоза шел бой до самой ночи, когда темнота дала эс-корту возможность бежать. Весь груз достался людям Цивилиса.

Несмотря на эту потерю, командиры Вокулы уверили его в том, что в Старых лагерях сейчас достаточно провизии для 4 тысяч легионеров и соответствующего

Император Вителлий, который недолго царствовал во время гражданской войны, последовавшей за гибелью Нерона. Воины легионов на Рейне сохраняли непоколебимую верность ему даже после его смерти и подозревали своих командиров в поддержке Веспасиана

числа гражданских лиц, чтобы продержаться всю зиму. Молодой полководец теперь призвал тысячу добровольцев из 5 тысяч или больше людей, которые теперь удерживали Старые лагерь, — они должны были пойти, как он сказал, с его армией, в то время как оставшиеся должны были продолжать оборонять лагерь. Неудивительно, что добровольцами вызвалось 2 тысячи человек: они жаловались, что с них достаточно голода и легионных командиров-предателей.

Вокул выбрал тысячу, оставил Луперка командовать остальными 4 тысячами и вышел из ворот лагеря с остатком войск. Когда он уходил, многие люди из тех, что он оставил в Старых лагерях, громко проклинали его со стен за то, что он представил их самим себе. Те, кто уходил с Вокулой, также не жалели «добрых» слов в его адрес. Как только колонна Вокулы исчезла из вида, мятежники вернулись и снова осадили Старые лагерь. Дух людей, удерживавших форт, снова упал.

Бросив Гелдубу, Вокула ушел в Новезий. Там к нему присоединились когорты из IV Македонского легиона, который послал из Могонциака Флакк. Несмотря на эти подкрепления, после того, как кавалерия Цивилиса наголову разгромила кавалерию Вокулы в один морозный день у Новезия, Вокула засел в стенах города и отказывался тронуться с места. Теперь до войск Вокулы дошла весть о том, что у императора Вителлия раньше все-таки нашлось время, чтобы послать Флакку деньги в качестве донативы своим войскам, дабы отпраздновать его восшествие на трон. Но Флакк эти деньги прикарманил. Теперь войска Вокулы забастовали, требуя свои кровные.

С большой неохотой Флакк расплатился, пояснив при этом, что платит от имени Веспасиана, а не Вителлия. Деньги раздали всем войскам на Рейне, и они отпраздновали это, быстро напившись. Одна группа легионеров в Могонциаке, потеряв голову от лишней выпивки и месяцев недовольства, отправилась на квартиры к старику Флакку: солдаты вытащили его из постели, объявили предателем и пронзили своими мечами. Убив наместника германских провинций и полководца, командовавшего войсками на Рейне, войска в Могонциаке довершили свой мятеж, отказавшись повиноваться офицерам и восстановив статуи Вителлия, которые Флакк приказал убрать.

Услышав о перевороте в Могонциаке, Цивилис быстро отправил войско мятежников по суше, не обращая внимания на гарнизоны в Новезии, Кельне и Бонне, намереваясь взять Могонциака, пока среди войск там царит хаос. Когда легионеры в Могонциаке узнали о том, что на них идут повстанцы, они сначала построились на поле в боевом

порядке. Но когда повстанцы подошли поближе, легионеры повернулись и побежали. Некоторые вообще дезертировали из легионов. Прочие бежали обратно в крепость и закрыли ворота. Цивилис окружил лагерь и отрезал все пути к отступлению.

Когда Вокула в Новезии получил весть о том, что войска в Могонциаке взбунтовались и убили его начальника Флакка, он, хотя и был просто командиром легиона, оказался старшим римским командиром на Рейне: большая часть региона была в руках мятежников, и Старые лагеря и Могонциак были отрезаны.

20 декабря армия Веспасиана под командованием несгибаемого командира Прима пробилась в Рим и собственные войска Вителлия убили своего императора во дворце. На следующий день сенат официально провозгласил Веспасиана, который все еще был в Египте, новым императором Рима.

70 год н. э.

XXVII ПОТЕРЯ РЕЙНА

Убиты или дезертировали

1 января легионеры Вокулы в Бонне и Новезии снова принесли клятву верности Веспасиану. Теперь, когда гражданская война закончилась, новая администрация могла сосредоточиться на Цивилисе. Однако пламя восстания отнюдь не погасло тут же: оно вспыхнуло еще ярче и угрожало поглотить всю Галлию.

По всей Галлии распространились слухи о том, что базы легионов в Мёзии и Паннонии окружены завоевателями — сарматами и даками. Согласно еще одному слуху, легионы в Британии сражались с местными племенами. Разнеслась и весть о том, что в последние дни правления Вителлия священный храм Юпитера на Капитолийской горе в Риме был уничтожен пламенем. Только последний слух был правдой — но для многих провинциалов все это казалось сигналом того, что конец Римской империи близок.

Вдохновленный успехом Цивилиса и ободренный этими слухами, Юлий Классик, потомок благородной треверской семьи и префект треверского конного отряда, подразделения в армии Вокулы, собрал на тай-

ную встречу в Кельне представителей четырех племен белгов. При поддержке Юлия Татора, заместителя Классика по отряду тревверских конников, и Туллия Валентина, ведущего аристократа среди тревверов, Классик призвал племена восстать, раз Рим теперь поставлен на колени. Встреча закончилась тем, что к другим племенам в Галлии были посланы вестники, побуждавшие их восстать весной, сбросить римскую власть и присоединиться к Цивилису в создании Галльской империи.

С приходом весны Вокула отвел свои легионы и вспомогательные войска из Новезия и направился вниз по Рейну, чтобы опять освободить от осады Старые лагерь. Во главе наступления Вокулы шла кавалерия под командованием Классика и Татора; когда войско достигло Старых лагерей, они быстро присоединились к Цивилису. Потрясенный их предательством, Вокула ушел.

Классик и его кавалерия следовали за Вокулой по пятам до самого Новезия, встав лагерем в 2 милях (3,2 километра) от него. Надеясь переубедить ауксилиариев, Вокула послал в их лагерь центурионов и ведущих легионеров; Классик предложил посланцам большие взятки, чтобы они перешли на его сторону. Легионер из I Германского легиона по имени Эмилий Лонгин решил там дезертировать. Верные центурионы, вернувшись в Новезий, предупредили Вокулу, что многие легионеры задумаются о том, чтобы принять предложение Классика, и будут убеждать других поступить так же. Почувствовав, что в римском лагере начались мятежные настроения, окружение Вокулы стало уговаривать его незаметно ускользнуть. Вместо этого полководец собрал собрание.

«Ни разу еще, обращаясь к вам с речью, — начал Вокула, оглядывая собравшиеся вокруг него войска, — не был я столь полон беспокойства за вас и столь спокоен за себя». Он напомнил им о прошлых славных победах легионов, об отваге людей, осажденных в Старых лагерьях, которые продержались всю зиму и которых нельзя было ни запугать, ни соблазнить выгодными предложениями. Он умолял своих солдат не использовать оружие против своей собственной страны. Когда он закончил речь, легионеры молчали. Аплодисментов не было, не было радостных криков, не было голосования в поддержку (*Тас. Н. IV, 58*).

Когда Вокула сошел с трибунала и отправился назад в преторий, он знал, что у него ничего не вышло. Он вынул из ножен меч и попытался покончить с собой; слуги уговорили его отложить оружие. Чуть позже Эмилий Лонгин, дезертир из I Германского легиона, был приведен в штаб-квартиру полководца. Он принес сообщение от Юлия Классика, которое, как он сказал, он должен передать лично и в частном по-

рядке. Его провели в преторий. Когда Вокула спросил, что он хочет сказать, Лонгин выхватил свой меч: вот какво было «сообщение» Классика. Вокула был готов к смерти. Раньше он говорил: «Я слышу со всех сторон, что смерть моя близка, и радуюсь этому, ибо среди бед, на нас обрушившихся, она одна сможет положить конец моим несчастьям» (Тас. Н. IV, 58).

Узнав, что Вокулу убили в его собственной палатке, Классик подъехал к крепости во главе своей кавалерии. Ворота открылись, и легионеры Новезия из I Германского, IV Македонского, XVI Галльского и XVIII легиона — все перешли к мятежникам; и те, кто сомневался, и фанатики были увлечены одним потоком. Командующих легионами Геренния Галла и Нумизия Руфа заковали в цепи, и с лагерного трибунала Классик принял у римских войск присягу в верность Галльской империи.

Вскоре Классик присоединился к Цивилису в осадной линии у Старых лагерей, взяв с собой самых беспринципных людей из гарнизона Новезия. Остальные легионеры остались в своем лагере; заместитель Классика Тудор повел армию в поддержку мятежникам у Могонциака. Когда легионеры-дезертиры заговорили с легионерами в Могонциаке и рассказали им, что Вокула мертв и его легионы перешли к мятежникам, легионеры в Могонциаке арестовали своих трибунов и присоединились к восстанию. Тудор вошел в крепость и быстро казнил арестованных трибунов. Затем он также заставил легионеров, вспомогательные войска и гражданских жителей Могонциака поклясться в верности новой Галльской империи.

Из Могонциака Тудор перебрался в Кельн. Этот город, основанный в 12 году до н. э. Марком Агриппой, приобрел статус колонии при Клавдии в 50 году н. э. Последний размещенный здесь легион был выведен из Кельна двадцатью годами раньше. Старейшины Кельна подписали мирный договор с Тудором: договор связывал их с делом мятежников; как они надеялись, это спасло их город. Затем Тудор заставил весь Кельн принести клятву верности Галльской империи.

В то же самое время когорты I Германского легиона, все еще скрывавшиеся в Бонне, оказавшись в изоляции, добровольно перешли к мятежникам и поклялись в верности их делу. I легион продолжал занимать лагерь в Бонне, ожидая приказа от Цивилиса. Вскоре самая южная римская военная база на Рейне — в Виндониссе (современный Виндиш) также попала в руки мятежников.

Римский полководец Луперк и его 4 тысячи человек в Старых лагерях теперь остались последними верными Риму войсками на Рейне.

У них снова кончились припасы, и, услышав, что они одни теперь сопротивляются мятежникам, люди в Старых лагерях потеряли мужество и послали к Цивилису вестников, спрашивая об условиях сдачи. Сначала они не хотели согласиться отказаться от верности Риму, но это было первым требованием Цивилиса, и в конце концов они согласились, заключили Луперка и других офицеров в цепи и открыли ворота лагеря, которые удерживали Цивилиса больше года.

Когда войска Цивилиса очистили Старые лагеря, забрав все ценное, экипировку и рабов, люди из V легиона Жаворонков и XV легиона Фортуны Перворожденной выходили из ворот. Лишенные оружия и доспехов, ослабевшие легионеры тащились по дороге из лагеря в сопровождении охраны. В 5 милях (8 километрах) от лагеря у обочины дороги внезапно показалась масса варваров-германцев. Эскорт отошел, и германцы перерезали невооруженных легионеров. Самые смелые римляне отважно защищались и сражались голыми руками. Их краткое сопротивление позволило тысяче из них бежать обратно в Старые лагеря.

В лагере легионеры обвинили Цивилиса в предательстве, но он сказал, что непричастен к делу, и стал упрекать нескольких германских вождей перед пленниками. Затем легионеров загнали обратно в разграбленный лагерь и заперли ворота. Потом лагерь подожгли. Всех, кто пытался спасти, убивали. Так погибли все 4 тысячи человек из двух легионов, которые так долго сопротивлялись Цивилису.

Их командиру Луперку сохранили жизнь и перевезли через Рейн, чтобы передать в качестве подарка Веледе, германской жрице-девушке, которая предсказала уничтожение легионов. Однако командир не добрался до башни Веледы у реки Липпе. Его кровожадные охранники-германцы убили его по дороге. Римским трибунам и центурионам, родившимся в Южной Галлии, Цивилис сохранил жизнь, чтобы использовать для торга с галльскими племенами, которых он хотел переманить на свою сторону. Согласно позднейшей легенде, Цивилис связывал младших римских офицеров, как битую птицу, и затем смотрел, как его младший сын использует их для практики в стрельбе со своим маленьким луком и стрелами.

Цивилису удалось захватить все римские военные базы на Рейне с Северного моря до современной Швейцарии и либо убить людей из римских гарнизонов, либо заставить их подчиниться себе. Он исполнил обет, который принес в предыдущий год, — ему удалось освободить своих людей из-под господства Рима.

70 год н. э.

XXVIII
ОТВЕТ РИМА НА РЕЙНЕ

Наступление Цериала

Галльский мятежник Юлий Сабин повел свое племя лингонов с их родины на реке Сене в атаку на секванов — племя, обитавшее между рекой Соной и горами Юра. Секваны были союзниками Рима. Они одержали решительную победу, и выжившие лингоны бежали к Цивилису. Сабин скрылся. Его и всю его семью позднее казнит Веспасиан (*Dio. LXV, 3; 16*).

К началу 70 года н. э. наместник Сирии Муциан прибыл в Рим, где он замечал Веспасиана, все еще остававшегося в Египте в ожидании сезонных ветров, чтобы уехать в Италию. Когда война за трон закончилась, Муциан мог сосредоточиться на контрнаступлении на Рейне. Он выбрал семь легионов и несколько вспомогательных подразделений в Италии, Испании и Британии для кампании против Цивилиса, назначив двоих командующих для этого похода.

Общее командование принадлежало Аннию Галлу. Бывший консул, Галл был одним из полководцев Отона в краткой войне с Вителлием. Пострадавший от падения с коня как раз перед гибелью Отона, Галл достаточно выздоровел, чтобы принять это назначение. Он будет медленно и мучительно ехать из Рима за легионами, прибыв в Германию, когда карательная экспедиция уже была в самом разгаре. Настоящий вес ответственности пал на плечи более юного и здорового Квинта Петилия Цериала Руфа. Цериал был женат на кузине Веспасиана, так что его верность была вне сомнений. Он был претором, и его военный опыт был довольно значительным, хотя до сих пор его военная карьера была отнюдь не блистательной. Десятью годами раньше он командовал в Британии IX Испанским легионом, когда разразилось восстание Боудикки, необдуманно потеряв 2 тысячи человек в битве с мятежниками. В последнее время, посланный с тысячей кавалеристов спасти брата Веспасиана, Сабина из когтей Вителлия, Цериал не смог пробиться в Рим и не смог помешать германской гвардии Вителлия убить Сабина. Когда Цериал выезжал из Рима на свое новое задание, ему, конечно, нужно было еще доказать свою пригодность к делу.

Слухи о приближении войск Веспасиана дошли до делегатов на собрании галлов, созванном в Дурокорте (сегодняшнем Реймсе), столице племени ремов в Северной Франции. Некоторые увидели в этом доказательство, что ресурсы Рима неистощимы. Напротив, революционно настроенные делегаты приветствовали неминуемое прибытие свежих легионов, которые станут поживой для мятежников, и выставляли монеты, отчеканенные Цивилисом: на них было изображено подчинение рейнских легионов.

На съезде высказывались многие галлы, но только двое высказали в полной мере аргументы противоположных сторон. Юлий Аспекс, уважаемый вождь ремов, выступал за мир и примирение с Римом. Туллий Валентин, тревверский аристократ и горячий сторонник восставших, прибыл из Августы Треверов (Трир), чтобы высказаться от имени Цивилиса и партии войны. Когда провели голосование, оказалось, что, хотя делегаты и одобряют прогалльские настроения Валентина, рекомендованный им курс на войну не приняли. Валентин оставил съезд, понимая, что теперь мятежники оказались предоставленными сами себе и что Галльской империи, объединяющей все силы Галлии, можно теперь добиться только силой.

Разбив лагерь у стен Августы Треверов, люди из перешедших на сторону врага I Германского и XVI Галльского легионов обнаружили, что, пока Валентиниан уехал на собрание, за ними не слишком тщательно наблюдают и они могут обсудить, что с ними станет дальше. Все были согласны в том, что они совершили позорное деяние, перейдя к бунтовщикам. Теперь они принесли клятву верности Веспасиану, и ночью оба отряда ушли. Направляясь на юг, они готовы были сразиться с любым, кто встанет на их пути.

В дороге им никто не встретился. Цивилис был занят тем,

Веспасиан (справа). Его младший сын Домициан (в центре) пережил сражение в Риме и отправился в Лугдун с Муцианом, чтобы «наблюдать» за ответом римлян на мятеж Цивилиса

что обыскивал страну белгов, пытаясь задержать Клавдия Лабедона — батава, который поддерживал римлян и начал смуту за спиной вождя. Классик пировал. Тутор находился к востоку от Рейна, набирая еще больше войск среди германских племен. Идя вдоль реки Мозель, легионеры из I и XVI легионов добрались до безопасного места — Диводура (Мец), столицы племени медиоматриков, которые продолжали сохранять верность своему союзу с Римом в ходе всего восстания. Тут измученных легионеров I и XVI легиона приветствовали, как друзей.

Когда Валентин вернулся в Августу Треверов, настроение у него испортилось еще больше: он узнал, что два легиона ушли. Валентин выместил злость на двух римских полководцах, которых держали в городской тюрьме, — Гереннии Галле и Нумизии Руфе: он их немедленно казнил. Теперь Валентин заявил своим людям, что назад пути уже нет: от Рима прощения не будет, даже если треверы сдадутся: ведь от их рук погибло два римских командира. Так что треверы должны сражаться дальше.

Все это время римская петля продолжала затягиваться вокруг Галлии. XXI Стремительный (раньше вителлианский) легион якобы уже пересек Альпы. VI Победоносный и X Сдвоенный шли к Рейну из Испании. Знаменитый XIV Сдвоенный Марсов Победоносный легион переправлял из Британии Британский флот. Еще три легиона должны были пересечь Альпы, выйдя из Италии, каждой другой дорогой: VI Железный и VIII Августов из армии Муциана и недавно сформированный II Вспомогательный легион.

Муциан также оставил Рим и отправился в Галлию. С ним выехал 19-летний Домициан, младший сын Веспасиана: ему страстно хотелось посмотреть на военные действия. Муциан убедил бесшабашного подростка, что будет гораздо приличнее, если всю грязную работу он оставит полководцам, а Домициан останется на заднем плане и получит все почести. Муциан и Домициан должны были обосноваться в Лугдуне в центре юга Франции: наступлению содействовал вес авторитета императорской фамилии.

После того как командир авангарда Церриал пересек Альпы, он разделил свои силы надвое. Секстилий Феликс повел вспомогательную пехоту через Рецию: он получил приказ идти вверх по восточному берегу Рейна, в то время как XXI Стремительный легион Церриал повел по западному берегу; оба войска объединились в Могонциаке. По дороге к Церриалу присоединились конники-сингулярии — элитное ка-

валерийское подразделение, сформированное в прошлом году Вителлием из лучших германских кавалеристов в римской армии. По иронии судьбы этим отрядом командовал батав Юлий Бригантик — племянник Цивилиса. Но Бригантик был верен Риму и страстно ненавидел своего дядю Цивилиса.

Когда Цериал приблизился к Виндониссе, мятежники, занимавшие город, ушли. К востоку от Рейна треверский полководец Тутор услышал, что с юго-востока приближается римская армия, и быстро собрал войско мятежников, в том числе легионеров-перебежчиков из IV Македонского, V легиона Жаворонков, XV Фортуны Перворожденной, XVIII и XXII легиона Фортуны Перворожденной. Тутор приготовил засаду, в которую вошла когорта авангарда Феликса: ее уничтожили.

Разведчики предупредили Тутора, что вторая, гораздо более крупная римская армия идет вверх по другому берегу Рейна. Когда стало известно, что идет XXI Стремительный легион, легионеры, которыми командовал Тутор, отказались сражаться с людьми, недавно служившими с ними на Рейне бок о бок. Тутору пришлось отступить в сопровождении лишь его верных треверских отрядов: он позволил легионерам отойти к Могонциаку ждать там прихода Цериала.

Обогнув Могонциака, Тутор ушел на запад к Бингию (Бинген), где в Рейн впадает река Наэ. Римский командующий Феликс, перебравшись через Рейн бродом, зашел Тутору в тыл и начал неожиданную атаку. Повстанцы были обращены в бегство, и Тутор бежал дальше на север, к Классику. В то же самое время Цериал и XXI Стремительный легион с победой вошли в Могонциака: здесь их приветствовали бывшие дезертиры. Он заявил некогда бунтовавшим легионерам, что скоро у них будет шанс проявить себя с лучшей стороны, и принял их в свои войска.

Когда Тутор потерпел полное поражение под Бингием, треверы впади в панику. Тысячи людей, когда-то взявших в руки оружие, теперь сложили его. Многие из избранных начальников искали убежища дальше на юге у племен, верных Риму. Другие старейшины города отправились на север, чтобы присоединиться к Цивилису. Однако Валентин продолжал контролировать Августу Треверов, и у него все еще оставалась значительная армия треверских бойцов. Цивилис и Классик, потрясенные разгромом Тутора, собрали свои рассеянные силы и послали весть Валентиниану, советуя не рисковать, вступая в решающую битву с римлянами, пока они сами не присоединятся к нему.

70 год н. э.

XXIX
БИТВА ПРИ РИГОДУЛЕ

Перелом в войне

Цериал решил разобраться с Валентином в Августе Треверов перед тем, как осмелился двигаться дальше на север против Цивилиса и Классика. Когда он подошел к треверской столице, он послал офицеров, чтобы те провели легионеров из I Германского и XVI Галльского легионов коротким путем в Августу Треверов, откуда они раньше бежали, чтобы объединиться с его армией.

С опозорившими себя в такой же степени людьми из легионов из Могонциака — IV Македонского, V легиона Жаворонков, XV Фортуны Перворожденной, XVIII и XXII Фортуны Перворожденной — Цериал быстро пошел на юг, чтобы атаковать Августу Треверов. За три дня его войско покрыло 75 миль (120 километров) до Мозеля, прибыв в место как раз неподалеку от Августы Треверов, которое римляне именовали Ригодулом. Скорее всего, это было там, где ручей под названием Альтбах впадает в Мозель. Еще задолго до римских времен у треверов здесь было святилище.

Игнорируя советы Цивилиса и Классика, Валентин привел своих треверов из стен Августы Треверов к Ригодулу: он призвал под свои знамена всех здоровых мужчин в городе. Намереваясь занять позицию с рекой по одну сторону и в окружении предгорий гор Эйфель и Хунсрюк, он построил лагерь на голом холме, укрепив свою позицию рвами и каменными оборонительными сооружениями.

Цериал атаковал не сомневаясь. В то время как его пехота пошла в лобовую атаку вверх по холму, римский полководец послал подразделение батавов-сингуляриев, чтобы они нашли путь для атаки с тыла. Движение вперед рядов легионеров и ауксилиариев, двигавшихся вверх по холму, ненадолго затормозилось, когда они попали в предел дальнобойности орудий защитников, но, пробившись, они продолжали атаковать и штурмовали плохо защищенную позицию. На стороне римлян были подготовка, опыт и количественное превосходство, а бывшие мятежные легионеры старались хорошо себя проявить: по сути, битвы-то и не было.

«Едва дошло до рукопашной, треверы отступили и покатались вниз» (Тас. Н. IV, 71). Когда римляне ворвались через оборонительные соору-

жения, Валентин и его главные командиры снова стали подниматься по холму и попали в руки римских кавалеристов, которые нашли путь через холмы за позиции мятежников. Тех треверов, которые не погибли, взяли в плен. Среди пленных был и Валентин. Битва при Ригодуле была быстрым и сокрушительным поражением Галльской империи.

На следующий день ворота Августы Треверов были открыты для римского полководца. Город, расположенный на правом берегу Мозеля, был основан Августом в 15 году н. э. как военный форпост. Треверы построили рядом с ним поселение, которое к царствованию Клавдия получило статус римской колонии и название Колония Августа Треверов. При Клавдии был построен и большой бревенчатый мост через реку на каменных быках, и город, который вырос у Мозеля, быстро стал процветать на перекрестке торговых путей. Когда Цериал вошел в Августу Треверов, его люди стали уговаривать его разрушить город — место рождения Классика и Тутора. Но Цериал решил восстановить твердую дисциплину среди легионеров, которые вернулись под его знамена, и позволить им громить город было не лучшим способом этого добиться.

В тот же день люди из I Германского и XVI Галльского легионов прибыли из Меца и разбили лагерь близ города. Не было обычных радостных возгласов и дружелюбных приветствий между легионерами Цериала и новоприбывшими. Переживавшие свою вину легионеры из I и XVI легионов стояли опустив глаза в землю. Когда некоторые из легионеров Цериала пошли к ним в лагерь, чтобы утешить и ободрить их, им было так стыдно, что они попрыгали по своим палаткам. Было видно, что большие и сильные мужчины — легионеры в обоих лагерях украдкой плакали.

Увидев все это, Цериал собрал все римские войска и обратился к ним. Люди из легионов, застигнутые мятежом, должны считать этот день первым днем своей во-

инской службы и своей верности Риму и его императору, сказал командир. Он обещал им, что их прошлые преступления не вспомнит ни император, ни он сам. И каждой манипуле был прочтен приказ, что отныне ни один солдат не имеет права упоминать былые бунты или поражения. Затем Цериал привел солдат из I и XVI легионов в основной лагерь, чтобы они присоединились к остальным воинам; они уже не были изгоями (*Тас. Н. IV, 72*).

На собрании людей из племен треверов и лингонов у города Цериал заявил: «Я привык оружием доказывать доблесть римского народа» (*Тас. Н. IV, 73*). Он призвал население отказаться от мятежа, принять присутствие римского оружия и платить римлянам налоги, как плату за мир. Слыша, как легионеры призывают уничтожить город, жители приветствовали предложение Цериала.

Политика прощения применялась по всей мятежной территории по приказу Муциана, который послал претора Секста Юлия Фронтинна принять формальную сдачу лингонов Юлия Сабина. Потом Фронтин писал: «Войско цезаря подходило к отпавшему к Цивилису богатейшему городу лингонов. Последний боялся подвергнуться разорению; но сверх ожидания его не тронули, и он ничего не потерял из своего имущества; он поэтому покорился и передал мне 70 тысяч воинов» (*Front. IV, III, 14*).

Пленный треверский полководец Валентин был послан в Лугдун пред очи Муциана и Домициана. Послушав, как красноречивый Валентин агитирует за свободную Галлию, Муциан приказал его немедленно казнить. Валентин отправился на казнь, восклицая, что его будут помнить, как мученика за дело свободы треверского народа (*Тас. Н. IV, 85*).

В то же самое время Цивилис и Классик послали письмо к Цериалу, где утверждалось, что император Веспасиан умер. Помощники Веспасиана якобы скрывают эту новость. Они также уверяли Цериала, что Италию снова охватила гражданская война. Мятежники предлагали Цериалу оставить их правителями своих собственных государств и идти домой. Если он этого не сделает, заявляли они, то они с радостью сразятся с ним и разобьют его с помощью германских подкреплений из-за Рейна. Цериал просто отправил посланника мятежников на юг, в Лугдун, чтобы развлечь Муциана.

Несколько дней спустя Цериал мирно спал в Августе Треверов, когда его разбудила его свита. Они были в ужасе. Цивилис, Классик и Титор прорвались к северу двумя большими колоннами: одна — через

долину Мозеля, другая свернула на восток и идет через горы за Августой Треверов. Это был классический маневр клещи, прекрасно исполненный. Две армии буквально зажали с боков легионы, стоявшие лагерем у дремлющего города.

70 год н. э.

XXX
БИТВА ПРИ ТРИРЕ

Контратака Цивилиса

Рано утром германцы захватили мост, связывающий Августу Треверов с дальним берегом Мозеля. Одновременно Цивилис и его войска ворвались в лагерь римских легионеров у города, где произошла ожесточенная рукопашная. Некоторые участки лагеря уже были захвачены.

Сам Цивилис был против этой атаки. Тутор считал, что надо атаковать, пока к римлянам с юга не подошли подкрепления. Классик тоже так считал. Цивилис оказался в меньшинстве и согласился руководить операцией, которая теперь выглядела как неминуемая победа мятежников. Цериал встал с постели и выхватил меч; у него даже не было времени застегнуть доспехи. Он торопился к городским воротам, открытым и выходящим на мост к Мозелю. Взяв с собой столпившихся там римских воинов, полководец повел контратаку, в результате которой германцы были отброшены с моста.

Оставив подразделение удерживать мост, Цериал провел остальных людей через город к дороге в римский лагерь у реки. Первыми войсками, на которые Цериал наткнулся, пройдя сквозь разбитые лагерные ворота, были люди из I Германского и XVI Галльского легионов. Их знамена стояли, бросая вызов врагу, но мало кто защищал их; казалось, оба орла сейчас попадут в руки мятежников.

«Идите скажите Веспасиану, — заорал Цериал легионерам из обоих легионов, — а еще лучше Цивилису и Классику, что вы бросили своего полководца на поле боя» (Тас. Н. IV, 77).

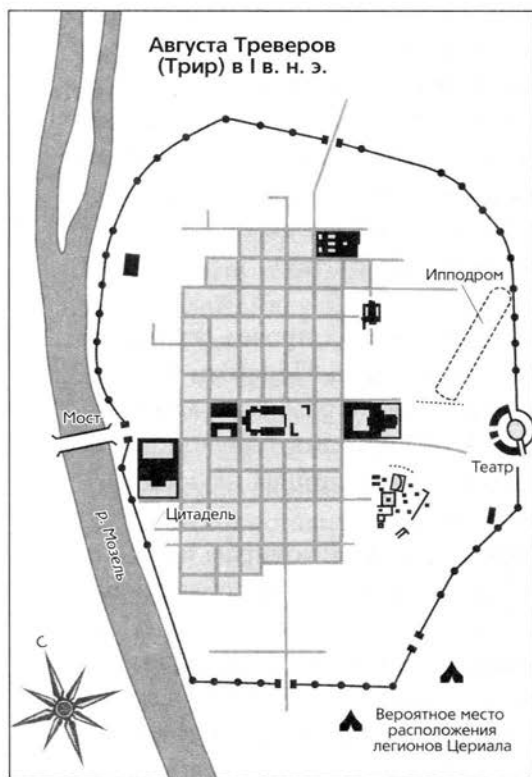
Это заставило I и XVI легионы действовать. Их когорты собрались, напали на врага и спасли знамена. Когда легионеры по всему лагерю были прижаты к палаткам и повозкам атакой врага и им было трудно сражаться в боевом порядке, люди из XXI Стремительного выстрои-

лись на открытом пространстве. Образовав плотно сомкнутые ряды, Стремительный бросился на мятежников, которые повернулись к римлянам спиной во время боя, занятые грабежом римского обоза. В результате их напора варвары побежали прочь из лагеря, думая, что к римлянам пришли подкрепления из Италии и Испании. Поддержав этот порыв, Цериал стал преследовать бегущих мятежников вниз по долине Мозеля к Рейну. Позднее в тот же день войска Цериала наткнулись на лагерь, где останавливались мятежники прошлой ночью, и захватили его.

В Кельне отцы города восстали против мятежников и сожгли когорту германских воинов в их квартирах в деревне близ города. Затем народ Кельна истребил германцев, которых нашли на городских улицах, закрыли ворота и послали весть Цериалу, умоляя его прийти на помощь, пока до них не добрался Цивилис. Они также предложили римскому полководцу жену и сестру Цивилиса и дочь Классика, которых вожди мятежников оставили в Кельне. Ускоренным маршем

Цериал повел свои войска в Кельне и получил благодарность от отцов города, а также трех ценных пленниц.

Цивилис отошел на север; в это время XIV Сдвоенный Марсов Победоносный легион, который как раз переправился из Британии, вошел в Белгику, пересек реку Шельду и принял сдачу племен нервов и тунгров, которые перешли к Цериалу на ранней стадии восстания. Между тем мореходный народ каннинефатов послал свои ладьи против Британского флота римлян, который следовал за XIV Сдвоенным вдоль берега; каннинефаты потопили половину римских кораблей, остальные бежали. Нервы, чтобы показать свою верность Риму, по своей инициативе послали отряд юношей против каннинефатов;

этот отряд каннифаты быстро уничтожили. Между тем близ Новезии римская кавалерия, которая вела разведку в авангарде под начальством Бригантика, была застигнута врасплох Классиком; войскам пришлось уйти. Мятеж еще далеко не был закончен.

В Кельне к Цериалу присоединился VI Победоносный легион из Испании и II Вспомогательный из Италии; за ними вскоре последовал и XIV Сдвоенный Марсов Победоносный. Заместителем командира VI Победоносного был Кай Миниций, трибун, который, будучи префектом, раньше командовал конницей треверов и, следовательно, знал, как воюют треверы. Цериал перевел Миниция в командующие I алой сингуляриев. Таким образом, у Цериала появился надежный офицер, который присматривал за командиром сингуляриев Бригантиком — племянником Цивилиса.

Теперь у него было уже 50 тысяч воинов; Цериал шел вдоль Рима; он подошел к лагерю легиона в Новезии, который представлял собой дымящиеся руины. Подойдя к Старым лагерям, он нашел, что мятежники построили на Рейне плотину и дорога теперь затоплена. Когда римская армия осторожно продвигалась по полузатопленной равнине, на нее внезапно напали германцы, которые на этой болотистой местности чувствовали себя как дома. Римские офицеры сохраняли боевой строй, приструнили перепуганных коней, забирали умерших и раненых на пути, пока армия не достигла возвышенности неподалеку от Старых лагерей. Здесь они встали лагерем. Цивилис вернулся к руинам Старых лагерей, месту своей величайшей победы, где среди пепла он построил себе новую крепость. Здесь он собирался оказать сопротивление.

70 год н. э.

XXXI
БИТВА ПРИ СТАРЫХ ЛАГЕРЯХ

Цериал против Цивилиса

Две армии выстроились у Рейна. Цериал разместил свою кавалерию и вспомогательную пехоту на переднем краю. Легионы заняли второй ряд, однако римский полководец сохранил одну группу лично выбранных им легионных когорт в качестве резерва. По всему полю

боя Цивилис ставил своих людей колоннами. Батавы заняли правое крыло; снаружи стояли германцы-гугерны. Центр занимали убии и лингоны, а германцы — бруктеры и тенктеры — стояли на правом фланге у реки.

Оба командира обратились с речью к войскам. Цериал напомнил своим новоприбывшим войскам о военном наследии Рима и умолял рейнские легионы вернуть Старые лагеря, где умерло столько их товарищей. С другой стороны, Цивилис напомнил батавам о том, что это — место великого поражения римлян. Германцам он сказал, что боги Германии смотрят на них; он побуждал их к бою, напоминая о женах, родителях и отечестве. Римские легионы ответили полководцу решительным воплем. Батавы и германцы испустили горловой боевой крик, стали стучать оружием по щитам и исполняли безумные танцы.

Солнце стояло уже высоко к тому времени, как Цивилис начал бой, приказав своим воинам стрелять. Мятежники выпустили залп камней и свинцовых шаров со своей стороны болота, но римская передняя линия держалась крепко; снаряды соскальзывали с их поднятых щитов. Мятежники продолжали обстрел, пока у них не кончились боеприпасы; затем, визжа и вопя, они пошли в атаку. Их длинные копья в большом количестве уничтожали солдат вспомогательных подразделений. Отряд германцев теперь пересек реку по плотине и атаковал правый фланг линии ауксилиариев, который начал поддаваться.

Теперь зазвучали трубы легионов. Легионеры стояли молча, без движения. Теперь они пошли в боевом порядке, с поднятыми щитами и с мечами на изготовку. Ауксилиарии уступали им дорогу. Передний край легионеров схватился с первыми рядами мятежников. Враждующие стороны стояли лицом к лицу, ожесточенно обмениваясь ударами. Битва продолжала бушевать; тогда батавский дезертир явился к Цериалу и заявил, что знает дорогу через болота на запад. Если ему дать кавалерию, то он проведет ее во внезапную атаку на фланг мятежников. Цериал послал с дезертиром два эскадрона кавалерии. Можно быть практически уверенным в том, что подразделением руководил Миниций, новый префект I алы сингуляриев.

Оказалось, что дезертир говорит правду. Кавалерия Цериала застала врасплох воинов-гугернов на правом крыле мятежников и порубила их в капусту. Радостные крики победителей послужили сигналом для легионов, которые навалились на центр мятежников. Ряды мятежников расстроились. Войска Цивилиса пробивались обратно к реке,

ну на Остров. С ними уходили остатки их войск, тысячи беженцев, 113 сенаторов из Августы Треверов и римские дезертиры, в том числе префект Монтан и его брат Децим.

Мятеж тлел еще неделями. X Сдвоенный легион потерял своего префекта лагеря и пять центурионов первого ранга при Аренаке (Арнхем). II Вспомогательный и ауксиларины столкнулись с ожесточенным сопротивлением в других местах. Еще в одной схватке погиб командующий сингуляриев Бригантик; сам Цериал появился в тот день на сцене с эскортом кавалерии и отбил натиск мятежников; он узнал рыжеволосого Цивилиса, который пытался перегруппировать свои войска перед тем, как попытаться уйти вплавь. Цивилиса, Классика и Татора подобрали в воде лодки мятежников и увезли в безопасное место. Был и германский ночной рейд на лагерь Цериала, который принес серьезные неприятности римскому полководцу, который в тот момент как раз был со своей германской любовницей.

Однако, несмотря на все эти успехи восставших, римское контрнаступление постепенно душило мятеж. Его завершение было неизбежно, и многие мятежники начали это понимать. Когда Цивилис услышал, что его собственные люди поговаривают о том, чтобы передать его римлянам, дабы спасти свою шкуру, он послал Цериалу весть, прося о переговорах. В назначенное время оба командира пришли с двух концов разбитого моста. Здесь они договорились об условиях — и мятеж завершился.

Вероятно, что Цивилис провел остаток жизни под домашним арестом в Италии, как и Батон, Каратак и другие побежденные вожди за прошлые десятилетия. Из сдавшихся бойцов — батавов и каннинифатов — образовали новые боевые подразделения и послали в Британию. Батавская кавалерия осталась, и ее элитный статус будет только возрастать (*Hold. RAB; App.*).

Вопреки обещанию Цериала, несколько легионов, которые перешли к мятежникам, были наказаны Веспасианом. Он распустил I Германский и XVIII легионы. IV Македонский также был распущен и переформирован, как IV Флавиев, XVI Галльский также был распущен и переформирован, как и XVI Флавиев; оба новых подразделения размещены далеко от Рейна. Петилий Цериал немедленно получил в награду консульство и назначен заместником Британии на следующий год. Взяв с собой II Вспомогательный легион в Британию, Цивилис тренировал и учил дисциплине здесь другие легионы, чтобы затем повести их в новый завоевательный поход: вторжение в Северную Британию.

70 год н. э.

XXXII
ОСАДА ИЕРУСАЛИМА

Звездный час Тита

Веспасиан оставался в Александрии в Египте зимой 69/70 года н. э., передав задачу возобновления и завершения операции против иудейских повстанцев в Иудее своему 29-летнему сыну Титу. Чтобы поддержать три легиона, которые сражались под началом его отца, Тит послал за XII Молниеносным легионом: его легионеры, наверное, все еще были в печали после утраты своего орла под командованием Галла. Здесь у них появилась возможность поправить свою репутацию. Тацит говорит, что Тит также усилил свою армию, включив в нее «выведенные из Александрии двадцать второй и третий [Киренаикский]» (Тас. Н. V, 1).

Был уже конец апреля, когда Тит добрался до Иерусалима с V Македонским, XII Молниеносным и XV Аполлоновым легионами; они немедленно начали строить большой лагерь к западу от города. На следующий день из Иерихона прибыл X легион Пролыва и разбил лагерь на Масличной горе. Иудейские партизаны внезапно вышли толпой из Нижнего города, пробежали по долине Кидрон и атаковали не ожидавших такого легионеров X легиона, которые как раз работали на горном склоне. Сам Тит находился по соседству; он собрал свои войска и отбил атакующих.

В Иерусалиме, окруженном рядами трех высоких стен, укрывалось около миллиона иудеев: многие из них были паломниками. Город надо было брать штурмом. После того как войска Тита провели три недели, расчищая подходы к городу, 10 мая молодой полководец начал атаку на третью стену Иерусалима неподалеку от сегодняшних яффских ворот. Все легионы постоянно стреляли по стенам из катапульт, чтобы очистить их от осажденных, но особенно бывший иудейский полководец Иосиф, который перешел на сторону римлян, подчеркивает роль артиллерии X легиона Пролыва. Иосиф заметил, что X легион был оснащен самыми мощными скорпионами, метавшими стрелы с поразительной скоростью, и самыми большими камнеметными баллистами из всех легионов: они могли метать 100-фунтовые (45 килограммов) круглые камни (Jos. JW. 5, 6, 3).

На арке Тита показаны римские войска, которые несут добычу из Иерусалима, в том числе Менору из Храма в 71 г. н. э. Веспасиан и его сыновья отпраздновали в Риме триумф

К третьей стене подкатили три массивные деревянные осадные башни, и 25 мая она уступила напору таранов. Когда ожидавшая

своей очереди римская пехота рванула вперед по гудам щебня, защитники ушли за вторую стену, которая была выше и толще третьей. Легионы день за днём пробивались за следующую преграду. 30 мая часть второй стены рухнула, заставив восставших отойти за первую стену. С триумфом войдя в город, легионеры попали в лабиринт узких улочек, и контратака иудеев заставила их отойти. 2 июня новые бреши позволили легионам наконец оставить за собой вторую стену и иудеи опять отступили за первую стену.

Теперь Тит укрепил за каждым легионом свою секцию стены и устроил между подразделениями своего рода соревнование — кто первым пробьёт стену. V Македонский легион получил крепость Антония; неподалеку располагался XII Молниеносный. Секция X легиона Пролыва располагалась близ Амигдалона, Миндального пруда близ дворца Ирода. XV Аполлонов взялся за работу напротив монумента первосвященника.

У легионеров ушло пятнадцать дней на то, чтобы построить массивные земляные насыпи с небольшим наклоном напротив 60-футовой (18,2 метра) стены. Когда начали подкатывать осадные башни, мятеж-

ники смогли подорвать две западные насыпи и обрушить две башни. X и XV легионам удалось подкатить свои башни к нужному месту, но иудейский отряд совершил вылазку из соседних ворот и поджег башни; обе были уничтожены полностью.

Осознав, что осада займет некоторое время, Тит на время прекратил наступательные операции и окружил Иерусалим стеной собственной постройки перед тем, как возобновить атаку. 5 миль (8 километров) траншей с тринадцатью фортами по длине было построено лишь за три дня. После продолжительной атаки и неожиданного ночного рейда легионеров из XV Аполлонова легиона крепость Антония была взята. Среди руин Антонии Тит возводил насыпи у стен Храма.

Внутри города партизаны сражались друг с другом и убивали своих собственных вождей, в то время как гражданские лица голодали. Каким-то образом ослабевшим мятежникам удалось продолжать ожесточенное сопротивление со стен и посылать отряды на вылазки, чтобы беспокоить атакующих.

К августу легионы были готовы к последней атаке на святилище Храма. Оно было начато пожаром. (Позднее Иосиф Флавий напишет, что Тит приказал сжечь Храм и что пожар начался случайно.) Легионеры пробились через гигантские ворота Храма и затем начали искать мятежников и добычу. Кровь, как вода, рекой текла по каменным плитам Храма. Это был настоящий ад. Кругом пламя, дым, жар, треск горящих бревен; с безумными глазами легионеры уничтожали все, что шевелится, офицеры выкрикивали приказы; вопили беженцы, стонали умирающие. Огонь поглотил Храм, но сначала легионеры успели разграбить его сокровища.

Последний очаг сопротивления, который надо было подавить, находился во дворце Ирода на западе. После четырех месяцев ада Иерусалим пал. Около миллиона человек погибло в осаде; еще 97 тысяч иудеев были взяты римлянами в плен.

Когда легионеры торжественно проходили у разоренного города, чтобы получить награды за смелость и повышенное жалование, Тит объявил о новых местах службы для легионов. X легиону Пролива приказали оставаться в Иерусалиме в качестве гарнизона и построить себе базу среди руин. В начале 71 года н. э., после триумфального похода по Иудее, Тит прошел мимо холодного, разоренного Иерусалима и увидел, как X легион с энтузиазмом выкапывает клады, закопанные иудеями во время кровавой осады.

71—73 годы н. э.

XXXIII
МАХЕР И МАСАДА

Последние осады Иудейской войны

После падения Иерусалима X легион Проллива получил нового командира Луцилия Басса, и в 71 году н. э. Басс взял X легион в поход в Южную Иудею, чтобы подавить последнее сопротивление мятежников. Обеспечив за собой Хеврон, Басс повел легион к востоку от Мертвого моря в горную крепость Махер. Мятежники, которые удерживали крепость с 66 года н. э., ушли со сцены, но город около нее еще некоторое время держался. Оставив на месте Махера лишь дымящиеся руины, X легион Проллива уничтожил 3 тысячи партизан, прятавшихся в крепости Ярдес к западу от Мертвого моря. Но когда командир легиона Басс скончался по естественным причинам, X легион Проллива вернулся на свою новую базу в Иерусалим.

К весне 73 года н. э. оставалось взять только один центр иудейского сопротивления — Масаду. В марте этого года новый легат X легиона Проллива, Флавий Сильва, вывел легион из Иерусалима и повел его по западному берегу Мертвого моря. Масада (что вполне уместно) означает «твердость горы». Эта бесплодная известковая гора с плоской вершиной расположена в 1,5 мили (2,4 километра) от озера и вздымается на 1700 футов (550 метров) над уровнем моря — пустынным пейзажем без единого пятна зелени. На ее вершине площадью 650 футов (200 метров) на 190 футов (60 метров) царь Ирод построил себе дворец внутри крепости. Когда Сильва и его легионеры прибыли к подножию холма, крепость удерживали 960 мятежников под руководством Елезара бен Иaira.

В распоряжении Сильвы был X легион Проллива и поддерживавшие его вспомогательные подразделения; они разбили лагерь к западу от Масады. Следы восьми из этих лагерей можно видеть и сегодня, а также остатки 10-футовой (3 метра) каменной стены, которая шла на 2 мили (3,2 километра) вокруг Масады; стена была утыкана фортами и охранными постами. На запад отсюда находится мыс, прозванный Белой скалой, расположенный на 450 футов (140 метров) ниже вершины Масады и отделенный от нее скалистой долиной. Отсюда Сильва начал строить массивную насыпь из земли и камня, направляя ее к вершине укреплений Масады. В то время как иудейские пленники ис-

пользовались для переноса воды и провианта на спине в лагерь у Масады, люди из X легиона Пролыва занимались строительными работами на насыпи.

На скалистой вершине Масады теперь видны остатки дворца Ирода, который был занят иудейскими повстанцами с 66 г. н. э. до осады, которую вел здесь X легион Пролыва и вспомогательные подразделения в 73 г. н. э.

Постепенно насыпь закрыла провал с углом наклона 1 к 3. Наконец насыпь, ширина которой у основания составляла 695 футов (88 метров), поднялась на 300 футов (90 метров) и на ней был воздвигнут 75-футовый (20 метров) каменный вал. На насыпь вкатили деревянную осадную башню высотой 90 футов (25 метров). Катапульти на башне продолжали постоянно стрелять, очищая ближайшие укрепления Масады от иудеев-осажденных, таран внутри деревянной башни начал бить по основанию стены.

Наконец стена подалась, и легионеры X легиона ворвались через пролом: тут они увидели, что защитники построили вторую стену из перемежающихся слоев бревен и камня, которая не поддавалась ударам тарана. Тогда 2 мая Сильва поджег дерево в стене. Ожидая, что огонь достаточно ослабит стену, чтобы ее можно было разлить на заре следующего дня, римские войска ушли.

Той ночью иудеи в Масаде, зная, что на заре произойдет последний римский штурм, заключили торжественное соглашение. После этого они обошли своих жен и детей и убили их. Затем они стали метать жребий, определяя, кто из них умрет следующим. К раннему утру в живых осталось только десять партизан, в том числе командир Елеазар бен Иаир. Эти люди сожгли все свое имущество и затем тянули жребий для последнего акта своего самоубийственного договора. В конце концов остался один человек. Он поджег дворец Ирода и затем покончил с собой.

Когда взошло солнце, легионеры из X легиона Пролива вошли через сгоревшую вторую стену и вошли в Масаду. В крепости царило зловещее молчание. По всему дворцу лежали тела мертвых иудеев. Потом появилась старуха и молодая женщина — родственница Елеазара с пятью маленькими детьми. Всем им прошлой ночью удалось избежать убийств, спрятавшись в подземном водопроводе. Масада пала. Но для X легиона это была пиррова победа.

Подразделения легиона продолжали занимать Масаду следующие сорок лет. Сегодня силы израильской обороны приносят обет — никогда не позволять Масаде пасть снова.

73 год н. э.

XXXIV

ЖЕЛЕЗНЫЙ VI ЗАХВАТЫВАЕТ КОММАГЕНУ

Ненужное вторжение

VI Железный легион был частью армии, которая подавила мятеж Цивилиса на Рейне; в 71 году легион вернулся обратно в Сирию на свою старую базу в Рафанее близ Евфрата. Легион узнал, что Гай Цезенний Пет назначен императорским дворцом наместником Сирии вместо Лициния Муциана. Это был тот самый гордый и ни к чему не годный Пет, который в 62 году н. э. повел IV Македонский и XII Молниеносный легионы в Армению — только для того, чтобы быть окруженным и отрезанным парфянами в Рандеие и согласиться на унижительные условия мира. В то время VI легион был в армии, посланной, чтобы снять осаду и прийти на помощь легионам Пета. А теперь Пет стал его главнокомандующим.

В начале 73 года в Рим из Антиохии пришло срочное сообщение. Наместник Пет сообщал Веспасиану, что он получил информацию о том, что царь Коммагены — небольшого государства непосредственно к северу от Сирии, союзного Риму, — Антиох IV собирается взбунтоваться и передать свое царство парфянам. Пет рекомендовал немедленные превентивные действия. Веспасиана это очень удивило, поскольку Антиох долго сохранял верность Риму, и в результате «из всех царей, подчиненных римлянам, самым счастливым был царь коммагенский» (*Jos. JW. 5, 11, 3*).

Как доказательство своей лояльности во время Иудейского восстания Антиох прислал тысячи коммагенских войск под командованием собственного сына Епифана в поддержку римской армии. Но все-таки, доверяя предупреждению Пета, Веспасиан приказал наместнику делать все, что он сочтет нужным.

Пет быстро сформировал мобильный отряд из VI Железного легиона, вспомогательных войск и войск от двух царей-союзников и затем вторгся в ничего не подозревавшую Коммагену. Когда VI Железный легион шел во главе армии по западному берегу Евфрата в Коммагену и двигался на Самосату, столицу царства, Антиох и его люди были несказанно удивлены. Царь поспешно оставил Самосату и разбил лагерь со своей маленькой местной армией на равнине в 14 милях (22,5 километра) от города. Самосата была занята римским войском без какого-либо сопротивления, и, оставив подразделение в качестве гарнизона, Пет пошел в атаку на лагерь царя с основными своими силами.

Заявляя о своей невиновности, царь Антиох отказывался сражаться с римской армией, но его сыновья, Епифан и Каллиник, отнюдь не были готовы сдаться, и они вместе с небольшим отрядом упорно защищали лагерь отца целый день, продержавшись против VI Железного легиона. Сражение прекратилось на закате; римляне окружили лагерь. Однако ночью старому царю удалось ускользнуть с женой и дочерьми и бежать в Киликию. Когда собственные войска Антиоха узнали, что он бросил их, они отказались сражаться, заставив тем самым сыновей царя также бежать. Всего лишь с десятью кавалеристами в качестве эскорта Эпифан и Каллиник переплыли Евфрат и поскакали на Восток. Когда они добрались до Парфии, там их приветствовал старый враг Рима — царь Вологез.

Царь Коммагены укрылся в городе Тарсе, столице Киликии. Когда Пет узнал об этом, он послал центуриона с подразделением VI Железного легиона, чтобы арестовать его и отвезти в Рим, чтобы там царя судил император. Веспасиан знал Антиоха лично, и он ему нравился; он никак не мог

поверить, что старик изменил Риму, особенно при том, что Пет все еще не мог подтвердить его вину никакими уликами. Когда он услышал, что Антиоха ведут к нему в цепях, император издал приказ, чтобы центурион и его отряд остановились в Спарте, в Греции и чтобы царя там освободили и разместили с подобающими его положению роскошью и удобством — по крайней мере, пока. Когда сыновья Антиоха узнали, что Веспасиан ласково обошелся с их отцом, они направились в Рим, чтобы защитить его дело. Затем Веспасиан велел отвезти Антиоха в Рим.

Чтобы не создавать впечатления, что он отменяет решения одного из самых влиятельных наместников провинции, Веспасиан не вернул царю его трон. Вместо этого он воспользовался возможностью аннексировать Коммагену, включив ее в Рим в качестве последней провинции. Антиох и его семья провели остаток дней в Риме, живя в роскоши и пользуясь покровительством семейства Флавиев, но при этом они лишились своего наследственного царства из-за действий тщеславного полководца, который из-за своей амбициозности хотел считаться «завоевателем». Уже в Риме, в своей унылой старости и на пороге смерти, Антиох жаловался иудейскому историку Иосифу Флавию: «Никто до самой смерти не может считать себя счастливым» (*Jos. JW. 5, 11, 3*).

В 74 году н. э., через год после вторжения в Коммагену, Пет был отозван в Рим. Нет никаких данных о том, что он получил какие-либо награды за завоевание Коммагены. В качестве наместника Сирии Пета заменил Марк Ульпий Траян, бывший командир X легиона Пролита и консул 70 года н. э. Сын Траяна, 22-летний Марк, присоединится к своему отцу в Сирии в 75 году н. э. в качестве префекта вспомогательных войск. В 98 году н. э. этот сын станет императором Траяном.

83 год н. э.

XXXV
ВОЙНА С ХАТТАМИ

«Жульническая» победа Домициана

Младший сын Веспасиана, Домициан, стал императором Рима в 81 году н. э. после смерти своего брата Тита, который пробыл на престоле всего два года. Всегда ревновавший к военной славе, которую приобрели его отец и брат, Домициан завидовал даже военному успе-

ху своих полководцев, таких людей, как Гней Агрикола в Британии, хотя бы этот успех и принес Риму добычу и безопасность. В 83 году н. э. 31-летний Домициан начал свою собственную военную кампанию. Чтобы обеспечить, что в этом году его никто не превзойдет, он лишил своих командующих войск на время этой кампании; к примеру, всилляции в несколько когорт были переправлены в Галлию из каждого из четырех легионов, служивших тогда в Британии под командованием Агриколы, чтобы присоединиться к армии Домициана.

Чтобы обеспечить себе легкую победу, Домициан решил повоевать с союзниками — германским племенем хаттов. Поход против хаттов, как сказал позднее Светоний (тогда историку было 14 лет), Домициан предпринял «по собственному желанию» (*Suet.* XII, 6). Поскольку у Рима с хаттами был мирный договор, Домициан решил, что его атака достигнет цели: он был в выгодном положении, поскольку она должна быть совершенно неожиданной для хаттов. Поэтому, как говорит Фронтин — трижды консул и наместник Британии во время царствования отца Домициана, Веспасиана, — Домициан, выезжая из Рима, «выставил в качестве цели своей поездки производство переписи в Галлии» (*Front.* I, I, 8).

С помощью этой хитрости Домициан смог встретиться со своими легионами, собравшимися на верхнем Рейне, не вызвав в Германии никаких подозрений; новости о переписи заглушили всякий страх перед римским вторжением. «Обрушившись, таким образом, войной внезапно, он подавил дикие и необузданные племена», — писал Фронтин. Домициан «провел просеку в 120 миль и тем не только изменил характер войны, но и покорил неприятелей, так как обнажил их убежища» (*Front.* I, III, 10).

Хатты и по крайней мере одно из соседних племен пережили первоначальный шок и попытались организовать дисциплинированное сопротивление — «Вся их сила в пехоте», — писал Тацит о хаттах (*Tac. Germ.* 30). Фронтин писал о кампании Домициана, что «германцы, по своему обыкновению, совершали нападения на наших из лесов и незаметных укрытий, имея при этом возможность безопасного отступления в глубь лесов». Домициан продолжал продвигаться широким фронтом, выгоняя германцев из баварских лесов (*Front.* I, III, 10).

Как рассказывает Тацит, хатты были самым организованным из германских племен: «применяют различные боевые порядки, соображаются с обстоятельствами, умеют своевременно воздерживаться от нападения». Армия хаттов, «помимо оружия, переносит на себе также

Домициан руководит жертвоприношением перед тем, как отправиться на войну с хаттами

необходимые для производства работ орудия и продовольствие» (*Tac. Germ.* 30) — совсем как

римские легионы. В этой войне хаттам также удавалось поддерживать своих бойцов с помощью обоза, в котором везли припасы, но римской кавалерии удалось выследить обоз. Хаттская пехота нападала на кавалерию Домициана, когда она атаковала обоз, постоянно отходя в густой лес, куда конники не могли их преследовать; поэтому Домициан приказал кавалеристам спешиться и следовать за германцами под покров леса пешком; так хатты были побеждены (*Front.* II, III, 23).

По всему широкому фронту неожиданность и перевес римлян в численности одерживали верх. Больших сражений не было. Германцев стогнали с их территории, как овец, и кампания кончилась к наступлению осени. Фронтин впоследствии хвастался, что Домициан «подавил дикие и необузданные племена и обеспечил спокойствие провинции» (*Front.* I, I, 8). В результате этой кампании Домициан распространил римскую границу к востоку от Рейна в область Баварии и Шварцвальда за предел, установленный первоначально его отцом Веспасианом. Домициан построил новую линию фортов — лимес — вдоль новой границы. Когда форты строились на территории германцев-кубиев, Домициан даже платил им компенсацию за пахотную землю, которую пришлось использовать для строительства новых фортификаций (*Front.* II, XI, 7).

Домициан отпраздновал в Риме триумф за свою войну с хаттами. Тацит, который тогда был сенатором, должно быть, видел празднование собственными глазами. Он назвал его «мнимым триумфом» и заявил, что Домициан, дабы создать впечатление, что захватил множество пленных германцев, передел рабов с рынка в костюмы германцев и

заставил их отрастить волосы и бороду, выдав их в триумфе за хаттских военнопленных (*Тас. Agg. 39*).

Что касается легионеров, которые участвовали в этой кампании, то они отправились на свои первоначальные позиции. Войска из армии Агриколы в Британии вернулись в свои подразделения как раз вовремя, чтобы принять участие в настоящем сражении эпического масштаба.

84 год н. э.

XXXVI
БИТВА ПРИ ГОРЕ ГРАВПИЙ

Самая северная победа Рима

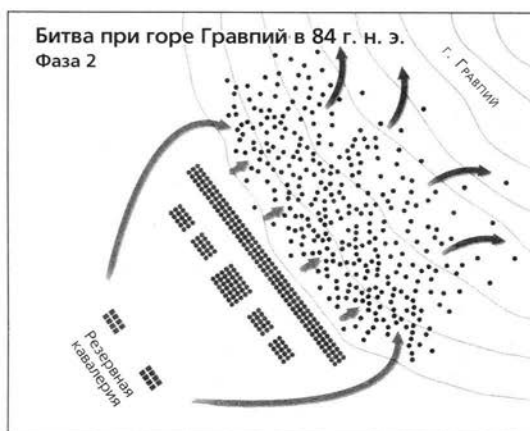
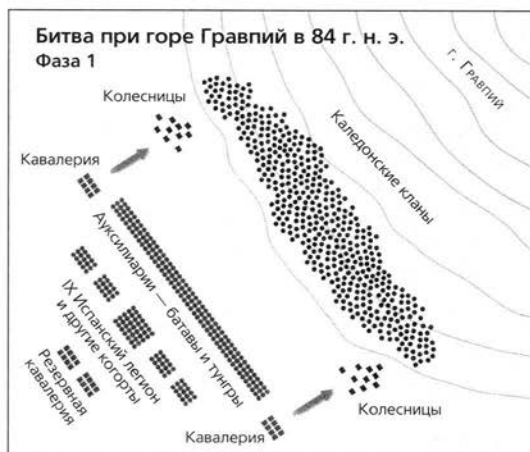
Кавалерия не использует мечи, и жалкие бритты не садятся на коней, чтобы метать дротики.

*Офицер первой когорты тунгров.
Таблички из Виндоланды*

Римский полководец Гней Юлий Агрикола 13 июня отпраздновал свой день рождения. Однако для него это был невеселый момент. В начале того лета Агрикола и его жена Домиция потеряли сына, родившегося в предыдущем году: он умер от болезни. Его «постигло семейное горе», писал зять Агриколы Корнелий Тацит. Однако он должен был найти «в ведении войны отвлечение от своей скорби» (*Тас. Agg. 29*).

Агрикола, наместник Британии, вел войну уже семь лет. Следуя по стопам завоевателей — своих предшественников Цериала и Фронтинуса, Агрикола начал с того, что завершил подчинение Уэльса и затем неостановимо повел свои войска дальше, в Шотландию, отражая отдельные попытки каледонских племен его остановить. Теперь, в последние дни лета 84 года н. э., полководец смотрел со своего лагерного трибунала, как 20 тысяч его воинов собрались перед ним стройными рядами (некоторые исследователи предполагают, что это случилось в 83 году¹).

¹ Очень многие ученые, в том числе переводчик Тацита на английский язык, профессор Г. Мэттингли и С. Хэндфорд (*A & G. Intro. VI*) и оксфордский профессор Р. Томлин, специалист по северу Римской Британии (*DRA*), придерживались мнения, что кампании Агриколы продолжались до конца лета 84 года н. э., причем сражение при горе Гравпий произошло в том же году.

Вдали на севере, за стенами римского походного лагеря, вздымался голый холм, ближайший в покатой гряде, что заполняла горизонт. На этом холме столпились десятки тысяч каледонских воинов; люди всех возрастов, они пришли, чтобы оказать сопротивление римлянам. «Тотчас пришли в движение их отряды, и засверкало оружие, так как самые смелые [каледонцы] бросились на врага: тем временем и наше войско строилось в боевой порядок» (Тас. А. 33).

Агрикола — согласно Тациту, человек приятной, но не бросающейся в глаза внешности — носил доспехи старшего офицера; багряный кушак легата был завязан у него на талии; его плечи обвивал пурпурный плащ главнокомандующего. Агрикола внимательно оглядел войска и затем начал говорить. «Вот уже седьмой год, мои доблестные товарищи по оружию, — сказал он, — как, выполняя повеление Римской империи, вы своею отвагою, при моих неустанных стараниях, завоевываете Британию» (Тас. А. 33).

Вместе, продолжал Агрикола, и солдаты и полководцы прошли дальше на север, чем какая-либо другая римская армия. И пока они пробивались через болота, пересекали горы и реки и осторожно шли по лесам, солдаты постоянно спрашивали его: «Когда же, наконец, наткнемся мы на врагов, когда же сразимся с ними?» Что же, сказал Агрикола, теперь каледонцы наступают — римлянам удалось вытеснить их из укрытий (Тас. А. 33).

За последние четыре года, когда войска Агриколы продолжали свое неумолимое движение на север, каледонские племена использовали свою тактику — нанести быстрый удар и сразу отойти: они посылали

небольшие группы воинов, которые беспокоили римлян и замедляли их продвижение. Но в прошлом году, когда каледонцы услышали, что из римской армии в Британии выводят отдельные подразделения, чтобы служить в войне молодого императора Домициана против хаттов на Рейне, они обрели новую смелость и атаковали походный лагерь IX Испанского легиона ночью в полную силу. Понадобилось прибытие самого Агриколы со вспомогательными подразделениями, чтобы помочь атакуемому IX легиону и заставить варваров уйти.

Указывая на стоявших вдали варваров, Агрикола сказал своим войскам: «Пред вами те самые, которые в прошлом году, подкравшись ночью, напали на один легион и которых вы сокрушили одним только боевым кличем» (*Тас. А. 34*). Агрикола сказал, что он уже давно решил, что полководцы и армии не могут избегать опасности, уходя от нее. Но слава будет и в смерти, если им придется умереть. Хотя умирать в этот день Агрикола не собирался.

«Единственное, чем мы располагаем, — с этими словами он вынул меч из ножен на своем левом бедре и высоко поднял его, чтобы все могли видеть его сверкающее лезвие, — наши руки и наше оружие, и рассчитывать мы должны только на них!» (*Тас. А. 33*). В ответ легионеры и вспомогательные войска издали утробный крик. Его войскам уже не терпелось сразиться с врагом, и Агрикола подбодрял их: «Положите конец походам, увенчайте пятьдесят лет борьбы блистательным днем» (*Тас. А. 34*). Под «пятьюдесятью годами» Агрикола, видимо, имел в виду то время, которое римские войска пробыли в Британии, — на самом деле прошел сорок один год.

Речь полководца «воспламенила» воинов, и войска стали торопливо вооружаться к бою (*Тас. Agr. 35*). Вскоре открылись ворота лагеря, и римская армия направилась навстречу каледонцам. Агрикола дал точные указания по размещению войск. Вспомогательная легкая пехота шла первой — 8 тысяч ауксилиариев в 16 когортах. Они образовали первую боевую линию. 3 тысячи всадников из 6 вспомогательных ал выступили из ворот следующими, пешком, ведя в поводу коней, затем они вскочили в седло и разделились: 1500 кавалеристов повернули и заняли фланги по бокам римской линии. Наконец, последними вышли легионеры Агриколы и образовали второй ряд бойцов, повернувшись спиной к укреплениям лагеря (*Тас. Agr. 35*).

Здесь был IX Испанский легион в полном составе; все его когорты теперь были на месте: подразделения из Рейнской армии Домициана вернулись весной. Тацит говорит, что у Агриколы тут были «легионы»,

так что, возможно, на поле боя были когорты из одного, а может быть, двух других легионов, которые тоже стояли в боевых рядах. II Августов легион базировался в Уэльсе, а в двух других легионах в Британии — II Вспомогательном и XX (Валериевом Победоносном) базы были ближе к северной границе, и, может быть, они послали вексилляции — четыре когорты примерно из 2 тысяч человек.

На коне и в полном вооружении полководец и его штаб выехали из лагеря вместе с людьми из телохранителей наместника и разместились между двумя линиями со всеми легионными знаменосцами. Рядом с полководцем был его конный трубач и — также верхом — его собственный знаменосец, который держал шест с большим четырехугольным личным знаменем Агриколы, на котором были пурпурными буквами начертаны его имя и титулы.

Флавиан Арриан, консул 130 года и наместник Каппадокии в царствование Адриана (которого позднейшие поколения называли просто Аррианом), имел в своем распоряжении 200 легионеров и сколько-то вспомогательных лучников в своей охране, как наместника (*Arr. EAA*). Можно думать, что у Агриколы был такой же эскорт. Известно, что примерно в это время I когорта тунгров дала сорок шесть человек, которые должны были служить в пешем отряде телохранителей наместника Британии (*VWT*). Многие другие когорты также, вероятно, дали людей для этого эскорта. Что касается конных телохранителей — *equites singulares*, то из письма известно, что по крайней мере часть эскорта Агриколы составляли галлы из Себосианской алы галлов (*Tom. DRA*).

Тацит говорит, что во вспомогательной легкой пехоте Агриколы были подразделения из Германии и Галлии, в том числе две когорты тунгров и по меньшей мере четыре — батавов (*Tac. Agr. 35*). Две когорты тунгров — это I и II когорты тунгров. Обе были набраны в Белгской Галлии в 71 году после восстания Цивилиса; привел их в Британию Петилий Цериял (*Hold. RAB; App.*).

Девять батавских подразделений — когорты батавов с номерами от I до IX — были набраны в Батавии, современной Голландии, в 69 году н. э. из остатков сдавшейся мятежной армии Цивилиса, и их также взял с собой в Британию Цериял (*Hold. RAB; App.*). По крайней мере четыре из этих когорт теперь служили в полевой армии Агриколы (*Tac. Agr. 32*). Нет данных о том, что какой-нибудь бриттский вспомогательный отряд служил в Британии до очень позднего периода римского господства (*Hold. RAB; App.*). До этого времени подразделения, набранные в Британии, переправляли служить в других частях

империи. Если Тацит был прав, то единственное, что можно предположить по этому поводу, — что какие-то бриттские воины были добавлены на замену в галльские и германские подразделения, которые были размещены в Британии много лет.

Люди из тунгрских и батавских когорт в армии Агриколы были очень зрелыми и опытными воинами. Они не только прослужили тринадцать лет в римской армии к тому времени: некоторые из них раньше служили во вспомогательных подразделениях, которые приняли участие в восстании Цивилиса. Таким образом, многим из них должно было быть уже за сорок, а то и больше. Тацит говорит, что «благодаря длительной службе в войске» они были искусны в обращении с мечом (*Tac. Agr. 36*). Из того, как собирался Агрикола использовать людей из этих подразделений в грядущей битве, он, очевидно, считал их самыми мощными своими вспомогательными подразделениями.

Что касается шести ал кавалерии в армии Агриколы, Себосианская ала галлов — подразделение, из которого вышла часть телохранителей Агриколы, — видимо, была одной из них. Названная в честь одного из прежних командиров, ала была набрана в Галлии в царствование Тиберия. Она сражалась за Вителлия во время войны за римский трон, и ее, видимо, также привел в Британию Церриал (*Hold. RAB; App.*). Какие именно отряды являлись остальными пятью алами кавалерии, неизвестно. В Британии в то время служило около четырнадцати кавалерийских ал — подразделения из Галлии, Испании, Паннонии и фракийская ала, воины которых набирались в самых разных местах.

Агрикола был готов позволить своим иностранным ауксилиариям взять на себя основную тяжесть сражения; именно поэтому он поставил их в передние ряды. Причина была проста: его зять Тацит пишет о великой чести «добиваться победы без пролития римской крови» (*Tac. Agr. 35*). Многие римские полководцы не слишком доверяли ауксилиариям, ставя их в тыл или на фланги и направляя на передний край и отводя все самое тяжелое в сражении на долю своих легионов. Агрикола, который хорошо знал военную историю Рима, знал и то, что успешные полководцы ставят ауксилиариев на передний край, чтобы заглушить атаку врага, оставляя легионы для того, чтобы нанести последний убийственный удар. Согласно Тациту, Агрикола посчитал, что если каледонцы отобьют натиск ауксилиариев после того, как те пойдут вперед, в атаку, то легионы придут им на помощь (*Tac. Agr. 35*).

Со своего седла Агрикола с одобрением смотрел на то, как центурионы и опционны ведут его подразделения плотно сомкнутыми рядами на-

встречу врагу. «Ради устрашения неприятеля» армия каледонцев заняла соседний холм, и первый ряд стоял в долине под ним: «Все остальные как бы висели над ними плотным скопищем на склонах холмов» (*Tac. Agr.* 35). Тацит назвал этот холм Mons Graupius — гора Гравпий, и битва названа по его имени. В наше время считается, что название Гравпий имеет в виду Грампианские горы, которые идут вниз посреди Шотландии, а битва имела место «у подножия Грампианских холмов», как писал британский историк XVIII века Эдвард Гиббон (*Gibb.* I). В последнее время ученые располагали место битвы в разных точках в Северо-Восточной Шотландии; точное место пока с уверенностью назвать нельзя.

«Поле между обоими станами оглашалось стуком носившихся взад и вперед колесниц», — говорит Тацит (*Tac. Agr.* 35). Эта битва стала последней, в которой армии императорского Рима пришлось столкнуться с колесницами в бою. Вегеций потом написал, что, когда римляне впервые встретились с колесницами, которые были на вооружении у восточных армий, например армии Митридата Великого в I веке до н. э., эти были в ужасе. Но, как говорит он, потом они стали смеяться над ними (*Vege.* III). Арриан, который должен был видеть колесницы, когда в юности служил в Британии, говорит, что бриттские колесницы были легкими и их можно было гнать по любой земле (*Arr.* TH. 19). Вегеций считал, что основной проблемой с колесницей было то, что если ее не использовать на плоской земле, то «малейшим препятствием она задерживается» (*Vege.* III).

Арриан писал, что бритты — этим словом римляне называли всех местных жителей Британии, в том числе и каледонцев, — как правило, использовали пары «маленьких и мохнатых» лошадей, чтобы запрягать в свои колесницы. Несмотря на свой внешний вид, эти кони были способны на «тяжелую работу» (*Arr.* TH. 19). Однако, как замечал Вегеций, был надежный способ сделать колесницы ни к чему не пригодными в бою: «Если поражена или ранена хоть одна лошадь, колесница уже выходит из строя» (*Vege.* III). Точно так же вполне возможно, что у войск Агриколы был приказ стрелять в лошадей, а не в колесницы.

«[Колесницы] большей частью расстраивают неприятельские ряды уже страшным видом коней и

Легкая бриттская боевая колесница. Считается, что колесничий сидел впереди со спущенными ногами, а воин размещался сзади

расстраивают неприятельские ряды уже страшным видом коней и

стуком колес», — писал Юлий Цезарь о своей встрече с колесницами в Южной Британии за 130 лет до этого. «Сначала их [колесницы] гонят кругом по всем направлениям и стреляют» (*Caes. GW. IV, 33*).

И вот теперь здесь были колесницы каледонцев — может быть, несколько сотен, — которые ездили вверх-вниз по равнине между двумя армиями: стучали копыта, гремели колеса; воины в колесницах потрясали копьями на полном скаку. «Начальствует возничий; подчиненные ему воины оберегают его от врагов», — писал Тацит (*Tac. Agr. 12*). Во времена Цезаря бриттские колесницы проезжали через своих кавалеристов и вывозили одного или двух бойцов на линию фронта, затем воины спрыгивали и сражались пешком; колесницы ждали, чтобы вывести их с поля боя, если удача отвернется от них (*Caes. GW. IV, 33*).

Тацит не говорит, какую именно роль играла каледонская кавалерия при горе Гравпий, но, вероятно, она там присутствовала. «Кавалерии там очень много», — сказал офицер из I когорты тунгров Агриколы, возможно префект подразделения Юлий Верекунд, в письме о варварах Северной Британии. «Кавалерия не использует мечи, и жалкие бритты не садятся верхом, чтобы метать дротики» (*VWT*). В ходе неожиданных набегов конные каледонцы, как и аристократы на колесницах, использовали лошадей как способ быстро добраться до поля боя. Тут они сходили с коней и бросали дротики и потом снова бежали.

Для каледонцев, как говорит Тацит, характерны «русые волосы и высокий рост»; это, как ему казалось, указывает на германское происхождение (*Tac. Agr. 11*). Нет упоминаний о том, что у каледонцев при горе Гравпий были разрисованные лица, руки или ноги; не говорится об этом и при описании семи бриттских кампаний Агриколы. Первое упоминание в римской литературе о пиктах Шотландии (от слова *pictus*, что означало «разноцветный» или «татуированный») относится ко времени более чем 200 лет спустя. Само название «пикты» и обычай шотландских воинов разрисовывать себя перед сражением были далеки от каледонских племен, собравшихся, чтобы сражаться с армией Агриколы.

«Бритты не защищены доспехами», — писал офицер I когорты тунгров (*VWT*). Шлемов они тоже не носили. Об оружии помимо копий Тацит говорит, что у каледонцев были небольшие щиты и «огромные мечи» с закругленными концами (*Tac. Agr. 36*). Хотя ни один археолог или фермер до сего дня не наткнулся на особенно большие каледонские мечи того времени, Тацит твердо настаивал на том, что мечи, которые использовали в этом бою каледонцы, были «огромными» (*Tac. Agr. 36*).

Остатки римского форта в Виндоланде — базе I когорты тунгров, одного из вспомогательных подразделений в армии Агриколы при горе Гравпий

Когда Агрикола взошел на трибунал в римском лагере, он считал, что в каледонской армии

было более 30 тысяч человек (*Тас. Агр. 29*). Когда он обращался к своим войскам, воины продолжали сплошным потоком подходить к горе Гравпий, еще больше увеличивая каледонскую армию. Численность каледонцев, судя по всему, была неожиданностью для Агриколы. Только позднее он узнал от пленных, что прошлым летом племена отложили старые раздоры, из-за которых часто воевали друг с другом. Они послали послы всем племенам; было подписано соглашение и освящено священными обрядами. Затем каледонцы отослали своих жен и детей в безопасные места и поклялись быть вместе вечно, чтобы сражаться с Римом (*Тас. Агр. 27*).

Объединение племен могло быть работой каледонского вождя по имени Калгак, который был выбран военным предводителем племен — «выделявшийся среди них своей доблестью и знатностью происхождения», согласно Тациту (*Тас. Агр. 29*). Позднее Агриколе рассказали, что Калгак произнес пламенную речь собравшимся при горе Гравпий воинам, в которой он якобы сказал соотечественникам: «Здесь перед нами их полководец, их войско: они несут нам подати, рудники и все прочие, уготованные поработанным страдания». Будущее каледонцев решится здесь, на этом поле битвы, говорил Калгак. «Посему, идя в бой, размышляйте о предках и о потомках ваших!» (*Тас. Агр. 29*).

На каледонский призыв к оружию ответили «боеспособная молодежь, а также те, кто, несмотря на преклонные лета, сохранил юношескую свежесть и бодрость»; последние носили боевые отличия, заслуженные в предыдущих сражениях, в том числе, несомненно, и трофеи, захваченные в схватках с римлянами. К тому времени, как армия Агриколы построилась, численность каледонцев выросла до такой степени, что римский полоководец увидел, что теперь римляне находятся в значительном меньшинстве, и, боясь, что у варваров теперь достаточно воинов, чтобы пойти на него в прямую атаку и обойти оба его фланга, он приказал рядам своих воинов открыться, так что ряды простирались дальше по равнине. Затем Агрикола сошел с коня, отошел коня и занял место перед знаменами.

Когда варвары на холме и в долине продолжали петь и кричать, а римские войска стояли твердо, но в полной тишине, началась битва. «Сначала, пока противники не сошлись вплотную, бой велся ими на расстоянии», — говорит Тацит — войска обменивались выстрелами. Каледонские колесницы рванулись вперед, и воины соскочили с колесниц, чтобы метнуть свои копья. В то же самое время центурионы с переднего края вспомогательных войск приказали своим людям метнуть свои копья. «Британцы при помощи своих огромных мечей и небольших щитов упорно и вместе с тем ловко или перехватывали пущенные нашими дротики, или отбивали их с налету» (Тас. Агр. 36).

За 130 лет до этого кавалерия Цезаря уничтожила кавалерию бриттов, посланную против него. Теперь Агрикола, удерживая четыре эскадрона в резерве, последовал примеру Цезаря, приказав большей части своей кавалерии напасть на колесницы каледонцев. Зазвучали его трубы, и трубы кавалерийских подразделений повторили призыв. С ревом войска на обоих флангах погнало своих коней вперед, быстро перешли в галоп и напали на каледонские колесницы, которые, судя по всему, отошли на каледонские фланги.

Пока кавалерия сражалась с колесницами, Агрикола отдал другой приказ. Снова прозвучали трубы. Знамена шести вспомогательных когорт в переднем ряду наклонились вперед. Испуская свой боевой клич, 3 тысячи человек из двух когорт тунгров и четырех когорт батавов прыгнули вперед и напали на каледонскую пехоту, быстро врезавшись в линию противника на равнине. Командиры ауксилиариев скакали в битве верхом; Авл Аттик, молодой римский префект одной из этих шести когорт, то ли увлеченный юношеской горячностью, то ли унесенный вперед взбесившейся лошадей, заехал слишком далеко в ряды

варваров и оказался отрезанным от своих. Римского офицера быстро стащили с седла каледонцы и убили.

Римские ауксилиарии за префектом поддерживали свой боевой порядок, наступая на варваров. «И вот батавы стали обрушивать удары своих мечей на британцев, разить их выпуклостями щитов, колоть в ничем не прикрытые лица и, сокрушив тех, кто стоял на равнине, подниматься, сражаясь, по склону холма» (*Tac. Agr. 36*). Теперь в битву должны были вступить 5 тысяч оставшихся римских ауксилиариев, которых послали в атаку. Между тем римская кавалерия быстро одолела каледонские колесницы, перерубив их возничих и воинов. Поскольку колесницами управляли аристократы из всех племен, каледонцы лишились многих своих вождей. Римские войска теперь обратили свое внимание на схватку пехоты.

Ряды каледонцев на склоне холма твердо держались под напором римской кавалерии, а неровная почва затрудняла наступление для лошадей. В результате римская кавалерия «застряла», и воинам приходилось сражаться за свою жизнь, когда их окружали долговязые варвары. Между тем римские вспомогательные войска оказались прижатыми к бокам лошадей. Иногда, говорит Тацит, колесница без ездока или перепуганная лошадь без всадника могла сослепу врезаться в массу сражающихся людей.

Выше на холме многим каледонцам оставалось еще принять участие в битве. Какой-то умный вождь (может быть, сам Калгак), увидев в этом возможность окружить находившихся в меньшинстве римских ауксилиариев, теперь послал этих пока не сражавшихся людей быстро сбежать вниз по холму, окружить римлян и напасть на них сзади. За сотни ярдов от этого места Агрикола, который все еще стоял у римского лагеря с 9 тысячами стоявших совершенно неподвижно легионеров, которые рвались в разворачивавшийся у них за спиной бой, увидел, как варвары сходят с холма и заходят в тыл ауксилиариям. Командующий отдал еще один приказ. В ответ его четыре резервных эскадрона кавалерии поскакали с грохотом по равнине, врезавшись в каледонцев, атаковавших тыл римских вспомогательных когорт.

Эта атака кавалерии решила судьбу сражения. Каледонцы, которые хотели напасть на ауксилиариев, не увидели подхода кавалерии; многие были убиты сзади. Выжившие из этой группы каледонцев прекратили сражаться и побежали, спасая свою жизнь, в то время как римская кавалерия преследовала их по болоту. Настигнув варваров, римские воины заставляли их разоружиться и брали в плен — за них должны

были дать хорошую цену работорговцы, следовавшие за армией на север. Но тогда, как говорит Тацит, кавалеристы увидели, что убегает еще больше каледонцев, и, чтобы помешать пленникам бежать, они убили их и затем поскакали, чтобы захватить новых пленных из варваров, которые последними бросились бежать (*Тас. Agr. 37*).

Вид того, как на долине истребляют их соплеменников, совсем лишил все еще сражавшихся каледонцев присутствия духа. Битва превратилась в разгром. Большие группы воинов, сохраняя свое оружие, дезертировали из битвы на холме и бежали под защиту дальних лесов. Их преследовали ауксилиарии. Теперь Агрикола приказал легионам идти вперед и очистить холм от противника, а сам он присоединился к ауксилиариям в погоне.

Когда легионеры начали грабить тела погибших каледонцев на поле боя, каледонские кланы перегруппировались в лесах и порубили первых излишне горячих римских преследователей, которые осмелились войти за ними в лес. Агрикола приказал вспомогательной пехоте окружить леса и затем послал туда, под деревья, кавалерию, чтобы на сегодня покончить с делом. «Конец преследованию положили ночь и пресыщение», — говорил Тацит, который считал, что каледонцев погибло «до десяти тысяч». Агрикола, как он сказал, потерял в этом бою только 360 ауксилиариев. Не погиб ни один легионер; молодой префект Аттик был наиболее высокопоставленным из погибших римлян. В сумерках римляне вернулись в походный лагерь, измученные, но победоносные.

«Обрадованные столь счастливым исходом сражения и добычей, победители всю эту ночь ликовали», — писал Тацит. Мирные жители-каледонцы этой ночью обыскивали поле и холмы, находя ограбленные тела своих умерших и раненых и унося их. Римляне слышали, как и мужчины и женщины той ночью плакали от горя. Вдали пылали алым огнем деревенские дома, которые поджигали сами владельцы, бежавшие вслед за выжившими в бою (*Тас. Agr. 38*).

На следующий день обнаженные каледонцы лежали там, где пали, и «повсюду немое безмолвие». Холмы были пусты. Дым медленно поднимался из руин дальней хижины. Агрикола послал разведчиков-кавалеристов на мили вокруг. Они не нашли ни одной живой души (*Тас. Agr. 38*).

Самая северная битва, в которой когда-либо сражалась римская армия, и последняя битва против колесниц оказалась кровавой победой для Агриколы и римлян, но, за исключением 10 тысяч погибших,

славы и победы, у нее не было прочных результатов. Лето уже почти кончалось, и Агрикола и его войска ушли на юг. Ни одна римская армия больше не заходила так далеко на север.

Император Домициан немедленно отозвал Агриколу в Рим, и сенат даровал ему триумфальные почести. Агрикола, конечно, хорошо понимал, что Домициан ревнует к его успехам в Британии: он немедленно ушел в отставку и с тех пор отказывался от каких-либо официальных назначений.

85—89 годы н. э.

XXXVII
ЗАВОЕВАТЕЛЬ ДЕЦЕБАЛ

Прелюдия к вторжению в Дакию

Дакия, которая охватывала большую часть современной Румынии, была горной страной к северу от реки Дунай, населенной германцами. Хотя экономика их была преимущественно сельской, даки были значительно коммерциализированы и индустриализованы. Члены правящего класса даков были хорошо образованными людьми: они могли читать по-латыни и по-гречески и были достаточно богаты: их богатство основывалось на золотых, серебряных, железных и соляных месторождениях, которыми была так богата Дакия.

До этого времени даки лишь дважды всерьез бросали вызов Риму, и то лишь на краткое время: это были набеги на Мёзию в царствование Августа и снова — в 69 году н. э., когда Римская империя переживала беспорядки в ходе борьбы за императорский трон после гибели Нерона. В обоих случаях результат столкновения с римскими легионами был не в пользу даков. Но сейчас ситуация должна была измениться.

В 85 году н. э. пожилой правитель Дакии, царь Дура, добровольно отрекся в пользу более молодого и энергичного человека. Новый царь Децебал славился своим искусством в бою, как физическим, так и тактическим. Агрессивный царь Децебал и его старший полководец Сусаг (его имя означает «Дедушка») быстро собрали армию пехотинцев из племен горной Дакии и повели ее через Дунай на вторжение в римскую провинцию Мёзия. Они захватили римский гарнизон полностью врасплох.

«Столько военачальников вместе со столькими когортами разгромлено и захвачено в плен», — жаловался Тацит (*Тас. Агр.* 41). Римский наместник Мёзии Оппий Сабин поспешно вышел в бой с завоевателями с V Македонским легионом, тогда размещенным в Эске (*Suet.* XII, 6). В последовавшей битве наместник был убит даками, и побитый V Македонский в беспорядке отошел. Императорский дворец поспешно послал IV Флавиев легион и вспомогательные подразделения в Мёзию из Далмации, но исправить уже ничего было нельзя. К тому времени, как подкрепления подошли, Децебал и его войска уже захватили города, поселки и деревни: они взяли тысячи пленных и концу года ушли через Дунай с добычей и пленными.

Домициан в 86 году н. э. начал контрнаступление против даков. Он лично повел армию в Мёзию, но ждал в удобстве дунайского города, пока префект преторианской гвардии Корнелий Фуск пересек реку с несколькими легионами, когортами преторианской гвардии и многочисленными вспомогательными подразделениями. В горном ущелье армия Фуска попала в засаду Децебала и ждавших там даков. Фуск был убит. Один из его легионов был уничтожен: врагу достались орел и артиллерия. Этим легионом, скорее всего, был V легион Жаворонков, который с того времени исчезает со страниц истории.

У легионом Жаворонков, судя по всему, командовал Марк Лаберий Максим, который погиб вместе со своим подразделением. Личный раб Лаберия по имени Каллидром, взятый в плен дакским полководцем Сусагом, был послан царем Децебалом в качестве подарка царю Парфии Пакуру. Тридцать лет спустя Каллидрому удалось сбежать обратно в свой родной город Никомедию в провинции Вифиния—Понт.

Окровавленные легионеры из армии Фуска, пережившие разгром, бежали обратно за Дунай и принесли Домициану новости о страшном поражении в Дакии. Выжившие рассказывали страшные истории — про кривые мечи даков, которые пробивали римские шлемы и римские головы и отрубали у легионеров руки и ноги. Даки заняли позиции на южном берегу Дуная. Домициан издал приказ разместить еще больше войск в Мёзии и наблюдать за даками и затем поторопился обратно в Рим, чтобы в безопасном месте разработать план контрнаступления.

Контрнаступлением Домициана в 88 году н. э. руководил Теттий Юлиан, бывший консул, который командовал VII Клавдиевым легионом. Армия Юлиана перебралась через Дунай и пошла дальше, через горы, в Центральную Дакию за спиной у Децебала и его отрядов на

Единственное изображение царя Децебала — на колонне Траяна. Здесь показано, как он убивает себя, оказавшись в окружении фракийских кавалеристов Траяна, которые преследовали его месяцами

Дуная. Позднее в том же году в Тапах, к западу от столицы Децебала — Сарамизегетузы (сегодня Вархель), легионы Юлиана встретились с армией даков под ко-

мандованием ведущего дакского полководца Везины, который назван у Диона «второй человек [у даков] после Децебала» (*Dio. LXVII, 10*). Вторым по значимости в дакском обществе после царя был верховный жрец бога Залмоксиса; может быть, Везина как раз был верховным жрецом.

Римские войска, конечно, понимали, что эти самые даки лишь два года назад уничтожили целый римский легион. Поэтому, чтобы вдохновить легионеров на подвиги, Юлиан приказал каждому написать свое имя и имя своего центуриона на щите. Таким образом, самых отважных бойцов можно было легко узнать и потом наградить. Придуманная Юлианом система поощрений дала желаемый эффект. Его войска обратили даков в бегство у Тап и «истребили их великое множество» (*Dio. LXVII, 10*). Полководец даков Везина, оказавшись в ловушке, бросился на землю среди кучи дакских трупов и притворился мертвым. Наступила ночь, и Везина «воскрес», и ему удалось скрыться.

Когда новости об этом поражении дошли до Децебала, он приказал рубить деревья и строить баррикады вдоль долины, которая вела к его столице, и приказал прибить доспехи к стволам деревьев, чтобы создавалось впечатление, что баррикады охраняются. Уже приближалась зима 88/89 года; Юлиан разбил лагерь в Тапах. Его позиция позволяла ему наступать на Сарамизегетузу следующей весной. Однако на планы Юлиана повлияли события на Рейне.

89 год н. э.

XXXVIII
МЯТЕЖ САТУРНИНА

Столкновение легионов

Лишь удивительный поворот судьбы смог остановить мятеж.

Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. XII, 6

Много раз в течение всего I века н. э. наместники провинций возглавляли мятежи против правящих римских императоров. Мятеж Юлия Сакровира в 21 году н. э. в Галлии и Юлия Флора у треверов был подавлен Тиберием так быстро, что, согласно его подчиненному Веллею Патеркулу, «римский народ раньше узнал о победе, чем о войне» (*Velle. II, CXXIX, 3*). Мятеж Скрибониана в 42 году против Клавдия в Далмации был подавлен через пять дней после того, как начался. Галльский мятеж Виндекса в 67 году имел кровавый финал в битве между восставшими галлами и легионами с Рейна; но в то же время из-за него вспыхнуло восстание Гальбы в Испании, и в следующем году по-

гиб Нерон. К 89 году н. э. Домициан правил восемь лет без особых событий, когда Луций Антоний Сатурнин, наместник Верхней Германии, начал новую революцию.

План Сатурнина был основан на его собственных легионах в армии на верхнем Рейне — XIV Сдвоенном и XXI Стремительном. Оба они базировались в столице его провинции — Могонциаке; кроме того, в Аргенторате стоял VIII Августов, а в Виндониссе — XI Клавдиев. Кроме того, Сатурнин планировал задействовать в мятеже германские племена из земель к востоку от Рейна, заплатив им за участие. Чтобы найти деньги для уплаты германцам, Сатурнин запустил руку в «сберегательные кассы» своих собственных легионов. В этих кассах, которыми заведовали знаменосцы легиона, legionеры хранили свои сбережения — от зарплат, императорских донатив и продажи военной добычи.

Было запланировано, что мятеж произойдет в конце зимы, и германские варвары должны были пересечь замерзший Рейн и присоединиться к легионам Сатурнина. Судя по всему, когда Луций Максим, правитель Нижней Германии, услышал об этом плане, он повел свои легионы вверх по Рейну, чтобы остановить Сатурнина. Назревало сражение в открытом поле между двумя римскими армиями, и «лишь удивительный поворот судьбы остановил мятеж», согласно римскому биографу Светонию, которому в том году было около двадцати. «Как раз во время сражения тронулся лед на Рейне», помешав германским союзникам Сатурнина перейти реку по льду и присоединиться к нему. При таком развитии событий войска, которые остались верными императору, разоружили мятежников (*Suet.* XII, 6).

Что касается самого Сатурнина, то «Луций Максим разгромил его и предал смерти», говорил Кассий Дион (*Dio.* LXVII, 11). Головы Сатурнина и тех, кто был в заговоре вместе с ним, были посланы в Рим и выставлены на Форуме по приказу Домициана. «Невозможно определить общее число тех, кто был казнен Домицианом», — говорил Дион о последовавших затем репрессиях Домициана. Домициан не считал нужным информировать сенат о том, кто именно из его членов был зарублен мечами преторианцев, которым поручали казни, и он даже запретил вносить имена жертв в официальные записи.

Юлий Кальвастер, старший трибун в одном из легионов Сатурнина на верхнем Рейне, заявил о своей невинности в участии в заговоре, и объяснил, что он проводил столько времени наедине с Сатурнином перед восстанием только потому, что у него была гомосексуальная

связь с наместником, а о готовящемся восстании он ничего не знал. Ему поверили и отпустили. Луций Максим сжег всю переписку покойного наместника, и Домициан не смог обвинить и затем казнить других знатных римлян. «Я даже не знаю, как можно было бы его достойно прославить», — одобрительно писал Дион (*Dio*. LXVII, 10).

В результате мятежа Сатурнина Домициан повысил ежегодную зарплату всех римских легионеров с 900 до 1200 сестерциев в год, чтобы повысить свою популярность среди рядовых солдат. Он также заявил, что в будущем легионеры имеют право хранить в банках своих легионов максимум 1000 сестерциев — чтобы не вводить мятежно настроенных людей в искушение использовать эти деньги. Кроме того, Домициан приказал, чтобы отныне два или больше легиона не занимали одну базу — чтобы ограничить возможности легионов вступать в разговоры против него. С этого времени, как сказал Домициан, только один легион может занимать одну отдельно взятую базу. Как рост зарплаты, так и правило, касающееся количества легионов на базу, должно было вовлечь в значительные расходы римскую военную казну; по второму правилу многим легионам пришлось оставить свои давно обжитые базы и построить себе новый дом в другом месте.

89 год н. э.

XXXIX
ОТСТУПЛЕНИЕ ИЗ ДАКИИ

Унизительный договор Домициана

Новости о мятеже Сатурнина на верхнем Рейне распространились быстро. К северу от Дуная сарматские варвары узнали об этом в конце зимы. Считая, что римляне будут полностью заняты делами на Рейне, и при том, что Дунай все еще замерз и его можно было перейти по льду, сарматы поскакали в набег на Мёзию; они застали врасплох и перерезали гарнизоны ауксилиариев и опустошили города и фермы.

В Тапах в Дакии, когда весеннее солнышко растопило зимний снег, Теттий Юлиан, готовясь идти со своей римской армией против столицы даков, получил известие о том, что легионы на верхнем Рейне бунтуют и, что было еще хуже, вся Верхняя Мёзия у него за спиной кишит сарматами. Он также узнал, что Децебал, Сусак и их дакские

войска уходят с Дуная на защиту Сарамизегетузы. Опасаясь, что он будет отрезан в Дакии между даками и сарматами, Юлиан ушел из Тап и пересек Дунай, чтобы снова войти в Мёзию.

К тому времени Домициан прибыл из Рима и снова лично вел армию на север, собираясь разобраться с сарматами. Когда он и Юлиан объединили свои войска в Мёзии, сарматы ушли обратно за Дунай. Царь даков Децебал теперь предложил Домициану мирный договор, но только в том случае, если римляне заплатят ему большую сумму денег. Домициан отказал ему и казнил дакских послов, которые принесли предложение о мире.

Решившись отомстить хоть кому-нибудь за потери, понесенные от рук сарматов и даков, и в восторге от успеха, который Юлиану удалось достичь при Тапах, Домициан повел свою армию в провинцию Паннония. Германцы — квады и маркоманы, жившие за Дунаем, — ранее отказались помогать императору против даков, когда он их об этом просил, и Домициан намеревался наказать их за этот отказ. Услышав, что римляне идут за ними, маркоманы отправились со своей родной земли в Богемию, пересекли Дунай, вошли в Паннонию и атаковали и отбили армию Домициана, а затем вернулись в Богемию, нагруженные добычей.

Его войска в Паннонии отступали, и Домициан потерял самообладание. Когда другой дакский посол, князь по имени Диэгид, явился к нему, Домициан согласился на мирный договор с даками и даже отослал Диэгида домой в венце. В этом договоре Домициан согласился выплачивать дакам большие суммы в золоте ежегодно как плату за мир, а также дать Децебалу советников — военных и инженеров. Кроме ухода даков с мёзийского берега Дуная и обещания будущего мира, все, что Рим получил в обмен на этот договор, было возвращение нескольких римских пленных из множества римских пленников, удерживавшихся даками.

Вернувшись в Рим, Домициан отпраздновал двойной триумф, как если бы он был победителем. Один триумф был за его мелкомасштабный успех в войне с хаттами в 83 году н. э., когда он «ограничил племена, жившие по ту сторону Рейна и имевшие договор о союзе [с Римом]», согласно Диону, «и преисполнился тщеславием, как будто достиг великого успеха» (*Dio.* LXVII, 3). Другой триумф Домициана был за победу Юлиана при Тапах. «После переменных сражений, — писал Светоний, — за победу над сарматами только поднес лавровый венок Юпитеру Капитолийскому» (*Suet.* XII, 6).

После подписания мирного договора с даками Домициан разделил Мёзию на две провинции — Верхняя Мёзия на западе и Нижняя Мёзия на востоке. Это было нужно для того, чтобы обеспечить, чтобы в будущем защита Мёзии не была делом лишь одного слишком безрассудного или трусливого командира в чине консуляра, который окажется не соответствующим своему посту — как произошло с покойным Опшием Сабином.

Но гордость Рима и его престиж — как дома, так и за рубежом — сильно пострадали от капитуляции Домициана. Корнелий Тацит, который в то время сам командовал легионом, бушевал по поводу такой некомпетентности, которая дорого обошлась Риму: «Под угрозой не только пограничные укрепления и берега Дуная, но и зимние лагеря наших войск, да и все наши владения в этих краях» (*Тас. Agr. 41*).

Теперь в провинции Мёзия были размещены четыре легиона, и еще четыре — в соседней Паннонии. Они стояли стражей на Дунае, в полной готовности к следующей атаке даков или их союзников из-за реки. Ибо, как сказал Тацит несколько лет спустя, даки «никогда не были по-настоящему верны Риму» (*Тас. Н. III, 46*). В следующем десятилетии на дунайской границе Рима царил непрочный мир. Но долго он не продлился.

101 год н. э.

XL
1-Я ДАКИЙСКАЯ ВОЙНА

Вслед за колонной Траяна

...Описать дакийскую войну! Найдется ли тема свежее, богаче, обширнее, поэтичнее и, наконец, при всей своей правдивости, сказочнее?

Плиний Младший. Письма. VIII, 4

Новый римский император Траян собирался на войну. Был март 101 года н. э., и Траян выехал верхом из Рима, за ним следовали тысячи пеших солдат элитной преторианской гвардии и сотни конных телохранителей императоров — сингуляриев; они направились к Дунаю. Там, где Домициан не смог потеснить даков, Траян был намерен преуспеть.

Траян, мощно сложенный человек 47 лет с толстой шеей, длинным носом и волосами, тяжелой бахромой обрамляющими лицо, взшел на трон в 98 году н. э. по смерти Нервы, престарелого сенатора, который в сентябре 96 года н. э. стал императором после Домициана — когда непопулярный Домициан был убит борцом. Нерва, который правил меньше двух лет, в 97 году н. э. усыновил Траяна и сделал его своим наследником. Опытный полководец и сын полководца, Траян, бывший командир VII Сдвоенного легиона в Испании, был сделан консулом Домицианом и назначен командующим армией нижнего Рейна Нервой. На Рейне Траян и узнал в феврале 98 года н. э., что Нерва умер на последней неделе января и что сенат утвердил его преемником Нервы.

Траян не торопился отправляться в столицу. Оставаясь на Рейне, он распорядился о создании дополнительных вспомогательных подразделений, таких как тысячная когорта легкой пехоты, сформированная в Британии этой весной, — I Ульпиева когорта бриттов. В продолжение 98 года н. э. Траян инспектировал все воинские части на Рейне, и следующей весной он проехал вдоль Дуная, приказав находившимся там легионам строить новые форты, военные дороги и канал в районе Железных Ворот на Дунае. Одновременно новый император ускорил обучение легионов, размещенных в дунайских провинциях.

Добравшись в конце концов до Рима в 99 году н. э., Траян приказал своему правительству начать приготовления к большой военной кампании. Траян никогда не забывал унижительные условия соглашения Домициана с даками. Он «был удручен тем количеством денег, которые они получали ежегодно, — сказал Дион Кассий, — и, кроме того, видел, как возрастают их могущество и высокомерие» (*Dio. LXVIII, 15*). Децебал приглашал римских дезертиров в свою армию, которая продолжала становиться сильнее с каждым годом.

Римские военные приготовления интенсифицировались на протяжении всего 100 года н. э., вооружение и амуниция производились и резервировались в Мёзии, где расквартированные там легионы — I Итальянский, IV Флавиев, V Македонский и VII Клавдиев — должны были тренироваться в переправе через реку. Многие корабли должны были присоединиться к Мёзийскому и Паннонскому флотам на Дунае. Завозились запасы еды. Были доставлены обозные животные, и легионные плотники сколотили повозки и разборные лодки. К весне 100 года н. э. еще шесть легионов, не привлекая внимания, были перемещены ближе к Дунаю или маршировали походным порядком к Мё-

зии с баз по всей Европе, сопровождаемые множеством вспомогательных частей даже из таких отдаленных мест, как Британия.

В Бригечионе на Рейне в Паннонии правило, принятое Домицианом и требовавшее, чтобы только один легион одновременно занимал одну военную базу, было нарушено: XI Клавдиев легион прибыл из Виндониссы (в сегодняшней Швейцарии) и присоединился к I Вспомогательному. В Виндобону (сейчас Вена) прибыл XIV Сдвоенный, придя маршем из Мурсы, чтобы освободить XIII Сдвоенный, готовый направиться в Мёзию. Неподалеку оттуда на своей паннонской базе в Карнунте XV Аполлонов также готовился к походу. I легион Минервы шел вдоль Рейна из Бонны вместе с X Сдвоенным легионом из Новиомага. А II Вспомогательный маршировал со своей базы в Аквинке (сегодня — Будапешт).

Мероприятия, проводимые в тылу для Дакийской операции, были огромными по своему масштабу: в ней должно было принимать участие около 100 тысяч войск, почти столько же гражданских лиц, тысячи моряков плюс к тому 30 тысяч лошадей, мулов и рогатого скота, так что неудивительно, что штабу Траяна в его дворце потребовалось два года, чтобы привести операцию к осуществлению. Другим факто-

ром, который следует принимать во внимание, была необходимость секретности — нельзя было позволить дакам узнать, что Траян собирается напасть на них, потому что Децебал показал себя хитрым военным тактиком, от которого можно ожидать, что он нанесет упреждающий удар против римлян, если узнает, что они готовятся вторгнуться в его страну.

Итак, в то время как дакских послов сердечно принимали в Риме, только немногие из офицеров Траяна знали, что задумал их император. «Что ты собираешься сделать — [обсуждай] с очень немногими и самыми верными», — советовал полководцам Вегеций, советник императорского двора в Поздней Античности. «А лучше всего, — добавлял он, — сам с собой» (*Vege.* III).

Возможно, многие из подчиненных Траяна были все еще в неведении, когда император выехал из Рима 25 марта 101 года н. э. в сопровождении префекта преторианской гвардии Клавдия Ливиана. Это было сразу после четырехдневного праздника Кватраналий, во время которого римские военные знамена благословлялись перед ежегодным сезоном военных кампаний, и заканчивавшегося освящением труб 23 марта.

Легионеры, назначенные для вторжения в Дакию, должны были носить римские шлемы, модифицированные добавлением сверху крестообразного железного или бронзового укрепления. Это было принято для защиты от страшного изогнутого дакского короткого меча, который римляне называли *falx*, то есть серп, а даки — *sica*. Он имел исключительно длинную деревянную или кожаную рукоять, в то время как лезвие, прямое почти по всей длине, загибалось только на конце. Только выемка с нижней стороны была заточена, так что, когда оружием действовали, искривленный конец направлялся к цели. Для нанесения наибольшего ущерба *falx* обрушивали на противника, держа его двумя руками, а затем тащили клинок на себя пилящим движением.

Как обнаружили японские мастера по изготовлению мечей столетия спустя, изогнутый клинок является гораздо более эффективным режущим лезвием, чем прямой. Согласно современным исследованиям, удар сверху оружием типа *falx*, который держат двумя руками, сравнительно легко разрушает деревянный римский щит. В то время как это оружие можно было использовать одной рукой и тогда воин мог нести в левой руке щит, смертельным мог быть именно удар, нанесенный обеими руками. Но при этом использование обеих рук означает,

что воин вынужден отбросить свой щит, делая себя более уязвимым для нападения.

Чтобы предотвратить удар «серпа» сверху, римским легионерам было необходимо подойти к своим дакским противникам близко и быстро, так чтобы нанести удар горизонтально острым концом своего прямого меча (гладиуса). Сцена на римском монументе в Адамклинси, позднее поставленном Траяном за Дунаем, изображает дакского воина, обнаженного по пояс и занесшего свой *falx*, собираясь обрушить его двумя руками на голову римского легионера. Но в это же время легионер, неожиданно для дака, вонзает свой гладиус в его обнаженный живот и убивает его первым. В месяцы, предшествующие вторжению в Дакию, призванные к этому легионеры обязаны были интенсивно тренировать такое быстрое сближение с врагом.

Другой тактикой дакских воинов было целиться в нижнюю часть правой руки римского противника — незащищенную руку с мечом. Дакам не обязательно было убивать своих врагов, чтобы нейтрализовать их; отрубив или покалечив руку, в которой меч, дак мог вывести римлянина из сражения. Как показано на метописе с монумента Траяна в Адамклинси, чтобы противостоять этой тактике, многие римские легионеры, отправляющиеся в Дакию, носили защитное приспособление из металлических пластин на нижней части правой руки.

Все было готово к началу операции. Самая первая сцена на колонне Траяна показывает спокойный деревенский уголок близ реки Дунай: то тут, то там разбросаны крестьянские дома, окруженные защитным деревянным частоколом. Дальше мы видим, как из крепостей в Мёзии выходят ауксилиарии и машут на прощание товарищам, остающимся на базе. Между тем со сторожевых башен торчат тонкие длинные «маяки». Они горят — это сигнал вспомогательным подразделениям выступить в поход. Началась весна 101 года н. э., и вместе с ней — 1-я Дакийская война.

В Северо-Восточной Мёзии вспомогательные подразделения и легионы сошлись в дунайском городке Виминаций, сегодня Костолац в Сербии. И здесь (как повествует колонна Траяна) флоты транспортных кораблей были заняты разгрузкой припасов для операции. Траян и его старшие офицеры присоединились к собиравшимся войскам. Помимо преторианского префекта Ливиана, среди заместителей Траяна в этой кампании были богатый бывший консул Луций Лициний Сура, доверенный друг Траяна. Пожилой Сура, который был близок к предыдущему императору, Нерве, повлиял на решение Нервы усы-

новить Траяна и сделать его своим наследником. Траян также взял еще одного полководца — бывшего консула, Луция Аппия Максима, и командира по имени Лонгин, также одного из хороших друзей императора. Этот Лонгин мог быть тем Помпеем Лонгином, который в качестве трибуна в 68—69 годах н. э. был стойким сторонником императора Гальбы в Риме. Если так, то теперь ему было уже за пятьдесят. Дион дает понять, что Лонгин и раньше сражался с даками, служа при Юлиане во время римской победы при Тапах в 88 году н. э. (*Dio. LXVIII, 12*).

Одним из офицеров штаба Траяна был 25-летний квестор Публий Элий Адриан, будущий император Адриан, племянник и подопечный Траяна. Как и Траян, Адриан родился в Испании. К 19 годам он прослужил свой шестимесячный срок в должности младшего трибуна с II Вспомогательным легионом в Верхней Мёзии. В 96 году н. э., очевидно после лишь одного сезона командования вспомогательным подразделением, Нерва повысил его в возрасте всего лишь 20 лет в старшего трибуна в V Македонском легионе в Нижней Мёзии. Мгновенный взлет Адриана, очевидно, был организован стариком Нервой, чтобы доставить удовольствие Траяну. В 100 году н. э. — в тот год, когда Траян сделал его квестором, — Адриан женился на внучатой племяннице Траяна Вибии Сабине. Оказавшись теперь в штабе Траяна, Адриан использовал возможность использовать свойственное ему внимание к деталям и организационный талант для нужного дела.

Легионеры Траяна построили все, что было нужно, для двух понтонных мостов, и в конце весны, как только весенние разливы на Дунае прошли, эти временные мосты перебросили через реку. На колонне Траяна показано, как два ряда войск переходят эти мосты в Дакию: штандарты легионов и когорт собраны вместе впереди. Одна линия, очевидно, состоит из легионеров. На солдатах — полное сегментированное вооружение, и их ведет офицер, который несет инсигнии командира; за ним следует орлоносец с непокрытой головой и знаменосец манипулы в своем головном уборе и плаще из медвежьей шкуры. Легионеры, которые идут через мост, несут щиты на левой руке; шлемы у них висят на шее. На шести на левом плече подвешены скатки, орудия для копания траншей и посуда для еды. Вторая линия войск экипирована сходным образом с воинами на переднем плане, но их ведет группа орлоносцев, знаменосцев легионных манипул и знаменосцы в «львиных» шапках по меньшей мере четырех когорт преторианской гвардии.

Армия Траяна из 100 тысяч человек прибыла в Дакию, первоначально не встретив никакого сопротивления. Как и планировал Траян, его приход оказался совершенно неожиданным. Дакские крестьяне бежали от него, когда римские войска быстро продвигались к северу по неровной, покрытой густыми лесами земле Трансильвании. Вспомогательная легкая пехота и кавалерия продвигались вперед; за ними шли отряды, которые строили дорогу для легионов и расчищали путь для основного войска и обоза. Сам Траян ехал в авангарде.

В своей горной столице Сарамизегетузе в центре сегодняшней Румынии царь Децебал получил известие о вторжении римлян. Эта новость потрясла Децебала, поскольку, как заметил Дион, он «хорошо понимал, что прежде он победил не римлян, а Домициана» (*Dio. LXVIII, 15*). Ничто в поведении римлян до этого не говорило о военных планах Траяна к северу от Дуная, но Децебал знал, что «теперь ему предстоит воевать и против римлян, и против императора Траяна» (*Dio. LXVIII, 15*).

Призвав своих бойцов к оружию и позвав на помощь своих союзников-сарматов на востоке и севере, Децебал послал послов на встречу римской армии на марше, чтобы просить переговоров с Траяном. Децебал соблаговолил послать на встречу с императором только своих младших офицеров, длинноволосых воинов, а не *pileati* или «пилофоров» — «носящих шапки», как прозвали дакских аристократов, поскольку они носили прилегающие кожаные шапочки в качестве знака своего ранга. Децебал старался выиграть время.

Вскоре легионы Траяна стали строить мощные походные лагеря. На колонне Траяна показаны легионеры, занятые тяжелой работой — они строят внешние стены из торфяных кирпичей. В своем походном наборе легионеры носили резак для торфа. «Дерн обрезается железными лопатами, — говорит Вегций. — Корнями травы он задерживает землю; каждый кусок дерна имеет высоту в полфута, такую же длину, ширину — в фут

Траян планировал вторжение в Дакию с того момента, как в 98 г. н. э. стал императором

[30 сантиметров]» (*Vege.* III). Сверху торфяной стены устраивали палисад из деревянных кольев, которые пехота несла с собой на марше. Между тем легионные плотники строили вход в ворота, сами ворота и сторожевые башенки.

Пока строился лагерь, Траян и его старшие офицеры провели церемонию *suovetaurilia* — священное жертвоприношение быков, чтобы получить благословение богов для новой кампании. Со всей торжественностью — официальные одеяния, песнопения, сожжение благовоний со звуками труб и рогов легионеров — животные были принесены в жертвы, и авгуры нашли благоприятные предзнаменования в их внутренностях. Послы даков теперь добрались до лагеря римского императора, но Траян не был заинтересован в переговорах, и уж никак — с послами такого невысокого ранга. Даков отослали прочь. Вскоре после этого римский авангард встретился с первым сопротивлением местных жителей; отряд вспомогательных войск, пересекавший реку, пережил ожесточенную атаку дакских воинов; потом атакующие ушли в лес.

Теперь лето согривало горные долины, и количество дакских воинов начало возрастать. До 140 тысяч даков столкнутся с римлянами в этой войне; их поддерживало около 20 тысяч союзников с севера от Дуная. Мало кто из даков, отправляясь на войну, боялся смерти: они почитали бога Залмоксиса, и его верховный жрец говорил им, что после смерти их ждет лучшая жизнь. Залмоксис, которого считали последователем жившего за 800 лет до этого греческого мистика, математика и философа Пифагора, отправился в Египет перед тем, как поселиться в Дакии, где он умер в горной пещере. Через три года Залмоксис якобы восстал из мертвых, чтобы руководить своим народом. Дакская столица Сарамизегетуза и еще несколько дакских городов и крепостей были расположены в холмах вокруг Когайонона — священной горы Залмоксиса, — не пустить врага к которой надо было любой ценой.

Веря в Залмоксиса, дакские воины, которые шли на войну с римлянами, теперь практически были рады смерти и в то же время уверены в победе, вспоминая о том, как истребляли римлян при Домициане. Они маршировали под своими знаменами-драконами с металлическими волчьими головами и змеевидными телами (похожими на современные ветроуказатели на аэродромах); заполняясь воздухом на ходу, драконы величественно развевались позади знаменосцев, а голова испускала жалобный стон.

Десятки тысяч бородатых, длинноволосых даков сплошным потоком хлынули с Трансильванских Альп и начали ожесточенные атаки

на походные лагеря римлян. На одной из сцен колонны Траяна показано, как дакские лучники атакуют римский лагерь. На другой даки используют таран против ворот лагеря. Однако атаки на лагеря римлян были отбиты, и наступление продолжалось. Используя небольшие лодки, которые везли в обозе, авангард пересек реку и затем начал взбираться в горы.

Обращение Децебала к союзникам принесло свои плоды: римской вспомогательной кавалерии навстречу вышли сарматские конники в заостренных шлемах и чешуйчатых доспехах, которые покрывали все их тела, руки и ноги. Чешуйчатым доспехом были покрыты даже сарматские кони. Но такое тяжелое вооружение сделало сарматских коней и всадников медлительными и неповоротливыми, в то время как местность благоприятствовала более легким и ловким всадникам. Римская кавалерия победила: сарматы были отброшены с тяжелыми потерями.

Римское наступление продолжалось; две колонны продвигались на север по разным дорогам. Впереди них даки бежали из своих деревень, неся детей на плечах. Был уже разгар лета, когда легионы продвинулись еще дальше на север, строя на своем пути походные лагеря. В один из римских лагерей в авангарде прибыли новые послы от Децебала; на этот раз это были трое «наиболее знатных из пилофоров» (*Dio. LXVIII, 9*). И на этот раз Траян решил выслушать послов.

Отбросив оружие и распростершись на земле перед императором, бородатые дакские аристократы просили Траяна лично встретиться с Децебалом, который, как они клялись, сделает все, что прикажет Траян. Но, как написал Дион, Траян отнюдь не хотел встречаться с Децебалом. Затем посланники попросили его по меньшей мере послать своих представителей, чтобы обговорить условия мира с дакским царем, так что Траян послал двоих из своих самых старших советников к Децебалу — Луция Суру и префекта претория Ливиана (*Dio. LXVIII, 9*).

Децебал вел свою армию на запад, чтобы перехватить римских завоевателей, когда Траян и его легионы пересекали Трансильванские Альпы, и затем повернули на восток. Разведчики сообщили императору, что Децебал и его армия прибыли к Тапам — месту кровавой битвы в 88 году н. э., когда Теттий Юлиан одержал победу для Рима. Когда два посланника добрались до лагеря даков, Децебал отказался лично встретиться с ними и послал говорить с ними своих подчиненных. Когда Суре и Ливиану стало очевидно, что дакский царь просто тянет время, они вернулись к Траяну.

Армия Траяна и вторая колонна теперь объединились и пробивались на востоке через горы. Увидев дакские сторожевые башни и крепости на вершинах холмов, смотрящих на ущелья и речные долины, римляне напали на них и быстро одолели их защитников. Во многих крепостях воины Траяна нашли артиллерию и личное оружие, захваченное у V легиона Жаворонков в Мёзии в 85 году н. э. И — самое важное для Траяна и его людей — они нашли и орла уничтоженного легиона (*Dio. LXVIII, 9*).

Римское наступление достигло Тап и раскинувшегося там лагеря армии даков. В повозках для нападения на дакские крепости привезли римские катапульты типа хиробаллист; тут Траян получил от союзных Риму германских племен в этом регионе сообщение, где они умоляли Траяна «вернуться назад и заключить мир» (*Dio. LXVIII, 8*). Но, несмотря на то что уже пришла осень и дни становились короче и холоднее, Траян не собирался возвращаться назад.

Тут, около Тап, во время грозы и бури, армии сошлись вместе в сражении. Около 200 тысяч человек сражались здесь в горной долине при Тапах при проливном дожде и среди вспышек молнии и грохота грома. У даков не было римской организованности, но на их стороне было численное превосходство, а также и физическое: худошавые варвары были выше среднего римского легионера. И в последней битве при Тапах изогнутый дакский *falx* снова наносил огромный ущерб римлянам: ауксилиарии на переднем краю приняли на себя всю тяжесть атаки врага. Легионы также почувствовали на себе воздействие изогнутых дакских лезвий.

Такое множество римлян было ранено в сражении и их уносили к санитарам, работавшим в полевых госпиталях, что у римлян закончился перевязочный материал, и даже сам Траян порезал свои льняные одежды на полоски, чтобы сделать бинты для своих войск (*Dio. LXVIII, 8*). Но легионы стояли твердо и выиграли битву. Израненные бойцы Децебала отошли к Сарамизегетузе, оставив многих своих соплеменников в грязи на поле. Не обращая внимания на ужасную погоду, победоносная римская армия стаскивала с мертвых врагов оружие, ценные вещи и одежду.

Траян, почтив своих мертвых, приказал поставить на месте битвы алтарь, где следовало ежегодно совершать похоронные обряды в память погибших здесь римлян. Несмотря на свою победу, Траян осознал, что идти дальше бесполезно. По ухудшающейся погоде он видел, что зима здесь, в горах, наступит рано и что дальнейшие боевые опе-

рации скоро завязнут — в грязи, снегу и льду. Кампанию надо было прекратить до следующей весны.

На собрании, где Траян похвалил свои войска, он раздал многим награды. На колонне Траяна показано, как ауксилиарии склоняются перед восседающим императором, целуют ему руку и уходят, сторбившись под весом мешков у себя на спине, может быть наполненных дакским золотом — а может быть, и солью, которую даки добывали в том же районе и которая была ценным предметом торговли. Одно из вспомогательных подразделений, которое, как известно, хорошо проявило себя при Траяне в Дакии, была I Ульпиева когорта бриттов, набранная Траяном в Британии в 98 году н. э. Всем ее оставшимся в живых воинам Траян даровал почетную отставку за тринадцать лет до положенного срока пенсии — за отважную службу в Дакийских войнах, как говорят их свидетельства об увольнении. Возможно, это было то самое подразделение, награждение которого в 101 году н. э. изображено на колонне Траяна.

Теперь римская армия собрала вещи и ушла по прямой дороге почти точно на юг, к Дунаю. Согласно колонне Траяна, когда римляне выходили из глубин Дакии, римские пленники, которые оказались в руках даков в горах, обнаженные, подвергались пыткам в руках дакских женщин.

Траян, оставив вспомогательные подразделения зимовать в крепостях на северной стороне реки, пересек Дунай близ ущелья, именовавшегося Железными Воротами. Императора и его штаб перевезли корабли Мёзийского флота, который также переправил много войск и их экипировку на южный берег. Использовались снова и понтонные мосты. Напротив Дробеты легионы построили зимние лагеря вдоль мёзийского берега Дуная; они отнесли оружие на склад, не собираясь использовать его до следующего года. Но царь Децебал не стал ждать, когда римляне вернутся.

Когда наступила зима, Децебал снова собрал возродившийся союз дакских и сарматских воинов. В начале нового года, когда зимняя погода улучшилась, Децебал перехватил инициативу. Без предупреждения даки начали атаки на римские вспомогательные форты на дакской земле по нижнему Дунаю. В то же самое время тысячи сарматских кавалеристов пересекли замерзший Дунай на востоке и вошли в Мёзию за спиной легионов.

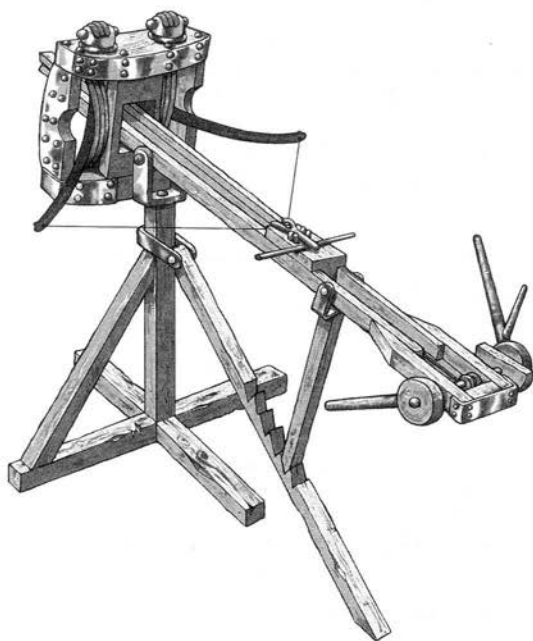
В крепостях в Дакии, отчаянно сражаясь, используя в качестве оружия все, что попадалось под руку, ауксилиарии уже были почти по-

беждены, когда прибыли подкрепления: пехота переправлялась по реке на лодках, а кавалерию вел сам Траян, который пересек реку по двум понтонным мостам. Ряд метоп, вырезанных на памятнике Траяна в Адамкиси, говорит о том, что случилось дальше. В то время как пехота отбивала атаки на форты на Дунае, Траян повел свою кавалерию в глубь страны, отрезав и окружив дакский обоз в холмах. В том, что позднее стало называться битвой при обозе, большинство даков, сопровождавших обоз в качестве эскорта или конюхов и пастухов, были убиты, но среди пленников, взятых Траяном, было и несколько носивших шапки дакских аристократов.

Все это время Траян не подозревал о том, что за его спиной в Мёзии вошли сарматы. Легионы в Мёзии, призванные к оружию своими офицерами в последние недели зимы, вышли из своих лагерей и поторопились, чтобы перехватить сарматских захватчиков в Восточной Мёзии. Первая встреча между двумя сторонами была краткой ночной схваткой близ деревни Никополь. Там, на плато в Адамкиси в долине Урлуя в

сегодняшней Румынии, легионы числом до десяти встретились с сарматской кавалерией. Поле боя представляло собой ровную землю, идеальную для тактики пехоты, и, хотя мы не знаем ни деталей самого сражения, ни кто командовал римской армией, известно, что легионы в тот день побили своих конных противников.

Римские полководцы всегда знали, что кавалерия без поддержки пехотинцев может быть побита пехотой. Здесь, в Мёзии, чуть больше тридцати лет назад, не полностью укомплектованный III Галльский легион доказал это, уничтожив 9 тысяч сарматских кавалеристов-роксоланов. 15 тысяч сарматов, которые пересекли Дунай в ходе этого наступления, не усвоили никаких уроков от того давнего жестокого пораже-

Пятьдесят пять катапульта-скорпионов, таких как эта, из уничтоженного V легиона Жаворонков, вместе с легионным орлом, были возвращены Траяном в 101 г. н. э.

ния и теперь поплатились за это. Очень немногие из вторгшихся сарматов пережили эту битву. Те, кому это удалось, отошли за Дунай. И даже тогда, когда лед на реке начал ломаться, несколько сарматов в тяжелых доспехах утонули, когда лед проломился под их конями. Но и римлянам эта победа далась нелегко: считается, что до 4 тысяч легионеров погибли в ожесточенной битве при Адамклинси.

Побежденные по обеим сторонам Дуная, даки и сарматы ушли в Карпатские горы. Когда Траян возвратился на мезийскую сторону Дуная с пленными и поздравил свои победоносные легионы, царь Децебал в Сарамизегетузе приказал всеми возможными способами готовиться к следующему римскому наступлению, которое, как он знал, должно произойти после того, как пройдет весенняя оттепель; силы даков перегруппировывались и поспешно чинили горные крепости, которые сгорели во время последнего похода римлян. Следующая стадия войны должна была стать ключевой для обеих сторон.

102 год н. э.

XLII
ЗАВОЕВАНИЕ ДАКИИ

Первая ложная победа

Весной 102 года н. э. Траян провел церемонию люстрации на новый год. На колонне Траяна показано, как он обращается к собранию легионеров и ауксилиариев, несомненно надеясь вдохновить их на победу и сделать кампанию этого года последним походом в Дакию.

В Дробете римская армия пересекла Дунай и вошла на плодородные овечьи пастбища Валахии. Вспомогательная пехота и кавалерия шли вперед, разведывая путь, а рабочие отряды легионеров пробивали дороги через леса. Летучая колонна кавалерии и легкая пехота под командованием Луция Максима должны были идти на дакскую столицу с юго-запада. В то же самое время Траян должен был пересечь долину Валахии и затем идти вдоль реки Алуты к ущелью Турну-Рошу с легионами и багажом. Если бы все шло по плану, то обе колонны должны были соединиться у Сарамизегетузы в горах Орастии.

Одну за другой легионы Траяна штурмовали горные крепости, пробиваясь вперед по Трансильванским Альпам. Плиний Младший, из-

вестный римский писатель и консул 100 года н. э., описывал римские походные лагеря, которые в ходе этой кампании «расположились на горных крутизнах» (*Pliny*. VIII, 4). На колонне Траяна показано, как римская армия нападает на крепость с каменными стенами. На шестах снаружи стен насажены отрубленные головы бородатых мужчин — это то ли пленные римские ауксилиарии, то ли даки, которые хотели сдаться. Дальше на колонне показано, как ауксилиарии поджигают каменные здания внутри захваченной дакской цитадели и затем идут вперед.

Сам Траян следовал близко за авангардом, и, как показывает нам повествование на колонне, в этот момент он пересекал деревянный мост через горное ущелье. Когда римский авангард поставил следующий походный лагерь близ дакского города с множеством круглых храмов позади, даки собрались под своими знаменами на холмах. Основная римская колонна прибыла на место; легионные музыканты играли на своих трубах и рожках. С грохотом приехал римский обоз; запряженные волами телеги были нагружены разным оборудованием. Из этого лагеря Траян руководил следующей стадией операции.

Теперь войска даков спустились с высот и атаковали идущие вперед римские кавалерию и легкую пехоту. После ожесточенной борьбы израненные даки ушли в леса. Еще день похода, разбит еще один походный лагерь. Вперед вывезли артиллерию, чтобы атаковать следующую дакскую крепость на холме по дороге в Сарамизегетузу.

Чтобы сэкономить время, деревянные шесты, которые обычно использовали, чтобы покрывать вражеские траншеи, теперь употребляли для защиты римских огневых позиций, поскольку у даков были великолучные лучники. На колонне Траяна показаны сетки со снарядами для катапульта — открытые и готовые к использованию: внутри видны аккуратно упакованные шары для катапульта (*Vitr.* X, 3). Небольшие шары использовались против живой силы противника, большими стреляли по укреплениям.

На колонне показано, как восточные лучники с коническими шлемами и босоногие пращники без доспехов осыпают дождем снарядов стены дакской крепости. У них за спиной катапульты стреляют шарами. Лучники, пращники и катапульты совместно должны были очистить одну секцию стены от осажденных. Даки, поднявшие головы над парашетом, в этот момент навлекали на себя смерть. Ожидавшая этого момента римская пехота бросилась вперед, вскарабкалась на внеш-

ние палисады, закидала рвы кольями и затем рванулась к стене с осадными лестницами.

На колонне Трняяна показано, что, чтобы стараться отбросить римлян от стены, осажденные даки вышли из крепостных ворот для атаки. Но Траян этого ждал, и тысячи ауксилиариев рванулись к дакам, которые были порублены в открытом поле; лишь несколькими удалось спастись — они бежали в лес. После этого крепость была быстро взята. Римская армия беспощадно продвигалась вперед. Даки рубили деревья, чтобы замедлить продвижение римлян вверх по долине, и устраивали засады, надеясь поймать легионеров, пытающихся очистить препятствия на дороге. Однако Траян просто пошел другой дорогой через лес; его авангард прорубал путь через деревья.

Когда авангард армии вышел на открытое поле из леса, на римлян напал большой отряд даков. Римские ауксилиарии отбили даков, которые отступили в другую крепость на холме. Траян напал на крепость: тут на колонне изображен некий раненый дакский аристократ — возможно, командир крепости или один из полководцев Децебала — подчиненные несут его на руках у деревянной линии палисада.

Когда палисад был взят, легион пошел на штурм стен крепости под покрытие щитов, поднятых в формации *testudo*, или «черепаша». Построение глубиной в несколько рядов, «черепаша» была непроницаема для камней и стрел, которыми осыпали римлян защитники крепости с парапета сверху, и под прикрытием «черепаша» легионеры подорвали стену. Создав брешь, они ринулись внутрь, убивая всех даков на своем пути. Когда цитадель пала, ауксилиарии принесли Траяну головы двух дакских вождей, убитых в бою; одна из них, возможно, принадлежала показанному раньше датскому аристократу. Неизвестно, кто именно были эти два дакских вождя, но Сусаг позднее в текстах уже не упоминается, и, может быть, он как раз был одним из них.

Лишь несколько дакских деревень оставалось между Траяном и Сарамизегетузой. По мере продвижения римлян вперед дакские воины отходили перед ними и карабкались на склоны холмов. Бои шли в лесах и у деревень, когда с возраставшим отчаянием — и снижавшейся эффективностью — даки пытались остановить продвижение римлян. Когда Траян подходил к Сарамизегетузе с одной стороны, летучая колонна Максима застала даков врасплох с другой. Неорганизованные защитники понесли тяжелые потери; были уничтожены поселения, возникла паника. Максим постепенно уменьшал расстояние между войсками Траяна и своими. В одной из крепостей Максим даже за-

хватил сестру царя Децебала. Клеши сомкнулись у Сарамизегетузы: две армии объединились и окружили город.

Сарамизегетуза, расположенная у изгиба реки Саргеции и покрывавшая площадь 4 квадратные мили (6,4 километра), занимала несколько холмов под Когайононом, священным городом даков. Город был разделен на два жилых района и священный участок: они взбирались вверх по склонам холмов рядом каменных террас, на которых стояли здания — в основном деревянные с каменными фундаментами. Местный камень был таким хрупким, что известняк и вулканический камень приходилось привозить за много миль. В Сарамизегетузе были мощные улицы, система водоснабжения и канализации. Там были жилые дома, мастерские и магазины, а в священном участке — круглые храмы и один большой, прямоугольный, из дерева и камня.

Город был защищен извивающейся известковой стеной высотой 45 футов (13,7 метра) с прямоугольными каменными башнями по углам. Стена состояла из двух рядов каменных блоков, заполненных щебнем с деревянными балками между ними — они должны были поглощать удары шаров из катапульт. Децебал сделал Сарамизегетузу своей столицей, поскольку она находилась вблизи священной горы и пещеры Залмоксиса. Кроме того, она находилась в самом сердце золотых, серебряных, железных рудников и соляных копей, которые сделали Децебала столь богатым монархом.

Когда римская армия делала очевидные приготовления, чтобы начать осаду города, переполненного как жителями, так и десятками тысяч беженцев из других мест, Децебал послал послов в шапках, чтобы обсудить, как закончить войну. Траян снова послал Луция Суру и Клавдия Ливиана, которые предложили послам условия капитуляции даков. Даки быстро согласились на все условия, и осада была прекращена. На самом деле Траян, видимо, понимал, что его войска измучены так же, как воины Децебала после двух изматывающих военных кампаний, которые привели его к воротам Сарамизегетузы. Будучи не в состоянии вести продолжительную осаду столицы даков, Траяну (если он хотел выйти из этой войны победителем) не оставалось иного выбора — он должен был согласиться на мир с даками на справедливых условиях.

Дакские защитники вышли из города, сложили оружие и пали на колени, прося милости у Траяна. На колонне Траяна показан император, восседающий на трибунале, окруженный знаменами легионов, преторианской гвардией и вспомогательными подразделениями; оде-

тые в шапки дакские аристократы распростерлись перед ним. Теперь пришла очередь и самого

Децебала. Бородатый царь отбросил свой изогнутый меч и кинжал, пал ниц перед Траяном и поклялся соблюдать условия мирного договора.

Условия требовали, чтобы Децебал отказался от области в Верхней Даккии, именовавшейся Банат, и от долин Валахии, простиравшихся от Дуная до гор. Он должен был полностью вывести дакских граждан из этого региона, их заменяли римские поселенцы. Децебал соглашался разрушить те крепости, что еще стояли. Он также обязан был выдать дезертиров из римской армии, которые сражались за него, и выдать всю артиллерию и советников, которые раньше были одолжены ему по договору с Доми-

Дакские послы пытаются вести переговоры с Траяном. С колонны Траяна

МОНУМЕНТ ТРАЯНА В АДАМКЛИСИ

Trophaeum Trajani

Троphaeum Trajani, что буквально означает «Трофей Траяна», был построен после 1-й Дакийской войны в 101—102 годах н. э. Начало его сооружения можно датировать 102 годом или чуть позже, поскольку сам памятник изображен между двумя войнами на идущих в хронологическом порядке панелях более поздней колонны Траяна.

Памятник расположен к югу от реки Дунай в Адамклиси, на плато в долине Велуя в сегодняшней Румынии, на месте битвы, произошедшей зимой 101/102 года, в которой легионы Траяна победили отряд сарматской тяжелой кавалерии, пришедший с севера от Дуная. Памятник, посвященный Марсу Мстителю, был должен увековечить самопожертвование 4 тысяч римских воинов, павших при Адамклиси.

Кто именно создал этот памятник, мы не знаем, но вполне вероятно, что это был Аполлодор из Дамаска, по поручению Траяна создавший план моста, массивные арки которого перекинулись через Дунай у Дробеты. Аполлодор был также архитектором форума Траяна в Риме с его изящно изогнутыми линиями, и также, может быть, он создал и колонну Траяна — уникальный округлый памятник, расположенный в середине форума Траяна. Основа Трофея Траяна также круглая, и постоянное использование округлых форм было характерной чертой творчества Аполлодора. Памятник был построен в то же самое время и неподалеку от моста Аполлодора в Дробете; тогда тем более вероятно, что Аполлодор построил и то и другое.

Вокруг фриза монумента расположены пятьдесят четыре мраморные панели, называемые метопами, на которых три ряда резных рельефов изображают сцены из битвы при Адамклиси — битвы повозок, которая произошла в Дакии в то же время, и дакские окрестности. Метопы, каждая высотой около 4 футов (1,56 метра) и шириной 3 фута 6 дюймов (1,16 метра), не настолько реалистичны и умело выполнены, как рельефы на колонне Траяна в Риме, но они служат той же цели — рассказывают историю о победе Рима над варварами.

На вершине памятника, имевшего форму конуса, была воздвигнута человеческая фигура высотой 15 футов (4,5 метра) в доспехах и шлеме. Хотя многие наблюдатели считают, что она изображает римского легионера, фигура одета в сарматские чешуйчатые доспехи и конический сарматский шлем. В обеих ее руках — сарматские щиты. Они изображают сарматское вооружение, взятое римлянами

цианом. Децебалу также запретили укрывать солдат из Римской империи или использовать их в будущем. Он обязан был отныне следовать внешней политике Рима, считать союзников и врагов Рима своими союзниками и врагами и не посылать самому послов к иностранным государствам. И разумеется, Рим немедленно прекратил платить огромную дань, которую он посылал в Сарамизегетузу с 89 года н. э.

в качестве трофея. У ног фигуры — три статуи в натуральную величину. Две изображают сидящих женщин со связанными за спиной руками, третья — стоящего мужчину. Женщины символизируют два народа, покоренные римлянами, — даков и сарматов. Нередко на римских памятниках и монетах покоренный народ изображался как женская фигура. Мужчина — это, возможно, Децебал, дакский царь, сдавшийся Траяну.

Памятник, который стоит в Адамклиси сегодня, — это не оригинал. Трофей Траяна постоянно подвергался повреждениям и в конечном счете был уничтожен варварами, вторгшимися с севера от Дуная в ходе маркоманских войн 167—180 годов н. э., всего через 65 лет после того, как памятник был воздвигнут. Современный монумент — это реконструкция 1977 года, основанная на том, что осталось от оригинала.

После сдачи Траян провел благодарственную церемонию *adlocutio* с жертвоприношениями богам войны: армия собралась стройными рядами, офицеры были одеты в торжественные белые одежды. Обращаясь к войскам, Траян поблагодарил их за выносливость и смелость и вызывал отдельных солдат по именам, чтобы вручить им награды за смелость. Поднимая правую руку в приветствии, люди из легионов

провозглашали Траяна императором — он получил эту честь в четвертый раз за свою карьеру.

Когда Траян отправился обратно в Рим, где его приветствовали, как героя, легионы ушли из Дакии. Некоторые вернулись на свои базы, другие начали работать над крупными строительными проектами в Мёзии — мостом и памятником. На колонне Траяна показано, как дакские крестьяне оставляют свои дома в Валахии и дакском Банате, гоня перед собой скот, неся движимое имущество и младенцев на руках; рядом с ними идут дети. Вспомогательные подразделения остались охранять оккупированную дакскую территорию и защищать римских поселенцев, которые вскоре должны были перебраться через Дунай. Траян дал своему старому другу полководцу Лонгину задачу управлять оккупированной территорией Дакии и наблюдать за тем, чтобы Децебал соблюдал условия договора. Тем временем послы даков появились перед римским сенатом со связанными за спиной руками, чтобы обеспечить ратификацию мирного договора.

Траян обернул в свою пользу ситуацию в Дакии и отомстил за легионы, которые погибли при Домициане. Все было мирно на Дунае. Пока.

103—104 годы н. э.

XLII

МЕЖДУ ДВУМЯ ДАКИЙСКИМИ ВОЙНАМИ

Обе стороны восстанавливают силы

Летом 103 года н. э. Траян отпраздновал в Риме триумф за свой успех в Дакии и получил от сената титул «Дакийский». Он уже заказал архитектору Аполлодору из Дамаска построить ему постоянный мост через Дунай в ущелье Дробета, где река была уже всего. Двадцать чудовищно огромных пирсов из квадратных камней, каждый толщиной 60 футов (18 метров), высотой 150 футов (45 метров), расположенных на расстоянии 170 футов (52 метра) друг от друга, должны были быть встать посреди реки, связанные кружевом элегантных деревянных арок, через которые должна была пройти широкая деревянная дорога. Мост Траяна через Дунай — инженерное чудо, от вида которого захватывало дыхание у всех, кто его видел, — как только он был постро-

ен, стал крупнейшим мостом, когда-либо и где-либо построенным в мире в то время. Одновременно в Адамклиси шла работа над Трофеем Траяна, круглым памятником Траяна его победе над даками и сарматами.

Однако Траян не собирался почивать на лаврах. Хотя он и одержал славную победу, он потерял тысячи воинов в битвах 101–102 годов. Кроме того, Децебалу он не верил. Как писал Дион, Децебал отнюдь не собирался соблюдать мирный договор, но подписал его, только чтобы «получить передышку в сложившихся обстоятельствах» (*Dio. LXVIII, 9*). К лету 103 года н. э. Траяну сообщили, что Децебал «действует во многих отношениях вопреки договору» (*Dio. LXVIII, 9*).

Неукротимый царь даков собирал оружие, приветствовал римских дезертиров, перестраивал форты, разрушенные в ходе войны, и посылал послов соседним народам, стараясь заключить новые соглашения. Он посылал послов и подарки даже царю Парфии на Востоке. Что касается тех народов, которые не поддержали его в последней войне с Римом, Децебал угрожал им страшными последствиями, если они снова подведут его, и в качестве примера того, чего они могут ожидать, он послал свои войска, чтобы аннексировать часть территории своих германских соседей язигов — римских союзников, которые жили между Дунаем и рекой Тисой к западу от Дакии.

Траян знал, что устранить угрозу, которую представляет собой Децебал, можно только устранив самого Децебала и его войска. Новая война была неизбежна. Но сначала Траяну нужно было перестроить свою собственную израненную армию. Следовало ожидать, что он заменит потери, которые понесли его существующие легионы, набрав массу новых рекрутов для этих подразделений. Но римляне так не поступали. Легионы часто сражались недостаточно укомплектованными, и замен не было. Вместо этого Траян набрал два совершенно новых легиона — II Траянов, названный в честь самого Траяна, и XXX Ульпиев, который, как и вспомогательные подразделения, набранные Траяном, принял его фамилию. К последнему периоду оплаты легионов в 103 году н. э. XXX Ульпиев легион находился в Бригеционе в Паннонии. Между тем II Траянов легион был послан на Восток, сделав своей временной базой Лаодикею, главный порт Сирии.

Летом 104 года н. э., когда Децебал узнал о том, что Траян собирает свои войска на Дунае, он послал римских дезертиров в Мёзию, чтобы получить аудиенцию у Траяна и потом либо убить, либо похитить императора. Но один из заговорщиков был арестован по подозрению и под

Массивный мост через Дунай в Дакию, построенный для Траяна сирийским архитектором Аполлодором из Дамаска, изображен только в двух местах — на колонне Траяна и на этой монете достоинством в сестерций

пыткой открыл весь заговор. Отнюдь не смутившись, хитрый Децебал затем пригласил к себе легата Траяна в Дакии, Лонгина, «представлявшего для царя опасность в случае дальнейшего ведения войны» (*Dio. LXVIII, 12*). В сообщении Децебала говорилось, что он сделает все, что у него попросят, и поэтому Лонгин поехал в Сармизегетузу с эскортом — только для того, чтобы стать пленником хитроумного царя.

Децебал стал публично спрашивать Лонгина о планах Траяна, но Лонгин ничего не хотел об этом говорить. Затем римского генерала стали таскать за Децебалом под охраной, куда бы ни пошел царь. Децебал послал Траяну сообщение, информируя его, что теперь Лонгин — его пленник, и предложил выкупить его в обмен на возвращение всей территории даков до самого Ду-

ная, теперь занятой римскими войсками, а также финансовое возмещение всех расходов даков на последнюю войну.

В положенный срок от Траяна пришел туманный ответ — он, конечно, хотел бы, чтобы ему возвратили Лонгина, но ему не кажется, что Лонгин стоит той цены, которую просит за него Децебал. Дион Кассий потом заметил, что император не хотел показать, что отчаянно жаждет возвращения Лонгина, но он и не хотел показать, что Лонгин для него ничего не значит — чтобы Децебал не подумал, что Лонгин больше ничего не стоит, и не убил его (*Dio. VIII, 12*). Траян старался выиграть время. Когда на Дунай отправились вестники с его ответом, он дал своим подчиненным во дворце приказ готовиться к началу новой войны.

Децебал все еще думал, что делать дальше, когда Лонгин неожиданно предложил самому написать Траяну и просить его согласиться с усло-

виями его возвращения, которые ставил Децебал при том условии, что его секретарю-вольноотпущеннику позволят отвезти письмо в Рим. Децебал согласился, но потребовал, чтобы вольноотпущенник лично вернулся с ответом императора. Лонгин написал письмо, Децебал его одобрил, и затем вольноотпущенник отправился к Дунаю с эскортом даков.

Теперь Децебал больше доверял податливому Лонгину и ослабил его охрану — а это было именно то, на что надеялся полководец. Как только он услышал, что его секретарь покинул дакскую территорию, Лонгин выпил яд, который его вольноотпущенник достал для него в дакской столице. Лонгин умер в ту же ночь. Теперь императору уже не надо было беспокоиться за безопасность своего старого друга, когда он будет решать, какие действия предпринять относительно Дакии.

Децебал был просто в бешенстве. Он послал письма, требуя возвращения вольноотпущенника, обещая обменять его на тело Лонгина, и десять римских воинов из его эскорта, которые теперь томились в дакской тюрьме. Из Рима ответа не было. Децебал все больше и больше преисполнялся решимости поступить по-своему, хотя теперь это и граничило с абсурдом. Он отпустил под честное слово центуриона, который командовал эскортом Лонгина, и послал его в Рим с инструкциями привести обратно вольноотпущенника, которого, несомненно, планировал казнить за то участие, которое он принимал в самоубийстве полководца. Неудивительно, что Траян оставил при себе и вольноотпущенника, и центуриона.

105—106 годы н. э.

XLIII
2-Я ДАКИЙСКАЯ ВОЙНА

Тотальная война Траяна

Поздравляю, наилучший император, с победой, великой, прекрасной и важной...

Плиний Младший. Письма. X, 14

В течение трех лет даки готовились к возобновлению войны с Римом, и, хотя царь Децебал и не мог убедить каких-либо союзников присоединиться к нему в новом столкновении с Траяном, весной 105 года н. э. он пошел в наступление. Дакские воины сошли с гор и

атаковали крепости римских ауксилиариев по всей оккупированной территории. Напали они даже на крепость в Дробете, которая охраняла прекрасный новый мост Аполлодора через Дунай: эта постройка была ненавистна дакам как за то, что она символизировала римское господство над их страной, так и за ее стратегическое значение.

На колонне Траяна показано, как даки захватывают врасплох рабочие отряды легиона на территории Дакии. Оказавшись отрезанными от своих сложенных в кучу щитов, легионеры отбиваются топорами и орудиями для копки траншей, но их шансы на выживание кажутся сомнительными. В крепостях отчаянно сражаются окруженные ауксилиарии. Показано, как легион — или несколько легионов — прибывает ускоренным маршем, чтобы спасти защитников одного из фортов.

Пришли первые дни лета, а Траян все еще был в Риме; но новости о наступлении даков заставили его перейти к делу, и 4 июня он выехал из города. Эта дата была значимой в римском религиозном календаре, это был день Геракла — Великого Хранителя (*Hercules Magnus Custos*). Через два года Траян выразит благодарность Гераклу Непобедимому (*Hercules Invictus*) на своих монетах (*Dus. DRA*).

Чтобы ускорить свое продвижение в Мёзию, Траян поспешно двинулся по Валериевой дороге в Пицен и к восточному берегу Италии. Колонна Траяна продолжает историю 2-й Дакийской войны: Траян показан в каком-то крупном итальянском порту (возможно, Анконе). Отсюда Траян, его штаб и войска преторианской гвардии и конные императорские телохранители-сингулярии сели на борт боевых кораблей Равеннского флота и быстро переправились через Адриатику в Далмацию. Весть о прибытии императора шла впереди него, и огромная толпа официальных лиц и жителей города ждала его в пристани далматского порта — возможно, это были Салоны близ современного Сплита в Хорватии. Здесь, на фоне большого драматического театра, окруженный знаменами преторианской гвардии, Траян показан на колонне исполняющим ритуальные жертвоприношения.

Когда грузовые корабли привезли припасы через бурную Адриатику позади него, Траян отправился в глубь материка, к Дунаю; перед ним шли когорты телохранителей-сингуляриев. Сразу к югу от Сисции император должен был повернуть к востоку и идти на Сирмию. На колонне Траяна показано, что всю дорогу мужчины, женщины и дети толпились у обочин, чтобы увидеть императора и поприветствовать его по дороге. Из Сирмия Траян отправился вдоль Дуная на восток к Виминацию и затем в Дробету, собирая с собой легионы по дороге — в

том числе I легион Минервы, который вышел со своей базы в Бонне, легион, у которого теперь был новый командир — племянник Траяна Адриан.

Пока Траян был в походе, ауксилиарии в Дробете получили подкрепление от легионеров в Мёзии, которые отбили даков, атаковавших подходы к новому мосту Аполлодора. На мёзийской стороне Дуная собрались римские легионы и десятки тысяч ауксилиариев. В разгар лета прибыл сам Траян в сопровождении преторианской гвардии. Он осмотрел впечатляющий новый мост Аполлодора через Дунай, построенный исключительно трудом солдат римских легионов.

Историк Кассий Дион, чей отец правил Далмацией и который позднее сам был наместником провинций Далмация и Паннония, видел этот мост примерно через семьдесят лет после того, как он был построен. К тому времени его верхние элементы были сняты наследником Траяна Адрианом — чтобы мостом не воспользовались варвары-завоеватели (*Dio. LVIII, 13*). Несмотря на тот факт, что «мост не приносит нам никакой пользы», как сказал Дион, ему показалось, что опоры «были возведены лишь для того, чтобы доказать, что не существует ничего, чего не дано совершить человеческой природе» (*Dio. LVIII, 13*). Сегодня, когда уровень воды в реке спадает, все еще можно видеть остатки опор. Что касается самого архитектора, Аполлодора, то Адриан уничтожил как мост, так и его самого: после ссоры Адриан казнил великого архитектора Траяна в 130 году н. э.

Когда Траян освящал мост и производил люстрацию знамен легионов (при этом в его свите был Адриан), по меньшей мере шесть разных чужеземных делегаций ждали императора. Дакские послы обещали мир от имени Децебала при условии, что Траян не начнет войну. Были и послы германцев-свевов с длинными волосами, завязанными «свевским узлом», который отличал свободных свевов от рабов. Тацит говорил, что свевы «занимают большую часть Германии» (*Tac. Germ. 38*). Присутствовали также посланники и от греческих государств, таких как Боспорское царство; и даже издалека, из самой Индии. Некоторые посланники пришли, чтобы предложить дружбу, другие, чтобы умолить императора не воевать с даками. Он соглашался на первое и отвергал второе — далее колонна Траяна показывает, как император ведет римскую армию по мосту Аполлодора в Дакию.

Армия Траяна шла по дакским равнинам, чтобы соединиться с легионами, разбившими лагерь близ круглого дакского религиозного святилища. Конец лета уже приближался, и Траян приказал своим войскам

разбить зимний лагерь там, где они находились; легионы провели зиму 105/106 года в походных лагерях в глубине Дакии.

Когда настала весенняя оттепель 106 года н. э., Траян снова провел церемонию люстрации. Когда церемония была завершена, к императору (как показывает колонна) подъехал кавалерийский офицер. Это был Лузий Квиет. Темнокожий мавр из Марокко, Квиет некогда командовал кавалерийским подразделением в римской армии, но был «осужден за низкое поведение» и «уволен со службы». Но когда началась 1-я Дакийская война, он обратился к Траяну и предложил свои услуги. Траян, которому «понадобилась военная помощь мавров», снова взял его в армию (*Dio. LXVIII, 17*). Квиет «отличился великими подвигами» в 1-й Дакийской войне, и, «удостоенный за это почестей, он совершил множество еще более выдающихся деяний во второй войне» (*Dio. LXVIII, 17*). По его собственной просьбе Квиет повел колонну кавалерии, которая отправилась, чтобы занять самую трудную горную дорогу в Сарамизегетузу.

Армия Траяна, которая теперь состояла из двенадцати легионов и десятков вспомогательных подразделений, двигалась через Трансильванские Альпы по четырем разным направлениям — Траян вел одну армию, Сура — другую, Максим — третью, а Квиет — четвертую. В тылу припасы подвозились с Дуная обозом, но чем дальше они продвигались, тем тяжелее становилась ситуация с припасами. Даже жители Сарамизегетузы обычно привозили продукты из плодородной долины реки Муреш за много миль от дакской столицы в эти негостеприимные горы.

В походном лагере Траяна в горах складировали припасы; в это время велась разведка крупной дакской крепости. Дакские разведчики под предводительством носителей шапок следили за римским строительством с деревьев, но атака ауксилиариев загнала их обратно в леса. Осада дакской крепости началась.

Главными среди крепостей, осажденных Траяном, были те, что находились в Костештах, Блидару и Пятра-Рошие. С внешними оборонительными сооружениями, состоявшими из двух деревянных палисадов и высоких основных стен из известковых блоков в много футов толщиной, цитадели этих крепостей обычно были снабжены пятью защитными каменными башнями и одними воротами. Однако в этих крепостях не было ничего особенно сложного, и они могли вместить лишь несколько тысяч воинов каждая. Для римских легионеров с их огромным набором оборудования и тактики для нападения на огневые позиции противника взять такую горную крепость было детской игрой.

Вскоре легионы пошли дальше, оставив разграбленные крепости, охваченные огнем, в которых везде лежали мертвые даки.

К началу лета одна из римских колонн добралась до Сарамизегетузы. Эти войска, которым слишком не терпелось получить победу и добычу, не стали ждать подхода артиллерии и лучников, которые должны были очистить одну из секций стены от осажденных. На колонне Траяна показана смешанная группа легионеров, ауксилиариев и кавалеристов, которые атакуют стену с осадными лестницами. Над наступающими римлянами осажденные даки на стене мечут все, что только попало под руку, в том числе камни, на карабкающихся вверх римлян. Даки были известными пчеловодами, и, если верить римским преданиям, дакские осажденные даже бросали в римлян ульи. Атака была отбита. Колонна Траяна показывает, что вскоре еще один римский отряд как из легионеров, так и из ауксилиариев пришел к городу с другой стороны. Катапульты были установлены, и римские лучники заняли позиции для стрельбы. Теперь даки выбежали из городских ворот, чтобы напасть на римлян перед тем, как те смогут возобновить приступ. С городских стен другие даки с тревогой смотрели на сражение внизу.

Кассий Дион рассказывает о римском кавалеристе, который был серьезно ранен в этом сражении; его отнесли в палатку. Считая, что ему не жить, кавалерист встал, нашел свое оружие и бросился в бой. «Снова заняв свое место в строю», пишет Дион, он «погиб, проявив великое мужество» (*Dio. LXVIII, 14*). Битва у города была кровавой; в конце концов даки были побеждены. Колонна Траяна показывает груды изуродованных тел варваров.

Как только прибыли все четыре римские колонны, атака на городские стены возобновилась. После залпа из метательных орудий легионеры, вооруженные мотыгами, атаквали каменные фундаменты, чтобы подорвать стену. Однако дождь стрел и камней сверху заставил их прекратить работу. Теперь Траян приказал копать траншеи и строить осадное оборудование. Все это требовало времени.

Колонна Траяна показывает, как римские войска готовят масштабные осадные сооружения. Сарамизегетуза была окружена траншеями и походными лагерями. На колонне видны легионеры, которые рубят лес и строят деревянные осадные башни. В то время как ауксилиарии охраняли их, люди из легионов сняли свои шлемы, отложили щиты и дротики и в доспехах строили массивные земляные насыпи в стратегических местах; они становились все выше, подбираясь к стенам города. Осада Сарамизегетузы продолжалась месяцами в течение всего лета.

Когда расстояние между насыпями и стенами должно было быть преодолено через несколько дней, Децебал послал посланника в шапке, чтобы тот попросил об условиях сдачи. Но на этот раз Траян не хотел, чтобы Децебал сдавался. Он хотел его голову. Что касается отрядов Траяна, то они не хотели, чтобы даки сдавались; по правилам грабежа они могли разграбить город, только если взяли его штурмом. Посланников отослали назад к Децебалу, и никаких условий сдачи предложено не было.

Отказ Траяна от переговоров поверг в печаль дакских старейшин. Они понимали, что когда римляне будут штурмовать город, то все даки призывного возраста будут убиты, женщины изнасилованы, а те, кто выживет, станут рабами. Если Децебала возьмут живым, то он станет главным «аттракционом» во время следующего триумфа Траяна в Риме, после которого его задушат, как требовала римская традиция. Для всех, кто находился в Сарамизегетузе, перспективы были мрачными.

В сумерках, когда легионеры, защищенные от стрел высокими деревянными щитами, переносили вверх, на насыпи последние тонны земли, осадные башни вывезли и переместили на позицию у основания насыпей, и люди, которые должны были быть их экипажем, уже готовились к последней атаке на следующий день. И тут в Сарамизегетузе начали вспыхивать огни. Даки поджигали свою собственную столицу. Дакские дома, построенные в основном из дерева с крышами из кровельной дранки, хорошо горели. Наступила ночь, и пожары бушевали в той части города, которая была ближе всего к римским насыпям; Децебал встретился со знатными даками в своей цитадели.

На печи в апартаментах царя бурлил котел. Децебал опустил в жидкость, кипевшую в котле, чашу из драгоценного металла. За восемь сотен лет до этого Залмоксис обещал своим дакским последователям вечную жизнь, а теперь Децебал предлагал своим аристократам быстрый путь в мир иной. Он протянул чашу женщине — супруге царя, а может быть, и его дочери? Его сестра уже была в руках римлян. Женщина выпила и пала мертвой на пол. Децебал снова наполнил чашу. Вперед вышел бородатый юноша и взял у царя чашу — кто это был — царский сын, а может быть, верховный жрец Залмоксиса? Или же это был князь Диэгид, которого Домициан отослал обратно к Децебалу в венце семнадцатью годами раньше? Юноша выпил яд, и он также умер здесь, перед наблюдавшей за этим дакской знатью.

Тела женщины и юноши показаны на колонне Траяна у ног царя Децебала; один из знатных людей предлагает яд другим носителям шапок. Большинство аристократов с жадностью пили смертельный напиток.

Один из них рвет на себе одежды и тянется к небу, умоляя дакского бога помочь своему народу. Но отнюдь не все знатные даки покончили с собой, да и у самого Децебала не было намерения совершать самоубийство, пока еще был шанс вырваться и продолжать борьбу с Римом.

В самый тихий час ночи Децебал, его ближайшие спутники и телохранители вырвались из города. На колонне Траяна показано, что они пользуются чем-то вроде тайного туннеля под городской стеной; очень возможно, что они вышли на берег реки. Их уже ждали кони, и Децебалу и его отряду удалось спастись, возможно следуя по речным бродам к северу, чтобы уйти от лагеря римской армии.

На заре следующего дня римские осадные башни заняли свои позиции и легионы пошли на городские стены. Защитники были побеждены, пожары потушены, и римская армия захватила Сарамизегетузу, взяв десятки тысяч пленных. От пленных Траян узнал, что Децебал сбежал. Он поручил найти царя своей кавалерии. Тысячи кавалеристов теперь разъехались из Сарамизегетузы в поисках Децебала.

Многие захваченные дружинники Децебала просили оставить им жизнь, и один из них, Бицилий, предложил сообщить Траяну, где царь спрятал большую часть своих богатых сокровищ. Кое-что хранилось в горных пещерах, в то время как еще больше было погребено в ложе реки Саргеции прямо у городских стен Сарамизегетузы. Чтобы достичь этого, как сказал Бицилис, царь использовал пленников и временно отвел течение реки перед тем, как выкопать яму для золота, серебра и других ценностей. Как только сокровище было помещено в землю, на тайник навалили камни и реку вернули обратно в старое русло над ним. Затем пленников убили, так что никто не мог узнать, где спрятан клад.

Теперь Траян отправил несколько своих легионов на работу — отвести течение реки. Построили плотину, и, как только обнажилось высохшее русло у городских стен, тысячи легионеров быстро раскопали его. Конечно, царский клад был найден. Он был столь огромен, что вместе с золотом и серебром, которые производили рудники Дакии, на него удалось профинансировать все основные новые строительные работы в Риме в течение следующих нескольких лет. Ульпиева базилика на форуме Траяна несла на себе таблички со словами, что она построена *E Manubiis* — «из военной добычи» (*Carc. I, 1*).

Новости о том, что даки перегруппировываются на севере в горах под руководством Децебала, заставили Траяна послать на север несколько легионов. На этом месте колонна Траяна показывает нескольких легионеров, которые идут по римскому мосту через реку; другие

строят лодки, чтобы пересечь ее. Децебал вскоре повел атаку на римский походный лагерь. Но войск у него было слишком мало, и вскоре он потерял присутствие духа; даков отбили, и они отступили в лес.

Ко второй неделе августа у разрушенного города Сарамизегетуза Траян провел *ad locutio* — религиозную церемонию, предназначенную для того, чтобы поблагодарить богов за великую военную победу Рима. Чтобы увенчать успехи Траяна, еще один клад сокровищ Децебала был теперь найден в пещерах под священной горой даков. Между тем в горах на севере Децебал обратился к последним из своих верных дружинников: на колонне Траяна показано, как некоторые из них умоляют его о чем-то. Кажется, царь говорит им, что они должны искать убежища у бывших союзников — сарматов, надеясь убедить их однажды вернуться в Дакию во главе армии, которая изгонит римлян. Децебал в сопровождении своих ближайших спутников, телохранителей и нескольких детей затем садится на коня и уезжает. Некоторые даки, которых Децебал оставил, покончили с собой, другие отправились к Траяну и сдались.

Немного позднее в Карпатских горах лежал глубокий снег, когда римская кавалерия из II алы паннонцев настигла отряд всадников, остановившихся на лесной прогалине. Как мы узнаем из более позднего надгробного камня, декурион по имени Тиберий Клавдий Максим из города Филиппы в Македонии, раньше состоявший в VII Клавдиевом легионе, командовал паннонскими кавалеристами, которые нашли царя Децебала. У Поролисса, недалеко от того места, где сегодня встречаются границы Румынии, Молдовы и Украины, ликующие кавалеристы окружили измученного царя и его отряд.

Децебал сошел с коня. Декурион Максим погнался коня вперед, собираясь взять царя в плен. Децебал потянулся к ножнам на поясе и вынул изогнутый кинжал. Одним быстрым движением царь провел лезвием по шее и перерезал себе горло. Максим быстро сошел с коня, но царю, который лежал в снегу, утопая в крови, сохранить жизнь было уже невозможно. На колонне Траяна показано, как один из конников, окружающих отряд даков, делает по направлению к умирающему монарху неприличный жест двумя пальцами. Когда Децебал умер, Максим достал свой длинный кавалерийский меч и тщательно нацеленными ударами отрубил царю голову и правую руку.

Декурион и его люди отвезли останки Децебала на юг к Траяну, который наградил кавалерийского офицера золотым торквесом — вторая такая награда за карьеру Максима, в которой была и служба императору в Парфии. Затем голову царя Децебала отвезли в Рим и вы-

ставили на Гемонии — положительное доказательство того, что великий враг Рима за последний двадцать один год наконец был устранен, и что Дакийские войны наконец кончились, и что легионеры, которые погибли от рук Децебала и сарматов, отмщены.

Теперь Дакия стала римской провинцией.

Траян оставил XIII Сдвоенный легион строить себе базу в Апуле в Северной Дакии, и многочисленные вспомогательные подразделения были размещены по всей завоеванной дакской территории. Остаток войска завоевателей удалился на базы к югу от Дуная. Теперь четыре легиона обосновались по Дунаю в Мёзии в поддержку XIII Сдвоенного — I Италийский в Новах, V Македонский в Трезмисе, VII Клавдиев в Виминации и XI Клавдиев в Дуростуре.

Сам император вернулся в Рим. Согласно личному врачу Траяна, Критону, Траян привез в Рим 50 тысяч дакских пленников; все они были выставлены на аукционе, что создало сильное оживление на рынке рабов в Риме (*Cars.* III, 3). Траян послал вперед приказ — приготовить 123 дня зрелищ в Колизее; 11 тысяч зверей должны были умереть на арене во время этих зрелищ; сражались 10 тысяч гладиаторов (*Dio.* LXVIII, 15).

Когда новости о полной победе римских войск в Дакии дошли до Рима еще до возвращения Траяна, друг и клиент Плиний Младший написал ему краткую записку: «Поздравляю, наилучший император, с победой, великой, прекрасной и важной, и тебя, и государство» (*Pliny.* X, 14).

106 год н. э.

XLIV

ТРАЯН ЗАВОЕВЫВАЕТ АРАВИЮ

Подготовка к вторжению на Восток

Еще нанося последние убийственные удары царю Децебалу в Дакии в 105—106 годах н. э., Траян задумал дальнейшие завоевания на Востоке. Новый II Траянов легион прибыл в Сирию к концу 105 года, и вместе с ним наместнику Сирии, пропретору Авлу Корнелию Пальме пришли распоряжения от императора. Приказы были даны и префекту, командовавшему III Киренаикским легионом, базировавшемуся в Александрии: там говорилось, что он должен подготовиться к тому, чтобы вести свой легион на север.

Весной 106 года III Киренаикский легион оставил Александрию, пересек Нил, прошел через Египет, через Иудею и дальше, в Сирию, где соединился с пропретором Пальмой, его состоявшими при особе наместника телохранителями и, скорее всего, и с новоприбывшим II Траяновым легионом и подразделениями из легионов, базировавшихся в Сирии. Под предводительством Пальмы эта армия вошла в царство Набатей в современном Ливане. Набатей, со столицей в знаменитом городе Петра, долго была союзницей Рима и давала ценную кавалерию в римскую армию. Пальма аннексировал ее для Траяна и создал новую римскую провинцию — Каменистую Аравию.

СОЗДАНИЕ КОЛОННЫ ТРАЯНА

[Траян] соорудил огромную колонну, чтобы она служила одновременно и памятником ему самому, и напоминанием об осуществленных им при строительстве Форума работах.

Дион. Римская история. LXVIII, 16

Между завершением 2-й Дакийской войны в 106 году н. э. и 113 годом н. э. команда художников и скульпторов работала над созданием уникальнейшего военного памятника в мире. Возвышающаяся на 125 футов (38 метров), колонна Траяна — это один из немногих памятников Древнего Рима, которые сегодня остаются в Риме почти нетронутыми; скульптурные сцены из мрамора, окружающие ее снизу доверху, — это непрерывная спиральная лента длиной 800 футов (244 метра), которая рассказывает историю Дакийских войн Траяна.

Создателем колонны, возможно, был Аполлодор из Дамаска, ответственный также за воздвижение массивного моста через Дунай в Дробете, а также новый одеон и гимнасий, построенные Траяном в Риме, и еще более знаменитый форум Траяна, где и должна была стоять круглая колонна Траяна (*Dio. lxi, 4*). Аполлодор любил изгибы — его мост был рядом изысканных арок, в то время как основой форума Траяна служат два кирпичных полукруга.

Колонна Траяна пуста внутри. Ее размеры внутри составляют 12 футов 2 дюйма (4 метра) поперек, и в этом узком пространстве наверх ведет винтовая лестница. Сорок четыре небольших окна-прорези пропускают внутрь немного света. Извивающиеся наружные панели из парийского мрамора, каждая высотой около 4 футов (1,2 метра), наверное, создавались в мастерской художника многие годы. Разное качество скульптур — от удивительных деталей на пальцах и лицах примерно 2500 фигур до грубоватой работы долотом и резцом на других — показывает, что над проектом работало несколько художников-мастеров с помощью нескольких менее умелых помощников.

Когда Пальма и другие войска вернулись в Сирию, III Киренаикский легион устроил себе новую базу в Бостре в новой провинции, а II Траянов легион занял место III Киренаикского в Египте. После того как Пальма вернулся в Рим со своей должности в Сирии, Траян был так доволен его работой в Аравии, что второй раз назначил его консулом — на 109 год н. э.

На тот момент таков был масштаб деятельности Траяна на Востоке. Но недалеко было то время, когда он отправится в поход, чтобы достигнуть того, что планировал Юлий Цезарь, но так никогда и не смог совершить, — завоевания Парфии.

Мастерская художника, видимо, находилась в Риме, неподалеку от выбранного для колонны места на новом форуме Траяна. Каждая сцена выглядит постановочной, и само то, как поставлены фигуры, где одна слегка возвышается над другой, говорит о том, что модели позировали на ряде помостов в мастерской. Сначала художник, видимо, советовался с императором, чтобы определить, что именно Траян хочет изобразить на колонне, и, когда сотни сцен были намечены, в дело вступали модели — люди и животные. Каждая панель представляла собой единое целое, но одна сцена могла перетекать в другую, а иногда для того, чтобы прервать сцену, использовались какие-то приемы (например, изображались деревья). Менее правдоподобные фоны, видимо, были добавлены позднее по описаниям или грубым наброскам по памяти или на месте, сделанным офицерами, принимавшими участие в обеих кампаниях.

В ходе всей стадии подготовки войска, размещенные в Риме, видимо, использовались как модели — прежде всего это были солдаты преторианской гвардии, которые фактически принимали участие в кампании. Об этом говорит тот факт, что большинство эмблем на щитах преторианцев и легионеров, нарисованные на колонне, имеют похожий рисунок в виде молнии. Многие годы историки считали, что это значит, что к началу II века все эмблемы на щитах легионов были стандартизованы и включали тему молнии. Символы, показанные в более поздней *Notitia Dignitatum*, говорят о том, что это маловероятно. Более вероятно, что рисунки на щитах, которые мы видим на колонне, изображают разные когорты преторианской гвардии. Каждая преторианская когорта представляла собой, по сути, мини-легион, и еще на одном рельефе II века, который, как считается, изображает воинов преторианской гвардии, видно, что у каждого слегка различные, хотя и похожие эмблемы-молнии на щитах (см. с. 212).

Художники и скульпторы римских времен почти всегда были греческого происхождения. Те, кто создавал колонну Траяна, видимо, ничего не знали о корпоративном характере эмблем на щитах легионов и рисовали эмблемы тех, кто стоял перед ними, — преторианцев и их щиты. Для сцен с кавалерией могли использоваться воины из отряда императорских конных телохранителей-сингу-

ляриев, которые, видимо, и играли роль всей римской вспомогательной кавалерии, показанной на колонне. Сингулярии, наверное, надевали оружие пленных врагов, чтобы изобразить сарматских кавалеристов. Подразделение вспомогательной легкой пехоты, видимо, послали в Рим, чтобы служить моделью для колонны; этих ауксилиариев мы видим в разных сценах: часто встречается один и тот же рисунок щитов одного подразделения ауксилиариев.

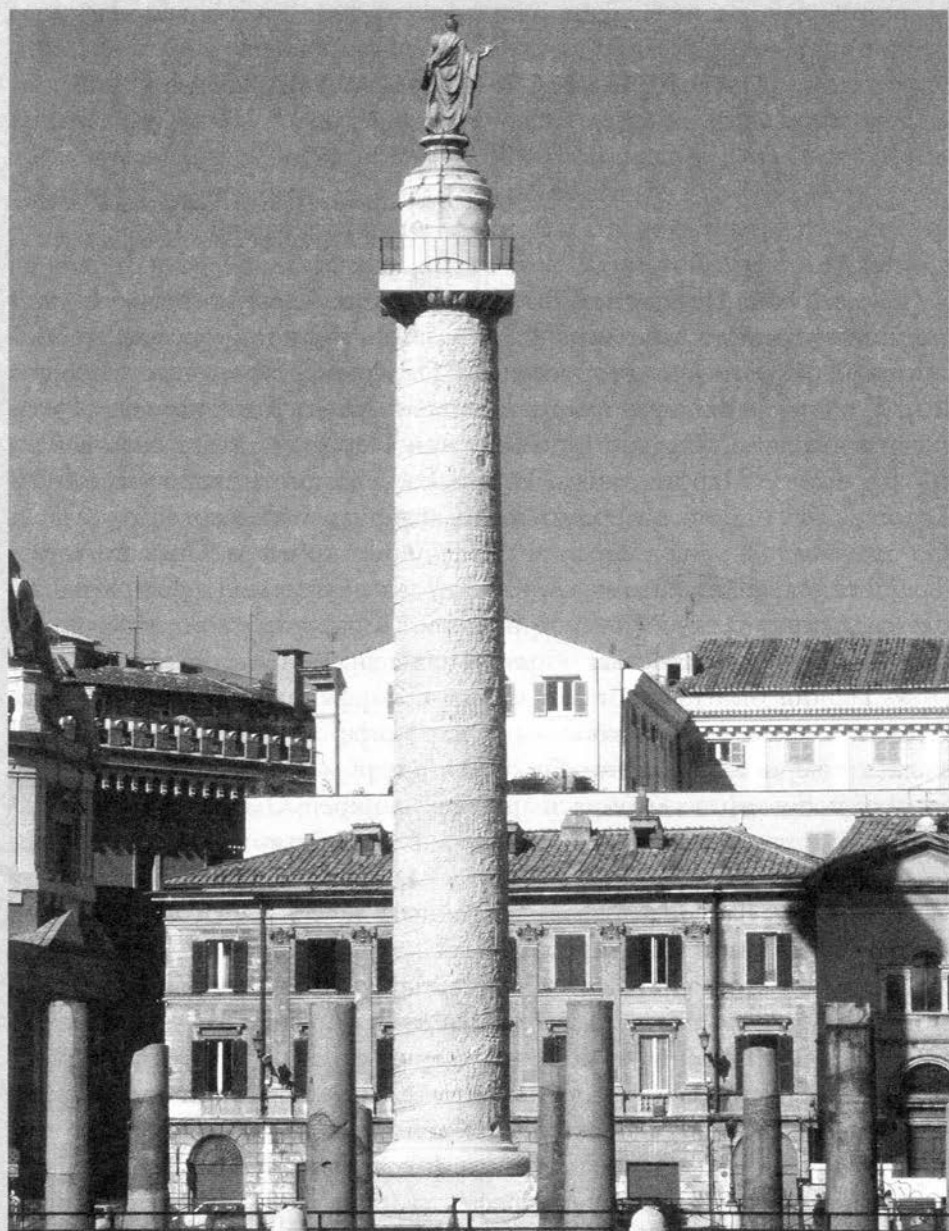
Многие — хотя и не все — ауксилиарии, изображенные на колонне, чисто бриты, что во II веке для них было не очень типично. У некоторых из них мы видим усы — чисто галльская черта. Интересно, что большинство «легионеров», которых мы видим плывущими через Дунай на одной из первых панелей, носят довольно солидные бороды; историки считают, что эта мода появилась только в царствование Адриана, который сам носил бороду через десять лет после Дакийских войн. Или колонна опровергает эту теорию, или же эти «легионеры», которые пересекают Дунай со знаменами легионов и в полном вооружении легионеров, на самом деле ауксилиарии, которые играют их роль.

На колонне можно увидеть множество солдат вспомогательных подразделений — пращников и лучников, которые выглядят весьма правдоподобно, и можно предположить, что несколько и тех и других были посланы в Рим, чтобы служить моделями; показан нумидийский отряд кавалерии Лузия Квиета с волосами заплетенными в косички, в развевающихся одеждах, скачущий без седел, как это было принято у нумидийцев. Возможно, имперские рабы должны были играть роли даков с захваченным у даков оружием, показанным в Риме во время триумфа Траяна в 103 году н. э.

Колонна была посвящена Траяном 13 мая 113 года н. э. (*Carc. I, 1*). К тому времени панели колонны уже были установлены на месте, давая связный зрительный «рассказ». Как и статуи классических времен, все фигуры и сцены на колонне первоначально были раскрашены «как в жизни»; со временем краска стерлась. И по всей спирали то тут, то там фигуры на рельефах держали оружие, сделанное из железа, бронзы и даже золота и серебра. Когда Рим был захвачен вандалами в начале V века (или в ходе более поздних захватов), все это было украдено, и поэтому сегодня мы видим многих воинов на колонне с пустыми руками.

На вершине колонны, увенчивая римский триумф, был установлен бронзовый римский орел; колонна стояла в середине двора Форума, обрамленная новыми латинской и греческой библиотеками Траяна. Ее окружал ряд платформ, и можно было обойти колонну, взбираясь с одной платформы на другую, и снизу доверху проследить историю двух войн. Нет данных о том, были ли эти платформы открыты для широкой публики, или же они были зарезервированы для гостей императорского дворца.

Когда Траян скончался в 117 году, его пепел был помещен в основание колонны. Его наследник Адриан приказал снять с вершины орла и заменить его бронзовой статуей Траяна. В течение всего Средневековья колонна снова подвергалась разграблению: на этот раз ее «атаковали» местные жители, нанося ущерб памятнику — они вынимали железные колышки, удерживавшие на месте мраморные панели. В 1588 году христианская церковь сняла статую Траяна, заменив ее статуей святого Павла, которую можно видеть и сегодня.

Колонна Траяна дошла до нас через века практически нетронутой. Ее нужно было «читать», проходя по мосткам, которые сейчас уже не существуют; первоначально они обвивались вокруг нее

113—116 годы н. э.

XLV
ПАРФЯНСКАЯ ВОЙНА ТРАЯНА

Ненужные победы

Свои угрозы тот [Траян] подтверждал делами.

Дион Кассий. Римская история. LXVIII, 16

Когда Юлий Цезарь погиб в 44 году до н. э., ему оставалось лишь несколько дней до отъезда из Рима для участия в широкомасштабной военной операции — вторжении в Парфию. В течение следующих 150 лет многие императоры пытались воплотить в жизнь мечту Цезаря о завоевании Парфии. В 66 году н. э. Нерон отправил свои войска на завоевание Парфии, когда Иудейское восстание заставило его отказаться от плана и повернуть назад легионы, чтобы подавить мятеж. Со смертью Нерона умерли и парфянские проекты. Судя по всему, Траян также долго тайл желание стать завоевателем Парфии. Когда он сделал Дакию частью Римской империи и укрепил свои завоевания в Дакии, он смог полностью обратить свое внимание к Востоку.

У Траяна был предлог для войны с парфянами. Тогдашний царь Армении Экседар был коронован парфянским царем Осроем и поклялся в верности Парфии. По традиции римские императоры оставили за собой право выбирать армянских царей. Однако у Траяна был и другой мотив. Согласно Диону Кассию, «в действительности же причина заключалась в его стремлении к славе» (*Dio. LXVIII, 17*).

В 113 году Траян приказал восточным легионам готовиться к обширной кампании на следующую весну. Он также приказал многим легионам, базировавшимся в Европе, переправиться в Сирию, чтобы подготовиться к новой кампании. Он сам отправился в путь по морю в Сирию через Грецию в сопровождении своей жены, императрицы Плотины, и отрядов преторианской гвардии и кавалерии сингуляриев. Они плыли на борту римских кораблей из мизенского флота из Мизена под командованием префекта флота Квинта Марция Турбона, который впоследствии станет префектом преторианской гвардии при Адриане (*Starr. App., & add.*). Большая часть флота осталась на Востоке в ходе всей Восточной кампании Траяна (*Starr. viii*).

Одним из легионов, посланных на Восток для новой кампании Траяна, был I Вспомогательный. Основанный в 68 году, он должен был

113—116 годы н. э.

XLV
ПАРФЯНСКАЯ ВОЙНА ТРАЯНА

Ненужные победы

Свои угрозы тот [Траян] подтверждал делами.

Дион Кассий. Римская история. LXVIII, 16

Когда Юлий Цезарь погиб в 44 году до н. э., ему оставалось лишь несколько дней до отъезда из Рима для участия в широкомасштабной военной операции — вторжении в Парфию. В течение следующих 150 лет многие императоры пытались воплотить в жизнь мечту Цезаря о завоевании Парфии. В 66 году н. э. Нерон отправил свои войска на завоевание Парфии, когда Иудейское восстание заставило его отказаться от плана и повернуть назад легионы, чтобы подавить мятеж. Со смертью Нерона умерли и парфянские проекты. Судя по всему, Траян также долго тайл желание стать завоевателем Парфии. Когда он сделал Дакию частью Римской империи и укрепил свои завоевания в Дакии, он смог полностью обратить свое внимание к Востоку.

У Траяна был предлог для войны с парфянами. Тогдашний царь Армении Экседар был коронован парфянским царем Осроем и поклялся в верности Парфии. По традиции римские императоры оставили за собой право выбирать армянских царей. Однако у Траяна был и другой мотив. Согласно Диону Кассию, «в действительности же причина заключалась в его стремлении к славе» (*Dio. LXVIII, 17*).

В 113 году Траян приказал восточным легионам готовиться к обширной кампании на следующую весну. Он также приказал многим легионам, базировавшимся в Европе, переправиться в Сирию, чтобы подготовиться к новой кампании. Он сам отправился в путь по морю в Сирию через Грецию в сопровождении своей жены, императрицы Плотины, и отрядов преторианской гвардии и кавалерии сингуляриев. Они плыли на борту римских кораблей из мизенского флота из Мизена под командованием префекта флота Квинта Марция Турбона, который впоследствии станет префектом преторианской гвардии при Адриане (*Starr. App., & add.*). Большая часть флота осталась на Востоке в ходе всей Восточной кампании Траяна (*Starr. viii*).

Одним из легионов, посланных на Восток для новой кампании Траяна, был I Вспомогательный. Основанный в 68 году, он должен был

быть заново набран зимой 108/109 года, так что к 113 году его численность возросла и новые рекруты уже пообвыклись и натренировались. I Вспомогательный пошел на запад из Бригециона в Паннонии к следующей базе легионов на Дунае — Карнунту, и там к его колонне присоединился XV Аполлонов легион. Оба легиона затем отправились в Равенну в Северо-Восточной Италии, чтобы сесть там на борт боевых кораблей Равеннского флота, переправившего их в Сирию.

II легион Траяна, набранный Траяном в 105 году и переправленный на Восток, чтобы поддержать аннексию Каменистой Аравии, прибыл в Сирию для наступления со своей базы в Египет. В то же самое время III Киренаикский легион в Бостре в Каменистой Аравии готовил свое оружие, амуницию и склады для кампании следующего года. В Каппадокии, как раз к югу от Армении, правитель провинции Марк Юний послал весть своим двум легионам — XII Молниеносному в Мелитене и XVI Флавиеву в Сатале, чтобы они готовились к походу весной.

Вскоре до парфянского царя дошли сведения о том, что Траян направляется на Восток со своей армией, и царь немедленно понял, что целью похода является он сам. К тому времени, как Траян дошел до Афин в Греции по дороге на восток, парфянские послы уже ждали его здесь. Послы предложили Траяну подарки и, сообщив ему, что Осрой устранил Экседара с армянского трона, стали просить о мирном договоре. В качестве части парфянской мирной инициативы Осрой попросил, чтобы Траян разрешил ему сделать своего племянника Партамасириса новым царем Армении. «Траян ни даров не принял, ни ответа никакого не дал, ни устно, ни в послании, — пишет Дион, — сказав лишь, что о дружбе судят по делам, а не по словам и поэтому он, когда придет в Сирию, сделает все, что подобает» (*Dio. LXVIII, 31*).

Племянник Траяна Адриан был консулом и правителем Нижней Паннонии после Дакийских войн, однако после этого его карьерный рост резко замедлился. Адриану очень нравились греческие обычаи, и к 112 году он стал архонтом, или правителем, Афин и, несомненно, находился в городе, когда туда прибыл Траян в 113 году н. э. по дороге в Сирию. Судя по всему, Траян сделал Адриана частью своей свиты по настоянию жены Плотины, которая была близка к Адриану, дав ему пост губернатора Сирии, поскольку Дион писал, что Адриан был «во время Парфянской войны был назначен [управлять] Сирией».

После того как флоты Адриана прибыли в Лаодикею, он и императорская свита провели зиму в Антиохии. Все помещения в Лаодикее, видимо, были настолько переполнены наплывом морского и военного

персонала, что воины и моряки Мизенского флота были размещены в уже давно заброшенных бараках X легиона Пролива в соседнем Кире (*Starr. Add.; AE 1955. 225*).

К Траяну в Антиохии для кампании присоединились его военачальники. Главным из них был мавр Лузий Квиет. Квиет служил Траяну столь верно и действенно во время всех Дакийских войн, что император в прошедшие семь лет сделал его претором, консулом и губернатором провинции. Квиет служил правителем Иудеи, когда император прибыл на Восток. Другой старший военачальник Траяна, достойный доверия Луций Аппий Максим, приехал с ним из Рима. Как и Квиет, Максим также хорошо послужил Траяну в Дакии. Старый и суровый

Сура — третий из успешных полководцев Дакийской войны — уже не служил императору: он умер естественной смертью примерно в 108 году.

Весной 114 года, оставив свою жену с Адрианом в Антиохии, Траян начал свое наступление на Восток; в качестве правителя Сирии у Адриана была задача обеспечить, чтобы линии подвоза продовольствия для войска Траяна постоянно поддерживались. Для первой стадии кампании Траян провел свою армию на север из Мелитены в Каппадокию. Пока его армия продвигалась по римским дорогам на постоянной скорости 18 миль (почти 29 километров) в день, Траян не ехал на коне и его не несли на носилках: император шел пешком во главе своих войск с обнаженной головой. Каждый день он лично определял, в каком порядке пойдут легионы (*Dio. LXVIII, 23*).

К концу марта Траян дошел до Мелитены и прибавил к своей ко-

Один из пленных дакских аристократов в шапке: их проводили по улицам Рима в цепях во время триумфа Траяна после Дакийских войн

лонне два легиона, базировавшиеся в Каппадокии; оттуда он отклонился на восток, перешел Евфрат и вошел в Армению (*Guery*). Было все еще начало лета, когда войска Траяна закончили захват Южной Армении, вбив клин между армянами на юге и верными Партамасирису, племяннику Осроя, войсками на севере: именно его парфянский царь решил посадить на армянский трон.

Когда Марк и его армия дошли до армянского города Элегия, Партамасирис оставил перестроенную армянскую столицу Артаксату и явился в лагерь Траяна, желая получить аудиенцию у императора. Траян восседал на трибунале: юный парфянский принц подошел, поприветствовал его, снял свой венец и положил его у ног Траяна. Партамасирис с уверенностью ожидал, что римский император вернет его корону ему, точно так же, как поступил с Тиридатом Нерон пятьдесят лет назад. Но Траян не сделал ничего подобного. Вместо этого он отослал принца и парфийских членов его свиты под эскортом римской кавалерии и сказал армянам из его отряда оставаться там, где они находятся, потому что теперь они являются его, Траяна, подданными. Вскоре легионы Траяна привели всю Армению под контроль римлян.

Перейдя через реку Тигр и обеспечив за собой ключевые пограничные города, в том числе Нисибис и Батны, и оставив гарнизоны в стратегических пунктах, он отправился на запад к Эдессе (современная Урфа в Юго-Восточной Турции). Город, расположенный на долине Харана, контролировал стратегический проход через холмы в Месопотамию и сердцевину персидского края. В Эдессе Траян принял различных восточных князей перед тем, как двинуться дальше на юг через проход и занять часть Северной Месопотамии. Уже приближался конец года, и Траян расквартировал свою армию на парфянской территории и вернулся в Сирию, чтобы перезимовать в Антиохии. Покидая армию, он оставил легионам приказ рубить деревья в лесах вокруг Нисибиса, чтобы использовать дерево для строительства разборных лодок для кампании следующего года в Месопотамии.

В течение всей зимы Антиохию и многие города региона поражали сильные землетрясения. Сирийская столица сильно пострадала, и «множество народу» было убито (*Dio. LXVIII, 25*). Среди жертв были и чужеземные послы, служившие римскому императору, и Марк Вергилиан Педон, только что прибывший в Сирию после того, как кратко пробыл консулом в Риме и дал свое имя году. Сам Траян спасся из своего жилища с небольшими травмами через окно: из руин его вывел «человек исключительно мощного телосложения». Может быть, Дион

имел в виду рослых германцев из телохранителей императорской кавалерии сингуляриев (*Dio. LXVIII, 25*). Несколько дней Траян прожил в палатке на антиохийском стадионе для скачек, ипподрома, поскольку после землетрясения еще некоторое время продолжались подземные толчки.

Весной 115 года Траян вернулся со своей армией в Месопотамию и снова пошел в наступление. Шесть легионов из его экспедиционного корпуса пошли на восток через местность, которая была «лишена леса». Конвой повозок привез заново построенный флот разборных лодок вниз по реке из Нисибиса, но, когда Траян попытался послать свои войска через реку на его дороге — возможно, Тигр, — силы противника, собравшиеся на дальнем берегу, стали мешать наступающим, осыпая их копьями и стрелами (*Dio. LXVIII, 25*).

В рассказе Кассия Диона это первое упоминание об организованном сопротивлении на театре военных действий. Оказалось, что вторжение Траяна происходило в весьма удобное время, поскольку «парфянская держава истощена была внутренними распрями и тогда все еще была охвачена мятежами» (*Dio. LXVIII, 22*). Парфяне никак не могли закончить гражданскую войну. Вполне возможно, что войска, которые противостояли Траяну при переправе через реку, составляли небольшую армию царства Адиабена, союзника парфян в Северной Месопотамии.

Собрав свои ладьи, легионы Траяна начали строить мост из поставленных на якорь судов через реку. Как обычно, согласно тому, что писали в римских учебниках военного дела, впереди растущего моста находилось множество судов, которые были снабжены башнями и щитами; на них лучники и тяжелая кавалерия с дротиками осыпали врага стрелами и копьями. В то же самое время различные римские боевые единицы быстро двигались туда и сюда вверх-вниз по западному берегу реки, чтобы создать впечатление, что они собираются переходить реку, пользуясь лодками, в различных местах. Это заставило врага, численность которого была меньше, отрывать отдельные подразделения от своей армии, чтобы поспешно идти вверх или вниз по берегу, занимая позицию, где они могли бы помешать предполагаемой переправе. Таким образом, основные защитные силы врага были ослаблены, и Траян смог переправить свои силы в больших количествах через реку по понтонному мосту.

На восточном берегу реки произошло краткое сражение, но сила Траяна оказалась подавляющей — в начале наступления в прошлом

году в его армии насчитывалось 60–70 тысяч бойцов. «Варвары уступили», — пишет Дион (*Dio. LXVIII, 22*). Оказавшись за рекой, римская армия быстро захватила царство Адиабена.

Для Траяна это был особый момент. Как и множество римских полководцев, включая Юлия Цезаря, Траян мечтал подражать деяниям Александра Великого. Александр привел свою армию сюда, в Адиабену (*Dio. LXVIII, 22*). И именно здесь, на долине близ древних городов — Ниневии, Арбелы и Гавгамел, македонская армия победила персидскую армию царя Дария в 331 году до н. э.

Далее к югу, в Аденистрах, современном Ирбиле в 70 милях (112 километрах) к северу от Киркука в современном Северном Ираке, стоял мощный парфянский форт. Когда Траян послал легионного центуриона по имени Сенций вперед, чтобы дать гарнизону Аденистр шанс сдаться, парфянский командир Мебарасп отверг предложение и заточил центуриона в темницу. В подземной тюрьме Аденистр Сенций уговорил других пленных помочь ему. Центуриону удалось бежать: он нашел Мебараспа, убил его и открыл ворота форта перед приближающейся римской армией. Можно только воображать, как наградил центуриона Сенция благодарный Траян.

Когда римская армия продолжала идти к Евфрату, «почти не встречая какого бы то ни было противодействия» со стороны врага и, очевидно, пользуясь разборными лодками для перевозки припасов, Траяну пришла в голову мысль построить канал между Евфратом и Тигром (*Dio. LXVIII, 26, 28*). Это могло бы позволить императору пройти по Тигру вплоть до самого Персидского залива, или, как называли его римляне, Эритрейского моря. Руслу двух рек подходили друг к другу соблазнительно близко — как раз у того места, где впоследствии вырастет город Багдад, — однако римские инженеры предупредили императора, что строить канал вредно, так как Евфрат протекает по более высокому месту, чем Тигр, и канал только высушит Евфрат. Решительно настроенный Траян, таким образом, приказал своим войскам тащить лодки по земле к Тигру.

На восточном берегу Тигра легионы пришли к зимней столице Парфии — Ктесифону. Ее парфянские защитники оказали определенное сопротивление, однако легионы вскоре взяли ее и, судя по всему, взяли также соседнюю Селевкию. На собрании в Ктесифоне легионы провозгласили Траяна императором. Судя по всему, Траян и основная часть его армии провели зиму 115/116 года в Ктесифоне, а Траян занимал дворец парфянских царей. Оттуда Траян послал свои последние

сообщения римскому сенату. Вслед за кампанией 114 года сенат даровал Траяну титул *Optimus*, что означает «Наилучший». Когда прибыли новости о последнем успехе императора на Востоке — особенно о захвате парфянской столицы, — сенат наградил его также титулом «Парфянский».

Весной 116 года н. э. Траян и часть его армии отплыли вниз по Тигру на своем флоте из ладей; они чуть не попали в беду, когда достигли низовьев реки, где речной поток встречался с наступающим приливом, и на лодки обрушился шторм. Римляне укрылись на речном острове Месена: его правитель любезно обошелся с Траяном. Траян продолжал двигаться к Персидскому заливу. Там, увидев корабль, который плыл в Индию — что напомнило императору о том, что Александр Великий дошел и туда, — Траян, как говорят, сказал: «Будь я помоложе, я непременно поплыл бы и к индам» (*Dio. LXVIII, 26, 29*).

Затем римляне возобновили поход вверх по Тигру. Будь то на воде против течения или по земле, движение должно было быть медленнее, чем восхитительное путешествие вниз по реке к Заливу. Траян нарочно остановился у древних руин Вавилона в 55 милях (88 километрах) к югу от сегодняшнего Багдада. Первоначальная культура Вавилона была древнее более чем на 1500 лет, уже когда Александр Великий умер здесь во время своего великого Восточного завоевательного похода. В Вавилоне Траяну показали комнату, где, по преданию, испустил последний вздох Александр, и затем он совершил богослужение в память великого македонского царя.

Во время своего затянувшегося пребывания в Вавилоне Траян получил тревожные новости. Пока он разыгрывал из себя туриста и плыл вниз по заливу и возвращался снова, «все ранее захваченные страны пришли в волнение и подняли восстания и местные народы либо изгнали, либо уничтожили размещенные среди них гарнизоны» (*Dio. LXVIII, 26, 29*). Нисибис и Эдесса были среди взбунтовавшихся городов, как и Селевкия, находившаяся лишь на сравнительно небольшом расстоянии от Вавилона. В ответ Траян быстро послал своих полководцев, мавра Квиета и Максима, чтобы те как можно скорее шли на север с мобильными отрядами, и отрядил армию под руководством командующих легионами — Эруция Клара и Юлия Александра, чтобы те снова взяли Селевкию — город с населением до 600 тысяч человек.

Парфяне вовлекли войска Максима в сражение в открытом поле. Римляне потерпели поражение, а верный Максим пал в бою. Лузий

Квиет возместил поражение Максима, вернув несколько ключевых городов, в том числе Нисибис, и штурмовал упорно оборонявшуюся Эдессу: его войска взяли и сожгли город. Селевкия также была взята снова Кларентом и Александром и также была сожжена после разграбления, хотя, видимо, ее разрушили не полностью.

Сам Траян возвратился в Ктесифон — парфянскую столицу, и на долине близ города он созвал собрание своих войск и всех живших там парфян. Поднявшись на высокую платформу перед всем народом, он рассказал собравшимся обо всем, чего достиг на этой войне, и объявил, что выбрал нового царя Парфии — это, как он сказал, будет Парфамаспат, парфянский принц, которого он вывел и увенчал короной.

Парфамаспата оставили в Ктесифоне править парфянами: он поклялся в верности Траяну и Риму. Между тем Траян повел свои войска на север к Хатре немного к западу от Тигра: обитавшие там арабы-атрены также взбунтовались и закрыли свои ворота перед римлянами. Город Хатра был небольшим и находился на краю пустыни — воды там было немного и деревьев в окрестностях не было совсем. Однако благодаря этим особенностям ее было трудно осаждать. Траян построил лагерь и окружил город и затем послал на стены своих легионеров с подрывными инструментами.

Вскоре войска сделали пролом; часть стены Хатры рухнула. Траян, в седле своего коня руководивший атакой и державшийся близко к месту сражения, немедленно послал кавалерию атаковать через пролом. Но атрены устроили контратаку, и столь свирепую, что отогнали римских кавалеристов обратно в лагерь. Траян снял свой пурпурный плащ командира и другие знаки императорского достоинства, чтобы его не узнали вражеские лучники, но теперь, когда войска толпой ринулись обратно в беспорядке, преследовавшие их хатранские лучники «обратили внимание на его благородную седину и величавый облик и, заподозрив в нем императора», осыпали Траяна тучей стрел. Сам Траян скрылся, не пострадав, но один из всадников в его свите был убит в этом потоке стрел (*Dio. LXVIII, 26, 29, 31*).

Осада Хатры продолжалась: осаждавших то мочил дождь и бил град, а порой им приносилось переносить страшную жару; римлян мучили мухи, которые массами садились на еду и питье. Особых успехов было незаметно, и моральный дух войск упал; военный сезон близился к концу. Траян отказался от попытки взять Хатру и приказал своим войскам собрать вещи и уходить. Армия шла на север, и Траян начал чувствовать себя все хуже и хуже.

В этом году легионы и вспомогательные единицы, участвовавшие в походе, понесли тяжкие потери. Припасов было немного, и Траян, который теперь был болен и измучен, увел свои войска из Месопотамии. Оставив армию в Армении и Каппадокии на зиму, он вернулся в Антиохию, где снова встретился с женой и племянником, который наблюдал за усилиями по перестройке столицы после недавнего землетрясения.

В начале следующего года — 117-го н. э. — Траян строил планы нового весеннего наступления в Месопотамии. Его поразил тяжелый удар, от которого у него парализовало левую сторону тела. Император пытался выздороветь; парфянские планы пришлось приостановить. И тогда, весной, до Антиохии дошли новости, что по Восточному Средиземноморью началось восстание иудеев. В Киренаике в Северной Африке якобы было убито 220 тысяч римлян и греков, живших в провинции. В Египте погибло еще больше гражданских лиц, а на Кипре 240 тысяч человек, как говорили, погибли от рук иудейских повстанцев (*Dio. LXVIII, 26, 29, 32*).

Теперь все мысли о том, чтобы возобновить операции в Месопотамии, были забыты: Траян решил устранить иудейскую проблему. Однако евреи в Иудее не восстали вместе со своими соотечественниками в остальных областях Востока, так что, дабы обеспечить, что Иудея останется спокойной, Траян откомандировал от своей армии VI Железный легион и разместил его в Капаркотне в Галилее лишь в 15 милях (24 километрах) от Назарета, в самом сердце иудейской территории.

В то же самое время Траян дал Луизию Квиету, префекту флота Турбону и другим старшим командирам приказы взять с собой еще войск из его армии и подавить иудейские восстания в других областях. Военные единицы быстро отправились в Египет и Киренаику на юге и по морю — в Кипр на западе. В то же самое время, чтобы укрепить римское владычество в Армении, Траян послал XVI Флавиев легион в город Самосата в Юго-Западной Армении, чтобы устроить там новую базу, а XV Аполлонов легион обосновался на бывшей базе XVI Флавиева в Сатале.

Летом 117 года римские войска прошли по Египту и Киренаике, чтобы закончить восстания, а триремы Мизенского флота Турбона вошли в гавани Кипра и высадили тысячи солдат. Под предводительством Квиета и его коллег римские воины, которые так недавно вели войну на уничтожение в Армении и Парфии, быстро и жестоко по-

давили все иудейские выступления. Те иудеи на Кипре, которые не были убиты в римской карательной операции, видимо, были взяты в плен, поскольку остров был очищен от иудеев, которым отныне запрещалось даже высаживаться на Кипр (*Dio. LXVIII, 26, 29, 32*).

К середине лета, когда хрупкое здоровье Траяна серьезно давало о себе знать, император решил — или его убедили окружающие — вернуться в Рим. В конце июля он отплыл в Италию с Плотиной, оставив Адриана в Антиохии все еще заниматься сирийскими делами. Проплывая вдоль турецкого берега, флотилия императора зашла в Селинунт в провинции Киликия, теперь область Анатолия в Южной Турции. Здесь в начале августа 117 года вскоре после прибытия Траян, видимо, перенес еще один удар и умер.

Итак, проведя на троне почти двадцать лет и собираясь отправиться в Парфянскую экспедицию, Траян ушел со сцены. В письме, подписанном его женой, но якобы от Траяна, 41-летний Адриан был назван его наследником. В результате Адриан был провозглашен новым императором Рима легионами на Востоке, и впоследствии это получило поддержку сената.

В конце концов, если не считать славы для самого Траяна и множества добычи для тех солдат из его войска, которым удалось пережить этот поход, Парфянские войны Траяна не имели никаких позитивных результатов и стоили очень дорого. Тысячи легионеров и воинов вспомогательных войск погибли в этой кампании, и, в то время как множество городов и поселков были ненадолго оккупированы или уничтожены, Рим не приобрел никаких новых территорий и источников дохода.

Тем временем парфяне отвергли и изгнали Парфамаспата, которого Траян выбрал царем, и назначили себе правителя по собственному выбору. Что касается баланса сил в регионе, то он не изменился. Евфрат продолжал служить границей между римским и парфянским миром. И парфяне восстановили свое влияние в регионе настолько, что они смогли даже вторгнуться в Сирию еще до конца столетия.

Адриан отправился в Италию, на досуге объехав восточные провинции. К лету 118 года он прибыл в Рим. Адриан отнюдь не хотел следовать по стопам Траяна в том, что касалось военной экспансии: император официально закончил кампанию на Востоке и послал I Вспомогательный легион обратно на базу в Мёзии на Дунае, которую он уже так долго занимал. Теперь Адриан взял на себя задачу укрепить границы по всей империи.

Еще до конца года многие из ведущих советников и полководцев Траяна были арестованы по обвинениям — возможно, вымышленным — в заговоре против Адриана и казнены. Среди погибших в этом «погроме» офицеров был Пальма, аннексировавший Каменистую Аравию для Траяна, и Квиет, тот самый мавр, который был самым надежным и эффективным боевым командиром в Дакии и на Востоке.

Адриан продолжал лишать власти людей Траяна и устраивал на Палатине все по-своему: даже блестящий, но самодовольный архитектор Траяна, Аполлодор из Дамаска, был отодвинут в сторону и в конце концов казнен новым императором. Адриан дошел до того, что снял верхние конструкции знаменитого моста Аполлодора через Дунай, оставив лишь массивные опоры. Адриан объяснял это тем, что якобы боялся, что по мосту варвары будут совершать через реку набеги на римскую территорию. Некоторые авторы даже предполагали, что он просто настолько ревниво относился к Аполлодору, что хотел уничтожить один из величайших памятников его гения.

При Адриане Рим теперь перешел от наступательной политики Траяна как на Западе, так и на Востоке, которую с финансовой точки зрения продолжать не мог, к политике обороны. С этого времени Римской империи пришлось всегда обороняться.

122 год н. э.

XLVI

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ IX ЛЕГИОНА

Разгадка тайны

Через некоторое время после 120 года н. э. IX Испанский легион исчез с лица земли: объяснения этому нет ни в одном античном тексте и ни в одной надписи. Позднейшие историки стали считать, что этот легион, последние сведения о котором сообщали, что он был размещен в Северной Британии, был уничтожен каледонскими племенами в Шотландии в 122 году н. э., а римские власти замолчали эту катастрофу. По крайней мере, такова была теория.

Популярный английский роман для детей (1954) — «Орел Девятого легиона» Розмари Сатклифф — был основан на предположении, что IX Испанский был уничтожен в «стране пиктов» в 117 году. Ни один

римский автор не называл племена Шотландии «пиктами» (разрисованными) до конца III века, но основная идея: легион был уничтожен в Шотландии, а сын легионера отправился на поиски, чтобы узнать, что же именно случилось с его отцом — воином IX Испанского легиона, — сделала книгу бестселлером, и по ней даже сняли популярный телесериал.

Эта популярность могла беспокоить серьезных ученых, и вскоре в академических кругах возникла встречная теория: что IX легион фактически был уничтожен десятилетием позже в Иудее во время 2-го Иудейского восстания 132—135 годов. Тем не менее в поддержку этой второй теории не было абсолютно никаких доказательств, помимо того факта, что римский историк Кассий Дион написал: «Впрочем, на этой войне немало погибло и римлян» (*Dio. LXIX, 14*).

Многие другие авторы предполагали, что IX Испанский был тем легионом, о котором Дион говорит, что его уничтожили парфяне в Элегии в Армении в 161 году н. э. в начале царствования Марка Аврелия. Однако, скорее всего, легионом, принимавшим участие в этих событиях, был XXII Дейотаров, который в ходе всей своей карьеры базировался на Востоке. И в конце концов, в 161 году прошло уже четыре десятка лет после последнего упоминания о IX Испанском.

Теория уничтожения IX Испанского легиона в Иудее в какой-то момент между 132 и 135 годами заняла господствующее положение в академических кругах, хотя и не было никаких данных о том, что легион вообще выводили из Британии или размещали на Востоке или что он вообще существовал в десятилетие между 122 и 132 годами н. э. Данные указывают на то, что два легиона, размещенные в Иудее в 132 году, — X легион Пролива и VI Железный, понесли большие потери во время мятежа, но ни один античный источник не говорит об уничтожении в Иудее целого легиона.

Тем не менее, чтобы поддержать теорию, что IX Испанский легион был уничтожен в Иудее в какой-то момент во время восстания, и дискредитировать идею о том, что IX Испанский был уничтожен в Британии в 122 году или раньше, некоторые авторы указывали на данные двух надписей в Голландии, которые, как они говорили, свидетельствуют о том, что IX легион вывели из Британии и он находился на нижнем Рейне после 122 года н. э. Предположили, что поскольку этот легион базировался в Британии с 43 года и никогда раньше не стоял на нижнем Рейне, то эти надписи, видимо, датируются каким-то временем после 122 года н. э., и это означает, что легион был переведен из

Британии вскоре после 120 года — так датируются последние нумизматические данные о пребывании легиона в Британии.

Кроме того, налицо тот факт, что в 122 году другой легион занял место IX Испанского в Британии, и некоторые авторы также предполагали, что это означает вполне мирный переход от одного расквартированного в провинции легиона к другому. Указывали и на то, что известно, что два офицера служили трибунами-латиклавиями в IX Испанском — Луций Эмилий Кар (ок. 119) и Луций Норвий Криспин Марциал Сатурнин в 121 году: оба выжили, и у них была длинная и славная карьера, поэтому легион не мог быть полностью уничтожен в 122 году или до него и должен был существовать после этого.

Последний пункт стоит рассмотреть подробно. Поскольку в одно время в легионе мог быть только один трибун-латиклавий, то Кар, который позднее стал консулом и правителем Аравии, должен был уйти из легиона к 121 году, и его заменил Сатурнин, как старший трибун и второй по старшинству офицер IX Испанского легиона. Тем не менее Сатурнин также выжил: он стал претором, командиром легиона, консулом и правителем провинции. Но здесь есть один интересный момент: отслужив в качестве трибуна с IX Испанским легионом, Сатурнин не получал никакого официального назначения в течение двадцати пяти лет. И только тогда, после всего этого времени, он получил командование легионом.

Как правило, оставив легион, человек, отслуживший в должности трибуна, должен был вскоре занять место в сенате и в последующие годы дальше продвигаться по карьерной лестнице; за этим быстро должно было последовать командование легионом. После 122 года карьера Сатурнина затормозилась намертво. Адриан не хотел иметь с ним больше ничего общего. Только в 147 году при императоре Антонине Пие Сатурнин наконец получил командование легионом — III Августовым в Африке. К тому времени ему было около пятидесяти. Столь зрелый командир легиона в любое время римской истории был редкостью. Два года спустя Антонин дал Сатурнину новое имперское назначение и его замершая карьера снова тронулась — консульство уже было не за горами (CIL. VIII, 2747, 18273).

Напротив, предшественник Сатурнина в IX Испанском — Луций Кар вступил в сенат, был претором, командовал легионом, стал консулом и правителем Аравии уже к 142 году н. э. (AE 1909. 236, Gerasa). Он достиг всего этого в то время, когда Сатурнина игнорировали, а высшая точка в карьере Кара — назначение губернатором провин-

ции — произошла за пять лет до того, как карьера Сатурнина началась вновь с его назначением командиром III Августова легиона.

Какое же событие внезапно притормозило карьеру Сатурнина и почему его карьера попала в полный штиль на четверть века? Может быть, он присутствовал при уничтожении IX Испанского легиона в Северной Британии в 122 году н. э.? Возможно, он, конный офицер, вместе с несколькими людьми из своего легиона спасся от резни — может быть, он ускакал галопом с немногочисленными кавалеристами точно так же, как Петилий Церриал спасся от бриттских мятежников Боудикки в 60 году н. э., когда он командовал IX Испанским легионом? А может быть, Сатурнина взяли в плен каледонцы, а потом возвратили? Позор поражения и сдачи или плена висели на шее римлянина, как табличка с позорной надписью. Многие офицеры и военные в ходе всей римской истории предпочитали покончить с собой, нежели жить с такими пятнами на своей репутации. Почему же тогда Луций Сатурнин расплачивался за этот позор в течение двадцати пяти лет?

Уже не первый раз старший офицер не попадал в списки тех, кто получал повышения после того, как его легион пострадал от врага в Британии. В 51 году н. э. в царствование Клавдия «враги нанесли поражение легиону, которым начальствовал Манлий Валент»: это были силуры в Уэльсе (*Тас. А. XII. 40*). Тацит не описывает эту битву и не рассказывает о том, где она произошла. Непонятно, о каком легионе идет речь, но, скорее всего, это был XX легион, который недавно прибыл с запада Англии после того, как в конце 40-х годов н. э. его перевели в Колчестер. Командир легиона Манлий Валент пережил битву, однако в результате поражения его подразделения он не получал повышения в течение следующих семнадцати лет.

В ходе всего остального царствования Клавдия и во все царствование Нерона Валент не получал дальнейших официальных назначений. Только в 68 году н. э., когда к власти пришел Гальба, Валент снова вернулся в списки офицеров, ожидавших повышения, начав (уникальный случай) со второго командования легионом — новым I Италийским. Валент стал консулом — гораздо позднее, на девяностом году жизни. Его случай является прецедентом, когда старший офицер легиона был отодвинут в сторону императорским дворцом на многие годы в качестве наказания за поражение его легиона во время службы на командной позиции.

Теперь рассмотрим данные по двум надписям IX Испанского легиона в Голландии. В Неймегене печати IX легиона на черепках говорят

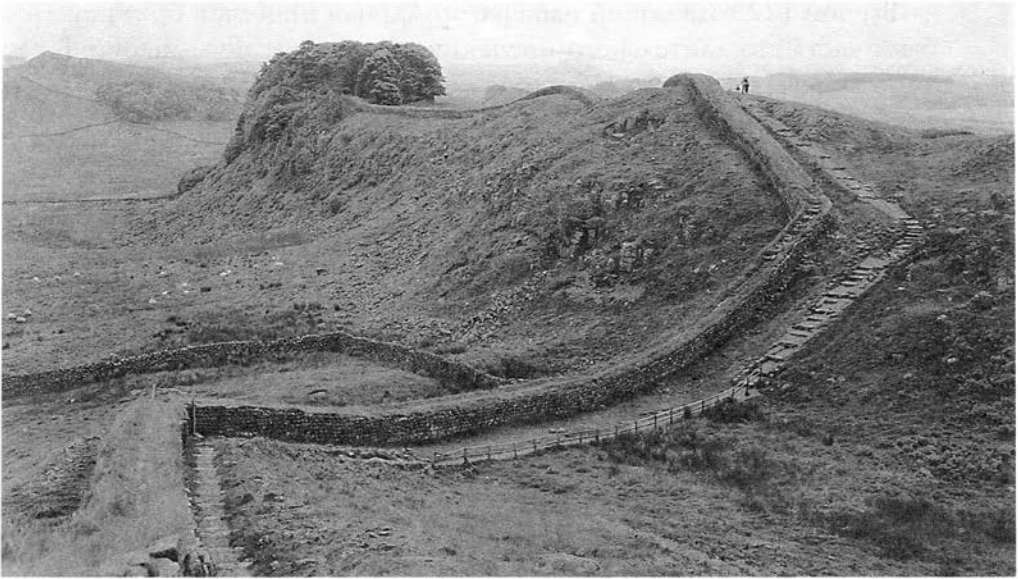
о том, что люди из него служили здесь, на нижнем Рейне, в какой-то период между 104 и 120 годами, согласно одному из источников (*Web. IRA. 2*). Рядом, в Ахене, имеется алтарь, посвященный Луцием Латинием Макром, префектом лагеря IX Испанского легиона (*Web. IRA. 2*). Нет никаких нумизматических данных, которые бы показывали, что легион в целом оставил Британию. То, что алтарь в Ахене был посвящен префектом лагеря данного легиона, означает, что он вел вексилляцию из этого подразделения, которая получила назначение на нижнем Рейне. Если бы тут был весь легион, то можно было бы ожидать, что посвящение сделает легат или трибун.

Другой ученый предположил, что подразделение из одной или более когорт из IX Испанского легиона было переведено из Британии в Нимеген в 113 году, когда Траян готовился к своей Парфянской кампании 114—116 годов (*Hold. RAB. I*). Таким образом, считается, что подразделение IX Испанского заменило войска, которые были сняты с Рейна и отосланы на Восток для Парфянского похода Траяна.

Историки указывают, что множество вспомогательных отрядов, в том числе кавалерийское крыло вконциев, было переведено из Британии на нижний Рейн около 113 года и, видимо, должно было сопровождать подразделение IX Испанского легиона (*Hold. RAB. I*). Все эти вспомогательные отряды, которые были переведены вместе с вексилляцией из IX Испанского вернулись на свои старые места в Британии примерно к 120 году (*Hold. RAB. II*). Это заставляет предполагать, что к 120 году подразделение IX легиона также вернулось к своему основному подразделению в Британию, где, как указывают нумизматические данные, легион в этом году и находился.

Как только Адриан стал императором, он стал вести оборонительную политику, выводя римские войска из тех мест, которые нельзя было удержать и строя пограничные оборонительные сооружения, такие как Адрианов вал. Однако исчез ли IX Испанский легион до или после того, как началась постройка стены?

Есть и еще один интересный факт. Известно, что до этого времени в Британии базировалось пять вспомогательных войск — кавалерийская ала и четыре когорты легкой пехоты: они также исчезли с лица земли в Британии в том же 122 году — ала Агриппиана Миниата, а также I когорта нервов, II когорта васконов CR, IV когорта далматов и V когорта ретов (*Hold. DRA*). Нет никаких данных о существовании этих боевых единиц после 122 года, так же как и нет данных, что они были куда-то переведены или распущены. Они просто исчезли. И эта ала, и эти когорты составляют как раз тот тип и минимальное количество поддерживающих единиц, которые должен был взять с собой в поход легион.

Действительно ли IX Испанский легион и его вспомогательные поддерживающие отряды попали в засаду каледонских племен в Шотландии в конце лета 122 года, когда они, ничего не подозревая, продвигались вперед по равнинной Шотландии? Был ли этот легион истреблен каледонцами — ограбленные тела павших римлян, священный орел IX легиона и все его остальные штандарты в руках победоносных варваров?.. И действительно ли второй по старшинству офицер легиона Луций Сатурнин пережил кровавую битву и спасся обратно в ряды римлян только для того, чтобы жить в позоре следующие двадцать пять лет?

Остатки Адрианова вала проходят через холмы Камберленда; первоначальный ров все еще виден на северной стороне. Веками стена все уменьшалась: с нее снимали камни, чтобы строить ограды для ферм и сами фермы

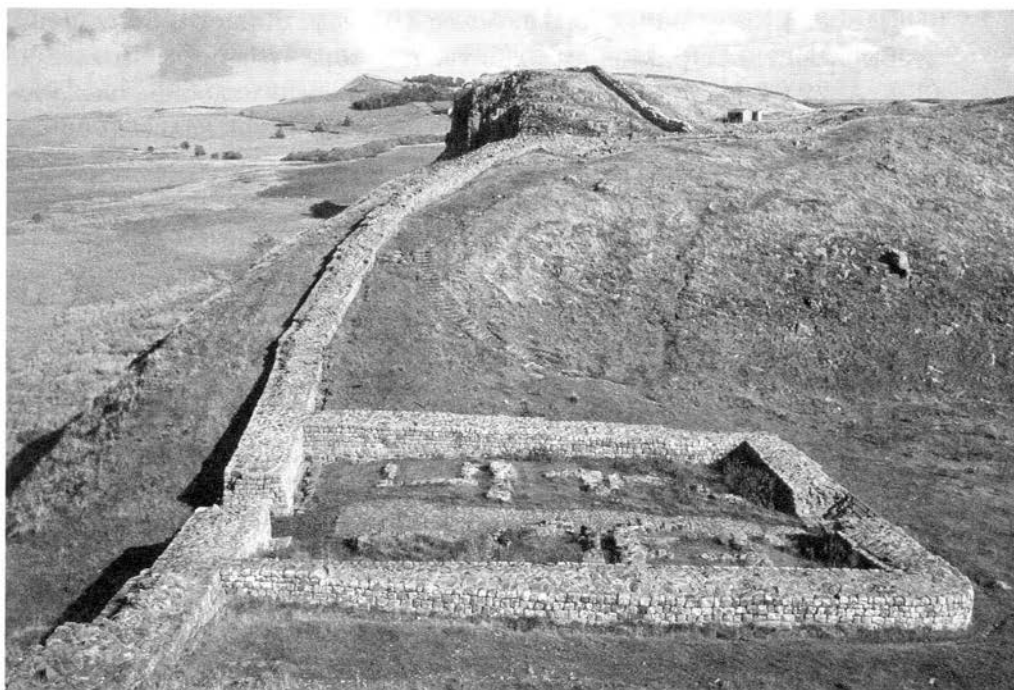
Весной 122 года новый император Адриан прибыл в Британию: это была часть его длительного инспекционного тура по империи. В том же году началась работа по сооружению стены с востока на запад через Южную Шотландию от одного берега до другого, чтобы не пускать варварские племена в Римскую Британию. Можно предположить, что уничтожение IX Испанского легиона в этом году подвигло императора отдать приказ о строительстве Адрианова вала. Но в ходе своего объезда империи Адриан приказывал строить укрепленные защитные сооружения, в том числе и валы, на границах во многих местах, а не только в Британии.

А вот еще один интересный факт. Летом 122 года н. э. люди из тринадцати кавалерийских ал и тридцати семи вспомогательных когорт, размещенных в Британии, получили почетную отставку после того, как отслужили требуемые двадцать пять лет в римской армии (*Birl. DRA*). Маловероятно, чтобы, если легион был только что уничтожен на границе провинции, император разрешил бы подобные увольнения. Могло ли быть так, что эти увольнения в запас произошли до уничтожения IX легиона и также сыграли в нем свою роль?

Через торговцев шотландские племена должны были узнать, что император объезжает Британию и приказал строить стену, чтобы сдерживать их. Они могли знать также, что многие римские вспомогательные подразделения будут увольняться в запас этим летом и солдаты в этих подразделениях будут только и ждать пенсии. Это была удачная возможность для варваров — до того, как построили стену и когда вспомогательные отряды оказались ослабленными уходом на пенсию опытных людей.

IX Испанский легион перешел в Карлайл из Эборака (Йорк) некоторое время спустя после 108 года. Вполне возможно, что это перемещение произошло летом 122 года, чтобы позволить легиону начать земляные работы на стене, которую приказал построить Адриан; такое краткое пребывание может объяснить, почему легион не оставил эпиграфических памятников в Карлайле. Это перемещение сделало IX Испанский легионом, чья база находилась дальше всего на север из легионов, размещенных в Британии и Римской империи. Римская крепость в Карлайле, которая занимала место рядом с городом, служившим столицей местного племени карветиев, стала военной базой, уступавшей в провинции только ее столице Эбораку (*Tom. DRA*).

Наверное, поздним летом, когда Адриан ушел из Британии, каледонцы послали сообщение командиру IX Испанского легиона, чтобы заманить его на север из базы в Карлайле. Может быть, командиру

сказали, что императорская стена и не понадобится, что племена готовы подписать длительный мирный договор с Римом — однако командир должен явиться быстро, пока все вожди согласны друг с другом, и должен привести так много войск, как только возможно, чтобы запугать местных и обеспечить, чтобы непостоянные варвары не отказались от соглашения.

Офицер, командовавший IX Испанским легионом, конечно, должен был хорошо знать, что Адриан стоит за укрепление римских границ; в некоторых случаях он отказывался от территории, завоеванной его предшественником Траяном, и отводил войска с тех позиций, которые, как он считал, удержать было нельзя. В отличие от Траяна Адриан не хотел распространять Римскую империю: он предпочитал заключать мир, а не вести войну. Поэтому командир IX Испанского легиона, обманутый каледонцами, воображая, как будет доволен император, если он сможет заключить с каледонцами мирный договор, повел свой легион, четыре вспомогательные когорты и кавалерийскую алу к северу от Карлайла. Поступив так, он завел 7500 человек в ловушку.

Остатки сторожевой башни на Адриановом валу. В каждой такой башне располагалось четыре человека из вспомогательных отрядов

Племена Каледонии собрали более 30 тысяч бойцов в 84 году н. э., чтобы сразиться с римлянами в битве при горе Гравпий в Шотландии (Тас. А. 29). Вполне можно себе представить, что подобное число каледонцев могло принять участие в засаде на IX Испанский легион тридцать восемь лет спустя — среди них были те, что выжил при горе Гравпий, и сыновья и внуки тех, кто пал в том сражении; все они жаждали мести. В короткой и жестокой кровавой бане эти люди взяли врасплох и уничтожили IX Испанский легион — тот самый легион, что принимал участие в поражении каледонцев в том сражении, — и сопровождавшие его вспомогательные подразделения. С этой засадой каледонцы отомстили за поражение своего народа при горе Гравпий.

В конце 122 года, перед тем как проходила последняя за год выплата жалованья, VI Победоносный легион вышел из своей базы в Ветере на нижнем Рейне. Вскоре легион прибыл в Южную Британию на борту кораблей Британского флота, затем поторопился на север, чтобы расположиться на новых квартирах в Эбораке. Он прибыл, чтобы заполнить брешь, оставленную IX Испанским легионом. Вскоре и три новых вспомогательных подразделения, только что набранные Адрианом, прибыли в провинцию (*Hold. DRA*). Замена для людей, ушедших на пенсию в начале лета, также должна была поспешно прибыть на остров. И работа на Адриановом валу стала срочной, как никогда.

Однако никто так и не сказал ни слова о том, что случилось с IX Испанским легионом — тем самым легионом, что служил Юлию Цезарю и восьми императорам в те времена, когда Римская империя поднялась к зениту своей славы. Официально было так, как если бы уничтоженный IX Испанский легион никогда и не существовал.

132—135 годы н. э.

XLVII

2-Е ИУДЕЙСКОЕ ВОССТАНИЕ

Мятеж Симеона бар-Кохбы

Если Траян был императором-солдатом, то Адриан — императором-туристом: он проводил больше времени в провинциях, объезжая их и рассматривая достопримечательности, чем в Риме. В 131 году его последняя поездка привела его в Иудею. На тот момент Адриану было

55 лет. Он был императором уже почти четырнадцать лет. Адриан укрепил римские границы, инспектировал гарнизоны и форты, отменил некоторые военные базы и переместил другие. И он учил своих легионеров и вспомогательные войска, тренировал их, менял те обычаи, из-за которых солдаты, по его мнению, жили в чрезмерной роскоши. Адриан укрепил дисциплину, которой повиновались его людям, и «учил их всему, что необходимо делать» (*Dio. LXIX, 9*).

К тому времени, как он взобрал на холмы Иудеи летом 131 года, чтобы увидеть некогда могучий иудейский город Иерусалим, Адриан думал о том, какое наследство он оставит истории. В 79 году, после поражения иудейских мятежников, удерживавших Иерусалим, римский полководец и будущий император Тит приказал X легиону Проллива стереть город с лица земли и затем построить себе постоянный лагерь среди руин. Когда Адриан и его окружение, в том числе люди из преторианской гвардии и конных телохранителей-сингуляриев, достигли Иерусалима, они увидели опустошенные окрестности, где некогда стоял город, куда ежегодно собиралось на иудейскую Пасху более миллиона человек.

Здесь было не так много зданий, достойных внимания. Видна была лишь вздымавшаяся над городом Храмовая гора, где был снесен Второй храм иудеев, построенный Иродом. И крепость X легиона Проллива, очевидно построенная вблизи бывшего дворца Ирода. Небольшая ветхая деревушка — *vicus* или гражданское поселение выросло у базы легиона: там жили те, кто обычно следовал за военным лагерем.

Теперь Адриан дал своим подчиненным указание снова отстроить город на месте Иерусалима. Он хотел дать ему статус колонии и поселить тут ушедших на пенсию легионеров. Император назвал новый город Элия Капитолина: название включало фамильное имя Элиев. Между тем высокая Храмовая гора так и просилась дать ей новое украшение, и Адриан приказал соорудить там римский храм, посвященный Юпитеру. Он также выпустил эдикт о том, что обрезание — принятый у иудеев обряд, который Адриан считал варварским уродованием людей, — отныне стало незаконным по всей империи. Вдобавок к основанию нового города Элия (пишет Евсевий, который был христианским епископом Цезареи в IV веке) «перед воротами, теми, через которые мы идем в Вифлеем, он [Адриан] поставил идола в виде мраморной свиньи, что символизировало подчинение иудеев римской власти» (*Eus. Chron. 2, NY 20*).

Поскольку Иерусалим был тем местом, где был расквартирован X легион Пролива, позднейшие историки предполагали, что пресловутая свинья (или кабан, как они его называли) была отныне принята как новая эмблема легиона. Однако, поскольку на его монетах после того, как легион оставил Иерусалим и был переведен в Аравию, мы видим его старые эмблемы — бык, дельфин и боевая галера, — очевидно, что Адрианова свинья символизировала город, а не стоявший там легион. Как разъясняет Евсевий, идол свиньи у городских ворот должен был, по мысли Адриана, быть намеренным двойным оскорблением иудеям, чья религия требовала избегать как свиней, так и рисованных изображений.

Адриан — тот самый император, который гордился тем, что поддерживает мир, — уехал в Египет. Однако он оставил в Иудее зажженный фитиль. «Иудеи считали недопустимым, что в их городе поселяются иноземцы и укореняются чужие святыни», — говорит Дион (*Dio. LXIX, 12*). Среди евреев Иудеи был лидер, которого звали Симеон бар-Косибя: именно он теперь направил негодование иудеев против действий Адриана, сделав их хорошо организованным движением сопротивления, и встал в его главе. Его право руководить было поддержано притязанием, что он-де происходит от царя Давида, и самым влиятельным в то время раввином, Акибой бен Йосефом, который назвал его бар-Кохба, или «Сын Звезды»: это значило, что он и есть долгожданный иудейский Мессия.

Именуя себя *наси*, или князем, бар-Кохба, как он стал повсюду известен, начал свое восстание медленно и хитро. В течение всего остального 131 года, согласно Диону, когда Адриан был еще рядом, сначала в Египте, а затем в Сирии, бар-Кохба и его сторонники продолжали изготавливать оружие, которое их господа требовали у них делать как часть дани, поставляемой Риму; но они делали его бракованным, так что оружие возвращали им для доработки. Таким образом они фактически делали оружие для себя. В то же самое время предводители мятежников начали строить подземные крепости в отдаленных местах и «на определенном расстоянии проделывали в этих подземных ходах лазы наружу, чтобы дать доступ воздуху и свету» (*Dio. LXIX, 12*).

Если бы римские чиновники в Иудее были более наблюдательными, они бы поняли, что среди местных что-то происходит, но они не обращали никакого внимания на признаки готовящегося мятежа. Им суждено было дорого заплатить за свою небрежность. К весне 132 года «вся Иудея пришла в возбуждение» (*Dio. LXIX, 13*). Иудеи собирались

езде — иногда публично, иногда тайно. Дион говорит об открытых и тайных актах иудейского сопротивления — помимо всего прочего, уничтожались римские статуи. И из чужих стран мятежникам приходила помощь: к востоку от Евфрата, в Парфии существовали большие иудейские общины, как и в других местах (*Dio. LXIX, 13*).

И затем однажды в первой половине 132 года н. э. мятеж вспыхнул по всей провинции — несомненно, это было несколько одновременных скоординированных атак, заставших римлян полностью врасплох. Два легиона, размещенные в провинции, X Пролива в Иерусалиме (или Элии Капитолине, как называли город римляне) и VI Железный в Капаркотне в Галилее, взяли на себя всю тяжесть борьбы с восставшими.

Губернатор провинции, Гиней Руф, пережил первоначальную революционную вспышку благодаря тому факту, что он находился в своей штаб-квартире на побережье в Цезаре, но для римлян в глубине страны все обстояло по-другому. Между тем все на иудейских территориях, кто не хотел поддерживать мятеж, также пострадали от рук восставших, которые, согласно позднему христианскому епископу Евсевию, «истребляли христиан всеми видами преследований», потому что те отказывались помогать им против римлян (*Eus. Chron. 2, NY 17*).

Когда новости о мятеже дошли до Адриана, он находился в Греции. Император немедленно приказал одному из своих лучших полководцев в Иудее командовать римской реакцией на мятеж. Эта задача пала на долю Секста Юлия Севера, тогдашнего правителя Британии. Один из консулов Рима на этот год поспешно отказался от своей должности, чтобы отправиться в Британию и занять там место Севера, сам Север, который, видимо, заработал себе воинскую репутацию во время Парфянской кампании Траяна, — полководец, названный только Севером, был упомянут Дионом среди успешных римских командиров в войне с парфянами, — отправился на Восток.

Очевидно, консервативный в военном плане Адриан не собирался снимать какие-нибудь легионы с Запада, чтобы помогать Северу, поскольку нет никаких данных о том, что легионы переводили на Восток на этой стадии мятежа. Север должен был подавить мятеж, пользуясь любыми ресурсами, которые он мог найти на Востоке вместе с несколькими вспомогательными отрядами, которые сопровождали его из Британии.

Однако Адриан наделил Севера самыми обширными полномочиями, которые поставили его намного выше наместников провинций, чья власть не распространялась за пределы отдельных провинций. Эти пол-

Монеты, выпущенные лидером повстанцев Симеоном бар-Кохбой: на них он провозглашается князем Иерусалима и свободной Иудеи

номочия позволили Северу привлекать военные подразделения из-за пределов Иудеи. Это также дало полководцу карт-бланш на действия в регионе от имени императора — как показывает термин *ex indulgentia divi Hadriani*, то есть «по позволению божественного Адриана»: термин использовался на специальных военных дипломах об отпуске, которые Север выпускал в Иудее (*Starr. V, 2*).

Возможно, Север взял с собой много базировавшихся в Британии вспомогательных подразделений в Иудею, а также подразделения из различных других боевых единиц в качестве личных телохранителей. Один из этих отрядов, который, скорее всего, был включен или являлся частью британского контингента Севера — I Испанская когорта, базировавшаяся в Мэрипорте в заливе Солвей-

Ферт, — известно, что префект этой когорты Марк Цензорий Корнелиан отправился в Иудею с Севером (*Hold. RAB. 4*).

Вполне возможно, что Север добрался до Иудеи только весной или летом 133 года н. э. Можно только представить себе, с какой ситуацией столкнулся Север и сопровождавшие его отряды, когда они прибыли в Цезарею на берегу Средиземного моря, отправившись из какого-нибудь порта в Южной Галлии или Западной Италии на кораблях Мизенского флота (*Starr. VIII*). Современные авторы говорили даже о том, что во время восстания бар-Кохбы иудейские повстанцы уничтожили целый легион. Но хотя Дион пишет, что римляне тяжело пострадали в ходе этого мятежа, ни он, ни какой-либо другой античный автор не говорят, что какой-нибудь легион был полностью уничтожен, ни даже что легион потерял своего орла.

Из двух легионов, которые, как более-менее достоверно известно, были уничтожены во II веке н. э., один — IX Испанский — исчез после

120 года н. э., и можно доказать, что погиб он в Северной Британии (см. с. 456—464). Другой легион, исчезнувший из документов, — XXII Дейотаров, скорее всего, был тем самым подразделением, который, согласно Диону, определенно был уничтожен в Армении в 161 году н. э.

О римских потерях во время 2-го Иудейского восстания Дион определенно говорит, что в этой войне погибло «немало римлян» и что вследствие этого, когда Адриан послал одно из своих ежегодных годовых посланий сенату в ходе этого конфликта — его должны были прочесть в здании сената 1 января (скорее всего, 133 года, после первого кровавого года мятежа), — он опустил традиционное вступление «Если вы и ваши дети здоровы, хорошо; я и войско здоровы» (*Dio. LXIX, 14*). Однако это еще не доказательство того, что был уничтожен целый легион.

Определенно оба легиона, стоявшие в Иудее, — X легион Пролива и VI Железный — должны были понести тяжкие потери на первых стадиях восстания. Особенно сильно, очевидно, пострадал X Пролива. Свидетельством тому может служить тот факт, что новоприбывший римский командир Секст Север был вынужден предпринять почти что беспрецедентный шаг, чтобы придать X легиону Пролива хоть какую-то боевую мощь. Как показывают дипломы по демобилизации, Север даровал римское гражданство ряду моряков и морских пехотинцев из кораблей Мизенского флота, которые привезли его в Иудею и которых он перевел в ряды X легиона Пролива (*Starr. VIII*). Центурионы этого легиона понесли столь тяжкие потери, что Север принял еще один, столь же неординарный шаг: он перевел префекта I Испанской когорты в этот легион в качестве старшего центуриона (*Hold. RAB. 4*). Несомненно, что происходили и другие подобные переводы.

Симеон бар-Кохба устроил свою штаб-квартиру в находившейся на вершине холма крепости Бетар в 8 милях (12 километрах) к юго-западу от Иерусалима. Сегодня деревня Биттир расположена у подножия холма, и около нее проходит железнодорожная ветка до Тель-Авива. На холме там находилась небольшая крепость еще со времен Первого храма в Иерусалиме, и бойцы бар-Кохбы перестроили обрушившиеся каменные стены, которые шли на продолжении 1000 ярдов (915 метров) вокруг холма, отремонтировали полукруглые бастиины, поставленные вокруг стен, и выкопали ров глубиной 15 футов (4,5 метра) и шириной 50 футов (15 метров), который проходил по перемычке, соединявшей холм с горной грядой на юге. Крепость,

имевшая приблизительно овальную форму, покрывала 25 акров (10 гектаров) каменистой земли (*Yadin*. 13).

С уверенностью можно сказать, что мятежникам удалось захватить и уничтожить крепость X легиона Пролива в Иерусалиме при первой вспышке восстания и снести ту самую оскорбительную мраморную свинью, которая стояла над городскими воротами. Все воины легиона, которых удалось поймать, видимо, были зарублены повстанцами точно так же, как был истреблен в 66 году римский гарнизон Иерусалима. Только те когорты X легиона, которые занимали внешние базы, и его I когорта, которая вместе с легионным орлом находилась в столице провинции — Цезарее, избежали судьбы своих товарищей в Иерусалиме.

Бар-Кохба провел в Бетаре следующие три года, правя Иудеей как самопровозглашенный «князь» и «председатель» с помощью своего синедриона — верховного иудейского религиозного совета. Он также назначил еврейских администраторов в различные области Палестины. Дошедшие до нас документы говорят, что многие из этих администраторов все еще одобряли сдачу земли внаем в своих областях три года спустя (*Yadin*. 12). Бар-Кохба также выпускал свои собственные монеты — возможно, для этого он переплавлял попавшие ему в руки римские монеты: изображения на римских монетах, представлявшие императора и его легионы, были чужды иудеям. На этих новых монетах были такие легенды, как «I год свободы Израиля» и «Симеон, председатель Израиля» (*Yadin*. 1).

Римский полководец Север столкнулся с той же самой задачей, которая ожидала Веспасиана в 67 году н. э., — отвоевать Иерусалим и большую часть Иудеи из рук мятежных иудеев. Чтобы добиться этого, ему было нужно гораздо больше людей. Нумизматические данные показывают, что, чтобы укрепить позиции римлян в Иудее на время мятежа, Север привел два легиона из соседних провинций — из Аравии III Киренаикский и из Рафанеи в Южной Сирии — III Галльский.

Весьма вероятно, что Север также использовал вексилляции из других легионов Востока. Вексилляция из IV Скифского легиона, например, которая базировалась в Зевгме в Сирии, скорее всего принимала участие в иудейском контрнаступлении Севера, поскольку центурион легиона XX Валериева Победоносного, Лигустиний Дизерт, сопровождал Севера из Британии в Иудею и потом служил в IV Скифском во время мятежа. Имя Дизерта заставляет предполагать, что он сам был уроженцем Сирии, как и многие воины XX Валериева Победоносного. Знание Дизертом местных реалий могло быть причиной того, что Се-

вер взял его в Иудею. После мятежа Дизерт вернулся в свой собственный отряд, XX Валериев Победоносный, в Британию (*Hold. RAB. 4*).

Писатель IV века Евсевий считал, что именно наместник провинции Тиней Руф командовал Римской операцией по подавлению мятежа и писал, что «Руф, правитель Иудеи, с войском, присланным ему в помощь императором, безжалостно, пользуясь их безумием, преследовал» мятежников. Север превосходил Руфа по рангу, и командование в этой войне принадлежало ему. Согласно Евсевию, он также «уничтожал их десятками тысяч: мужчин, женщин, детей — всех заодно; всю страну их, по закону войны, поработил» (*Eus. EH. IV, 6*). Нет никаких сомнений в том, что римский ответ на мятеж действительно был суровым и беспощадным — таким же, каким было истребление восставшими римлян, когда восстание только началось. Однако контрнаступление не было таким быстрым или настолько уверенным, как предполагает Евсевий. Эта война оказалась долгой и мучительной.

Располагая только двумя полностью укомплектованными легионами (Третьими), разбитыми остатками VI Железного и X Пролива, вексилляциями еще из множества легионов и вспомогательными войсками, Север разработал жесткую, но эффективную стратегию для лучшего разворачивания своих войск, которые находились в значительном меньшинстве, против сотен тысяч вооруженных мятежников и их сторонников. «Север ни в одном месте не рискнул в открытую напасть на противников, видя их многочисленность и отчаянную решимость», — говорит Дион (*Dio. LXIX, 13*). Север разбил свои подразделения на несколько широкомасштабных группировок поменьше. Эти отряды перехватывали иудеев небольшими группами, брали их в плен, осаждали, лишали пищи и оставляли умирать. В других местах мобильные отряды римлян совершали быстрые набеги туда, где они замечали скрытые места расположения иудеев, уничтожив их всего пятьдесят (*Dio. LXIX, 13*).

Когда аванпосты были уничтожены, выжившие иудейские бойцы и их семьи удалились в отдаленные тайные места. Много таких убежищ мятежников нашли в XX веке израильские археологи в скалистых высотах к западу от Мертвого моря. Между Энгеди и Масадой археологи обнаружили множество пещер вдоль скал вади Нахаль-Гевер: в одной из них были древние скелеты восемнадцати мужчин, женщин и детей, оружие и орудия, которые датировались примерно II веком.

Показательно, что в одной из таких пещер археологи нашли и архив иудейских документов, написанных на папирусе. Среди них были и

письма от самого Симеона бар-Кохбы его подчиненным, содержавшие приказы. В одном таком письме бар-Кохба писал: «Возьми юношей и приходи с ними. Если нет — накажу. А с римлянами я разберусь». Другие письма от бар-Кохбы и его заместителей требовали ловить предателей (*Yadin. 10*).

Доступ в эти пещеры Нахаль-Гевера (иные из них расположены на опасных горных обрывах) был затруднен, и обнаружить их было еще труднее. Это были идеальные убежища для мятежников: отсюда они могли возникать и неожиданно нападать на римские войска. В конце концов римские военные поняли, что где-то по соседству находятся тайные укрытия иудейских мятежников: в этих местах есть и остатки двух небольших римских лагерей, расположенных на стоящих друг напротив друга вершинах скал над вادي Нахаль-Гевер. В обоих лагерях могло поместиться до восьмидесяти человек — подразделение, примерно равное по численности центурии (*Yadin. 10*). Это укладывается в историю, рассказанную Дионом, — несколько небольших подразделений отделились от своих легионов, когорт и ал и были посланы в глубь страны, чтобы безжалостно вылавливать мятежников.

Согласно папирусу 124 года н. э., I Фракийская милиарная когорта находилась в Энгеди, неподалеку от пещер Нахаль-Гевер (*Hold. DRA*). Эта когорта, состоявшая из 800 человек, продолжала базироваться в этом районе и после восстания бар-Кохбы (*Yadin. 10*). Кажется весьма вероятным, что два римских лагеря на Нахаль-Гевер принадлежали центуриям из I Фракийской когорты и что именно эти войска в конце концов захватили большинство иудеев, прятавшихся в этом регионе, и разобрались с ними — за исключением той группы из восемнадцати человек, которых римляне так и не нашли; видимо, они умерли голодной смертью в пещере, которую называли пещерой Писем.

В то время как в бесплодных окрестностях Мертвого моря велась охота на мятежников, другие римские войска, чтобы лишить их крова и поддержки, одна за другой разрушали иудейские деревни по всей Палестине; зона римского контроля приближалась все ближе и ближе к Иерусалиму и штаб-квартире бар-Кохбы в Бетаре. Согласно Кассию Диону, в ходе применения этой стратегии выжженной земли было уничтожено 985 деревень (*Yadin. 14*). Это, как говорил Дион, был медленный процесс, однако римским войскам наконец удалось «истощить силы, нанести потери и подавить» иудеев. Это была операция этнической чистки, которая в ходе трех лет стоила жизни 580 тысячам иудеев; Дион не был в состоянии подсчитать, сколько их умерло от голода,

болезней или погибло в сожженных деревнях, однако от всего этого и меча «почти вся Иудея была превращена в безлюдную пустыню» (*Yadin. 14*).

Римские операции против мятежников в Иудее продолжались три года, однако, судя по всему, к зиме 134/135 года, два года спустя после первой вспышки мятежа, осталось взять только штаб-квартиру бар-Кохбы в Бетаре; она уже оказалась изолированной. Ситуация в Иудее была урегулирована достаточно, чтобы императорский дворец и Адриан вывели вспомогательные единицы из провинции и перевели их на север под командование наместника Каппадокии Арриана для кампании против вторжения аланов в Малой Армении.

Этот перевод стал возможен также потому, что из Европы к легионам прибыли подкрепления. Возможно, Север убедил императора, что одного последнего, усиленного напора будет достаточно, чтобы обеспечить уничтожение мятежников, засевших в Бетаре, и что восточные легионы слишком утомлены: Адриан послал вексилляции из V Македонского легиона, тогда базировавшегося в Трезмисе в Мёзии, и из другого легиона, также стоявшего в Мёзии, — XI Клавдиева, чьей базой был Дуростур (*Yadin. 13*).

Когорты из этих двух легионов из Мёзии, видимо, привезли из Европы вместе; они прибыли как раз вовремя к весеннему наступлению 135 года. Север отвел свою армию к Бетару, окружив его осадной стеной длиной 4 тысячи ярдов (3,656 метра) и поставил два больших лагеря на сухой и скалистой земле — эти лагеря можно видеть и сегодня. Размеры одного из лагерей составляли 400 ярдов (365 метров) на 200 ярдов (182 метра), и он был достаточно велик, чтобы в нем поместилось 5 тысяч человек — эквивалент целого легиона, в то время как другой был примерно в половину меньше первого лагеря (*Yadin. 13*).

Используя камни, рассыпанные по всей округе, римские войска построили низкие стены вокруг своих палаток в лагерях, и эти стены сохранились до сих пор. Вблизи одного из лагерей есть источник, и в минуту безделья легионеры, которым поручили таскать воду, вырезали здесь, на скале, надпись «LEG V MAC ET XI CL», обозначив таким образом два легиона, принявшие участие в осаде Бетара, — V Македонский и XI Клавдиев (*Yadin. 13*).

Согласно иудейскому Мидрашу, 200 тысяч евреев собрались в Бетар вместе с бар-Кохбой. Другие иудейские источники говорят о еще большем числе. Так или иначе, крепость на холме должна была быть не-

вероятно переполнена. Стоя на больше чем 2 тысячах футов (609 метров) над уровнем моря, Бетар был окружен с трех сторон глубоким естественным оврагом с каменной перемычкой, связывавшей вершину с окружающими горами на юге — здесь защитники выкопали свой ров (*Yadin. 13*).

Предпринимая осаду Бетара, Север следовал модели, использовавшейся при осаде соседней Масады шестьдесят два года назад. Окружив иудеев и отрезав их от внешней поддержки, он начал строить земляную насыпь через южный перевал к стене крепости. Когда с этим делом было покончено, насыпь должна была заполнить защитный ров и привести к вершине холма, позволив легионам подойти туда как бы по большой дороге и получить доступ в крепость через стену. Между тем римские катапульты продолжали постоянно обстреливать иудеев — защитников крепости.

«Осада затянулась, — пишет Евсевий, — мятежники гибли от голода и жажды и дошли до последней крайности. Виноватый в этом безумец понес достойное наказание» (*Eus. ЕН. IV, 6*). Осада завершилась еще до конца лета — традиционные иудейские источники говорят, что бар-Кохба был мертв к сентябрю 135 года н. э. (*Yadin. 10*). Из рассказа Евсевия кажется, что Бетар пал, а Симеон бар-Кохба погиб — возможно, покончив с собой — перед тем, как была закончена осадная насыпь, которую строили римские легионеры.

С падением Бетара и истреблением всех, кто находился в его стенах, 2-е Иудейское восстание пришло к своему кровавому завершению. По распоряжению Адриана иудеям запретили когда-либо снова входить в Иерусалим или даже приближаться к нему, так что «даже издали» они не могли «взглянуть на родные места» (*Eus. ЕН. IV, 6*). В Иерусалиме и по всей провинции в областях, ранее иудейских, должны были быть построены римские колонии. По распоряжению Адриана, чтобы истребить вообще всякое упоминание о евреях, название провинции поменяли с Иудеи на Сирию Палестину — название Палестина было связано с филистимлянами, исконными врагами еврейского народа.

Кровавый мятеж Симеона бар-Кохбы и его краткое царствование в качестве князя Израиля вызвало предсказуемо жестокую реакцию Рима. Уже второй раз римлянам пришлось принести большие жертвы по вине иудеев в Иудее. Адриан твердо решил: третьего раза не будет. Иудеев изгнали с их родины, и Иудея уже больше не становилась для Рима горячей точкой.

135 год н. э.

XLVIII
АРРИАН ПРОТИВ АЛАНОВ

Отпор варварам

К зиме 134/135 года римские войска практически раздавили 2-е Иудейское восстание. Последние мятежники были осаждены в Бетаре, а легионеры прибывали из Европы, чтобы предпринять летом осаду крепости; ситуация в Иудее повернулась достаточно благоприятно, чтобы императорский дворец обратил внимание на другую угрозу на Востоке.

Летом 134 года, узнав от царя Иберии (сегодня Грузия) Парасмана, что войска Рима оказались связанными в сражениях в Иудее с мятежниками, тысячи конных воинов из племени аланов, сарматы из области Кавказа между Каспийским и Черным морями пошли на юго-восток (*Dio. LXIX, 15*). Согласно Диону, аланы вторглись на территории Албании и царства Мидия, где причинили «тяжелые бедствия» (*Dio. LXIX, 15*). Оттуда аланы стали угрожать Армении, Малой Армении, Каппадокии, Понту и соседним римским провинциям.

Кочевники-аланы (*alani*) происходили с северного побережья Черного моря; они славились и как коневоды, и как свирепые воины-всадники. Военная политика Адриана, в отличие от его предшественника, императора-солдата Траяна, была нацелена скорее на оборону, чем на наступление. Однако наступательные операции против аланов, нацеленные на то, чтобы выгнать их обратно за горы и закрыть западные проходы с Кавказа, имели оборонительные цели — обеспечения безопасности уже существующих римских территорий и территорий соседей Рима.

Теперь, когда большая часть груза была снята с римской армии в Иудее, римляне могли переправить достаточно ресурсов на наступление против аланов. Для руководства этой операцией был выбран Флавий Арриан, или просто Арриан, как его называли позднейшие авторы. Тогдашний римский наместник провинции Каппадокия, Арриан родился в Никомедии в Вифинии около 90 года н. э. Поднявшись вверх по римской карьерной лестнице, Арриан вошел в римский сенат примерно в 120 году н. э. и десять лет спустя стал консулом.

Чтобы попасть в сенат и позднее получить консульство, Арриан должен был служить младшим офицером во вспомогательных войсках и

легионах Рима; вершиной карьеры должно было стать командование легионом. На ранней стадии своей карьеры он почти определенно служил в Британии, поскольку в одной из своих работ он описывает британских лошадей, запрягавшихся в колесницы, как будто его сведения — из первых рук. Арриан был греческого происхождения и поклонялся Александру Великому: он написал биографию греческого царя в семи томах. Она стала одним из наших основных источников по Александру и его военным завоеваниям.

Арриан также написал учебник по военному делу; хотя автор ностальгировал по греческой армии эпохи Александра, в которой главную роль играли фаланги копейщиков, его трактат все-таки многое говорит о римской армии как в эпоху Арриана, так и раньше. Арриан и руководил войсками на переднем крае, так и организовывал военные кампании в мельчайших деталях заранее. Копия его распоряжений для экспедиции 135 года н. э. против аланов — *Acies contra Alanos* — дошла до нас, и поэтому мы очень хорошо представляем себе, как проходило его задание.

В своем непосредственном распоряжении для этой кампании Арриан имел XV Аполлонов легион в Сатале в Каппадокии. Это, как знал Арриан, был очень опытный легион с долгой историей; у него был длинный список боевых заслуг как на Востоке, так и в Европе, в том числе 1-е Иудейское восстание и Дакийские войны. XV легион должен был стать ядром армии Арриана, а командир легиона Марк Веттий Валент — заместителем полководца.

К XV легиону Арриан добавил еще один легион, базировавшийся в тех местах, — XII Молниеносный, который находился в Мелитене в Каппадокии с тех пор, как принимал участие в 1-й Иудейской войне в 66–70 годах н. э. Для этой кампании XII Молниеносный находился под командованием старшего трибуна, точно так же, как и во время Иудейской войны. XII потерял как своего орла, так и командира в столкновении с иудейскими мятежниками в 66 году, и вполне можно думать, что после такого позора легиону и не давали командира в ранге сенатора.

Одним из вспомогательных подразделений в армии Арриана была I Апамейская когорта, смешанное подразделение из лучников, как конных, так и пеших: их набрали в Апамее в Сирии. За некоторое время до этого подразделение базировалось в Египте, но потом, до того как попасть в Каппадокию, когорта, видимо, приняла участие в операциях Секста Севера в Иудее. Два фактора говорят о том, что Алан-

ская операция не была необдуманном наступлением, предпринятым по местной инициативе, а операцией, которая планировалась и направлялась императорской ставкой в Риме. Во-первых, чтобы Арриан мог вывести легионы, базировавшиеся в Каппадокии, из своей провинции, он нуждался в специальном разрешении императора; в противном случае он нарушил бы закон и сенат даже мог бы объявить его врагом государства. Таким образом, Арриан получил специальные полномочия для этой операции от Адриана, как и Север в Иудее.

Во-вторых, из вспомогательных подразделений, которые принимали участие в Аланской операции, шесть были специальными отрядами пеших и конных лучников: это говорит о том, что они очень тщательно отбирались для этой миссии. Это была самая большая концентрация лучников в какой бы то ни было римской провинции в то время. Например, в Британии не было ни единого подразделения лучников, в то время как в Сирии было только одно (*Hold. DRA*). Запланированная Аррианом тактика наступления на аланов должна была во многом зависеть от лучников, и это говорит о том, что он специально просил прислать ему лучников. Или же он, зная, что аланы, как и многие восточные племена, сами сильны лучниками и все ездят верхом, императорский дворец мог решить придать Арриану большой контингент лучников, чтобы, как говорится, нашла коса на камень.

Вспомогательные подразделения и союзные войска, которых прислали союзники, пришли в Малую Армению или поздней осенью 134 года и провели зиму в Каппадокии или Малой Армении, или же проделали свой путь весной 135 года. Как бы то ни было, еще до конца весны 135 года все элементы армии Арриана, в том числе и местные войска, явились в место сбора. Из Цезареи Мазак, столицы Малой Армении, армия Арриана пошла на восток, к Кавказу, намереваясь отбросить аланов за горы обратно.

Вдобавок к двум легионам армия Арриана включала четыре кавалерийские алы (в том числе одну — из темнокожих мавров), отряд союзной кавалерии из племени гетов (первоначально из Фракии) и значительное число конных лучников, которых дал римлянам царь Армении. Что касается вспомогательной пехоты, у Арриана было десять когорт вспомогательной легкой пехоты, а также конные пехотинцы и пешие и конные лучники (согласно цифрам, приведенным Аррианом, не все были полностью укомплектованы) и две группы воинов неизвестного размера, которых дали римские союзники. В общем и целом в римском войске было больше 20 тысяч человек.

Судя по всему, Арриан произвел разведку территории, на которую теперь ступали его войска (или лично он, или же тот, чьему мнению он полностью доверял, сделал это для него). Поскольку, основываясь на уже имевшейся информации о местности, Арриан выбрал определенную долину у подножия Кавказа, где он собирался сразиться с аланами после того, как они пересекут горы, — в приказах своим офицерам он писал о «назначенном месте» для битвы (*Arr.* ЕАА. 11). Это была долина, где пехотинцы легко могли построиться в боевой порядок на плоской почве, в то время как с обеих сторон были пригорки, где Арриан планировал поставить лучников и пращников.

Арриан также весьма тщательно определил порядок марша. Он вообще любил порядок в строю и знал, что римские армии на марше — например, армия Вара в Тевтобургском лесу в Германии в 9 году н. э. — уничтожались, когда они двигались в беспорядке врагами, которые зачастую были гораздо ниже римлян как по численности, так и/или по экипировке. Дисциплинированное построение Арриана, когда он в 135 году вел свою армию, начиналось с кавалерийских разведчиков, которые шли далеко впереди войска парами. Авангард армии состоял из вспомогательной кавалерии, пехоты и лучников; за ними шли два легиона, потом телеги с катапультами Арриана; фланги защищали конные лучники. Затем шли еще вспомогательные войска, потом основной обоз и арьергард кавалерии, состоявший из союзников-гетов.

По распоряжению Арриана его войска шли в молчании; единственными звуками были шаги ног и копыт, шум колес, перезвон колокольчиков на тысячах мулов в обозе и шум сбруи и экипировки. Каждое подразделение было очень похоже на другое; похожи были и униформы, и экипировка. Зачастую единственным способом различить их было посмотреть на рисунки на их щитах. Выделялись только союзники — армянские лучники в своих широких штанах и чешуйчатом доспехе; они ехали на лошадях, также одетых в кольчуги.

Достигнув выбранной долины — точное местоположение ее неизвестно, Арриан послал конных разведчиков, чтобы те вскарабкались на окружающие высоты и выслеживали врага. Между тем римская кавалерия образовала большой круг на плоской земле, готовая защитить пехоту, если враг появится неожиданно. Внутри кавалерийского строя и все еще в молчании, римские пехотинцы надевали дополнительную амуницию, которую брали из обоза, и затем становились на назначенные боевые позиции.

Армия Арриана, следуя плану сражения, которое он тщательно начертил еще в Мазаке, рассеялась по долине и на высотах по обеим ее

сторонам. Арриан не пользовался стандартной римской формацией для отражения атаки кавалеристов — клином. Вместо этого большая часть его переднего края была плоской и прямой. XV Аполлонов легион занял правую сторону переднего края, построившись в четыре ряда. Командир легиона, Валент, должен был командовать всеми войсками справа, в том числе вспомогательными, легкой пехотой, пращниками и конными лучниками из Армении, которыми командовали их вожди Вазак и Артбел. Здесь Арриан ввел тактику, которую придумал сам: эти подразделения на фланге огибали подножия холмов, выдаваясь вперед из прямой линии фронта, словно рога быка.

XII Молниеносный легион занимал левый фланг и тоже был выстроен в четыре ряда. Трибун этого легиона командовал левым флангом. Как и справа, тут были легкая пехота, конные лучники и кавалерия на левом фланге, они также следовали возвышенному рельефу местности, образуя выдававшийся вперед «рог». Кавалерия была размещена перед пехотой на флангах: она получила приказ не метать копьа во врага, но вытянуть их вперед, так что у каждого воина задняя часть копьа шла параллельно боку лошади — это добавляло силы для удара. Эти выступающие копьа образовали колючую стену, которая помешала бы врагам подойти к римским флангам и должна была не дать аланам добраться до лучников, стоявших за кавалеристами.

Непосредственно за этими передними линиями слева и справа была быстро развернута артиллерия; артиллеристы получили приказ выстреливать свои снаряды через головы легионеров и ауксилиариев, выстроившихся впереди них. Длинная линия ауксилиариев, в том числе и пеших лучников, вытянулась между катапультами за рядами легионеров. Арриан сам стал за линией лучников, где находились другие катапульти. Здесь из своего седла полководец мог видеть за лучниками ряды легиона и быстро разглядеть любые проблемы, которые могли возникнуть у легионеров, ядра его армии — и издать нужные приказы, чтобы решить вопрос (*Arr.* EAA. 23).

Главкомандующего сопровождали штабные, все на конях, в том числе и личный знаменосец и трубач, а также телохранители наместника — его конные *equites singulares*, которые были набраны в различных конных подразделениях для престижной задачи — защищать Арриана; кроме того, там были 200 легионеров, лично выбранных командующим из XV Аполлонова легиона, и 100 копейщиков с легкими копьями.

Диспозиция Арриана означала, что римляне заблокировали долину. Аланы могли пройти только по трупам солдат Арриана. Действитель-

но ли запланированное сражение имело место или нет, мы не знаем, однако результат кампании Арриана против аланов говорит в пользу такого предположения. Если битва прошла по плану Арриана, то Арриан должен был послать кавалерию, чтобы аланы начали ее преследовать и заманили их в долину, где варваров ждали римляне. С другой стороны, может быть, кочевники-аланы теперь просто шли на запад, когда зима прошла, а снег на горных перевалах растаял — а на пути у них встал Арриан.

Аланы пришли с северо-востока. Сколько их было точно, неизвестно, но это было большое племя, и их армия могла достигать 10 тысяч человек; воинов могло быть и больше. Все они были конниками; как заменил Арриан, и всадники, и кони носили тяжелые доспехи (*Arr. EAA. 31*). Уверенные в своей способности раздавить любых пехотинцев, которые были бы настолько глупы, что осмелились бы сопротивляться им, аланы, наверное, должны были радостно напасть на стоявшую у них на пути римскую армию.

Поскольку «рога» римской боевой линии занимали возвышенности, то аланы должны были пойти через долину, пытаясь раздавить римские легионы на плоской земле в центре, не обращая внимания на вспомогательные войска на флангах. По команде Арриана римская армия молчала, когда тысячи всадников-варваров скакали к ним, вооруженные длинными копьями, мечами и боевыми топорами.

Трубач главнокомандующего протрубил сигнал. Изогнутые прямоугольные щиты четырех рядов легионеров XII и XV легионов были подняты, и люди в первых трех рядах сомкнули щиты, создав три прочных стены. Вторая и третья линия двинулись вперед, создав прочную массу из людей и щитов. Так они и стояли тут, как сельди в бочке, с поднятыми щитами, выдвинув левую ногу вперед, готовые отразить удар атакующих всадников. А за ними воины из четвертой линии легионеров немного отступили — на расстояние броска, держа в правой руке дротик.

На флангах пращники и копейщики были уже готовы выпустить свои снаряды; им было приказано сосредоточить огонь на определенном месте в передних рядах атакующей кавалерии врага. За ними катапульти выдвинули в позицию для огня и зарядили их длинными стрелами с металлическими наконечниками. На флангах и плотно сомкнутой линии, простиравшейся за легионами, стрелки поднимали луки к небесам и оттягивали свои первые стрелы.

На своем коне ждал Арриан, глядя, как атака аланов ведет все ближе и ближе массу вражеских конников. Время решало все: полководец

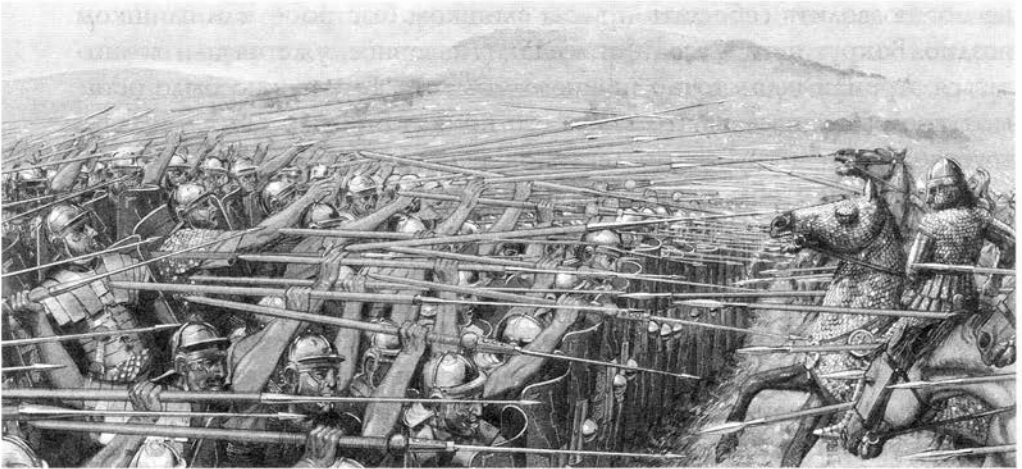
не мог позволить себе дать приказ слишком быстро — или слишком поздно. Вокруг него и люди, и лошади, наверное, уже начали волноваться. Арриан ждал точно нужного момента. Ему нужно было оставить время в запасе на то, чтобы его приказ был передан — сначала трубачом, потом трубачами легионов, и потом, чтобы войска успели среагировать и чтобы их снаряды полетели туда, куда хотел Арриан, — прямо на передний край вражеской атаки.

И вот полководец дает приказ, которого все так ждали. Как заметил Арриан в своем пособии по тактике, шум боя иногда может сделать для войск затруднительным восприятие команды. Именно поэтому штандарт полководца должен зрительно демонстрировать, какой была предыдущая команда. Когда войска, предварительно получившие соответствующие распоряжения, слышали звук трубы, которого они ждали, приходил в движение и штандарт полководца — возможно, знаменосец быстро двигал его вверх-вниз. Распоряжения Арриана пред битвой требовали, чтобы его люди в этот момент должны были «поднять самый громкий и устрашающий воинский крик» и выпустить свои снаряды (*Arr. EAA. 25*).

Люди из первых трех линий легионов, ждавшие возможности отразить вражескую атаку с поднятыми щитами, плотно прижатými к левому плечу, теперь должны были увидеть и услышать, как над их головами сзади летят тысячи стрел и снарядов из катапульт. Они видели, как снаряды падают с неба, как дождь, прямо на передние ряды массы атакующих лучников. Наверное, падали мертвые и умирающие кони; другие брыкались в ужасе. Израненные всадники клонились и падали с седла. Атака такой массы людей обладала собственным импульсом, и они скакали вперед, по упавшим людям и коням.

Еще один звук римской трубы. Лучники быстро положили на тетиву новые стрелы; они снова выстрелили. С флангов начали лететь снаряды, поражающие на более коротком расстоянии. Воздух наполнили камни, стрелы и дротики: они прилетали с «рогов» войска к центру нападавших. В то же самое время легионеры четвертого ряда выпустили свои дротики и потянулись за следующими. Катапульты тоже перезарядили; удар, свист — снаряд выпущен и снова летит над головами пехотинцев. «Обстрел в целом, — писал Арриан в своем плане сражения, — должен вестись отовсюду и быть столь густым, чтобы вызвать смятение среди коней и гибель неприятелей» (*Arr. EAA. 25*).

Конная атака аланов должна была превратиться в хаос. Некоторым аланам, должно быть, удалось пробиться через смерть и неразбериху,

Встретившись со «стеной» из легионеров, кавалерия аланов была вынуждена остановиться. Из задних рядов снаряды летели над головами плотно сомкнутых передних рядов двух легионов Арриана и пронзали аланов насквозь

которые несли снаряды, тысячами продолжавшие лететь с неба, чтобы довести атаку до конца. Легионеры крепко держали свои щиты; лошади буквально отскакивали от них.

Когда аланы стали приближаться с копьями, мечами и топорами, люди из переднего края легиона выдвинули копья через узкие просветы в линии щитов и стали вонзать их в ближайших коней. Лошади ржали от боли, отскакивали назад, тяжело раненные, или мертвыми падали на землю, сбрасывая седоков.

Если эта тактика действительно поможет отразить врага, то (как писал Арриан) пешим солдатам надо было идти вперед в строгом порядке, преследуя врага и развивая достигнутый успех. Что касается римской кавалерии на флангах, то половина ее — те, кто выстроился впереди на «рогах», могли скакать вперед в погоне за врагом, в то время как у остальных был строгий приказ следовать в строю и рысью. Если враг продолжал бежать, то, как только кони первого дивизиона преследовавшей римской кавалерии уставали, то второму дивизиону разрешалось продолжить преследование и довершить уничтожение противника. Им было приказано не бросать в аланов дротики, но подойти к ним поближе и убить всадников в седле или на земле, если лошади падали, мечом и топором.

С другой стороны, если враг перестроится и внезапно развернется, чтобы устроить контратаку (обычная тактика кавалерии восточных народов), тогда кавалеристы, которые медленно двигались за преследо-

вателями, должны были сами начать атаковать. Чтобы враг не развернулся, Арриан поместил в первый дивизион кавалерии армянских лучников, и им было приказано, принимая участие в преследовании, постоянно обстреливать врага, не давая ему совершить маневр.

Очевидно, битва Арриана пошла прямо по его тщательно задуманному плану: аланы были истреблены тысячами, а те, кто остался в живых, бежали обратно за горы. Согласно Диону, аланы не только приняли подарки от армянского царя и согласились больше не вторгаться в его страну, но они также были «устрашены Флавием Аррианом» (*Dio. LXIX, 15*). Чтобы аланы боялись Арриана, у которого до назначения в Каппадокию не было значимой военной репутации, они, безусловно, должны были потерпеть страшное поражение от его армии.

У очевидно поразительной победы Арриана был и еще один результат: Дион сообщал, что германцы-язиги, которые воевали с римлянами в царствование Домициана и которые при Марке Аврелии меньше чем тридцать лет спустя еще развяжут новую и яростную войну, быстро послали послов к Адриану в Рим после ухода аланов, ибо «хотели подтвердить мир» (*Dio. LXIX, 15*). Армяне также послали послов к Адриану в Рим с обвинениями в адрес иберийского царя Фарасмана за то, что он поощрял вторжение аланов. Позднее сам Фарасман поехал в Рим, чтобы поклясться в верности римскому императору.

Прошло еще двести лет, прежде чем аланы решили испытать свою силу против римской мощи, и это произошло уже на Западе. После сокрушительного поражения, которое им нанес Арриан, аланы уже не осмеливались атаковать Римский Восток. Что касается легионеров из двух легионов, которые приняли участие в сражении, то они завоевали славу великой победы — и при этом доставшейся дешевой ценой. И, кроме того, мертвые аланы и их кони дали множество добычи: ведь это племя славилось тем, что украшало своих коней золотом.

ПОРЯДОК СРАЖЕНИЯ ПО АРРИАНУ

Это самый подробный из существующих порядков сражения для какой-либо армии императорского Рима.

Командир армии

Флавий Арриан, пропретор Каппадокии.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ КОМАНДИРА

Марк Веттий Валент, легат XV Аполлонова легиона.

ЛЕГИОНЫ

XV Аполлонов легион, обычно размещенный в Сатале, Каппадокия. Под командованием легата Валента (см. выше).

XII Молниеносный легион, обычно размещенный в Мелитене, Каппадокия. Под командованием своего старшего трибуна.

АРТИЛЛЕРИЯ

Приблизительно 110 катапульта, мечущих копья (55 — стандартное количество для легиона на каждые два легиона), которыми распоряжаются легионеры.

КАВАЛЕРИЯ

I Августова Сдвоенная ала колонов. Эта ала из Малой Армении, образованная объединением с другим уже существовавшим подразделением, сражалась во 2-й Иудейской войне. Вполне возможно, что жертвы в этом конфликте были так велики, что пришлось объединить эту алу с другой.

I Ульпиева Дакская ала. Набрана в Сирии в царствование Траяна; эти воины также сражались во 2-й Иудейской войне.

II Галльская ала. Набрана в Галатии.

II Ульпиева Адрианова ала. Набрана в Испании Траяном.

Союзная кавалерия гетов; численность неизвестна. Под командованием вождя племени.

ПЕХОТА

I апулийская когорта римских граждан. Итальянская легкая пехота — бывшие рабы. Под командованием римского префекта Секундия.

I когорта боспорских лучников. Пешие лучники, набранные в Боспорском царстве. Под командованием боспорца Лампрокла, который, как и многие его соотечественники, был потомком греческих поселенцев.

I Германская когорта. Подразделение *milliaria equitata* из Северной Галлии из приблизительно тысячи легких пехотинцев и конной пехоты. Хотя их и называли «германцами», людей из этого подразделения Арриан называет кельтами. Их конниками командовал старший центурион из одного из легионов Арриана.

I Итальянская когорта добровольцев из римских граждан. Бывшие рабы, набранные в Италии. Под командованием римского префекта Пульхра.

I Итурейская когорта лучников. Арабские пешие стрелки. Их предки были кочевниками.

I Нумидийская когорта стрелков. Смешанное подразделение из пеших лучников и конных лучников из Нумидии в Северной Африке. Под командованием нумидийского префекта Бероса.

I Ретийская когорта. Копейщики из Реции, выросшие в горах Тироля. Под командованием префекта греческого происхождения, Дафна из Коринфа.

III Августова Киренаикская когорта лучников. Пешие лучники из Киренаики в Северной Африке.

III Ульпиева Петрейская когорта лучников. Конные лучники из Каменистой Аравии.

Неизвестная когорта легкой кавалерии из Трапезунда (современный Трабзон) на понтийском берегу Черного моря. Может быть, это было одно из трех подразделений, которые, как известно, тогда были размещены в Каппадокии.

По приказу императора Антонина Пия в Британии была воздвигнута 10-футовая (3 м) стена, протянувшаяся на 36,5 мили (58,5 км) от залива Ферт-оф-Клайд до залива Ферт-оф-Форт, 100 миль (160 км) севернее от Адрианова вала. К 196 г. он уже был заброшен, римские войска вернулись к Адрианову валу

Союзная пехота и лучники

Армянские конные лучники. Численность неизвестна. Под командованием своих вождей Васака и Арбела.

Малые армянские пращники. Численность неизвестна.

Неизвестное количество союзников-копейщиков с реки Риксии к востоку от Черного моря.

161 год н. э.

XLIX УНИЧТОЖЕННЫЙ ЛЕГИОН

Побеждены парфянами

7 марта 161 года н. э. 74-летний Антонин Пий, римский император в последние двадцать два года, мирно скончался во сне. Его смерть оставила Рим с двумя императорами (такого доселе еще не бывало): его приемными сыновьями Марком Аврелием и Луцием Вером. Считая, что настало время, когда римляне должны быть слабы и нерешительны, Вологез III, царь извечного врага Рима на Востоке — Парфии, собрал свои силы и вторгся в Армению, которой Рим уже не владел со времен Траяна.

Неизвестный легион, стоявший в то время в Элегии в Армении под командованием Публия Элия Севериана, встал на пути парфянского вторжения. Без предупреждения легион был захвачен врасплох на своей базе или рядом с ней парфянскими захватчиками. Ученые придерживаются разного мнения по поводу того, какой именно это был легион, поскольку из исторических источников в этом веке пропало несколько легионов. Наиболее вероятно, что речь идет о XXII Дейотаровом легионе, который был размещен на Востоке со времен своего основания 191 год назад.

На надписи из Рима, относящейся к более поздним годам царствования Марка Аврелия, XXII Дейотаров легион отсутствует в перечне двадцати восьми существовавших тогда легионов (ILS. 2288). Последнее свидетельство о другом возможном кандидате на уничтожение в Элегии — IX Испанском легионе — датируются временем за сорок лет

до того, и тогда легион находился на другом конце римского мира, в Британии. В общем и целом доказательства свидетельствуют в пользу старого сценария — IX Испанский легион был уничтожен в Шотландии в 122 году н. э. (см. с. 456—464). Вполне вероятно, что XXII Дейотаров легион базировался в Армении еще с поражения, нанесенного Аррианом аланам в Малой Армении в 135 году н. э.: его вывел с египетских задворков на передний край, в Армению император Адриан, который прежде всего был озабочен обороной империи, как «оружие устрашения» против дальнейших варварских набегов.

Вологез начал свое вторжение в Армению с того, что «окружил со всех сторон целый римский легион, размещенный под командованием Севериана», писал Дион, «и, расстреляв из луков, уничтожил его полностью вместе с военачальниками» (*Dio. LXXI, 1*). Катафракты, тяжелооруженные кавалеристы, чьи мощные лошади также носили доспехи, образовывали ядро парфянских армий. Однако основным представителем парфянских вооруженных сил был конный лучник: на маленьких ловких конях они скакали галопом, осыпая врага дождем стрел перед тем, как снова бежать прочь. Пеший противник, застигнутый на открытом пространстве, мог быть полностью скошен этим градом стрел, и, судя по всему, это и случилось с XXII Дейотаровым легионом.

Как только в Риме узнали, что парфяне уничтожили легион и что «могущественный и страшный» Вологез движется против городов провинции Сирия, 40-летний Марк Аврелий быстро среагировал, послал своего 31-летнего брата и соправителя Луция Вера на Восток, чтобы он разобрался с этим (*Dio. LXXI, 2*). Луций отплыл в Сирию из Брундизия, взяв с собой несколько легионов и большую часть Мизенского флота; боевые корабли должны были оставаться на Востоке в ходе всей следующей войны (*Starr. VIII*).

Уничтожение легиона в Армении произошло на первом году совместного правления Марка Аврелия (изображен на этом портрете) и его соправителя Луция Вера

Европейские легионы, сопровождавшие Луция для этой операции, были I легион Минервы из Бонны на Рейне, II Вспомогательный из Аквинка на Дунае и V Македонский из Трезмиса в Мёзии. Все три легиона (наверное, страдавшие от морской болезни) высадились в Лаодикее в Сирии к концу 161 года н. э. Им предстояло быть вдали от дома следующие пять лет.

Луций назначил наместником Сирии Гая Авидия Кассия, который должен был командовать контрнаступлением, и зимой Луций «занимался приведением в порядок всех своих сил и сбором необходимых для ведения войны средств», зная, что в следующем году Вологез развяжет большую атаку на Сирию с помощью своих союзников к востоку от Евфрата (*Dio. LXXI, 2*).

162—166 годы н. э.

L ПАРФЯНСКАЯ ВОЙНА ЛУЦИЯ КАССИЯ

Завоевания для Марка Аврелия

Сириец, родившийся в Кире, Гай Авидий Кассий был сыном греческого вольноотпущенника Гелиодора, который был секретарем для переписки у Адриана и позднее служил префектом Египта. Показав большие способности и лояльность, Кассий поднялся с положения вольноотпущенника, которое было у его отца до того, как он вошел в сенат, стал претором и служил консулом перед тем, как стать губернатором Сирии — самый престижный и хорошо оплачиваемый из губернаторских постов.

Теоретически Кассий в своих операциях против Вологеза мог опираться на одиннадцать легионов. Там было три легиона, которые Луций привел с собой из Европы, а также два легиона, базировавшиеся в Сирии, III Галльский и IV Скифский, а также те, что были расположены в соседних провинциях, — III Киренаикский в Аравии, X легион Пролита в Иудее и XII Молниеносный и XV Аполлонов в Каппадокии. Некоторые легионы, базировавшиеся на Востоке, должны были принять участие в наступлении в полном составе, другие должны были послать отдельные вексилляции, оставив несколько когорт в качестве гарнизона на пограничных базах. Возможно, II Траянов легион

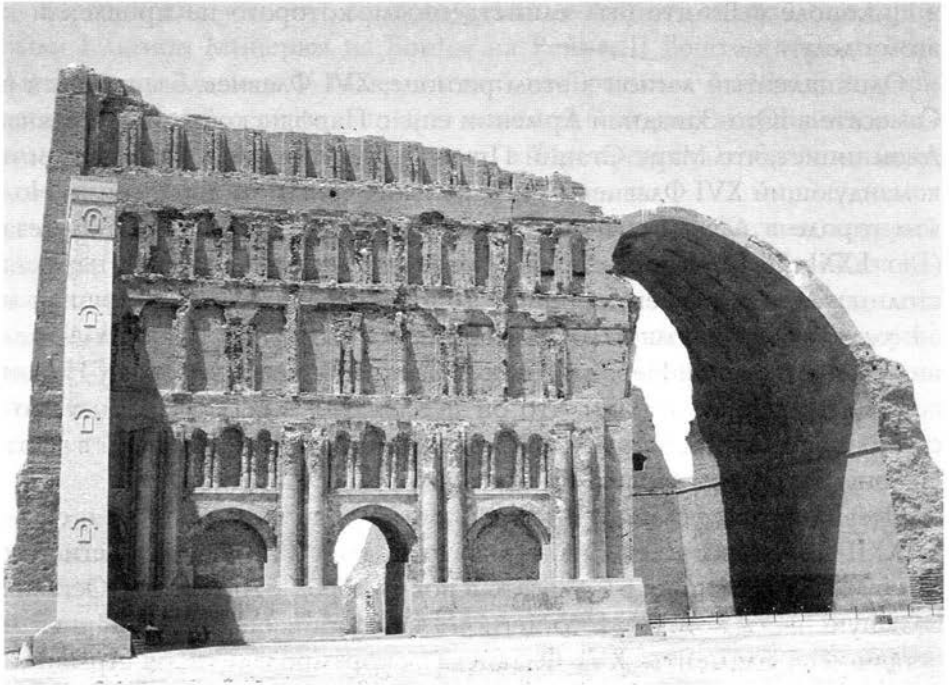
в Никополе в Египте был единственным, которого не привлекли к этому делу.

Одиннадцатый легион в этом регионе, XVI Флавиев, базировался в Самосате в Юго-Западной Армении еще с Парфянской войны Траяна. Дион пишет, что Марк Стаций Приск, имперский легат в Армении и командующий XVI Флавиевым, расположил «римский гарнизон» в Новом городе в Армении непосредственно после вторжения Вологеза (*Dio. LXXI, 3*). На северо-востоке город Артаксата — древняя царская столица Армении, сегодняшний город Ереван, — был разрушен в 64 году римским полководцем Корбулоном, когда он завоевал Армению в царствование Нерона. Царь Армении Тиридат, которому Нерон оставил трон при условии, что он поклянется в верности Риму, построил новый город на руинах Артаксаты, назвав его Неронией в честь Нерона. Это и был Новый город, о котором писал Дион.

Очевидно, что, услышав о вторжении парфян в Армению и о судьбе XXII Дейотарова легиона, Приск отправил XVI Флавиев легион к северу от базы легиона в Самосате в новый город у Артаксаты. Оставив большую часть когорт этого легиона как гарнизон города, Приск и оставшиеся элементы XVI Флавиева эскортировали царя Армении Созмия из его страны в безопасное место в Сирии. Эти когорты XVI Флавиева оказались с тех пор отрезанными в Артаксате, поскольку между ними и римскими войсками на юге оказалась парфянская армия. Частью задачи Кассия на данный момент было обеспечить, чтобы спасательный отряд пробился к легионерам, оказавшимся в ловушке в Артаксате. Но сначала ему нужно было остановить неистовую парфянскую армию в пути перед тем, как она разграбит богатые города и города-государства Сирии.

В течение двух лет, начиная с весны 162 года, Кассий и его легионы сражались с парфянами на сирийском пороге Рима. Со своими войсками Кассий «стойко выдержал натиск Вологеза»: союзники царя начали терять терпение, и многие из них к началу 164 года оставили парфян. Сам Вологез нехотя «начал отступление» из Сирии (*Dio. LXXI, 2*). Теперь Кассий мог отправиться в наступление.

Римский полководец разделил свою армию надвое. Одну часть он передал под командование командиру легиона Публию Марцию Веру, чьей задачей было идти на северо-восток к Артаксате. С ним был изгнанник-царь Созмий и его свита. «Этот [военачальник], — пишет Дион, имея в виду Марция Вера, — благодаря как страху, внушенному находившейся под его началом вооруженной силой, так и своей врож-

Ктесифон, одна из столиц парфян, руины которой видны и сейчас, был целью многих вторжений римлян

денной рассудительности энергично продвигался вперед», на север, против парфян (*Dio. LXXI, 3*).

Марций Вер не только мог преодолеть врага силой оружия, как говорит Дион: он еще и был блестящим стратегом, который предвидел действия своих оппонентов и мог перехитрить их на каждом шагу. В этом, по мнению Диона, и было истинное «искусство полководца». Но при необходимости военачальник мог вести и переговоры с врагом, давая тому обещания и дары (*Dio. LXXI, 3*). Вот так, то сражаясь, то переговариваясь, Марк Вер и его легионы пробивались на север через горные долины, медленно, но неумолимо продвигаясь к Артаксате.

В то же самое время, когда парфяне, которых отвлекло наступление Марция Вера, бросили большую часть своих сил против него, Кассий вел остаток римской армии на восток в Парфию. Перебросив понтонный мост через Евфрат, он защитил его деревянными башнями и щитами. Легионные катапульты на башнях и лучники за щитами отгоняли отряды вражеских копейщиков на дальнем берегу, что позволяло десяткам тысяч римских солдат целым потоком переходить через Ев-

фрат. Затем Кассий повернул на юго-восток и пошел вдоль течения реки к городу Селевкия и парфянской столице Ктесифону.

Теперь Вологез оказался вынужден разделить свои силы в попытке отбить оба римских наступления. Марций Вер, встречаясь со все менее и менее энергичным сопротивлением, пробился к Артаксате и освободил от осады гарнизон XVI Флавиева легиона. Он прибыл как раз вовремя: легионеры XVI Флавиева, отрезанные от своих на протяжении двух лет, оголодавшие, лишившиеся своего командира, уже взбунтовались против своих офицеров к тому времени, когда Марций Вер добрался до города. «Он словом и делом вразумил тех, кто пытался поднять мятеж», — пишет Дион, и, соединившись со своим командиром и остальным легионом, они вернулись под командование своих офицеров. Теперь Вер смог снова посадить царя Соэмия на его трон и «сделал его [город Артаксату] главным городом Армении» (*Diо. LXXI, 3*).

На юге армия Кассия подошла к реке Тигр (в сегодняшнем Центральном Ираке), где римляне разбили лагерь на зиму. В следующем, 165 году н. э., пройдя 800 миль (1290 километров) после того, как они оставили Антиохию, Кассий взял Селевкию. Население города по разным оценкам составляло от 300 тысяч до 600 тысяч человек, в том числе большая еврейская община и множество людей греческого происхождения. Легионы разграбили и сровняли с землей город, которому было уже 500 лет, и он никогда не был отстроен снова. Среди добычи, полученной из горящей Селевкии, была массивная статуя Аполлона Коменя, вырванная с пьедестала в парфянском храме. Ее увезли в Рим и установили в храме Аполлона на Палатинском холме (*Антт. II, xxiii, 6, 24*).

Перейдя через реку Тигр, армия Кассия с боями двигалась к близлежащему Ктесифону: она разграбила дворец Вологеза и затем его подожгла. Но здесь римское завоевание должно было остановиться. Траян дошел до Ктесифона во время своего похода 114—116 годов — только для того, чтобы отступить. Так же случилось и с Кассием. В этой негостеприимной стране, где подкрепление было далеко, а пути сообщения небезопасны, пройдя весь этот путь, Кассий повернул свою армию обратно и отправился в Сирию.

Но этот путь оказался для Кассия нелегким. «На обратном пути, — говорит Дион, — он потерял очень много воинов из-за голода и болезней». Тела римлян лежали вдоль всего пути его отступления, и наконец Кассий «с оставшимися в живых воинами возвратился в Сирию». Соправитель Марка Луций, который с тревогой ждал в Антиохии, лико-

вал, узнав об успехах Кассия. Не обращая внимания на то, сколько людей он потерял, «Луций весьма радовался и сильно гордился этими [свершениями]» (*Dio*. LXXI, 2).

Армения была возвращена, восточная граница стабилизирована, а парфяне наказаны, но ценой утраты одного легиона и многих тысяч других жертв. Когда Луций праздновал победу в Антиохии, от его соправителя Марка Аврелия пришла срочная депеша — немедленно вести обратно европейские легионы, поскольку германцы сплошным потоком идут через границу по Дунаю.

Те три легиона, которые затем вернулись на свои базы на Дунае и на Рейне в 166 году, привезли с собой из Парфии нечто большее, чем добычу: они привезли с собой «зародыш той чумы», как писал Аммиан Марцеллин, «которая, породив свирепствовавшие во время того же [Луция] и Марка [Аврелия] неизлечимые болезни, осквернила все заразой и гибелью — от границ Персии вплоть до Рейна и Галлии» (*Amm.* II, xxiii, 6, 24). Чума, которую принесли с собой победоносные легионеры, распространилась по всей Европе.

166—175 годы н. э.

LI

ВОЙНЫ МАРКА АВРЕЛИЯ НА ДУНАЕ

Десятилетие смерти

Марк Аврелий не мог ждать возвращения Луция и его легионов с Востока. Чтобы противостоять германским племенам, которые теперь угрожали Италии, он срочно набрал еще два легиона в Италии — I и II Итальянские. К концу 165 года оба новых легиона были расквартированы в городе Аквилее в Северо-Восточной Италии. Это было впервые за 200 лет (если не считать гражданской войны 68—69 годов), когда в Италии стояли легионы, и сам этот поступок императора говорил о серьезности ситуации.

Как только сезонные ветра привезли с собой Луция и его три пополненных легиона обратно в Италию морем, Марк и Луций стали разрабатывать план отражения набега германских племен, которые давили на северную границу. Дакия — единственная римская провинция к северу от Дуная, где был только XIII Сдвоенный легион (в Апу-

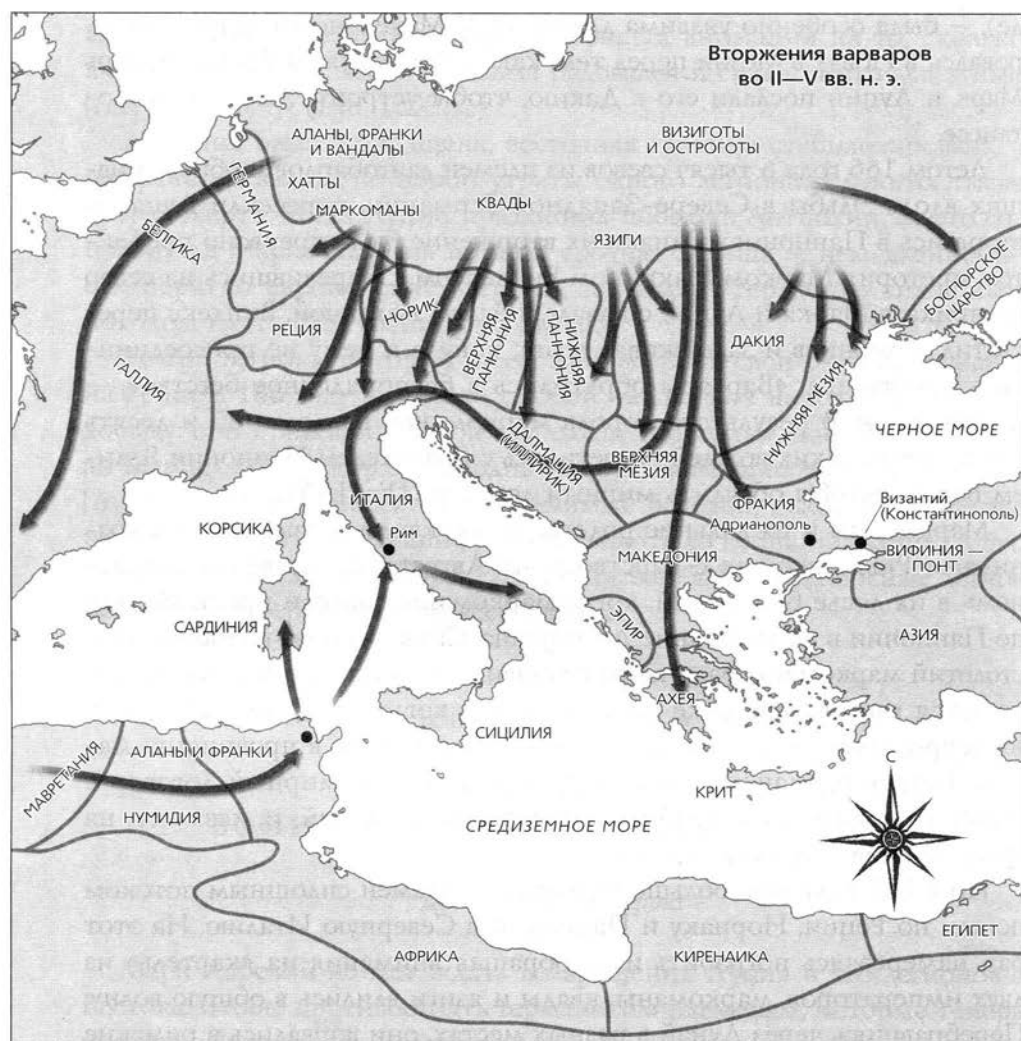
ле), — была особенно уязвима для врага. V Македонский легион базировался в Новах в Мёзии перед тем, как отправиться на Восток; теперь Марк и Луций послали его в Дакию, чтобы устроить там базу в Потаиссе.

Летом 166 года 6 тысяч свефов из племен лангобардов и обиев, живших вдоль Эльбы в Северо-Западной Германии, пересекли Дунай и вторглись в Паннонию. Однако их вторжение было прервано префектом претория Марком Макрином Виндексом. Отправившись на север по приказу Марка и Луция с кавалерийской колонной, Виндекс перехватил германцев и задерживал врага, пока к нему не присоединились пехотинцы. «Варвары обратились в беспорядочное бегство», — пишет Дион. В результате король маркоманов Балломарий и десять других германских вождей встретились с правителем Паннонии Яллием Бассом, чтобы обсудить мирный договор (*Dio. LXXII, 3*).

Маркоманы и их дальние родственники квады и язиги были союзниками Рима начиная с царствования Августа; единственным «пятном» в их досье был случай, когда маркоманы нанесли пробный удар по Паннонии в царствование Домициана. Снова и снова в течение двух столетий маркоманы ради мира становились союзниками римлян. Что касается язигов, они даже не жаловались, когда Траян удержал часть их территории, отвоеванную у даков, и включил ее в провинцию Дакия. Теперь германские вожди ратифицировали мирный договор с римским правителем, грабители удалились за Дунай, и, казалось, на границе снова все было хорошо.

Но в 167 году еще больше германских племен сплошным потоком пошли по Реции, Норияку и Паннонии в Северную Италию. На этот раз, намереваясь пограбить и не обращая внимания на «картель» из двух императоров, маркоманы, квады и язиги влились в общую волну. Перебравшись через Дунай в разных местах, они ворвались в римские провинции по Дунаю. В прошлые времена Рим даже ставил царей над этими народами; в 98 году н. э. Тацит писал, что маркоманы и квады «изредка получают от нас помощь оружием, чаще деньгами» (*Tac. Germ. 42*). Однако Рим уже не считали той силой, которой он некогда был, и его дунайское «подбрюшье» стало весьма соблазнительным путем к римским богатствам.

Германские завоеватели дошли до Северной Италии, осадили итальянский город Аквилею, прошли по всей венетской равнине, и в 50 милях (80 километрах) к северо-востоку от сегодняшней Венеции римляне захватили и разорили стоявший на перекрестке дорог город

Опитеггий, современный Одерцо. Бесчисленное количество римских гражданских лиц было убито по всему региону; еще гораздо больше попало в плен, когда дюжина германских племен разоряла сельскую местность и увозила тысячи голов скота. Было так, как будто германские боги открыли для своих почитателей «охотничий сезон» на римской территории: римляне пребывали в страхе перед варварами, которые доходили уже до самых ворот столицы.

Чтобы справиться с вторжениями, Марк и Луций развернули легионы под командованием Публия Гельвия Пертинакса и Тиберия

Клавдия Помпеяна. 40-летний претор Пертинакс, как всем известно, был сыном вольноотпущенника, а Помпеян был женат на дочери Марка — Луцилле. Обоим полководцам суждено было отличиться в грядущих походах. Эта война также послужила боевым крещением для двух новых италийских легионов. Произошло «ожесточеннейшее сражение», как пишет Дион (*Dio. LXXII, 3*).

Этот конфликт, который позднейшие историки называли маркоманскими войнами (несмотря на тот факт, что в нем принимали участие многие германские племена, в том числе маркоманы, квады, язиги, буры, вандалы и наристы), лучше было бы назвать Дунайскими войнами. Лишь с небольшими перерывами битвы продолжались в течение десятилетия и были всеобъемлющими с обеих сторон. Когда римляне перенесли сражения через Дунай и в Богемию, среди убитых германцев были даже женщины-воины, одетые в доспехи. Сопровитель Марка Луций не дожил до конца этих войн, он умер в 169 году — согласно Диону, в результате отравления. В следующем году многие более мелкие германские племена стали просить мира, но, когда в этом году за стол переговоров сели квады, представлялось, что Рим одержал «блистательную победу» (*Dio. LXXII, 3*).

Чтобы быть ближе к фронту военных действий, Марк перебрался из Рима в Карнунт, современный Петронелль в Австрии в 20 милях (32 километрах) к востоку от Вены. Карнунт был приятной, хотя и ничем не выдающейся паннонской деревушкой, стоявшей на покатых холмах к югу от змеящегося Дуная. Здесь была расположена постоянная база легиона XIV Сдвоенного Марсова Победоносного, окруженная каменной стеной. Супруга Марка, императрица Фаустина, которая была дочерью предыдущего императора, Антонина Пия, присоединилась к Марку в Карнунте.

Здесь, в Карнунте, в 170 году н. э. император принял просивших о мире послов от Фурция, царя квадов. Чтобы закрепить мирный договор, квады вернули тысячи захваченных лошадей и скота римлянам и обещали передать более 13 тысяч римских пленных и военных дезертиров одновременно. Марк согласился на мир с квадами, надеясь, как говорит Дион, оторвать их от маркоманов. Фурций также обещал не принимать беглецов от маркоманов или язигов и не позволять им проходить через территорию квадов. Хотя Марк и пошел на мир с этим племенем, он решил не допускать квадов на рынки на римской территории, пока длится война, чтобы другие германцы, представляясь квадами, не разведывали римские позиции и не покупали провизию (*Dio. LXXII, 11*).

Еще до конца года сдались многие другие германские племена. Марк образовал из их самых сильных бойцов и возвратившихся дезертиров вспомогательные войска и послал их служить на самые дальние окраины империи. Другие сдавшиеся германцы были поселены на землю в Дакии, Паннонии, Мёзии, провинциях по Рейну и даже в Италии. Некоторых поселили в приморском римском городе Равенне, но это оказалось ошибкой: ослепленные представшим перед ними богатством, германцы вскоре взбунтовались и захватили город. С ними быстро разобрались (возможно, руками морской пехоты и моряков из флота Равенны) и выслали из страны. Больше Марк таких ошибок не делал.

В 171 году, когда Марк Аврелий как раз был занят написанием своих знаменитых «Размышлений» в Карнунте, одна из его армий под руководством префекта претория Виндекса была побеждена в Богемии маркоманами; сам Виндекс пал в бою. Марк, который никогда не был особенно здоровым человеком, был вынужден принять на себя более заметную роль в военных действиях и лично повести одну из своих армий в следующую кампанию против язигов. Марк был таким хрупким и болезненным, как пишет Дион, что однажды, взойдя на трибунал, чтобы обратиться к собранию своих солдат в зимний день, он так заоченел от холода, что не смог открыть рот: ему пришлось удалиться обратно в теплый преторий (*Dio. LXXII, 6*).

В Богемии легионы под командованием Пертинакса и Помпеяна сражались с маркоманами; удача не улыбалась ни одному из противников. К 172 году н. э. царь маркоманов Балломарий заключил с Марком мирный договор и устранился из конфликта. «Приняв во внимание, что они, хотя с трудом и неохотно, выполнили все наложенные на них обязательства», Марк вернул племени половину того, что раньше считалось нейтральной зоной по северному берегу Дуная, позволив им поселиться в пределах 5 миль (8 километров) от реки. Обе стороны обменялись пленными, и были установлены дни для регулярной торговли между римлянами и маркоманами (*Dio. LXXII, 15*).

Теоретически и квады, и маркоманы теперь вышли из войны, оставив только язигов, которые располагались к востоку от них, сражаться с римлянами. Но Марк не верил квадам. С тех пор как царь Фурций подписал мирный договор, его народ сверг его и избрал нового царя, Ариогеза. При царствовании нового царя, в противоречие условиям мира, подписанным его предшественником, квады начали помогать беженцам-маркоманам, которые спасались от римских войск.

Когда к Марку пришли послы от Ариогеза, чтобы подтвердить договор, подписанный Фурцием, и предложили вернуть еще 50 тысяч римских пленников, император твердо отказался признать нового царя. Фурция назначил царем над квадами Антонин Пий (так сказал Марк), и он оставляет за собой право назначать царя квадов по своему усмотрению. Посланники Ариогеза отправились обратно с пустыми руками. Чтобы побудить квадов выдать их нового правителя, Марк назначил награду за живого Ариогеза в 100 тысяч сестерциев (эквивалент жалованья легионера за восемьдесят три года) и половину этого — за его голову (*Dio. LXXII, 15*).

Когда квады не выдали своего нового царя, Марк потерял терпение. Они, правда, отправили назад нескольких римских пленников, но только старых и немощных — ибо, если они были в хорошей физической форме, квады удерживали семьи пленных, чтобы мужчины возвращались на их территорию, дабы быть со своими любимыми. Марк решил, что для Рима единственным способом устранить угрозу, которую представляли квады, является меч.

174 год н. э.

ЛII
ГРОМОВОЙ XII

Триумф для Марка

Дунайские войны все длились и длились, и жертв было все больше; Марк Аврелий послал за подкреплением с Востока. К лету 174 года XII Молниеносный легион прибыл в Паннонию со своей базы в Мелитене в Каппадокии, где он стоял уже долго. XII Молниеносный легион не успел долго пробыть на Дунае, когда его вызвали, чтобы следовать за императором — перехватить инициативу квадов. Под предводительством царя Ариогеза племя снова вступило в войну, неожиданно начав атаку через Дунай. Марк с новоприбывшим легионом XII Молниеносным плюс вспомогательные войска и, несомненно, отдельными отрядами преторианской гвардии и сингуляриев — конных телохранителей императора — отправился в поход, чтобы разобраться с ними.

В разгар лета на поле боя в Паннонии две армии встретились. Местность была благоприятна для квадов, а день был, если верить Диону,

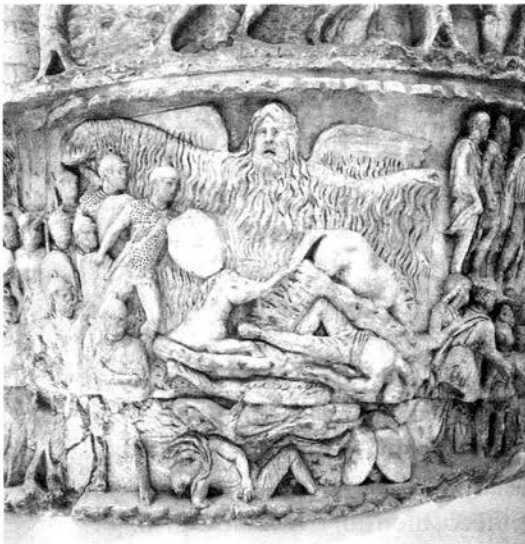
обжигаяще горячим, когда германские племена, которые «имели многократный численный перевес», судя по всему, застали легионеров на марше рано утром (*Dio. LXXII, 8*).

«Редко кто пользуется мечами и пиками большого размера, — писал Тацит о воинах-германцах. — Они имеют при себе копья, или, как сами называют их на своем языке, фрамеи, с узкими и короткими наконечниками». Они были настолько острыми и легкими в обращении, что их можно было использовать как в ближнем бою, так и на дальнем расстоянии, поскольку германцы могли их бросать на дальние расстояния. Германцы часто шли в бой обнаженными или в одном коротком плаще. Иногда у них были нагрудники, тут и там попадались шлемы из металла или кожи. Самым характерным элементом вооружения был небольшой деревянный щит, расписанный яркими красками. Распевая боевые песни в честь Донара — германского Геркулеса — и потрясая оружием перед римлянами, босоногие длинноволосые и бородатые квады были уверены в своей победе (*Tac. Germ. 6*).

Ситуация для Марка Аврелия и окруженного XII легиона выглядела мрачной. Сомкнув щиты, как говорит Дион, и, очевидно, сформировав

огрив, легионеры создали вокруг себя прочную стену; кавалерия и императорский отряд находились в центре боевого построения. Квады потратили несколько часов, огромное количество копий и много энергии, но не смогли пробиться сквозь ряды легионеров (*Dio. LXXII, 8*). Тогда царь Ариогез остановил атаку и отозвал воинов, продолжая окружать XII Молниеносный и императора, ожидая, чтобы римляне сдались, ибо Марк и XII Молниеносный легион, говорит Марк, «оказались в исключительно скверном положении, страдая от усталости, ран, солнца и жажды» (*Dio. LXXII, 8*).

С Марком Аврелием был Арнуфий, египтянин, который, по словам Диона, был волшебником. Теперь Арнуфий начал петь за-

Колонна Марка Аврелия, воздвигнутая между 176 и 193 гг., изображает победы Марка над германцами на Дунае, в том числе и знаменитую победу XII Молниеносного легиона во время грозы

клинания, обращаясь к разным божествам, в частности к египетскому эквиваленту Меркурия — богу воздуха, прося божественного вмешательства от имени императора и его воинов. Вскоре собрались облака; пошел сильный дождь. «Римляне вначале подняли свои лица вверх и ртами ловили струи дождя, а потом стали подставлять кто щиты, кто шлемы». Римские воины не только как следует напились дождевой воды, но и дали ее своим коням. Кровь некоторых раненых римских легионеров стекала в шлемы, но это им не мешало: они с радостью пили воду, смешанную с кровью (*Dio. LXXII, 8*).

Квады, видя, что римляне заняты тем, что утоляют свою жажду, внезапно напали на ряды легиона. Некоторые легионеры, которые опустили свои изогнутые щиты, чтобы попить, или протянули их, чтобы поймать дождевые капли, были убиты германскими копьями. Когда квады подошли для рукопашного боя, римская оборона была непрочной. Но буря бушевала все яростнее: теперь обе армии поливал град и градины сыпались, словно камни из пращи. Легионеры в своих шлемах и доспехах могли вынести град, однако ничем не защищенные германцы приняли на себя всю его мощь. Квады прервали атаку и убежали под защиту деревьев.

Буря усиливалась. В небесах гремел гром, молнии бежали по деревьям — с ужасающими результатами. Пламя внезапно охватывало не только деревья — в квадских воинов и их оружие тоже били молнии. Поэт Клавдиан писал об этой сцене: «Сверкали копья, расплавленные молниями, и мечи внезапно исчезали в дыму». Здесь воин квадов «валился на землю под своим горящим огнем шлемом», тут всадник трепетал на дымящейся спине боевого коня (*Claud. SCH. 341–346*). Германцев охватил ужас; некоторые из них горели. Варвары бежали от деревьев к римлянам, умоляя помочь и защитить их. Битва превратилась в полную катастрофу для квадов. К тому времени, как буря прошла, сражение закончилось, и многие квады, в том числе и царь Ариогез, попали в плен.

Клавдиан, который писал два с половиной века спустя, говорил, что, хотя некоторые и приписывали знаменитую победу Марка Аврелия в буре «халдейским провидцам» и их волшебным заклинаниям, он сам считал, что «безупречная жизнь Марка могла помочь ему завоевать почтение самого Громовержца [Марса]» (*Claud. SCH. 347–350*). Сам Марк, судя по всему, приписывал победу легионерам XII Молниеносного легиона. Императору, наверное, уже сказали, что этот легион и назывался «громовым XII». Теперь XII и вправду стал громовым, по-

бедив квадов под ударами грома и молний, призванных египетским жрецом. Согласно Диону Кассию, теперь Марк официально наградил легион титулом «Молниеносный» (*Dio. LXXII, 9*).

В позднейшей интерполяции к труду Диона некий христианский писатель заменил упоминание об Арнуфии и его молитвах римским богам пассажем, где все воины XII Молниеносного легиона оказывались христианами, и все, писал он, случилось именно благодаря их молитвам. С исторической точки зрения это было невозможно. Во время царствования Марка Аврелия христиан распинали, если они не раскаивались и не приносили жертв римским богам. В то время целый легион из 5 тысяч человек не мог быть христианским. Должно было пройти еще сотни лет перед тем, как христианство настолько утвердилось в римской армии. Интересно, что Клавдиан, лицо консульского ранга, который писал около 400 года, восемьдесят лет спустя после того, как Константин Великий сделал христианство официальной государственной религией, все еще говорит о христианах как о какой-то секте и полностью признает заслуги в победе XII Молниеносного легиона в 174 году за Марсом, богом войны.

На собрании, созванном императором после победы, люди из XII Молниеносного легиона провозгласили Марка Аврелия императором. В обычной ситуации, писал Дион, Марк не принял бы такую честь, пока за ее присвоение не проголосовал сенат, но на сей раз он почувствовал, что само Небо сделало эту победу возможной, и поэтому он послал в сенат послание, сообщив сенаторам, что квады были побеждены и что он принял титул императора от войск (*Dio. LXXII, 9*). В благодарность сенат не только подтвердил последнее присвоение государю титула императора — он получил его раньше уже шесть за победы своих полководцев, — он даровал влиятельной императрице Фаустине титул *Mater Caesarum*, или «Мать лагерей».

Что касается пленного царя квадов Ариогеза, Марк выслал его в Британию, чтобы он прожил там остаток дней в изгнании. 20 тысяч римских солдат были теперь размещены в землях маркоманов и квадов, дабы обеспечить, чтобы германцы не собирались в больших количествах (*Dio. LXXII, 20*).

Теперь Марк мог сосредоточиться на язигах — последних германцах, которые остались в состоянии войны с Римом. Как только язиги услышали о поражении квадов одним легионом, то один из их двух царей, Бандасп, послал посланников к Марку, прося мира. Но Марк совсем не хотел подписывать мирный договор. После того как квады

нарушили свои обещания и снова начали войну против него, он не хотел верить их родичам-язигам; Марк видел только одно решение — «он хотел истребить их полностью» (*Dio. LXXII, 13*). Как только язиги узнали, что мирные попытки Бандаспа были отвергнуты, они заключили его под арест, поддержали своего второго короля, Зантика, и приготовились принять полный вес атаки легионов Марка Аврелия.

174—175 годы н. э.

ЛIII
КРОВЬ НА ЛЬДУ

Победа на замерзшем Дунае

Зимой 174/175 года лучший полководец Марка Аврелия, Публий Пертинакс, вел римскую армию из Паннонии к территории язигов за Дунаем. Язиги ожидали наступления, и царь Зантик послал большую колонну всадников, чтобы те вступили в бой с римлянами, прейдя лед на замерзшем Дунае, чтобы встретиться с Пертинаксом на римской территории. Первоначально сражение в жестких зимних условиях принесло неудачу язигам: Пертинакс, используя кавалерию и пехоту вместе, заставил кавалерию язигов удалиться в беспорядке на северную сторону Дуная.

Враг бежал, и Пертинакс и его легионы поспешно преследовали его, однако на другой стороне реки германские вожди смогли перестроить своих всадников. Римские легионеры начали поскальзываться и скользить, когда они с неохотой перебирались через замерзший Дунай; именно тогда перегруппировавшиеся германцы атаковали. «Часть варваров стремительно бросилась прямо на них, другие поскакали, чтобы окружить их с флангов, ибо кони [язигов] были приручены скакать и по такой [поверхности]». Тем не менее римские войска «не испугались», но встали, «сомкнув строй и одновременно развернувшись во все стороны лицом к врагам» (*Dio. LXII, 7*).

Легионы Пертинакса образовали квадрат, который римляне также называли «кирпичом» и «коробкой» — стандартное построение для защиты от кавалерийской атаки; оно использовалось пехотой, чтобы отбивать кавалеристов, еще в 1815 году в битве при Ватерлоо. Легионеры стояли множеством рядов; получался большой пустой внутри квадрат;

все стояли лицами наружу, а кавалерия, вспомогательные войска, знамена, гражданские лица и старшие офицеры находились внутри квадрата.

По команде «в большинстве своем положили свои щиты [на лед] и, упираясь на них одной ногой, чтобы меньше скользить, встретили нападение». По мере того как кавалерия язигов приближалась со своими копьями, некоторые, особо прочно стоявшие на ногах легионеры начали хватать их коней под уздцы. Другие схватились за щиты и древки копий римских всадников. Нередко коней сбивали на льду с ног или стаскивали всадников с коней. Если легионер терял опору, он продолжал держаться за врага и ташил его на землю вместе с собой. На льду происходили бесчисленные борцовские поединки. Не раз в этой отчаянной драке римские солдаты пользовались зубами

как оружием. Варвары были ошеломлены такими нестандартными приемами (как говорит Дион),

«лишь немногие из их множества смогли ускользнуть» (*Dio.* LXII, 7). Лед был багряным от крови, и битва на Дунае стала решительной победой для легионов Пертинакса.

Когда Пертинакс вторгся в их родные земли, оставленные всеми союзниками-германцами, язиги увидели, что дальше сопротивляться бесполезно. Царь Зантик и другие предводители язигов прибыли к Марку в Карнунт, прося мира и стараясь восстановить старый союз с Римом. Зантик даже встал на колени перед императором. Но Марк не доверял язигам и все еще хотел «истребить их полностью» (*Dio.* LXXII, 16). Язиги были спасены от уничтожения тревожными новостями, которые получил Марк от Марция Вера, правителя Каппадокии. Друг Марка Авидий Кассий, губернатор Сирии, объявил себя римским императором. И, что еще хуже, провинции Сирия, Киликия, Иудея и Египет и войска, которые там стояли, — все провозгласили своим императором Кассия.

Конная статуя Марка Аврелия, которая все еще стоит в Риме, изображает его сильным воином. На самом деле он был очень хрупким и часто болел

Кассий казался самым верным из сторонников Марка. Тремя годами раньше он провел армию из Египта, чтобы освободить гарнизон, состоявший из легионеров II Траянова легиона, который оказался в Александрии в осаде у египтян — сторонников жреца по имени Исидор, который взбунтовался против правления Марка. Почему же теперь внезапно Кассий решил попытаться отобрать трон у Марка?

175 год н. э.

LIV
ВЫЗОВ, БРОШЕННЫЙ ТРОНУ
МАРКА АВРЕЛИЯ

«Случайный» претендент

Авидий Кассий объявил себя римским императором потому, что он решил, что Марк Аврелий умер. Это было результатом недопонимания, в котором приняла участие жена Марка Фаустина — влиятельный закулисный игрок. Марк уже некоторое время чувствовал себя не очень хорошо, и в 175 году его здоровье ухудшилось. Сам император в том же году упоминал «свои уже преклонные лета и нездоровье, которые не позволяют мне ни пищу принимать без страдания, ни спать без мучений» (*Dio. LXII, 24*).

Императрица Фаустина посчитала, что супруг уже не жилец, и, решив, что из Кассия получится наследник получше, чем неприятный сын Марка Коммод, послала Кассию секретное письмо, побуждая его занять трон самому, как только умрет Марк, и обещая ему свою поддержку. Вслед за этим Кассий получил сообщение, что Марк умер, и немедленно предъявил претензии на трон. Тем не менее Марк был вполне среди живых. Даже когда Кассий узнал всю правду, он не отступил; он ведь уже раскрыл себя.

В Карнунте, беседуя с просившими о мире посланниками язигов (в то время как он предпочел бы вовсе истребить это племя), Марк узнал, что ему нужно отправляться на Восток и положить конец притязаниям узурпатора. А чтобы сделать это, он не мог позволить Дунайской войне продолжаться у него за спиной. Когда XII Молниеносный легион получил приказ приготовиться к возвращению на Восток с императором, Марк с неохотой подписал мирное соглашение с язигами.

Марк даровал язигам почти такие же условия мира, как те, что получили маркоманы и квады, правда со многими исключениями. Он потребовал, чтобы язиги жили вдвое дальше от Дуная, чем их прежние союзники-германцы; они должны были дать новым союзникам 8 тысяч самых отборных всадников (из тех, кто остался в живых). Этим людям планировали разместить на окраинах империи — например, 5500 должны были отправиться в империю в качестве членов единиц *puneri*. Таким образом, Марк лишил язигов их лучших боевых сил и способности снова пойти на войну с римлянами. Язиги также выдали всех римских пленных, взятых во время десятилетия войны. Хотя даже некоторые пленники умерли в плену, а другие сбежали, у язигов все еще было 100 тысяч пленных римских граждан, которых теперь вернули (*Dio*. LXXII, 16).

Наградив Пертинакса, своего самого удачливого и верного полководца за его «доблестные деяния» консульством на этот год, император отправился на сражение с Кассием, взяв с собой императрицу Фаустину и большой отряд войск (*Dio*. LXXII, 22). По дороге на Восток Марк получил сообщение о том, что Кассий умер. Всего лишь через три месяца после того, как Кассий объявил себя императором, его убили. Один из его собственных центурионов ударил его кинжалом и потом ускакал, оставив Кассия серьезно раненным. Один декурион (очевидно, из свиты Кассия) закончил дело. Отрубленную голову Кассия послали Марку Аврелию.

Марк продолжал идти на Восток, чтобы заручиться верностью легионов, стоявших там, перед возвращением в Рим. Когда он наконец вернулся в Рим в 177 году, он провел триумф по улицам столицы за свою победу над германцами и воздвиг в Риме триумфальную арку. Дунайские войны Марка Аврелия закончились. Однако мир, который он завоевал, продлился недолго.

177—180 годы н. э.

LV

ПОСЛЕДНИЕ ПОХОДЫ МАРКА АВРЕЛИЯ

Победа и смерть

Императрица Фаустина скончалась в 176 году, когда она и Марк Аврелий возвращались в Рим с Востока. Ее смерть потрясла Марка, и, вернувшись обратно в Рим в следующем году, он погрузился в обще-

ственные дела. В то же самое время он объявил соправителем своего 16-летнего сына Коммода.

К тому времени Рим снова был вовлечен в войну со своими северо-восточными соседями. Теперь уже не германцы, а скифское племя с востока Дакии, которое пересекло Дунай, вошло в Нижнюю Мёзию. Братья Квинтилии, Максим и Кондиан, очевидно в это время были римскими наместниками двух принадлежавших Риму в то время провинций Мёзия. Эта талантливая пара, которая уникальным образом делила все, в том числе и официальные назначения — и, в конце концов, смерть от меча, укрепила позиции Рима на Дунае в ходе отсутствия Марка, но они «не смогли завершить войну» для императора. К 178 году «положение дел со скифами снова потребовало его внимания» (*Dio*. LXXII, 33).

В Риме болезненный Марк Аврелий бросил окровавленное копьё, хранившееся в храме Беллоны, в ходе традиционной церемонии, означавшей, что он лично отправляется на войну на чужеземной территории. Когда Марк отправился на Дунай, намереваясь обосноваться в Паннонии, он, как и раньше, послал секретаря дворца Таррутения Патерна впереди себя с основными силами, чтобы поддержать братьев Квинтилиев и агрессивно продолжать войну против скифов.

Патерн и его армия прибыли как раз тогда, когда братья Квинтилии были вовлечены в сражение со скифами. Место сражения, скорее всего, находилось к северу от устья Дуная там, где он впадает в Черное море, над Трезмисом, базой V Македонского легиона перед тем, как его перевели на Восток для Парфянской кампании. Здесь Адриан построил линию фиксированных оборонительных сооружений — *лимес*, который охраняли вспомогательные боевые единицы. Однако никакой легион не заменил в Трезмисе V Македонский, оставив этот сектор уязвимым для варварских вторжений. Могло быть и так, что битва случилась на границе Дакии к северу от Новеи; Андриан и там построил линию стен и фортов. Оба этих места могли попасть под удар в то время. Когда армия Патерна достигла спорной территории и присоединилась к сражению, скифы держались целый день перед тем, как их уничтожили. За победу Патерна Марка десятый раз провозгласили императором.

Однако это был еще не конец войны. Другие варвары жадными глазами смотрели на дунайские территории Рима: среди них были германцы-буры с реки Одер; они грабили Дакию и уводили многих римских поселенцев в плен в свою страну. Другие германские племе-

на, которые заключили мирные договоры с Римом, также стали беспокойными. 3 тысячи человек из племени наристов, обеспокоенные разговорами о войне, убежали от своих воинственных вождей и пришли к Марку, который поселил их на римской территории.

Между тем квадам настолько надоело, что на их территории размещены римские войска, которые указывают им, где можно пасти стада и обрабатывать землю, что они решили массово переселиться к северу через реку Эльбу, чтобы объединиться со своими родичами септонами. Когда Марк об этом услышал, он мобилизовал свои силы в Богемии. Квады, обнаружив, что путь к Эльбе заблокирован римскими войсками, были вынуждены вернуться домой. Язиги тоже больше не могли терпеть римских гарнизонов и послали к Марку послов, прося, чтобы с ними обращались мягче. Так что это племя не полностью оторвалось от Рима; признавая, что в последнее время квады ведут себя хорошо, Марк согласился на некоторые их просьбы.

Дион Кассий, отец которого жил в царствование Марка Аврелия, не сомневался, что со временем император подчинил бы весь регион. Но в марте 180 года, когда Марк находился в Виндобоне (Вена) на расстоянии дня пути к западу от Карнунта, он серьезно заболел и 17 марта умер. Дион писал, что ему рассказывали, что Марка убили

его врачи, дабы оказать любезность его сыну и наследнику (*Dio. LXXII, 21*). Лишь в 19 лет Коммод, присутствовавший у смертного ложа отца, был провозглашен императором Рима.

Коммод «терпеть не мог тяжелых трудов и жаждал беззаботной жизни в Городе» (*Dio. LXXIII, 2*). Так что он быстро заключил договор с варварами, которые угрожали Мёзии, и подписал новые мирные договоры с германскими племенами за Дунаем выше Паннонии и Норика. В качестве одного из пунктов соглашения Коммод вывел все

римские оккупационные войска с территорий германских племен в 5-мильную (8-километровую) нейтральную полосу к северу от Дуная. В обмен на это квады дали ему 13 тысяч всадников, которые служили в римской армии, а мар-

Коммод, блудный сын и наследник Марка Аврелия, показан здесь в облике Геркулеса, своего любимого божества

команы послали несколько меньше пехотинцев. 15 тысяч римских плен-ных, которые все еще находились в руках этих племен, были возвращены в Рим. Коммод также заключил мирный договор с бурами, которые дали ему заложников и вернули римских пленных. Коммод затем отправился домой, в Рим, и вел там бездеятельную жизнь.

При Марке Рим, может быть, и находился почти постоянно в состоянии войны, но кормило государства находилось в хороших руках. Неуверенный в себе, неуравновешенный юноша Коммод вскоре казнил многих из самых мудрых советников и лучших полководцев отца. Вследствие этого Римская империя, по словам Кассия Диона, «теперь переходит от золотого царствования к царству железа и ржавчины» (*Dio. LXXII, 36*).

193—195 годы н. э.

LVI
СЕВЕР ПРОТИВ НИГЕРА

Победить восточного узурпатора

Септимий Север, 47-летний правитель провинции Верхняя Паннония, был тщедушным, но тщеславным мужчиной с кудрявой шевелюрой и бородой, которую он нарочно выращивал так, чтобы она расходилась вилкой — чтобы отличаться от других. Он восхищался императором-солдатом Пертинаксом, который наследовал убитому Коммоду в начале 193 года. Севера привело в такую ярость убийство Пертинакса 200 воинами преторианской гвардии после того, как тот процарствовал меньше трех месяцев, что он призвал свои войска отомстить за смерть императора. 13 апреля легионы Паннонии — X Сдвоенный и XIV Марсов Победоносный в его собственной провинции и I и II Вспомогательные из соседней Нижней Паннонии — провозгласили Севера своим новым императором и присоединились к нему в походе на Рим, чтобы занять трон.

У Севера было три конкурента. Одним был сенатор Марк Дидий Юлиан, который после смерти Пертинакса получил поддержку преторианской гвардии на странном аукционе, где солдаты продавали свою верность: Дидий Юлиан предложил больше, чем префект города Тит Флавий Сульпициан. После этого преторианцы провозгласили

Песценний Нигер, один из двух соперников Севера в борьбе за трон

Юлиана императором. Кроме того, был амбициозный Децим Клодий Альбин, правитель Британии, — Север на время усмирил его, назначив его своим цезарем, или заместителем императора. И был еще Гай Песценний Нигер, правитель Сирии, который также заявил претензии на трон и завоевал поддержку значительной части Римского Востока. Чтобы занять трон, Северу надо было разобраться со всеми тремя своими соперниками.

60-летний Юлиан вскоре ушел со сцены: его убили 1 июня в бане те же самые преторианские гвардейцы, которые провозгласили его императором лишь два месяца назад — после того, как приближавшийся к Риму Север послал гвардейцам письма, обещающие наказать только тех преторианцев, что участвовали в убийстве Пертинакса. Их собственные товарищи заковали убийц Пертинакса в цепи: сенат собрался и провозгласил Севера императором.

Однако Северу преторианцы не слишком нравились. Он действительно казнил тех, кто был ответствен за смерть Пертинакса, но он пошел и намного дальше. Прибыв в окрестности Рима вскоре после убийства Юлиана, он призвал всю преторианскую гвардию на собрание. Здесь ничего не подозревавшие преторианцы были окружены легионерами Севера: у них отобрали оружие, а у офицеров — коней. Все бывшие преторианцы были затем изгнаны из Рима. Север собирался набрать новую преторианскую гвардию, переведя наиболее заслуженных легионеров в нее из легионов по всей империи.

Север не терял зря времени и выступил против своего самого грозного противника — Нигера. Уроженец Италии, которого Коммод сделал правителем Сирии, хотя он был всего лишь всадником, Нигер к тому времени находился к западу от Византия, на европейской стороне Геллеспонта. Город, как и все города Римского Востока, выступил за Нигера. В июле, лишь несколько недель спустя после своего прибытия в Рим, проведя пышные похоронные церемонии погибшего императора Пертинакса, Север отправился на Восток, чтобы разобраться с Нигером. Пока Север маршировал по суше, флоты из Мизена и Равен-

ны перевозили его легионы по Адриатике в Диррахий, откуда они шли в Македонию. Затем флоты проплыли через всю Грецию, чтобы участвовать в кампании против Нигера (*Starr. VIII*).

Из Византия Нигер атаковал близлежащий Перинф, однако, обеспокоенный неблагоприятными знаменами, вернулся в Византий (*Dio. LXXV, 6*). Когда войска Севера подвигались все ближе и ближе, Нигер и большая часть его войск удалились в Азию; однако Византий остался верным ему и закрыл свои ворота перед Севером. Пока Север проводил осаду Византия, он послал своих полководцев преследовать войска Нигера. Главный заместитель Нигера, сенатор по имени Эмилиан, который был родичем Альбина, правителя Британии, дал битву полководцам Севера близ Кизика на северном берегу Азии. Войска Севера победили; Эмилиан погиб в бою, и его армия была разгромлена.

Самого Нигера преследовали до Никеи (сейчас Изник), и он вступил в битву при озере Аскания (Изник) с полководцем Севера Тиберием Клавдием Кандидом. Нигер повел свою армию по долине, в то время как Кандид занял более высокое место на склонах соседних холмов. Какие-то отважные отряды (видимо, из армии Севера) командовали местными рыбацкими лодками и с их помощью осыпали стрелами войска Нигера с озера. Войска Кандида одолевали в начале сражения, до тех пор пока сам Нигер не взял на себя командование. Нигер заставил людей Кандида отойти, и полководцу Севера пришлось хватать своих знаменосцев и снова поворачивать их лицом к врагу; после этого он снова смог пойти в наступление. Войска Кандида уже одерживали победу к тому времени, как стемнело. Ночь была безлунная, и это позволило Нигеру и оставшимся в живых его воинам найти убежище в соседней Никее.

Так называемая битва при Никее оказалась моральной победой для войск Севера, однако Нигер смог продолжать свое отступление на Восток, в Сирию. Войска Севера преследовали, и с наступлением весны 194 года н. э. они настигли перегруппировавшуюся армию Нигера у Исса в Киликии, близ Киликийских Ворот. Узкий проход между горами и морем, который вел в Сирию, Киликийские Ворота были местом множества сражений в течение веков. Даже Александр Великий сражался тут — и победил. У прохода две римские армии встретились в смертельном бою.

У Нигера было больше 20 тысяч пеших солдат, но кавалерии, в общем, почти не имелось. Построив на холме хорошо укрепленный

лагерь, он построил армию на покато́й земле снару́жи лаге́ря: его легионы стояли в передних рядах, за ними — копейщики и пращники, и в последней линии — лучники. Обоз был поставлен сзади, чтобы люди не отступали. Полководец Севера Публий Корнелий Ануллин, у которого было меньше пехоты, чем у Нигера, но достаточно много кавалерии, скопировал боевую формацию Нигера со своей пехотой, но при этом приказал всадникам, которыми командовал его заместитель Валериан, попытаться обойти лес, защищавший тылы армии Нигера, и найти способ напасть на него сзади.

Битва началась при ясной погоде. Войска Нигера занимали свои позиции, и пехота Ануллина рванулась в атаку. Некоторое время бушевало сражение: войска Нигера, которых было больше и которые занимали более высокие позиции, удерживали свои позиции против людей Ануллина. Внезапно разразилась гроза, и, хотя уже казалось, что армия Нигера победит, среди грома и молний проливной дождь полился из-за спин армий Ануллина и ударил прямо в лицо солдатам Нигера. Войскам Ануллина это придало смелости: они поверили, что боги на их стороне, а люди Нигера по той же самой причине потеряли храбрость. Люди начали выходить из задних рядов войска Нигера. Теперь появилась кавалерия сторонников Севера под руководством Валериана: они пробрались через лес и напали на врага сзади.

Бежавшие солдаты Нигера были вынуждены снова вступить в битву из-за напора кавалерии. Между тем оставшиеся войска Нигера начали отступать перед пехотой Ануллина. Ряды армии Нигера стали разваливаться. Люди бежали во всех направлениях, пытаясь спастись. В последовавшей резне «погибло двадцать тысяч солдат Нигера» (*Dio. XXV, 6, 7, 8*). Самому Нигеру удалось спастись в этом сражении, и он бежал на юг, в Антиохию. Затем армия Севера вошла в Сирию и легко взяла Антиохию: Нигер снова был вынужден бежать. У Нигера были планы пересечь Евфрат, он ему удалось добраться только до предместий Антиохии, где его убил «простой солдат» (*Amm. II, xxvi, 8, 15*). Север, который в то время сам поспешно шел в Сирию, приказал послать голову Нигера его войскам, осаждавшим Византий, чтобы ее насадили на столб и показали защитникам города в надежде, что это зрелище заставит жителей Византия сдаться.

Несмотря на смерть Нигера и на то, что им показали его отрубленную голову, византийцы держались. Под прикрытием бури защитники города послали корабли из своего флота — 500 в основном однорядных судов, чтобы ограбить соседние прибрежные города и привезти запасы.

Однако, когда в следующий раз флот Византия попытался так же вырваться из города, чтобы найти отчаянно необходимую провизию, его встретили триремы объединенных римских флотов из Мизена и Равенны и полностью уничтожили; к тому времени голодающие жители Византия были вынуждены есть кожу и даже, как говорят, прибегли к каннибализму (*Антт.* II, xxvi, 8, 15). Вслед за потерей своего флота город сдался армии Севера, который казнил всех в Византии, кто держал оружие, а также магистратов города. В качестве дальнейшего наказания за сопротивление ему Север приказал, чтобы массивные стены, окружавшие город, были уничтожены.

Сам Север был в Месопотамии, когда получил новости о падении Византия: он с ликованием сообщил об этом своим войскам. В Месопотамию его заставил отправиться мятеж жителей царства Осроена. В этом царстве, расположенном к востоку от верхнего Евфрата, столицей которого был знаменитый город Эдесса, в нескольких фортах уже многие годы стояли гарнизоны из римских войск. Увидев в гражданской войне между Нигером и Севером возможность свергнуть римское господство, как Осроена, так и ее сосед — царство Адиабена — взбунтовались, захватили несколько римских фортов на их территории и взяли тех, кто остался в живых из римских гарнизонов, в плен. Они затем осадили занятый римлянами город Нисибис.

Север объединился с победоносными легионами в Сирии, и теперь, когда он подходил к Евфрату, мятежники отошли от Нисибиса и жители Осроены послали к римскому императору послов, предлагая ему вернуть римских пленных, если он выведет оставшиеся римские гарнизоны с их территории. Игнорируя это предложение, Север пересек Евфрат вместе со своей армией. Бродя по пустыне, он едва не потерял множество людей из-за отсутствия воды и песчаной бури. Когда римляне нашли источник, вода выглядела так странно, что люди отказывались пить ее, покуда сам Север не выпил этой воды на глазах у воинов.

Север теперь обосновался в Нисибисе, и, послав свою армию, разделенную на три подразделения по всей Осроене под предводительством своих полководцев, он захватил все города. Затем римляне пересекли реку Тигр и сделали то же самое в горном царстве Адиабена. С ее столицей в Арбеле (сегодняшний город Ирбиль в Ираке), Адиабена охватывала сегодняшнюю курдскую часть Ирака и некоторые области Южной Армении и Ирана. К концу 196 года война Севера на Востоке была закончена завоеванием Адиабены.

Но теперь Северу пришлось обратить свое внимание на другого конкурента — Альбина на западе империи, который вошел из Британии в Галлию и был провозглашен своими войсками императором. Отправляясь лично на Запад, Север приказал своим войскам переправить его дунайские легионы и преторианскую гвардию обратно в Европу.

197 год н. э.

LVII
БИТВА ПРИ ЛУГДУНЕ

Север против Альбина

Римская армия потерпела тяжелое поражение.

Дион Кассий. Римская история. LXXVI, 7

Февральский воздух все еще пах зимой, когда две армии сошлись на равнине к северу от реки Роны близ Лугдуна — сегодняшнего Лиона в Центральной Франции. Обе армии были римскими; каждая была полна решимости уничтожить другую, и всего на поле сражения вышло 150 тысяч человек.

После того как Септимий Север, губернатор Верхней Паннонии, был провозглашен императором паннонскими легионами 13 апреля 193 года н. э., он дал губернатору Британии, Дециму Клодию Альбину, титул цезаря, или заместителя императора, чтобы его утихомирить. Когда Север был на Востоке, разбираясь со своим конкурентом Нигером, в 195 году Альбин решил забрать трон себе — после того, как Север объявил своих сыновей Каракаллу и Гету новыми цезарями и наследниками.

Перебравшись через Ла-Манш из Британии, Альбин привел с собой людей из трех расположенных в Британии легионов — II Августова, VI Победоносного и XX Валериева Победоносного — в Галлию, где он сам обосновался в Лугдуне. Главный город Галлии и столица провинции Лугдунская Галлия, Лугдун был местом расположения императорского монетного двора и когорты римской городской гвардии, которая, судя по всему, перешла на сторону Альбина. Его провозгласили императором его войска и народ Лугдуна, и здесь, в Лугдуне, к нему вскоре присоединился Луций Новий Руф, правитель одной из испанских про-

винций, который привел с собой подкрепления из VII легиона Гемина и вспомогательные соединения, базировавшиеся в Испании.

После того как Север победил Нигера, он привел свои дунайские легионы и преторианскую гвардию в Галлию, чтобы напасть на Альбина, также отправив легионам на Рейне сообщение, чтобы они по-

слали на юг войска, дабы присоединиться к нему. Когда легионы с Рейна во главе с Вирием Лупом приближались к Лугдуну во главе армии Севера, Альбин вел большинство своих войск из Лугдуна им наперехват. В Тинурции, сегодняшнем Турне, в 40 милях (64 километрах) вверх по реке Соне от Лугдуна, войска Лупа были отбиты Альбином с тяжкими потерями. Когда подошел сам Север с основными силами, победоносный Альбин отошел, ведя свою армию обратно в лагерь близ Лугдуна, чтобы консолидировать там свои силы.

Теперь, 19 февраля, битва, которой было суждено решить, кто будет править Римской империей, произошла у города. В этой битве должны были принять активное участие как Север, так и Альбин. Оба знали, что это сражение — пан или пропал. Легионы Альбина построились для сражения вне своего лагеря. Затем и армия Севера также вышла из лагеря на равнину и построилась в боевые порядки напротив врага.

Как Север, так и Альбин были опытными полководцами. Север, что называется, «сделал себя сам». Он был уроженцем города Лептис Магна в провинции Африка, сыном всадника; ему удалось преодолеть свое провинциальное происхождение; он постепенно поднимался по карьерной лестнице в армии и стал консулом в 190 году, в возрасте 43 лет, прежде чем занять пост губернатора Верхней Паннонии. С другой стороны, Альбин происходил из хорошей сенаторской семьи и получил блестящее образование. Он составил себе славу, командуя победоносной римской армией против захватчиков-варваров к востоку от Дакии в царствование Коммода. По мнению Кассия Диона, который его лично знал, «Север лучше знал военное дело и был превосходным полководцем». Но при этом у Альбина было больше опыта в командовании войсками в сражении, в то время как раньше Север позволял своим подчиненным вести свои армии (*Dio. LXXVI, 6*).

Битва при Лугдуне была долгой и утомительной; военное счастье склонялось то на ту, то на другую сторону. Она открылась на освященный временем манер. Обе стороны выстроились рядом друг напротив друга, обе пошли вперед. Перед сражением (видимо, ночью) люди из правого крыла Альбина незаметно для противника выкопали длинную яму. Яму прикрыли, скорее всего, шкурами и насыпали сверху слой земли, чтобы ее спрятать. В начале сражения люди Альбина здесь, на правом фланге, рванулись вперед к краю скрытой ямы и стали бросать свои дротики, а затем отступили, как бы в страхе. Это заставило левое крыло Севера выдвинуться вперед, к яме. Покрытие провалилось, и

как люди, так и кони в первом ряду рухнули в яму, на дне которой, должно быть, были заостренные колья. Вторая линия по инерции не смогла остановиться, и многие из людей в ней также упали в яму. Войска в следующих рядах не только остановились — они в ужасе и беспорядке отступили, заставляя своих собственных людей позади них оказаться на краю скалы.

На противоположном крыле все было наоборот. После беспорядочной рукопашной левое крыло Альбина подалось под давлением более опытных войск Севера с правого фланга. Люди с этого крыла бежали в лагерь Альбина; войска Севера преследовали их. Ворота не успели закрыть под давлением запаниковавших людей, что позволило преследователям пробиться в лагерь, где они истребили тех, кто находился внутри, и разграбили их палатки.

Север держал преторианскую гвардию в резерве. Увидев, что его левое крыло попало в беду в этой яме, он повел преторианцев в атаку слева. Однако войскам Альбина удалось отбить гвардейцев. Император «едва не погубил преторианцев», и под Севером был убит его конь (*Dio. LXXVI, 6*). Оказавшись на земле, Север, увидя, что его люди бегут из сражения, сбросил свой тяжелый кавалерийский плащ, вытащил меч и побежал среди бегущих: он хотел или вернуть их назад, или умереть, сражаясь. Остановив бег многих из своих людей и перестроив их, он повел контратаку, которая отрезала многих из тех, кто преследовал войска Севера, и заставил других отступить.

В этот момент полководец Севера Меций Лет вмешался со своей кавалерией. Согласно Диону, Лет и сам хотел стать императором и удерживал кавалерию Севера в надежде, что убьют и Севера и Альбина, а после этого он потребует вакантный трон себе. Но, увидев, что войска Севера одолевают солдат Альбина, Лет ввел в бой кавалерию, чтобы поддержать Севера (*Dio. LXXVI, 6*). Это перевернуло ситуацию и позволило победить армию Альбина. Альбин бежал с поля боя и укрылся в крестьянском домике у Роны. Однако за ним погнались, и дом

Именно убийство императора Пертинакса, изображенного на этой монете, заставило Септимия Севера занять трон. Но, чтобы его удержать, Северу пришлось сразиться с Нигером и Альбином

был окружен войсками Севера. Альбин не желал попасть в руки Севера и покончил с собой.

Северу принесли тело Альбина. Забрав тело и сердито осудив умершего за то, что тот сопротивлялся ему, Север приказал отрубить ему голову и послать в Рим, чтобы она была там выставлена на шесте; тело же было выброшено — его не похоронили и не кремировали. Когда Север вернулся в Рим, он казнил несколько сенаторов, которые поддерживали Альбина. В то же время верный Северу полководец Луп получил принадлежавший ранее Альбину пост наместника Британии, в то время как амбициозного Лета послали на Восток, где он стал губернатором Месопотамии.

Поскольку Лугдун поддержал Альбина, Север позволил своим победоносным войскам разграбить этот богатый город. Он, наверное, был еще более рассержен нелояльностью к нему горожан, поскольку тут родился его сын Каракалла — и все-таки жители Лугдуна повернулись против него. I легион Минервы, поддерживавший Севера, который был расположен в Бонне на нижнем Рейне еще с царствования Траяна, теперь был отделен от армии Севера и расквартирован в Лугдуне. С Лугдуном обращались как с оккупированным вражеским городом, и легион оставался там до 211 года, после чего вернулся в Бонну. Лугдун уже никогда не вернул себе прежний престиж и значительность среди городов империи (*Pelle.*).

С этой битвой у Лугдуна закончилась краткая гражданская война, однако римская армия была опустошена этим междоусобным конфликтом. При Лугдуне «с обеих сторон пало неисчислимое множество воинов». «Это несчастье заставило скорбеть даже многих из числа победителей. Действительно, перед их взором простиралась равнина, целиком заполненная мертвыми телами людей и коней, — жаловался Дион. — Римская армия потерпела тяжелое поражение» (*Dio. LXXVI, 7*).

Однако Север с войной еще не закончил. Когда он вернулся в Рим, ему стало известно, что парфяне, зная, что римляне сражаются между собой на Западе, развернули «полномасштабный поход». Вторгшись в Месопотамию и завоевав большую ее часть, парфяне осадили ее правителя Лета в Нисибисе (*Dio. LXXVI, 9*). Север приказал начать большую военную кампанию на Востоке. Он не только планировал выдавить парфян из Месопотамии, но и имел виды на то, чтобы достигнуть того, о чем мечтал Юлий Цезарь, что бросил Адриан после краткого похода Траяна на восток от Евфрата и что не удалось сделать Коммоду, — завоевать Парфию и уничтожить будущую угрозу Риму со стороны парфян.

197—203 годы н. э.

LVIII
ПАРФЯНСКАЯ ВОЙНА СЕВЕРА

Восточная катастрофа

В свете огромных потерь, которые понесли все легионы, участвовавшие в сражении под Лугдуном в феврале 197 года, Север приказал набрать три новых легиона. Так, чтобы не было сомнений, для чего они предназначены, он назвал их I, II и III легионами Parthica, то есть Парфянскими. Эмблемой всех трех этих легионов был кентавр. Поскольку, как говорили, мифологические центавры были родом из Македонии, считается вероятным, что все три легиона в основном были набраны там и в соседней Фракии (Cov. RL AD 161—284).

Используя флоты Мизена и Равенны и взяв с собой некоторые из своих уже существующих базировавшихся в Европе легионов и часть преторианской гвардии (все они понесли тяжкие потери в февральской битве при Лугдуне в Галлии), Север в конце года отправился на Восток, выйдя из порта Брундизий в Южной Италии (Starr. VIII). Три новых парфянских легиона должны были выйти оттуда, где их набрали, в соседний Византий, где, возможно, они сели на корабли понтийского флота и были переправлены по Восточному Средиземноморью, чтобы соединиться с Севером в Сирии.

К весне 198 года Север вел свою армию на север в Месопотамию, чтобы освободить Нисибис (современный Нисайбин в Юго-Восточной Турции). Этот древний город, окруженный массивными стенами, уже давно осаждали парфяне. Приближение Севера и его армии заставило парфянского царя Вологеза отойти в Центральную Парфию. Полководец Севера Лет, согласно Диону, который был с ним знаком, «замечательный человек», отважно продержался всю осаду многие месяцы. «Благодаря этому он умножил свою славу» (Dio. LXXVI, 9).

Сцены на резных панелях арки Септимия Севера, воздвигнутой в 203 году неподалеку от дома сената на римском Форуме, показывают, как тогда Север снова отправился на войну с царством Осроена, которое испокон веков было союзником парфян и за многие годы до этого взбунтовалось против Севера. Согласно панелям на арке Севера, он использовал сложные «военные машины» против Эдессы — столицы Осроены.

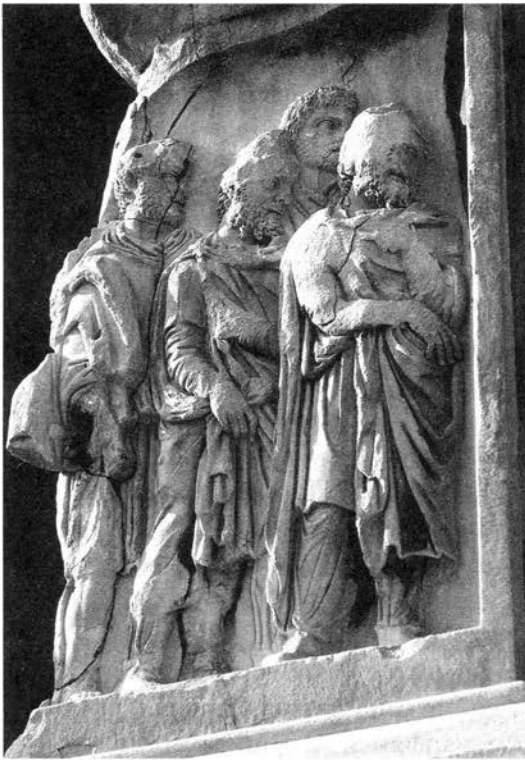
Некоторые из этих машин — массивные движущиеся башни, катапульты и краны — были разработаны инженером Приском из Вифинии. Приск принимал участие в защите Византия во время осады этого города войсками Севера, строя экзотические военные машины, которые очень осложняли жизнь осаждавшим. Север приказал, чтобы Приска пощадили, когда пал Византий, и потом взял его с собой на Восток (*Dio.* LXXV, 11). Арка Севера в Риме показывает, как город Эдесса сдается Северу и затем также сдается Абгар, царь Осроены.

Дион говорит, что, пользуясь бревнами из леса близ Евфрата, легионы Севера тогда построили ладьи, которые они спустили на реку; римская армия спешила вниз по Евфрату; несомненно, часть багажа переправлялась по воде, а часть — по земле, вдоль берега (*Dio.* LXXVI, 9). На арке Севера также показан Вологез, царь парфян, который бежит верхом на коне от Севера. Дион сообщает, что, когда Север добрался

до Селевкии, города на Тигре, ранее уничтоженного Траяном, он нашел его полностью заброшенным (*Dio.* LXXVI, 9). Идя на юг, Север нашел Древний Вавилон также оставленным.

Парфяне сражались за свою столицу Ктесифон, и снова Север пустил в действие боевые машины. Несмотря на то что защитники города сдались, Север позволил своим легионам войти в Ктесифон и разграбить его. Вслед за этим Север ушел из Парфии — отчасти, как говорит Дион, из-за недостатка провизии. Судя по всему, он отошел до самого Нисибиса, где собирался провести зиму. Его армия — опять отчасти на ладьях и отчасти по земле — также последовала по реке Тигр, чтобы перезимовать на севере.

Весной 199 года, приготовив большие запасы провизии и построив многочисленные военные

Враги-парфяне. Сцена с колонны Севера, которую он поставил на Форуме в Риме после своих Парфянских походов

машины, Север развязал новую кампанию. На этот раз он пошел по пустыне к городу Хатре, столице арабов-атренов, которую стал осаждать. Хатра могла находиться далеко, но это был богатый город, и знаменитый центр почитания солнца: здесь были многочисленные ценные приношения и огромное количество денег. За 83 года до того Траян также осаждал Хатру; он с отвращением отказался от этого после того, как не смог справиться ни с защитниками города, ни с окружающей местностью. Аммиан, римский офицер, который проходил тут же с римской армией 164 года спустя, писал, что Хатра лежит в центре пустыни и что на пустынной равнине перед ней можно пройти 70 миль (112 километров) и обнаружить, что там нет никакой воды, «за исключением соленой и вонючей» (*Антт.* II, XXV, 8, 6).

Несмотря на такие условия, Север решился взять город, который был окружен рядами высоких стен, используя против них целый ряд военных машин. Снова Приск из Вифинии создал массивные машины для этой атаки, как и инженеры из императорских легионов. К огорчению Севера, многие из этих военных машин были уничтожены горящими стрелами, которыми стреляли с городских стен. «Его осадные машины были сожжены, погибло множество воинов, и очень многие были ранены» (*Dio.* LXXVI, 11). Север ушел и разбил лагерь на зиму в более гостеприимном месте.

Всю зиму Север заготавливал провизию на продолжительную кампанию в новом году и приказал построить много новых военных машин. Конечно, в лагере Севера царило недовольство из-за человеческих потерь в ходе этой кампании: Север все время бросался на окружающих. Меций Лет стал его самым успешным полководцем, и, более того, он завоевал большую популярность как у войск, так и у широкой публики; теперь Север приказал арестовать и казнить его. Потом сообщили, что один из трибунов преторианской гвардии, Юлий Крисп, процитировал строку из поэта Вергилия: «Мы между тем погибаем ни за грош». Север счел, что это критика, которая подрывает основы его власти, и приказал казнить трибуна. Солдат, который донес на Криспа, был повышен до трибуна (*Dio.* LXXVI, 10).

Весной 200 года н. э. Север и его армия снова оказались у Хатры, чтобы вновь начать осаду: Севера очень злило то, что один город может сопротивляться ему в то время, как все остальные города в регионе пали. Самые последние осадные машины Севера привезли туда; борьба возобновилась, но племя атренов, защищавшее Хатру, также было вооружено мощным оружием, в том числе массивными катапультами,

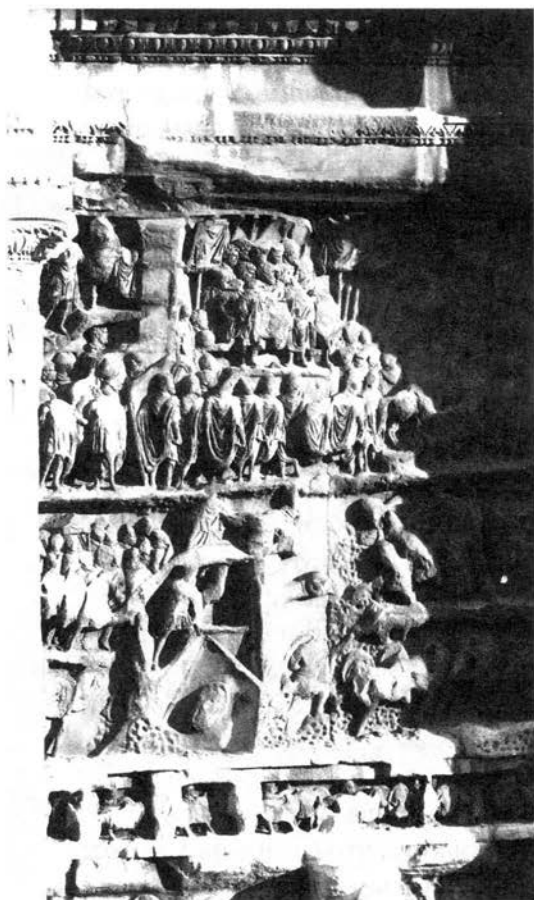
которые выпускали по две стрелы одновременно. У них был такой большой радиус действия, что они поразили телохранителей Севера, когда император восседал на высоком трибунале, наблюдая за ходом осады; несомненно, и император, и его свита разбежались.

Вслед за этим легионеров Севера послали на стены Хатры с помощью крытых щитов на колесах. Им удалось разбить небольшую часть стены, и ударные войска пошли на штурм прохода. В ответ защитники города стреляли сосудами с горящей битумной нефтью на деревянные осадные укрытия; они разбивались над ними и «сожгли дотла осадные машины и всех воинов, на которых попало это вещество»

(*Dio. LXXVI, 11*). Ужасная судьба этих воинов пригасила энтузиазм других римских отрядов, которые видели это, и атака захлебнулась.

Кроме тех машин, что построил Приск, все остальные осадные машины были разрушены пламенем в результате хатранского заградительного огня. Возможно, машинам Приска не дали погибнуть в пламени противопожарные меры, в том числе насыпание слоя земли поверх деревянных осадных орудий. Наконец, оставшиеся осадные машины Приска проделали другую большую дыру в стене. Отряды Севера жаждали ворваться через пролом, однако Север (непонятно почему) дал врагу двадцать четыре часа на то, чтобы сдаться. На следующий день хатранцы не только не сдались, но и втайне починили пролом ночью.

Дион пишет, что из легионов Севера те, что пришли из Европы, «одни лишь могли чего-то добиться» (*Dio. LXXVI, 12*). Но даже они не очень хотели снова штурмовать стену, когда арабам дали

Триумфальная арка Септимия Севера в Лептис-Магне в Ливии. Север со своими войсками после взятия Ктесифона — столицы парфян

время, чтобы укрепить свои защитные устройства. «В гневе» из-за суровой задержки европейские легионеры «единодушно отказали ему в повиновении» (*Dio. LXXVI, 12*). «Прочие, сирийцы», пишет Дион (очевидно, базировавшиеся в Сирии легионы, такие как III Гальский и IV Скифский, VI Железный и X легион Пролива), были вынуждены идти на приступ вместо европейских легионов, но «погибли страшной смертью», и их атаку отбили (*Dio. LXXVI, 12*).

Один из полководцев Севера заявил, что, если император даст ему 550 человек из европейских легионов, он возьмет город, однако Север кисло заметил, что он просто не сможет набрать столько солдат-европейцев, так как их легионы его просто не слушаются (*Dio. LXXVI, 12*). После двадцати дней кровавых неудач (как и у Траяна до него) Север отказался от осады Хатры. Он ушел из Месопотамии, оставив гарнизоны в различных городах и фортах, и отправился в Палестину. В храме Юпитера, построенном на месте еврейского Храма в Иерусалиме, Север принес жертву памяти Помпея Великого, первого римского полководца, который взял Иерусалим.

Эта кампания стоила жизней тысяч римских солдат и не обеспечила никаких долговременных благ для Рима — лишь позволила выиграть немного времени перед тем, как римские владения за Евфратом были снова осаждены и захвачены. Теперь Север бросил военные дела и стал играть в «туриста». Он отправился в Египет и в Александрии запер гробницу Александра Великого, чтобы в будущем никто не смог посмотреть на мумифицированное тело. Затем он поплыл по Нилу, остановившись только тогда, когда узнал, что впереди, в Эфиопии, бушует эпидемия.

К 202 году Север вернулся в Рим. Он оставил свои новые I и III Парфянский легионы на Востоке, и они построили себе базы в Месопотамии — первый в Сингаре, последний — в Резане. Север привел II Парфянский легион обратно в Италию после Парфянской экспедиции. Хотя Север и реформировал преторианскую гвардию, придя к власти, он никогда полностью ей не доверял: в конце концов, преторианцы же убили его предшественника Пертинакса. II Парфянский легион теперь поставили в Альбе Лонге, в Альбанских холмах лишь в 12 милях (19 километрах) к югу от Рима: это был первый легион, базировавшийся в Италии к югу от реки По с дней поздней республики примерно 230 лет до этого.

Здесь, в Альбе, II Парфянский легион, который доказал свою лояльность Северу на Востоке, стал фактически отрядом телохранителей императора. Теперь преторианцы знали, что любимый легион импе-

ратора находится на расстоянии всего нескольких часов марша, в Альбе — если у них когда-нибудь появятся мысли об убийстве того, кто занимает трон. II Парфянский легион (или Албанский, как его обычно называли) теперь служил Северу страховкой.

На следующий год в Риме была поставлена триумфальная арка Септимия Севера. На одной из панелей видно, как римский солдат эскортирует восточного пленника: это может быть король Осроены Абгар, который сдался Северу после падения Эдессы. Абгар потом отправился в Рим с огромным эскортом (*Dio. LXXX, 16*). Он мог принимать участие в триумфальной процессии Севера. Согласно надписи на арке, Север заявлял, что восстановил государство и расширил империю. На данный момент расширившиеся границы Римской империи были в безопасности, пограничные земли спокойны. Но в III веке мир для римлян будет редким счастьем.

208—210 годы н. э.

LIX

ВТОРЖЕНИЕ СЕВЕРА В ШОТЛАНДИЮ

Легионы обретают новые силы

Император Септимий Север, почувствовав, что легионы «расслабились от праздности», и придя к выводу, что Рим контролирует меньше половины Британии, решил исправить и то и другое, вторгнувшись на северную, еще не завоеванную часть острова (*Dio. LXXVII, 11*). В 197 году, когда Север планировал свою Парфянскую кампанию, шотландское племя меатов, которое жило у Адрианова вала, стало приносить римлянам проблемы — их соседи, каледонцы, не смогли сдержать данное Риму обещание держать меатов под своим контролем. Поскольку Север сосредоточился на Востоке, в качестве временного решения он предложил правителю Северной Британии Вирию Лупу «купить у меатов мир за большие деньги» (*Dio. LXXVI, 5*).

Но к 208 году Север уже был готов обратить внимание на Шотландию лично. Весной он прибыл в Британию вместе со своей супругой, сыновьями и большой армией. Затем из своих штаб-квартир в Эбораке он пошел дальше Адрианова вала и развернул атаку против меатов близ стены, затем — против каледонцев в горах Шотландии. «Продвигаясь в глубь стра-

ны, [Север] столкнулся с бесчисленными трудностями: приходилось и леса вырубать, и срывать возвышенности, и засыпать болота, и возводить переправы через реки» (*Dio. LXXVII, 13*). Кассий Дион, который в то время был сенатором, говорит, что шотландские воины, жившие в палатках, были «в беге чрезвычайно стремительны и очень устойчивы в обороне». Они были вооружены щитами, короткими копьями и кинжалом. Кроме того, эти племена все еще использовали колесницы, в которые были запряжены мелкие, быстрые кони, как это и было во время кампаний Агриколы за 120 лет до этого (*Dio. LXXVII, 13*).

Семейный портрет Септимия Севера, его жены Юлии Домны и одного из сыновей

Шотландские племена избегали сражений в открытом поле, но вместо этого использовали свою скотину в качестве наживки, заманивая римские войска, намеревавшиеся пограбить, в болота и трясины. Варвары, «погрузившись в болото так, что над водой остается только голова, проводят так по многу дней», писал Дион. В то время как «римляне сильно страдали из-за воды», шотландцы могли атаковать римлян, «стоило им рассеяться». Раненые римляне, «когда оказывались не в состоянии идти, сами умерщвляли друг друга, дабы избежать захвата в плен» (*Dio. LXXVII, 13*).

За три года этой кампании потери римлян были чудовищными: «В целом погибло до пятидесяти тысяч человек», — говорил Дион. Однако Север «не останавливался, пока не приблизился к крайнему пределу острова» (*Dio. LXXVII, 13*). К тому времени император страшно страдал от подагры, и самого его пронесли по Шотландии на носилках. К концу лета 210 года дорогостоящая кампания Севера не помогла покорить племена Северной Британии, но заставила их начать переговоры.

64-летний Север ехал во главе римской армии на встречу с вождями племен, чтобы подписать мирный договор. С ним был его амбициозный старший сын, 22-летний Каракалла — прозвище, которое было дано ему из-за его привычки носить определенный тип плаща — каракаллу. Настоящим именем Каракаллы, которое менялось много раз, было Марк Аврелий Север Антонин. Впереди, на болоте, каледонцы

выстроились боевыми рядами для переговоров. Каракалла скакал прямо за своим отцом, но впереди императорского эскорта. Когда римляне подъехали к каледонцам, юный принц достал свой меч и уже был готов вонзить его в спину родителя. Другие римляне из отряда прокричали предупреждение Северу: отец повернулся, увидел меч Каракаллы и холодно посмотрел на сына; юноша пришел в себя.

Север, невысокий, но крепко сложенный мужчина, ничего не сказал: он просто сошел с коня и подошел к трибуналу, приготовленному для переговоров, которые пошли своим чередом. Договор был подписан: римляне не входят на территорию шотландцев, но в обмен меаты отдают свои земли и отходят на север. Север, пригласив каледонских вождей и их клиентов погостить у него в его штаб-квартире в Эбораке, уехал восвояси.

Вернувшись в Эборак, Север послал преторианского префекта Папиниана, чтобы привести Каракаллу к нему в штаб. Когда оба прибыли, они нашли императора больным на его ложе. Влиятельный вольноотпущенник Севера, главный секретарь Кастор, был там же. Меч лежал на столе перед государем, и рукоятка была обращена к Каракалле. Север отругал сына за то, что тот осмелился обратиться против него меч, и при этом на людях. Затем он бросил вызов Каракалле: пусть тот вытащит меч у него на глазах и убьет его; или пусть прикажет Папиниану убить императора. Каракалла стусевался и вышел.

Вскоре после этого делегация каледонских вождей прибыла в Эборак; император и императрица Юлия Домна приняли их, как дорогих гостей. Императрица даже приняла супругу каледонского вождя Аргентококка, и ее весьма впечатлило ее остроумие (*Diо. LXXVII, 16*). Приближалась зима; договор был заключен, и вожди племен вернулись к себе в Шотландию. Однако мир продлился недолго.

210 год н. э.

LX
КАЗНИ В ЙОРКЕ

Легионеры против преторианцев

Каракала был в бешенстве от того, как его унизили, пока однажды, в конце 210 года, он не вырвался из своих квартир в Эбораке, «крича во все горло, что над ним надругался Кастор» — первый помощник

отца. «На этот крик собрались некоторые воины, которые были заранее подготовлены и стали кричать вместе с ним». Однако они «быстро присмирели, когда

среди них появился сам Север и наказал наиболее ретивых смутьянов» (*Dio. LXXVII, 14*). Как именно их наказали, нам не говорят. Несколько недель спустя, 4 февраля 210 года, Север скончался в Эбораке.

Обнаружение скелетов обезглавленных людей на римском кладбище в современном Йорке в 2004 году заставило прессу и телевидение Би-би-си предположить, что это были жертвы резни, учиненной в Эбораке Каракаллой после кончины его отца. Несколько могил, в том числе могилы пятидесяти взрослых мужчин, были найдены вне старых городских стен, на кладбище, граничащем со старой римской дорогой с юго-запада. Многие из этих людей были обезглавлены; у одного на лодыжках даже были оковы. Осколки керамики на месте погребения говорят о том, что могилы датируются началом III века. В 2005 году еще одна могила, в которой были останки еще двадцати четырех человек, была найдена рядом; по крайней мере, восемнадцать из них также были обезглавлены.

Обезглавливали людей со спины, и при этом очень грубо: в одном случае, чтобы отрубить жертве голову, понадобилось тринадцать ударов мечом или топором. Научный анализ костей показал, что ни один из мужчин в этих могилах не старше 45 лет. Все были достаточно высокими для того времени, примерно 5 футов 9 дюймов (174 сантиметра). Все были мощного телосложения, и их руки показывали, что все они переносили исключительную нагрузку много лет. Изотопный анализ

Останки одного из обезглавленных римлян, высокого мужчины, обнаруженные в Йорке. Скорее всего, это был один из преторианцев, который допустил ошибку, примкнув к мятежу и поддержав Каракаллу

зубов показал, что эти люди были родом из Средиземноморья, Альп и даже из Африки.

Хотя данные и говорят о том, что эти люди были связаны с римской армией — Эборак был базой VI Победоносного легиона в III веке и штаб-квартирой армии Севера, состоявшей из множества легионов в ходе его шотландских кампаний, — история о том, что эти скелеты являются именно свидетельством кровавой волны казней приближенных Севера, учиненной Каракаллой, быстро распространилась в СМИ.

Однако в ежегодном отчете за 2005/06 год Йоркского управления археологии теория о «резне Каракаллы» отошла на задний план: археологи указывают, что скелеты датируются четырем различным периодам. Кроме того, Кассий Дион пишет, что Каракалла казнил множество придворных своего отца, в том числе и Кастора, как только стал императором, но эти казни, судя по всему, случились уже позднее, в Риме.

Но при этом вероятно, что одна из групп обезглавленных скелетов в Йорке была связана с выступлением Каракаллы против Кастора в 210 году; наверное, это были преторианские гвардейцы, те самые «большельщики» Каракаллы, которых так сурово наказали.

Эти люди были римскими гражданами (правом каждого гражданина было быть обезглавленным, если его признали виновным в преступлении, наказанием смертной казнью), и их одинаково крупные физические параметры говорят о том, что это могли быть преторианцы. Даже с

реформ Севера в 193 году служащих легионеров производили в преторианцы на основании как физической силы, так и храбрости. И преторианские рекруты Севера происходили со всех областей империи, точно так же, как обезглавленные мужчины из Йорка. Кассий Дион, который общался с преторианцами Севера, описывал их как «солдат самого дикого вида, совершеннейшую дегенерацию в речах и обхождении» (*Dio. LXXV, 2*).

Бюст Каракаллы, который убил своего младшего брата Гету, искавшего спасения в объятиях их матери. Амбиции Каракаллы стали причиной казни людей, которые поддержали его в Йорке

В таком случае вполне возможно, что в Йорке было обнаружено мрачное свидетельство истерики Каракаллы и той цены, которую преторианские гвардейцы заплатили за то, что подчинились его желаниям.

217 год н. э.

LXI
УБИТЬ КАРАКАЛЛУ

Отступление на Востоке

Пришла весна, и знамена легионов освятили во время люстрации в марте, в ходе праздника Кватраналий, а в Месопотамии император Каракалла, которому теперь было 29 лет, планировал возобновить войну с парфянами. 8 апреля Каракалла вышел из Эдессы с колонной всадников, планируя отправиться верхом в Карры (современный Харран в Турции), чтобы начать свою кампанию. На некотором расстоянии вдоль дороги колонна остановилась, чтобы передохнуть. Каракалла сошел с коня и вытянул ноги. Вокруг него всадники делали то же самое. Среди всадников были люди из его собственного отряда телохранителей — Львы. Эти телохранители были скифами и германцами: Каракалла не доверял преторианцам или каким-либо другим римским солдатам свою защиту. Телохранители были бывшими заключенными: они были рабами, пока Каракалла не выкупил их у прежних римских хозяев, не вооружил их и не дал им те же самые привилегии и заработную плату, как у центурионов, и сделал их своими ближайшими спутниками.

Немолодой солдат по имени Юлий Марциал теперь приблизился к императору пешком: все выглядело так, как если бы он намеревался что-то обсудить с ним. Судя по всему, он жил на Востоке после того, как оставил свой легион, и его снова вызвали на службу для затеянной Каракаллой кампании. Марциал недавно попросил императора повысить его до центуриона, но его просьбу отклонили. Это, как говорит Дион, было достаточным основанием для того, что собирался сейчас сделать Марциал (*Dio. LXXIX, 5*).

Подойдя к Каракалле, Марциал близко наклонился к нему, как бы собираясь сказать что-то по секрету, и затем ударил его небольшим кин-

Монета Каракаллы, выпущенная для тех самых войск, которые вскоре убьют его на дороге в Карры

жалом. Никто не заметил удара, и Марциал поспешно отошел прочь. Только когда император рухнул наземь, среди телохранителей поднялась тревога. Марциал, вместо того чтобы выбросить орудие убийства, оставил его себе, и один скиф из отряда Львов, увидев окровавленное оружие в его руке, бросил дротик в него, когда тот пытался спастись. Дротик пронзил убийцу, который упал наземь мертвым.

Однако Каракалла не умер. Солдаты и члены штаба столпились на дороге вокруг серьезно раненного

императора; два трибуна преторианской гвардии, братья Аврелий Немесиан и Аврелий Аполлинарий, протолкались сквозь толпу и окружили Каракаллу. Но вместо того чтобы помочь императору, они завершили дело, убив его. Как и другие безумные императоры до него, прежде всего Калигула и Коммод, Каракалла погиб от рук своих людей.

Согласно Диону Кассию, который был с императорским отрядом в Месопотамии в то время, всех троих убийц Каракаллы подговорил на это дело префект претория, Марк Оппелий Макрин (*Dio. LXXIX, 5*). Макрин уже был в тайной связи с отрядами, размещенными по всей Месопотамии, обещая закончить непопулярную войну с парфянами, которая «тяготила более всего» легионы. В три дня, последовавшие за убийством Каракаллы, Макрин держался в тени. Затем 11 апреля (это как раз был день рождения покойного и всем памятного императора Септимия Севера) войска приветствовали Макрина в качестве нового императора (*Dio. LXXIX, 5*).

53-летний Макрин был уроженцем Мавретании в Северной Африке и даже носил сережку по маврской моде. На момент смерти Каракаллы он имел ранг всадника и стал первым человеком, который получил римский трон, не будучи до этого сенатором. Чтобы сдержать слово, данное армии, что он закончит эту Парфянскую войну, Макрин немедленно послал дружеское сообщение парфянскому царю Артабану V вместе с освобожденными парфянскими пленниками, надеясь, что это позволит ему заключить мирный договор между римлянами и парфянами. В ответ на это Артабан потребовал, чтобы римляне заню-

во отстроили все города и крепости, которые они уничтожили по всей Парфии, выплатили значительные финансовые репарации и затем полностью оставили Месопотамию.

Макрин едва успел получить этот высокомерный ответ, когда узнал, что Артабан и большая армия парфян, состоявшая из конных лучников и тяжеловооруженных всадников-катафрактов, и даже отряды всадников на верблюдах движутся на римскую штаб-квартиру в Нисибисе. Здесь две усталые армии разбили лагерь друг напротив друга у источника воды, и вскоре между римлянами и парфянами разгорелись стычки за контроль над водой. Вскоре они вылились в полномасштабное сражение у римского лагеря.

Сам Макрин, которого Дион Кассий называет «ужасно пугливым», очевидно, запаниковал, когда в сражении удача отвернулась от его войск (*Dio. LXXIX, 27*). Когда все уже было похоже на то, что римский лагерь падет, Макрин уехал вместе со своей свитой, бросив своих солдат самим разбираться с неприятелем. Невоенные люди в римском лагере — оруженосцы, слуги, следившие за багажом, — выбежали из лагеря и напали на парфян; те, думая, что это римские вооруженные подкрепления, отступили.

Наступление ночи спасло римскую армию от полного разгрома, однако бегство Макрина привело в уныние войска, которые он бросил, и затем они «потерпели поражение» от парфян. Макрин затем купил за деньги конец этой войны: он заплатил 200 миллионов сестерциев подарками и наличными парфянскому царю и окружавшим его аристократам. Макрин также прекратил римские военные операции в Армении против Тиридата, армянского царя, который получил поддержку парфян. Макрин даже послал Тиридату корону, признав его власть над Арменией. Затем обе стороны ушли из Месопотамии: парфяне отступили на свою территорию, а римляне отодвинулись назад, к Сирии (*Dio. LXXIX, 27*).

Макрин послал весть сенату, заявляя, что война окончилась, но он как-то позабыл сообщить сенаторам, что за мир пришлось заплатить и что он отдал территорию, которая еще со времен Севера считалась римской. Сенат принес жертву богине Виктории в честь обманщика Макрина и предложил ему титул «Парфянский» — такую честь он стыдливо отклонил. Тем не менее Макрин все-таки сдержал слово, которое он дал легионерам: войну он закончил. Однако то, как он сделал это, еще больше вывело всех из себя, по крайней мере римских солдат, «раздраженных поражением» (*Dio. LXXIX, 29*). Другие люди считали,

что Макрин — человек слабый и легкоуправляемый. Когда легионы массово встали лагерем в Сирии перед тем, как отправиться на свои военные базы, в их рядах распространялись мятежные настроения.

Солдаты еще более ожесточились, когда Макрин приказал снизить им плату и ухудшить условия для будущих рекрутов в легионах. Каракалла ввел для легионеров более высокую плату и некоторые освобождения от службы: он достиг своей цели и стал крайне популярен среди легионеров. Но при этом ежегодная сумма выплачиваемого жалования легионерам достигла 280 миллионов сестерциев в год (*Dio.* LXXIX, 36). Поздней весной Макрин как раз находился в Антиохии, когда до него дошли слухи о том, что его собственные войска взбунтовались против него. Начиналась новая гражданская война.

217—218 годы н. э.

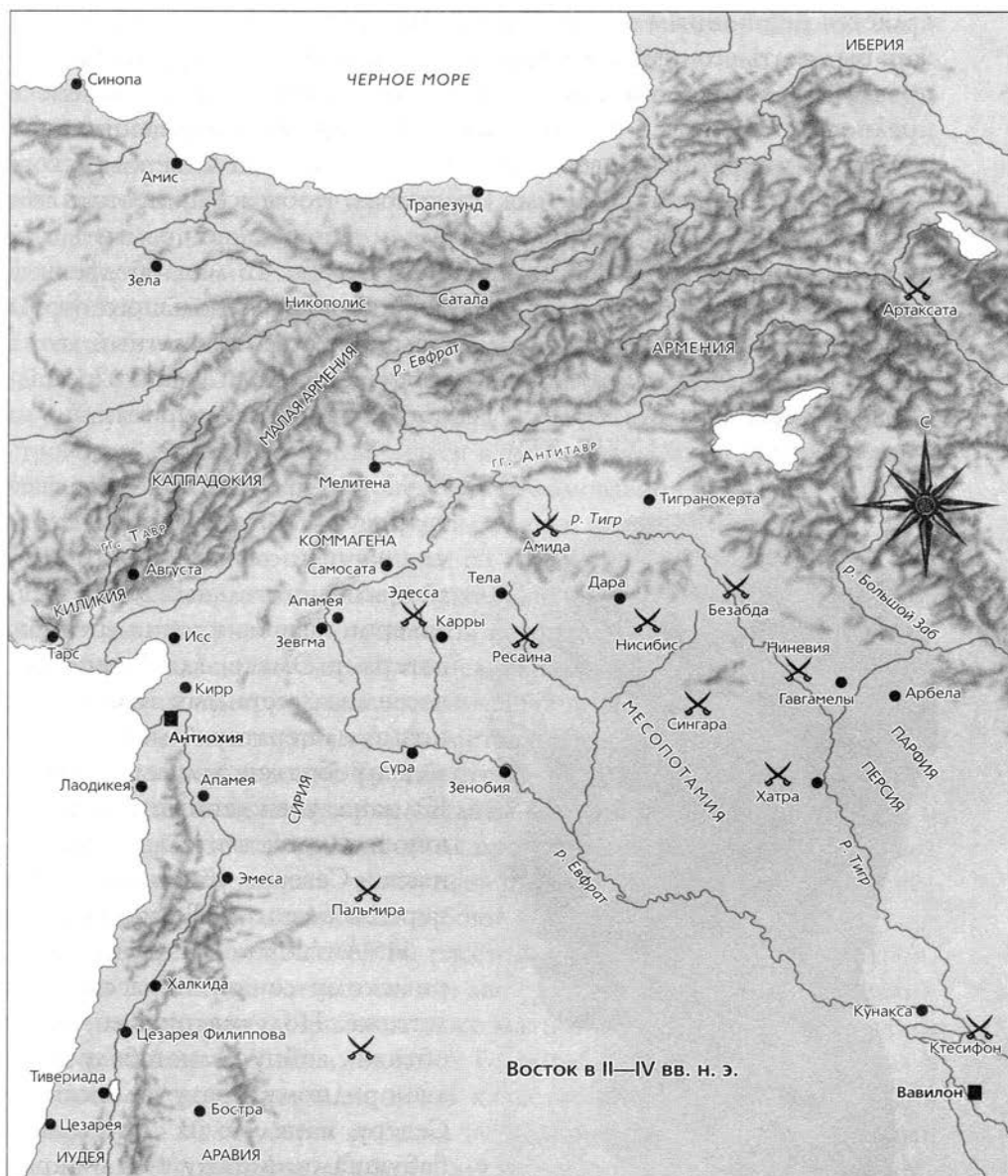
LXII

МАКРИН ПРОТИВ ГЕЛИОГАБАЛА

Преторианцы против легионеров

17-летний Варий Авит Бассиан родился в городе Эмесе в Сирии, где из семьи его матери происходили наследственные верховные жрецы восточного солнечного бога Ваала, известного римлянам как Гелиогабал. Бабушка молодого человека, Юлия Меза, невестка покойного императора Севера, твердо решила, что трон займет ее внук; она собиралась восстановить династию Северов, которая кончилась со смертью Каракаллы в начале этого, 217 года. Богатая бабушка поддержала притязания на трон внука, который был схвачен 8 апреля преторианским префектом Макрином после смерти юного императора.

Макрин не пользовался популярностью ни среди солдат, ни среди гражданского населения. В результате того, что он при заключении мира согласился на все требования парфян, «солдаты презирали императора и не обращали никакого внимания на его попытки добиться их расположения», — говорил Дион (*Dio.* LXXIX, 20). В сентябре толпы на состязаниях колесниц в Большом цирке в Риме устроили демонстрацию против такого положения дел в государстве: они вели себя так, будто безродного Макрина вообще не существует, и высмеивали его протеже — Макрин повысил еще одного человека не сенаторского

ранга, префекта города Оклатиния Адвента, в консулы наравне с собой, а среди губернаторов провинций, назначенных Макрином, один был бывшим рабом, а другой легионером.

К наступлению нового, 218 года н. э. Бассиан, внук Юлии Мезы, который жил в Эмесе вместе со своей бабушкой, заявил, что он-де

является незаконным сыном Каракаллы, который в таком случае должен был стать его отцом в возрасте 11 лет, если это утверждение было правдой. У войск оставалась еще верность убитому Каракалле: они предпочли поверить в эту историю и поддержать родственника покойного императора Севера, продолжив династию Северов. Вскоре молодой претендент принял имя Гелиогабал, чтобы ассоциировать себя с солнечным богом, носившим это имя, и еще больше повысить свой престиж и показать, что достоин занимать трон. 16 мая, ободренный своей матерью и бабкой и при поддержке лишь небольшого отряда местных солдат, которые охраняли храм божества и монетный двор в Эмесе, вместе с несколькими вольноотпущенниками и шестью всадниками и сенаторами из Эмесы Гелиогабал предъявил притязания на трон Макрина (*Dio. LXXIX, 31*).

Гелиогабалу было только четырнадцать, когда он стал императором

Новый префект преторианской гвардии, Ульпий Юлиан, повел смешанный отряд из преторианцев, вспомогательных войск и кавалерии мавров против военного лагеря в Эмесе, где Гелиогабал воссел за лагерными валами, как новый император. Однако, не сумев пробиться в лагерь, войска Юлиана, убежденные в том, что юноша — действительно член династии Северов, убили своих офицеров и бежали к Гелиогабалу.

Из Антиохии Макрин написал римскому сенату и рассказал о мятеже. Получив письмо, сенат объявил войну Гелиогабалу и его двоюродному брату Александру Северу, наряду с их матерями и бабушками. Между тем Макрин поспешно отправился в Апамею, надеясь обеспечить лояльность II Парфянского легиона, который был расквартирован здесь еще со смертью Каракаллы и завершения Восточной кампании. II Парфян-

ский легион, созданный Севером как противовес преторианской гвардии, находился под руководством Элия Деция Триквиана, теперь правителя Паннонии, который им «строго командовал»: Элий стал еще более верен Макрину (*Dio. LXXX, 4*).

В конце мая 218 года перед людьми из II Парфянского легиона Макрин объявил, что он назначает своего 10-летнего сына Диадумениана своим соправителем, пытаясь противодействовать династическим претензиям Гелиогабала и создать свою собственную династию. Он также обещал каждому легионеру из II Парфянского легиона по 20 тысяч сестерциев и раздал по 4 тысячи каждому воину на месте (*Dio. LXXIX, 34*). Когда он давал пир местным жителям, солдат принес ему отрубленную голову — голову его префекта претория Юлиана. Расстроенный этим Макрин вернулся в Антиохию. Как только он уехал, II Парфянский и другие подразделения, зимовавшие в области Аламеи, утратили веру в императора и поклялись в верности Гелиогабалу.

В первую неделю июня вместе со II Парфянским легионом и другими войсками, которые перебежали к нему, Гелиогабал пошел на Антиохию. Макрин, с единственной когортой преторианской гвардии, которая осталась ему верна, пошел наперерез юному узурпатору. К тому времени преторианцы носили чешуйчатые панцири, предпочитая их тяжелым сегментированным металлическим доспехам, в которых они показаны на колонне Траяна столетием раньше. Но даже эти, более легкие доспехи некоторые солдаты считали слишком тяжелыми, и по их просьбе Макрин дал своим преторианцам разрешение не надевать броню и тяжелые «выгнутые» щиты и таким образом «обеспечил им большую подвижность в бою» (*Dio. LXXIX, 37*).

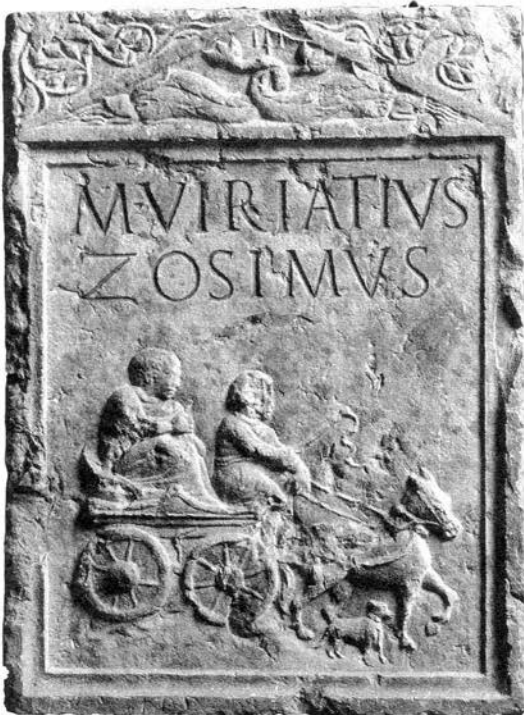
В деревне, находившейся на расстоянии 24 мили (38 километров) к северу-востоку от Антиохии, эти две сравнительно небольшие армии встретились 8 июня. Прибыли даже мать и бабушка Гелиогабала: они ехали в колесницах. Сам молодой Гелиогабал верхом на коне ехал в колонне, но командовал не он. В качестве военного командира для своего внука Юлия Меза выбрала не полководца, а Ганниса, который долгое время преподавал Гелиогабалу греческий; согласно их современнику Диону, он «совсем не имел опыта в военных делах и жил в роскоши» (*Dio. LXXIX, 37*). Увидев, как от Антиохии идет колонна Макрина, Ганнис поспешил занять ущелье на пути движения колонны. Затем он расставил свои войска в правильном порядке.

Войска Гелиогабала, которым, без сомнения, не слишком понравилось, что им командует раб, кое-как сопротивлялись, когда лишённые

тяжелого вооружения преторианцы Макрина бегом пустились в атаку. Когда люди начали выходить из задних рядов войска Гелиогабала, мать и бабушка молодого человека выпрыгнули из своих колесниц и побежали между ними, прося солдат вернуться в сражение. Затем видели, как сам молодой человек поехал в сражение с мечом в руке. Защита укрепилась, но сам Гелиогабал не победил бы, если бы у Макрина в очередной раз не сдали нервы. Император поскакал назад в Антиохию в сопровождении нескольких человек, оставив свои войска продолжать борьбу. Увидев это, его преторианцы потеряли мужество и капитулировали.

Войдя в Антиохию, Макрин заявил жителям, что он выиграл сражения. Затем он поручил своего сына заботам доверенного вольноотпущенника и послал их верхом на восток, в Парфию, где, как он приказал вольноотпущеннику, они должны искать защиты у царя Артабарна. Затем Макрин сбрил свою пышную бороду, а также побрил голову. Той ночью, в темном гражданском плаще с капюшоном, он выбрался из города с несколькими верными спутниками. Макрин успешно добрался до Киликии, где, представившись солдатом, он заполучил колесницу *Cursus Publicus Velox*, правительственной курьерской службы. На этой колеснице он проскакал по Каппадокии, Галатии и Вифинии, направляясь в порт Эриболон.

Из Эриболона он собирался вернуться в Рим, где, как он был уверен, он все еще найдет поддержку сената. Макрин нанял купеческий корабль, который шел вдоль берега Вифинии в Халкедон, современный Кадекой в Турции. Это было всего лишь через пролив от Византия. Из Халкедона Макрин послал сообщение местному прокуратору, прося у него денег,

Побежденный легионами Гелиогабала, Макрин смог бежать, пользуясь колесницами-*gaedae*, такими как эта, принадлежавшими службе курьеров *Cursus Publicus Velox*

чтобы продолжать путешествие. Но это была ошибка. Прокурор предпочел Макрину Гелиогабала и арестовал беглого императора. Центурион, у которого был приказ вернуть Макрина в Сирию, довез его до самой Каппадокии. Там Макрин узнал, что его 10-летний сын арестован в Зевгме центурионом IV Скифского легиона при попытке пересечь Евфрат.

Макрин прыгнул с колесницы, на которой его везли, но всего лишь сломал себе плечо. Другой центурион, Маркиан Тавр, у которого был приказ, чтобы император не добрался до Антиохии живым, вскоре после этого встретил отряд, везший Макрина в Каппадокии, и зарубил бывшего императора. Молодой Гелиогабал увидел тело Макрина, проезжая мимо немного спустя по дороге из Сирии в Вифинию, и ликовал по этому поводу (*Dio. LXXIX, 40*). Император, которого посадила на трон преторианская гвардия, был уничтожен легионами. Его наследник, которого посадили на трон легионы, будет убит преторианцами.

Как ни смешно, оппозиция правлению юного Гелиогабала зародилась буквально у него под носом. Через несколько месяцев после того, как он взял трон, в провинции Сирия Финикия губернатор Вер попытался возглавить один из легионов, расквартированных в этой провинции, III Галльский, в мятеже против Гелиогабала. Сын центуриона III Галльского, служивший в рядах легиона своего отца, уже возбудил свое подразделение против нового императора; губернатор Вер и сам был центурионом до того, как попал в сенат.

Тем временем на базе IV Скифского легиона в Зевгме в самой Сирии командир легиона, Геллий Максим, сын врача, также выступил против нового императора. Но, как говорит Дион Кассий, эти люди «впали в безумие», противостоя Гелиогабалу и не обеспечив при этом твердую поддержку своих легионеров. Поскольку эти легионы оставались верными императору, мятежные офицеры вскоре были арестованы и в том же самом году, 218-м, встретили свою смерть от рук палача (*Dio. LXXX, 7*).

Однако жить Гелиогабалу уже оставалось недолго. После того как он ввел в римском мире культ Ваала и предавался гомосексуальным оргиям, молодой император потерял популярность в народе и в 222 году н. э. был убит преторианской гвардией, которая убила и его стоявшую за кулисами мать. Бабушка, однако, осталась в живых, и вместо Гелиогабала гвардия провозгласила его кузена Севера Александра новым императором Рима.

238 год н. э.

LXIII
ЗА И ПРОТИВ МАКСИМИНА

Цена верности

Гай Юлий Вер Максимин был первым простым рядовым солдатом легиона, который стал императором Рима. Максимин родился во Фракии, и до того, как записаться в легион, он был пастухом. Высокий рост, огромная физическая сила и решительность позволили ему быстро продвинуться по служебной лестнице: при Септимии Севере он стал командиром легиона. При племяннике Севера, наследнике Гелиогабала — Александре Севере — Максимин был консулом и командующим армией на Рейне. Когда Александра убили в 235 году, легионы на Рейне объявили Максимиана императором; сенаторы с неохотой поддержали это назначение — им не нравилось низкое происхождение нового императора.

В 236 году Максимин вышел из Рима, ведя за собой когорты преторианской гвардии и II Парфянский легион с Альбанской горы — возможно, именно в этом подразделении он служил изначально, поскольку он рекрутировался в его родной области — Фракии. Обосновавшись в Паннонии, где он собрал армию из легионов с Рейна и Дуная, в течение следующих двух лет Максимин агрессивно сопротивлялся нападениям германцев и сарматов.

К марту 238 года Максимин и его войска готовились начать весеннюю наступательную кампанию против готов, оккупировавших Мёзию. Между тем в провинции Африка богатые молодые землевладельцы подняли мятеж против новых налогов, которыми обложил их Максимин: они убили императорских сборщиков налогов и объявили губернатора провинции и его сына императорами-соправителями. Сенат в Риме немедленно поддержал их действия, и города Италии также поддержали отца и сына против Максимиана, которого сенат объявил низложенным. Обоих новых императоров звали Марк Антоний Гордиан Семпрониан Роман Африкан. Отец — Гордиан I, — которому было около 70 лет и который больше интересовался литературой, чем политикой, дал своему сыну и новому соправителю Гордиану II задание набрать армию рекрутов в столице провинции Карфагене и вокруг нее.

В Африке стоял только один легион — III Августов, располагавшийся в Тебессе к юго-западу от Карфагена. Как только новости из Карфагена достигли Тебессы, легион приготовился к маршу на столицу провинции, чтобы поддержать Максимиана. Для легионеров Гордиана не были правителями, способными равняться с солдатским императором Максиминианом: оставшись верными Максимианину, они твердо решили разобраться с узурпаторами.

Максимиан (как показано здесь, на саркофаге Людовизи) как раз был занят сражениями с варварами на Балканах, когда получил известие о том, что сенат заменил его отцом и сыном Гордианами

На первой неделе апреля, ведя армию новых рекрутов, Гордиан II и предводители мятежников встали лицом к лицу с III Августовым легионом на долине у Карфагена. Молча легионеры III Августова легиона построились в боевой порядок перед армией Гордиана; затем они, стоя абсолютно неподвижно строем, ждали приказа атаковать. Самого вида высокодисциплинированных и несгибаемых легионеров, их боевых рядов было достаточно, чтобы лишить новобранцев, набранных мятежниками, силы духа. Люди Гордиана сломались: «Не выдержав их напора, побросав все, обратились в бегство. Тесня и топча друг друга, те в большей степени были погублены своими, нежели врагами» (*Herod. VII, IX, 7*).

Когда III Августов действительно атаковал, он практически не встретил сопротивления: легионеры быстро опрокинули силы мятежников

и убили Гордиана-младшего. Когда новости о разгроме его армии и смерти сына достигли Гордиана I в Карфагене, это — наряду с тем фактом, что III легион шел на Карфаген, — заставило старика покончить с собой. Гордианы, отец и сын, делили титул императора Рима лишь три недели.

В Риме новости о гибели Гордианов заставили сенат избрать из своих рядов комитет из двадцати консулов и бывших консулов, дабы управлять страной, и из них два сенатора должны были быть императорами-соправителями — Децим Бальбин и Пупиен Максим. Бальбин раньше был консулом и правителем Азии, в то время как Пупиен был популярным бывшим префектом города Рима. Эту пару народ так не любил, что по настоянию воинов из когорт преторианской гвардии в столице сенат провозгласил цезарем, или наследником императорского трона Гордиана, 13-летнего внука покойного Гордиана I.

Между тем низложенный император Максимин тоже не сидел без дела. Получив новости о провозглашении Гордианов, он отвел свою армию из Паннонии в Северо-Восточную Италию, намереваясь разобраться со своими оппонентами. Первый крупный город, к которому он подошел, — Аквилея — закрыл ворота и под руководством одного из императоров, Пупиена, оказал ожесточенное сопротивление. Максимин приказал своим войскам осаждать город. Осада Аквилеи продолжалась месяцы, и лояльность людей в одном из легионов Максимиана начала падать. Его II Парфянский легион, как правило, базировался в Альбе близ Рима, и войска легионеров стали все больше и больше беспокоиться о том, что сенаторские войска могут повредить их женам и детям, кото-

рые жили у лагеря легиона в Альбе, или, по крайней мере, взять их в заложники.

В ходе перерыва в сражении у Аквилеи Максимин, его сын Максим и большинство войск удалились в свои палатки. Теперь легионерам II легиона пришло время действовать. Они «в полдень приближаются к его палатке, где к ним примкнули и охранявшие его телохранители, срывают со значков изображения Максимиана и его, вышедшего из палатки вместе

Город Тебесса (сегодня Тимгад в Алжире) был построен III Августовым легионом, который размещался в провинции Африка сотни лет

с сыном, чтобы поговорить с ними, не позволив этого, убивают». II Парфянский легион завершил дело, убив также перфекта претория и других старших советников Максимиана (*Herod. VIII, V, 8–9*).

Пупиен с триумфом вернулся в Рим, ведя с собой многие войска, раньше бывшие под командованием Максимиана; но вскоре он стал подозревать своего соправителя Бальбина, который один распоряжался Римом во время его отсутствия. Императоры начали ожесточенно ссориться. Чтобы уладить дело, преторианская гвардия похитила обоих, но, поскольку германские телохранители — отряд, который набрали для себя Пупиен и Бальбин, — ринулись спасти императоров, преторианцы убили их.

Внук-подросток Гордиана I теперь стал императором Гордианом III. Его мать и позднее тесть правили от его имени. Одним из первых административных решений пришедшего к власти Гордиана III был роспуск III Августова легиона, подразделения, которое оставалось верным Максимиану и было ответственно за гибель деда Гордиана III — Гордиана I и дяди — Гордиана II. II Парфянский легион между тем был отличен Гордианом и вернулся на свою базу, к своим семьям, на Альбанскую гору.

Впереди было полвека почти непрерывных гражданских войн, когда трон Римской империи переходил из рук в руки с ужасающей регулярностью и когда легионам приходилось то отбивать врагов, то сражаться друг с другом от имени различных императоров и претендентов на престол; империя катилась в пропасть.

242—268 годы н. э.

LXIV
ПЛЕН ВАЛЕРИАНА

Величайшее унижение Рима

Царь Шапур I был сыном Ардашира I, первого правителя Сасанидской персидской династии, захватившей власть в бывшей Парфянской империи в III веке. Шапур оказался таким же способным правителем, как и умелым воином, и столь же ожесточенным противником Рима, как и его отец. К 242 году Шапур успешно продолжил войну против Рима там, где остановился его отец: он вторгся в римскую Месопота-

мию, завоевал города Нисибис и Карры у легионов Гордиана III. В 243 году Шапур был отбит у Ресаины, базы III Парфянского легиона. В следующем году, после того как юный Гордиан III был убит своими войсками, а его префект претория Марк Филипп заменил его в качестве императора — позднейшие историки прозвали его Филипп Араб, — Шапур заключил выгодный мирный договор с римлянами, который позволил ему контролировать значительные участки прежде римских земель; царь знал, что Филипп торопится на запад, чтобы разобраться с готскими захватчиками, угрожавшими Италии.

В следующие десять лет Филипп был убит; в быстрой и кровавой карусели последовали друг за другом еще четыре римских императора, так что в 256 году Шапур почувствовал, что Римская империя столь уязвима, что он развязал новую кампанию. Царь ввел свою армию в Армению и Сирию и дошел до самой Киликии. Раздав легионы, которые пытались его остановить, он разграбил все богатые города Сирии, в том числе и ее столицу Антиохию.

Пожилому Валериану, который последний взошел на трон Римской империи, пришлось попытаться отразить персидских захватчиков. Валериан был консулом при Александре Севере и был одним из консулов и бывших консулов, которые в 238 году поддержали мятеж Гордиана I и Гордиана II против Максимиана, потом назначали соправителями Пупиена и Бальбина и, наконец, приветствовали Гордиана III в качестве их наследника. В 253 году Валериан командовал легионами на верхнем Рейне, когда тогдашний император Галл призвал его, чтобы он помог

сразиться с его соперником Эмилием. Валериан привел свою армию из Могонциака в Рим, но прибыл слишком поздно, чтобы спасти Галла, который был убит Эмилием. Он отомстил за Галла, казнив Эмилия, и затем сам занял трон.

Когда новости о вторжении Шапура на Римский Восток достигли Рима, Валериан назначил своего сына Галлиена управлять Западом и сам направился на Восток со свежими войсками. Римские и персидские армии сража-

Персидский рельеф с изображением императора Валериана, преклонившего колена и сдающегося персидскому царю Шапуру I. Валериан умер два года спустя в персидском плену

лись с переменным успехом; линия фронта еле двигалась, и Валериан постепенно вытеснял Шапура обратно в Месопотамию. Когда римский гарнизон в Эдессе на Евфрате (считалось, что в Эдессе самые мощные стены из всех городов Востока) оказался в персидской осаде, Валериан повел армию, чтобы снять осаду. Однако в июне 260 года под Эдессой персы Шапура застали римлян в открытом поле и обратили их в бегство. Сам Валериан был взят в плен и вынужден сдаться, преклонив колени перед персидским царем.

Около 40 тысяч солдат Валериана были убиты или взяты в плен. Пленников-римлян, солдат многих гордых легионов, погнали на Восток и заставили работать на масштабных строительных работах, предпринимавшихся персами. Пленные легионеры Валериана использовали свои строительные навыки, чтобы построить новый персидский город Гондешапур и огромную плотину у Шауштара, которую Шапур не без иронии обозвал Банд-э-Кейсар — «Плотина Цезаря».

Валериан умер в персидском плену два года спустя. В то время как его сын Галлиен процарствовал в Риме еще следующие восемь лет, вторжение завоевателей через Рейн и Дунай означало, что Испания оказалась в руках франков; Галлия и Британия объявили о своей независимости, и дунайские провинции были заняты германскими и готскими войсками, так что Галлиен фактически контролировал только Италию и Балканы и даже сражался с захватчиками на итальянской земле. В 268 году Галлиен тоже был убит в Милане, сражаясь с претендентом на трон. Его убийство породило еще целый ряд недолговечных императоров. Как на Востоке, так и на Западе в Римской империи и среди ее легионов царил разруха.

267–274 годы н. э.

LXV
ПАЛЬМИРСКИЕ ВОЙНЫ

Царица в золотых цепях

Зенобия была молодой и прекрасной супругой Одената, царя Пальмиры — богатого города-государства, союзника римлян в пустыне на перекрестке караванных путей в Индию. После захвата римского императора Валериана Шапуром царь Оденат повел свою маленькую

Храм Бела в сердце города-государства Пальмира. Город был разрушен римскими легионами после поражения армии царицы Зенобии

пальмирскую армию против персов, захватив одну из их колонн, нагруженную римской добычей

после поражения легионов Валериана. В течение следующих нескольких лет, когда римская командная структура на Востоке практически перестала существовать, Оденат собрал оставшиеся в регионе римские войска под свое командование. Используя навыки своей собственной армии, которая на восточный манер базировалась на кавалерии и лучниках, а также используя способности римской пехоты и римскую осадную технику, Оденат смог подорвать персидскую власть на римских территориях Востока, получив благодарность от римского императора — Галлиена, сына Валериана. В 267 году, за год до убийства самого Галлиена, Оденат и его старший сын были убиты — кем, так и осталось неизвестным. В результате юный сын Зенобии Вабаллат стал владыкой Пальмиры, а его амбициозная мать правила от его имени.

В 269 году Зенобия, которая уже заняла Сирию от имени Рима, повела пальмирскую армию на захват Египта, а потом заняла большую часть Малой Азии. Но вместо того чтобы сделать это от имени Рима, она объявила всю аннексированную территорию частью Пальмирского царства своего сына. Римляне на Западе были слишком заняты гражданской войной и вторжениями с севера, чтобы немедленно разобратся с захватом Римского Востока пальмирской царицей, но к 270 году император Аврелиан смог обратить свой взгляд на Восток.

К 272 году Аврелиан прибыл в Сирию с армией, которая включала в себя новые отряды, только недавно набранные для этого похода, — такие, как I Илирийский легион, рекрутировавшийся на Балканах. Аврелиан повел упорную кампанию на уничтожение против пальмирской армии. При Антиохии и затем в Эмесе он победил армию Зенобии и двинулся дальше, на восток, через пустыню, чтобы окружить Пальмиру. Зенобия и ее юный сын попытались спастись из римской осады, но их поймали. Город сдался, и Рим восстановил контроль над Востоком, а Пальмира потеряла свой статус клиента. Аврелиан увез Зенобию и ее сыновей с собой в Рим. Когда Пальмира в следующем году восстала против римского владычества, римские легионы пошли на город, взяли его штурмом и затем стерли с лица земли. Знаменитый город на перекрестке дорог перестал существовать.

В 274 году, том же самом, когда Аврелиан сдал римскую провинцию Дакия варварам и увел все римские войска к югу от Дуная, он отпраздновал триумф на улицах Рима — свою победу над пальмирцами и восстановление римской власти в восточных провинциях. Уже давным-давно римлянам не приходилось ничего праздновать. Сотни тысяч римлян выстроились на улицах: они увидели Зенобию и ее двоих сыновей, которых выставили напоказ в триумфальной процессии. По легенде, Зенобию вели в золотых цепях. Чтобы показать, что она не обычная пленница, Зенобию держали на знаменитой вилле императора Адриана в Тиволи близ Рима. Позднее Зенобия вышла замуж за римского сенатора и остаток жизни провела в Италии.

305—312 годы н. э.

LXVI

КОНСТАНТИН СРАЖАЕТСЯ ЗА ТРОН

Победа под новым знаменем

В IV веке Римскую империю разрывали изнутри гражданские войны; снаружи ее разваливали набеги бесчисленных чужеземных захватчиков. Мир, безопасность, стабильность — о таком римлянин IV века мог только мечтать. Однако век начался на многообещающей ноте. Император Диоклетиан и его соправитель Максимиан поклялись, что они будут править двадцать лет, а потом уйдут, передав власть другим.

Уникальный случай — в 305 году императоры действительно отреклись; всем известно, что Диоклетиан удалился в свой огромный дворец в Салонах в Далматии — сегодняшний Сплит в Хорватии.

Оба императора приготовились к мирной передаче власти, назначив пару соправителей — для Востока и Запада и назначив цезаря при каждом соправителе. Хотя разделение власти между восемью людьми и могло показаться Диоклетиану и Максимиану верным средством помешать единственному тирану добраться до власти, на самом деле это был рецепт ожесточенной гражданской войны. Отдав власть в руки восьми человек, императоры разработали сценарий междоусобных войн, которые будут господствовать на римской политической сцене еще девяносто лет и будут стоять жизни тысячам римских солдат в разорительных гражданских войнах.

Отречение соправителей Диоклетиана и Максимиана (здесь они обнимают друг друга) подготовило почву для гражданской войны, в результате которой Константину Великому с боями удалось прорваться к трону и стать единым властителем

Именно Флавий Валерий Константин — или Константин Великий, как мы его называем, — в конечном счете вышел из этого хаоса единственным победителем. Как Константин I он вошел в учебники истории в качестве первого христианского императора, великолепного полководца и мудрого человека, а также императора, в честь которого был назван Константинополь. Все это правда. Но при этом Константин был хитрым, беспощадным, жестоким, мстительным, болезненно подозрительным и помешанным на славе. Диоклетиан разделил военное и гражданское командование в провинциях. Однако именно последующие изменения, которые произвел Константин в римской армии, — от организации и распределения воинских единиц до структуры офицерского корпуса, в сочетании с потерями, которые пережил Рим во внешних и вну-

тренних войнах, — ослабили армию настолько, что через сто лет римская армия оказалась неспособной помешать варварам взять Рим. Эта армия не смогла и помешать Западной Римской империи вовсе исчезнуть чуть более чем через 150 лет.

Античные авторы говорят, что, когда Константин умер в 337 году н. э., ему было между 62 и 66 годами (*Eus. LC. IV, 53*). Константин родился в Верхней Мёзии: он был сыном Констанция Хлора, внучатого племянника императора Клавдия II, одного из великого множества римских императоров второй половины III века. Отец Константина сделал карьеру в качестве военного: он начал с императорского телохранителя и в конце концов стал правителем Далмации и затем цезарем Запада. Сам Константин получил образование при дворе императора Диоклетиана в его столице Никомедии в Азии и служил трибуном в армии, которую Диоклетиан взял в экспедицию в Египет в 296 году.

Константин сражался с сарматами под командованием императора-соправителя Галерия, сына Диоклетиана, и, скорее всего, служил при нем и в его войнах с персами. Согласно анонимному биографу того времени, «когда Константин, в то время молодой человек, служил в кавалерии против сарматов, он схватил за волосы и утащил одного озверелого варвара и бросил его к ногам императора Галерия». Позднее в той же самой кампании против сарматов Константин «убил многих и завоевал победу для Галерия» (*Vale. 2, 3*).

После отречения Диоклетиана и Максимиана молодой Константин не был назначен цезарем при своем отце, новом соправителе на Западе, как он мог бы ожидать. Когда Констанций попросил у нового восточного императора Галерия позволения, чтобы его сын присоединился к нему в экспедиции в Британию, чтобы сразиться с беспокойными пиктами на севере, Галерий сначала не хотел отпускать Константина, но в конце концов согласился. Константин в тот же вечер покинул дворец в Никомедии в повозке *cursus publicus velox* и поторопился на запад, загоня лошадей на каждой станции *cursus publicus*, которую он проезжал, так что, если бы император послал сообщение, отменявшее это разрешение, оно не могло бы его догнать (*Vale. 2, 4*).

В Бононии на побережье Галлии Константин присоединился к своему отцу, и оттуда оба перебрались через Ла-Манш на корабле и поторопились на север. Весной 306 года отец и сын повели римские войска в поход к северу от Адрианова вала и одержали «победу над пиктами» (*Vale. 2, 4*). Однако в середине лета Констанций заболел, и ему пришлось вернуться в столицу провинции, Эборак. Там в июле,

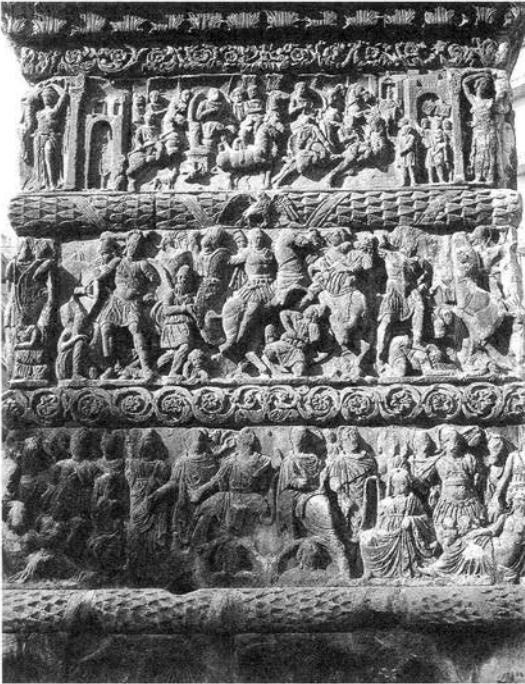
окруженный всеми своими детьми, помазав Константина как своего наследника, Констанций умер. 24 июля римские войска в Британии провозгласили Константина новым императором Запада. Как только новости о смерти Констанция достигли Рима, преторианская гвардия провозгласила Максенция, сына отрекшегося императора Максимиана, своим императором на Западе. Провозглашение императора — соперника Константина — вызвало целый ряд гражданских войн, которым суждено было длиться годы.

Император Востока Галерий с неохотой даровал Константину титул цезаря, но не признал его равным себе императором на Западе. На тот момент Константин принял роль императора-помощника и, чтобы закрепить свои притязания на верховную власть, женился на дочери отрекшегося императора Максимиана, сестре Максенция.

Между тем Галерий, который не мог принять притязания Максенция на то, чтобы быть императором Запада, послал своего цезаря Севера в

поход на Рим с армией, чтобы сместить его. Север «был человек низкий как по характеру, так и по происхождению» и «привержен пьянству» (Vale. 4, 9). Войска его не уважали, и, когда Север добрался до Италии в 307 году, его войска дезертировали, и ему пришлось бежать в Равенну. Обманом Максимиан взял Севера в плен и привез его в Рим; после этого Севера держали на императорской вилле Три Таберны в 30 милях (48 километрах) к югу от Рима (Vale. 3, 11).

Решившись покарать Максенция, Галерий тогда сам отправился во главе армии походом на Рим. Разбив лагерь в Интерамне (сегодня Терни в Южной Умбрии) непосредственно к северу от Вечного города, Галерий послал послов к Максенцию в Рим, чтобы убедить его подчиниться его власти. Максенций не только от-

На триумфальной арке Галерия в Фессалониках (Греция) армия императора Галерия, в которой Константин отличился как молодой кавалерийский офицер, сражается с персами

правил послов восвояси, но и стал предлагать войскам Галерия взятки, и некоторые из них в результате даже дезертировали. Галерия это обеспокоило, и он ушел из Италии, но, «чтобы дать своим войскам любую добычу, какую мог» и, таким образом, утолить их жадные требования, он разрешил им грабить итальянские города, которые они проходили по Фламиниевой дороге на север (Vale. 3, 7). Когда Галерий и его грабительская армия ушли, Максенций приказал казнить своего пленника, цезаря Севера, «среди самого войска», чтобы еще больше унижить его (*Eus. LC. I, 27*).

Здоровье Галерия все ухудшалось (через четыре года он умер). Теперь он удалился в Илирик и позволил Максенцию с Константином сражаться и решить между собой, кто же станет единственным императором на Западе. Согласно Евсевию, который беседовал на эту тему с Константином, Константин решил свергнуть Максенция после того, как «желавшие попытаться», то есть Север и Галерий, «постыдно оканчивали свое предприятие» (*Eus. LC. I, 26*).

С другой стороны, историк Зосим написал, что именно Максенций сделал первый шаг к войне с Константином. Началось все с того, что Максенций якобы поссорился со своим отцом Максимианом, который искал убежища у Константина в Галлии (*Zos. 2, 14*). Отсюда Константин разобрался с рядом набегов, которые учинили бруктеры и франки, «варварские племена по Рейну», и заключил союз с алеманнами (*Eus. LC. I, 25*). Как только он заручился доверием Константина, старик Максимиан дважды пытался предать его; второй раз за предательство он заплатил жизнью. Теперь, как говорит Зосим, Максенций использовал предлог — отмщение за своего погибшего отца, — чтобы подготовиться к войне с Константином (*Zos. 2, 14*).

В ходе всей своей карьеры у Константина была привычка делать ход гораздо быстрее, чем ожидали его враги. Весной 312 года, еще до того,

Бюст Галерия, сына Диоклетиана, в молодости. При нем служил Константин, и от него он бежал, чтобы присоединиться к своему отцу

как Максенций мог мобилизовать свои силы для похода в Галлию, Константин пересек Альпы и оказался в Италии с армией, набранной из гарнизонов Британии, Галлии и на Рейне. Какие именно подразделения находились в его армии, мы не знаем, но она была особенно сильна кавалерийскими подразделениями — у Константина было много личного опыта в кавалерии.

«Туманный и несовершенный», как говорит Гиббон, рассказ Зосима оценивает количество человек в войсках Константина на то время более чем 90 тысяч пеших и 8 тысяч конных; Зосим утверждает, что под командованием Максенция было необыкновенно много войск — 17 тысяч пехотинцев и 18 тысяч конников (*Gibb. XVIII, n. 22*). Общее число — около 300 тысяч человек — должно было составлять самое большое число римских войск в Италии в любое время в императорский период; в такую численность в то время просто невозможно поверить. Более надежный древний источник оценивает силу Константина менее чем в 40 тысяч воинов (*Eus. LC. Prole. N. 3014*). Исходя из последующих событий, численность кавалерии 8 тысяч человек кажется реалистичной, в то время как пехотинцев, возможно, было 30 тысяч. Тот же источник утверждает, что у Максенция было 100 тысяч человек (*Eus. LC. Prole. N. 3014*). Такую, меньшую численность подтверждает тот факт, что через несколько лет Константин повел в битву всего лишь 20 тысяч человек, в то время как его противником был тогдашний император Востока Валерий Лициний, командовавший 35 тысячами (*Vale. 5, 27*).

Кроме того, откуда же Максенцию в Риме удалось собрать столько солдат? Даже 100 тысяч человек — огромная армия по стандартам поздней империи. В Риме было постоянно размещено несколько когорт преторианской гвардии, но сколько именно их тогда было, мы не знаем. Септимий Север повысил численность преторианской гвардии до 15 тысяч человек, однако некоторые преторианцы могли служить при восточном императоре Галерии и его наследнике Лицинии. Как и придворная кавалерия, личные телохранители императора (сингулярии) насчитывали в это время 2 тысячи человек, но сколько именно этих войск было у Галерия (и были ли они вообще) — неизвестно.

II Парфянский легион, размещенный в Альбе Лонге к югу от Рима, несомненно, был в армии Максенция. Кроме того, Максенций включил восточные войска Севера в свою армию после того, как, придя в Италию, они перешли на его сторону. Согласно Зосиму, в армии Максенция были также войска из Карфагена, Сицилии и Италии (*Zos. 2, 15*).

Эти люди, видимо, были недавно призваны в армию Максенцием; в таком случае они едва-едва могли быть обучены, в то время как Константин вошел в Италию. Войска из Карфагена (в дополнение к мавретанской и нумидийской кавалерии) могли включать также III легион Августа; единственный легион, тогда базировавшийся в Северной Африке, это подразделение уже не было расположено там, когда в конце IV века была составлена *Notitia Dignitatum* (Not. Dig.).

Как только армия Константина пересекла Коттские Альпы из Южной Галлии, она с боями вломила в преданный Максенцию город Сигусий (современная Суса в Пьемонте) в Северной Италии. Войска Константина подожгли город после того, как разбили ворота, однако Константин заставил солдат погасить огонь и спасти город; он хорошо обращался с пленными — настолько хорошо, что молва о его милосердии шла впереди него и заставляла италийцев принимать его сторону и выступать против Максенция.

По мере продвижения Константина на юго-восток в 40 милях (64 километрах) от Сусы крупные кавалерийские силы противника прибыли на свою базу в Медиолан (сегодня Милан) и встали на его пути на равнину близ Августы Тавринов — сегодня Турин. Становым хребтом кавалерийских сил Максенция были подразделения тяжеловооруженных катафрактов в кольчугах; их лошади также несли на себе кольчугу и еще более тяжеловооруженных кавалеристов, которых называли клибарниями — они носили доспехи из сегментов, предвосхитившие затянутых в броню рыцарей Средневековья. Такое вооружение тяжелой кавалерии «было заимствовано у восточных народов» римлянами (*Gibb. XIV*). Сам Максенций все еще находился в Риме в 450 милях (725 километрах) от места событий, так что армией, которая теперь противостояла Константину, командовали подчиненные Максенция.

Кавалеристы Максенция, образовавшие массивный клин, направляясь вперед, «льстили надеждой, что они легко сломают и раздавят армию Константина» (*Gibb. XIV*). Константин послал свою смешанную силу кавалерии и пехоты против кавалеристов противника, используя сложные маневры, которые «разделили и смутили» войска Максенция. Вскоре сторонники Максенция в беспорядке бежали в Турин; армия Константина шла по пятам. Турин закрыл свои ворота и отказался впустить отступавших всадников Максенция, а вне городских стен людям Константина удалось отсечь своих конных противников и истребить их. «Очень мало кто спасся» (*Gibb. XIV*).

Вслед за этой сокрушительной победой Константин повел свою армию на Милан, который, как до этого Турин, приветствовал его. На недолгое время он занял императорский дворец в городе: прибывали послы от городов по всей Северной Италии, принося ему клятвы верности. Единственным городом, который не подчинился ему, была Верона. Под командованием опытного военачальника Руриция Помпеяна город закрыл ворота и приготовился бросить вызов Константину. Помпеян направил на запад кавалерийский отряд, чтобы перехватить армию Константина; кавалеристы дрогнули и отступили после сражения у Брешии. Константин подошел к Вероне и окружил город. Вылазка войск Помпеяна за стены была легко отбита, и Константин уже готовился к длительной осаде города.

Изобретательному Помпеяну удалось ускользнуть из Вероны ночью, и он собрал отряд из преданных Максенцию войск, которые он затем повел против осаждавшей город армии. Константин, услышав о приближении войск Помпеяна, разделил свою армию: часть ее он оставил

продолжать осаду, а остальных повел навстречу Помпеяну в открытое поле. Образовав две боевые линии на равнине и обнаружив, что у Помпеяна войск больше, чем у него, а передний край противника тянется гораздо дальше, чем его собственный, и есть угроза, что он окружит фланги, когда начнется столкновение, Константин снял людей со второй линии, чтобы соответствовать расположению противника.

Битва началась уже к концу дня и бушевала всю ночь. Константин, высокий мужчина, одаренный огромной физической силой и значительным боевым опытом, был в самой гуще сражения. Заря осветила поле брани, усыпанное грудами трупов; это была победа Константина. Помпеян, верный и усердный военачальник Максен-

Константин Великий

ция, также был среди убитых. 28 августа, когда известие о поражении Помпеяна достигло Вероны, город капитулировал перед Константином, который заключил в тюрьму всех членов верного Максенцию гарнизона (*Gibb. XIV*).

Ранней осенью, когда Константин уже готовился идти на Рим, его подчиненные стали умолять полководца не подвергаться опасности, лично принимая участие в следующем сражении и таким образом ставя под угрозу будущее Римского государства. В конце концов, Константин был одним из немногих римских главнокомандующих после Юлия Цезаря, которые физически брали в руки меч и щит и сражались бок о бок со своими солдатами в битве.

В то время в Риме Максенций не позволил разглашать новости о поражении на севере. Вместо этого он стал набирать еще больше войск на местах и составлял планы решающего сражения у столицы. Он был уверен, что там уничтожит угрозу, которую представлял для него его шурин Константин, точно так же, как он подавил слабые усилия Севера и Галерия свергнуть его с трона.

312 год н. э.

LXVII
БИТВА У МУЛЬВИЕВА МОСТА

Кто будет править?

Место для решающей битвы между соперниками за трон Запада было выбрано Максенцием — базировавшимся в Риме соправителем и шурином Константина. Это место оказалось плоской речной равниной к северу от реки Тибр, меньше чем в 2 милях (2,4 километра) от города. На эту равнину можно было попасть с Марсова поля по Мувьвиеву мосту, каменные опоры которого восходят к I веку до н. э. Как часть своей боевой стратегии, Максенций приказал снять деревянный настил моста и приказал построить неподалеку через реку понтонный мост.

В октябре Константин и его армия прошли по Фламиниевой дороге к Риму. Константин позднее рассказывал Евсевию, что однажды, как раз после полудня — в то время, когда римская армия обычно заканчивала свой дневной марш и устраивала лагерь, — «я собственными

очами видел составившееся из света и лежавшее на солнце знамение креста, с надписью: «Сим побеждай!» (*Eus. LC. I, 28*).

Евсевий заявлял, что вся армия Константина тоже видела этот знак в небесах, но ни один другой античный автор этого не подтверждает. Фактически в течение веков высказывалось много скепсиса по поводу этого эпизода — даже христианскими теологами. Доктор Эрнест Ричардсон, переводчик Евсевия в XIX веке, даже написал: «Есть всевозможные объяснения — от настоящего чуда до просто позднейшей выдумки». Сам Ричардсон был теологом, и он предположил, что, может быть, то, что увидел Константин, который в это время испытывал огромное умственное напряжение, было «каким-то естественным солнечным явлением» или же «просто сном или галлюцинацией» (*Eus. LC. I, 28*).

Возможно и то, что Константин был очень умным тактиком, который увидел возможность заставить своих солдат, людей очень суеверных, подумать, что им руководит Божественное провидение, а поэтому оно руководит и ими. Мог он, конечно, и солгать епископу Евсевию — в то же самое время, когда он рассказывал Евсевию о своем видении креста в небе, он уверял его, что пошел походом на Италию, потому что «жизнь ему не в жизнь, пока царственный город будет оставаться под бременем бедствий» от правления Максенция. И таким образом он «решился избавить Рим от Максенция» (*Eus. LC. I, 26*). Константин рассказал это

Евсевию много лет спустя, после того как он, выхолостив Рим, устроил свою столицу в другом месте: на самом деле Рим был городом, который Константин так сильно презирал, что после 312 года он посетил его только дважды, и только для того, чтобы руководить празднованием десятой и двадцатой годовщины своего правления и пообщаться с находящимися под его властью римлянами.

Ночью после «видения», как рассказывал Евсевию Константин, во сне ему явился во сне «Христос Божий» и «повелел, сделав знамя, подобное этому виденному на небе, употреблять его для защиты

Палатинские ворота — одни из городских ворот в Августе Тауринов, сегодняшнем итальянском городе Турин. Силы Константина обратили в бегство кавалерию Максенция, его шурина, как раз у этих ворот во время похода Константина на Рим

от нападения врагов» (*Eus. LC. I, 29*). На следующий день, когда Константин встал с постели и рассказал своим ближайшим сподвижникам о своем сне, он затем собрал ювелиров, работавших с золотом и драгоценными камнями, и, усевшись среди них, рассказал им, как сделать новый императорский штандарт на основе знака креста в его видении, из золота и драгоценностей.

Евсевий, который впоследствии сам видел новое боевое знамя, созданное по плану Константина, описывал его так: «На длинном, покрытом золотом копье была поперечная рея, образовавшая с копьем знак креста». То, что описал Евсевий, являлось обычным вексиллом, использовавшимся для императорских штандартов за сотни лет до этого; вексилл, знамя также обычное для подразделения римской армии, всегда естественным образом (хотя и случайно) образовывал знак креста. «Сверху на конце копья неподвижно лежал венок из драгоценных камней и золота», — продолжал Евсевий. Венок символизировал Победу и был обычным атрибутом штандарта легиона и ауксилиариев. «А на нем символ спасительного наименования: две буквы [«хи» и «ро»] показывали имя Христа, обозначавшееся первыми чертами, из середины которых выходило ✠». Евсевий добавил: «Эти буквы василевс впоследствии имел обычай носить и на шлеме» (*Eus. LC. I, 31*).

С перекладины нового императорского штандарта свисал квадратный кусок материи, как было принято на вексиллах, «покрытой различными драгоценными камнями и искрившейся лучами света» и «часто вышитой золотом». Под золотым венком с его монограммой «хи-ро» на шесте находился золотой портрет Константина и его детей — такое императорское *imago* уже давно было обычной чертой легионных штандартов. Фактически единственным новым и определенно христианским аспектом нового штандарта была довольно незаметная монограмма «хи-ро».

Как заметил Ричардсон, точно так же, как Евсевий рассказывал про новый крестообразный штандарт Константина, как если бы это было что-то совершенно новое и вдохновленное только христианской верой, тот же древний христианский историк приписывает одному Константину множество вещей, которые фактически «были совершенно обычны и для других императоров» (*Eus. LC. II, 19, n. 3178*).

Позднейшая легенда, которую повторяют и современные авторы, утверждает, что Константин также повелел своим войскам начертать монограмму «хи-ро» на своих щитах. Эту историю рассказывает один древний автор — Лактанций. Однако Евсевий об этом ничего не гово-

рит, хотя обычно он пространно рассказывает о том, как Константин перенимал христианские символы. Позднейшие христианские писатели, такие как Гиббон и Ричардсон, не верят в легенду об использовании «хи-ро» на щитах Константина. Баланс данных заставляет полагать, что Константин приказал своим солдатам нарисовать «хи-ро» на щитах лишь несколько лет спустя, когда, как говорит Евсевий, Константин также повелел, чтобы перед войсками больше не несли штандарты с золотым орлом, но только его, новый имперский штандарт (*Eus.* LC. IV, 21). Судя по всему, христианский символизм Константина до сражения с Максенцием не заходил дальше, чем «хи-ро» на его сверкающем новом личном знамени.

Пятьдесят тщательно отобранных воинов из числа телохранителей Константина образовали эскорт для этого нового знамени, люди, «которые отличались крепостью тела, силой души и благочестивым нравом». Их единственной обязанностью было «стоять вокруг знамени либо следовать за ним в качестве стражи, когда каждый из них попеременно нес его на своих плечах» (*Eus.* LC. II, 8). Штандарт Константина стали называть *лабарумом*. Ричардсон предположил, что у этого имени могло быть испанское происхождение от баскского слова *labarva*, что означает «знамя» (*Eus.* LC. I, 31, п. 3010). Духовным советником Константина (возможно, уже с его молодости в Галлии) был испанец, епископ Осия, и, видимо, он и дал знамени его название.

Утром 26 октября Константин и его армия прибыли в деревню Сакса Рубра в 9 милях (14,5 километра) к северу от Рима. Константин, видимо, планировал разбить тут, в Саксе Рубре, свой лагерь, где он легко мог бы нанести удар по столице, но тут полководец с удивлением узнал от разведчиков-кавалеристов, что Максенций и его армия вышли из Рима и строятся для сражения к северу от Тибра близ Мульвиева моста. Константин немедленно созвал совещание своих офицеров и расставил подразделения по местам. «Нам сообщают — и мы можем в это верить, — что Константин расположил свои войска с необыкновенным умением», — говорил Гиббон (*Gibb.* XIV). И тогда Константин приказал поднять свое новое знамя — сигнал того, что сегодня его армия вступит в битву.

Чуть больше часа понадобилось армии Константина, чтобы дойти туда, где была развернута и ожидала противника армия Максенция. Впереди Константина несколько глубоких линий пехоты рассыпались по долине, растянувшись вплоть до самой реки, что создало своего рода бастион против отступления войск Максенция. За ними понтонный

мост простирался через быстрый Тибр. Преторианская гвардия, которую Максенций считал «прочнейшей защитой своего трона», возможно, заняла престижное правое крыло (*Gibb.* XIV). Расположившись на обоих внешних крылах тысячи тяжелых кавалеристов — сингуляриев, личных телохранителей императора, одетые в панцири из «рыбьей чешуи» и не носившие доспехов мавретанские и нумидийские легкие кавалеристы из Северной Африки пытались успокоить своих беспокойных коней (*Gibb.* XIV).

Сам Максимин был там, между рядами воинов, сидя на боевом коне, одетый в тяжелые доспехи и окруженный своими телохранителями. Перед тем как он приказал своим войскам выйти из города тем утром, он посоветовался с римскими жрецами — хранителями Сивилиных книг, в которых якобы было предсказано будущее. Когда Максенций спросил, суждена ли ему победа, если он сразится с Константином, ему сообщили, что в этот день падет враг Рима (*Gibb.* XIV). Это пророчество, наряду с тайным планом постройки понтонного моста, придавало Максенцию смелости идти дальше.

Под нестройный рев труб враги ринулись в атаку. Константин игнорировал совет своих офицеров — не подвергать себя опасности: расположившись на одном из крыльев, он возглавил атаку кавалерии, которая врезалась в противоположное крыло врага. После краткой схватки кавалеристы, которые противостояли Константину, отступили и отошли к понтонному мосту. В то же самое время отступили и Максенций с его телохранителями. Константин и его кавалеристы пустились в погоню.

Константин только позже узнал, что этот отход Максенция и его кавалеристов был частью заранее задуманного плана. Хитрый Максенций понял, что если он сможет устранить самого Константина, то с его армией, оставшейся без вождя, будет гораздо легче справиться; может быть, они даже перейдут к нему, как ранее войска Севера. Поэтому Максенций придумал, как ему отрезать от своих и убить Константина. Центр понтонного моста был устроен так, что по сигналу Максенция он должен был рухнуть и, кто бы в этот момент ни оказался на мосту, он упал бы в Тибр. По этому плану Константина надо было заманить на мост. И ранний отход Максенция и его кавалерии после первой атаки Константина имел именно такую цель — воинам Максенция приказали намеренно отступать и заманить Константина на мост (*Eus.* LC. I, 38; *Zos.* 2, 15).

Однако хитрый план Максенция, хотя он и начался так, как предполагалось, быстро провалился, причем весьма красочным образом.

Сцена с арки Константина в Риме показывает битву на Мульвиевом мосту — где ловушка Максенция сработала против него самого

Случилось так, что понтонный мост начал разваливаться именно тогда, когда на нем оказались

Максенций и его элитная кавалерия. Может быть, он был плохо построен. А может быть, сигнал вытащить клинья, скреплявшие лодки, дали слишком рано. Не исключено и что это сделал какой-нибудь сторонник Константина среди войск Максенция. Какова бы ни была причина, под Максенцием рухнул мост: император и его телохранители вместе с лошадьми и всем остальным оказались в реке.

Мраморная панель на арке Константина, позднее воздвигнутой около Колизея, чтобы увековечить победу Константина, показывает Максенция и его людей в «рыбьей чешуе»: они пытаются выплыть из быстрой реки, в то время как всадники Константина выстроились на берегу и осыпают их стрелами. Среди людей на берегу можно даже различить характерного восточного лучника в длинном плаще и остром шлеме, который стреляет в людей в воде. Максенций попытался выбраться на южный берег реки, но тот был слишком крут и слишком забит людьми, которые бежали с поля битвы, спасая свою жизнь. Бурные

воды унесли Максенция, а тяжелые доспехи увлекли его на дно. Император, правивший Западом в течение шести лет, исчез под водой.

Когда полководца не стало, кавалеристы на обоих крылах армии Максенция отступили и бежали. Пехотинцам пришлось сражаться в одиночку, и эти войска, гораздо менее опытные, также вскоре побежали. Только преторианская гвардия держалась стойко. Создавая тот факт, что именно они сделали Максенция своим императором, преторианцы разделили его судьбу. Их окружили; дротики и стрелы посыпались дождем на их ряды. Гиббон писал: «Было замечено, что тела лежали на той же самой земле, где стояли их боевые ряды», то есть никто не пытался бежать (*Gibb. XIV*). Зловещим образом история повторилась 1503 года спустя: «старая гвардия» Наполеона в столь же отважном, но смертельном последнем бою пала при Ватерлоо.

Всего лишь через несколько часов сражение окончилось. Тысячи воинов Максенция пали, еще больше тысяч — сдались. Константин въехал в Рим победителем, и члены сената и толпы римлян приветствовали его как героя. Скоро выяснилась и судьба Максенция: «На следующий день его тело вытащили из реки и, отрубив голову, отнесли в город» (*Vale. 4, 12*). Когда голову Максенция торжественно носили вокруг Рима на острие копья, ближайших советников императора арестовывали и казнили воины Константина (*Zos. 2, 17*).

В следующие три месяца Константин оставался в Риме. В это время он совершил масштабные изменения в самом Риме и в римской армии. По его приказу преторианская гвардия — та самая сила, что поставила Максенция на трон, — была распущена вместе с поддерживающими его войсками (*Zos. 2, 17*). Мощная крепость преторианцев — *Castra Pretoria*, — построенная на северо-востоке города печально известным префектом преторианцев Сеяном в начале царствования Тиберия, была стерта с лица земли.

По тому же самому приказу кавалерия конных телохранителей-сингуляриев была распущена, а ее база под римским холмом Целий — Старая крепость и Новая крепость — была разрушена. Константин даже подарил кладбище сингуляриев христианской церкви; там была построена базилика Константина, позднее над ней церковь Сан-Джованни в Латеране; под этим зданием современные археологи обнаружили 609 надгробных камней сингуляриев. Другие надгробия воинов этого подразделения использовали как строительный материал. В той части кладбища, которая не была застроена, надгробные камни намеренно разбили (*Speid. 10*).

Константин не распустил II Парфянский легион Максенция. Вместо этого выжившие воины из этого легиона были переведены со своей удобной базы в Альбе Лонге к югу от Рима в сухие степи Месопотамии на Востоке — сражаться с персами. Базу II Парфянского в Альбе Лонге и гражданский vicus, или город у ее стен, где жили семьи солдат, Константин также подарил христианской церкви.

В то же самое время Константин уменьшил власть римского сената до полномочий городского совета и обложил сенаторов налогом за привилегию заседать в сенате. Больше карьерная лестница старших римских офицеров не проходила через римский сенат. Теперь император назначал людей ранга всадников командовать своими легионами и вспомогательными войсками. Они могли происходить из любого места империи и даже из-за ее пределов; в последующие десятилетия все больше и больше чужеземцев делали карьеру, командуя римскими армиями.

Теперь командирами легионов были не римские преторы, а префекты, трибуны же командовали вспомогательными войсками. Пара трибунов теперь была вторым и третьим по старшинству офицерами легиона. Старая система младших офицеров с военными трибунами была заменена на *Candidatii Militares* — две когорты младших офицеров, прикомандированных к телохранителям императора; из них подходящих кандидатов император повышал в ранг трибуна и давал им собственные поручения. И, как и II Парфянский, легионы, которые поддерживали соперников Константина, переводились на границы, в то время как так называемые «палатинские легионы» образовывали мобильную полевую армию, с помощью которой Константин сражался с врагами — как римскими, так и чужеземными.

Тем не менее Константин еще не стал правителем всего римского мира. Галерий назначил нового цезаря, Лициния, вместо казненного Севера. В мае 311 года после смерти Галерия в Иллирике его заместитель Лициний стал императором Восточной империи. Лициний быстро устранил со сцены своего собрата — цезаря Востока — Максимиана Дазу. Теперь Константин был готов сотрудничать с Лицинием. В начале 313 года Константин и Лициний встретились в Медиолане и обсудили совместную политику управления Римской империей; в результате ими были выпущены совместные указы. Чтобы укрепить свой союз, Лициний женился на сестре Константина Констанции здесь же, в Медиолане.

В течение семи лет группа лидеров из восьми человек, учрежденная Диоклетианом и Максимианом при их отречении в 305 году, усохла

до двух из-за насильственной гибели и болезней. Но ни один из двух выживших императоров не хотел долго делить власть с другим. Вскоре Константину и Лицинию было суждено бросить свои легионы друг против друга, чтобы решить, кто же в конце концов будет править Римской империей.

316—321 годы н. э.

LXVIII
КОНСТАНТИН ПРОТИВ ЛИЦИНИЯ

Последняя борьба

Валерий Лициний правил Римским Востоком из Иллирика. Константин назначил Бассиана своим цезарем (или заместителем) и дал ему в жены свою сестру Анастасию. Оставив Бассиана править Италией, Константин в 313 году вернулся в Галлию, где в течение нескольких последующих лет его столицей были несколько городов, в том числе Августа Треверов на Мозеле. Но когда Константин узнал, что Бассиан вступил в тайные переговоры с Лицинием, он казнил Бассиана и в 316 году повел армию в Иллирик, чтобы сразиться с его правителем.

Лициний родился в Новой, или Прибрежной, Дакии: эта провинция была выделена из старой Мёзии к югу от реки Дунай вслед за тем, как Рим в 274 году н. э. был вынужден отказаться от провинции Дакия к северу от Дуная в пользу варваров-захватчиков. Согласно одному источнику, Лициний был «довольно низкого происхождения» (Vale. 5, 13). Он сильно пил, но при этом был бесстрашным воином. В своей столице Сирмии в Иллиrike (теперь Сремска Митровица в Боснии) Лициний, видимо, был захвачен врасплох походом Константина в его пределы, ибо он со своей армией встретил Константина лишь в 50 милях (80 километрах) от Сирмии в Цибалах (современные Винковичи в Хорватии) на реке Саве (*Gibb. XIV*).

Армия Лициния состояла из 35 тысяч пехотинцев и кавалеристов. У Константина было 20 тысяч пеших плюс кавалерия (Vale. 5, 16). Константин, предупрежденный о приближении Лициния, рассеял свои сомкнутые боевые ряды через ущелье шириной 0,5 мили (0,8 километра): с одной его стороны был крутой склон, с другой — глубокая тря-

сина. Это означало, что Константина нельзя обойти с фланга, и его противнику пришлось идти в узкую фронтальную атаку. Лициний и его армия прибыли вскоре после рассвета. Сформировав боевые ряды, обе стороны обменивались метательными орудиями; наконец войска Лициния атаковали, а войска Константина, которых было меньше, удерживали свои позиции. Лицом к лицу люди из двух римских армий сражались в ущелье большую часть дня; ни одна сторона не отступала. В конце дня сам Константин повел кавалерийскую атаку с правого крыла; это наконец вывело ситуацию из тупика. «После битвы с неясным исходом пеших лицинианцев погибло двадцать тысяч и часть тяжелой кавалерии, Лициний же с большей частью конницы под покровом ночи бежал в Сирмий» (Vale. 5, 16).

Забрав свою жену, сестру Константина Констанцию и детей из Сирмия, Лициний поспешно направился на север, в Новую Дакию и дал своему заместителю Валенту задание набрать еще войск, чтобы продолжать войну с Константином. Константин стал преследовать Лициния, и, когда он достиг Филипп в Македонии, к нему прибыли послы от его врага — просить мира. Константин игнорировал предложения мира и, услышав, что Валент собрал большие войска у Адрианополя во Фракии, отправился маршем туда. В Мардии, во Фракии, Константин встретился с посланником Лициния. Снова с обеих сторон полетели стрелы и копья, и две римские армии сошлись в бою.

Сверкающее новое знамя Константина было у всех на виду между рядами солдат. Евсевий рассказывает историю — которую, как он говорит, услышал непосредственно из собственных уст Константина, — о новом штандарте. В одном сражении знаменосец, несший Лабарум, лишился мужества, когда битва разгорелась не на шутку, и, передав знамя своему коллеге из эскорта, бежал, спасая свою жизнь. Бегущий солдат недалеко ушел, ибо, согласно Евсевию, «пущенная стрела в сего последнего пронзила ему чрево и лишила его жизни». Человек, которому он передал знамя, между тем пережил битву без единой царапины (Eus. LC. II, 9).

Обе стороны сражались щит к щиту многие часы — безрезультатно. Константин откомандировал 5 тысяч человек и повел их через возвышенность, чтобы атаковать тыл врага, однако обе боевые линии армии Лициния продолжали стойко держаться до заката и затем ушли (Gibb. XIV). Лициний и Валент объединились и, подозревая, что Константин будет их преследовать, притворились, что идут к Византию, но на самом деле повернули к фракийскому городу Бероя. Конечно, оказалось, что Констан-

тин прошел мимо них (Vale. 5, 18). С удивлением узнав, что враги у него за спиной, Константин повернул обратно (Vale. 5, 18).

Триумфальная арка Константина в Риме (IV в.); она почти полностью была украшена за счет материала, который растащили с более ранних памятников

Однако Лициний потерял лучшие свои войска и опять послал одного из своих полководцев к Константину просить о мире. На этот раз Константин, чьи собственные войска «были утомлены битвами и переходами» (Vale. 5, 18), согласился. По условиям мира способный заместитель Лициния Валент должен был уйти со своей должности, и сфера власти Лициния была определена как восточные провинции плюс Азия, Фракия, Мёзия и Малая Скифия. Константин должен был контролировать остальную империю с помощью своих сыновей Криспа и Констанция, которых назначил цезарями и своими наследниками.

Воцарился краткий и непрочный мир; Константин провокационным образом обосновался в Фессалониках в Македонии. Это была одна из его провинций, но она находилась прямо на границе царств двух императоров. Лициний, оказавшись дважды неспособным победить Константина в бою, не верил ему и сосредоточил свои войска вокруг себя в Иллирике, пытаясь найти союзников среди варварских племен. Ободренные Лицинием, «готы ворвались через никем не охраняемые границы и, опустошив Фракию и Мёзию, начали уводить добычу» (Vale. 5, 21). Из Фессалоник Константин быстро среагировал на это. Он повел свою армию против захватчиков и зашел на территорию Лициния, застал здесь готов врасплох и заставил их вернуть римских граждан-

ских пленных и добычу (Vale. 5, 21). Лициний был в бешенстве: он жаловался, что Константин нарушил мирный договор, используя военную силу на территории провинций Лициния.

Чтобы успокоить Лициния, Константин, перестраивая в Мёзии город Тропей Траяна, который возник рядом со знаменитым памятником дакским войнам Траяна и был уничтожен готами в 170 году н. э., поставил над восточными воротами города ироническую надпись. Эта надпись, которая сейчас хранится в музее Адамкиси, называет Константина и Лициния «нашими вождями» и «защитниками римского спокойствия и свободы», говоря, что именно «посредством их доблести и мудрости чужеземные народы были приведены к порядку, дабы обеспечить прочную границу». Граница прожила недолго — уже вскоре готы, а потом гунны, насмеявшись над этой надписью и легионами Рима, завоевали город, — и таким же непрочным оказалось сотрудничество между Константином и Лицинем.

В 324 году Константин развязал новую кампанию против своего соправителя. Он послал своего сына Криспа с флотом занять Азию и отрезать таким образом Лицинию путь через «заднюю дверь», а сам повел армию во Фракию. Лициний и его армия заняли гору близ Адрианополя, и войска Константина медленно пробивались вверх по горным склонам. Целый ряд небольших битв произошел по всей горе: армия Лициния, «которая смешалась и действовала в беспорядке», была побеждена по кускам. Сам Константин был ранен в битве в бедро, хотя и не серьезно (Vale. 5, 24). Лициний бежал в Византий.

Близ Каллиполиса (сегодняшний Галлиполи) флот Константина под командованием его сына Криспа дал бой флоту Лициния под командованием его адмирала Аманда; в результате «флот Лициния был отчасти разбит, отчасти захвачен в плен» (Vale. 5, 26). Услышав это, Лициний бежал в Халкедон в Азии, и Константин вошел в Византий. В Азии Лициний собрал значительную армию, включив туда готов из готской провинции Алика. Упорный Константин перебрался в Азию со своей армией, и напротив Византия, в Хризополе (современный Скутари в Северо-Западной Турции) два противника сошлись еще в одной битве.

К тому времени Лабарум, новое знамя Константина, стал считаться доброй приметой у суеверных солдат Константина, и, когда войска на каком-нибудь участке сражения оказывались в особо трудном положении, Константин посылал туда свое знамя: это поднимало боевой дух его солдат и поворачивало судьбу сражения (Eus. LC. II, 7). Евсевий писал, что Лициний наставлял своих солдат не направлять атаку туда,

где, как известно, находится знамя Константина, и даже не смотреть на него, в то время как его собственные войска «несли перед собой в виде воздушных статуй изображения мертвых» — традиционная форма римского военного штандарта (*Eus.* LC. II, 16).

После того, как он получил подкрепление от своего сына, битва при Хризополе оказалась полной победой Константина. «После того как они увидели, что легионы Константина идут на либурнах [с Криспом], они бросили оружие и сдались» (*Vale.* 5, 28). Сам Лициний и его ведущие сторонники были взяты в плен. На следующий день жена Лициния — Констанция, сестра Константина, — пришла к брату и стала умолять его оставить жизнь мужу. Константин подарил жизнь Лицинию при условии, что он откажется от всех притязаний на трон. Лициний согласился.

Константин в ту ночь устроил для Лициния пир, после которого Лициния отослали в штаб-квартиру Константина в Фессалониках. Там Константин «приказал его убить» (*Vale.* 5, 29). Восхваляя «избыток человеколюбия» Константина, христианский епископ Евсевий не осуждает ни убийство самого Лициния, ни убийство его полководцев и главных советников, которые последовали за ним, поскольку все эти люди почтили старых богов Рима. Епископу Евсевию казалось, что Константин поступил «по закону войны» и подверг Лициния и его подчиненных «должной казни» (*Eus.* LC. II, 10; 18).

Убрав с дороги своего зятя, Константин теперь стал римским императором как Запада, так и Востока. «В память о знаменательной победе» он переименовал Византий и назвал его в свою честь Константинополем. Он «украсил его с превеликой заботой и желал, чтобы он сравнялся с Римом». Однако он «потратил на него [Константинополь] почти все царские средства» (*Vale.* 6, 30).

Чтобы заполнить пустую казну, Константин запретил почитание идолов и приказал лишить все храмы римских богов по всей империи их статуй, разослав отряды своих «друзей» по всей стране для выполнения этой задачи. Мраморные статуи древних богов перевезли в Константинополь, дабы способствовать его украшению. Статуи из золота, серебра и меди переплавлялись на месте. Один или два храма были полностью разрушены — Константин особенно не любил «сладострастного демона любви», богиню Венеру, и ее храмы первыми стояли в очереди на уничтожение. В других храмах он просто снимал двери или крыши, оставляя их заброшенными (*Eus.* LC. III, 54–56).

Константин также приказал, чтобы римляне соблюдали день отдыха на иудейский манер. Но вместо того чтобы принять еврейскую

субботу, которая продолжалась с вечера пятницы до вечера субботы, Константин сделал христианским «субботным днем» воскресенье. Это не было случайностью: Константин долгое время почитал Непобедимое Солнце — римского бога солнца, а воскресенье было днем римского календаря, посвященным ему. В течение нескольких следующих лет монеты Константина изображают бога Непобедимое Солнце, а некоторые специалисты полагают, что божество, которое он почитал, будучи императором, фактически было каким-то смешением Солнца и Христа.

Константин приказал соблюдать день отдыха и солдатам, даже повелев им читать в воскресенье краткую молитву. Христианам в рядах армии дали время отдыха в воскресенье для того, чтобы читать молитвы. Однако Константин не требовал, чтобы его войска обратились в христианство. Возможно, он понимал, что это может привести к беспорядкам среди легионов и даже к мятежу: Гиббон полагал, что в то время не больше 5 процентов населения Римской империи было христианами (*Gibb.* XVI). Возможно, в армии христиан было даже меньше, чем в населении в целом. Фактически в последующие десятилетия оказалось, что армия гораздо медленнее, чем гражданское общество, приспособляется к христианству.

Во второй половине того же столетия известный римский историк Аммиан Марцеллин, сам офицер римской армии, почитал классических римских богов в своих писаниях и практически полностью игнорировал последователей христианской веры, которых он описывал скорее как секту, нежели как государственную религию. Точно так же семь десятилетий после Константина, в начале V века, ведущий римский поэт Клавдиан, который запечатлел в стихах блестящую карьеру последнего великого полководца Рима — Стилихона, писал, славя древних римских богов, и отмечал, что он устраивал публичные чтения в римском храме Аполлона, где он получил приз в качестве статуи как признание его таланта.

В качестве еще одного доказательства того, что христианство практически не проникло в римскую армию в эпоху поздней империи, *Notitia Dignitatum*, которая в последний раз обновлялась примерно сто лет спустя после смерти Константина, говорит нам, что христианские символы практически не проникли в армию. Кроме двух ангелов, введенных в щиты-эмблемы двух телохранителей императорского дома при императоре Востока в поздней империи, на сотнях эмблем воинских подразделений, отображенных в *Notitia*, не было ни одного

узнаваемого христианского символа. С другой стороны, сохранились и некоторые старые, языческие символы легионов, такие как орел, и языческие символы, в том числе колесо богини Фортуны и символы, связанные с Беллоной, римской богиней войны, были вполне обычны среди эмблем подразделений, показанных в *Notitia*.

Как бы Константин ни относился к христианству лично, он понимал, что его собственную популярность среди солдат можно поддерживать, только сохраняя единство воинской корпорации, которое не угрожало бы безопасности его людей. В то же время он всегда находил для своих солдат дело — в течение тринадцати лет его единоличного царствования гражданских войн больше не было, но войн с чужеземцами было множество. Солдат в глубине души, Константин лично руководил походами против завоевателей — готов и сарматов, и, когда он скончался в 337 году на императорской вилле близ Константинополя, он как раз готовился развязать войну с персами.

Не приходится сомневаться, что Константин был великолепным воином. В свои поздние годы он дал себе в качестве первого титула «Победитель» и озаглавливал свои письма поразительной цепочкой титулов, в которых заявлял о своих победах, между прочим, над алеманнами, готами, сарматами, германцами, бриттами и гуннами. Он никогда не терпел поражения в битве. Но в ходе его царствования десятки тысяч римских солдат погибли в гражданских войнах, и несомненно, что столько же погибло и в войнах с варварами. Римские легионы, которые Константин оставил своим сыновьям и наследникам, когда умер, были уже ослаблены десятилетиями внутренних войн и бесконечных сражений с варварами. Они также были сильно разбавлены чужеземцами и, учитывая еще и организационные изменения, которые внес Константин, неузнаваемо изменились по сравнению с легионами I, II и III веков н. э.

Лидерские качества Константина, его личная физическая и умственная сила, его безжалостность помогли императору завоевать единоличную власть. Когда он умер, легионы решили между собой, что признают равными друг другу соправителями его троих оставшихся в живых сыновей — Констанция, Константина и Константа — их ревнивый отец казнил популярного старшего сына и наследника Криспа, считая его угрозой своей власти. «Войска делали это, сносясь в своих мнениях и отзывах письменно, и единодушное согласие всех их в одно мгновение времени распространилось повсюду» (*Eus. LC. IV, 68*). И снова с помощью армии империя была разделена между правителями.

355—357 годы н. э.

LXIX
ЮЛИАН ПРОТИВ ГЕРМАНЦЕВ

Отражая алеманнов

Однажды зимним днем в декабре 355 года н. э. небольшая колонна всадников въехала в город Виенна (сегодня Вьенн) в Южной Галлии. Во главе колонны ехал 23-летний Флавий Клавдий Юлиан, новый цезарь или заместитель императора; позднейшие историки будут называть его Юлианом.

Этот юноша с бородой, среднего роста, но широкий в плечах, с мужественным лицом, изучал в Греции философию, когда его призвал в Милан его кузен, император Констанций II (*Антт.* XXV, 4, 22). Третий сын Константина Великого, Констанций, стал единственным императором после гибели его братьев Константина в 340 году и Константа — в 350-м. 6 ноября Констанций представил Юлиана своим телохранителям в Милане, его имперской столице — Рим еще в прошлом веке перестал быть столицей Римской империи, — и объявил, что юноша назначен цезарем. В знак одобрения собравшиеся войска стучали щитами о наколенники (*Антт.* XV, 8, 15).

С небольшой свитой молодой Юлиан отправился в Галлию 1 декабря. Его задачей было собрать силы в Галлии и отбить вторжение в галльские провинции коалиции германских племен франков и алеманнов. В результате этого вторжения было захвачено сорок пять знаменитых городов на Рейне и в Галлии, в том числе современные Тонгр, Трир, Страсбург и Вормс; многие из них сгорели (*Gibb.* XIX). Как раз перед отъездом Юлиана из Милана до императора дошли вести, что длительная осада Кельна франками кончилась его падением и разрушением. Германские захватчики проникли до Центральной Галлии, и в Виенне Юлиан столкнулся с тем, что жителей охватили страх и ужас. Несмотря на мрачную ситуацию, его приезд помог поднять дух местных жителей, хотя у нового заместителя императора не было абсолютно никакого воинского опыта и очень мало воинской подготовки.

Юлиан оставался в Виенне вплоть до весны 356 года. Разослав приказы римским войскам, размещенным в этом регионе, собраться в сегодняшнем Реймсе с провизией на месяц, он затем отправился на север, направляясь на выручку городу Августодуну (сегодня Отен на

реке Арру в Центральной Франции), который осаждали алеманны. Он маршировал со своими всадниками-катафрактами и подразделением артиллерии; их баллисты были погружены на двухколесные тележки. Соединившись с главной армией в Реймсе, Юлиан пошел на Отен с отрядом чуть более 13 тысяч человек. В туманный день силы алеманнов атаковали два римских легиона, образовавшие арьергард колонны, когда римляне подходили к Отену. Эти два легиона, названия которых остались неизвестными, были отрезаны от колонны, и враг «едва их не уничтожил», говорит Аммиан, если бы объединенные войска не рванулись назад им на помощь (*Gibb. XVI, 2, 10*).

Германцы, осаждавшие Отен, при приближении Юлиана начали отходить, и 24 июня осада была снята. Юлиан затем отправился на восток, и около города Брумата в Восточной Галлии отряд германцев встретился с передовыми отрядами Юлиана и завязал сражение. Построив свою армию полумесяцем, Юлиан двинулся на излишне уверенных в себе германцев, которые были быстро разбиты. Юлиан продолжал идти к Рейну и вошел в разоренный город Кельн — завоеватели совсем не хотели оккупировать города; они предпочитали жить в хижинах в сельской местности. Из Кельна Юлиан заключил мир с королями франков и затем перебрался в Сенону (современный Сан) и провел там зиму.

Юлиан распределил свои войска по Сану и соседним городам, и, когда алеманны узнали об этом от римских дезертиров, они окружили Сан и осадили его. В течение всей осады начальник римской конницы Марцелл, который был в соседнем городе, не предпринимал никаких попыток собрать своих всадников и прийти на помощь молодому заме-

Изображенный здесь Констанций II послал Юлиана в Галлию, чтобы отбить вторжение германцев

стителю императора. Если Юлиан раньше этого не понимал, теперь у него уже не осталось иллюзий: он должен был понять, что авторитетные военачальники Рима ему не друзья. Когда император Констанций узнал о поведении Марцелла, он снял его с должности. Через месяц алеманны устали осаждать Сан и ушли.

Для кампании 357 года против германцев в Галлии и на Рейне Констанций сделал Юлиана консулом вместе с собой на этот год и послал ему 25 тысяч войск под предводительством комита Барбациона, начальника пехоты, чей отец был франком. Когда пришла весна, Юлиан, узнав о приходе комита Барбациона, продвинул свою армию вниз по Рейну к батавскому «острову» на устье Рейна, там, где он впадает в Северное море в сегодняшней Голландии. По его плану Барбацион вместе со своей армией должен был пойти другой дорогой, и оба римских войска должны были встретиться в Батавии: получились бы клещи, и алеманны должны были оказаться в ловушке.

Когда две части клещей сомкнулись в Батавии, леты, алеманнское племя, проскользнули между ними и дошли до Лугдуна. Город едва успел закрыть городские ворота и отбить германцев, которые разграбили окружающие город фермы и деревни, перед тем как уйти. Когда Юлиан услышал об этом, он послал три эскадрона легкой кавалерии, чтобы следить за тремя дорогами, которые леты, по всей вероятности, могли использовать как дорогу назад к Рейну. Одним из этих эскадронов командовал способный 36-летний трибун Валентиниан, которому было суждено через семь лет стать императором Валентинианом I. Разумеется, один из этих эскадронов перехватил возвращавшихся германцев и истребил их, вернув всю добычу из набега на Лугдун.

Начальник пехоты комит Барбацион был еще одним офицером, который твердо решил не помогать молодому цезарю. Сначала он позволил нескольким выжившим из попавшей в засаду колонны летов проскочить мимо него, а потом, когда Юлиан послал Барбациону приказ, чтобы тот дал ему семь из кораблей, которые он приобрел на Рейне в качестве части запланированного понтонного моста на восточный берег, Барбацион, презирая Юлиана, сжег корабли.

Молодой Юлиан хотел использовать эти корабли, чтобы перевезти свои войска на острова, которые алеманны удерживали в устье Рейна. Он не испугался и поручил германцам из нескольких вспомогательных единиц корнутов пересечь реку; согласно *Notitia Dignitatum*, это были палатинские вспомогательные войска — корнуты старшие и корнуты младшие. У корнутов был обычай переплывать реки на деревянных ши-

тах; таким образом вспомогательные войска Юлиана успешно пересекли Рейн. Высадившись на острове, они истребили всех алеманнов, которые там жили, — мужчин, женщин и детей. Одного известия об этом было достаточно, чтобы запугать остальных алеманнов, живших на островах Рейна, и они быстро отошли на более безопасные земли к востоку от реки.

Это позволило Юлиану занять и перестроить крепость в Севернах, раньше уничтоженную германскими захватчиками. Однако, после того как войска Юлиана собрали в этой области зимние запасы, люди комита Барбациона конфисковали их провиант и сожгли то, чем сами не могли воспользоваться. Хотя была только середина лета, Барбацион начал распределять свои войска по разным зимним квартирам и затем удалился в Милан. Вскоре распространились слухи, что Барбацион вытворяет все это, следуя приказам одержимого паранойей Констанция, чтобы Юлиан потерпел поражение и прекратил быть угрозой для трона (*Gibb. XVI, 11, 13*).

Племена алеманнов скоро узнали от одного из римлян, что Барбацион ушел в Италию и что у Юлиана с собой только 13 тысяч человек. Семь царей алеманнов — Хонодомар, Вестралп, Ур, Урзицин, Серапион, Суомар и Хортар — решили объединиться

Император Юлиан, которого христианские авторы звали Юлианом Отступником, поскольку он восстановил официальное почитание древнего римского пантеона, был харизматичным и успешным молодым полководцем, несмотря на недостаток военной подготовки и опыта

для атаки на Юлиана, у которого под началом было настолько меньше войск (*Gibb.* 12, 1). Из бывшей римской территории к востоку от реки, Шварцвальда, и территории между верховьями Рейна и Дуная, которая раньше была аннексирована Веспасианом и Домицианом, цари написали Юлиану, приказывая ему уйти с запада от Рейна: эту область они считали своей по праву завоевания. Юлиан игнорировал это требование и стал готовиться отбить завоевателей из объединенной армии алеманнов, которые, как он понимал, должны двинуться в поход после требования царей.

357 год н. э.

LXX

БИТВА ПРИ АРГЕНТОРАТЕ

Решительное сражение у Страсбурга

Было начало августа, когда римские разведчики сообщили, что армия из алеманнских племен встала лагерем не намного дальше к западу от Рейна между Аргенторатом (современный Страсбург) и Друзенхаймом. Стоя лагерем в 21 миле (33,8 километра) оттуда, Юлиан, молодой заместитель римского императора, приказал своим воинам отправиться в путь. Солнце едва успело встать, как римские трубы сыграли приказ выступать, и войска вышли из лагеря. Впереди маршировала пехота, подразделения всадников шли рядом, охраняя фланги колонны.

Это была совсем не та римская армия, что шла по этой же дороге в прошедшие века, — армия Юлия Цезаря и Друза, Тиберия и Германика Цезаря, и Цериала — полководца, который подавил здесь, на Рейне, восстание Цивилиса. На четыре столетия раньше в римских армиях было до пятнадцати легионов плюс вспомогательные войска, то есть намного больше 100 тысяч человек. А в армии Юлиана было всего только 13 тысяч.

Из подразделений армии Юлиана нам известны названия только двух легионов. Одним из них был легион *Primani*, или I легион. Это вполне мог быть I легион Минервы, из названия которого официально была изъята языческая богиня. I легион Минервы, в отличие от I легиона, не был назван в *Notitia Dignitatum*, но I легион, или *Primani*, был. I легион, палатинский, состоял под командованием второго магистра армии

(magister militum praesentalis). Это был один из шести легионов и тридцати кавалерийских и вспомогательных подразделений, которые представляли собой мобильную силу: ее можно было очень быстро перебросить в любое место, где возникали проблемы.

Другой легион Юлиана был легион «царей», достаточно недавно созданное подразделение неизвестного происхождения. «Цари» были одним из тридцати двух *legiones comitatenses*, или «сопроводительных» легионов, и были подчинены магистру пехоты. Никакие другие легионы в армии Юлиана нам не известны, если они вообще были. Большую часть войск Юлиана составляли вспомогательные войска. Была одна или больше когорты пехоты батавов — как батавы старшие, так и батавы младшие были под командованием магистра пехоты. И силы Юлиана также включали в себя множество когорты германцев из племен брахтиатов и корнутов.

Что касается всадников, то у Юлиана было по меньшей мере три эскадрона легкой кавалерии, в том числе тот, которым командовал будущий император Валентиниан. У Юлиана также были кавалеристы-катафракты, «мобильный» эскадрон тяжелой кавалерии, где и люди и лошади были одеты в тяжелые кольчуги. Также находившееся под командованием магистра, это подразделение, видимо, сопровождало Юлиана в Галлию из Милана, где базировались мобильные кавалерийские единицы. В войске Юлиана этим подразделением командовал трибун по имени Иннокентий. Заместителем Юлиана был Север, императорский магистр конницы.

Несмотря на летнюю жару, небольшая армия Юлиана успешно продвигалась вперед все утро. Как раз перед полуднем, уже неподалеку от Аргентората, Юлиан объявил остановку, поскольку разведчики только что предупредили его, что враг находится впереди, за холмом. С коня

Когда император Валентиниан I, показанный здесь, на медальоне, был командиром кавалерии, он сражался под началом Юлиана в Галлии и принимал участие в знаменитой победе Юлиана при Аргенторате (сегодняшний Страсбург)

Юлиан обратился к войскам. Они находились в пути все утро, сказал он своим людям, поэтому теперь он предлагает им построить лагерь со рвом, стенами и палисадом и атаковать германцев сразу следующим утром, хорошо выспавшись ночью. Однако солдаты не согласились и стали стучать копьями по щитам, чтобы донести до него свое недовольство. Они не хотели отдыха: им хотелось немедленно броситься на врага.

Войска Юлиана, многие из которых пережили самое худшее в сражениях с алеманнами в предыдущих столкновениях, стали уважать своего молодого командира после успешных кампаний в прошедшие два сезона и уже считали его удачливым полководцем (*Антт.* XVI, 12, 13). Даже гражданский администратор Галлии, преторианский префект Флорентин — с отмены преторианской гвардии префекты претория стали финансовыми чиновниками — поторопил молодого цезаря возглавить своих людей и вести их в битву без задержки. Видя, что солдат не переубедить, Юлиан дал приказ снова начать поход.

Знамена вынесли впереди войск авангарда, соединив их вместе освященным временем образом: центурионы легионов первого ранга шли вместе со знаменосцами (*Антт.* XVI, 12, 20). Покатый холм, на который взбиралось римское войско на марше, был покрыт зреющей пшеницей, которую покачивал ветерок позднего утра. На вершине впереди три конных германских разведчика и множество их пеших товарищей ждали приближения римлян. Однако разведчики ждали слишком долго. Когда римская легкая кавалерия внезапно вырвалась из марширующей колонны и галопом поскакала к ним, конные германцы осознали опасность, повернулись и поскакали прочь, оставив своих пеших друзей защищать себя самим. Все, кроме одного из бегущих германцев, оказались достаточно быстрыми, чтобы спастись; этот один был захвачен кавалеристами Юлиана и приведен к полководцу. После допроса пленник рассказал, что германские войска уже последние три дня пересекают Рейн.

Когда римляне взяли холм, они увидели, что армия германцев рассыпалась недалеко под ними на речной долине, образовывая тесно сомкнутые клинья; они ждали врага. Римский авангард остановился и растянулся в сплошную линию. Переднюю линию образовывали вспомогательные войска. Легионы подошли и заняли центр второй линии; на фланге у них были другие вспомогательные части. Как это было уже сотнями лет, знаменосцы заняли свои места между рядами в сопровождении трубачей. По команде Юлиана вся его кавалерия отошла на одну сторону и построилась справа от него, поскольку разведчики предупредили его, что германцы выкопали слева траншеи.

Как это было у них принято, алеманны выбрали двух своих царей полководцами для этого похода. Главкомандующим был Хонодомар, и римляне увидели, как он едет вдоль своего левого крыла верхом на массивном боевом коне — конь должен был быть большим, поскольку сам Хонодомар был настоящим гигантом: он был очень высок и «полагался на свою огромную силу», несмотря на свой огромный вес. На нем были сияющие доспехи, и сияющий шлем отличался красным пером. По мнению Аммиана, который тогда был младшим офицером среди телохранителей императора, Хонодомар был крепким бойцом и самым умелым полководцем в рядах алеманнов (*Амм.* XVI, 12, 24).

Заместителем Хонодомара был его племянник Серапион, молодой человек, которой еще не отрастил бороду, но при этом у него были способности и зрелость не по годам. Отец Серапиона, который раньше был заложником римлян в Галлии многие годы, переименовал мальчика из Агенариха в Серапиона, познакомившись с греко-египетскими мистериями, в которых участвовал всемогущий бог Серапис (его сравнивали с быком и с солнцем). Юный Серапион командовал правым крылом германцев. Клань и племена германцев вели другие пять германских царей и десять князей. Вокруг них развернулись германские клинья, состоявшие из 35 тысяч воинов, набранных из разных племен (*Амм.* XVI, 12, 26).

Хонодомар и его товарищи — германские вожди — знали, что их бойцы превосходят армию Юлиана по численности в три раза. И, рассматривая римские войска, строившиеся на склоне холма, они узнавали многие эмблемы подразделений на их щитах — это были эмблемы тех же самых отрядов, которые бежали перед ними в сражениях в Галлии в последние несколько лет (*Амм.* XVI, 12, 6). Уже и так высокая уверенность германцев в себе поднялась еще больше.

Юлиан занял свое место. С обеих сторон прозвучали сигналы труб. Левое крыло Юлиана начало двигаться вниз по склону. Север, римский командир слева, знал, что траншеи, вырытые германцами, лежат у него на пути. Германцы планировали выскочить из траншей и напасть на римлян, когда те подойдут поближе, однако Север, предвидя это, приказал своим войскам остановиться, не доходя немного до траншей алеманнов.

Юлиан в сопровождении телохранителей из 200 кавалеристов ехал вдоль фронта стоявших неподвижно римских войск в центре, останавливаясь время от времени, чтобы произнести краткую речь к войскам перед ним. Каждая речь немного отличалась от другой. «Пришел мо-

мент сразиться», — сказал он одной группе. Когда другая часть линии позвала его, чтобы он дал сигнал к атаке, он посоветовал им не разрушать свою грядущую победу, не повинаясь приказам и преследуя врага слишком далеко с одной стороны или, отступая, с другой. Людям в задних рядах он сказал: «Вот, товарищи, настал давно желанный день». Настало время «вернуть римской державе подобающий ей блеск, смыв все прежние пятна позора» (*Амм.* XVI, 12, 31—32).

Юлиан все еще говорил, когда из рядов германцев послышался рев. Все как один алеманны призывали своих царей и князей сражаться пешими вместе со своими людьми. Безо всяких сомнений Хонодомар спрыгнул со своего коня, и другие царственные особы последовали за ним и отослали своих коней. Зазвучали трубы. Враги начали обстреливать друг друга в течение некоторого времени; воздух наполнился стрелами, дротиками, копьями и камнями. И тогда с гортанным ревом длинноволосые бородатые воины с германского левого фланга ринулись вперед, чтобы напасть на стоявшую римскую кавалерию, размахивая своими тяжелыми мечами в правой руке на бегу. «Развевающиеся их волосы от чрезвычайного ожесточения становились дыбом, яростью пылали их глаза» — так говорит Аммиан (*Амм.* XVI, 12, 36).

Римская кавалерия приближалась. Вспомогательная пехота подошла ближе, чтобы защитить их фланги. Германцы хлынули в их ряды. Вся римская пехота пользовалась щитами, чтобы защитить головы от ударов меча, сыпавшихся на них дождем, отбиваясь мечами и бросая дротики, как только могли. Вскоре сражающиеся подняли тучи густой пыли. Римляне не трогались с места, образуя прочную преграду своими овальными щитами, воткнув их нижние края в землю; германцы с помощью коленей пытались оттолкнуть щиты, размахивая в то же время мечами. Под общим напором германцев некоторые римские пехотинцы в переднем ряду слева начали немного отступать.

На левом фланге римлян нетерпеливые германцы в траншеях вскочили и бросились на стоявшую на месте переднюю линию Севера. Однако пехотинцы Севера отбили их и, по команде Севера, начали медленно двигаться в близко сомкнутом построении, немного отходя направо, чтобы избежать рвов. С победоносными криками люди Севера ворвались в центр германского войска.

Справа римская кавалерия, находившаяся под тяжелым давлением и не привыкшая стоять и сражаться на месте, потеряла мужество и сломалась. Многие всадники рванулись назад, но наткнулись на воинов из стоящих близко друг к другу пехотинцев во второй линии: те от-

казались пропустить бегущих. Римские кавалерийские офицеры перегруппировывали свои построения; в то время катафракты увидели, что их командир Иннокентий получил ранение, и потом лошадь катафракта свалилась, и всадник стремглав полетел через ее голову на землю. Тяжелая кавалерия запаниковала, и паника передалась всей римской кавалерии, которая попыталась рассеяться. И снова римские пехотинцы во втором ряду удержали свои позиции и отказались пропустить своих же кавалеристов через тесно сомкнутые ряды.

Видя, что кавалерия рассыпается второй раз, молодой Юлиан дал шпор своему коню и поскакал им наперерез, побуждая кавалеристов сражаться снова. За ним скакал знаменосец; его знамя — пурпурный дракон — развевалось на ветру. Трибун одного из эскадронов, оказавшись лицом к лицу с заместителем императора, побледнел от стыда, повернул коня и снова бросился в бой.

Алеманны на правом фланге римлян, рассеяв римских всадников, бросились на пехоту Юлиана — корнутов и браххиатов. Эти германские вспомогательные войска испустили свой национальный боевой клич, который, как говорит Аммиан, «начинается с тихого шепота и постепенно становится все громче, словно волны, бьющиеся о скалы» (*Амм.* XVI, 12, 43). Однако алеманны, которые были выше, сильнее и свирепее своих противников, смогли окружить корнутов и браххиатов, которые, судя по всему, оказались в большой беде, когда германцы неоднократно ломали свои мечи о поднятые щиты римлян, пытаясь прорубиться через них, как они пытались бы прорубиться через лес. Среди павших корнутов был и трибун, командовавший когортой.

Римская вторая линия ждала и наблюдала. По команде Юлиана батавские вспомогательные части и «страшный отряд» — так называемые «цари», которые носили на своих овальных щитах эмблему звезды с тринадцатью лучами, — продвигались строем с удвоенной быстротой и врезались в алеманнов, чтобы «спасти» своих товарищей (*Амм.* XVI, 12, 45; *Not. Dig.*). Однако алеманны не хотели отступать. Видели, как некоторые в изнеможении падают на левое колено, однако и из такого положения они продолжали молотить ближайших римлян своими длинными мечами.

В центре «яростный отряд благородных» прорвался через первую линию римлян и врезался во вторую. Эти алеманнские аристократы наткнулись на неподвижные оранжевые щиты I легиона. Этот легион близко сомкнул ряды в формации, именовавшейся «преторианским лагерем» — квадрат, — и со своими сомкнутыми щитами и соблюдая

железную дисциплину, благодаря которой они были прикованы к месту, эти люди создали непреодолимый барьер. Через пробелы в линии щитов римляне кололи незащищенные тела германцев, и вскоре перед ними выросла гряда тел алеманнов; земля была залита кровью и скользила под ногами следующей волны алеманнов, которые пришли, чтобы заменить первую.

Кровь лилась, и среди алеманнов начало распространяться отчаяние. Римляне стояли стойко и каждую минуту убивали и убивали врагов. Вот уже один германский воин потерял мужество и бежал с поля боя, вот другой... Вскоре это распространилось по всей войску. Германцы поворачивались и бежали тысячами. Римляне стали преследовать их, захватывая многих и рубя сзади. Теперь рост и мощь германцев ничего не значили: они просто становились на бегу более крупными мишенями для римского оружия. Вскоре груды трупов начали блокировать отступление. Многие германцы бежали на берега Рейна. Некоторые прыгали в реку, чтобы спастись от римских преследователей, и в воде некоторые были пронзены римскими копьями, в то время как других уносило течением и они тонули. Тысячи алеманнов плыли по реке, другие просто висели в воде, держась за щиты. На берегу Юлиан и его офицеры кричали солдатам, приказывая не идти в реку за врагом — она могла стать смертельной ловушкой.

Затем все было кончено. Битва при Аргенторате, или Страсбурге, как ее называют некоторые современные историки, была окончена. Для римских воинов, которые не знали успеха в битвах с германцами уже давным-давно, Аргенторат был сокрушительной победой. Римские потери составили 243 простых солдата и 4 трибуна, в том числе командир катафрактов. Подсчеты на поле битвы показали 6 тысяч мертвых алеманнов; гораздо больше погибло в Рейне (*Антт.* XVI, 12, 62). Римская когорта догнала царя Хонодомара на лесистом холме близ Рейна. Там вождь алеманнов сдался вместе с троими своими близкими друзьями и 200 воинами.

По приказу императора Констанция царь Хонодомар вслед за этим был послан в Рим, где его держали пленником в Кастре Перегрине — бараках на Целийском холме, которым пользовались войска союзников, расквартированные в Риме. Хонодомар должен был там закончить свои дни. Репутация молодого Юлиана как полководца, нанесшего ранее несокрушимым алеманнам кровавое поражение и восстановившего границу по Рейну, распространилась по всему римскому миру. Через четыре года Юлиан стал императором Рима.

359 год

LXXI
ПЕРЕЖИТЬ ОСАДУ АМИДЫ

100 тысяч персов, 73 кровавых дня

С вершины скалы два римских офицера и их проводник-армянин с благоговейным почтением смотрели на персидскую армию из 100 тысяч человек, которая проходила под ними, заполняя долину на 50 миль (80 километров). Перед ними ехал Шапур Великий, «царь царей», десятый правитель династии Сасанидов, которая свергла парфянских царей и стала править прежней Парфией. Шапур вел армию в поход, чтобы вторгнуться в восточные провинции Римской империи.

Старшим из двух римских офицеров, наблюдавшим за медленным проходом персидского воинства, был 29-летний Аммиан Марцеллин, благородный юноша греческого происхождения, уроженец Антиохии в Сирии. Подростком в Медиолане в Италии Аммиан стал младшим офицером среди протекторов-доместиков (*Protectores Domestici*), личных телохранителей императора Констанция II. Пять лет спустя, в 353 году, Аммиан вернулся в свой родной город Антиохию, чтобы присоединиться к штабу Урзицина, который был комитом (или «графом»), командовавшим всеми войсками Римского Востока с 348 года. Аммиан с тех пор был верным адъютантом комита.

Лишь за неделю или больше до этого, когда весна стала переходить в лето и никто не слышал о намерениях персов, комит Урзицин послал Аммиана на вражескую территорию в сопровождении центуриона, чтобы собрать информацию о передвижениях врага. Местный сатрап, дружески относившийся к римлянам, сказал римским офицерам, чтобы они обосновались на одном склоне холма и подождали. И вот, после того как Аммиан и его спутник провели на этом горном хребте два дня, на горизонте появилась персидская армия и пошла через долину у них на глазах. Слева от Шапура Аммиан мог видеть царя хионитов Грубмата, старого и сморщенного человека, которого при этом он называет «правитель выдающегося ума и прославленный множеством побед» (*Амм. XVIII, 6, 22*). Справа от персидского монарха ехал царь албанов, племени, которое жило в современной Грузии.

За правителями и их окружением из генералов и телохранителей ехало множество войск всякого рода — пехотинцы с копьями, пешие

стрелки, волна за волной конных лучников, люди из тяжелой кавалерии катафрактов, одетые в доспехи с головы до пят, корпус легкой кавалерии на верблюдах и даже громадные боевые слоны, чьи боевые башенки были заполнены копьеносцами и покачивались из стороны в сторону на могучих спинах слонов с каждым шагом животного. Эти восточные войска — «отобранные люди из отборных сил соседних народов, приученные продолжительными упражнениями переносить всякие тяготы войны» (*Ант.* XVIII, 6, 22).

Еще с 337 года Шапур постоянно посылал свою армию через Тигр против римских крепостей в Армении и Северной Месопотамии, пытаясь выжить римлян из этого региона. За тринадцать лет осады и схваток, в которых противостоявшую царю римскую армию возглавлял сам император Констанций, персидский царь добился некоторых успехов: прежде всего, в 348 году он уничтожил римскую крепость в Гилее. В том же самом году произошло сражение при крепости Сингара в Месопотамии (современный Синдjar в Северном Ираке), где, как писал Аммиан, «ночью произошло ожесточенное сражение, и наши войска были порублены в куски в страшном кровопролитии». Римляне потеряли огромное множество людей под Сингарой, однако или им удалось сохранить, или же вскоре они снова захватили эту крепость; обе стороны объявляли о своей победе в сражении (*Ант.* XVIII, 5, 7).

Однако Шапуру не удалось захватить главный приз — крепость Эдессу или получить контроль над мостами через Евфрат, которые служили воротами в богатые римские провинции дальше к западу. Одна ласточка, хоть и самая голосистая, весны не делает. Кроме того, вслед за римским разгромом в 348 году на Восток прибыл новый командир — Урзицин. И с тех пор, как Урзицин начал командовать войсками, легионы Востока сражались без потерь (*Ант.* XVIII, 6, 2).

Уставший от конфликта с Римом и загнанный в тупик Урзицином, в 350 году Шапур прекратил войну с Римом, чтобы сосредоточиться на покорении непокорных соседей. Это позволило Констанцию вернуться в Европу и разобраться с Ветранионом и Магненцием, парой узурпаторов, которые возглавили мятеж против его правления в его отсутствие. Магненций, офицер римской армии варварского происхождения, убил брата и соправителя Констанция — Константа, чтобы попытаться захватить власть.

Восемь лет спустя, когда Урзицин находился на пути домой, в Италию, чтобы получить повышение — пост римского магистра пехоты, передав командование Востоком своему преемнику Сабиниану, царь

Шапур начал свое последнее наступление против Рима. К этому времени персидскому правителю удалось превратить своих врагов в регионе в союзников, и он подготовил и натренировал огромную армию для нового предприятия. Шапур также знал, что Урзицин уехал и что Констанций и большинство римской армии связаны ожесточенной кампанией в Иллирике против вторгшихся туда сарматов, квадов и севов из-за Дуная.

Шапур начал с того, что написал Констанцию, требуя всю территорию, которую Рим занимал на Востоке вплоть до самой Македонии, которая, как он заявлял, исторически была собственностью Персии. Констанций отказался подчиниться. Подозревая, что Шапур собирается развязать новую кампанию, Констанций послал Урзицину письмо, приказывая полководцу повернуть обратно и вернуться на Восток, чтобы отбить любые попытки Шапура.

По дороге в Италию Урзицин как раз прибыл во Фракию, когда до него дошло письмо императора. Аммиан как раз был вместе со своим начальником, когда тот открыл письмо и увидел, что Урзицин глубоко взволнован. Император оставил Сабиниана командовать Востоком в целом, поэтому технически Урзицин должен был подчиняться ему. При этом император не позволял Урзицину взять с собой какие-либо войска на Восток, кроме своих телохранителей. Урзицин понимал, что эти приказы были организованы его врагами при дворе; судя по всему, его подставили, чтобы он потерпел неудачу.

Ничего не известно о происхождении Урзицина. Во многих старших офицерах римской армии того времени текла варварская кровь — вандалская, франкская и германская. И в то же самое время был царь германцев-алеманнов по имени Урзицин, так что вполне вероятно, что и этот Урзицин также был германского происхождения. За прошедшие десять лет он, очевидно, показал великие военные умения, но и нажил много врагов при дворе Констанция. Однако его лояльность к императору осталась непоколебимой. «Прославленный своей храбростью муж», по мнению его адъютанта Аммиана, Урзицин не мог не повиноваться своему государю и не мог позволить Шапуру творить все, что ему вздумается. Взяв с собой Аммиана и остальной свой штаб и эскорт протекторов-доместиков, полководец повернул назад и поторопился обратно в Сирию (*Аmm.* XVIII, 5, 4).

Зимой 358/359 года, когда Урзицин и Аммиан возвращались на Восток, римский чиновник по имени Антонин глубоко ночью пресек реку Тигр в персидской рыбацкой лодке. С помощью персидского пра-

вителя восточного берега Антонин взял с собой всю свою семью, и его провели на зимние квартиры царя Шапура.

Антонин раньше был богатым купцом, который служил в штабе римского дукса Месопотамии. В провинции разразился финансовый скандал, где был замешан Антонин. Когда Урзицин правил Востоком, он с сочувствием отнесся к Антонину, говорившему о своей невинности, однако наследник Урзицина, Сабиниан, игнорировал заявления Антонина о том, что за аферу были ответственны другие, гораздо более могущественные люди, и назначил дату, к которой купец должен был лично выплатить пропавшие деньги. Эта дата приближалась, и Антонин решил отомстить. Тщательно заметив всю военную диспозицию римлян по всему региону, он бежал к персам.

Служа советником царя Шапура, перебежчик Антонин ехал вместе с персидской армией; два римских офицера смотрели за этим со своего наблюдательного поста на холме. Персидский царь приветствовал Антонина и даровал ему тюрбан, поднимавший его до должности сатрапа, имевшего право голоса наряду с другими советниками царя. Перебежчик советовал Шапуру забыть свою старую политику — истреблять римские крепости по одной. Вместо этого, сказал Антонин, дав царю детали расположения римских подразделений и арсеналов, персы должны пойти к реке Евфрат, пересечь ее, идя на запад, и затем вторгнуться в римские провинции, следуя по западному побережью Азии до того, как у римлян будет время организовать сопротивление. Это был план, который Шапур с энтузиазмом поддержал.

Как только персидская армия прошла, Аммиан и его спутник-центурион сошли с холма и стали следовать за противником на безопасном расстоянии, когда персидская орда шла вдоль реки Тигр. Двое римлян смогли увидеть, как персидский царь и его свита приносили жертву посередине понтонного моста через реку Анзаба (сегодня Большая Заб в Северном Ираке), а армия построилась за рекой. Люди на мосту испускали крики радости: это значило, что жрецы нашли знамения благоприятными для кампании против римлян и персы начали переходить мост. Решив, что всей персидской армии понадобится по меньшей мере три дня, чтобы пересечь реку, Аммиан и центурион ускользнули оттуда (*Амм.* XVIII, 7, 1).

Перебравшись через горы, «пустынные и уединенные места», Аммиан вернулся к своему полководцу. Штаб-квартира Урзицина находилась в Южной Армении, в городе Амида (сегодняшний Диарбакыр в Турции), на западном берегу реки Тигр: там собрались семь легионов

(*Амм.* XVIII, 7, 2). Комит выслушал доклад Аммиана и оценил ситуацию. Сабиниан, официальный римский командующий на Востоке, находился в Эдессе в Осроене дальше к Западу, у Евфрата, с еще одним большим отрядом римских войск.

Базальтовые стены древнего Диарбакыра в современной Турции. В IV в. это была Амида — город, который подвергся осаде стотысячной персидской армии Шапура

Сабиниан, «человек образованный» и «очень богатый», несмотря на свое темное происхождение, тем не менее был «неопытным в военном деле» и «бездеятельным», по мнению Аммиана. Сабиниан не показывал никакого интереса к тому, чтобы повести свои войска на перехват персов перед тем, как они достигли Евфрата: Урзицин послал своих курьеров, которые галопом проскакали по римской провинции Месопотамия с приказами от правителя и военного командира провинции (*Амм.* XVIII, 5, 5).

В ответ на распоряжение военачальника римские войска вскоре стали побуждать крестьян Месопотамии и их семьи со своими стадами передвинуться в более безопасные места на западе. В то же самое время город Карры был эвакуирован полностью, поскольку он был окружен лишь слабыми укреплениями и его нельзя было успешно защищать. Затем, также по приказу Урзицина, римские войска подожгли все крестьянские хозяйства в провинции, чтобы подходящей персидской армии не достался провиант и корм для животных. По

всей равнине бушевало пламя; миля за милей желтеющая пшеница, которая уже была почти готова для жатвы, гибла в огне, как и многие дикие животные, в том числе и львы; вся Месопотамия от Тигра до Евфрата почернела. Пока равнины горели, римские войска воздвигали фортификации у потенциальных мест брода на восточном берегу Евфрата (*Аmm.* XVIII, 7, 3—4).

Пройдя занятый римлянами город Ниневия, персидская армия продолжала двигаться на запад по направлению к Эдессе. Но затем, в деревне Бебаза, прибыл разведчик с новостями о том, что тающий снег прошлой зимы заставил разлиться Евфрат, сделав его временно непроходимым. По совету перебежчика Антонина персидская армия теперь повернула резко направо и пошла на север, чтобы атаковать Амиду. В Амиде Урзицин готовился к отходу. Полагая, что Шапур все еще пробивает себе путь к Евфрату, римский полководец решил поторопиться идти на запад, пересечь Евфрат у Самосаты в Коммагене и затем идти вниз по реке и уничтожить мосты у Каперсаны и Зевгмы в Сирии, чтобы персы не смогли легко перейти Евфрат.

По дороге на Амиду под руководством Антонина передовой отряд из 20 тысяч всадников под командованием персидских полководцев Тамсапора и Ноходара скакал впереди главной персидской армии. Две римские алы, недавно прибывшие из Иллирика, стояли на подходах к Амиде, чтобы охранять город как раз от такой неожиданной атаки. Пришла ночь, и 700 римских воинов из двух ал ушли с общественных дорог, за которыми они должны были наблюдать, и вскоре они были «одурманены вином и сном». Во тьме персидский передовой отряд проскочил мимо. Когда пришел день, персидские командующие спрятали своих людей и коней за песчаными дюнами у Амиды (*Аmm.* XVIII, 8, 3).

Это был тот самый летний день, на который Урзицин назначил свой отъезд в Самосату, отложив выезд до вечера, чтобы ехать в прохладной ночи. Наступали сумерки; римский полководец и его штаб и эскорт, как пешие, так и конные, еще не успели далеко отъехать от Амиды и как раз поднимались на холм, как увидели «блеск оружия» на расстоянии, когда появилась персидская кавалерия. «Раздался возбужденный крик, что враг перед нами», — говорит Аммиан, который ехал рядом с Урзицином. Подняли знамя Урзицина, и небольшой римский отряд построился в тесном боевом порядке (*Аmm.* XVIII, 8, 4—5).

Когда персидская легкая кавалерия приближалась галопом, «пало несколько наших, бросившихся безо всякой оглядки на неприятеля» — от стрел персов. Обе стороны подвигались вперед, и Урзицин, узнав

Антонина, который вел вражеские войска, заорал, что тот — предатель и преступник. Антонин, сняв тюрбан, дарованный ему персидским царем, спрыгнул с коня.

Поклонившись Урзицину, Антонин крикнул ему: «Прости, блистательный комит! Крайность, а не собственная воля привела меня к тому, что я сам признаю преступным. Несправедливые кредиторы меня погубили, как ты сам знаешь. Ведь и ты сам, со своим высоким положением, заступавшийся за меня в моей нужде, не смог положить предела их корыстолюбию». С этими словами Антонин удалился, почтительно отступая задом наперед, покуда не растворился в наступающей ночи (*Атт.* XVIII, 8, 6).

С задней стороны римской колонны, которая стояла на более высоком месте, раздался другой предупреждающий крик. Масса персидских катафрактов, тяжелой кавалерии, скакала галопом, чтобы вступить в битву. Не ожидая приказа, люди из отряда полководца рассеялись во все стороны, надеясь скрыться в темноте. Аммиан увидел, что его начальника окружили персидские всадники, «но благодаря быстроте коня ему удалось уйти вместе с трибуном Айададьтом и одним конюшим». Только с этими двумя спутниками Урзицин смог бежать на запад (*Атт.* XVIII, 8, 10).

В темноте Аммиан верхом оказался в толпе римлян, которые, беспрерывно сражаясь, двигались по крутому берегу Тибра. Некоторые римские воины спрыгнули с берега только для того, чтобы из-за своего тяжелого вооружения упасть и завязнуть в иле на краю воды. Других уносили бурные волны, их затягивало в быстрый поток, и они тонули. Некоторые пытались держаться на берегу и отражать натиск персов с разной степенью успеха. Иные старались пробиться сквозь ряды вражеских всадников.

Аммиан отделился от других. «Я сам, оказавшись в стороне от своих товарищей, придумывал, что мне предпринять. Тут ко мне приблизился Верениан, протектор-доместик, раненный стрелой в бедро». Аммиан пытался вытащить стрелу. Но внезапно он оказался окруженным «наступавшими персами». Аммиан дал шпоры коню и ускакал прочь «во весь опор в город» Амиду (*Атт.* XVIII, 8, 11).

Амида была расположена на скалистом плато близ реки Тибр. С того направления, с которого к ней приближался Аммиан, он увидел, что тысячи персов пытаются напасть на город, пользуясь одной и той же опасной тропой. Было очевидно, что на склоне их встретила римская пехота из Амиды, которая нанесла им тяжкий урон, перед тем

как удалиться за городские стены. Во тьме, бросив коня и с одним спутником (видимо, с раненым телохранителем Веренианом), молодой офицер начал карабкаться по склону, пробираясь через живых и мертвых персов: живые были слишком сосредоточены на атаке, чтобы обратить внимание, что среди них два римлянина.

Двигаться дальше было уже нельзя, и двое легли среди мертвых, чтобы подождать рассвета, пользуясь ночью и грудями тел, чтобы скрыть свое присутствие. Все было так засыпано телами персов, говорит Аммиан, что многие умершие стояли на ногах среди толпы; давка мешала им упасть. «Один солдат передо мной, — пишет Аммиан, — которому удар меча разрубил голову на две половины, стоял на месте». Мертвый перс оставался там, «сжатый отовсюду, словно столб» (*Амм.* XVIII, 8, 12).

Когда настала заря, с зарей «множество снарядов из всяких метательных орудий летели с зубцов стен» Амиды: дождь стрел был направлен на персов, атаковавших по склону ниже. Однако Аммиан и его спутник прижались так близко к стене той ночью, что стрелы пролетали у них над головой, не принося вреда. Аммиана и его коллегу узнали изнутри и пропустили в город через задние ворота, которые открыли на такой промежуток времени, которого было достаточно, чтобы проскользнуть внутрь.

Амида некогда была маленьким пограничным городком, до того как Констанций, в царствование своего отца Константина, не расширил его, построив обширные защитные стены и башни вокруг него и на постоянной основе оснастив стены целым рядом метательных орудий. Тигр протекал мимо восточной стены, в то время как защитная башня на юго-востоке города поднималась прямо над извивавшейся рекой. К северу были видны горные пики Тавра, а голые равнины Месопотамии простирались к южному горизонту и далекому центру страны персов. В городских стенах Аммиан едва мог двигаться из-за толкучки. Кругом лежали умиравшие раненые, испуганные горожане рыдали, оплакивая любимых, которых они потеряли. Другие выкрикивали имена пропавших родичей, надеясь найти их в этой несчастной толпе.

В Амиду собралось 120 тысяч человек. В оригинальном латинском тексте Аммиана написано «20 000», но позднее ученые повысили эту цифру до 120 тысяч, считая первоначальное число ошибкой переписчика. В XVIII веке Гиббон счел эту цифру реальной, считая, таким образом, что в каждом из присутствующих семи легионов было 1000–1500 человек; однако истинное число, скорее всего, было вдвое больше (*Gibb.* XVII, п. 133).

В тот момент, когда к воротам города подступили передовые войска персов, там как раз была ярмарка, так что город был забит жителями, приехавшими на ярмарку крестьянами, иностранными купцами и римскими воинами. Аммиан явился к самому старшему офицеру в Амиде, комиту по имени Элиан. Молодой офицер также узнал, какие именно единицы расквартированы в Амиде. Он хотел убедиться сам, что город сможет выстоять осаду армии такой величины, как та, что он видел лишь несколькими днями раньше со своего наблюдательного поста на холме.

Как было известно Аммиану, гарнизон города, как правило, должен был составлять один легион — V Парфянский, боевая единица, первоначально набранная 130 лет назад. Многие из них поддерживали узурпатора Флавия Магненция — германца по рождению, когда он восстал против Констанция в Кельне в 350 году. Одним из этих легионов был XXX легион Ульпия, который возник еще при Траяне и базировался в Ветере на нижнем Рейне, когда взбунтовался Магненций.

Магненций и его брат Деценций для участия в борьбе за престол набрали в 350 году в Галлии еще два легиона. Констанций не доверял этим легионерам «из-за их ненадежности и буйного духа», однако Аммиану эти галльские солдаты казались «храбрыми, ловкими и умелыми». Констанций, сначала победив Магненция при Мурсе в Далмации в 351 году и затем его брата Деценция в Коттских Альпах два года спустя, послал все эти попавшие в немилость войска на Восток, чтобы те сражались с чужеземными врагами (*Gibb.* XVII, 9, 3; XIX, 5, 2).

Из других легионов в Амиде находился X легион Пролива, который был образован из вексилляции одного из двух уже существовавших X легионов. Были также Супервенторы и Превенторы, легионы, которые набрал в 348 году Констанций для службы на Востоке. Последние три легиона были расквартированы в Сингаре в 348 году, и со своим командиром Элианом эти «свежие новобранцы» вырвались ночью из обреченного города и «перебили множество погруженных в сон персов» (*Gibb.* XVIII, 9, 3). Однако в то же самое время эти римские легионы понесли в Сингаре большие потери.

Среди вспомогательных отрядов, которые также стояли в осажденном городе, был эскадрон конных лучников, членами которого были свободнорожденные чужеземцы. Римских войск, которые держали Амиду и несколько крепостей поменьше в окрестностях, было меньше чем 30 тысяч человек. Вскоре они должны были столкнуться с нападением 100 тысяч решительно настроенных персов (*Gibb.* XVII, 9, 9).

В то время как Антонин и его персидский авангард атаковали Амиду, чтобы отрезать город от римлян, царь Шапур и авангард персидской армии остановились, чтобы осадить две небольшие месопотамские крепости — в Ремане и в Бузе. Римские гарнизоны обеих быстро сдались. Мужчин из этих римских гарнизонов взяли в плен; женщин, в том числе и общину юных христианских монахинь, отпустили на свободу.

На третьи сутки персидской осады Амиды, в жаркий июльский день прибыл Шапур с основными силами персидской армии. За армией следовал огромный багаж — там было все от захваченных римских осадных орудий до палаток и лож для офицеров и материалов для ведения осады. Вегеций тридцать лет спустя писал: «Персы, подражая римлянам, окружают свой лагерь рвом, и так как земля там почти вся песчаная, то они возят с собой пустые мешки, наполняют их этой, рассыпающейся, как пыль, землей, которую они выкапывают и, навалив их друг на друга, устраивают насыпь» (*Vege.* III). В обозе Шапура были также и жены, по крайней мере жены старших персидских офицеров и их союзников.

Аммиан был одним из римских воинов, которые толпились на стенах города в тот день, глядя, как идет огромная вражеская колонна. «При первых лучах наступившего дня все окрестности, насколько хватал глаз, блистали сверкающим оружием, и закованная в железо конница наполняла поля и холмы». Сам царь Шапур на массивном боевом коне в сопровождении своих конных телохранителей и в обществе царей, князей и сатрапов множества восточных народов отважно подъехал к главным воротам города; вместо царской короны он носил золотой шлем в виде бараньей головы, украшенной драгоценными камнями с выступающими рогами (*Амм.* XIX, I, 2–3).

Римский перебежчик Антонин советовал Шапуру: будет ошибкой увязать здесь в длительной осаде: это даст время римлянам к западу от Евфрата подготовиться к приближению персов. Поэтому персидский царь решил запугать жителей Амиды и заставить их сдаться. Он подошел так близко к передним воротам, желая вступить в переговоры, так что Аммиан мог ясно разглядеть черты его лица: большой нос, бритое лицо и усы и длинные темные кудрявые волосы, спадавшие на плечи. Но излишне уверенный в себе Шапур был жестоко обескуражен. Может быть, гарнизоны в Ремане и Бузе и пришли в ужас при виде царя, но римлян в Амиде нельзя было так легко ослепить его присутствием. Раздался треск веревок и звон железных снарядов о

перекладины: баллисты на передней стене выпустили свой смертельный груз.

Смертельные дротики с железными наконечниками и тонкие копья сеяли смерть рядом с царем в тихом утреннем воздухе. Царь и его эскорт быстро развернулись: поднялась целая туча пыли, которая помешала прикрыть их отступление: еще больше орудий полетело с городских стен. Если бы в тот день Шапур был убит, то история всего региона могла бы пойти по-другому, но ему удалось уйти без единой царапины; римское копье порвало только его одежды. Однако гордость перса была уязвлена; он был разгневан на обитателей Амиды и приказал начать полномасштабное наступление. Он успокоился ненадолго, когда полководцам удалось убедить его дать городу еще один шанс сдаться перед тем, как царь потеряет слишком много времени и сил на осаду.

На заре следующего дня царь хионитов Грумбат подъехал к восточным воротам города в сопровождении множества спутников, в том числе и своего сына-подростка. Грумбат вызвался позвать жителей Амиды вступить в мирные переговоры с персами. Но не успел царь сказать ни слова, как его увидела команда римской баллисты на стене, и римляне выстрелили. Стальная стрела пролетела мимо Грумбата и поразила его сына. Сын — высокий, красивый юноша, которому только что исполнилось шестнадцать и он достиг совершеннолетия, — получил снаряд в грудь; он прошел через его драгоценные доспехи и пронзил грудную клетку. К ужасу отца и товарищей, княжич упал с коня: он был мертв. Вслед за этой стрелой полетели другие; Грумбат и его свита быстро ускакали из пределов досягаемости орудий, оставив тело княжича лежать в пыли.

Оскорбленные хиониты призвали к оружию другие племена, и тысячи людей пошли в атаку вверх по холму, чтобы помочь увезти тело погибшего княжича; римляне на стенах осыпали их стрелами. Пращники и лучники из рядов персов и их союзники отвечали на выстрелы залпами из пращи и тучами стрел. Перестрелка шла весь день, и многие пожертвовали жизнью, чтобы вернуть тело сына Грумбата. К вечеру тела мертвых и умирающих людей грудой лежали вокруг княжича; кровь их, как река, орошала сухую землю. После наступления темноты тело юноши удалось успешно переправить в персидский лагерь.

На семь дней персы прекратили боевые действия, чтобы оплакать гибель всеми любимого княжича. Его тело положили на высокую платформу вместе с телами еще десяти погибших; все они лежали на ло-

жах. Всю неделю племена продолжали погребальные пиры как по общинам, так и по боевым подразделениям; они исполняли погребальные танцы и заукойные плачи. Между тем женщины по обычаю били себя в грудь и громко оплакивали юношу.

В конце недели погребальную платформу подожгли, и пепел княжича сложили в серебряную урну. Когда пепел увезли, чтобы похоронить его в родной земле, Шапур и его боевой совет на собрании решили, что лучше всего умиловить дух юноши, уничтожив город, который стал причиной его гибели. План Антонина пересечь Евфрат был отброшен; теперь Шапур и его армия решили не оставлять этого места, покуда Амида не будет стерта с лица земли, и не важно, сколько времени это займет.

В следующие два дня персидская легкая кавалерия прочесывала округу, уничтожая весь урожай в регионе. Затем Шапур поднял свой пламенно-красный флаг, давая своим войскам сигнал, что битва начинается. Амида была окружена линией щитов солдат, вставших в пять рядов. Персидский военный совет решил, что нападение на Амиду начнется со всех сторон одновременно. Основные народы — участники похода — тянули жребий, и через три дня после того, как погребальный костер княжича поглотил огонь, персы и их союзники оставили на заре свой лагерь и молча передвинулись на позиции для нападения на город (*Амм. XX, 6, 3*).

Грумбат и его хиониты по жребию получили восточный сектор — там, где погиб сын царя. Геланы выстроились для атаки на южные ворота, албаны — на северные, сегестаны — на западные. За боевыми линиями встали трофейные римские катапульты, и их персидские команды, натренированные пленниками-легионерами, навели их на город и стали заряжать. С городской башни Аммиан смотрел на то, как враг занимает свои позиции и с ним ряды боевых слонов — «морщинистые чудовища представляли собой ужасное зрелище». Аммиан и его товарищи не могли надеяться выжить: перед ними была такая огромная и решительно настроенная сила, и они «думали только о славной смерти». Все были согласны в том, что им суждено погибнуть в бою (*Амм. XIX, 2, 3—4*).

Однако в этот день персы не тронулись с места. Чтобы запугать обороняющихся, ряды персидских воинов стояли в абсолютной тишине целый день — даже лошади не ржали. В точно такой же тишине они удалились в свой лагерь на ночь. На заре следующего дня осаждающие вернулись и встали на свои прежние позиции. Но сегодня они

не собирались просто стоять и ждать. После того как царь Грумбат торжественно бросил в город окровавленное копье, атака началась; пехота и кавалерия ринулись к стенам под оглушительный звук труб.

В ответ римские катапульты, стоявшие вдоль стен, выстрелили. «Огромные камни из скорпионов раздавили множество врагов, пробив им головы. Одни усеяли своими телами землю, пробитые стрелами и пронзенные копьями; другие раненые быстрым бегством спешили назад к своим». Земля у города вскоре была усеяна трупами. Но защитники города также понесли тяжкие потери. «Стрелы стеной закрывали небо, и орудия, которыми овладели персы, разграбив Сингару, нанесли многим раны» (*Атт.* XIX, 2, 7–8). Персидские раненые часто возвращались в бой, перевязав раны, или звали своих товарищей оттуда, где лежали на поле боя, прося выдернуть стрелы, вонзившиеся в их тела.

Ночью атака не прекратилась. Персидские войска работали посменно у стен и удалились в лагерь лишь совсем поздно ночью. Каждый день все начиналось снова. Нападение длилось весь следующий день, пока после темноты персы не удалились в свой лагерь. Внутри города римские защитники Амиды, которые не умерли сразу от ран от стрел, медленно гибли от потери крови. Римлянам негде было хоронить своих умерших — они просто лежали на улицах. Как и можно было ожидать, в городе разразилась эпидемия. Через десять дней она прошла; защитники приписывали конец чумы тому, что ночью прошел дождь.

Между тем комит Урзицин добрался до Эдессы — римской штаб-квартиры региона. Здесь он попытался убедить комита Сабиниана послать с ним войска на помощь Амиде или, по крайней мере, как-то побеспокоить осаждающих, но Сабиниан показал письма от императора Констанция, который приказывал ему не подвергать риску войска, которыми он командовал, и отказался отпустить кого бы то ни было с Урзицином для освобождения Амиды. Урзицин был совершенно беспомощен: Аммиан сравнил его со львом, лишившимся когтей и зубов; ему оставалось только посылать к Амиде разведчиков, чтобы узнать, что там происходит в последнее время (*Атт.* XIX, 3, 1–3).

Осада продолжалась во время «раскаленной жары» летом. Персы научились искусству осады у римлян; ежедневные атаки лучников и пращников продолжались; они также строили защитные завесы, чтобы защитить своих людей, пытавшихся подорвать городские стены, и начали строить земляные насыпи, чтобы добраться до верха стен. Аммиан видел высокие деревянные башни, защищенные спереди железом;

они строились у подножия растущих насыпей; у каждой наверху была баллиста (*Антт.* XIX, 5, 1—2).

Два легиона, набранные Магненцием в Галлии, не получили никакой подготовки в использовании артиллерии; у этих галльских крестьян не было и никаких навыков постройки фортификаций. У них был опыт сражения в открытом поле (как говорит Аммиан), но в таком бою, в котором им теперь пришлось принять участие, они скорее были помехой, чем помощью. Много раз галлы выбирались из города, чтобы беспокоить строителей насыпи, и тут же бежали назад, убив нескольких из них и вызвав панику. Галльские легионеры были, как говорит Аммиан, отважны и свирепы, но их безрассудные попытки мало чего могли достичь: это было все равно что вылить на огонь пригоршню воды; в результате только уменьшилась их численность. В конце концов офицеры галлов запретили им снова делать вылазки, и на ворота даже пришлось поставить дополнительные запоры, чтобы удержать их внутри (*Антт.* XIX, 5, 2—3).

Хотя у подножия цитадели Амиды бурлил источник свежей воды, в скале выдолбили туннель, который вел из башни на юго-восточном углу города к реке Тигр, чтобы в случае необходимости жители могли получать воду. Один римский дезертир знал про этот туннель, и теперь он повел семьдесят лучников из числа телохранителей Шапура ко входу в него. Ночью эти люди пробрались вверх по туннелю, вошли в башню и расположились на ее верхнем, третьем этаже. Когда солнце встало, они замахали красным плащом, сигнализируя персам, что они заняли свои позиции. Когда персидская армия снова пошла на штурм и волны атакующих рванулись к стенам, вооруженные осадными лестницами, лучники, которые проникли в башню, стали стрелять вниз, в город, со смертельной точностью, вызвав в Амиде панику.

Сначала римляне не могли понять, откуда сыпется этот опустошительный дождь стрел. Как только персов разглядели на юго-восточной башне, Аммиан оказался среди тех, кто получил задачу переместить пять баллист на стоящие рядом башни. Используя их, римляне смогли уничтожить персидских лучников копьями из баллисты. Лишенные прикрытия, видя, как товарищи гибнут рядом с ними, некоторые из персидских лучников стали прыгать с башни, погибая на прибрежных скалах внизу. Вскоре башня была очищена, однако диверсантам удалось убить многих людей в Амиде.

Между тем снаружи многим персам удалось добраться до стен и подставить лестницы, сражаясь в рукопашном бою с защитниками

укреплений. Пять перенаправленных баллист теперь обратились на персов, очистив стены от нападающих к полудню. Персы остановили атаку на оставшийся день и вернулись к своим позициям.

На следующий день из находившейся на возвышенности центральной цитадели Амиды можно было увидеть, как длинную цепь пленников ведут в персидский лагерь вниз. Отряды из армии Шапура захватили множество крепостей в этой области, в том числе и большое укрепление под названием Зиата, чьи стены были длиной больше 3 миль (4,8 километра). Оставив укрепления Зиаты гореть, персы привели тысячи римских пленных на осаду Амиды. Многие из пленных были пожилыми мужчинами и женщинами; тем, кто не мог поспевать за колонной и падал у дороги, персы подрезали икры или подколенные сухожилия, чтобы они уже не могли спастись и умерли от голода там, где упали. Со стен Амиды все это можно было видеть.

Галлы из двух легионов Магненция, горячие головы, пришли в бешенство при виде того, как враг обращается с пленными, и оттого, что пали соседние крепости; они попытались разбить деревянные балки на воротах, используя свои мечи. Это убедило командиров в Амиде, что надо позволить галлам сделать то, что они хотят: им приказали устроить ночную атаку на персидские аванпосты, которые находились чуть далее расстояния полета стрелы от города, и затем пробиваться вперед: они должны были вызвать внутри стен огромного персидского лагеря столько суматохи, сколько смогут. Галлы поторопились к себе на квартиры, чтобы подготовиться к заданию.

Ночь, выбранная для рейда галлов, была хмурой и безлунной. Ранним утром тихо открылись задние ворота, и наружу проскочили люди из двух легионов, вооруженные мечами и боевыми топорами — своим любимым национальным оружием. Без единого звука они пробрались к персидским аванпостам. Стражей быстро убили на месте. Персы из сторожевых подразделений, которые в тот момент были свободны и спали в своих постелях рядом, были убиты во сне. Галлы планировали пробраться до самой резиденции царя Шапура, но, когда они прошли через ворота в персидской стене, построенной из мешков с песком, тревога все же поднялась. Персы схватились за оружие и напали на атакующих, проникших в персидский лагерь.

Лицом к лицу с разъяренными персами со всех сторон, галлы построились и держались как могли. В ночи летели тучи стрел, убивая многих галльских легионеров. Медленно они стали отступать из лагеря к городским стенам, пятясь назад, сражаясь на пути, ритмично, «шагая

как бы в такт звукам лагерных труб», писал Аммиан. Трубы персов играли тревогу по всему огромному лагерю, когда галлы отходили к городу, и на каждом шагу кто-нибудь из них падал, пронзенный стрелой (*Амм.* XIX, 6, 9).

На городских стенах Аммиан и другие римляне, затаив дыхание, следили, чем же кончится атака. Поняв, что галлы возвращаются, защитники крепости открыли им ворота, а на стенах артиллерия «стояла приготовленной» — они двигались, как будто бы стреляли, но не выпускали снарядов, так что галлы не могли пострадать от выстрелов своих. Преследовавшие их персы, слыша знакомый звук ударов катапульт, отошли и прижались к земле. Это дало галлам достаточно времени, чтобы бежать через открытые ворота; как раз всходило солнце. До того как преследователи-персы успели добежать туда, ворота снова быстро закрыли.

Этот рейд стоил галлам 400 убитых, и многие из возвратившихся были ранены. Среди убитых были старшие офицеры обоих легионов, их префекты и трибуны. До этой миссии офицеры пытались удержать легионеров, но, когда подразделения получили задание проникнуть в лагерь противника, офицеры были на переднем краю боя и заплатили за него своей жизнью. Когда император Констанций услышал об отваге павших офицеров, он приказал соорудить их статуи в полном вооружении и поставить в столице провинции — Эдессе.

Как только солнце встало, персы, осмотрев тысячи убитых на аванпостах и в лагере, нашли офицеров — вельмож и сатрапов — среди убитых; горестный крик поднялся со всех сторон. Шапур послал весть римским командирам: он попросил три дня перемирия, чтобы подобающим образом похоронить своих людей, и его просьба была исполнена.

У римлян появилось время передохнуть и сделать смотр своим силам. В двух местах вне города персидские пехотинцы медленно возводили земляные насыпи. Чтобы противостоять им, внутри города, как только прекращались военные действия, защитники строили свои собственные насыпи напротив персидских, так чтобы значительное число римлян смогли встретить врага на равных, если они перейдут через стену в этих местах. Работа над римскими насыпями шла непрерывно в ходе всего трехдневного перемирия. Однако римляне знали, что, как только персидские насыпи будут закончены, они превратятся в нечто вроде наклонных шоссе в саму Амиду, позволяя нападающим хлынуть в город десятками тысяч. Конец Амиды можно было отложить, но не предотвратить.

Когда перемирие закончилось, персидская атака возобновилась с новой силой; персы твердо решили отомстить за погибших товарищей. Одетые в железо персидские башни теперь подкатили туда, куда уже могли достать выстрелы артиллерии, и персидская пехота покатила вперед деревянные прикрития на колесах. Другие заняли позиции за передвижными плетеными щитами. Вся персидская армия, казалось, сгрудилась вокруг города правильными, дисциплинированными рядами пехоты и кавалерии. Персидские трубы издали «тихий звук», под который нападающие пошли вперед с торжественной мерностью, а не безумными рывками, как раньше. Как только медленно приближавшиеся ряды врага оказались на расстоянии доступном для выстрела, поднятые на стены римские катапульты открыли огонь. «Почти ни один снаряд не падал понапрасну. Даже катафракты пришли в расстройство и своим отступлением придали нашим бодрости». Персидские ряды были расстроены, и уже не в боевом порядке они стали отвечать на выстрелы стрельбой из луков. В то же самое время баллисты, поднятые на верх двух массивных осадных башен, которые были даже выше башен самой Амиды, нанесли тяжкий урон — «на нашей стороне кровь лилась ручьями», писал Аммиан, когда они стреляли с огромной высоты. Кровавая битва шла весь день. Атакующих снова отбили, и на закате они отошли (*Амм.* XIX, 7, 4—5).

Той ночью комит Элиан и выжившие римские офицеры устроили военный совет, чтобы попытаться разработать тактику против баллист на вражеских башнях. Обсудили множество предложений, но в конце концов пришли к тому, что следует тихо переместить четыре катапульты, мечущие камни на стены непосредственно против вражеских башен, откуда они и начнут стрелять на рассвете.

Стараясь не издать ни звука, римляне переставили орудия. Это «требовало большого искусства», как говорит Аммиан, ибо, чтобы тактика сработала, персы не должны были знать, что с наступлением зари римская артиллерия окажется на таком расстоянии, когда выстрел должен оказаться успешным. Как только первые отблески зари озарили небо, защитники крепости увидели, как внизу строятся ряды персидских воинов при поддержке трубивших боевых слонов. Пока сонные персидские артиллеристы на осадных башнях поняли, что происходит, четыре римские катапульты выстрелили по обеим башням. Массивные камни полетели в воздух; это немедленно возымело эффект. Деревянная основа башен покачнулась, и башни рухнули; обе баллисты и их команды оказались на земле, и те и другие были уничтожены (*Амм.* XIX, 7, 6).

Затем римские катапульты нацелились на персидских слонов, обстреляв их потоком горящих стрел. Если пламя касалось слона, то зверь поворачивался и в ужасе бежал; погонщик уже не мог управлять им. Затем горящие стрелы выпустили в обломки двух рухнувших башен, и скоро они уже горели. Царь Шапур решил, что события оборачиваются достаточно плохо, чтобы он сам должен был вступить в битву — неслыханное дело, говорит Аммиан: персидские правители обычно никогда не принимали участия в бою. Большая группа телохранителей Шапура только привлекла внимание римлян к царю, и огонь артиллерии нацелился на царскую свиту. В то время как многие вокруг него были сражены римскими снарядами, Шапур был вынужден уйти с линии огня. Однако осада продолжалась; после полудня персы бросили в бой свежие подразделения.

День за днем битва продолжалась таким же образом, пока фокус внимания не переключился на две персидские насыпи и противостоявшие им римские насыпи внутри стен; лучники на обеих насыпях сражались друг с другом через разделявшую их пропасть. Но затем удача оставила осажденных. Одна из их земляных насыпей, расположенная значительно выше стены, чтобы соответствовать вражеской насыпи напротив, рухнула по направлению к стене. Земля из рухнувшей римской насыпи заполнила пробел между персидской насыпью и стеной, создав мост между ними. Нападающие пошли на персидскую насыпь и через этот «мост» десятками тысяч. Защитники крепости рванулись туда: образовалась такая толпа, что они мешали друг другу.

Последовала беспорядочная рукопашная, в которой все решало оружие; персы рекой хлынули через стену в Амиду. Обезумевшие персы бежали по улицам города. Вооруженные и безоружные, женщины и мужчины погибали «как скотина» от рук персов. Приближалась ночь, и большая часть выживших римлян — защитников города собралась в одно место для последней обороны — в цитадели. Между тем Аммиан оказался отрезанным от основной части своих товарищей. С двумя простыми римскими солдатами он спрятался в «глухой части города». Ночью все трое тихо выбрались из задних ворот и бежали. За их спиной были уничтожены последние защитники цитадели, и Амида пала под натиском персов.

Пройдя 10 миль (16 километров) от Амиды, Аммиан и его два спутника добрались до почтовой станции *Cursus Publicus Velox*. Но все лошади уже были разобраны. «Я уже изнемогал от длительной ходьбы, как непривычный к этому человек благородного звания», —

пишет Аммиан, и он уже не надеялся, что может продолжить бегство пешком. Тогда — Аммиану повезло — три беглеца нашли лошадь. Какой-то конюх воспользовался ею в попытке сбежать. Поскольку у коня не было седла, то беглец обвязал поводья вокруг талии, чтобы удержаться на коне. В какой-то момент он упал, и перепуганный конь протащил его через лес и через пустыню. Конюх превратился в кровавое месиво и, конечно, был мертв. Отделив труп от лошади, Аммиан сел на нее, и солдаты повели молодого офицера и его коня на запад (*Амм.* XIX, 8, 6).

У источника по дороге троица нашла глубокий колодец. Тут все трое сняли свои военные туники и разорвали их на полоски, чтобы сделать веревку. Один из солдат затем снял шапку, которую носил под шлемом для удобства; ее привязали к концу веревки, которую опустили в колодец. Таким образом, они смогли утолить мучившую их жажду. Беглецы добрались до реки Евфрат к северу от Эдессы и, увидев отряд римской кавалерии, который ожесточенно преследовала большая группа персидских всадников, поняли, что некоторые подразделения персов уже дошли до Евфрата.

Продолжая прятаться под деревьями и в кустах, троица продолжала пробираться на север по реке в город Мелитену — тогда столицу провинции Малая Армения; долгое время он был базой XII Молниеносного легиона. Оттуда Аммиан и его спутники присоединились к офицеру, направлявшемуся в Антиохию, где Аммиан и сообщил о падении Амиды. Впоследствии Аммиан стал известным римским историком.

В Амиде царь Шапур распял комита Элиана и выживших римских трибунов. Персидские войска обыскивали город: они искали любых военных, которые служили римлянам к востоку от Тигра, и их казнили вне зависимости от ранга. Нескольких офицеров, которые служили в штабе магистра конницы на Римском Востоке и с протекторами, увели в плен со связанными за спиной руками, как и сдавшихся бойцов многочисленных отрядов, которые защищали Амиду. Все они стали рабами персов.

Семь легионов приняли участие в защите Амиды, и с падением города все семь перестали существовать. Такие легионы, как XXX Ульпиев, созданный Траяном в 103 году н. э., и более недавно набранный V Парфянский, мгновенно исчезли из списка существующих легионов Рима. С ними в небытие отправились и недолго существовавшие легионы, набранные для безуспешной обороны Сингары и при галльском

мятеже Магненция. Теперь их бойцы погибли или попали в рабство к парфянам. Это было поражение, которое по своему масштабу превышало позорный разгром Красса при Каррах в 53 году до н. э. и шок от уничтожения трех легионов Вара в Тевтобургском лесу в 9 году н. э.

Некогда римские историки хвалились тем, как римские легионы успешно проводили осады — от Алезии до Иотапаты. В 70 году четыре легиона захватили Иерусалим после кровавой осады, длившейся все лето. Теперь, 289 лет спустя, все было наоборот. Сейчас уже варвары, научившись искусству осады у римлян, применили эти навыки и стали победителями.

Персы увели из Амиды многие тысячи римских пленных и разграбили город, перед тем как полностью его сжечь. Однако семьдесят три дня, которые понадобились на завершение осады, отняли у Шапура все лето и многие тысячи людей: Аммиан отмечал, что, по подсчетам одного римского чиновника, 30 тысяч персов лишились жизни во время осады Амиды (*Ант.* XIX, 9, 9). К тому времени, как все было кончено, уже настал октябрь, и Шапуру было слишком поздно идти к Евфрату. Забрав с собой пленных и добычу, персы и их союзники перебрались обратно на восточный берег Тигра и ушли домой. Но они еще вернутся.

360—363 годы н. э.

LXXII

ПОТЕРЯ МЕСОПОТАМИИ

Падение Сингары и Безабды

Когда император Констанций бросил войска на Восток, пытаясь закрыть брешь, оставленную потерей семи легионов, план Антония, по которому персы должны были занять весь Римский Восток, был отброшен. Однако весной 360 года н. э. персы и их союзники вернулись в римскую Месопотамию; численность их войска возросла за счет новых рекрутов, и они везли с собой новое осадное оборудование. Шапур и его люди приобрели вкус к победе и грабежу, и перед тем, как они могли заглянуть на другой берег Евфрата, оставалось еще много римских крепостей, с которыми надо было разобраться.

Первой их целью стала Сингара, которую Шапур осаждал уже много раз за предшествующие четырнадцать лет. В это время он твердо

решил насовсем отнять у римлян этот город. В Сингаре с конца Парфянской кампании Септимия Севера в 199 году н. э. базировался I Парфянский легион. После того как в 337 году н. э. начались Персидские войны, к I Парфянскому присоединился I Флавиев легион, созданный, возможно, Констанцием или еще его отцом Константином (первое имя обоих было Флавий), и в последнее время к ним присоединилось еще и несколько кавалерийских отрядов.

После нескольких дней сражения у стен Сингары Шапур на закате привел «самый сильный таран». Он был поставлен против круглой башни, которая уже была разбита во время последнего персидского нападения на Сингару двенадцатью годами раньше. С тех пор римляне починили брешь, но Шапур рассудил, что башня уже ослаблена предыдущим обрушением, и это действительно оказалось так. Массивный таран обрушил башню, и персидские орды ринулись через пролом. Город был быстро взят. Большая часть легионеров из I Парфянского и I Флавиева были взяты живыми. Их «увели... со связанными руками», как рабов, в самые отдаленные области Персии (*Антт.* XIX, 6, 6; 8).

Теперь персы перешли к городу Безабда близ Тигра (сегодня Чизре в Юго-Восточной Турции), городу, стоявшему на горе и огражденному прочными стенами. Безабду защищал братский легион I Парфянского — II Парфянский. Это подразделение было переведено со своей удобной базы в Альбе Лонге близ Рима Константином Великим в 312 году н. э. после его победы у Мульвиева моста. Затем их послали в самые отдаленные области империи в наказание за то, что они поддерживали Максенция — врага Константина. В Безабде ко II Парфянскому легиону присоединился II Флавиев и еще один, относительно новый легион — II Армянский. В гарнизоне также было много стрелков из Забдицены — области, в которой был построен город Безабда.

После того как римские защитники крепости отвергли предложение о сдаче, персы начали осаду Безабды и попытались привести в действие несколько таранов. На крутом склоне, перед лицом ожесточенного сопротивления защитников, которые осыпали персов камнями, стрелами и зажигательными снарядами, только самому большому тарану, который был покрыт мокрыми воловьими шкурами (их нельзя было зажечь), удалось повредить стену. Но все-таки неизбежным образом таран «со своим огромным острием» ослабил одну из башен в стене: она обрушилась и пала (*Антт.* XX, 7, 14).

Как обычно, персидские захватчики ринулись через пролом, образованный падающей башней. «Толпы врагов и наших бились врукопашную», — пишет Аммиан (*Ант.* XX, 7, 14). Оказавшиеся в огромном меньшинстве защитники были побеждены; обезумевшие персы носились по городу, убивая всех, кто попадался им на пути, — мужчин и женщин, и Безабда была безжалостно разграблена. Но в отличие от Амиды и Сингары город не был уничтожен полностью. Шапур решил сохранить и укрепить Безабду как персидскую крепость. Между тем из сдавшихся легионеров и выживших гражданских лиц в Безабде «огромная толпа пленных» была приведена в персидский лагерь. II Парфянский легион и другие подразделения вместе с ним перестали существовать.

Notitia Dignitatum, которая, как считают некоторые ученые, была пересмотрена отчасти около 420 года н. э., все еще считает I и II Парфянский легионы в это время частью гарнизона под командованием дукса Месопотамии наряду с двенадцатью кавалерийскими подразделениями и двумя когортами вспомогательных пехотинцев, в том числе и «забденориев». Аммиан свидетельствует, что эти легионы погибли в Амиде и Сингаре. Перечисление в *Notitia Dignitatum* для Месопотамии, судя по всему, отражает ситуацию там до Персидских войн Констанция — то есть до 337 года н. э. Ведь в то время, когда *Notitia Dignitatum*, как считается, в последний раз была пересмотрена, римская провинция Месопотамия уже много лет как перестала существовать.

В 361 году Констанций прибыл на Восток с большой армией. Обвинив комита Урзицина за потери в Месопотамии и уволив его, Констанций лично повел свое войско в Месопотамию. Он рыдал над руинами Амиды и попытался осадить занятую персами Безабду. Но в отличие от римлян до них персидским защитникам удалось удержать крепость. Приближался сезон дождей, и римская армия, не в состоянии достигнуть того, чего удалось добиться персам в том же самом месте годом раньше, отказалась от осады Безабды и удалилась в Сирию.

Констанций умер в 361 году н. э. Он как раз собирался вернуться обратно на Запад, поскольку его кузен и заместитель Юлиан был провозглашен императором войсками в Галлии в пику ему, Констанцию. Юлиан, одержавший победу над германцами при Аргенторате в 357 году, стал единоличным новым императором. Юлиан — которого позднейшие историки именовали Юлианом Отступником, ибо он лично отказался от христианства, — увольнял христиан из римской армии, где он пользовался огромной популярностью. Юлиан начал там, где остановился на Востоке Констанций, и повел свою армию, чтобы вернуть Месопотамию.

Но 26 июня 363 года, пробыв императором всего двадцать месяцев, 31-летний Юлиан умер, ведя римскую армию из 65 тысяч человек в кровавой, но в конце концов ничего не решившей битве против армии Шапура Великого в самой Персии. Ринувшись в бой без доспехов, Юлиан был смертельно ранен копьем, пущенным персидским катафрактом, — оно пронзило его печень.

Оказавшись в сердце Персии без вождя и командования, римская армия поспешно провозгласила наследником Юлиана 30-летнего Иовиана, который мало чем мог оправдать свои претензии на трон — это был среднего ранга командир телохранителей, сын бывшего комита. Иовиан немедленно согласился на требования своего окружения, чтобы римская армия ушла из Персии и Месопотамии.

Так что летом 363 года н. э., через четыре года после падения Амиды и три года после падения Сингары и Безабды, новый римский император Иовиан сдал пять римских провинций в Месопотамии и Южную Армению царю Шапуру Великому и отказался от всех притязаний на пятнадцать ключевых крепостей, в том числе Нисибис и Сингару. Преследуемая персами всю дорогу, римская армия удалилась за Евфрат.

Через восемь месяцев после вступления на трон умер и сам Иовиан; ему, в свою очередь, наследовал Валентиниан, который служил трибуном кавалерии при Юлиане в битве при Аргенторате. Однако Восток уже непоправимо пострадал: римская Месопотамия перестала существовать, как и те легионы, что безуспешно пытались защитить ее, ушли в небытие.

Всего лишь за три осады в 359 и 360 годах персы лишили Рим двенадцати легионов. Многие авторы считают, что численность легионеров в каждом легионе была значительно меньше, чем в эпоху ранней империи. Гиббон говорил, что легионы этого времени были «небольшого размера, к которому они были сведены при Константине». Легионы численностью от 2 до 3 тысяч человек в это время, видимо, были нормой (*Gibb. XIX*).

Таких потерь живой силы и оборудования из-за персов в сочетании с потерей римских воинов в бесконечных мятежах внутри империи в IV веке нельзя уже больше было выносить. В течение полувека истощение ресурсов Рима должно было значить, что уже нельзя будет позвать лишние подразделения из дальних провинций, когда на Западе начался кризис. Римскому Востоку приходилось вести свои собственные битвы. Лишь блестящее полководческое искусство могло удержать бесчисленных врагов империи на пути в Рим.

378 год н. э.

LXXIII
БИТВА ПРИ АДРИАНОПОЛЕ

Уничтожение легионов Валента

Легионы, сократившиеся в числе, лишённые платы и провианта, оружия и дисциплины, трепетали при приближении и даже при одном имени варваров.

Эдвард Гиббон.

Упадок и разрушение Римской империи. XIX

С 364 года н. э. Флавий Валент стал императором-соправителем, правившим на Востоке; его столицей была Антиохия в Сирии, в то время как его старший брат Валентиниан I был императором Запада. Валентиниан провел большую часть своего царствования в Галлии, где сражался с вторгшимися туда германцами.

Валент в прошлом командовал римскими армиями с переменным успехом. Дважды — в 367 и 369 годах — он одерживал победы над визиготами к северу от Дуная на территориях, которые некогда были римской провинцией Дакия. А на Востоке он одержал победу над персами в Месопотамии перед тем, как быть вынужденным уступить свою территорию и уйти. Теперь 49-летний Валент твердо решил снова победить визиготов, опустошавших Фракию и угрожавших соседнему Константинополю.

Загнанные за Дунай территориальным распространением народа гуннов, пришедшего из-за реки Волги, визиготы в 376 году достигли соглашения с полководцами Валента, которые позволили им поселиться в римской Мёзии и Фракии к югу от Дуная. Но во Фракии местные жители были недовольны их присутствием, и Валент решил переселить беженцев в Азию. Визиготы, чья религия была связана с Дунаем, который они считали священным, отказались переезжать. Поэтому население Адрианополя во Фракии решило взять дело в свои руки. Адрианополи, названный в честь императора Адриана, — современный город Эдирне в европейской части Турции. Жители Адрианополя пытались силой выгнать поселившихся неподалеку визиготов. Этот поступок привел к совершенно обратному результату: визиготы взбунтовались, на некоторое время осадили Адрианополи и стали опустошать сельскую Фракию.

Дважды полководцы Валента сразились с кочевавшими с места на места визиготами — битвы были кровавыми, но ничего не решились. Когда визиготы получили подкрепление от родственного им племени остроготов и других союзников к северу от Дуная и обратили свое внимание на Константинополь, Валент вышел из Антиохии в Константинополь со значительной частью восточной армии, послав на Римский Запад за подкреплением.

Римским императором на Западе в это время был племянник Валента Грациан, который наследовал Валентиниану после его кончины в 375 году. Теперь Грациану было 29 лет, и он прославился в Галлии, командуя армией при отражении набега алеманнов, которые недавно снова перешли через Рейн. Как раз перед тем, как получить от дяди просьбу о помощи, Грациан нанес решительное поражение лентиенсам — ветви алеманнов в Хорбурге близ Рейна. С Рейна юный Грациан отправился во Фракию, планируя повести часть своей армии на объединение с Валентом во Фракии, чтобы провести совместное решительное наступление на готов.

В июле, когда основная часть визиготов, как известно, стояла лагерем близ Адрианополя, старший полководец Валента Себастьян отправился в Адринополь с авангардом армии Валента. Он выбрал 300 человек из каждого легиона и послал их вперед, чтобы уничтожить большой отряд визиготских разбойников, который заметили его разведчики. Легионеры выполнили задание и отбили столько добычи у убитых визиготов, что она вся не поместилась в Адрианополе. Между тем император Грациан, спеша на Восток со своими войсками, чтобы объединиться с Валентом, задержался в Паннонии, когда на его колонну напали скифы из племени аланов.

Согласно римскому автору Аммиану, который был офицером римской армии при трех предыдущих императорах, Валент ревновал к военному успеху своего племянника против алеманнов и ревновал даже к первоначальному успеху своего полководца Себастьяна на дороге в Адринополь (*Амм.* XXXI, 12, 1). Итак, он отправился с основной частью своей армии, намереваясь продемонстрировать свою отвагу в укрощении готов. Когда он приближался к Адрианополю со своими войсками, маршировавшими в боевом строю, его разведчики сообщили, что медленнодвигающаяся колонна готских повозок пробирается через перевалы в холмах к северу и находится примерно в 15 милях (24 километрах) от Адрианополя. Если верить разведчикам, то в этом караване было 10 тысяч готских воинов и члены их семей.

Дойдя до Адрианополя в первую неделю августа, Валент приказал своим войскам построить лагерь у города со рвом и насыпью, утыканной деревянными кольями на старый римский лад. Здесь, в своем адрианопольском лагере, Валент с нетерпением ожидал прибытия Грациана и его армии: к нему присоединился Рихомер, комит доместиков Грациана. Комит Рихомер привез письмо от Грациана, в котором западный император уверял дядю, что скоро присоединится к нему, и убеждал ничего не предпринимать до его прибытия.

В жаркий августовский день в палатке Валента у Адрианополя проишошел военный совет; Валент спрашивал у своих подчиненных, что делать дальше. Ждать ли Грациана или атаковать готов немедленно? Себастьян уговаривал императора не ждать, а немедленно напасть на готов; так считали и некоторые другие военные. Однако Виктор, магистр всадников, сармат по происхождению, посоветовал императору ждать прибытия армии Грациана из Галлии; в этом его поддерживали многие другие офицеры.

В действительности Валент совсем не хотел делить победу с племянником. Он хотел атаковать немедленно. Император решил последовать совету Себастьяна; может быть, он напомнил своим придворным о том, как Константин Великий одержал великую победу при Адрианополе в 324 году н. э., разгромив своего соперника Лициния, и стал императором всей Римской империи. Эта славная победа, возможно, подбодрила «ястребов» среди советников Валента: они считали, что именно в этом месте Валент должен завоевать столь же великую славу. Итак, были изданы приказы для армии готовиться к битве на следующий день.

Приготовления шли своим чередом, и один старец-христианин явился послем от Фритигерна, царя визиготов из племени тервингов; он передал Валенту письмо от Фритигерна, где говорилось, что если Валент подарит его племени всю Фракию вместе со всеми урожаями и стадами, то он гарантирует долгосрочный мир между визиготами и римлянами. Валент отослал посла.

На заре 9 августа армия Валента вышла из ворот лагеря у Адрианополя в боевом порядке. Согласно некоторым современным авторам, в этой армии было 60 тысяч человек (*Warry. WCW*). Кавалерия шла по дорогам, а пехотинцы маршировали по полям; «соответствующая охрана из легионов» была оставлена в лагере: там была императорская сокровищница Валента, личные инсигнии императора, личные вещи легионеров и багаж армии (*Ann. XXXI, 12, 10*). Эти легионы должны

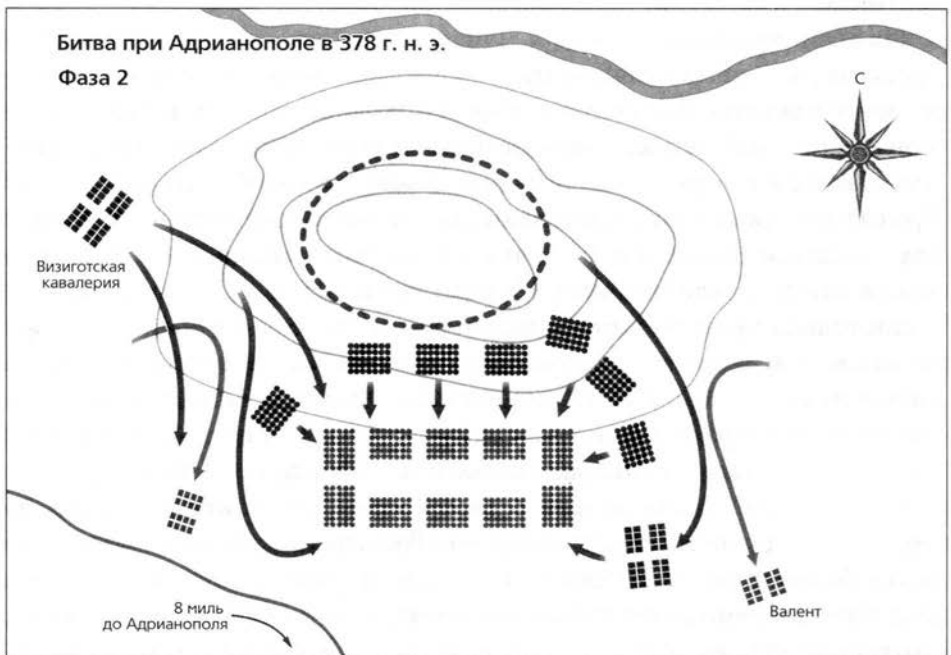
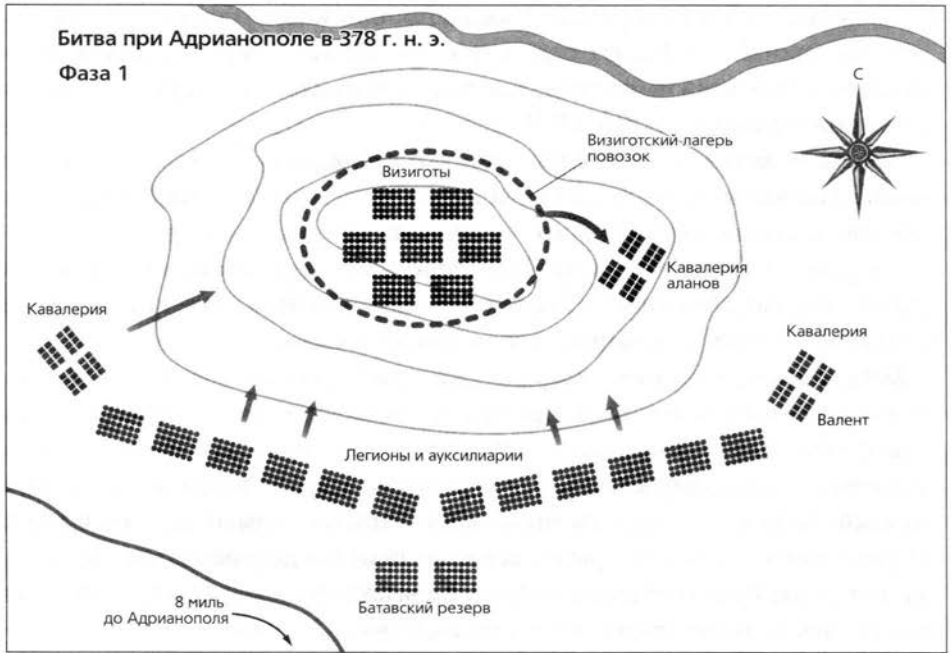
были также охранять оружие в адрианопольском арсенале, поскольку Адрианополь был как раз одним из тридцати четырех городов, разбросанных по всей империи, где тогда находилась государственная оружейная фабрика (*Gibb. DFRE. XVII*).

Валент получил от своих разведчиков сообщение, что враг сформировал большой круг из повозок на холме за несколько миль от римлян. Именно к этому лагерю на холме римляне и шли все утро, по неровной дороге в страшную жару. Примерно в два часа дня воины римской армии увидели огромный круг готских повозок на холме впереди; она выглядела словно деревянная стена вокруг склона.

Хотя его люди были на марше уже примерно восемь часов, устали, хотели пить и есть, Валент приказал строиться в боевой порядок. Римские трубы заиграли приказ, и пехота встала в строй, занимая позиции, отведенные каждому отряду на утреннем совете. Ведущие элементы римской кавалерии должны были занять правое крыло. Другие воины, отправленные на левое крыло, все еще шли по деревенским дорогам, так что левое крыло еще полностью не выстроилось. В центре римская пехота стояла и смотрела через сожженную равнину, которая отделяла их от визиготов; глашатаи, дующая в рог, призывали воинов строиться по тысячам у их повозок. Римляне начали ритмично ударять своими дротиками и копьями по щитам.

Из визиготского лагеря царь Фритигерн опять отправил посланцев, прося мира, но Валент снова отослал их, заявив, что о мирном договоре могут говорить только люди соответствующего ранга. Тогда Фритигерн послал сообщение, чтобы несколько римлян высокого ранга явились к нему в лагерь, чтобы обсудить условия мира. Валент не знал, что Фритигерн просто старается выиграть время. Визиготской кавалерии под командованием царя Сафрака и Алафея из племени гревтунгов не было в лагере; очевидно, они собирали корм для лошадей по соседству, и, как только приближение римской армии было замечено, Фритигерн послал к ним гонцов: те скакали галопом, стараясь найти конницу и привести ее на помощь соплеменникам. Римские вожди обсуждали, кто должен отправиться послом к Фритигерну, и Рихомер, тот самый комит доместиков Грациана, вызвался идти в готский лагерь.

Когда Рихомер собирался выехать к массивному кругу повозок на холме, некоторые из солдат конницы Валента, очевидно стоявшие на левом флаге римлян, потеряли терпение и рванули в атаку по своей воле по наущению своих слишком самоуверенных офицеров. Эти люди, армянские конные лучники из комитата армянских лучников под ру-

ководством трибуна Бакурия из Иберии в Северной Армении и эскадрон кавалеристов-скутариев под руководством трибуна по имени Кассион, напали на линию повозок и завязали бой с визиготами. Но они встретились с таким дождем стрел и других снарядов, что, поджав хвост, поскакали галопом прочь всего через несколько минут; это отнюдь не способствовало поднятию духа остальной римской армии.

Теперь прибыла готская кавалерия под командованием Сафрака и Алафея в сопровождении союзников-аланов и ворвалась в задние ряды римской армии. Валент не выслал кавалерийских патрулей, которые могли бы предупредить его о прибытии к врагу подкреплений, — это значило, что он и его армия были полностью захвачены врасплох, когда готская кавалерия атаковала стоявшую в боевом порядке армию и сметала римских солдат на своем пути. Атака разбила ряды римлян; последовало несколько сражений.

Римская пехота и некоторая часть кавалерии схватились с готской кавалерией. На левом фланге римская пехота по своей инициативе пошла к линии повозок. Однако римская кавалерия на левом фланге была настолько дезорганизована поспешной атакой Бакурия и Кассиона, что у пехоты не было поддержки кавалерии. Они встретились с волной готов, которые вышли из линии повозок, словно вода из рухнувшей плотины, и затопили римский левый фланг. Среди римской пехоты возникла такая давка, что «трудно было пустить в ход меч и отвести руку» (*Gibb. DFRE. XVII, 13, 2*). Сражающиеся подняли тучу пыли, и видимости не было почти никакой. Это помешало римским пехотинцам видеть готские стрелы, которые тучами летели от линии повозок, убивая или ранив их тысячами.

Описывая битву, Аммиан говорит, что и римляне, и готы сражались боевыми топорами, которые стали обычным оружием пехотинцев: «Взаимные удары секир пробивали шлемы и панцири». Он говорит о готах, у которых были подрублены сухожилия или отрублены правые руки, но которые все еще продолжали сражаться с отчаянной смелостью. По его словам, один гот, у которого был насквозь пронзен бок и уже умиравший, все еще «грозно вращал свирепыми глазами». Римляне со сломанными копьями, не видя никакого пути к спасению, бросались на врага с мечами, намеренные дорого продать свою жизнь (*Gibb. DFRE. XVII, 13, 4*).

Ряды римлян были полностью разбиты натиском готов с холма. Численность 10 тысяч готских воинов, о которой сообщили разведчики Валента, печальным образом оказалась очень и очень далека от дей-

ствительности. Современные историки считают, что в тот день там было около 200 тысяч готов — мужчин, женщин и детей и до 50 тысяч из них были воинами, которые приняли участие в битве (*Warry. WCW*). Они не только почти сравнялись с римлянами по численности: в пользу готов был и элемент неожиданности — внезапное появление на поле боя кавалерии и затем натиск пехотной атаки из-за рядов повозок на холме.

По всему полю боя, усеянному трупами, ряды римлян рассыпались и воины бежали. Валента, который никогда не внушал своим войскам особой преданности, оставила даже большая часть императорских телохранителей. В центре римской линии два римских легиона продолжали нестибаемо удерживать свои позиции. Одним из них был легион маттиариев (маттиарии старшие или маттиарии младшие) — это был палатинский легион. Другой палатинский легион состоял из пеших копейщиков — ланциариев (старших или младших). Все палатинские легионы считались элитными подразделениями, и им платили больше, и они получали больше монарших милостей, чем остальные подразделения. Валент укрылся среди этих стойких, но окруженных врагом легионов, продолжавших отбивать каждую атаку варваров.

Увидев императора с этими двумя легионами, старый комит Траян, бывший главнокомандующий войском Валента, который уже ушел в отставку и был вновь призван Валентом для этой кампании, закричал со своего коня, что раз Валента оставили даже его телохранители, то вся надежда потеряна, если только он не призовет иностранные вспомогательные подразделения, которые разместил в резерве.

Валент согласился, и при всем этом грохоте битвы Траян велел сармату Виктору, своему магистру конницы, скакать что есть мочи и призвать батавских ауксилиариев, славившихся своей храбростью, которые как раз находились в резерве (батавы старшие и батавы младшие), а также палатинские вспомогательные подразделения. Полный решимости выполнить задание, Виктор повернул коня и прорубился через ряды окружавших их со всех сторон визиготов, но, когда он добрался до того места, где должны были бы стоять войска батавов, их не было видно. Они также бежали. И Виктор продолжал скакать (*Warry. WCW*).

Битва, которая бушевала всю вторую половину дня, продолжалась и в сумерках. И затем пала ночь — черная и безлунная. Когда она наступила, битва завершилась. Римская армия была уничтожена. Аммиан полагал, что не больше чем трети войск в армии Валента удалось спасти свою жизнь. Современные ученые считают, что римляне по-

теряли 40 тысяч человек (*Warry. WCW*). Конечно, потери римлян были очень велики. Аммиан пишет, что все дороги были забиты погибшими и умирающими; «вместе с ними заполняли равнину целые валы убитых коней вперемежку с людьми» (*Амм. XXXI, 13, 11*).

Самые старшие по званию командующие Валента, комиты Себастьян и Траян — по инициативе одного сражение было начато так рано, другой оставался с императором до последнего, — оба пали в бою. В кровавом разгроме, который стали называть «битвой при Адрианополе», погибло тридцать пять римских трибунов. Одним из римских офицеров, павших в тот день, был Потенций, трибун, «совсем еще юноша», командовавший палатинским конным подразделением промотов старших, который, очевидно, состоял из людей, выдвинутых (*promoti*) из других подразделений. Потенций, видимо, был личным другом историка Аммиана, поскольку он был сыном бывшего начальника Аммиана, комита Урзицина, который был главнокомандующим при императоре Констанции II (*Амм. XXXI, 13, 18*).

Что касается императора Валента, то его никто уже больше не видел — ни живым, ни мертвым. Аммиан повторяет историю, которую рассказал один младший офицер из числа кандидатов, поведав о судьбе императора. Воин сообщил, что Валент, хотя и был ранен стрелой, спасся с поля битвы в конце дня с немногими младшими офицерами, в том числе и тем, кто рассказал об этом, и несколькими евнухами из дворцовых служб и нашел себе убежище в двухэтажном крестьянском доме по соседству. Когда спутники Валента пытались перевязать его рану, дом был окружен готскими воинами. Когда готы стали пытаться разбить запертые двери, один или несколько младших офицеров из числа спутников Валента стали стрелять в нападавших из верхнего окна из лука и вынудили их отойти. Готы затем подожгли к дому дрова и подожгли его.

Дом горел; молодой кандидат решил попытать счастья и выбрал готов, прыгнув в окно. Никто из других людей в доме уже не вышел из огня: все они погибли. Юного офицера взяли в плен готы, которые пришли в ужас, узнав от него, что они только что подожгли живьем римского императора: они бы завоевали огромную славу среди своего народа, если бы захватили Валента живым. Кандидату позднее удалось спастись от варваров; он смог пробраться опять к римскому войску и рассказал свою историю (*Амм. XXXI, 13, 14–16*).

Разгром римлян при Адрианополе был сокрушительным ударом по престижу Рима. «По свидетельствам летописей, только битва при Кан-

нах была столь же кровопролитна, как эта», — говорит Аммиан, имея в виду поражение, нанесенное римлянам в Италии Ганнибалом за много лет до того (*Ант.* XXXI, 13, 19). Но хуже, чем позорное пятно поражения, были «невосполнимые потери», жаловался Аммиан, «которые так страшно дорого обошлись Римскому государству» (*Ант.* XXXI, 13, 11). Виной всему было плохое командование. Варварские народы как на Западе, так и на Востоке приободрились, услышав об этом столь красноречивом поражении, и возобновили свои свирепые набеги на римские провинции. Завоевание Италии теперь казалось вполне достижимым. Их уже манил и сам Рим.

Кто захотел бы и кто бы смог теперь спасти Римскую империю от падения?

401—403 годы н. э.

LXXIV

СТИЛИХОН СПАСАЕТ ИТАЛИЮ

Последняя надежда Рима

Ты, и ты один, Стилихон, отогнал тьму,
которая окружила нашу империю, и восстано-
вил ее славу.

Клавдиан. Готская война. 36—39

В середине зимы 401/402 года колонна римской кавалерии осторожно пробиралась через закованные снегом Швейцарские Альпы; заставляя их двигаться вперед только нетерпеливый молодой командир; самый старший по званию полководец Рима пытался спасти своего императора после того, как визиготы вторглись в Италию.

Флавию Стилихону было всего 36 лет. Однако, согласно поэту Клавдиану, который знал его, у Стилихона были «сверкающие седые волосы» (*Claud. TGW.* 58). Тяжелая ответственность командира заставила его преждевременно поседеть: на своих молодых плечах Стилихон нес командование всей римской армией на западе Римской империи как магистр обоих войск — пост, который раньше занимали два человека, носившие титул магистра пехоты и магистра конницы. Мать Стилихона была римлянкой, отец — вандалом из Скандинавии, который был трибуном римской кавалерии.

Подростком Стилихон начал карьеру в римской армии, быстро став выдающимся воином и исключительно уверенным в себе лидером, вдохновлявшим своих людей. Благодаря обоим этим качествам он быстро взлетел до ранга трибуна кавалерии. В 385 году в возрасте всего лишь 20 лет Стилихон был назначен императором Феодосием на пост комита domestikов (Comes Domesticorum) — комита, командовавшего отрядами телохранителей, императорской охраной, которая наследовала преторианской гвардии, отмененной Константином Великим. Кроме того, Феодосий отдал Стилихону руку своей любимой племянницы Серены. За два года до того, как Феодосий умер в 395 году, он сделал Стилихона магистром всех своих вооруженных сил на Западе и опекуном своего 10-летнего сына и наследника Гонория. Это фактически сделало Стилихона регентом Западной империи. Затем юный Гонорий женился на дочери Стилихона Марии.

Теперь перед Стилихоном стояло самое тяжкое испытание — он должен был спасти Италию от орд завоевателей. Визиготы, первоначально пришедшие с Украины, пересекли Дунай тридцатью годами раньше. После того как готы нанесли сокрушительное поражение армии императора Валента при Адрианополе в 378 году н. э., визиготы заняли Мёзию, сделав своей столицей Новы, ранее базу I Итальянского легиона. Через два года после кончины Феодосия в 395 году визиготы выбрали нового царя и вождя — 25-летнего Алариха, который раньше служил командиром готских вспомогательных подразделений в римской армии. С тех пор готы вторглись во Фракию, заняли всю Грецию и захватили у Рима Паннонию и Иллирик, заставив римских поселенцев бежать. Старший сын Феодосия, Аркадий, император Восточной Римской империи, утихомирил Алариха — видимо, взяткой, и в течение шести лет визиготы контролировали свою Балканскую империю у восточного края Италии, поддерживая при этом мир с римлянами.

Подходила к концу осень 401 года, и Аларих повел своих людей — мужчин, женщин и детей — по недавно построенной дороге, которая пересекала Юлиевы Альпы, и неожиданно вошел в Северо-Восточную Италию. Как и надеялся Аларих, ему удалось застать римлян полностью врасплох. Считалось, что визиготы заключили мир с римлянами; наступающая зима внушила жителям Италии ложное чувство безопасности — они думали, что никто не осмелится на вторжение в такое время года. В конце октября, как только о присутствии завоевателей в Северо-Восточной Италии стало известно, поспешно собранная римская армия встретила визиготов у Тимава, или реки Тимаво, к северо-

Стилихон стал командовать всеми войсками римлян на Западе при императоре Феодосии I (показан здесь на «миссории» Феодосия с отрядами телохранителей): он также выдал за Стилихона свою племянницу

западу от Триеста. В последовавшей битве римская армия была уничтожена, после чего силы Алариха беспрепятственно разошлись по всей Северной Италии на запад до самой Лигурии, захватывая фермы и деревни и осаждая поселения и города.

Одна римская община за другой падали под натиском завоевателей. Стены, укрепленные железом, могущественные оборонительные башни и железные ворота — ничто не могло сдержать готов. Ни одна ограда или палисад не могли вынести натиска визиготской кавалерии, говорил Клавдиан; ворота городов словно бы отворялись сами собой (*Claud. TGW. 213–216*). Народу Северной Италии остава-

лось только молиться о плохой погоде, которая могла бы принести дождь, чтобы реки разлились и помешали захватчикам добраться до их городов и деревень. Но и зимой и весной дождя не было, и люди жаловались, что, кажется, и сам солнечный свет против них (*Claud. TGW. 48*). Ничто не могло остановить готов: они были пресыщены добычей и захватили в плен десятки тысяч римских мирных жителей — некоторых для того, чтобы выкупить, некоторых — чтобы оставить себе в качестве рабов.

Рим уже не был резиденцией императоров. В Северо-Западной Италии юный император Гонорий сделал своей столицей Медиолан — сегодняшний город Милан — точно так же, как поступали его отец и множество императоров, предшествовавших ему в IV веке. Когда в Южной Италии узнали о том, что весь север захвачен, Рим и все другие города закрыли свои ворота и мобилизовали всех физически здоровых людей для обороны. Массивные деревянные стены, снабженные множеством деревянных сторожевых башен, были воздвигнуты вокруг дальних пригородов Рима — Клавдиан, который был в Риме и видел, как их строили, сказал, что архитектором стены был страх (*Claud. SCH. 533*). Тем не менее, в то время как многие усердно трудились в своих

приготовлениях к обороне Рима, богатые люди готовились к тому, чтобы эвакуировать свои семьи и ценные вещи на острова Сардинию и Корсику (*Claud. TGW. 218*).

При дворе Гонория в Милане поговаривали о том, чтобы сдать Рим завоевателям и перевести население города в Южную Галлию, на место слияния Соны и Роны, чтобы Лугдун стал новой столицей — новым Римом (*Claud. TGW. 296—300*). В самой Галлии, а также в Испании и Британии новость о вторжении визиготов породила быстро распространившийся слух о том, что Рим пал (*Claud. TGW. 201—204*). Между тем вестники императора были посланы с отчаянной миссией: найти Стилихона и попросить его вернуться в Италию немедленно, чтобы возглавить оборону.

Когда вести о вторжении достигли Стилихона, он находился в Винделикии — регионе, который охватывал отдельные области современных Швейцарии, Германии и Австрии. Он был занят подавлением восстания племен остроготов, которых поселили в Винделикии и Норике при мирном соглашении с Римом (*Warry. WCW*). Очевидно при подстрекательстве Алариха, варвары-поселенцы нарушили заключенные с ними договоры (*Claud. TGW. 364—366*). Как только Стилихон прибыл в Винделикию, несмотря на то что его сопровождало лишь незначительное количество римских войск, он вскоре подавил восстание. Его воины из Реции затем разграбили фермы остроготов по всей Винделикии и собрали «массу добычи» (*Claud. TGW. 415*).

Еще одно варварское племя поселилось на римской территории в Швейцарии по договору с предыдущим правительством. Это были аланы; говорили, что они готовы участвовать в мятеже или, по крайней мере, поддержали его. Некий царь аланов (его имени мы не знаем) заявил, что невино-

Печать Алариха. Избранный царем визиготов в возрасте 25 лет, Аларих поклялся никогда не снимать доспеха, покуда не пройдет по римскому Форуму, как завоеватель города

вен, и вызвался повести своих конных воинов на службе Стилихона. Поэтому Стилихон принял к себе аланов, «распределив их по своему войску, как было наиболее уместно», чтобы обеспечить, что он не возьмет слишком много аланов с собой в Италию: если их было бы слишком много, то они могли оказаться лишним грузом для страны или угрозой для самого Стилихона (*Claud. TGW.* 400–403). Вскоре у Стилихона будет много кровавых заданий для аланской кавалерии.

Чтобы побыстрее идти на юг, Стилихон использовал небольшую лодку, чтобы перебраться через «озеро» — видимо, озеро Комо, согласно Гиббону. Затем он присоединился к поджидавшей его колонне всадников, видимо состоявшей из аланов-добровольцев, для перехода через Альпы, которые считались «недоступными зимой» (*Claud. TGW.* 320–323). В то время, когда Стилихон поспешно направлялся в Италию, гонцы от молодого магистра обеих войск везли распоряжение командирам легионов по всей Западной Европе, чтобы они послали свои подразделения, дабы присоединиться к нему в Северной Италии так скоро, как только возможно.

Со своей стоянки в Кастре Регине (Регенсбург) в Реции III Италийский легион отправился, чтобы присоединиться к своему полководцу. Из Дальней Британии единственный остававшийся нетронутым на Британских островах легион — VI Победоносный поспешил из Эборака на побережье Кента, откуда его переправили в Галлию для похода на Италию. Это был тот самый легион, который, по словам Клавдиана, «должен был сдерживать свирепых скоттов и чьи люди видели странные узоры, нарисованные на лицах умирающих пиктов» (*Claud. TGW.* 416–418).

Из области Рейна пришли последние оставшиеся два легиона, охранявшие рейнскую границу. I легион Минервы оставил свою базу в Бонне, где он «держал в подчинении хаттов и свирепых херусков» еще с царствования Траяна. XXII легион Фортуны Перворожденной вышел из Могонциака, где он без перерыва оставался со дней Клавдия и где он недавно «встретил белокурых сигамбров». С уходом этих легионов, как говорит Клавдиан, Рейн защищало только одно — страх перед Римом (*Claud. TGW.* 421–424). Пока был жив Стилихон, одна слава о нем охраняла западный берег Рейна от атаки германцев, несмотря на то что лучшие пограничные отряды Рима ушли.

Дорога, которой Стилихон пошел через Альпы в Италию, была глабоко завалена снегом; люди нередко замерзали до смерти, пытались найти здесь путь зимой, или их уносили ледяные и снежные лавины, а телеги с волами падали с обледенелых троп в расщелины. Для пере-

хода Стилихона через горы не было вина и было очень мало провианта, и ту еду, что у них была, Стилихон и все его воины ели с мечом в руке, «отягощенные промоченным дождями плащом», перед тем как погнать дальше своего «полузамерзшего скакуна». Ночью Стилихон спал в пещерах или делил с альпийскими пастухами их хижину, используя свой щит вместо подушки (*Claud. TGW. 348–356*).

Несмотря на такие тяжелые условия, Стилихон и его эскорт пробивались сквозь горы и удачно пересекли Альпы. Как только они достигли подножия гор Северной Италии, Стилихон послал всадников скакать как можно быстрее с вестью народу Рима, советуя людям не отчаиваться, но терпеливо ждать поражения врага (*Claud. TGW. 268–269*). Он сам направился в Милан, который был забит римскими беженцами. В Милане и беженцы, и местные жители, «сбившись в кучу, как овцы», вынуждены были мрачно смотреть с городской стены, как визиготы Алариха жгут деревни и как пламя распространяется по всем полям вокруг города (*Claud. TGW. 45–47*).

Уже спускались сумерки, когда с одной из дворцовых башен города 17-летний император Гонорий наблюдал за тем печальным зрелищем, которое являли собой окрестности Милана. Город был окружен визиготами еще с февраля, но они не предпринимали никаких усилий к тому, чтобы штурмовать его; Аларих был убежден, что, не имея никакой надежды на спасение извне, мальчик-император вскоре будет вынужден пойти на соглашение с ним «на тех условиях, которые будут ему удобны» (*Claud. SCH. 448–449*). Клавдиан мог прямо процитировать слова Гонория об этой ночи. Ведущий поэт Рима в то время, он был близок Серене, жене Стилихона, так что, вероятно, император беседовал с ним об этих событиях. «Куда бы я ни смотрел, я видел сторожевые огни врага, пылавшие, как звезды», — вспоминал юный император (*Claud. SCH. 353–354*).

Где-то там, надеялся Гонорий, его тесть пытается добраться до него: ведь он рассчитывал, что Стилихон пробьется и снимет осаду с города (*Claud. SCH. 450–451*). «Однако враг удерживал дорогу между моим тестем и мною, — говорил Гонорий. — Что же должен был сделать Стилихон? Остановиться? То, в какой опасности я находился, не давало ему задержаться ни на минуту. Пробиваться через ряды врага? Его силы были слишком малы — спеша на помощь мне, он оставил за собой много войск, как наших, так и заграничных» (*Claud. SCH. 362–363*).

На самом деле Стилихон был совсем рядом. Спустившись с гор к востоку от реки Адда, его конная колонна пошла вдоль Адды к югу, по

направлению к Милану, не встречая никаких визиготских патрулей. Напротив самого Милана, где был переброшен мост через бушующие ледяные горные воды реки, Стилихон набрел на лагерь визиготов, который блокировал дорогу через мост. Из Милана, прямо за рекой, можно было слышать римские трубы, призывающие солдат из первой стражи на свои посты (*Claud. SCH.* 444—445). Стилихон решил не ждать, когда другие войска присоединятся к нему. Время не ждало. Наступала ночь; Стилихон и его эскорт кавалерии напали на визиготский лагерь у моста через Адду. Застав часовых врасплох, он проехал через лагерь «с мечом в руке, рубя всех, кто стоял у него на пути» (*Claud. SCH.* 488—489).

Часовые на башне главных ворот Милана немедленно узнали своего полководца, когда он и его маленький отряд тяжелой кавалерии скакали с моста с развевающимися знаменами-драконами. Высокий, стройный, с большими глазами, маленьким ртом, аккуратной бородкой и седыми волосами, подстриженный под пажа (это тогда вошло в моду), Стилихон был одет в богато расшитый кавалерийский плащ, достававший до колен; его шлем сверкал. Ворота поднялись, и Стилихон вошел в измученный город; войска в Милане бежали к нему. «Когорты настолько любили своего командира, что собрались отовсюду, и при виде Стилихона их отвага возродилась и из их глаз брызнули слезы радости» (*Claud. TGW.* 404—407).

Аларих, должно быть, был в бешенстве, когда узнал, что Стилихону удалось пробиться и соединиться с императором. Но проблемы Алариха только начинались. Новости о том, что римские подкрепления пересекают Коттские Альпы, из Галлии теперь достигли и Алариха, и Стилихона — скорее всего, практически одновременно. Используя основные военные дороги Галлии, легионы шли из Британии и с Рейна. VI Победоносный, I легион Минервы и XXII Фортуны Перворожденной, должно быть, соединились в Галлии и пошли на юг одной большой колонной, пройдя через Лугдун и Виенну по пути к Коттским Альпам. Тогда, в марте, когда весенняя оттепель сделала Альпы проходимыми для легионов с их тяжелым багажом, отряды пересекли горы и оказались в Турине в Северо-Восточной Италии. Отсюда идти до Милана оставалось лишь несколько дней — чтобы объединиться со Стилихоном и снять осаду.

Вожди визиготов начали беспокоиться, несмотря на все свои успехи в последние месяцы. Согласно Клавдиану, в лагере Алариха визиготские предводители устроили военный совет. Многие были пожилыми и использовали свои копыя вместо посохов. Большинство несли на

себе старые боевые шрамы, и все были длинноволосы и одеты в меха. Все знали, что Аларих намерен идти на юг и брать Рим. Когда его сделали царем своего народа шестью годами раньше, Аларих принес обет реке Дунай, которую он и его праотцы считали священной. Эта клятва была «никогда не развязывать свои нагрудные доспехи, пока он не пройдет с триумфом по римскому Форуму» (*Claud. TGW. 81–83*). Теперь Аларих твердо решил исполнить обет.

На встрече визиготского «сената» встал самый пожилой вождь племени. Как и он, самые пожилые визиготы участвовали в разгроме римской армии императора Валента под Адрианополем тридцать три года назад — когда Алариху было только 8 лет. Тот же самый вождь варваров дал Алариху его первый лук и стрелы, когда тот был еще мальчиком. В прошлом старый воин советовал Алариху соблюдать договор с Римом и сохранять мир. Теперь торжественно и серьезно он предупредил молодого царя, что он испытывает свою удачу и удачу своего народа гораздо дольше разумного.

Уже пришло время собрать добычу и идти домой, сказал старец визигот, пока приближающиеся к ним легионы еще далеко. Если ждать еще дольше, предупреждал он, то их народ окажется в Италии в ловушке. Взять Рим еще никому не удавалось; говорили, что в защиту города боги мечут громы и молнии с его стен. Безумием было даже думать об этом. Кроме того, он напомнил Алариху, что в не столь отдаленном прошлом римская армия под руководством Стилихона нанесла тяжкое поражение визиготам в Греции. «Если ты не боишься богов, — сказал старик, — то берегись могущества Стилихона» (*Claud. TGW. 469–515*).

Аларих пришел в бешенство. Он объявил старика трусом и напомнил другим вождям, что никогда еще не терпел поражения и никогда не отступал. Он намерен или завоевать Италию, или умереть здесь. Даже теперь, говорил он, итальянских кузнецов в занятых готами городах заставляют ковать оружие, которое визиготы смогут использовать против Стилихона и римских войск. Боги велели ему завоевать Италию, сказал Аларих, а велению Неба он перечить не будет; он не уйдет из Италии. Точно так же не желая бросать вызов своим богам, визиготские вожди на военном совете поддержали своего царя. Затем, «побуждая их к битве», Аларих «приготовил свою армию к тому, чтобы пойти [на запад]», чтобы встретить и победить близящиеся легионы (*Claud. TGW. 518–552*). В начале апреля Аларих сосредоточил свои силы в городе Полленция, сегодняшняя деревня Полленца. Полленция, расположенная на реке Танаро, стояла прямо на главной римской военной дороге, которая

вела из Турина в Асти, а затем — в Милан. Очевидно, Аларих предполагал перехватить и уничтожить римские подкрепления, которые шли из Галлии, перед тем, как они смогут добраться до Стилихона.

Как только визиготы сняли окружение с Милана, Стилихон смог выбраться из города и отправиться на запад в надежде соединиться с легионами, идущими из Галлии. Но он должен был сделать это до того, как визиготы нападут на колонну. Обращаясь к своим легионам в Милане перед выступлением, Стилихон сказал им, что настало время мстить. «Сотрите позор, который принесло вам окружение вашего императора врагами, и пусть ваши мечи окончат позор, который принесли Риму поражение у Тимава и переход врага через Альпы». Враги Рима смотрят, говорил он, — свирепые племена Британии, германцы за Рейном и варвары к северу от Дуная. «Само основание империи сотрясается. Поддержите его своими плечами. Одно сражение — и все будет хорошо. Лишь одна победа — и мир во всем мире будет обеспечен» (*Claud. TGW. 562–573*).

Послав прочесть такое же сообщение вспомогательным войскам, Стилихон дал своим приободрившимся войскам приказ готовиться к подходу. Теперь он послал Гонория с эскортом в Равенну на восточном берегу Италии, откуда молодой император смог бы спастись на корабле, если бы кампания пошла против римлян. Сам Стилихон объединил некоторые отряды легионеров и вспомогательных войск, охранявшие Милан, III Италийский легион, который к этому времени уже прибыл из Реции, и царя аланов с его кавалерией; накануне Пасхи «на полной скорости он повел вперед свою армию с боевым грохотом» — на юго-запад, по следам врага (*Claud. TGW. 560–561*).

Было 6 апреля, пасхальное воскресенье, когда Стилихон решил завязать битву с врагом. Может быть, визиготам казалось, что римляне-христиане не начнут сражаться в день такого важного религиозного праздника, но у Стилихона не было никаких предрассудков по поводу битвы на Пасху. Две армии построились на долине у огромного лагеря визиготов. Непонятно, смог ли Стилихон к тому времени объединиться с тремя легионами, которые пришли с запада, чтобы поддержать его, но это вполне вероятно, поскольку он взял на себя инициативу и выстроил свои войска у лагеря визиготов в боевом порядке. Построение Стилихона было стандартным — пехота в центре и кавалерия на флангах. Судя по его дальнейшей боевой тактике, он размещал большинство своих легионеров в переднем ряду, а вспомогательные войска за ними (*Claud. SCH. 220–221*).

Флавий Вегеций Ренат, старший советник императора Валентиниана II (за десять или чуть более лет до того), описал, как должны были быть расположены кавалерия и пехота в боевом строю в то время. Тяжелая кавалерия — воины, носившие доспехи с головы до ног и чьи лошади также несли на себе доспехи, стояли рядом с пехотой; их массивные копья выдавались намного вперед их строя — вместе с копейщиками, вооруженными четырьмя или пятью копьями. Легкая кавалерия — конные лучники и воины без доспехов — стояла на краях флангов. Задачей линии пехоты, как говорит Вегеций, было удерживать свои позиции и отразить или развалить атаку противника (*Vege.* III). Ролью тяжелой кавалерии было оставаться рядом с пехотой и защищать ее фланги. В то же самое время легкая кавалерия должна была скакать вперед, окружить фланги врага и привести их в беспорядок (*Vege.* III).

Стилихон поставил аланскую кавалерию в тылу в качестве резерва. Однако его кавалеристы должны были сыграть ключевую роль в боевой тактике: Стилихон собирался использовать их в маневре, предназначенном для того, чтобы взять Алариха в плен живым. На последнем военном совете римлян об этом плане рассказали и царю аланов: согласно Клавдиану, он был невелик ростом, но «велика была его душа, и гнев яростно сверкал в его глазах». Он был покрыт боевыми шрамами, и рана от копья оставила особенно страшный шрам у него на лице (*Claud.* TGW. 581—585). Уйдя с совета со Стилихоном, царь аланов уже точно знал, что он собирается делать, и решил, что не подведет римского полководца: он решил уничтожить обвинение в предательстве, возведенное на него, когда в прошлом году заговорили об участии аланов в восстании в Винделикии (*Claud.* TGW. 590—593). Тяжелая кавалерия аланов заняла позицию в тылу, возможно присоединившись к легиону, который Стилихон также разместил в резерве. Этот легион — как и все легионы того времени, — скорее всего, насчитывал в своих рядах чуть больше тысячи человек.

Notitia Dignitatum показывает, как в то время были экипированы легионы. Легионеры носили штаны и сапоги и были одеты в туники, которые у некоторых были белыми, а у некоторых красными. На иных были легкие кольчуги. Шлемы были похожи на шлемы современных пожарных. В то время как археологические находки из предшествующих столетий показывают, что римские шлемы были в то время подбиты войлоком, к IV веку у римских солдат вошло в обычай носить для удобства под шлемами коническую войлочную шапочку.

Оружие, которое было у легионеров Стилихона, — это пучок дротиков, меч (длиннее, чем старый меч типа гладиуса), кинжал и до трех боевых топоров различных видов: некоторые обоюдоострые, заткнутые за пояс. Щиты у них были деревянные, овальной формы, почти плоские; на них, как и раньше, была нарисована эмблема подразделения.

С другой стороны, Аларих развернул своих длинноволосых и бородастых пехотинцев-визиготов с копьями, мечами и деревянными щитами, которые иногда были овальными, иногда — продолговатыми. Мало кто из визиготов носил доспехи или шлемы. Кавалеристы Алариха также не имели доспехов и были экипированы копьями, щитами и мечами. Некоторые вожди, в том числе и сам Аларих, были в римских доспехах и шлеме. Когда визиготы стали выходить из лагеря и строиться, их жены и дети ждали в лагере, чтобы порадоваться добыче от еще одной долгожданной победы, в то время как тысячи закованных в цепи римских пленников в лагере молились за успех римлян.

Римские армии уже не нападали на врага так, как в дни Юлия Цезаря: тот ожесточенно критиковал решение Помпея Великого — велеть своим войскам удерживать позиции и ждать атаки Цезаря при Фарсале (48 н. э.). Как можно понять из Вегеция, во времена битвы при Полленции для легионов стало нормой стоять и принимать на себя атаку врага. Так что, должно быть, именно так и началась битва при Полленции: визиготы напали на стоявшую на месте римскую армию, и две боевые линии сцепились.

Вскоре римским войскам, сражавшимся в центре, пришлось нелегко. Когда легионеры «усталыми рядами» начали уже падать духом, Стилихон приказывал целым когортам выйти из сражения, бросая в бой ожидавшие своей очереди вспомогательные отряды во второй линии им на замену. Среди тех, кто сейчас начал сражаться с визиготами, были и готские вспомогательные войска. Поэт Клавдиан ликовал по поводу этой придумки Стилихона: «Так он хитро ослабил свирепые племена Дуная, ставя одно племя против другого». По мнению Клавдиана, это значило, что в любом случае ради Рима в битве будут погибать варвары (*Claud. SCH. 220–223*).

Битва уже продолжалась некоторое время, и римские и визиготские воины сошлись щит к щиту, и Стилихон, стоявший в тылу, заметил Алариха верхом на коне с мощной конной охраной, на противоположной стороне боевого поля. Именно тогда Стилихон велел проиграть особый сигнал трубы. Это был сигнал, которого ждали аланы. Под предводительством своего малорослого, но покрытого шрамами коро-

ля одетые в доспехи аланские кавалеристы дали шпор своим коням и поскакали с развевающимися по ветру знаменами в атаку из-за рядов римской армии, ворвавшись на фланг визиготской армии.

Увлеченные инерцией движения, застигшие врага врасплох, аланы пробились сквозь противостоявшего им врага к самому Алариху и его эскорту. Аланы были отчаянно близко к достижению своей цели, когда в своем энтузиазме их царь зашел слишком далеко от своих людей и его окружили готы, рубившие своими топорами. Перед глазами его людей царь упал с седла и его убили. Его смерть смутила подданных. Многие вовсе ушли из битвы. «Вся армия пошатнулась бы, если бы Стилихон быстро не собрал легион и, поспешив к этому месту, не собрал кавалерию в битву с поддержкой пехоты», — говорит Клавдиан (*Claud. TGW. 594—597*).

«Безрассудность вождя аланов испортила тщательно задуманный план», — писал Клавдиан о плане Стилихона захватить в плен своего врага. «Едва не плененный», Аларих смог вырваться и ускакать с поля боя (*Claud. SCH. 224—225*). Царь визиготов отправился обратно в свой лагерь. Здесь, собрав столько вьючных животных, сколько смог, он нагрузил их ценными вещами и затем бежал на восток со своей свитой. Тысячи визиготских воинов поступили так же, бросив своих супругов и детей. Войска Стилихона ворвались в лагерь, где взяли в плен гражданских визиготов и освободили из цепей целые толпы пленников-римлян, которые «осыпали благодарными поцелуями окровавленные руки своих освободителей и торопились назад в свои давно оставленные дома и к своим дорогим детям» (*Claud. TGW. 616—619*).

Визиготы надеялись, что задержка римских войск для грабежа добычи в их лагере задержит преследователей, ибо захватчики взяли с собой в Италию все, что имело ценность. Но, как говорит Клавдиан, большая часть римских войск начала преследование, игнорируя визиготские телеги, нагруженные золотом и серебром. Чтобы дальше замедлить преследование и спастись еще быстрее, визиготы бросали свои военные трофеи вдоль дороги у себя за спиной — все, от греческих кратеров до статуй в человеческий рост, украденных из Коринфа в Ахее перед тем, как этот прославленный греческий город был сожжен ордами Алариха. В отчаянии визиготские вожди бросали даже пурпурные одеяния, принадлежавшие римскому императору Валенту, которые они разграбили из его багажа при Адрианополе больше двадцати лет спустя. И ничто из этих вещей не соблазнило людей Стилихона (так говорит Клавдиан), ибо все они были связаны с поражениями Рима в прошлом и считались «зловещими» (*Claud. TGW. 613*).

После недель отступления Аларих смог перегруппировать некоторое количество своих людей и разбить лагерь у подножия Апеннинских гор в Центральной Италии. Стилихон все еще шел за ним, наблюдая за лагерьем визиготов, но не окружая его и расставив отряды везде, чтобы быть в курсе передвижений врага. Согласно Клавдиану, Аларих, выведенный из себя поражением при Полленции, первоначально планировал идти через Апеннины на Рим (*Claud. SCH.* 291—292). Но как только его юношеский гнев остыл, он решил найти дорогу через Альпы в Рецию или даже в Галлию. Однако каждый раз, когда его разведчики пытались пойти в том или другом направлении, они натыкались на римские патрули — как будто Стилихон читал мысли Алариха, — и им приходилось возвратиться назад (*Claud. SCH.* 231—241).

Италия изнывала от летнего зноя, и лишённые сена кони Алариха были вынуждены есть листья и кору деревьев. В лагере визиготов бушевала эпидемия. Свита Алариха бранила его: они жаловались, что утратили все свое мирское достояние и что их жены и дети стали пленниками римлян. Однако он переживал ту же утрату — попали в плен и собственная жена и дети Алариха, и было захвачено его богатство (*Claud. SCH.* 296—297). Воины уговаривали его снова сразиться с римлянами, но он не осмеливался опять выступить против Стилихона.

Целые отряды визиготской пехоты и эскадроны кавалерии, утратив веру в своего вожда, начали уходить от Алариха, переходя к Стилихону или отправившись в Паннонию. С ними ушли и некоторые из самых старших командиров. Аларих поскакал за дезертирами: он то проклинал их, то умолял остаться верными ему, напоминал им о прошлой славе, завоеванной совместно, и даже предлагал им убить его, но не уходить. Но они не обращали внимания на Алариха и скакали дальше (*Claud. SCH.* 250—255).

Клавдиан писал, что наконец, «когда Стилихон сильно надавил на него», Аларих «в ужасе бежал перед нашими орлами» (*Claud. SCH.* 320—321). Косвенные данные говорят о том, что Стилихон фактически договорился об уходе Алариха и его сильно поредевшего войска из Италии, может быть, даже заплатил ему некую сумму в золоте и, возможно, вернул жен и детей. Так или иначе, к концу лета с визиготской угрозой было покончено, и завоеватели Алариха оставили землю Италии.

Стилихон смог переправить Гонория через Апеннины в Рим, где приезде юного императора аплодировали восторженные толпы; ликующие крики звучали по всему дворцу, который стоял пустым и за-

брошенным на Палатинском холме столько лет. Последний раз, когда Гонорий был в Риме, он был ребенком. Многие сенаторы в Риме до этого дня только слышали его речи; сейчас «они хорошо узнают его», сказал Клавдиан (*Claud. SCH. 593–594*).

Однако истинная встреча героя была предназначена для Стилихона. Удовлетворившись тем, что Аларих по-настоящему оставил страну, и поставив свою пехоту охранять альпийские перевалы, Стилихон отправился на юг, в Рим со своей кавалерией. Миллионы языков распространили по Риму весть, что Стилихон идет со своей армией. Это для народа Рима стало верным доказательством того, что война с Аларихом окончена и что они спасены. Когда Гонорий и его придворные ринулись навстречу полководцу-победителю, чтобы приветствовать его и проводить его в город, люди толпились на городских стенах, чтобы увидеть его хоть мельком, узнавая его особенный шлем, «сверкающий, как звезда», и его «сияющие седые волосы» (*Claud. TGW. 458–459*).

Жители Рима вышли из городских ворот до самого Мульвиева моста, чтобы окружить своего героя. Они выкрикивали приветствия Стилихону и кричали свои поздравления «одетым в кольчугу» всадникам тяжелой кавалерии, которые скакали на «конях в медных доспехах» эскадронами за своим полководцем (*Claud. SCH. 569*). В этой толпе был и сам поэт Клавдиан, и он опять оказался в толпе в день Нового, 403 года, когда Гонорий въехал в Рим в колеснице, запряженной четырьмя лошадьми; рядом с ним был Стилихон: они праздновали триумф за победу над визиготами. За триумфальной процессией последовала охота на львов и военные игры, произведенные тысячей людей в забитом зрителями Большом цирке. Хотя это было лишь бледное подражание великим триумфам Помпея, Цезаря, Веспасиана и Траяна в прошедшие века, когда Рим поистине был славен и победоносен, по крайней мере в лице Стилихона у римлян был полководец, равный великим командирам прошлого.

В Риме царило облегчение и радость. «Навеки в прошлом наша жалкая, загнанная жизнь», — ликовал Клавдиан. Он говорил, что безопасность Рима уже не будет зависеть от призванных в армию крестьян, которые откладывают серп, пытаясь метнуть дротик. Стилихон стал спасителем города и империи. «Вот истинная сила Рима, вот его истинный вождь, сам Марс в человеческом облике» (*Claud. TGW. 463*).

Радость Клавдиана оказалась преждевременной. Через семь лет спустя Рим будет взят. Теми же самыми визиготами. Под командованием Алариха.

410 год н. э.

LXXV
ПАДЕНИЕ РИМА

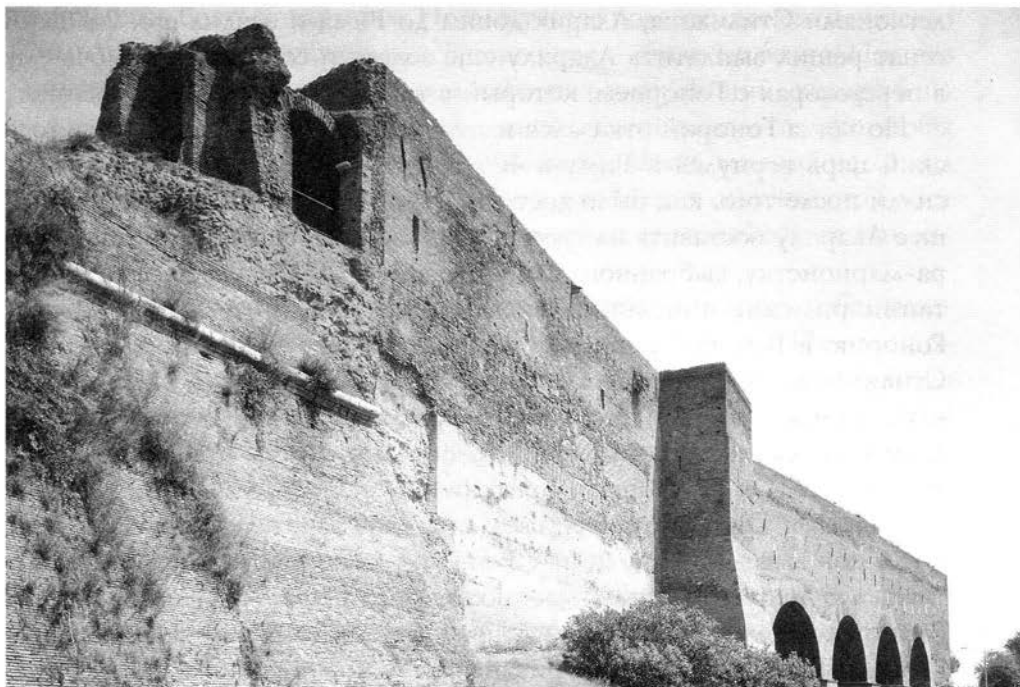
Аларих исполнил свой обет

Алариху было всего двадцать пять, когда его избрали царем визиготов в 395 году и он принес обет богу реки, который, как считали визиготы, обитал в Дунае, что не снимет своих доспехов, покуда не пройдет по римскому Форуму как завоеватель города (*Claud. TGW. 81—83*).

Три раза бывший командир готских вспомогательных войск в римской армии был близко к исполнению своего обета. В 401—402 годах он вел визиготскую армию, которая пронеслась по всей Северной Италии — только чтобы потерпеть поражение от рук молодого римского полководца Стилихона. Униженный в битве при Полленции весной 402 года н. э., Аларих был вынужден уйти из Италии, после чего Стилихон и его молодой император и зять Гонорий отпраздновали триумф.

В 403 году Аларих и его визиготы снова вторглись в Италию, и на сей раз Стилихон нанес Алариху поражение прежде, чем тот пересек реку По в битве при Вероне. Аларих — как и его удача — пережил это столкновение, и ему удалось выговорить себе возвращение в Паннонию. Два года спустя Гонорию, римскому императору Западной империи, пришлось гораздо больше беспокоиться об Аларихе. Мощная коалиция германцев под руководством остроготов под командованием Радагайса вышла из Реции и вторглась в Северную Италию. Опять спасти Италию выпало Стилихону: он напал на варваров, когда те осаждали город Флоренцию. Он отогнал завоевателей на север, отрезал их от поставок припасов и затем истребил их во Фьезоле. Радагайс был взят в плен Стилихоном и проведен в триумфе, который отпраздновал Гонорий в августе, после чего германский вождь был казнен.

Но в следующем году коалиция германцев-свевов, вандалов и разочаровавшихся аланов пересекла никем не защищенный Рейн и прошла через Галлию в Испанию, грабя все на своем пути. В 407 году Аларих повел своих визиготов в римскую провинцию Норик, потребовав 4 тысячи фунтов (1812 килограммов) золота за то, чтобы уйти. Стилихон уговорил недовольных римских сенаторов заплатить, и Аларих ушел со своим золотом. Но его отношения с Римом на этом не кончились.

К началу 408 года жена 23-летнего Гонория, Мария, дочь Стилихона, умерла. Затем Гонорий женился на младшей дочери Стилихона, Ферманции. Однако отношения между Гонорием и его тестем и бывшим опекуном начали портиться: пошли слухи, что Стилихон затеял заговор с целью посадить на трон своего сына Евхерия. Затем пришла новость о том, что брат Гонория, Аркадий, римский император Восточной империи, умер в Константинополе. Когда Стилихон предложил отправиться в Константинополь, чтобы заняться там улаживанием процесса передачи власти, его намерения стали вызывать еще больше подозрений, и снова возникли слухи о его планах по поводу сына. В августе по приказу Гонория Стилихон был арестован в Равенне. 23 августа Стилихона обезглавили. Его сын был казнен некоторое время спустя.

Массивная стена Аврелиана в Риме на помешала Алариху и его визиготам захватить город

Рим только что потерял своего последнего великого полководца — и свою последнюю надежду. И Аларих это знал. Он немедленно пошел со своими визиготами в Италию. С многочисленными вспомогательными войсками из варварских племен, перебежавших к нему из римской армии, и, видимо, легко разобравшись с лишенными командира

легионами Стилихона, Аларих дошел до Рима и осадил его. Римский сенат решил выплатить Алариху еще золота и согласился помочь ему в переговорах с Гонорием, который в то время пребывал в Равенне.

Но когда Гонорий отказался платить Алариху что-то еще, визиготский царь вернулся к Риму в 409 году и снова осадил город. Осаду сняли после того, как было достигнуто мирное соглашение, позволившее Алариху поставить на трон в Риме своего собственного императора-марионетку, выбранного им, — Аттала. В то же самое время в Британии римские чиновники писали отчаянные письма императору Гонорию в Равенну, умоляя его отправить обратно легион, который Стилихон забрал у них несколькими годами раньше, — VI Победоносный, наряду с любимыми другими римскими войсками, которые он только мог выделить для этой цели, ибо пикты и скотты прорвались через Адрианов вал и опустошали Британию.

В *Notitia Dignitatum* нет сведений о четырех легионах, которые Стилихон вывел из Британии, с Рейна и из Реции для того, чтобы сражаться с Аларихом. Вполне возможно, что после Полленции все эти соединения были практически уничтожены в ходе постоянных боев в Италии; Гонорий написал британским чиновникам с тем, что он не может дать им никакой надежды на военную помощь. Римские войска уже не будут посылаться в Британию: местные жители сами должны позаботиться о своей защите.

В 410 году Аларих снова подошел к Риму со своей армией — чтобы сместить Аттала, повернувшегося против него, и снова осадить город. 24 августа 410 года, почти что точно через два года после смерти Стилихона, визиготские агенты внутри Рима открыли городские ворота, и воины Алариха хлынули в город. Рим пал с печальной легкостью — и в течение трех дней визиготы грабили Вечный город.

Здания Рима были разграблены, некоторые подожжены. Неизвестно, что произошло с защитниками города, хотя в основном гражданское население не пострадало. Все золото и серебро, что некогда украшало город, — от статуи Победы с золотыми крыльями на здании сената и до золота и серебра, сверкавшего на колонне Траяна, и даже *milliarium aureum*, золотой колонны на Форуме, от которой, как говорят, подсчитывались все расстояния в римском мире, — все досталось завоевателям, которые, оказавшись в городе, Наверное, старательно переплавляли всю добычу для удобства перевозки.

После поражения Алариха при Полленции в 402 году римский поэт Клавдиан хвастался, что Стилихон-де спас Рим и что ему уже никогда

не придется бояться варваров. Но блестящее полководческое искусство Стилихона — как, впрочем, и все остальное — было не вечно. Под его могучей рукой Рим почувствовал себя как умирающий, который на вид испытал удивительное и неожиданное улучшение — только чтобы вскоре потерять сознание и умереть. Сам Клавдиан, видимо, не дожил до того дня в августе 410 года, когда визигот Аларих сдержал свой обет языческому богу и прошел по истоптанной мостовой Форума, как завоеватель Рима.

Лишь несколько недель спустя, когда Аларих вел свою победоносную армию (продолжая при этом грабить) через Южную Италию после захвата Рима, визиготский царь заболел в Косенции (сегодняшняя Козенца в Калабрии). В возрасте всего 40 лет он там умер. Легенда гласит, что Аларих погребен в русле реки Бузенто вместе со всей добычей из Рима.

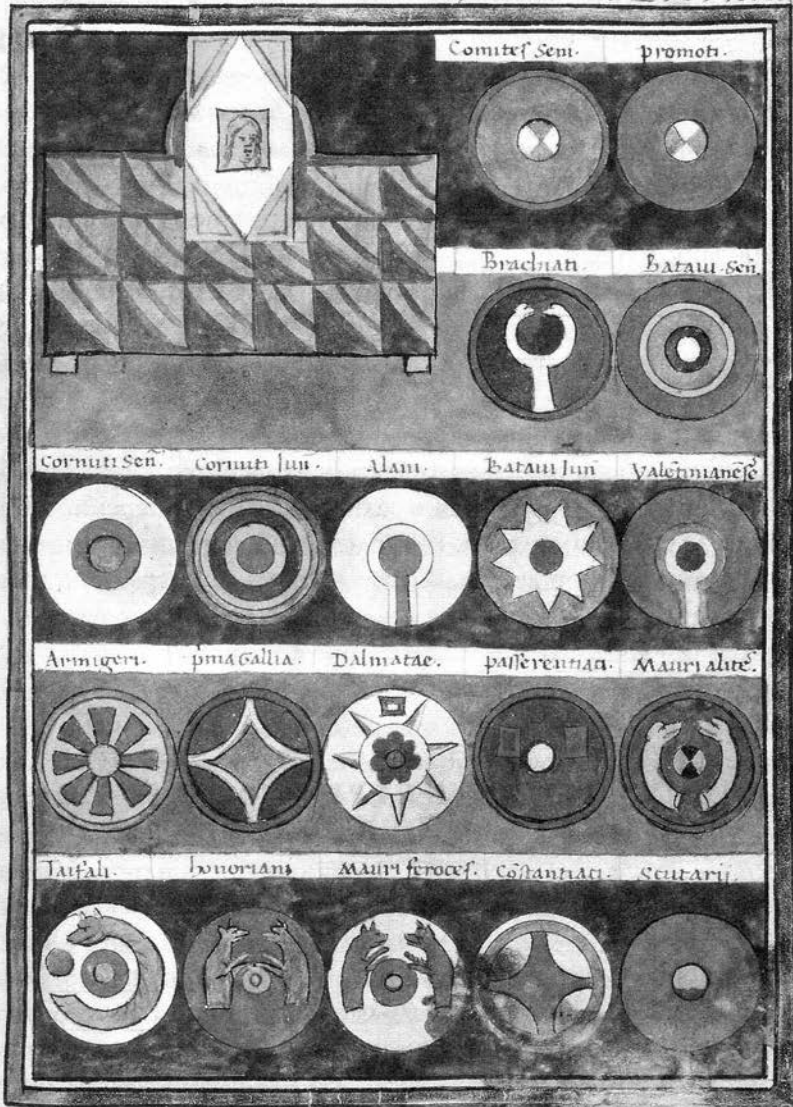
Аларих умер. Но он показал, что могучий Рим может пасть. Сорок пять лет спустя король вандалов Гейзерих вторгнется в Италию с юга, завоевав Северную Африку, и тоже захватит Рим. Имперские легионы Рима уже не были непобедимы. Господствовав над западным миром в I веке н. э., они с тех пор вели длинную битву и проигрывали, пытаясь удержать границы Рима. Легионы Рима и империя, которую они создали, перестали существовать.

LXXVI ПОЧЕМУ ЛЕГИОНЫ ПЕРЕЖИЛИ УПАДОК И ПЕРЕСТАЛИ СУЩЕСТВОВАТЬ?

Чем объяснить падение Рима?

Вегетий, пытаясь дать совет мальчику-императору Валентиниану II (царствовал в 371—392 годах) незадолго до того, как Рим пал под натиском варваров, жаловался, что римский воин в его дни стал слишком мягок. В царствование Грациана (367—383 н. э.), как говорил Вегетий, легионы просили позволения сложить оружие, поскольку оно было слишком тяжелым, а потом и свои шлемы (*Vege. MIR. I*). «Оружие всадников улучшилось по примеру готов и аланской и гуннской конницы», — говорил Вегетий, но «пехотинцы, как известно, остались незащищенными» (*Vege. I*). «Части войска и донныне носят название легионов», — говорил Вегетий императору, но «крепкая сила этих ле-

INSIGNIA VIRI ILLUSTRIS. MAGISTRI EQVITVM.

Страница из Notitia Dignitatum, где показаны эмблемы на щитах различных подразделений поздней империи. К тому времени, как была написана Notitia, римские войска жаловались на слишком тяжелую броню, шлемы и щиты и иногда сражались без них — а от этого им было только хуже

гионов уже надломлена». Он жаловался, что вакансии в легионах в его время уже не восполняются — неудивительно, принимая во внимание огромный недостаток в живой силе из-за бесконечных гражданских войн и поражений, нанесенных в эпоху Вегеция римским войскам завоевателями. Вегеций жаловался, что люди в легионах считают, что у них «более трудная военная служба, более тяжелое оружие, поздняя оплата за службу, более строгая дисциплина» (*Vege. II*).

С 212 года н. э., когда римское гражданство было предоставлено всем свободным людям, различие между легионами и вспомогательными войсками практически исчезло, и, чтобы избежать службы в легионах, как говорил Вегеций, молодые люди в его время записываются во вспомогательные войска, «где меньше трудностей и скорее получают награды» (*Vege. II*).

К концу IV века легионы Рима, которые римская молодежь когда-то считала блистательными, а враги Рима боялись, как страшных воинских подразделений, то и дело погибали в бесконечных войнах как на Востоке, так и на Западе. Но даже те, чьи легионы оказывались в меньшинстве и кто раньше уже терпел поражение от рук врага, могли превратиться в победителей под руководством хороших командиров: в последние годы существования Западной Римской империи это доказали и Юлиан, и Стилихон. Но в конце концов хорошие полководцы в Риме кончились — кончилось и время Рима.

Со времен Траяна Рим находился в упадке. Принимая во внимание то, сколько в Риме было плохих императоров, убийств и гражданских войн, самое замечательное в Римской империи — это то, что она просуществовала так долго, как ей удалось просуществовать. Это долголетие можно приписать только римским легионам. Несмотря на всех бездарных командиров и амбициозных претендентов на трон, такое учреждение, как имперский легион, тем не менее хорошо послужило Риму в течение более 400 лет.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Add — addition — дополнение
AE — L'Annee Epigraphique Paris
Alex. W — Александрийская война (Caesar, CW)
Amm. — *Аммиан Марцеллин*. History, and The Excerpts of Valesius by Anonymous
App. — *Appian*. Roman History
App. — appendix
Att. — *Cicero M.T.* Letters to Atticus
Arr. EAA — *Arrian*. Expedition Against the Alans
Arr. TH — *Арриан*. О тактике
A.V. — *Аврелий Виктор*. О цезарях
Berg. — *Berger P.C.* The Insignia of the Notitia Dignitatum
Birl. DRA — *Birley*. Documenting the Roman Army // The Commissioning of Equestrian Officers
Bon. B & B — *Bonet*. Bulls & Bullfighting
Caes. GW — *Цезарь*. Записки о галльской войне
Caes. CW — *Цезарь*. Записки о гражданской войне
Carc. — *Sarcopino*. Daily Life in Ancient Rome
CAS — Chester Archaeological Society. Table I
Cic. *Phil.* — *Цицерон*. Филиппики
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
Claud. OSC — *Клавдиан*. О консульстве Стилихона
Claud. SCH — *Клавдиан*. О шестом консульстве Гонория
Claud. TGW — *Клавдиан*. Война с готами
Cow. RL 58–69 — *Cowan*. Roman Legionary. 58 BC–AD 69
Dio — *Дион Кассий* (*Кассий Дион*). Римская история
Dus. — *Dusanic*. Documenting the Roman Army // The Imperial Propaganda of Significant Day-Dates
Eus. Chron. — *Евсевий Памфил*. Хроника
Eus. EH — *Евсевий Памфил*. Церковная история
Eus. LC — *Евсевий*. Жизнь Константина
Front. — *Фронтин*. Стратегемы
Gibb. — *Gibbon E.* The Decline and Fall of the Roman Empire
Guey J. — *Essai sur la Guerre Parthique de Trajan*
Herod. — *Геродиан*. История империи
Hold. DRA — *Holder*. Documenting the Roman Army // Auxiliary Deployment in the Reign of Hadrian
Hold. RAB — *Holder*. The Roman Army in Britain

- Horr.* — *Horrocks*. Secrets & Stories of the War. Foreword
ILS — *Inscriptiones Latinae Selectae*. H. Dessau. Berlin
Jos. JA — *Иосиф Флавий*. Иудейские древности
Jos. JW — *Иосиф Флавий*. Иудейская война
Kepp. CVSI — *Keppie*. Colonisation & Veteran Settlement in Italy 47–14 BC
Kepp. MRA — *Keppie*. The Making of the Roman Army
Livy — *Ливий*. История Рима
Not. Dig. — *Notitia Dignitatum*
Pelle. — *Pelletier A.* Histoire de Lyon
Petr. — *Петроний*. Сатирикон
Pl. El. NH — *Pliny the Elder*. Natural History
Pl. Y. L. — *Pliny the Younger*. Letters
Plut. — *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания
Polu. — *Полибий*. История
Res Gest. — *Август*. Деяния
Sen. L. — *Seneca*. Letters from a Stoic
Speid. — *Speidel M.P.* Riding for Caesar
Starr — *Starr C.G.* Navy Roman Imperial
Suet. — *Светоний*. Жизнь двенадцати цезарей
Tac. A — *Тацит*. Анналы
Tac. Agr. — *Тацит*. Агрикола
Tac. Germ. — *Тацит*. Германия
Tac. H — *Тацит*. История
Tom. DRA — *Tomlin*. Documenting the Roman Army // Documenting the Roman Army at Carlisle
Vale. — *Excerpta Valesiana*
Vege. — *Вегеций*. Краткое изложение военного дела
Velle. — *Веллей Патеркул*. Римская история
Vitr. — *Витрувий*. Об архитектуре
VWT — Таблички из Виндоланды
W & D — *Webster G. & Dudley D.R.* The Roman Invasion of Britain
Warry — *Warry J.* Warfare in the Classical World
Web. — *Webster G.* Roman Imperial Army
Wells — *Wells P.S.* The Day that Stopped Rome
Yadin — *Yadin Y.* Bar-Kokhba
Zos. — *Зосим*. Новая история

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги

- Abbott F.F., and A.C. Johnson.* Municipal Administration in the Roman Empire. Princeton, NJ: PUP, 1926.
- Ammianus Marcellinus.* History and The Excerpts of Valesius by Anonymous / J.C. Rolfe transl. Cambridge, MA, 1935.
- Appian.* Roman History / H. White transl. London: Loeb, 1913.
- Arrian.* Expedition against the Alans / J.G. DeVoto (ed). Chicago: Ares, 1993.
- Augustus.* Res Gestae Divi Augusti / F.W. Shipley transl. Cambridge, MA: HUP, 1924.
- Aurelius M.* Meditations / G. Long transl. Chicago: Encyclopaedia Britannica, 1952.
- Aurelius Victor S.* De Caesaribus. Liverpool: LUP, 1994.
- Azzaroli A.* An Early History of Horsemanship. London: Brill, 1985.
- Berger P.C.* The Insignia of the Notitia Dignitatum. New York: Garland, 1981.
- Birley A.R.* Marcus Aurelius. London: Eyre & Spottiswoode, 1966.
- Birley E.* Roman Britain and the Roman Army: Collected Papers. Kendal, UK: Wilson, 1953.
- Boardman J.D., Griffin J. and Murray O.* The Oxford History of the Classical World. Oxford: OUP, 1986.
- Bonet E.* Bulls & Bullfighting: History, techniques, spectacle. New York: Crown, 1970.
- Bouchie E.S.* Spain under the Roman Empire. Oxford: Blackwell, 1914.
- Bowman J.D. and Thomas A.K.* The Vindolanda Writing Tablets. Newcastle: Graham, 1973.
- Boyne W. and Jones S.* A Manual of Roman Coins. Chicago: Ammon Press, 1968.
- Brogen J.* Roman Gaul. London: Bell, 1953.
- Broughton T.R.S.* The Romanization of Africa Proconsularis. New York: Greenwood, 1968.
- Bryant A.* The Age of Elegance. London: Collins, 1954.
- Buchan J.* Augustus. London: Hodder & Soughton, 1937.
- Caesar J.* Commentaries on the Gallic & Civil Wars / W.A. M'Devitte and W.S. Bohn transl. London: Bell, 1890.
- Carcopino J.* Daily Life in Ancient Rome. London: Pelican, 1956.
- Cave W.* Lives, Acts, and Martyrdoms of the Holy Apostles. London: Hatchard, 1836.
- Chevalier R.* Roman Roads / N.H. Field transl. London: Batsford, 1976.

- Church A.J.* Roman Life in the Days of Cicero. London: Seeley, 1923.
- Cicero M.T.* Letters to Atticus / O.E. Winstedt transl. Cambridge, MA: HUP, 1912.
- Claudian.* On Stilicho's Consulship: Panegyric on the Sixth consulship of Honorius: The Gothic War. Cambridge, AM: HUP, 1922.
- Colledge M.A.R.* The Parthians. Leiden: Brill, 1986.
- Collingwood R.C.* Roman Britain. Oxford: OUP, 1932.
- Cottrell L.* Enemy of Rome. London: Pan, 1962.
- Cottrell L.* The Great Invasion. London: Evans, 1958.
- Cowan R.* Roman Legionary 58 BC—AD 69. Botley, UK: Osprey, 2003.
- Cowan R.* Roman Legionary AD 161—284. Botley, UK: Osprey, 2003.
- Cowell F.R.* Cicero and the Roman Republic. London: Penguin, 1956.
- Croft P.* Roman Mythology. London: Octopus, 1974.
- Cunliffe B.* Rome and Her Empire. Maidenhead, UK: McGraw-Hill, 1978.
- Cunliffe B.* The Celtic World. London: Bodley Head, 1979.
- Cunliffe B.* The Roman Baths at Bath. Bath: BAT, 1993.
- Dando-Collins S.* Blood of the Caesars: How the Murder of Germanicus Led to the Fall of Rome. Hoboken, NJ: Wiley, 2008.
- Dando-Collins S.* Caesar's Legion: The Epic Saga of Julius Caesar's Elite Tenth Legion & the Armies of Rome. Hoboken, NJ: Wiley, 2002.
- Dando-Collins S.* Cleopatra's Kidnappers: How Caesar's Sixth Legion Gave Egypt to Rome and Rome to Caesar. Hoboken, NJ: Wiley, 2006.
- Dando-Collins S.* Mark Anthony's Heroes: How the Third Gallica Legion Saved an Apostle & Created an Emperor. Hoboken, NJ: Wiley, 2007.
- Dando-Collins S.* Nero's Killing Machine: The True Story of Rome's Remarkable Fourteenth Legion. Hoboken, NJ: Wiley, 2005.
- Delbruck H.* History of the Art of War / J. Walter Renfroe Jr transl. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1990.
- Depuy R.E. and T.N.* The Encyclopaedia of Military History, From 3500 BC to the Present. London: MBS, 1970.
- Dio C.* Roman History / E. Cary transl. Cambridge, MA: HUP, 1914.
- Duff J.D.* Lucan. Cambridge, MA: HUP, 1977.
- Emile T.* Roman Life under the Caesars. New York: Putnam, 1908.
- Eusebius Pamphilius.* Church History: Life of Constantine: Oration in Praise of Constantine. Cambridge, UK: Hayes, 1683.
- Forestier A.* The Roman Soldier. London: Black, 1928.
- Frank T. (ed.).* An Economic Survey of Ancient Rome. New Jersey: Pageant, 1959.
- Frere S.S.* Britannia, a History of Roman Britain. London: Routledge & Kegan Paul, 1987.
- Frontinus S.J.* Stratagems and The Aqueducts of Rome / C.E. Bennet transl. Cambridge, MA: HUP, 1969.
- Fuller J.* Julius Caesar: Man, Soldier and Tyrant. London: Eyre & Spottiswoode, 1965.
- Furmeaux R.* The Roman Siege of Jerusalem. London: Hart-Davis, 1973.
- Gardner J.F.* Family & Familia in Roman Law & Life. Oxford: OUP, 1998.
- Gibbon E.* The Decline and Fall of the Roman Empire. Chicago: Encyclopaedia Britannica, 1932.
- Goldsworthy A.* Roman Warfare. London: Cassell, 2000.
- Goldsworthy A.* The Complete Roman Army. London: Thames & Hudson, 2003.

- Grant M.* History of Rome. Harmondsworth: Penguin, 1978.
- Grant M.* Julius Caesar. Harmondsworth: Penguin, 1969.
- Grant M.* Roman History from Coins. New York: Barnes & Noble, 1995.
- Grant M.* The Army of the Caesars. Harmondsworth: Penguin, 1974.
- Grant M.* The Jews of the Roman World. Harmondsworth: Penguin, 1973.
- Grant M.* The Roman Emperors. Harmondsworth: Penguin, 1985.
- Haywood R.M.* Ancient Greece and the Near East. London: Vision, 1964.
- Haywood R.M.* Ancient Rome. London: Vision, 1967.
- Herodian.* History of the Empire. Harward: HUP, 1995.
- Highbet G.* Juvenal the Satirist. Oxford: Clarendon, 1954.
- Hill W.T.* Buried London. London: Phoenix, 1955.
- Holy Bible: Acts of the Apostles.* King James version.
- Home G.C.* Roman London. London: Eyre & Spottiswoode, 1948.
- Jimenez R.* Caesar against the Celts. Conshohocken, PA: Sarpedon, 1996.
- Jones A.H.M.* Augustus. New York: W.W. Norton, 1972.
- Josephus F.* The New Complete Works / W. Whiston transl. 1737. Republished Grand Rapids, MI: Kregel, 1999.
- Keppie L.* Colonisation & Veteran Settlement in Italy, 47–14 BC. London: BSR, 1983.
- Keppie L.* Roman Inscribed & Sculpted Stones in the Hunterian Museum University of Glasgow. London: SPRS, 1999.
- Keppie L.* The Making of the Roman Army: From Republic to Empire. New Uork: Barnes & Noble, 1984.
- Ker W.C.A.* Martial. London: Loeb, 1919–1920.
- Laking G.F.* A Record of European Armour & Arms Through Seven Centuries. New York: AMS, 1934.
- Leach J.* Pompey the Great. New York: Croom Helm, 1978.
- Livy.* The War With Hannibal / E. de Selincourt transl. Harmondsworth: Penguin, 1965.
- MacMullen R.* Soldier and Civilian in the Later Roman Empire. Cambridge, MA: HUP, 1967.
- Margary I.D.* Roman Roads in Britain, London: Phoenix, 1957.
- Marsden E.W.* Greek and Roman Artillery. Oxford: OUP, 1969.
- Mattingly H.* Roman Coins from the Earliest Times to the Fall of the Western Empire. London: Methuen, 1927.
- Merrifield R.* London: City of the Romans. London: Batsford, 1983.
- Mommsen T.* The History of Rome / D.A. Saunders and J.H. Collins (ed.). Clinton, MA: Meridian, 1958.
- Mommsen T.* The Provinces of the Roman Empire / T.R.S. Broughton (ed.). Chicago: UoC, 1968.
- Mothersole J.* In Roman Scotland. London: Lane, 1927.
- Naphtali L.* Life in Egypt under Roman Rule. Oxford: Clarendon, 1983.
- Parker H.D.M.* The Roman Legions. New York: Barnes & Noble, 1958.
- Payne-Gallwey R.* The Crossbow. Mediaeval and Modern. With a Treatise on the Ballista and Catapults of the Ancients (1903). Reprinted London: Holland, 1995.
- Pelletier A.* Histoire de Lyon: de la capital des Gaules à la métropole Européenne. Lyon: Editions Lyonnaises, 2004.
- Petronius Arbiter G.* The Satyricon / M. Heseltine transl. London: Loeb, 1913.

- Philo Judaeus*. The Works of Philo / C.D. Yonge transl. Peabody, MA: Hendrickson, 1993.
- Plato*. The Dialogues / B. Jowlett transl. Chicago: Encyclopaedia Britannica, 1952.
- Pliny the Elder*. Natural History / H. Rackman transl. London: Loeb, 1938–1963.
- Pliny the Younger*. Letters / W. Melmoth transl. London: Loeb, 1915.
- Plutarch*. The Lives of the Noble Grecians & Romans / J. Dryden transl. 1683–1686. Republished. Chicago: Encyclopaedia Britannica, 1952.
- Polybius*. The Histories of Polybius / P. Holland transl. 1606. Republished New York: LEC, 1963.
- Raven S.* Rome in Africa. London: Longman, 1969.
- Robertson D.S.* Greek and Roman Architecture. Cambridge: CUP, 1943.
- Robinson H.R.* The Armour of Imperial Rome. Oxford: OUP, 1975.
- Rossi L.* Trajan's Column and the Dacian Wars. London: Thames & Hudson, 1974.
- Rostovtzeff M. I.* The Social and Economic History of the Roman Empire. New York: Biblio & Tannen, 1957.
- Salway P.* Roman Britain. Oxford: OUP, 1981.
- Seager R.* Tiberius. London: Eyre Methuen, 1972.
- Seneca*. Letters from a Stoic / R. Campbell transl. Harmondsworth: Penguin, 1969.
- Sherwin-White A.N.* The Roman Citizenship. Oxford: OUP, 1939.
- Simkins M.* Warriors of Rome. London: Blandford, 1988.
- Smith F.E.* Waterloo. London: Pan, 1970.
- Speidel M.P.* Riding for Caesar: The Roman Emperors' Horse Guards. Cambridge, MA: HUP, 1994.
- Starr C.G.* Roman Imperial Navy. 31 BC–AD 324. NJ: Westport, 1975.
- Statius*. Collected Works / J.H. Mozley transl. Cambridge, MA: Loeb, 1928.
- Strabo*. The Geography of Strabo / H.L. Jones transl. Cambridge, MA: Loeb, 1924.
- Sulimirski T.* The Sarmatians. New York: Praeger, 1970.
- Syme R.* Ammianus and the Historia Augusta. Oxford: OUP, 1968.
- Syme R.* History in Ovid. Oxford: OUP, 1979.
- Tacitus P.C.* The Agricola; The Germania / H. Mattingly transl. London: Penguin, 1948.
- Tacitus P.C.* The Annals; The Histories. Chicago: Encyclopaedia Britannica, 1952.
- Todd M.* The Early Germans, Oxford: Blackwell, 1992.
- Todd M.* The Northern Barbarians, 1000 BC–AD 300. New York, Blackwell, 1987.
- Trench C.C.* A History of Horsemanship. New York: Doubleday, 1970.
- Valerius Maximus*. Memorable Deeds and Sayings: One Thousand Tales from Ancient Rome / H.J. Walker transl. Indianapolis, IN: 2004.
- Vegitius*. The Military Institutions of the Romans / J. Clark, transl. Harrisburg, Penn.: 1944.
- Velleius Paterculus*. Compendium of Roman History / F.W. Shipley transl. Cambridge, MA: HUP, 1924.
- Vernam G.R.* Man on Horseback. New York: Doubleday, 1964.
- Vitruvius*. On Architecture / F. Granger transl. Cambridge, MA: HUP, 1934.
- Waldeck C.* Secrets and Stories of the War. London: Reader's Digest Assoc. 1963.
- Wallace L.* Ben Hur. London: Ward, Lock, 1980.
- Warmington, E.H.* Nero. Harmondsworth: Penguin, 1969.
- Warry J.* Warfare in the Classical World. London: Salamander, 1989.
- Watson G.R.* The Roman Soldier. Ithaca, NY: Cornell UP, 1969.

- Webster G.* The Imperial Roman Army of the First & Second Centuries. London: Black, 1979.
- Webster G. and Dudley D.R.* The Rebellion of Boudicca. New York: Barnes & Noble, 1962.
- Webster G. and Dudley D.R.* The Roman Conquest of Britain. London: Pan, 1973.
- Weigall A.* Nero, Emperor of Rome. London: Butterworth, 1930.
- Wells P.S.* The Battle that Stopped Rome: Emperor Augustus, Arminius, & the Slaughter of the Legions on the Teutoburg Forest. New York: Norton, 2003.
- Wheeler R.M.* Rome Beyond the Imperial Frontiers. London: Bell, 1954.
- White K.D.* Greek and Roman Technology. Ithaca, NY: Cornell UP, 1983.
- Wightman E.M.* Roman Trier and the Treveri. New York: Praeger, 1970.
- Wilkes J.J. (ed.).* Documenting the Roman Army. London: ICS, 2003.
- Wiseman F.J.* Roman Spain. New York: Bell, 1956.
- Yadin Y.* Bar-Kokhba: The Rediscovery of the Legendary Hero of the Last Jewish Revolt Against Imperial Rome. London: Weidenfield & Nicolson, 1971.
- Yadin Y.* Masada: Herod's Fortress & the Zealots' Last Stand. New York: Grosset & Dunlap, 1966.
- Zosimus.* Historia Nova. Oxford: Hindmarsh, 1964.

Статьи в газетах и журналах

- Guey J.* Essai sur la Guerre Parthique de Trajan (114–117) // *Bibliothèque D'«Istos»*, II (1987). P. 157.
- Gurling R.* A Cemetery of Secrets // *Sunday Times*, 26 March 2006.
- Salmon E.T.* Trajan's Conquest of Dacia // *Transactions & Proceedings of the American Philological Assoc.* Vol. 67 (1936). P. 83–105.
- Southern P.* The Numeri of the Roman Imperial Army // *Britannia.* Vol. 20 (1989). P. 81–140.
- Speidel M.P.* Raising New Units for the Late Roman Army: Auxilia Palatina // *Dumbarton Oaks Papers (Harvard University).* Vol. 50 (1996). P. 163–167.

Отчеты

York Archaeological Trust Annual Report 2005–2006.

Другое

Chester Archaeological Society. Table I, Recruitment to Legions II Adiutrix and XX Valeria Victrix in Britain // <http://chesterarchaeolsoc.org.uk>

ИСТОЧНИКИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. Ю.А. Кулаковского, А. Сонни. СПб., 1994.

Аппиан. Римские войны. СПб., 1994.

Геродиан. История императорской власти после Марка в восьми книгах. СПб., 1995.

Греческие полиоркетики. Флавий Вегеций Ренат. СПб., 1996.

Деяния божественного Августа // Шифман И.Ш. Цезарь Август. Л., 1990. С. 189–199.

Кассий Дион Коккейан. Римская история. Кн. LXIV–LXXX / Пер. с древнегреческого под ред. А.В. Махлаюка. Комментар. и статья А.В. Махлаюка. СПб., 2011.

Евсевий Памфил. Жизнь Константина. М., 1998.

Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993.

Иосиф Флавий. Иудейская война. Минск, 1991.

Малые римские историки: Веллей Патеркул. Римская история; Аней Флор. Две книги римских войн; Луций Ампелий. Памятная книжица / Изд. подгот. А.И. Немировский. М., 1996.

Перевалов С.М. Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов. М., 2010.

Плиний Младший. Письма Плиния Младшего. Кн. I–X / Изд. подгот. М.Е. Сергеенко, А.И. Доватур. Изд. 2-е. М., 1982.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. / Изд. подгот. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1994.

Римская сатира / Сост. и научная подготовка текста М. Гаспарова. М., 1989.

Секст Юлий Фронтин. Военные хитрости (Стратегемы). СПб., 1996.

Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. д. ист. н. С.А. Утченко. М., 1962.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	8
---------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЛЮДИ

i	Как все началось.....	14
ii	Они сражались за Августа.....	17
iii	Прием на службу и увольнение в запас.....	19
iv	Особые обязанности.....	21
v	Дисциплина и наказания.....	22
vi	Зарплата легионера.....	23
vii	Сравнительная покупательная способность зарплаты легионера (I—II века н. э.).....	25
viii	Воинские отличия и награды.....	26
ix	Униформа и экипировка легионера.....	28
x	Оружие легионера.....	32
xi	Боевая подготовка легионера.....	35
xii	Паек и питание легионера.....	36
xiii	Увольнительная и плата за нее.....	37
xiv	Музыканты в легионе.....	39
xv	Знаменосец, тессерарий и опцион.....	40
xvi	Декурион.....	40
xvii	Центурион.....	41
xviii	Префект лагеря.....	43
xix	Трибуны.....	43
xx	Префект.....	47
xxi	Квестор.....	48
xxii	Легат.....	48
xxiii	Претор.....	50
xxiv	Знаки отличия старших офицеров.....	50
xxv	Старшие офицеры поздней империи.....	51

xxvi	Вспомогательные войска (ауксилиарии).....	53
xxvii	Римские имена у солдат вспомогательных войск и моряков.....	58
xxviii	Numeri	60
xxix	Морские пехотинцы и моряки.....	60

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ЛЕГИОН

i	Организация легиона.....	64
ii	Формула нумерации легионов Лоренса Кеппи.....	65
iii	Лагерь легиона.....	69
iv	Пароли и музыкальные сигналы.....	73
v	На марше.....	74
vi	Обоз и гражданские лица.....	75
vii	Артиллерия и осадное оборудование.....	76
viii	Знамена легионов, преторианской гвардии и вспомогательных войск.....	79
ix	Знамя (вексил).....	81
x	Дгасо, или штандарт-дракон.....	81
xi	Штандарт командира.....	82
xii	Эмблемы и знаки зодиака легионов.....	83
xiii	Триумф.....	87
xiv	История отдельных подразделений.....	91
xv	Телохранители императора.....	218
xvi	Легионы поздней империи.....	220
xvii	Кавалерия.....	222
xviii	Кавалерийские маневры.....	224
xix	Кавалерия поздней империи.....	225
xx	Верблюды и боевые слоны.....	226
xxi	Эвокаты.....	228
xxii	Императорский дворец.....	228

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ СРАЖЕНИЯ

i	Скифы разбиты наголову.....	232
ii	Кантабрийская война.....	236
iii	Рим вторгается в Эфиопию.....	240
iv	2-я Кантабрийская война.....	242

v	V легион Жаворонков теряет своего орла.....	243
vi	Завоевание Реции.....	245
vii	У Алтаря мира.....	247
viii	Паннонская война.....	249
ix	Катастрофа Вара.....	257
x	Борьба у форта Ализон.....	275
xi	Вторжение в Германию.....	280
xii	Битва при Длинных Мостах.....	284
xiii	Битва при Идиставизо.....	289
xiv	Битва у насыпи ангривариев.....	293
xv	Восстание Такфарината.....	295
xvi	Мятеж Скрибониана.....	307
xvii	Вторжение в Британию.....	310
xviii	1-я Армянская кампания Корбулона.....	322
xix	Мятеж в Иерусалиме.....	325
xx	Восстание Боудикки в Британии.....	328
xxi	2-я Армянская кампания Корбулона.....	340
xxii	1-е Иудейское восстание.....	343
xxiii	За дело берется Веспасиан.....	346
xxiv	Битва с роксоланами.....	348
xxv	Год четырех императоров.....	350
xxvi	Восстание Цивилиса.....	353
xxvii	Потеря Рейна.....	366
xxviii	Ответ Рима на Рейне.....	370
xxix	Битва при Ригодуне.....	374
xxx	Битва при Трире.....	377
xxxi	Битва при Старых лагерях.....	379
xxxii	Осада Иерусалима.....	383
xxxiii	Махер и Масада.....	386
xxxiv	Железный VI захватывает Коммагену.....	388
xxxv	Война с хаттами.....	390
xxxvi	Битва при горе Гравний.....	393
xxxvii	Завоеватель Децебал.....	404
xxxviii	Мятеж Сатурнина.....	407
xxxix	Отступление из Дакии.....	409
xl	1-я Дакийская война.....	411
xli	Завоевание Дакии.....	423
xlii	Между двумя Дакийскими войнами.....	430
xliiii	2-я Дакийская война.....	433
xliv	Траян завоевывает Аравию.....	441
xlv	Парфянская война Траяна.....	446
xlvi	Исчезновение IX легиона.....	456

XLVII	2-е Иудейское восстание.....	464
XLVIII	Арриан против аланов.....	475
XLIX	Уничтоженный легион.....	486
L	Парфянская война Луция Кассия.....	488
LI	Войны Марка Аврелия на Дунае.....	492
LII	Громовой XII.....	497
LIII	Кровь на льду.....	501
LIV	Вызов, брошенный трону Марка Аврелия.....	503
LV	Последние походы Марка Аврелия.....	504
LVI	Север против Нигера.....	507
LVII	Битва при Лугдуне.....	512
LVIII	Парфянская война Севера.....	517
LIX	Вторжение Севера в Шотландию.....	522
LX	Казни в Йорке.....	524
LXI	Убить Каракаллу.....	527
LXII	Макрин против Гелиогабала.....	530
LXIII	За и против Максимиана.....	536
LXIV	Плен Валериана.....	539
LXV	Пальмирские войны.....	541
LXVI	Константин сражается за трон.....	543
LXVII	Битва у Мульвиева моста.....	551
LXVIII	Константин против Лициния.....	559
LXIX	Юлиан против германцев.....	566
LXX	Битва при Аргенторате.....	570
LXXI	Пережить осаду Амиды.....	577
LXXII	Потеря Месопотамии.....	596
LXXIII	Битва при Адрианополе.....	600
LXXIV	Стилихон спасает Италию.....	608
LXXV	Падение Рима.....	622
LXXVI	Почему легионы пережили упадок и перестали существовать?.....	625
Список сокращений.....		628
Библиография.....		630
Источники на русском языке.....		635

Дандо-Коллинз Стивен
ЛЕГИОНЫ РИМА
Полная история всех легионов
Римской империи

Ответственный редактор *Е.А. Шведова*
Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректор *М.Г. Смирнова*

Подписано в печать 27.07.2015.
Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Лазурского».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 52,0.
Уч.-изд. л. 40,01 + вклейка = 41,37.
Тираж 2 000 экз. Заказ № 10026.

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTROPOLIGRAF.RU

Отпечатано в типографии «ТДДС-Столица 8»
111024, г. Москва, ш. Энтузиастов, д. 11а, корп. 1

СТИВЕН
ДАНДО-КОЛЛИНЗ

ЛЕГИОНЫ РИМА

ИЗВЕСТНЫЙ АВСТРАЛИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ДАНДО-КОЛЛИНЗ, АВТОР МНОГИХ КНИГ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОСТИ, ПОСВЯТИЛ СВОЙ НОВЫЙ ТРУД ИМПЕРСКИМ ЛЕГИОНАМ РИМА. ПРОДЕЛАВ КОЛОССАЛЬНУЮ РАБОТУ, ОН СОБРАЛ И СИСТЕМАТИЗИРОВАЛ СВЕДЕНИЯ ОБО ВСЕХ ЛЕГИОНАХ РИМА НАЧИНАЯ С МОМЕНТА СОЗДАНИЯ КАЖДОГО ИЗ НИХ, ПРОСЛЕДИЛ ИХ БОЕВОЙ ПУТЬ, ОТМЕЧАЯ УСПЕХИ И ПОРАЖЕНИЯ В БИТВАХ. АВТОР ВНИМАТЕЛЬНО РАССМОТРЕЛ УСЛОВИЯ ОТБОРА И МЕТОДЫ ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ ЛЕГИОНЕРОВ, ОПИСАЛ ИХ ВООРУЖЕНИЕ, ЭКИПИРОВКУ, ВОИНСКИЕ ОТЛИЧИЯ, НАГРАДЫ, СИСТЕМУ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ, ОСОБЕННОСТИ ДИСЦИПЛИНЫ И НАКАЗАНИЙ. ДЕТАЛЬНО ИЗУЧИВ СТРУКТУРУ, СТРАТЕГИЮ И ТАКТИКУ ВЕДЕНИЯ БОЯ ЛЕГИОНОВ, ДАНДО-КОЛЛИНЗ ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ УДЕЛИЛ СРАЖЕНИЯМ И ЗАВОЕВАНИЯМ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ, А ТАКЖЕ ПРЕДСТАВИЛ ПОРТРЕТЫ ВЕЛИКИХ ИМПЕРАТОРОВ И ПОЛКОВОДЦЕВ. В ЗАКЛЮЧЕНИЕ АВТОР ОТМЕЧАЕТ, ЧТО ДО СЕГО ДНЯ ЛЕГИОНЫ ОСТАЮТСЯ НАИБОЛЕЕ ВЫДАЮЩИМСЯ ПРИМЕРОМ ТОГО, КАК ТЩАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, СТРОГАЯ ДИСЦИПЛИНА И ВОДХНОВЛЯЮЩЕЕ РУКОВОДСТВО МОГУТ СДЕЛАТЬ ИЗ ГРУППЫ ЛЮДЕЙ КОМАНДУ ПОБЕДИТЕЛЕЙ.

ЦЕНТРОЛИГРАФ

ISBN 978-5-227-06185-0

9 785227 061850

